Философия России первой половины XX века

Русский марксизм

Георгий Валентинович Плеханов

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
первой половины XX века

Редакционный совет:

В. С. Стёпин *(председатель)*
А. А. Гусейнов
В. А. Лекторский
Б. И. Пружинин
А. К. Сорокин
В. И. Толстых
П. Г. Щедровицкий

Главный редактор серии Б. И. Пружинин

РОССПЭН
Москва
2013

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
первой половины XX века

Русский марксизм

Георгий Валентинович Плеханов
Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Под редакцией
А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина

РОССПЭН
Москва
2013

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6
Р89

Издание стало возможным благодаря финансовой поддержке Фонда Олега Дерипаска «Вольное Дело»

Точка зрения авторов издания может не совпадать с точкой зрения фонда

Р89 **Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин)** / под ред. А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 591 с. : ил. – (Философия России первой половины XX века).

ISBN 978-5-8243-1792-3

Марксизм – одно из первых неклассических философских учений. Он присутствует в мировой культуре не в качестве музейного экспоната, но как интеллектуальное направление, выявляющее актуальные аспекты в жизни современного общества. Поэтому особенно важным представляется рассмотрение русской версии марксизма в контексте европейской и русской философской культуры. Такого рода попытки предприняты авторами данного тома. Свою цель они видели в том, чтобы раскрыть с разных позиций философские идеи наиболее ярких представителей русского марксизма Г. В. Плеханова и В. И. Ульянова (Ленина) в контексте современных проблем гуманитарного знания.

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5

© Пружинин Б. И., общая редакция серии, 2013
© Бузгалин А. В., Пружинин Б. И., составление и общая редакция тома, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Институт философии РАН, 2013
© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2013
© Российская политическая энциклопедия, 2013

От редакторов

Почти два века, прошедшие со дня рождения Карла Маркса, ознаменовались рождением и... многократно объявлявшейся смертью научной школы и общественного течения, неслучайно названных по имени их основателя марксизмом*. Само это имя стало значимым как, наверное, никакое другое в общественных науках: оно не оставляет безразличным никого. Марксизм ненавидят и одновременно едва ли не обожествляют. Его ниспровергают и им клянутся. Его критикуют, развивают и... регулярно объявляют окончательно умершим.

Между тем и в новом мире, где уже нет СССР и мировой социалистической системы, К. Маркс по-прежнему признается одним из величайших мыслителей последних веков. Вот лишь несколько свидетельств. В проведенном накануне третьего тысячелетия (в 2000 г.) корпорацией ВВС всемирном опросе в сети Интернет, кого респонденты считают

---

* «Смерть Маркса констатировали регулярно и столь же часто его реанимировали», — написал 4 года спустя после распада СССР Эмануил Валлерстайн — один из ведущих интеллектуалов современности. Написал, как бы отвечая на помещенный в качестве эпиграфа тезис Балибара: «Марксизму... неминуемо назначено погибнуть, рано или поздно, и это относится и к его форме как теории... В ретроспективе (и только в ретроспективе) по тому, как он погибнет, будет возможно сказать, из какого теста был сделан марксизм». Balibar E. From class struggle to classes struggle? // Race, nation, class. L., 199. P. 154; Валлерстайн Э. После либерализма. М., 2003. С. 204.

величайшими мыслителями второго тысячелетия, первое место занял Карл Маркс. Вторым был Альберт Эйнштейн. Третьим — Исаак Ньютон. В проведенном одной из крупнейших телекомпаний ФРГ ZDF в 2003 г. опросе, кого телезрители считают величайшим немцем всех времен, Карл Маркс занял первое место среди ученых (и третье в «общем зачете»: его опередили Конрад Аденауэр и Мартин Лютер; к сведению: Иоганн Себастьян Бах оказался на 6-м месте). Подобных свидетельств немало*.

Но эти свидетельства — не главное. *Жизнь* все чаще заставляет нас обращаться к методологии марксизма, критически анализировать ее потенциал, определяя (и подчас заново открывая старые истины) возможности эффективного использования классического наследия, отделяя их от устаревших положений, дополняя их опять же критически воспринимаемым багажом марксистских разработок, как преимущественно продолжавших идеи самого Маркса (в частности, в России конца XIX — первой половины XX в.), так и новейшего, пост-классического периода.

Маркс возвращается к нам в неоднозначных, по мнению иных, — призрачных, обличьях. Но если эти обличья сродни призраку отца Гамлета, взывавшему к восстановлению распавшейся связи времен (*the time is out of joint...*) в прогнившем датском королевстве**, то наша задача противопоставить мифам

---

* Подробнее см.: Первая программа Союза коммунистов. «Манифест коммунистической партии» в контексте времени. М., 2007. С. 5–6.

** «Не читать, не перечитывать и не обсуждать Маркса всегда будет ошибкой. И даже несколькими ошибками — ибо мы имеем в виду не "школьное" прочтение и не школьную дискуссию... Без этого не будет будущего. Без Маркса — ничего, никакого будущего. Без памяти о Марксе и без наследия Маркса: во всяком случае, вполне определенного Маркса, без его гения, по меньшей мере без одного из его духов», — так говорил в своих всемирно известных парижских лекциях о призраках Маркса философ Жак Деррида. И продолжил (завершая одноименную книгу): «Если "ученому" будущего, "интеллектуалу" завтрашнего дня будет небезразлична справедливость, то он должен будет это выяснить, и узнать это ему следовало бы именно от призрака. Он должен будет учиться жить, учась не просто обращаться к призраку, но учась беседовать с ним, <...> оставлять за ним или предоставлять ему слово — в самом себе или в другом, другому в себе: они всегда здесь, эти призраки, даже если они не существуют, даже если их больше нет, даже если их еще нет» (Дерида Ж. Призраки Маркса. М., 2006. С. 28, 245).

о якобы умершем марксизме строгий критический анализ судеб этой школы, прежде всего — ее философских слагаемых в постмарксову эпоху.

И здесь как нельзя более значимым окажется обращение к творчеству без преувеличения крупнейших продолжателей идей Маркса в России — Г. В. Плеханова и В. И. Ульянова-Ленина.

Обращение в первую (но не в единственную — о других представителях советского марксизма первой половины XX в. в следующем томе) очередь к творчеству названных фигур знаменательно еще и тем, что они стоят у истоков едва ли не важнейшей за всю историю этой школы дивергенции на представителей умеренного, «реформистского», получившего имя «меньшевиков», и радикального, революционного направления, именуемого без перевода на большинстве языков мира «большевики».

Безусловно, многие из читателей этого тома сразу же усомнятся.

Усомнятся в том, что хоть какие-то философские идеи марксизма вообще актуальны.

Усомнятся в том, что в творчестве Плеханова есть хоть что-то новое по сравнению с самим Марксом.

Усомнятся в том, что Ульянов-Ленин вообще может быть назван философом...

Таких сомнений много. И ответы на них содержатся в статьях этого тома.

Эта публикация появляется на свет и случайно, и не случайно.

Случайно, ибо обстоятельства могли сложиться так, что в нашей стране не нашлось бы спонсоров для издания серии работ о ее философах прошлого века.

Не случайно потому, что о Марксе, марксизме и его представителях в последние годы пишут все больше*. Вообще начало XXI в., как уже не раз отмечалось в печати, ознаменовалось в

---

* В контексте проблематики данного тома упомяну лишь несколько фундаментальных работ о В. И. Ленине, вышедших за последние годы: Ленин on line. 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине. М., 2011; Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии: дилемма Ленина. М., 2009; Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М., 2010; Lenin reloaded. Towards a politics of truth. L., 2007.

России и за ее пределами новой волной дискуссий вокруг идейного наследия Маркса и практической реализации его идей.

Причин этому несколько. Во-первых, и в нашем Отечестве, и в других странах нарастает разочарование в либеральной теории и ее социофилософском обосновании. Пророчества четвертьвековой давности о конце истории, идеологий и классового общества, а также предсказания всеобщего демократического процветания и торжества прав человека явно не сбываются. Особенно заметно это стало после начала в 2008 г. мирового экономического кризиса, но и до этого в большинстве стран, и в России в первую очередь, были видны невооруженным глазом многие приметы заката неолиберальной волны. США (и кое-кто в нашей стране) все больше мечтают о новой империи. Войны остаются правилом. Глобальные проблемы и не думают уходить в прошлое. И главное, люди мучительно ищут общественный идеал, который бы хоть немного отличался от «людоедского»: делайте деньги и конкурируйте!

И тут «вдруг» вспоминается марксизм с его обоснованием возможности движения к миру, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». И еще с добавлением: свобода — это не только формальное право полунищей пенсионерки и олигарха проголосовать за того или иного пропиаренного кандидата, но и реальная экономическая и социально-политическая возможность развить и реализовать все заложенные в тебе таланты, обеспечить прогресс своих человеческих качеств в диалоге, а не конфликте с другими.

Принципиально важно в данном случае понять, что *вне реактуализации, в ее классически чистом виде теория Карла Маркса (но не весь марксизм как всемирное течение, которому уже более полутора столетий) сегодня имеет достаточно ограниченную, хотя и далеко не нулевую актуальность*. Реактуализация необходима, и она в значительной степени уже проведена марксистами.

И начало этой реактуализации (во всех ее контрапунктах) положили в нашей стране именно работы Г. В. Плеханова и В. И. Ульянова.

Здесь, правда, есть некий нюанс: реактуализация методологии и теории марксизма может развертываться только при условии:

1) критики догматического марксизма прошлого века, превратившего работы Маркса в Библию, к тому же истолкованную для собственных нужд;

2) критики не менее догматического антимарксизма, построенного на принципе абсолютного отрицания и служащего тем же политико-пропагандистским целям догматиков, только принадлежащих к другому лагерю;

3) учета той огромной работы по развитию идей Карла Маркса применительно к новым реалиям, что была проделана и продолжается и в мире, и в России.

Эти задачи авторы предлагаемого читателю тома и выносят в центр внимания, анализируя актуальность для нынешней эпохи творчества тех, кто первым в России начал критиковать и развивать Маркса.

Подчеркну: в данный том включены очень разные работы.

Они разнятся по времени написания: от републикаций до новейших текстов, написанных специально для данной книги. В них представлены авторы, имеющие очень разные позиции: одни прямо заявляют себя сторонниками критического марксизма, другие занимают позицию нейтрального исследователя творчества Плеханова или Ленина, третьи однозначно критически относятся к любому марксизму. Авторы тома принадлежат к разным философским странам и школам. Этот контрапункт имен, языков оригинальных текстов и позиций принципиально важен: это издание ориентировано не только и не столько на марксистов, сколько на всех тех профессиональных философов и ищущих истину дилетантов (в античном смысле этого слова), кому небезынтересен современный ответ на вопросы: что, почему и для чего остается (становится?) актуальным в новом веке из наследия великих российских марксистов начала прошлого столетия — Г. В. Плеханова и В. И. Ульянова-Ленина.

А. В. Бузгалин

***

Этот том — один из самых сложных в серии «Философия России первой половины XX века». Сложность не столько связана с идейным содержанием русской версии марксизма (марксизм не проще, но и не сложнее других философских направлений), сколько обусловлена историческими судьбами учения Маркса — в мире и особенно в России. Конечно, философия и не предполагает объективно-аналитического отношения к предмету своих размышлений. Однако пафос не должен мешать

пониманию — выявлению культурных истоков, прояснению исторических и идейных контекстов, поиску созвучий и оппозиций... Иными словами, отношение к марксизму как идеологии не должно препятствовать осмыслению его философского содержания. История, в том числе история философии, «пустоты не терпит».

Не следует забывать, что марксизм — это одно из первых неклассических учений в философско-экономической, философско-социальной сферах. Он присутствует в мировой философской культуре не в качестве музейного экспоната, но как интеллектуальное направление, выявляющее актуальные аспекты в жизни современного общества. Поэтому особенно важным представляется рассмотрение русской версии марксизма в контексте культурных традиций России и европейской философской культуры. Такого рода попытки предприняты авторами данного тома. Свою цель они видели в том, чтобы раскрыть философские идеи наиболее ярких представителей русского марксизма Георгия Валентиновича Плеханова и Владимира Ильича Ульянова-Ленина в контексте современных проблем гуманитарного знания.

Процесс освоения марксизма в России был разветвленным и извилистым. Многие деятели русской философии (в самых разных ее ипостасях: от религиозной до научной) начинали свою деятельность как внимательные читатели (и даже почитатели), а затем критики Маркса и марксизма, что, конечно, не прошло бесследно для становления его русской версии. Однако как особое интеллектуальное направление марксизм начался в России с Георгия Валентиновича Плеханова и был наиболее основательно проработан в качестве философско-политической доктрины Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным.

В течение второй половины XX в. марксизм приобрел статус основополагающего течения в отечественной философии и одновременно — господствующей идеологии в политической жизни. И в этом последнем качестве он оказал огромное влияние на целое поколение нынешних граждан России. Сегодня на философию марксизма ссылаются весьма редко, ее даже не критикуют по существу, тем временем идеология марксизма продолжает основательно присутствовать в интеллектуальной атмосфере России. Ее влияние, хотя и неосознанно, ощущается достаточно сильно. В качестве особого «языка» марксизм и сегодня присутствует в духовной жизни страны, будучи глубоко укоренен в наших речевых оборотах, в способах рассуждения,

в мировоззренческих установках. Марксизм как интеллектуальное течение занимает в нашем философском сообществе изолированное, я бы сказал, инкапсулированное положение, отстраняемый извне и замкнутый изнутри. И одна из важнейших задач этого тома — преодоление изоляции, включение этого течения в общий контекст философской критики, дискуссий, сопоставление с иными философскими течениями. Я думаю, что именно преодоление идейной изоляции, а не «сохранение в чистоте» есть единственное средство, позволяющее отделить философские идеи от идеологии, а в данном случае выявить позитивный смысл марксизма и его актуальность.

Насколько в этом томе удалось реализовать задуманное, судить, естественно, читателю. Со своей стороны, как один из редакторов-составителей тома, могу сказать, что особых иллюзий на этот счет у меня нет. И прежде всего потому, что работа в определенном выше аспекте только начинается. К тому же в серии планируется еще один том, посвященный русскому марксизму первой половины XX в.

Публикуемые статьи не претендуют на представление марксизма во всей его полноте и контекстах. К тому же идейная направленность у авторов тома очень разная. Мы имеем спектр статей, с одной стороны, пытающихся сохранить идеи Плеханова и Ленина, как они были реализованы в их трудах и делах, а с другой стороны, работы, в которых делаются попытки расширить контекст оценки, включить их в современное движение мысли, соотнести со взглядами других мыслителей.

Статьи о Георгии Валентиновиче Плеханове открывает работа Б. В. Емельянова, представляющая его идеи как одну из составляющих русской философии первой половины XX в. В *первом разделе* актуализируются гносеологические идеи Плеханова. Анализу источников и специфики его эпистемологии посвящена статья итальянской исследовательницы Д. Стейлы. В работе М. А. Гусаковского открывается антропологический разворот гносеологических воззрений Плеханова. В статье Т. И. Филимоновой помимо тщательного историографического обзора исследований творчества Плеханова предпринимаются попытки представить его интеллектуальное наследие в контексте современных проблем глобалистики.

Второй раздел, «Философия истории и философия политики», открывается статьей И. Н. Сиземской, в которой не только представлены философско-исторические взгляды Плеханова, но и продемонстрирована глубина проникновения марксизма

в русское интеллектуальное сообщество конца XIX – начала XX в. Именно на этом фоне идеи Плеханова приобретают свою стереоскопичность. Анализу социально-философского наследия Плеханова в контексте внутримарксистских дискуссий о перспективах современного развития этого направления посвящены статьи Г. Г. Водолазова, А. В. Бузгалина, С. Г. Бэрона.

В *третьем разделе* обсуждаются концептуальные установки Плеханова в области философии культуры. При этом исследователи предпринимают попытку ввести его идеи в широкий историко-философский контекст. В статье А. К. Тхакушинова проводится сравнительный анализ социологии культуры Вебера и Плеханова. М. В. Давыденко вводит эстетические идеи Плеханова в контекст их исторической рецепции в отечественной философии. Л. А. Булавка демонстрирует актуальность идей Плеханова для осмысления сдвигов, происходивших в европейской и отечественной культуре.

Особо отмечу исследование С. В. Тютюкина, в котором философская и политическая деятельность Плеханова приобретает личностное измерение.

В качестве приложения к библиографии публикуется статья Х. Сакамото, в которой содержится обзор переводов произведений Плеханова на японский язык.

Что касается раздела о В. И. Ульянове-Ленине, то наибольший интерес в плане расширения контекстов его наследия представляют разделы: *первый* раздел «Споры вокруг "Материализма и эмпириокритицизма"» и *второй* – «В. И. Ленин и современные проблемы философии культуры».

Повторю, том, конечно же, не исчерпал тему «Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов-Ленин». Более того, он очень ясно показывает, сколь много еще в ней не сделано, даже по сравнению с книгой «Ленин как философ», вышедшей в 1969 г. Но во всяком случае том достаточно определенно представляет перспективу для будущих исследований русской версии марксистской философии.

Б. И. Пружинин

Георгий Валентинович Плеханов

Б. В. Емельянов

Г. В. Плеханов — философ-марксист*

Марксистская философия в России с первых шагов своего существования заявляла приверженность основным догматам философских построений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. е. свою ортодоксальность. И вместе с тем с той же неизменностью нарушала их, стремилась дополнить, критически переработать, предложить свое оригинальное их решение. Эту тенденцию в философии первым наиболее показательно выразил Г. В. Плеханов.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября 1856 г. в семье мелкопоместного дворянина в с. Гудаловка Липецкого уезда Тамбовской губернии. Мать Плеханова, племянница В. Г. Белинского, оказала большое влияние на формирование его мировоззрения. Окончив Воронежскую гимназию, он поступил в Константиновское артиллерийское училище, но проу-

---

* Впервые: Г. В. Плеханов — философ: материалы к биографии. 1956–2006 / сост. О. Ю. Лесных, М. Л. Карягина, Е. А. Рябоконь. Екатеринбург, 2007. С. 3–10. Публ. в сокращ.

чился там лишь несколько месяцев. С сентября 1874 г. он стал студентом Петербургского горного института. Причиной отказа Плеханова от военной карьеры явился рост революционного движения в стране и стремление молодого человека принести реальную пользу русскому народу. Эта же причина заставила его спустя два года оставить учебу в горном институте и полностью посвятить себя революционной деятельности. Он был одним из редакторов нелегальной газеты «Земля и воля», органа одноименной народнической организации, вел пропаганду среди рабочих, учащихся, крестьян. Дважды (в 1877 и 1878 гг.) его арестовывали.

После раскола «Земли и воли» на съезде в Воронеже в августе 1879 г. Плеханов и его соратники — П. Аксельрод, О. Аптекман, Л. Дейч, В. Засулич — создают новую народническую организацию, «Черный передел», выпускают журнал с тем же названием.

Вскоре Плеханов порывает с народничеством, его анархистским бакунизмом, народовольчеством, бланкизмом.

В 1880 г. Г. В. Плеханов эмигрировал за границу. Вернулся он в Россию лишь спустя 37 лет. В Женеве, а затем в Париже Георгий Валентинович основную часть своего времени посвящает теоретическим занятиям, много читает, в основном работы К. Маркса и Ф. Энгельса, труды по истории, социологии, экономике. Тогда же он переводит на русский язык «Манифест Коммунистической партии». В 1883 г. Г. В. Плеханов и его соратники создают первую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», поставившую своей задачей пропаганду марксизма и разработку «важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России»*.

Г. В. Плеханов становится видным пропагандистом марксистской философии. Широкую известность в России и за границей приобретают его философские работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) и «К вопросу о роли личности в истории» (1898).

В 1898 г. произошла встреча Плеханова с Энгельсом, их дружеская переписка продолжалась до смерти Ф. Энгельса. Георгий Валентинович принимает участие в работе II Интернационала (1889), в его конгрессах, по праву считаясь одним из его

* Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8. С. 29.

видных теоретиков, активных участников идейно-теоретических дискуссий, в которых он выступал против немецких социал-демократов Э. Бернштейна и К. Шмидта. В 1900 г. на Пятом конгрессе II Интернационала он был избран в Международное социалистическое бюро.

В 1900–1903 гг. Плеханов вместе с В. И. Лениным участвует в создании общероссийской социал-демократической газеты «Искра» и журнала «Заря», пишет текст программы РСДРП, принятой на II съезде партии (1903). Но вместе с тем в это время обнаруживаются теоретические расхождения Плеханова с Лениным по ряду принципиальных вопросов революционной борьбы: об отношении к либералам, к крестьянству, о характере диктатуры пролетариата. Однако на II съезде РСДРП, на котором была создана марксистская партия России, Плеханов и Ленин выступали единым фронтом, по всем принципиальным вопросам Георгий Валентинович поддержал выступления большевиков. «На II съезде РСДРП, – констатирует В. Ф. Пустарнаков, – окончательно определилось особое положение Плеханова в российском социал-демократическом движении, расколовшемся на большевиков и меньшевиков. Это особое положение осознавалось Плехановым как своего рода политическое одиночество, “внефракционность”, в соответствии с которым он, оставаясь верным своим взглядам эпохи группы “Освобождение труда”, не хотел примыкать ни к меньшевикам, ни к большевикам во главе с Лениным, то поддерживал, то критиковал тех и других, хотя чаще оказывался на стороне меньшевиков. Собственной трибуной Плеханова был, в частности, периодический журнал “Дневник социал-демократа” (1905), возобновленный в 1910 г.»*

После возвращения Г. В. Плеханова на родину 31 марта 1917 г. резче обозначился его разрыв с теорией и практикой большевизма. Он не принял Октябрьскую революцию, поскольку она, как он считал, явилась нарушением исторических законов. Русский мыслитель оказался в полной изоляции. У Плеханова обострился туберкулез, которым он болел уже длительное время. Врачи царскосельской больницы, а затем и санатория в Питкеярви (Финляндия) безуспешно пытались спасти его жизнь, и 30 мая 1918 г. Г. В. Плеханов скончался. Похоронен он был

* История русской философии. М., 2001. С. 538.

в Петрограде на Литераторских мостках, рядом с В. Г. Белинским.

Заслуга Плеханова-мыслителя заключается в пропаганде марксизма и развитии марксистской философии. Основные работы Плеханова конца XIX в. («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Н. Г. Чернышевский») написаны с диалектико-материалистических позиций. В основе философского материализма Плеханова лежит основательный историко-философский анализ. Исследование философской мысли прошлого, по Плеханову, это, с одной стороны, анализ теоретической, содержательной стороны ее развития, с другой — анализ форм и способов ее социального бытия. К примеру, излагая свои взгляды в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов в последней (пятой) главе, «Современный материализм», пишет специальное предисловие — «краткий очерк» этого учения: «Чтобы понять исторические взгляды Маркса, нужно припомнить, к каким результатам пришли философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению»*. Это, по сути, первый в марксистской литературе опыт историко-философского анализа решения проблемы человека. Для Плеханова он, во-первых, является доказательством того, что марксистское решение проблемы человека возникло не на пустом месте, а явилось продолжением и развитием лучших традиций предшествующей философии, а во-вторых, помогает понять истоки идеалистической трактовки проблемы человека, которую он подвергает критике. Аналогично он поступает при выяснении теоретических и социальных источников марксистской философии.

Раскрывая истоки и смысл философии марксизма, Плеханов по-своему решал многие ее проблемы. Философию он рассматривал как мировоззрение и как науку. С последней она и совпадает, и контрастирует. Другими словами, философия занимается теми задачами, решение которых выполняет наука, но при этом она старается идти вперед, расчищая ей путь свои-

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 608.

ми умозаключениями. Предмет у них один, но разные уровни его освоения: философия изучает мир как целое, наука — в его частных проявлениях*. Для Плеханова философия имеет еще одно определение: она — синтез идей определенной эпохи, «объединяющих совокупность человеческого опыта на достигнутой в данную эпоху ступени интеллектуального и общественного развития. Короче: философия есть синтез познанного бытия данной эпохи»**.

Онтологические идеи Плеханова достаточно просты. С материалистических позиций в духе спинозизма он утверждает, что объективно существует природа как субстанция. Она едина, вечна и бесконечна, а мысль — ее атрибут, т. е. современный материализм (к которому Плеханов себя причисляет) «представляет собою только более или менее осознавший себя спинозизм»***. В гносеологии он опирался на все то же спинозовское единство объекта и субъекта и марксистскую идею воздействия объекта на субъект в процессе познания. В познании Плеханов предпочтение отдавал живому созерцанию и недооценивал абстрактное мышление.

Отстаивая диалектико-материалистические позиции марксистской философии, Плеханов повел решительное наступление на субъективный идеализм неокантианцев и махистов как по вопросам материи и ее атрибутов, так и по проблемам теории познания. Вместе с тем в статье «Еще раз материализм» (1899), содержащей систематическое изложение диалектического материализма, русский мыслитель наряду с верными утверждениями выдвигает положение о том, что наши ощущения — не копии объективных вещей и явлений, а иероглифы, т. е. их символы: «Формы и отношения вещей в себе не могут быть таковы, какими они нам кажутся, т. е. какими они являются нам, будучи «переведены» в нашей голове. Наши представления о формах и отношениях вещей не более как иероглифы»****. Позднее он определит такое понимание теории отражения как терминологическую ошибку.

---

* См.: Там же. Т. 2. С. 263.

** Плеханов Г. В. Соч: в 25 т. Т. 18. М.; Л., 1928. С. 325.

*** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 339.

**** Там же. Т. 3. С. 447.

Г. В. Плеханов считал диалектический метод важнейшим завоеванием современного материализма. «Диалектический метод — это самая характерная черта современного материализма; в этом его существенное отличие от старого метафизического материализма XVIII века»*. Материализм и диалектика не просто сочетаются, но дополняют и «усиливают» друг друга. Диалектика имеет, по его мнению, принципиально материалистический характер. Акцентируя внимание на объективной диалектике, т. е. диалектике природы и общества, Плеханов пишет: «Диалектический метод характеризуется прежде всего и главным образом тем, что он в самом явлении, а не в тех или других симпатиях и антипатиях исследователя ищет сил, обусловливающих собой развитие этого явления... Диалектический метод материалистичен по своей природе, и под его влиянием даже исследователи, стоящие на идеалистической точке зрения, в своих рассуждениях являются подчас несомненными материалистами»**.

Основным законом существования мира является закон развития, который, по мнению Плеханова, имеет два выражения в законах диалектики: единство и борьба противоположности, закон перехода количественных изменений в качественные, и наоборот. Их философ представляет следующим образом: «1) Все конечное таково, что оно само себя снимает, переходит в свою противоположность. Этот переход совершается при помощи присущей каждому явлению природы силы; каждое явление содержит в себе силы, порождающие его противоположность. 2) Постепенные количественные изменения данного содержания превращаются в конце концов в качественные различия. Моменты этого превращения — это моменты скачка, перерыв постепенности»***. Закона отрицания — третьего закона диалектики — в работах Плеханова не обнаруживается.

Как материалист-диалектик он неоднократно указывал на противоположность гегелевской и марксистской диалектики. «Это та же диалектика, какую мы знаем от Гегеля, — писал он, — и все-таки это не то же самое. В философии Маркса она превратилась в полную противоположность того, чем она была у Гегеля. Для Гегеля диалектика социальной жизни, как и вся-

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 140.

** Там же. Т. 4. С. 269.

*** Там же. Т. 2. С. 132.

кая диалектика конечного вообще, в последнем счете имеет мистическую причину, природу бесконечного, абсолютного духа. У Маркса она зависит от совершенно реальных причин: от развития средств производства, которыми располагает общество»*. Он замечает: «Материализм ставит диалектику "на ноги" и... снимает то мистическое покрывало, которым она была окутана у Гегеля, но тем самым обнаруживает революционный характер диалектики»**. А органическое соединение материализма и диалектики, разработка проблем материалистической диалектики и материалистического понимания истории, по Плеханову, означает, что Маркс осуществил «подлинную революцию, самую великую революцию, какую только знает история человеческой мысли»***.

Материалистическое понимание истории имеет статус революционного переворота в философии, равного открытию Коперника, он может быть поставлен «наряду с величайшими плодотворнейшими научными открытиями»****.

Возникновение марксистской философии, по мнению Плеханова, означает революционный переворот в философии. Суть этого переворота, указывает русский мыслитель, состоит в утверждении принципа: «общественное бытие определяет общественное сознание». В его изложении этот принцип выглядит следующим образом: «На каждой данной стадии развитию производительных сил соответствуют известные отношения людей в общественном процессе производства. Характер этих отношений определяет всю социальную структуру, которая со своей стороны определяет способ восприятия, чувствования, мышления и действия людей — словом, их природу»*****.

История для Плеханова — это материальный процесс, вовлекающий в свою орбиту все многообразие жизни людей. Первичность материальных процессов по отношению ко всем феноменам духовной жизни для Плеханова была исходной посылкой в его философии истории. Вслед за Марксом, повторяя его «основную идею», он утверждает: «1) Производственные

---

* Там же. С. 162.

** Там же. Т. 3. С. 84.

*** Там же. С. 197–198.

**** Там же. Т. 1. С. 635–636.

***** Цит. по: Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938. Сб. 5. С. 5.

отношения определяют все другие отношения, существующие между людьми в их общественной жизни. 2) Производственные отношения, в свою очередь, определяются состоянием производительных сил»*. Вместе с тем он придает чрезвычайно большое значение духовной сфере — культуре, идеологии, считая, что они находятся в сложной многоступенчатой зависимости от материальной стороны. В представлениях Г. В. Плеханова о многофакторности развития истории большую роль играют не только экономические отношения, но и классовая борьба как источник движения истории. Через эту борьбу проявляются экономические интересы, которые, в свою очередь, определяют идеологию различных классов, их мораль, искусство, религию. Философ формулирует свою знаменитую «пятичленку» соотношения базиса и надстройки: «1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической "основе"; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики»**. Как видим, Плеханов не сводил историю исключительно к экономике, считая ее тесным переплетением материальных и духовных факторов, через которые только и может проявиться главный из них — экономический, но и это не происходит само собой, а непременно через мысли, интересы, потребности, идеалы, оценки и действия людей как отдельных личностей, так и народных масс, классов, организаций, партий.

В философии истории Г. В. Плеханова содержится немало интересных и оригинальных выводов о формах общественного сознания. Особое внимание он обращает на общественную психологию. Отстаивая марксистские позиции в этом вопросе, он пишет: «Материалисты вовсе не отрицают течения психологии. По их мнению, "психика" — не только могущественный, но и, безусловно, необходимый фактор цивилизации, т. к. без "психики" цивилизация была бы совершенно невозможна»***.

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 658.

** Там же. Т. 3. С. 179–180.

*** Цит. по: Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1937. Сб. 4. С. 230.

В другом месте Г. В. Плеханов указывает, что без анализа общественной психологии невозможно представить адекватную картину развития общественной мысли. «Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии, — замечает он, — но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. Отсюда — огромная важность общественной психологии. Если с нею необходимо считаться уже в истории права и политических убеждений, то без нее нельзя сделать и шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.»*

Проблема человека занимает в философии Плеханова большое место. Опираясь на Маркса, который «на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека», и его главный вывод, что, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою внешнюю природу», Плеханов связывает эволюцию человека с эволюцией производства материальных благ, с созданием орудий и средств производства. В орудиях труда человек приобретает искусственные органы, изменяющие его анатомическое строение. В связи с этим изменяется последующее историческое развитие человека, взаимодействие с природой. Говоря об орудиях труда как определяющем элементе производительных сил, Г. В. Плеханов высказывает важное диалектико-материалистическое положение: «Искусственные органы, орудия труда оказываются, таким образом, органами не столько индивидуального, сколько общественного человека. Вот почему всякое существенное их изменение ведет за собой перемены в общественном устройстве»**.

Анализ взаимосвязи человека с природой был поставлен на научную основу. В противоположность абстрактно-натуралистическим представлениям предшествующих материалистов развивается взгляд, согласно которому человек есть не просто часть природы, а наиболее активная ее сила, сознающая свою мощь и творческие возможности в производстве предметной среды — очеловеченной природы. «Природа человека» с

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 247–248.

** Там же. Т. 1. С. 610.

этого момента связывается с предметной деятельностью, с включением человека в сферу материального производства и материальных отношений. Человек при этом рассматривается не только как объект, но и как субъект предметной деятельности.

Для Плеханова-философа принципиально важной была проблема личности в истории, не нашедшая в трудах основателей марксизма подробной разработки. В его работах проводится мысль о народных массах как созидателях истории общества. По Плеханову, история делалась людьми бессознательно до тех пор, пока массы не увидели основных двигательных сил исторического прогресса. «Раз открыты эти силы, раз изучены законы их действий — люди будут в состоянии взять их в собственные руки»*. Роль личности и ее значение определяются уровнем развития общественной организации. Но личность относительно свободна от экономических и политических процессов. Активность личности соотносится с осознанием ею того места, которое она занимает в ряду происходящих событий. Чем важнее ей представляется ее роль, тем решительнее она действует. Таким образом, считает русский философ, личность является выражением всего потенциала общественной жизни, творцом истории. «И не для одних только начинателей, не для "великих" людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих близких»**.

В истории материализма, марксистской философии Г. В. Плеханов занимает особое почетное место. «Его личные заслуги, — писал В. И. Ленин, — громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»***.

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 445.

** Там же. Т. 2. С. 334.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 222.

1. Гносеологические идеи Плеханова

Д. Стейла

Теория познания Г. В. Плеханова и ее философские истоки*

В произведениях Г. В. Плеханова трудно найти систематическое изложение вопросов гносеологии, тем не менее именно плехановская теория познания, так называемая теория иероглифов, активно обсуждалась в начале XX в. Она стала предметом нападок и махистов, и Ленина (в его работе «Материализм и эмпириокритицизм»)**. На основании этой критики многие авторы советского периода утверждали о слабости плехановской гносеологии***. Между тем Плеханов никогда не давал систематического изложения теории познания, да и говорить о систематическом

---

* Данная статья основана на книге: Steila D. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Dordrecht; Boston; L., 1991.

** См.: Богданов А. А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. М., 1910. С. 169–172; 202–207; Берман Я. А. Марксизм или махизм // Образование. 1906. № 11. С. 61; Валентинов Н. Философские построения марксизма. М., 1908. С. 46; Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм. СПб., 1908. С. 25–26; Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 244–251.

**** См.: Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973. С. 140.

характере его философии — отрывочно изложенной в рамках текущих политических и теоретических споров, в его полемических статьях и рецензиях — можно, пожалуй, лишь в общих чертах. Как бы то ни было, Плеханов считал познание необходимой основой любой эффективной деятельности, а марксизм казался ему лучшим философским и политическим мировоззрением именно по той причине, что в нем приводилось надежное «научное» объяснение истории. Познание, по его мнению, обеспечивает «скачок» от необходимости в свободу, является условием освобождения человечества [Т. I. С. 692]*. Именно поэтому интерес Плеханова к теории познания был отнюдь не поверхностным.

Довольно подробное изложение гносеологических взглядов Плеханова впервые встречается в примечаниях к его переводу работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Так, в седьмом примечании к этой работе он отстаивал познаваемость внешних предметов и, соглашаясь с доводами Энгельса в его полемике против Юма и Канта, признавал непознаваемую «вещь в себе» абстракцией: по его мнению, абстрагировав вещь от всех ее свойств, абсурдно задаваться вопросом о ее познаваемости. Допускающий подобную абстракцию трансцендентальный идеализм последовательно переносит все определения вещи в сознание. Плеханов был согласен с этим только по основным пунктам: несомненно, цвет или звук являются субъективными, не отождествляемыми с движениями материи, представляющимися их объективной основой и вызывающими в нас ощущения, тем не менее, когда вещь воздействует на наши органы чувств, существует определенное соответствие объективного состояния вещи испытанному нами ощущению. Научное подтверждение своей теории Плеханов находил у физиолога И. М. Сеченова, в свою очередь утверждавшего: «Всякому чувствуемому нами колебанию или переходу звука, по силе, высоте и продолжительности соответствует совершенно определенное видоизменение звукового движения в действительности. Звук и свет как ощущения суть продукты организации человека; но корни видимых нами форм и движений, равно как слышимых нами моду-

* Цитаты приводятся по: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1954—1956. Здесь и далее указываются в сокращенной форме в квадратных скобках, с указанием на том и страницу.

ляций звуков, лежат вне нас в действительности <...>. Каковы бы ни были внешние предметы сами по себе, независимо от нашего сознания, — пусть наши впечатления от них будут лишь условными знаками, — во всяком случае чувствуемому нами сходству и различию знаков соответствует сходство и различие действительное»*.

Отсылка к физиологии Сеченова открывала для Плеханова новые оттенки поддерживаемой им гегелевской критики кантовского понятия «вещи в себе». Плеханов писал: «Единственно от меня, от субъекта, зависит то обстоятельство, что древесный лист кажется мне зеленым, а не черным, солнце круглым, а не четвероугольным, сахар сладким, а не горьким, и что когда часы бьют *два*, я *воспринимаю* [курсив мой. — *Д. С.*] их удары последовательно, а не одновременно, и что я не считаю первого удара ни причиной, ни следствием второго и т. д.» [Т. I. С. 500]. Если Гегель в отрывке, перефразированном здесь Плехановым**, применял глагол *bestimmen* (*определять*) к кантовским формам *a priori*, то Плеханов отдает предпочтение глаголу «воспринимать». Априорные элементы нашего познания Плеханов, вслед за Сеченовым, рассматривал на уровне физиологии — по его мнению, эти элементы действуют не как формы рассудка, а как формы восприятия.

Сосредотачивая свое внимание на природе ощущений, Плеханов заключал: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут *совершенно верно* передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют» [Т. I. С. 501]. «Истина» наших ощущений и вообще нашего познания, на них основанного, состоит не в мнимом «зеркальном отражении» вещей, а в том, что они дают неискаженное представление реальных отношений как в природе, так и в истории. По мнению Плеханова, «*истинна* та естественно-научная теория, которая верно схватывает взаимные отношения явлений природы; *истинно* то историческое описание, которое верно изображает обще-

---

* Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1952. Т. I. С. 471–472, 482; [Т. I. С. 500].

** См.: Hegel G. W. F. Sämtliche Werke. Jubiläumsausgabe in zwanzig Bänden. Stuttgart, 1927. Vol. IV. P. 609.

ственные отношения, существовавшие в описываемую им эпоху» [Т. I. С. 671]*.

В примечаниях к переводу работы Энгельса издания 1892 г. Плеханов не останавливался на проблеме внешних предметов и не обращался к обоснованию их существования. Ощущение само по себе казалось ему доказательством существования предмета, поскольку оно объяснимо только в качестве воздействия внешней причины на наши органы чувств. Плеханов считал, что «главной чертой, отличающей материалистическую гносеологию от идеалистической», было именно то, что первая признавала материю в качестве «источника наших ощущений» [Т. III. С. 232 прим.]. Соглашаясь с материалистами XVIII в.**, Плеханов отстаивал идею о том, что вещи просто воздействуют на наши чувства, и, «*сообразно впечатлениям, которые вызываются в нас их действием*, мы приписываем вещам те или иные свойства. *Эти впечатления представляют собою единственные знания* (поверхностные и очень ограниченные знания), которые *мы можем иметь о вещах в себе*» [Т. II. С. 435].

Так, можно выделить основную схему плехановской гносеологии: материальная вещь, существующая вне нас и независимо от нашего сознания, действует так или иначе на наши органы чувств, вызывая в нас определенное ощущение. Поскольку ощущение является субъективным, оно никак не может отождествляться с вызывающим его объективным движением. Реальность поэтому достигается нами в своего рода «переводе», осуществляемом нашим чувственным аппаратом на его

---

* В этом плане, по мнению Плеханова, Энгельс был совершенно прав, считая успех практической деятельности подтверждением адекватности нашего познания. См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973–1974. Т. III. С. 80–81.

** В предисловии к своим «Очеркам по истории материализма» Плеханов писал: «Может быть, читатели найдут, что я недостаточно подробно остановился на теории познания разбираемых здесь мыслителей. На это я могу возразить, что я сделал все, чтобы точно изложить их взгляды в этом пункте. Но так как я не причисляю себя к сторонникам столь модной в настоящее время теоретико-познавательной схоластики, я не имел намерения подробно останавливаться на этом совершенно второстепенном вопросе» [Т. II. С. 35]. Однако на самом деле Плеханов очень высоко оценивал сенсуализм французских и английских материалистов XVIII в. См.: Steila D. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. P. 82–86.

собственном языке. Мы уверены в том, что «основные формы нашего мышления не только вполне соответствуют тем отношениям, которые существуют между вещами в себе, *но и не могут не соответствовать* им, потому что иначе сделалось бы невозможным наше существование вообще» [Т. I. С. 502]. Исходя лишь из того, что впечатление понимается Плехановым как «иероглиф», а не как зеркальный образ вещи, нельзя говорить о близости его взглядов к агностицизму, потому как объективность наших форм априори обеспечивается, по его мнению, тем, что они находятся в нашей физиологической организации.

Ощущения, представляющиеся Плеханову основой познания, должны пониматься как «соответствующие» реальности, а не как «отражающие» ее. Вопрос о том, простое ли это расхождение терминов или же теория «соответствия» действительно идет вразрез с ленинской ортодоксальной теорией отражения, до сих пор вызывает споры*. Безусловно, в данном случае следует уточнить, что теория отражения еще не существовала в роли официального учения марксистской гносеологии, когда Плеханов разрабатывал свою теорию познания**, казавшуюся ему отличной от гносеологии Маркса и Энгельса, но отнюдь не противоречащей ей. Как бы то ни было, выбор такого необычного слова, как «иероглиф», это не просто каприз Плеханова, тем более что слово «отражение» часто употребляется им для обозначения связи идеологии с экономической базой или с выступающей посредницей между ними социальной психологией. Плеханов писал: «*Так*

---

* В 30-е гг. XX в. многие ученые противопоставляли две эти гносеологии. См.: Грекун И., Макаров А. За воинствующую партийность в философии // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 233; Вандек В., Тимоско В. Критика Плехановым философского ревизионизма и ее основные недостатки // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 5–6. С. 38; Фурщик М. Философские заметки // Под знаменем марксизма. 1930. № 10–12. С. 73. Данная тема рассматривается и в книге: Павлов Т. (Досев П.). Теория отражения. М.; Л., 1936. С. 131. Это же противопоставление проводилось и в 60-е гг., однако менее полемично. См.: Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л., 1963. С. 70–71. В дальнейшем же плехановское понятие «иероглиф» чаще всего рассматривалось как простая «ошибка» в терминологии. См.: Николаев П. А. Эстетика и литературные теории Г. В. Плеханова. М., 1968. С. 85.

** Возникновение «теории отражения» связано с опубликованным в 1909 г. произведением Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

называемые идеологии представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории» [Т. II. С. 266], — истории общественных отношений. Выбор этого термина подчеркивает в данном случае тесную связь базиса и надстройки, которую марксисты противопоставляли идеалистическим пониманиям культуры и истории. Историю мышления нельзя понимать как развивающуюся самостоятельно, потому что «понятия человека представляют не более как умственные отражения окружающих его предметов и происходящих перед ним явлений» [Т. IV. С. 81]. Слово «отражение» можно употреблять исключительно на уровне «понятий», поскольку только познание способно объяснить реальность в ее развитии, воспроизводя ее сложную структуру. На уровне же ощущений, где субъект относится к объекту, непосредственно представляющемуся «вещью», и только при более глубоком размышлении оказывающемуся процессом, нельзя понимать это отношение в качестве «отражения», не впадая при этом в вульгарный материализм. Если понимать ощущение как «отражение» предмета, то субъект и объект сводятся к весьма смутной непосредственности. Материалистическая теория познания, согласно Плеханову, должна объяснять сложные отношения субъекта с объектом, представляющие собой само ощущение, не «отождествляя» при этом второе с первым, как это делают идеалисты, или же первое со вторым, как это делают вульгарные материалисты. Говоря об употреблении термина «соответствие» вместо «отражение», Плеханов развивает более сложную идею о восприятии, в котором субъект и объект являются соотносительными и не сводятся механически один к другому*.

Несколько лет спустя, в ходе дискуссий вокруг немецкого ревизионизма, Плеханов вновь обратился к гносеологии. В частности, он критиковал выдвинутое Бернштейном понимание «чистого или абсолютного материализма», который, по мнению последнего, «точно так же спиритуалистичен, как и чистый или абсолютный идеализм. Оба просто предполагают, хотя и с различных точек зрения, что мышление и бытие идентичны.

---

* См.: Мазаева О. Г. Вопросы субъективно-объективных отношений в трудах Г. В. Плеханова: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 1976. С. 6–7.

В конце концов они отличаются лишь способом выражения»*. Плеханов отмечал, что материализм никогда не был столь грубым, каким его видел Бернштейн, ведь и французские материалисты, и сам Энгельс прекрасно сознавали невозможность познания сущности вещей [см.: Т. II. С. 349–351].

Различие между материализмом и кантианством состоит не в определении «границ» познания, а скорее в разной трактовке общего для материализма и идеализма «стремления к *монистическому* объяснению явлений». Ошибка Бернштейна состоит, по мнению Плеханова, в том, что он путает стремление к монизму с отождествлением бытия и мышления, возможным только с идеалистической точки зрения [см.: Т. II. С. 385–386]. Плеханов замечает здесь: «Идеалист, видящий в понятии основу всякого бытия, скажет, конечно, что между предметами и понятиями о них нет существенной разницы. Но мы имеем полное право не согласиться с ним и сказать, что там, где он видит *тождество*, на самом деле есть лишь строгое и необходимое *соответствие*»**.

К необходимости анализа отношения мышления и бытия Плеханова подтолкнула также статья Якоба Штерна, на которую ссылался и сам Бернштейн***. Профессор социал-демократ высказывал в этой статье убеждение, что лежащий в основе марксизма «натурфилософский» материализм, начиная с Демокрита вплоть до Бюхнера и Фогта, необоснованно и метафизически абсолютизирует материю. В связи с этим Штерн советовал марксистам заимствовать обязательный для исторического материализма принцип закономерности событий не из «естественно-научного» материализма, а из монизма Спино-

---

* Bernstein E. Das realistische und das ideologische Moment in Sozialismus // Die Neue Zeit. Jg. XVI. Bd. II. S. 227 / пер. на рус. яз. Плеханова [Т. II. С. 346].

** Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. V. С. 130. Также Плеханов писал: «Понятия не тождественны с теми явлениями, на основании которых они составляются. И точно так же взаимная борьба признаков в наших понятиях не тождественна с антагонизмом сил в явлении. Но наше понятие о всяком данном явлении должно заключать *признаки*, соответствующие *свойствам* этого явления. Чем полнее это соответствие, чем более признаки понятия исчерпывают свойства явления, тем лучше *понято* это последнее» (там же. С. 130–131, прим. 12).

*** См.: Stern J. Der ökonomische und der naturphilosophische Materialismus // Die Neue Zeit. Jg. XV. Bd. II. S. 301–304.

зы. В отличие от грубого сведения психического к физическому, превосходство «параллелизма» Спинозы, по мнению Штерна, заключалось в том, что отношения двух «атрибутов» объяснялись в нем без какого-либо редукционизма.

К предложенному Штерном «возврату к Спинозе» Плеханов оказался расположенным гораздо больше, чем к «возврату к Канту»*. Плеханов замечал, что марксизм не должен был и не мог «возвращаться» к Спинозе по той лишь причине, что «современный материализм представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм» [Т. II. С. 339]. Так, философия Спинозы оказала значительное влияние на всю историю материализма: «спинозистами» были французские материалисты XVIII в., утверждавшие принцип одушевления материи [Т. II. С. 354–356], «спинозистом» был и Фейербах, полагавший, что субъективное является духовным, объективное же является материальным [Т. II. С. 358–359]. Что же касается основоположников исторического материализма, Плеханов упоминал свою беседу с Энгельсом в Лондоне в 1889 г., в рамках которой Энгельс заметил, что «старик Спиноза был вполне прав», «говоря, что *мысль* и *протяжение* не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции» [Т. II. С. 360].

Согласно Плеханову материализм не сводит психическое к физическому, не отождествляет их, как считают ревизионисты, напротив, он видит мышление свойством организованной материи: «Для материалиста ощущение и мысль, сознание, есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не "*сводил*" сознания к *движению* и не *объяснял* одного другим» [Т. I. С. 76]. Материализм, по мнению Плеханова, настаивает на различии мышления и бытия, говоря в то же

* Мнение Плеханова о спинозисте Штерне было куда лучше, чем о ревизионисте Бернштейне: «Г. Штерн несравненно компетентнее в области философии, чем г. Бернштейн, и его статья заслуживает полного внимания наших читателей» [Т. II. С. 351]. Любопытно заметить, что и сам Штерн подчеркивал тот факт, что о различии между вещью в себе и явлением говорил уже Спиноза, в связи с чем, по мнению Штерна, «спинозизм является настоящей *критической* философией» (Stern J. Die Philosophie Spinozas. 2. verb. Aufl., Stuttgart, Dietz, 1894. P. 5 (Библиотека Дома Плеханова — в дальнейшем БДП — Б. 3533). На странице книги Штерна с этим замечанием Плеханов сделал пометку N. B. — с этим суждением Штерна Плеханов был согласен.

время об их строгом соответствии. Как для Спинозы «*порядок и связь идей — то же, что и порядок и связь вещей*»*, что обеспечивается, в свою очередь, тем, что мышление и протяжение являются двумя атрибутами одной и той же сущности, так же и для Плеханова монистический материализм утверждает, что «законы бытия являются в то же время и законами мышления» [Т. III. С. 673]**.

Плеханов дошел вплоть до того, что допускал даже одушевление материи. Спиноза утверждал, что все индивиды, хоть и в разных степенях, являются одушевленными*** — и в этом ему вторили французские материалисты. Исходя из этой идеи Плеханов считал, что если мышление — это функция организованной материи, то следует полагать, что материя обладает некоторым более или менее развитым «психическим» свойством, чтобы объяснить появление мышления на определенной ступени организации [Т. II. С. 353—356]. Подобным образом материализм разрешал проблему, которую Штерн называл «его ахиллесовой пятой» — трудность объяснения того, «каким образом в животной клеточке ощущение (основной элемент психической жизни) является *вдруг*, подобно револьверному выстрелу»****.

Если дискуссия со Штерном (даже больше, чем с Бернштейном) подтолкнула Плеханова обдумать свое отношение к философии Спинозы, то спор со Шмидтом дал ему повод более скрупулезно перечитать Канта. Выступая с критикой плехановских

---

* Спиноза Б. Этика. М., 2001. С. 59.

** Здесь Плеханов вторил Фейербаху. См.: Основы философии будущего. § 45.

*** См.: Спиноза Б. Этика. М., 2001. С. 68—69. БДП, Б. 3522. Spinoza B. Die Ethik. Neu übersetzt und mit einem einleitenden Vorwort versehen von J. Stern. Leipzig, s. d. (1887). S. 93.

**** Stern J. Der ökonomische und der naturphilosophische Materialismus // Die Neue Zeit. Jg. XV. Bd. II. S. 303 / пер. на рус. яз. Плеханова [Т. II. С. 353—354]. П. Н. Лепешинский утверждал, что Плеханов был гилозоистом — однажды во время их беседы последний заметил: «Мысль есть сложное движение и складывается из тех же элементов движения, которые определяют энергетическое состояние и камня. И если кто-нибудь хочет принять “мысль” за субстанциональное свойство материи, то он обязан приписать и камню то же свойство» (Лепешинский П. Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). СПб., 1922. С. 160).

«Очерков по истории материализма»[*], Конрад Шмидт поднял вопрос правильного понимания кантианства и материализма. Анализируя работу Плеханова, Шмидт сделал ряд заключений относительно противостояния материализма и кантианства или, как он предпочитал называть последний, идеализма. По его мнению, два эти мировоззрения различались в своем отношении к критике познания, которой материализм никогда не уделял должного внимания. Материализм представляет собой учение, согласно которому внешняя природа является настоящей первоначальной сущностью. Идеализм же, напротив, признает истину общих мнений исключительно внутри границ феноменального мира, одновременно с тем подчеркивая, что мир нашего опыта является только феноменальным. Шмидт писал: «Материя <...> есть не что иное, как нечто *представленное*, что как таковое предполагает <...> представляющего субъекта»[**]. Поэтому настаивание на непреодолимой «субъективности» феноменального мира, на его неизбежных границах не приведет ни к каким значимым следствиям в естественных и общественных науках. Этим наукам на самом деле безразлично, является мир таким, каким мы его знаем, окончательной реальностью или же только «феноменом». В обоих случаях наука исследует объективные законы, допускаемые и материализмом, и идеализмом.

Согласно Шмидту Маркс и Энгельс, последний же в особенности, совершают ошибку, когда обращаются к успехам «практики», пытаясь тем самым опровергнуть Канта. Кант признавал действительность «естественных законов» точно так же, как и материалисты. Основываясь на успехах естественных наук, говорил Шмидт, можно было бы критиковать скорее Юма, но никак не Канта[***]. Более того, призывы к «практике» не столько разрешают философские проблемы, сколько делают их невидимыми: «Философию можно опровергать только с помощью философии»[****].

---

[*] Schmidt C. Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung // Der Sozialistische Akademiker. 1896. № 7. S. 399–407; № 8. S. 475–482.

[**] Ibid. S. 401.

[***] См.: Schmidt C. Einige Bemerkungen über Plechanows letzten Artikel in der «Neuen Zeit» // Die Neue Zeit. Jg. XVII. Bd. I. S. 327.

[****] Ibid. S. 328.

Плеханов вступил в серьезную философскую дискуссию с Конрадом Шмидтом, подчеркивая, что тот якобы упустил самый сложный элемент кантианства. Согласно Плеханову сложность эта заключается в самом понятии «явления», чье определение уже противоречиво. По Канту, явление — это «*состояние нашего сознания, вызываемое действием на нас вещей в себе*» [Т. II. С. 405]*. Это значит, что к вещам в себе применяется категория причинности, которая должна действовать только внутри феноменального мира, тем более что свойство вещи — это «именно тот способ, которым она действует на нас *посредственно или непосредственно*» [Т. II. С. 407]. Следовательно, нельзя отрицать тот факт, что мы знаем хотя бы некоторые свойства вещи в себе — свойства, посредством которых вещь в себе воздействует на нас, «вызывая» явление.

Шмидт же в ответ на обвинения в непоследовательности кантианства подчеркивал, что в плехановских рассуждениях допускалась «молчаливая предпосылка, *что Кант, говоря о действии "вещи в себе" на нас, понимает ее материально определенной во времени и пространстве*»**. Когда вещь воздействует на наши органы чувств, мы действительно «познаем» некоторые ее свойства, но эти свойства также определены во времени и пространстве; они являются «феноменальными» свойствами и ничего нам не говорят о «вещи в себе». Считать, как Плеханов, что эти свойства и определения открывают нам «вещь в себе», значило для Шмидта играть словами и привносить в логику учения Канта «чужую нелогичность»***. На самом деле в выражении «вещь в себе» Кант употреблял слово «вещь» метафорически — так же следует понимать и применение категории «причинности» к ноумену. И в том и в другом случае речь идет только о мнимом противоречии.

Выступая против Шмидта и всех тех, кто утверждал, что Кант никогда не говорил о том, что вещи в себе вызывают чувственные восприятия****, Плеханов ссылался на «Пролегомены», где

---

* Здесь Плеханов ссылается на «Пролегомены» Канта. § 13. Прим. II.

** Schmidt C. Einige Bemerkungen über Plechanows letzten Artikel in der «Neuen Zeit» // Die Neue Zeit. Jg. XVII. Bd. I. S. 329.

*** Ibid. S. C. 330.

**** Плеханов, например, ссылался на следующую цитату из Лассвица: «Кто же утверждал, что вещи в себе служат причиной наших ощущений?» [пер. на рус. яз. Плеханова. Т. II. С. 408], и отвечал ему: «*Кант сам*»

Кант прямо говорит, что «мы <...> знаем только <...> явления [вещей вне нас], т. е. представления, которые они в нас производят, воздействуя на наши чувства»*, а также на воззрения таких выдающихся современников и последователей Канта, как, например, Якоби и Шульце**. Для них, так же как и для Плеханова, речь шла совсем не о простом словесном противоречии. А если противоречие не является простым результатом невольной игры слов, то надо стараться его разрешить для лучшего обоснования самого учения Канта. Плеханов писал: «Для этого есть два пути: один из них состоит *в развитии к субъективному идеализму*, другой — *в развитии к материализму*» [Т. II. С. 431]. В первом ноумен сводится к субъекту, так же как и феномен; в результате целая реальность зависит от «я», что неизбежно приводит к солипсизму, ведь «в таком случае я вынужден признать, что все люди, которые кажутся мне существующими вне моего *я*, представляют собою *только видоизменения моего сознания*» [Т. II. С. 432]. Фихте много занимался дедукцией множественности эмпирических индивидов, но ему так и не удалось найти верное решение этого вопроса. Переход от кантианства к субъективному идеализму преодолевает, согласно Плеханову, исходное противоречие, но порождает другие, более глубокие несогласованности. Поэтому лучше попытаться разобраться, «к чему приводит нас развитие от кантианизма к материализму» [Т. II. С. 433].

Как мы уже видели, Плеханов не сомневался в том, что Кант, точно так же как и материалисты, утверждал существование внешних предметов, независимых от нашего сознания. Так, в «Пролегоменах» говорится: «Точно так же как тот, кто признает, что цвета не свойства, присущие объекту самому по себе, а только видоизменения чувства зрения, не может за это называться идеалистом, так и мое учение не может называться

(Lasswitz K. Die Lehre Kants von der Idealität des Raumes und der Zeit im Zusammenhang mit seiner Kritik des Erkennens. Berlin, 1883. S. 132. Архив Дома Плеханова — далее АДП — Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 42. Л. 23).

* Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 105.

** Плеханов, в частности, ссылался на приложение Якоби к диалогу Idealismus und Realismus (см. Т. II. С. 425—426; АДП. Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 42. Л. 45—46) и на «Энезидемус» Шульце (там же. С. 426; АДП. Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 42. Л. 28).

идеалистическим только за то, что я считаю принадлежащими лишь к явлению тела не одни эти, а *даже все свойства, составляющие созерцание этого тела*; ведь существование являющейся вещи этим не отрицается в отличие от настоящего идеализма, а показывается только, что посредством чувств мы никак не можем познать эту вещь, какая она есть сама по себе»*. Подобные высказывания Канта Плеханов считал материалистическими. По его мнению, вне нас существуют вещи, познаваемые только посредством ощущений, ими вызванными, которые никак не могут отождествляться с соответствующими свойствами вещей в себе. Согласно Плеханову в философии Канта «ощущение, а следовательно, и образ предмета есть равнодействующая двух сил: свойств предметов, производящих на нас известное впечатление и свойств того приемника, который получает эти впечатления, свойств нашего "я", которое группирует их известным образом, так сказать, расставляет и связывает их *сообразно своей собственной природе*» [Т. I. С. 476]. Если понимать эти свойства субъекта физиологически, как функции нервно-психической организации человека**, учение Канта оказывается «материалистическим», выступающим в согласии с идеями Сеченова, которые поддерживал сам Плеханов.

По сравнению с материализмом особенность кантианства заключается скорее не в «феноменализме» — ведь обе эти теории признают воздействие внешних вещей на наши органы чувств, — а в утверждении непознаваемости ноумена; согласно же материализму познание обеспечивается воздействием вещей на нас, при осуществлении наших практических целей, подтверждающих, в свою очередь, само познание [см.: Т. II. С. 340—341]. Если вещь в себе материализма, познаваемая и познанная посредством ее воздействия на нас, не дает места для «теологических» фантазий, то в непознаваемом мире кантиан-

---

* Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 106.

** Подобную интерпретацию Канта дал немецкий физиолог Гельмгольц, которому Ленин приписывал «теорию иероглифов». Как бы то ни было, доказательств того, что теория Гельмгольца оказала прямое влияние на Плеханова, не существует — вероятно, это воздействие происходило через Сеченова, который занимался в лаборатории Гельмгольца в Гейдельберге. См.: Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1952. С. 150—153.

ского ноумена «*могут* найти себе убежище все те призраки — бог, бессмертие души, свобода воли, — которые не уживаются с понятием о законосообразности» [Т. I. С. 477].

Шмидт отвечал Плеханову в своей статье «Что такое материализм?», упрекая его за запутанный эклектизм в суждении о том, что «закон причинности должен действовать и в непознаваемом мире вещей в себе»*, и о том, что «*условия*, под которыми можно понимать причинность вообще, т. е. пространство, время и материя <...> нужно также понимать как условия, *действующие* в мире вещей в себе». Шмидт замечал, что подобным образом материализм неизбежно становится философией тождества. «Или, — продолжал он, — Плеханов несерьезно относится к трансцендентальной действительности закона причинности, им самим поддерживаемой, и говорит о причинности вещи в себе только метафорически»**. Но тогда, по мысли Шмидта, материализм Плеханова перестает быть материализмом как таковым и превращается в невнятный эклектизм или же запутанный агностицизм.

Плеханов отрицал противоречие, о котором говорил К. Шмидт, ссылаясь на «теорию соответствия». Он подтверждал, что если вещи в себе являются «причинами» явлений, то пространство и время, будучи «условиями» причинного отношения, должны быть действительными и в мире вещей в себе. Однако, по его мнению, Шмидт ошибался, заключая, что материализм превращается таким образом в «философию тождества». Действительно, пространство и время — это «формы сознания», как таковые субъективные, однако, подчеркивал Плеханов, это «было известно еще Томасу Гоббсу, и этого не станет отрицать теперь ни один материалист. Весь вопрос в том, не соответствуют ли этим формам сознания некоторые формы или отношения *вещей*. Материалисты, разумеется, не могут отвечать на этот вопрос иначе как утвердительно. <...> Наши представления о формах и отношениях вещей не более как *иероглифы*; но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и, в свою очередь, воздействовать на них» [Т. II. С. 447].

---

* Schmidt C. Was ist Materialismus? // Die Neue Zeit. Jg. XVII. Bd. I. S. 698.

** Ibid.

Известную цитату Маркса («идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»)*, которую Шмидт видел подтверждением своей теории**, согласно Плеханову, следовало понимать, напротив, именно в духе «теории соответствия». Плеханов писал: «Если, по словам Маркса, "идеальное есть и перевод, и переделка материального в человеческой голове", то ясно, что согласно тому же мнению — "материальное" не *тождественно* "идеальному", потому что в противном случае не было бы никакой надобности переделывать и переводить его» [Т. II. С. 444]. Переводы одного и того же предложения на два разных языка, пояснял Плеханов, разнятся между собой, однако если перевод правильный, то оба они имеют одно значение. «Точно так же, хотя существующее в моей голове "идеальное" не похоже на то "материальное", с которого оно "*переведено*", но оно имеет *тот же самый смысл*, если только перевод сделан правильно» [Т. II. С. 445].

Кантианство, колеблющееся между идеализмом и реализмом, ноуменом и феноменом, верой и наукой, казалось Плеханову внутренне противоречивым***. Чтобы стать последовательным реалистом, Канту следовало признать познаваемость ноумена, а чтобы стать последовательным идеалистом, ему необходимо было бы свести к субъекту также материалистический остаток вещи в себе как «источник» нашего познания. В первом случае кантианство последовало бы материалистическому пути, идущему, согласно Плеханову, от спинозизма к материализму XVIII в., Фейербаху и Марксу; во втором случае

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1955. С. 21.

** Schmidt C. Was ist Materialismus? // Die Neue Zeit. Jg. XVII. Bd. I. S. 698.

*** В своем понимании кантианства Плеханов нашел себе союзника в лице Фейербаха, который писал: «Кантовская философия ведет неизбежной необходимостью к идеализму Фихте или к сенсуализму — это кажется так странным с первого взгляда, но Кантовская философия сама является противоречием» (БДП. Б. 3167/2. Feuerbach L. Ausgewählte Briefe / hrsg. von W. Bolin. Leipzig, 1904. Bd. II. № 246 an W. Bolin. S. 226). А также: «Кантовская философия есть противоречие между *субъектом* и *объектом*, *сущностью* и *существованием*, *мышлением* и *бытием*» (Фейербах Л. Соч. Т. 1. М., 1995. С. 114). Цитату Фейербаха Плеханов переписал в свою тетрадь (АДП. Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 69. Л. 46).

оно смешалось бы с субъективным идеализмом Фихте [см.: Т. II. С. 431; Т. I. С. 484].

В ходе спора со Шмидтом у Плеханова сформировалось особое понимание «материализма». Для Шмидта материализм представлялся в целом философией тождества, стремящейся к достижению познания окончательной реальности*. С точки зрения же Плеханова, напротив, любое «метафизическое» стремление к познанию окончательной реальности совершенно чуждо подлинному материализму: «Материализм на самом деле есть учение, которое хочет объяснять природу ее собственными силами и которое смотрит на природу, как на нечто первоначальное сравнительно с "духом"» [Т. II. С. 418]. Шмидт возражал против такого определения, замечая при этом: «Поскольку под материализмом понимают лишь стремление везде найти причинную связь явлений природы и установить зависимость духовных процессов от материальных, то такой "материализм" нисколько не противоречит *теоретической философии* Канта; напротив, он ставит себе цель, которая вполне понятна и даже необходима с точки зрения кантовой философии. Противоположность между ними обнаруживается только тогда, когда этот так называемый "материализм" становится последовательным метафизическим или, вернее, метафеноменалистическим материализмом; когда он объявляет элементы мира явлений "вещами в себе"»**.

Однако, согласно Плеханову, «кантианизм тоже *метафеноменалистичен* в том смысле, что он признает *действие на нас вещей в себе*» [Т. II. С. 435]. Последовательно феноменалистическим, отмечал Плеханов, является только фихтеанский идеализм, но Кант сам отвергал такое развитие своего учения***. «Само собою разумеется, что материализм представляет собою учение *метафеноменалистическое,* — продолжал Плеханов, — потому что он не подвергает сомнению ни существование вещей вне сознания, ни их действие на нас. Но так

---

* См.: Schmidt C. Einige Bemerkungen über Plechanows letzten Artikel in der «Neuen Zeit» // Die Neue Zeit. Jg. XVII. Bd. I. S. 325–326.

** Schmidt C. Einige Bemerkungen über Plechanows letzten Artikel in der «Neuen Zeit» // Die Neue Zeit. Jg. XVII. Bd. I. S. 325–326 / пер. на рус. яз. Плеханова. Т. II. С. 435.

*** Плеханов ссылается на произведение Канта Erklärung im Beziehung auf Fichtes Wissenschaftslehre и на второе издание, «Критики чистого разума», чей характер был более реалистическим.

как он в то же время признает, что мы познаем вещи в себе только благодаря тем впечатлениям, которые *вызываются их действием на нас*, то у него нет ни надобности, ни логической возможности считать явления вещами в себе. В этом отношении он нисколько не расходится с кантианизмом, несмотря на свой *метафеноменалистический* характер. Разница между материализмом и кантианизмом обнаруживается лишь дальше. Признав вещи в себе *причинами* феноменов, Кант хочет уверить нас, что *категория причинности* не имеет никакого применения к вещам в себе. Материализм же, который тоже считает вещи в себе причиной феноменов, не впадает в противоречие с самим собою. Вот и все» [Т. II. С. 435—436]. Совсем не являясь «метафизикой тождества», материализм становится для Плеханова в ходе этого спора более последовательным вариантом всего того положительного, что есть в самом кантианстве. Гносеология соответствия служит опровержением сближения материализма с философией тождества. Теория опыта это совсем не «грубая и вульгарная философия тождества»; по словам Плеханова, базируясь на гносеологии соответствия, она представляется как раз путем избежания «как непоследовательности кантианизма, так и нелепости субъективного идеализма» [Т. II. С. 438].

В ходе спора со Шмидтом Плеханов ссылался на пример, приводимый Спенсером, чей так называемый трансформированный реализм он высоко оценивал: «Представим себе цилиндр и куб. Цилиндр есть субъект; куб — объект. Тень, падающая от куба на цилиндр, есть представление. Эта тень совсем не похожа на куб: *прямые* линии куба являются в ней ломаными; его *плоские* поверхности *выгнутыми*. И несмотря на это, каждому изменению куба будет соответствовать изменение его тени» [Т. II. С. 438]*. Сам Спенсер заключал по этому поводу: «Мы можем понять очень ясно, каким образом становится возможным, что совокупность (plexus) объективных явлений может быть так представлена совокупностью (plexus) произведенных ею субъективных эффектов, что хотя эти эффекты совершенно не сходны со своими причинами, хотя отношения

---

* Плеханов здесь перефразировал § 473 «Оснований психологии» Спенсера. О сравнении Спенсера Плеханов знал, помимо прочего, благодаря изложению А. Фулье (Psychologie anglaise contemporaine. Paris, 1875. P. 241—242), которое Плеханов переписал в свою тетрадь (АДП. Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 42. Л. 46—47).

между этими эффектами совершенно не сходны с отношениями между их причинами, и хотя законы изменения в одной группе отношений совершенно различны от законов изменения в другой, тем не менее обе эти совокупности (plexus) могут соответствовать одна другой в такой мере, что каждая перемена в объективной реальности причинит соответствующую ей перемену в субъективном состоянии, — перемену, соответствующую ей до такой степени, чтобы составлять ее познавание»*.

Свое восхищение идеями Спенсера Плеханов разделял с Сеченовым, который именно в психологии английского мыслителя видел преодоление традиционного сопротивления сенсуализма и врожденности или, иными словами, вульгарного материализма и идеализма. Сеченов писал: «У сенсуалистов главным определителем умственной жизни является внешний мир со всем разнообразием его отношений и зависимостей, а у идеалистов — прирожденная человеку духовная организация»**. Но, с одной стороны, «сенсуализму всегда недоставало данных для определения свойств и границ чувственной организации», с другой — «наперекор всякой очевидности <...> [идеалисты] старались вывести всю психическую жизнь человека из деятельности одного только фактора — духовной организации человека, оставляя другой, т. е. воздействия извне, совсем в стороне за невозможностью их непосредственного познания»***. Обращаясь для решения этой проблемы к новейшим открытиям в биологии, Спенсер, по мнению Сеченова, преодолел сопротивление двух школ: «На самом деле гипотеза Спенсера равнозначна сенсуалистическому учению в том смысле, что на всех ступенях психического развития она признает за воздействиями из внешнего мира значение факторов, определяющих психическое явление. Но влияния эти падают, по учению Спенсера, в каждом человеке не на бесформенную, органическую основу, как утверждали крайние сенсуалисты, а на почву, которая благодаря передаче по наследству возделывалась из века в век расширяющимся жизненным опытом расы и приобрела под влиянием этого опыта постоянно усложняющуюся организацию с предначертанными путями развития»****.

---

* Спенсер Г. Основания психологии. СПб., 1876. Т. IV. С. 195–196.

** Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1952. Т. I. С. 282.

*** Там же. С. 282–283.

**** Там же. С. 295.

По мнению Плеханова, спенсеровское решение вопроса примиряло присутствие априорных форм познания, воплощенных в физиологической организации отдельного индивида, с принципом биологической эволюции, ведь то, что является априорным для индивида, является апостериорным для вида. В этой перспективе, говоря об априорных свойствах человеческого разума, выдающийся биолог профессор Рейнке в своей статье, высоко оцененной Плехановым, писал: «Человек с самого рождения своего, следовательно, раньше всякого опыта, вынужден свойствами своего рассудка думать согласно категории причинности и представляет себе явления во времени и пространстве <...>; но точно так же он по свойствам своей организации вынужден дышать, двигаться, принимать пищу и т. д. Так как человек составляет часть природы, то он подлежит ее великому закону — закону *приспособления* к условиям своего существования. И было бы совершенно нелепо думать, что этот закон приспособления предписывается природе нашим рассудком. Но этому закону подчиняются также и *духовные* свойства организмов, которые ведь также относятся к природе; они также развиваются с развитием организма. Все формы приспособления организма к окружающей его среде — легкие, жабры и т. д. — даются организму также a priori, как и формы мышления. Обе эти группы свойств организма получаются им по наследству и развиваются по мере развития его из клеточки, в которой таких свойств совсем незаметно. Если мы зададимся вопросом о том, как приобретены они были данным видом животных, то нам придется обратиться к истории развития земли, но если мы возьмем отдельную особь — человека или какое-нибудь другое животное, — то все ее свойства, как физические, так и духовные, даны ей a priori»*. В этих рассуждениях Рейнке Плеханов находил не только подтверждение своего понимания «одушевления» материи, но и доказательство присутствия в организме априорных «естественных способностей» как возможностей, переходящих в действительность под влиянием и в условиях окружающей среды. Но самое главное, Плеханов видел в них мысль о том, что априори может пониматься как форма деятельности физиологического аппарата восприятий,

---

* БДП. Л. 12062. Reinke J. Kants Erkenntnislehre und die moderne Biologie // Deutsche Rundschau. 1904. Heft 9. S. 458 и далее / пер. на рус. яз. Плеханова. Т. I. С. 482. На полях страниц журнала стоят пометы Плеханова.

приспособляющегося к среде и наследуемого будущими поколениями. В одной из своих многочисленных тетрадей с пометами по поводу чисто спенсеровского по духу отрывка из Альфреда Фулье Плеханов заметил: «Éléments *a priori* dans la connaissance и суть эти наследственные привычки»*.

Плеханов вернулся к своей теории познания в начале XX в. в контексте тогдашнего возобновления философских и естественно-научных исследований. Это было начало той эпохи, которую А. А. Богданов определил как «эпоху великой и поистине беспримерной революции в мире научного познания, когда колеблются и падают научные законы, казавшиеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая место поражающе новым формам, открывая неожиданные и неизмеримые перспективы»**. Позитивизм XIX в., к которому традиционно обращалась передовая интеллигентская среда в России, переживал серьезные трудности, и выход из этого положения предлагал эмпириокритицизм Авенариуса и Маха***.

В ходе полемики по поводу новых философских вопросов многие молодые последователи «ортодоксального» марксизма стали видеть его не достаточно твердо обоснованным с теоретической, но в еще большей степени с гносеологической точки зрения. Марксизм казался им равнодушным к «революции», происходящей в научных воззрениях. Богданов досадовал по этому поводу: «Особенно характерно в этом отношении самое некритическое и свободное от всякого исследования применение таких понятий, как “материя”, “вещь”, “свойство”, “природа”, “силы” и т. п. — то в метафизическом, то в неопределенно-физическом смысле. Именно эти понятия глубоко преобразованы естествознанием XIX и начала XX в. Только в неразрывной живой связи с развитием *науки в целом* философия может идти вперед, а не бессильно топтаться на месте, среди привычных, но неопределенных, понятий»****. Плеханов же в этом контексте, не стараясь перейти на уровень современной науки,

---

* АДП. Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 42. Л. 47.

** Богданов А. А. Приключения одной философской школы. Изд. 2-е. М., 2012. С. 24.

*** См.: Стейла Д. Наука и революция. М., 2013.

**** Богданов А. А. Приключения одной философской школы. С. 25.

продолжал оперировать такими заимствованными из физики XVIII в. понятиями, как «материя», «вещи» и «свойства».

Однако именно в начале XX в. «отец» русского марксизма обратился к вопросам гносеологии и онтологии. Второе издание его перевода «Людвига Фейербаха» в 1905 г. дало ему повод пересмотреть изложение его теории познания, находящееся в примечаниях к произведению Энгельса. Хоть и не отступив от «теории соответствия», Плеханов принялся за глубокую ревизию своей терминологии и впоследствии оставил термин «иероглиф» [см.: Т. I. С. 481].

Как мы уже видели, в 1892 г. Плеханов (как и Сеченов) рассматривал вызванные в нас внешними предметами впечатления как «условные знаки», непохожие на сами предметы, но «соответствующие» им и их взаимным отношениям. Спустя чуть более десяти лет Плеханов объяснял, что в «условности» иероглифов скрывалась опасность серьезного недоразумения: «Когда [Сеченов] допускает, что наши впечатления являются лишь условными знаками вещей самих по себе, то он как будто признает, что вещи сами по себе имеют какой-то неизвестный нам "вид", недоступный нашему сознанию. Но ведь "*вид*" есть именно только результат действия на нас вещей самих по себе; *помимо этого действия они никакого "вида" не имеют*. Поэтому противопоставлять их "вид" — как он существует в нашем сознании — тому их "виду", какой они будто бы имеют на самом деле, — значит не отдавать себе отчета в том, какое понятие связывается со словом: вид» [Т. I. С. 480]. По-прежнему выражая свое согласие с Сеченовым [Т. III. С. 242], Плеханов теперь решил преодолеть «неточность терминологии» физиолога.

Описание связи между «вещью в себе» и представлением с помощью понятия «иероглифов» недостаточно подчеркивало радикальное различие двух этих терминов; таким образом можно было представить гипотетический «вид» вещи в себе как бы соответствующий нашим чувственным восприятиям. Как в дальнейшем объяснял сам Плеханов: «Если вещь в себе имеет цвет только тогда, когда на нее смотрят, запах — только тогда, когда ее нюхают, и т. д., то, называя условными знаками наше представление о ней, мы даем повод думать, что, по нашему мнению, ее цвету, запаху и т. д., существующим в наших ощущениях, соответствуют какой-то цвет в себе, какой-то запах в себе и т. д. — словом, какие-то *ощущения в себе*, не могущие стать предметом *наших ощущений*» [Т. III. С. 241—242]. Для каждого «знака» теория иероглифов предполагает точное

«значение» — нечто строго аналогичное, хоть и непохожее на «вещь в себе». Но виду вещи в наших чувственных впечатлениях соответствует нечто совершенно отличное и непознаваемое. «Вид» вещи является «субъективным», так как он зависит от состояния и действий органов чувств субъекта. Не все субъекты, т. е. не «все те организмы, которые благодаря известным особенностям своего строения имеют возможность так или иначе "*видеть*" внешний мир», имеют одинаковое строение, поэтому, говорит Плеханов, «и внешний мир имеет для них неодинаковый "вид"» [Т. I. С. 481].

Здесь можно было бы заключить, что обновленная «теория соответствия» Плеханова оказывается еще более выраженно субъективной, чем ее первый вариант. Однако Плеханов старался опровергнуть это неверное понимание, определяя субъективный «вид», «феномен», в его связи с объективными понятиями «свойства» и «формы».

Разграничивая понятия «вид» и «свойство», Плеханов уточнял: «Говоря, что "вид" вещи есть лишь результат ее действия на нас, я понимал свойства вещи, как они *отражаются в представлении субъекта* (im Subjektiven Sinne aufgefasst, сказал бы Гегель, а выражаясь языком Маркса, надо сказать: как они существуют в переводе на язык человеческого сознания); но, высказывая эту мысль, я вовсе не думал утверждать, что свойства вещей существуют только в нашем представлении»*, просто, «действуя на нас, вещь в себе вызывает в нас ряд ощущений, на основании которых составляется наше представление о ней. Раз явилось это представление, существование вещи удваивается: она существует, во-первых, в себе, во-вторых, в нашем представлении» [Т. III. С. 246]. Поэтому «свойствам» вещи в нашем представлении, т е. ее «виду», соответствуют объективные «свойства», и такое соответствие обеспечивает действительность и объективность нашего познания. В подтверждение своих слов Плеханов приводил следующий пример: «Если человек и улитка движутся от точки *А* к точке *В*, то и для человека, и для улитки прямая линия одинаково будет кратчайшим расстоянием между этими точками: если бы оба

---

* На обложке книги Гегеля в Библиотеке Дома Плеханова рукой самого Плеханова написано: «У меня вид: свойство, im Subjektiven Sinne aufgefasst» (БДП. Б. 3257. Hegel G. W. F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Erster Teil: Die Logik. Zweite Aufl. Berlin, 1843).

эти организма пошли по ломаной линии, то *им пришлось бы затратить больше работы на свое передвижение*. Значит, *свойства пространства* имеют *также объективное значение*, хотя и представляются различно организмам, стоящим на различных ступенях развития» [Т. I. С. 481].

Свойство — это нечто объективное, оно принадлежит вещи в себе и как таковое непознаваемо. Чтобы сделать еще более понятным значение этого термина, Плеханов обратился к «Логике» Гегеля*, где тот объяснял: «Вещь обладает *свойствами*; они, *во-первых*, ее определенные соотношения с *иным* <...> Но, *во-вторых*, вещь в этой положенности есть *в себе* <...>. Вещь обладает свойством вызывать то или другое в ином и лишь ей присущим образом проявляться в соотношении [с другими вещами]»**. Эта мысль восхищала Плеханова особенно***. И это не удивляет: уже в 1898 г. Плеханов определял свойство как «тот способ, которым она [вещь] действует на нас *посредственно или непосредственно*» [Т. II. С. 407]. В отличие от «вида» как субъективно воспринимаемого «качества» свойство является постоянным и объективным. Так, если «вещь в себе имеет цвет, лишь будучи поднесена к глазу, запах — к носу и т. п.»****, то ее способность вызывать чувства в органах субъекта остается даже, когда никто на нее не смотрит и не нюхает. Эта способность является независимым от субъекта свойством вещи в себе [Т. III. С. 245].

Разгоряченный полемикой с Богдановым, Плеханов обратился также к различию между «видом» и «формой» вещи. Богданов подчеркивал, что существует резкое различие между плехановским утверждением, что «*формам и отношениям* [вещей в себе] *между собою соответствуют формы и от-*

---

* Судя по пометам и заметкам в разных экземплярах «Логики» (большой и малой) в Библиотеке Дома Плеханова, особенно интересными Плеханов счел следующие страницы: Hegel G. W. F. Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Die Logik / hrsg. von L. v. Henning. 2. Aufl. Berlin, 1843. S. 254 (БДП. Б. 3257) и Hegel G. W. F. Wissenschaften der Logik. Erster Band. Zweites Buch. Nürberg, 1813. S. 147–149 (БДП. Б. 3235).

** Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. М., 1971. С. 121.

*** Ссылаясь именно на эту цитату, Плеханов называл Гегеля «гениальным стариком» [Т. III. С. 245].

**** Гегель Г. В. Ф. Наука логики: Т. 2. С. 118.

ношения явлений»[*], в результате чего признается существование «формы» вещей в себе, и отрицанием того, что вещи в себе имеют «вид», так как «форма» и «вид» являются синонимами[**]. В ответ на возражения Богданова Плеханов замечал, что «форму» и «вид» можно отождествлять только очень поверхностно, понимая «форму» простой «внешней формой» объекта. Гегель доказал, что форма является скорее всего «законом» предмета или «его *строением*» [Т. III. С. 239], поэтому, согласно Плеханову, субъективному «виду», зависящему от наших органов чувств, соответствуют объективные свойства и структуры, «вид» же оказывается совершенно отличным от «формы».

По мнению М. Г. Ярошевского, и Ленин, и Плеханов на самом деле противоречили теории «иероглифов», говоря, что нельзя противопоставлять друг другу субъект и объект. Однако противоречили они ей по совершенно разным причинам: согласно Ленину противопоставлять субъект и объект нельзя, поскольку качественное определение вида отражает качественное, реальное, объективное определение вещи, независимо от воспринимающего субъекта; по мнению же Плеханова, наоборот, вид не противопоставляется объекту потому, что качественное состояние чувственного восприятия не похоже на свойства реальных вещей. Это состояние зависит исключительно от строения организма, на который действуют внешние предметы[***].

Любопытно задаться вопросом, почему Плеханов обратился к ревизии своей терминологии во втором издании своего перевода «Людвига Фейербаха». Несомненно, сложившаяся тогда ситуация ставила на повестку дня именно гносео-онтологические темы. Успех произведений, которые, подобно богдановским, казались Плеханову «*решительным отрицанием материализма*»[****], распространение в России эмпириокритицизма (против чего Плеханов считал необходимым предпринимать решительные действия), многочисленные теоретические споры того времени —

---

[*] Богданов А. А. Эмпириомонизм. Книга III. СПб., 1906. С. XIV.

[**] Там же. С. XIV–XV.

[***] См.: Ярошевский М. Г. Г. В. Плеханов и И. М. Сеченов // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 216.

[****] Письмо Г. В. Плеханова к Мюнхенской части редакции. 17–19 ноября 1901 г. // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. I. С. 131. Здесь Плеханов имел в виду работу А. А. Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу».

все это вызывало раздражение Плеханова, толкая его к новым философским исследованиям, ведь, по его мнению, именно в тот момент каждый серьезный марксист должен был заниматься философией*. Несмотря на характерное для того времени общее увлечение тем или иным современным философом, его собственный способ заниматься философией заключался главным образом в перечитывании классиков.

В частности, несколько лет спустя он сам признавал, что в неудовлетворительности терминологии Сеченова его убедил как раз отрывок из первого издания «Критики чистого разума», где Кант объясняет: «Для того чтобы ноумен означал истинный предмет, который следует отличить от всех феноменов, недостаточно *освободить* свою мысль от всех условий чувственного созерцания, а должно еще иметь основание *допустить* кроме чувственного созерцания другого рода созерцание, при котором мог бы быть дан такой предмет; иначе эта мысль была бы пуста, хотя она и не содержит противоречий»**. Эта мысль убедила Плеханова в необходимости «подчеркнуть, что никакое другое созерцание, кроме чувственного, невозможно, но что это не мешает нам знать вещи благодаря впечатлениям, ими на нас производимым» [Т. III. С. 242 прим.]. Плеханов полагал, что необходимо отойти от Канта и от метафизических выводов его «феноменализма». Вещи в себе были для Плеханова, так же как и для Канта, но даже более последовательно, «настоящими предметами», отдельными от феномена. Согласно Плеханову вещи в себе — это просто существующие независимо от субъекта внешние предметы, и познаваться может только их воздействие на нас [Т. III. С. 226—227].

В поддержку своего материализма в новых примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Плеханов предлагал «онтологическое» обоснование внешних предметов. В первом же издании

---

* См.: Плеханов Г. В. Наше положение // Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 341—342.

** Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 517. В экземпляре, который находится в Библиотеке Дома Плеханова, данная цитата подчеркнута; в целом многие пометы на полях свидетельствуют, что Плеханов внимательно разбирал эту книгу (БДП. Б. 3308. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Text der Ausgabe 1781 mit Beifügung sämtlicher Abweichungen der Ausgabe 1787 / hrsg. von K. Kehrbach. Zweite Aufl. Leipzig, s.d. S. 233). Та же цитата переписана рукой Плеханова в тетради под заглавием: «К вопросу о *виде* вещей» (АДП. Фонд № 1093. Ед. хр. Т. 108. Л. 2).

он почти не касался этого вопроса, ведь тогда существование внешних предметов казалось ему непосредственно очевидным. Вернувшись к этой проблеме в 1905 г., Плеханов вновь заключал, что существование внешнего мира в конечном счете является недоказуемым. Но «такая "вера" составляет необходимое предварительное условие мышления *критического* в лучшем смысле этого слова, <...> она есть неизбежное *salto vitale* философии» [Т. I. С. 487]. К этой «вере» приводит правильная постановка основного вопроса философии, преодолевающая сопротивление «я» внешнему миру и признающая субъект, вслед за Фейербахом, «организмом, обладающим сознанием». Субъект, в свою очередь, является объектом, просто «*рассматриваемым с другой стороны*, со стороны мысли, а не со стороны протяжения, как сказал бы Спиноза» [Т. I. С. 487].

Таким образом, на создание теории соответствия Плеханова вдохновили и материалистическая интерпретация психофизического параллелизма Спинозы, и теории познания материалистов XVIII в. и Фейербаха, и современная физиология, и «трансформированный реализм» Спенсера. Новый вариант плехановской теории познания в 1905 г. должен был отвечать потребности более надежного ее обоснования и на научном, и на философском уровнях. Тем не менее ни предпринятая Плехановым ревизия его представлений с позиции физиологии, ни учитывание идей Спинозы и Фейербаха не показались новым философским противникам Плеханова достаточными изменениями. Даже отказ от теории «иероглифов» не уберег Плеханова от осуждения и нападок современников, выступивших с критикой его гносеологии. В сборнике «Очерки по философии марксизма», где самые выдающиеся русские махисты выступили против старого «метафизического» материализма Плеханова, можно встретить следующее суждение: «То обстоятельство, что Г. В. Плеханов именно в борьбе за ортодоксию все более и более "софистицировался" Кантом, не должно нас удивлять. Такова типичная история возникновения и развития ересей»*. Автор этих строк Базаров упрекал Плеханова именно по тем пунктам, по которым тот сам однажды критиковал немецких ревизионистов.

Перевод и редактирование О. Поповой

---

* Очерки по философии марксизма. С. 71. О «кантианстве» Плеханова см. также: Базаров В. На два фронта. СПб., 1910. С. XXI; Богданов А. А. Падение великого фетишизма. М., 1910. С. 199–200.

М. А. Гусаковский

К проблеме человека в философии Г. В. Плеханова*

В отечественной историко-философской литературе сложилась довольно устойчивая оценка деятельности Г. В. Плеханова. Ее суть состоит в следующем: если Плеханов ошибался в политической области, особенно после 1903 г., то в теоретической деятельности, в области философии, в частности, он в основном был прав. Указываются отдельные ошибки, в своем большинстве вскрытые В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» и в «Философских тетрадях», однако они интерпретируются как досадный промах, не игравший существенной роли в философской системе Г. В. Плеханова. Вместе с тем такой подход едва ли может быть удовлетворителен, он грешит односторонностью.

Мы позволим себе усомниться в справедливости этого вывода относительно его идей, связанных с проблемой человека. Проблема эта, однако, носит универсальный характер, она самым тесным образом связана как с теорией, так и с практикой деятельно-

---

* Сокращенный вариант рукописи. Полный вариант см.: Гусаковский М. К проблеме человека в философии Г. В. Плеханова. Минск, 1979. (Машинопись, депонированная в ИНИОН.)

го субъекта, она ведет к необходимости анализа «последних теоретических оснований» этой деятельности.

Мы хотели бы сделать два предварительных замечания, касающихся принципов исследования философии Г. В. Плеханова. Первое — общего характера: при анализе философии Плеханова мы старались исходить из внутренней логики теоретизирования самого Плеханова и не накладывать на его рассуждения никаких внешних схем.

Второе замечание касается особенностей возникновения и эволюции философских взглядов Плеханова. Г. В. Плеханов пришел к марксизму не сразу. Этот переход сопровождался ломкой прежней теоретической системы, которой он придерживался, — идеологии народничества. Это обстоятельство наложило <...> свою печать на восприятие им философии марксизма, на логику построения новой системы. Некоторый предварительный анализ текстов позволил предположить, что даже там, где Плеханов цитирует К. Маркса и Ф. Энгельса, он не всегда адекватно интерпретирует их. Это обстоятельство обусловило необходимость при анализе проблемы постоянного внимания не только к тому, что он хочет сказать, какой смысл вкладывает в те или иные понятия. Руководствуясь этими двумя методическими принципами, мы приступаем к анализу.

Для того чтобы понять, каким философским материалом, кроме теории марксизма, оперировал в своей философии Плеханов, нам с самого начала надо иметь в виду, что в своих теоретических изысканиях он как бы поставил перед собой задачу еще раз пройти тот путь, который прошел в философии К. Маркс на пути к созданию материалистического понимания истории. Очевидно, он задался целью путем анализа логики общественной мысли доказать закономерность, неизбежность создания новой философско-социологической теории марксизма, которая, по его убеждению, явилась переворотом, какого не знала история общественной мысли. Стремясь наиболее полно осуществить эту задачу, Плеханов неизбежно обращался к трудам классиков немецкой философии. Большое внимание уделил Плеханов также анализу предшествующей материалистической традиции — философии французских материалистов XVIII в. и особенно Спинозы.

Философские взгляды этих мыслителей наложили свою печать на складывающиеся собственные воззрения мыслителя.

Исходным теоретическим принципом исследования у Плеханова выступал принцип материалистического монизма. Ка-

кие бы проблемы ни исследовал его философский ум, он все стремился вывести или свести к принципу материализма. Этот принцип был направлен прежде всего против различных форм философского идеализма, субъективизма и религиозной ортодоксии, и, что самое важное, с его помощью Плеханов обосновывал необходимость революции рабочего класса и установления социализма в России. Названный философский принцип играл, бесспорно, самую прогрессивную идеологическую роль.

Как же подходил он, исходя из этого принципа, к проблеме человека? Еще раз оговоримся, в нашей работе мы рассмотрим только некоторые гносеологические основания решения Плехановым этой проблемы и не будем касаться ни самого решения, ни его социологических аспектов. Это отдельный разговор.

Как неоднократно признавался сам Плеханов, его не очень интересовали в философии проблемы гносеологии*. В этом он продолжал традицию народнической идеологии, из которой вышел. Как известно, концентрируя свое внимание на мировоззренческой функции философии, семидесятники не слишком задерживались на гносеологических изысканиях и спешили перейти к «житейскому действию», создать «практическую философию», необходимую им для немедленного решения назревших практических задач. Плеханов унаследовал эту практическую тенденцию народничества 70-х гг. Однако его теоретически не удовлетворял субъективный идеализм народнического движения, основанный на «субъективном методе» в социологии и волюнтаризме на практике. Рано поняв недостаточность благих пожеланий, Плеханов почувствовал необходимость поиска более веских теоретических оснований для обоснования практики революционной борьбы. Такие основания он нашел в философской и социологической теории марксизма. То обстоятельство, что он не придал большого значения вопросам гносеологии, наложило свою печать как на его понимание содержания марксизма, так и на оценку той роли, какую занимает в марксизме проблема человека.

Если попытаться умозрительно вычленить ту основную теоретическую проблему, вокруг которой разворачиваются все хитросплетения его философской мысли, ее, пожалуй, можно назвать так: «свободный человек и детерминированный мир».

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 35.

Если прежде, будучи народником, Плеханов отдавал предпочтение первой стороне антиномии, теперь вся теоретическая деятельность подчинена настойчивой попытке разрешить антиномию путем включения человека в детерминированный мир, посмотреть на мир и на человека с единой материалистической точки зрения как на единый природный развивающийся процесс.

Решая проблему человека с этих позиций, Плеханов испытал несомненное влияние антропологического материализма Л. Фейербаха и Н. Г. Чернышевского. Известно, что философская антропология интересовала и народнических идеологов. Но если они из нее прежде всего брали этические и исторические аспекты проблемы человека, Плеханова больше всего интересовали ее натуралистические основания.

В одной из центральных философских работ, «Основные вопросы марксизма», Плеханов в полном согласии с Фейербахом цитирует следующее: «В споре между материализмом и спиритуализмом... речь идет о человеческой голове... раз мы узнали, что представляет собой та материя, из которой состоит мозг, мы скоро придем к ясному взгляду и насчет всякой другой материи, насчет материи "вообще"»*. Уже здесь виден подход к проблеме человека у Плеханова — субстратно-субстанциональный.

Как известно, подобная онтолого-гносеологическая апелляция при решении основного вопроса философии к человеку полностью согласуется с исходным принципом антропологической философии Фейербаха: «Человек как психофизиологическое существо есть "единственный универсальный и высший предмет философии"»**. У Фейербаха индивид выступает в качестве первичной реальности, несущей в себе все свойства «человеческого». Человек обладает неизменной совокупностью своих стремлений и потребностей, которые реализует в обществе. У Фейербаха встречаются попытки взглянуть на человека и как на «общественное существо», но в конечном счете для него цельный человек — это человек в его единстве с природой — чувственный человек.

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. М., 1955. С. 131.

** Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1955. С. 202.

К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо отмечали, что Фейербах никогда не добирался до «реально существующих, деятельных людей», он не знал иных человеческих отношений, кроме любви и дружбы, к тому же идеализированных*. Однако, критикуя Фейербаха за абстрактный подход, Маркс и Энгельс никогда не исключали проблему человека как цельного, автономного существа, реального феномена общественной жизни, носителя родовых качеств. Именно Маркс и Энгельс своим учением об общественной практике обосновали особое положение человека в материальном мире — место преобразователя и творца, средоточия общественных отношений. Многие моменты своего учения о человеке Маркс и Энгельс регенерировали из философской системы Фейербаха.

Плеханов следующим образом интерпретирует основной гуманистический принцип его философии: «Фейербах взял "человека" за отправную точку своих философских рассуждений только потому, что, отправляясь от этой точки, он надеялся на скорее прийти к цели, которая состояла в составлении правильного взгляда на материю вообще и на ее отношение к "духу". Стало быть, тут мы имеем дело с методологическим принципом, значение которого обусловливалось обстоятельствами времени и места...»**

Мы согласны с М. Ф. Чернышевой, которая указывает на недостаточность и ограниченность трактовки принципа гуманизма Л. Фейербаха Плехановым.

М. А. Чернышева убедительно доказывает, что гуманизм Фейербаха не сводится к методу, он включает в себя разработанное философское учение о человеке, пронизывающее всю его философскую систему в целом***. Учение о человеке

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. С. 131.

*** «Учение Фейербаха о единстве субъекта и объекта позволяет ему "все сверхъестественное посредством человека свести к природе", а все "сверхчеловеческое — к человеку". Такой подход Фейербаха к изложению и обоснованию философских проблем, видимо, определяется ведущим интересом Фейербаха — интересом к человеку. Критика религии и идеализма предпринимается Фейербахом также во имя защиты человека и его интересов. Именно философия человека в самом широком, доступном ему понимании, называется Фейербахом антропологией. Это содержание философии Фейербаха улавливает А. М. Деборин, когда пишет, что у Фейербаха "антропология есть человековедение в смысле обществоведения"» (Деборин А. М.

позволило Фейербаху связать воедино природу и дух, объект и субъект. Как свидетельствует Чернышева, еще Йодль верно заметил, что у Фейербаха человек — основа, субъект единства бытия и сознания. Объектом человека, по Фейербаху, является вселенная, потому что человек — универсальное существо. Поэтому объектом исследования истинного философа должно быть все, к чему человек имеет наиболее тесное отношение. «Истина не в мышлении и не в знании как таковом, — пишет Фейербах. — Истина — в полноте человеческой жизни и существа»*. Научное исследование должно иметь в виду связь объекта исследования с человеком**.

Таким образом, антропология — это не только исходный принцип построения философской системы у Фейербаха — она ее содержательное теоретическое обоснование.

Этот подход Плеханова к Фейербаху не случаен. В дальнейшем анализе мы увидим, что Плеханов сам в своих философских рассуждениях постоянно опирался на понятие человека как методологический прием. Указанный онтолого-гносеологический подход к проблеме человека Плеханов использовал очень широко: его он положил в основу исследования таких проблем, как материалистическое решение основного вопроса философии, отношения субъекта и объекта, проблемы единства бытия

Людвиг Фейербах. М., 1923. С. 162). Действительно, антропология Фейербаха не является методологическим приемом, в том смысле, как его понимает Г. В. Плеханов. Наоборот, постановка и решение других философских проблем в учении Фейербаха продиктованы в известной степени нуждами его антропологии»). Чернышева М. А. Учение Л. Фейербаха о человеке и его значение для формирования гуманизма К. Маркса: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. философ. наук. Л., 1968. С. 5—6.

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 203.

** В работах Фейербаха, указывает Маркс, берет «свое начало положительная гуманистическая и натуралистическая критика <...>; после “Феноменологии” и “Логики” Гегеля это — единственные сочинения, которые содержат подлинную теоретическую революцию» (Маркс К. Из ранних произведений. С. 520). Считая такой подход единственно правильным, Маркс осуществляет в своей рукописи анализ отношений людей в капиталистическом обществе с гуманистических и материалистических позиций. Анализ явления отчуждения личности в капиталистическом обществе приводит Маркса к выводу, что только положительное упразднение частной собственности создает человека в полном смысле этого слова // Там же. С. 19.

и мышления, наконец, постановки проблемы последних оснований философии. Рассмотрим его более подробно.

В одной из самых первых философских работ, «Примечание к работе Ф. Энгельса "Людвиг Фейербах..."» (1891 г.), Плеханов следующим образом формулирует свои рассуждения по всему кругу указанных философских проблем: «Человек должен действовать, умозаключать и верить в существование внешнего мира, говорил Юм. Нам, материалистам, остается прибавить, что такая "вера" составляет необходимое предварительное условие мышления критического в лучшем смысле этого слова, что она есть неизбежное salto vitale философии. Основной философский вопрос решается не противопоставлением "я" "не-я", т. е. внешнему миру: такое противопоставление способно завести лишь в тупой переулок абсурда. Для решения названного вопроса необходимо выступить за пределы "я" и рассмотреть, как относится "он" (организм, обладающий сознанием) к окружающему его внешнему миру. Но как только вопрос принимает этот — единственный рациональный — вид, тотчас же становится очевидным, что "субъект" вообще, а следовательно, и мое "я", не только не диктует законов объективному миру, но представляет собою лишь составную часть этого мира, рассчитываемую с другой стороны, со стороны мысли, а не со стороны протяжения, как сказал бы Спиноза, который был несомненным материалистом, хотя его и отказываются признать таковым историки философии.

Этим решительным шагом мысли разрубается также и весь гордиев узел юмова скептицизма!»* Не будем останавливаться на доказательстве того, что этим «решительным шагом мысли» отнюдь не разрубается гордиев узел юмова скептицизма, остановимся на другом.

Нетрудно заметить, что в основе подхода к решению указанных философских проблем лежит фейербаховский принцип философской антропологии. Из этого отрывка можно заметить также принципиальное различие подходов Фейербаха и Плеханова к проблеме философского начала. Если для Фейербаха такой точкой исхода является человек — эмпирическое существо, то для Плеханова человек — объективный «внешний мир» (понятие «человек» идентифицируется с абстрактным рационализированным понятием природы). Понятие «человек» у

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 487.

Плеханова онтологизируется — человек у него выступает теоретической моделью мира вообще, наделенный качеством субстанциональности, этот «человек» объединяет в себе материю и сознание. Представление о единой материальной субстанции, объединяющей в себе и материю, и сознание, <...> впервые ввел в философию Б. Спиноза. Упоминание в тексте имени Спинозы не случайно, именно его представление о субстанции положено Плехановым в фундамент решения всех основных проблем гносеологии, в том числе и диалектического материализма. «...материализм в том виде, как он был разработан в восемнадцатом столетии и как он был принят основателями научного социализма, — пишет Плеханов, — является теорией, которая учит нас, что мы не можем знать мыслящей субстанции вне субстанции, обладающей протяжением, и что мысль является "в том же смысле, как и движение, функцией материи". Но это есть отрицание философского дуализма, и это возвращает нас прямиком к старику Спинозе с его единой субстанцией, для которой протяжение и мысль являются только атрибутами. И действительно, современный материализм представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм»*.

По мнению Плеханова, все материалисты, начиная от философов XVIII в., являются спинозистами, в большей или меньшей мере осознававшими это свое родство: «Материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, лишь родом спинозизма!»** Более того, Плеханов с самого начала своего философского творчества марксистского периода настойчиво повторяет, что спинозистами были также Маркс и Энгельс. «...я с полнейшим убеждением утверждаю, что Маркс и Энгельс в материалистический период своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы»***. Плеханов неоднократно называл философию Маркса «родом спинозизма»... Спинозу Плеханов считал праотцом всех материалистов и вслед за Фейербахом называл его «Моисеем свободных мыслителей и материалистов» Нового времени.

Учение Спинозы о единой субстанции как causa sui, объединяющей в себе два атрибута — протяжение и мышление, действительно впервые в новой философии на уровне предельных

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 339.

** Там же. С. 359.

*** Там же. С. 360.

философских абстракций с материалистических позиций логически непротиворечивым образом разрешало проблему единства мира.

Представление Спинозы о единой субстанции было важно Плеханову прежде всего для основания принципа философского материалистического монизма. Именно по этому критерию объединяет он в один лагерь столь далеко отстоящих по времени авторов. В этом смысле он и употребляет термин «спинозизм», когда говорит о «родах спинозизма». Дело, однако, не исчерпывается формальной, терминологической стороной, сложность состоит в том, что Плеханов и по содержанию, некритически заимствуя основные положения этого учения, кладет их в фундамент построений диалектического материализма, искренне полагая, что это и есть точка зрения марксизма: «Когда Энгельс пишет, что "к лагерю материалистов нужно отнести всех тех, которые основным началом считают природу" (см. его соч. "Людвиг Фейербах..."), то он только повторяет слова Фейербаха: "Истинное отношение мышления к бытию состоит лишь в том, что бытие — это субъект; мышление — предикат; мышление происходит из бытия, а не бытие из мышления". А так как точка зрения Фейербаха была точкой зрения спинозиста, то ясно, что и тождественная с нею философская точка зрения не могла быть иною»*.

В уже цитированной работе «Основные вопросы марксизма» Плеханов, изложив отчасти известный нам принцип «антропологического» материализма Фейербаха, добавляет: «Так говорил Фейербах. И то же самое, хотя иногда и другими словами, говорил Энгельс в своей полемике с Дюрингом. Уже отсюда видно, какая важная часть философии Фейербаха навсегда вошла в философию Маркса — Энгельса»**.

Г. В. Плеханов искренне полагал, что определенная часть философских учений прежних материалистов навсегда и без изменений вошла в философию марксизма. Это допущение было, мягко говоря, не строго.

Философия Спинозы являлась несомненным громадным завоеванием человеческой мысли. Она впервые давала по-

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2 С. 359–360.

** Там же. Т. 3. С. 136.

знающему субъекту принципы и средства теоретического объяснения мира как естественного процесса, без необходимости обращения к различным идолам «рассудка», «мнения», не прибегая к такой беспредметной категории, как «душа». Объяснение мира из него самого — принцип, который не потерял своего теоретического и эвристического значения до сих пор. Он служит отправной точкой философствования и сегодняшних мыслителей-материалистов. Вот как интерпретирует этот принцип применительно к человеку в связи с философией Спинозы <...> Э. В. Ильенков: «...в человеке, как и в любом другом возможном мыслящем существе, мыслит та же самая материя, которая в других случаях (в других модусах) только "простирается" в виде камня или любого другого "не мыслящего тела", что мышление и в самом деле нельзя отделить от материи и противопоставить ей же самой в виде особого, бестелесного "духа", что оно — ее собственное совершенство»*. Э. В. Ильенков справедливо замечает, что эта общеметодологическая позиция позднее позволила Ленину заявить, что в самом фундаменте материи резонно предположить свойство, родственное ощущению, хотя и не тождественное ему, — свойство отражения**.

Однако при всем том принцип материалистического монизма в той форме, какой он был выработан Спинозой, не вполне адекватно отражал действительность, нес печать «логического» происхождения, содержал внутреннее противоречие. Понятие субстанции, введенное в систему в качестве универсального организующего принципа, позволяло включать в себя все явления как материальные, так и духовные, но не давало оснований отличия одних от других, не позволяло установить способа их связи и отношения. Не случайно философская система Спинозы не избежала упреков в гилозоизме. Указанная система обладала еще одним недостатком. На него указывал В. И. Ленин в «Философских тетрадях». В системе Спинозы нет субъекта свободного, самостоятельного, сознательного (недостает свободы и самостоятельности, самопознающего

* Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 40–41.

** Там же. С. 41.

субъекта)*. Субстанция Спинозы носит только общий характер — это единый поток бытия, в котором растворена индивидуальность. Понятие субстанции по своему происхождению еще слишком связано с понятием бога, чтобы полностью заменить его. Субстанция Спинозы несет в себе смысл явления, нерасчлененная сущность которого пребывает одновременно и в скрытой форме, не допускающей никакой множественности и противопоставленности, и в явной форме, раскрываясь в многоцветьи тождественных ему творений.

И наконец, еще одно. Понятие субстанции у Спинозы не просто несло в себе момент представления о чистом едином неопределенном бытии единой универсальной закономерности природы. Это некий поток бытия, проявляющийся в массе своих состояний-модусов, совершающихся неизбежно. Вся система мышления Спинозы исходит из этой предпосылки. Рассматривая решение Спинозой проблемы мышления, Э. В. Ильенков следующим образом излагает логику его философствования: «Спиноза... утверждает на языке своего века, что той единственной системой, внутри которой мышление имеет место с необходимостью, а не по случаю... является не единичное тело и даже не сколько угодно широкий круг таких же тел, а единственно природа в целом. Отдельное тело обладает мышлением лишь в силу случая, стечения обстоятельств. Пересечение и сочетание массы причинно-следственных цепей в одном случае может привести к появлению мыслящего тела, а в другом — просто тела, камня, дерева и т. п. Так что отдельное тело — даже человеческое — обладает мышлением вовсе не с необходимостью. Только природа в целом и есть та система, которая обладает "всеми своими совершенствами", в том числе и мышлением, уже с абсолютной необходимостью...»**

Включая мышление в качестве атрибута субстанции в поток бытия, Спиноза тем самым приписывает ему свойство универсальной необходимости. Субстанция содержит в себе это свойство в качестве предиката, определения, родового признака. В понятии субстанции как общеродовом признаке, отражающем закономерный непреложный единый ход бытия, окончательно терялась всякая индивидуальность.

---

* Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 39.

** Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 425.

Таким образом, бытие в философии Спинозы носило слишком абстрактный характер. У него отсутствовало понятие индивидуального бытия, с которым В. И. Ленин связывал понятие развития, жизни. Подходя с этих позиций к миру, не было никакой возможности выделить и теоретически обосновать специфику ни одного предмета, в том числе человека.

Эти недостатки в свое время попытался преодолеть Людвиг Фейербах. Как мы уже знаем, за основу философских рассуждений он взял именно человека — индивидуальное существо, универсальным образом воплощающее в себе сущность мира. Одной из необходимых частей его философской системы стала выступать деятельность (понятие, традиционное для немецкой классической философии). У Фейербаха это не всякая деятельность, а конкретная деятельность человека. Но если всякая деятельность есть также определенная деятельность, то и предмет этой деятельности есть данный, определенный, особенный предмет. Необходимым условием реальной деятельности, по крайней мере ее теоретическим условием, является познание не только всеобщего, но и специфического. Как свидетельствует Й. Элез, Фейербах не застревает на «общей причине», а распространяет это положение на все тела, существа*. «Сущность каждой вещи заключается в ее особенностях», а посему и познание вещей должно быть познанием их «своеобразных сущностей». «В действительности, — писал Фейербах, — однообразное безразличие причинного ряда прерывается, упраздняется различием, индивидуальным характером вещей. Между тем индивидуальный характер вещей и существ необъясним и невыводим как из универсальной первопричины, так и из всеобщей причины. Возникать — значит проявлять индивидуальность...»** Общий вывод, к которому приходит Фейербах: причина, производящая без различия все, в действительности не производит ничего. Это — только понятие, оно имеет только логическое и метафизическое, но отнюдь не физическое значение.

Эту логику рассуждений Фейербах применяет к человеку. Он выступает против выведения человека из природы вообще. Это похоже на то, что у всех людей должен быть признан один отец — Адам. «Адам охватывает всех людей, из него вытравле-

* Элез Й. Проблема бытия и мышления в философии Фейербаха. М., 1971. С. 125.

** Там же.

на всякая индивидуальность»*. Особенные явления имеют особенные причины. Фейербах этими рассуждениями приближается к диалектическому пониманию взаимодействия причины и следствия**.

Излагая фейербахово учение о многообразии причин, Й. Элез пишет, что у Фейербаха человеческая необходимость не механическая, даже не «растительная», не «зоологическая». Отсюда иная ориентация в исследовании проблемы человека. Ее решение надо было искать не в растворении человеческой деятельности в некоторой нечеловеческой форме движения материи, а в выявлении места и роли человека, человеческой деятельности как специфической во всеобщей «деятельности» природы, во включении первой в универсальную каузальность природы, но в таком включении, которое вело бы не к стиранию особенностей этой деятельности, а к признанию как специфической причины физического изменения мира***. Фейербах признает не только основные формы необходимости, но и различные ступени необходимости, ее относительный и исторический характер****. Из этих представлений Фейербаха о необходимости логически вытекало и его учение о свободе. Если бы все мои действия и устремления исчерпывались и поглощались тем поступком, который был прежде необходим, то ничего не могло было сделать его для меня иным, но в таком случае, может быть, и совсем не было бы никаких действий, по крайней мере тех, которые мы называем истинно человеческими.

Нетрудно заметить, как Фейербах приближается к материализму. Однако не найдя дороги от «антропологической» формы движения к действительным законам человеческой деятельности, Фейербах ограничивается констатацией истины: «Человек, поскольку он является существом, непроизвольно и бессознательно действующим, есть чисто природное существо»*****.

---

* Элез Й. Проблема бытия и мышления в философии Фейербаха. М., 1971. С. 128.

** См.: там же. Здесь автор выделяет следующие элементы учения о каузальности Фейербаха: 1) все существует и через себя, и через другое, 2) мультикаузальность вещей — каждая вещь имеет не одну [причину], а сочетание [причин, вызывающее сочетание] следствий, 3) следствие является не только следствием своих причин, но в известном смысле и их причинами.

*** Там же. С. 133.

**** Там же.

***** Там же.

Плеханов при построении своей гносеологии не принял во внимание этой критики Фейербахом прежнего материализма. Не поняв диалектического движения философской мысли, в том числе развития философской мысли Фейербахом, Плеханов некритически объединил всех материалистов. Стремясь исходить из общих принципов материалистической философии, сближая различные ее формы, по существу сводя к исторической первой форме материализма Нового времени — философии Спинозы, Плеханов поневоле огрубил диалектический материализм. Это находило свое отражение и при решении им основного вопроса философии и при решении ряда других проблем. Как же решил Плеханов, исходя из указанных методологических посылок, некоторые другие проблемы, связанные с проблемой человека?

Центральной проблемой философии, ее ядром Плеханов считал проблему отношения субъекта к объекту, духа к природе, «я» к «не-я».

В одной из последних философских работ Плеханов так формулирует этот вопрос: «...когда человек принимается философствовать, т. е. когда у него родится стремление составить себе стройное миросозерцание, то он непременно наталкивается на вопрос о том, как относится я к не-я, "познание" — к "бытию", "дух" — к "природе"... этот вопрос с давних пор сделался коренным вопросом философии»*.

Все философы исходя из решения этого вопроса разделились на два отдела. К одному относятся те, которые «берут за точку отправления объект или, иначе, природу». При этом мыслителям приходится объяснять, каким образом к объекту прибавляется субъект, к бытию — сознание, к природе — дух. Так как они неодинаково объясняют это, у них получаются... не вполне одинаковые системы.

К другому отделу принадлежат все те философские построения, в которых точкой исхода является субъект, сознание, дух: «...на обязанности этих мыслителей лежит выяснение того, каким образом к субъекту прибавляется объект, к сознанию — бытие, к духу — природа»**. Единственно верным взглядом, согласно Плеханову, является материалистический взгляд, ибо

* Плеханов Г. В. Предисловие к кн. А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. С. 614.

** Там же. С. 615.

он полностью согласуется с данными науки. «Смотреть на явления природы с точки зрения науки — значит объяснять их не действием того или другого духовного существа, а законами той же природы...» Научный взгляд на закономерность в природе совершенно исключает анимистический взгляд*.

А вот как формулирует Плеханов свое понимание материализма. В одной из первых программных философских работ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он пишет: «Материализм есть прямая противоположность идеализма. Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или другими свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или другими свойствами материи, той или другой организацией человеческого или вообще животного тела»**. Уже это высказывание позволяет усомниться в правильности подхода Плеханова к так называемой психофизиологической проблеме — диалектический материализм не объясняет психических явлений — дальнейший анализ не снимает, а усугубляет наши опасения.

В доказательство основных постулатов материализма Плеханов часто апеллирует к положению английского естествоиспытателя, натуралиста, последователя Дарвина, Т. Г. Гексли: «В наши дни никто из стоящих на высоте современной науки и знающих факты не усомнится в том, что основы психологии надо искать в физиологии нервной системы. То, что называется деятельностью духа, есть совокупность мозговых функций, и материалы нашего сознания являются продуктами деятельности мозги»***. Эта ссылка на Гексли служит у Плеханова одним из важнейших аргументов современной ему науки в пользу материализма. Как видим, логика принятых оснований неминуемо ведет Плеханова в лагерь вульгарного материализма. Плеханов видел эту опасность и стремился избежать упреков в отождествлении субъективного, психического и физиологического — недостатков вульгарного материализма. Спиноза и Фейербах при этом были его ориентирами. Идеалисты и неокантианцы, пишет Плеханов, упрекают материалистов в том, что те «сводят» психические явления к явлениям мате-

---

* Там же. С. 618.

** Там же. Т. 1. С. 509.

*** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1.С. 760.

риальным. Ф. А. Ланге говорит, что для материализма «всегда» «останется непреодолимым препятствием объяснить, как из вещественного движения может получиться сознательное ощущение». Но Ланге, рассуждает Плеханов, как историк материализма обязан был бы знать, что материалисты никогда и не обещали дать ответ на этот вопрос. Они только утверждают, что, по удачному выражению Гексли, — помимо субстанции, обладающей протяжением, нет никакой другой мыслящей субстанции и что, подобно движению, сознание есть функция материи»*.

Справедливо пытаясь опровергнуть упреки идеалистов, Плеханов ссылается на взгляды материалистов прошлого, в частности на Ламетри, и полностью солидаризируется с ними. В своей работе «Человек-растение» Ламетри писал, что из всех живых существ человек есть то, которое более всех обладает душою, а растение то, которое обладает ею в наименьшей степени. Но душа растения, согласно Ламетри, совсем не похожа на душу человека. «Этим он хотел сказать, — пишет Плеханов, — что разным формам материальной организации соответствуют разные степени "одушевленности"»**. Плеханов цитирует также Дидро, ссылается на Молешотта, Спинозу и Фейербаха, которые, по его мнению, все стоят на точке зрения спинозизма и исходят из того основного принципа, что материя способна ощущать, и убеждены, что «существует» одна только материя и ее существование служит достаточным объяснением всех явлений***.

В доказательство того, что это не случайный подход, и понимая всю важность его для верной оценки философской системы Плеханова, мы сошлемся и на другое место. В книге «Н. Г. Чернышевский»**** Плеханов, защищая материализм Чернышевского от нападок Юркевича, который обвинял последнего в убеждении, что нет никакой разницы между материальными и психическими явлениями, Плеханов пишет: «Это старый вздор, издавна предписываемый материалистам: Чернышевский никогда не говорит, что нет никакой разницы, на-

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. С. 632.

** Там же.

*** Там же. С. 632–633.

**** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 4. С. 246–247.

против, он категорически признает существование этой разницы, он думает, что она не дает никогда никакого права относить психические явления на счет особого нематериального фактора. Чернышевский не отождествляет восприятие с движением, но считает его таким же свойством материи, как и ее способность к движению».

Способность к ощущению и мышлению является, по Чернышевскому, как результат известного состояния организованного тела. Это мнение общё взглядам всех материалистов. Плеханов ссылается при этом на известное положение Пристли: «Ощущение и мысль необходимо являются результатом организации мозга, когда простейшие силы жизни организованы в систему». Если до этого момента мы в принципе согласны с Плехановым, то дальше этого сказать нельзя, дальше начинается редукция: последовательное сведение высших форм движения к низшим и соответствующее сведение их основных форм к простейшим. Плеханов находит у Чернышевского свидетельство о том, что способность к восприятию обнаруживается лишь в живых организмах, «а мы уже знаем, по Чернышевскому, что жизнь организма есть прежде всего известный химический процесс»*. Особое внимание он обращает на положение Чернышевского о том, что нет резкой разницы между «химическим процессом», с одной стороны, и «состоянием неподвижного тела» — с другой: здесь, пишет Чернышевский, можно говорить только о количественной разнице. «Эти замечательные строки, — пишет далее Плеханов, — позволяют думать, что и с этой стороны (со стороны условий, при которых материя становится ощущающей. — *М. Г.*) не будет никакой пропасти между органической материей, с одной стороны, и неорганической — с другой. Конечно, — продолжает Плеханов, — организм животного, а в особенности животного, стоящего на самом верху зоологической лестницы, — человека, обнаруживает в интересующем нас отношении такие свойства, которые совершенно чужды неорганизованной материи. Но ведь и процесс горения дерева сопровождается многими явлениями, не свойственными процессу его медленного тления. Однако существенной разницы между этими двумя процессами нет. Напротив, в сущности это один и тот же процесс, но только в одном случае он совершается слишком скоро, а во втором — чрезвычайно медленно. Поэтому

* Там же. С. 250–251.

качества, свойственные телу, находящемуся в этом процессе, в первом случае имеют большую силу, а во втором отличаются "микроскопической слабостью, которая в быту совершенно неуловима".

В применении к вопросу о психических явлениях, — рассуждает далее Плеханов, — это значит, что и в неорганизованном виде материя не лишена той основной способности к "ощущению", которая приносит также богатые "духовные" плоды у высших животных. Но в неорганической материи эта способность существует в крайне слабой степени. Поэтому она совершенно неуловима, и мы можем, совершенно не рискуя, впасть в сколько-нибудь заметную ошибку, приравнять ее к нулю. Но все-таки не надо забывать, что способность эта вообще свойственна материи, что вследствие этого нет оснований смотреть на нее как на что-нибудь чудесное там, где она проявляется с особой силой, например, у человека. Высказывая это, — добавляет Плеханов, — Чернышевский сближался с такими материалистами, как Ламетри и Дидро, которые, в свою очередь, стояли на точке зрения спинозизма»*.

Мы не ставим себе задачей оценить верность подхода Плеханова к учению Чернышевского, но взгляд самого Плеханова по этому вопросу не можем не отметить. Прежде всего мы должны констатировать совершенно отчетливое тяготение мысли Плеханова к пониманию отражения как всеобщего свойства материи, но одновременно надо указать на нерешенность этой проблемы, которая препятствует верному представлению о сознании как свойстве качественно особой, высшей формы движения материи. (Попутно отметим, что теоретическое бессилие в решении проблемы сознания, вытекающее из приверженности к учению о субстанции Спинозы, было одной из причин своеобразного «молекулярного механицизма», подчас проявляющегося в работах Плеханова**. Тут существует взаимозависимость — нерешенность проблемы сознания по-

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 4. С. 253.

** В примечаниях к «Людвигу Фейербаху...» в ответ на замечания Энгельса о механицизме как одном из недостатков домарксистского материализма Плеханов писал: «...и химия, и биология в конце концов сведутся, вероятно, к молекулярной механике» // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 488, 732.

рождает «механицизм», а последний порождает проблему сознания.) Рассуждения, подобные приведенным, однако, показывают, что в борьбе против идеализма с его субстанцией «души», а также в попытках избежать обвинений в вульгарно-материалистическом отождествлении материи и сознания Плеханову не удалось преодолеть другой основной его трудности — отличить сознание от материи, субъект от объекта. Проблемой, которая оказалась нерешенной и одновременно обусловила нерешенность проблемы человека, была проблема сущности субъекта, проблема идеального. В различных ситуациях, при решении различных теоретических задач ее нерешенность ограничивала поле зрения и творческий потенциал выдающегося мыслителя. Особенно отчетливо нерешенность проблемы сознания проявилась при попытках решения вопроса об отношении субъекта к объекту, психического к физиологическому, материи к сознанию. При этом мы наблюдаем постоянное стремление элиминировать феномен идеального, психического, свести его к материальному, физиологическому.

Это стремление присутствует в философии Плеханова далеко не в явной форме. Более того, субъективно он стремится убедить себя и других в обратном, однако философская система, принятая им, диктовала свою логику, независимую от субъективного желания ее сторонников.

Как же в конечном счете решал Плеханов основной вопрос философии, в чем видел специфику второго атрибута субстанции — сознания, «субъекта», «я»? Здесь Плеханов призывает на помощь Фейербаха и в полном согласии с его материалистическими взглядами излагает положение последнего по этому вопросу: «Истинное отношение мышления к бытию есть следующее: бытие — субъект, мышление — предикат. Мышление обусловливается бытием, а не бытие мышлением. Бытие обусловливается самим собою... имеет свою основу в самом себе». Этот взгляд Фейербаха, пишет Плеханов, представляет собой результат критики философии Гегеля, он был положен Марксом и Энгельсом в основу материалистического объяснения истории. Фейербах нашел, что философия Гегеля устранила противоречие между бытием и мышлением посредством устранения одного из его составных элементов, т. е. бытия, материи, природы. У Гегеля мышление и есть бытие. Но устранить один из элементов не значит разрешить противоречие. Идеализм не устанавливает единство бытия и

мышления, он его разрывает. «Исходная точка идеалистической философии — “я” как основной философский принцип совершенно ошибочна. Точкой отправления истинной философии должно служить не “я”, а “я” и “ты”. Только эта точка отправления даст возможность прийти к правильному пониманию отношения между мышлением и бытием, субъектом и объектом. “Я” есмь “я” для меня самого и в то же время — “ты” для другого. “Я” — субъект и в то же время объект. И надо заметить, кроме того, что я не то отвлеченное существо, с которым оперирует идеалистический философ. Я — существо действительное; мое тело принадлежит к моей сущности, более того — мое тело как целое и есть мое я, моя истинная сущность. Думает не отвлеченное существо, а именно это действительное существо, это тело... Тут не устраняется ни один из элементов противоречия, оба они сохраняются, обнаруживая свое истинное единство. Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный акт, то само по себе, объективно, есть акт материальный, чувственный»*.

Здесь мы еще раз отчетливо наблюдаем, как мечется мысль Плеханова вслед за мыслью Фейербаха в замкнутом кругу неразрешимого противоречия. При этом в пылу рассудочной страсти Плеханов не замечает, как фейербахово «решение» отношения бытия и сознания путем снятия противоположности в едином человеке лишь повторяет на новом уровне старую дилемму, порожденную субстанцией Спинозы. И подобно тому, как там проблема решалась апелляцией к природе вообще, здесь она решается апелляцией к природе человека. По существу, проблема не решается — субъективное растворяется в объективности. Остается, правда, одно немаловажное приобретение.

В результате «приземления» понятия субстанции до уровня эмпирического индивидуума, человека мы получаем возможность говорить о внутреннем и внешнем бытии (рассуждение, невозможное на уровне субстанции). Отсюда и возникает формула, не лишенная содержательного смысла: «Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный... акт, то само по себе, объективно, есть акт материальный,

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. С. 132–134.

чувственный»*. Это положение привлекательно прежде всего тем, что оно несколько более адекватно описывает субъективную реальность сознания. Это приближение к реальности обнаруживается в следующих моментах: во-первых, признается существование в человеке двух феноменов — субъективного и объективного; во-вторых, субъективный феномен объявляется «духовным, нематериальным». Однако от этих «неполных» описаний сознания еще далеко до раскрытия его сущности. Трудность возникает тогда, когда предпринимается попытка интерпретации феномена субъективности. Реальным препятствием его гносеологической интерпретации как особой функции материи выступает онтолого-субстанциональный подход: поскольку субъективное обладает статусом реальности, оно наделяется всеми атрибутами действительности. Учитывая опасность вульгарного материализма, Плеханов стремится дать определение субъективного, отличное от понятия объективного, и в то же время не оторвать субъективность от объективности. В работе «Трусливый идеализм», направленной против критики махистом Петцольдом материализма, Плеханов защищает характеристику субъективности, данную Т. Гоббсом: «Для Гоббса душевные движения были внутренними состояниями движущейся — и при этом, конечно, надлежащим образом организованной — материи»**. Он обнаруживает в сочинениях немецкого философа-неокантианца Ф. Ланге фразу, которая, по его мнению, выражает взгляд на проблему «душевных движений»: «...нельзя рассматривать “мысль” как особенный продукт наряду с вещественными процессами... субъективное состояние ощущающего индивидуума является в то же время объективным для внешнего наблюдения, является молекулярным движением»***. Возражение противников материализма, что сознание не может быть объяснено материальными явлениями, совсем не затрагивает, по Плеханову, основ материалистического учения. Согласно учению материализма «мир субъективных явлений есть лишь другая сторона явлений объективных. Кто захотел бы объяснить субъективный мир посредством объективного, вывести первый второго, тот показал бы, что в материализме Фейербаха он ровно ничего не понял.

---

* Там же. Т. 3. С. 132–134.

** Там же. С. 467.

*** Там же. Прим. 2.

Это учение, как и учение Спинозы, не выводит одной указанной стороны из другой, а только устанавливает их принадлежность к единому целому»*. Впрочем, добавлял Плеханов, в этом отношении с материализмом Фейербаха совсем не расходились и другие главнейшие разновидности, по крайней мере материализма Нового времени. Здесь особенно наглядно видно, как мысль философа мечется между стремлением разделить два ряда явлений, и в упорном нежелании признать феномен субъективности за особую реальность она постоянно соскальзывает в вульгаризм.

Неуловимость субъективной реальности сознания в сети натуралистически истолкованного материализма приводила исследователя к скептическим выводам относительно возможности познания этой сущности. В предисловии ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах...», ссылаясь на положение Пристли, что материя имеет свойство «ощущать и думать», Плеханов пишет: «Для материалиста ощущение и мысль, сознание, есть внутреннее состояние движущейся материи... никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не "сводил" сознания к движению и не объяснял одного другим. Если материалисты утверждали, что для объяснения психических явлений нет надобности придумывать особую субстанцию — души; если они утверждали, что материя способна "ощущать и мыслить", то эта способность материи казалась им таким же основным, а потому и необъяснимым ее свойством, как движение»**.

В сочинениях Плеханова можно встретить порой подобные агностические нотки; характерно, что они касаются прежде всего возможностей познания сущностей высшего порядка — материи и сознания. В этом смысле особенно показательно одно место из широко известной работы Плеханова «Очерки по истории материализма». Изложив взгляд Гольбаха на природу сознания (Гольбах предполагал две равно возможные гипотезы по этому вопросу: «чувствительность есть всеобщее свойство материи», и она «есть результат присущей животному организации»), Плеханов продолжает: «Читатель, быть может, будет утверждать, что ни та ни другая гипотеза не отличаются доста-

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. С. 673–674.

** Там же. С. 76.

точной ясностью. Мы прекрасно знаем это, и Гольбах понимал это не хуже нас. То свойство материи, которое мы называем чувствительностью, является очень трудно разрешимой загадкой. Но, говорит Гольбах, "самые простые движения наших тел представляют для всякого размышляющего о них человека такую же трудную загадку, как явления мысли"». И далее Плеханов приводит одно интересное рассуждение двух философов XVIII в., касающееся философских оснований: «В одной беседе с Лессингом Якоби сказал: "Спиноза, по мне, довольно хорош, но все же имя его плохое для нас спасение!" — Лессинг ответил: "Да!.. если Вам угодно! И все-таки знаете ли Вы что-нибудь лучшее?"».

Материалисты, заключает Плеханов, таким же образом могут отвечать на все упреки своих противников: «Знаете ли Вы что-нибудь лучшее?»*.

Подведем итоги. Положив в основание своей философской системы принцип материалистического монизма, Плеханов не смог диалектически развить его. Одной из причин этого явилась система основных категорий, некритически воспринятая им у Спинозы; попытка подвести под марксизм неадекватную теоретическую базу неизбежно вела к упрощениям. Экспликация категории субстанции, натуралистически истолкованной, не позволила Плеханову обосновать качественную специфику сознания как особой субъективной реальности, идеальной по природе. Это обстоятельство, в свою очередь, явилось фундаментальным препятствием гносеологического порядка, помешавшим мыслителю подойти к решению проблемы.

---

* Там же Т. 2. С. 40–41.

Т. И. Филимонова

Некоторые аспекты плехановской концепции исторического развития как идеи о становлении человека*

«...Философия... дерзает... объединить различные науки, так или иначе изучающие или просто касающиеся человека, в единый комплекс, чтобы создать единую науку о человеке».

Иван Тимофеевич Фролов

Имя выдающегося русского философа-марксиста, революционера и общественного деятеля — *писателя*, как определял свою социальную роль Г. В. Плеханов (1856—1918), последние пятнадцать лет не сходит со страниц периодической печати и научной литературы. И если в начале прошлого десятилетия, когда наша страна в очередной раз меняла социально-экономические ориентиры, этот интерес зачастую но-

* Впервые: К 75-летию Дома Плеханова. 1928—2003: Сб. ст. и публ., материалы конф. / сост. и науч. ред. Т. И. Филимоновой. СПб., 2003. С. 19—36.

сил сугубо утилитарный характер*, то впоследствии предметом изучения стали философско-социальные, этические, правовые воззрения мыслителя и его практика революционной деятельности. Только за это время Плеханову были посвящены (полностью или частично, в качестве разделов и глав) более пятнадцати монографий отечественных и зарубежных авторов**,

* В основном издавались работы Плеханова, в которых он представал в качестве политического оппонента В. И. Ленина, человека, осудившего приход к власти большевиков и писавшего о готовности России к социалистическим преобразованиям, и т. д.

** Среди них: Baron S. H. Memoir: Recollections of A Life in Russian History / Histoire Russe, 17. № 1 (Spring 1990). P. 31–53; Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества – к марксизму. Воронеж, 1990; Jena D. Probleme eines ideologiieeschichtlichen Vergleichs zwischen G. Plechanow und K. Kautsky // Karl Kautsky: Referate und Beitrage der Halleschen Konferenzan Masslich Todestages. Halle (Saale), 1990. S. 201–209; Кабисов Р. С. Некоторые основные вопросы эстетики Г. В. Плеханова. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1990; Капустин М. П. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М.: Новости, 1990; Steila D. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge: A Marxist Between Antropological Materialism and Physiology. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic publishers, 1990. Sovietica. Vol. 55; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991; Цапиева О. К. Георгий Плеханов. Экономические воззрения. М.: Экономика, 1991 (Из истории экономической мысли); Цапиева О. К. Экономические взгляды Г. В. Плеханова М.: Экономика, 1991; Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов: Человек и политик / Пермь, 1992; Макаренко В. П. Марксизм: идея и власть. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992; Цапиева О. К. Г. В. Плеханов и экономическая мысль Запада. М.: Русская Энцикл., 1992; Baron S. H. Plekhanov in Russian History and Soviet historiography. Pittsburgh; L.: University of Pittsburgh Press, 1994; Саранчин Ю. К. Российские лики философии марксизма. Екатеринбург: Высшая школа МВД, 1996. Гл. 2. Становление марксистской линии в России в XIX в.; Творческое наследие Г. В. Плеханова: Материалы по итогам научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Г. В. Плеханова. М., 1996; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997; Бэрон С. Х. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998; Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и Карл Маркс: Выбор или судьба? М.: Эдиториал Урсс, 1999; Пантин И. К., Плимак Е. Г. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: Весь мир, 2000. С. 222–241.

более десяти диссертационных исследований* и свыше двухсот статей**.

---

* Среди них: Пинегин И. В. Методологические проблемы в историко-философском наследии Г. В. Плеханова... Дис. канд. филос. наук. Пермь, 1989; Дрыгала Я. Эстетический идеал предреволюционной эпохи в работах Г. В. Плеханова и А. В. Луначарского (1895–1917): Автореф. дис. ... / АОН при ЦК КПСС. М., 1990; Емец С. Д. Г. В. Плеханов и социал-демократические организации в России (1883–1903). Историография проблемы: Автореф. дис. ... канд. наук / Днепропетровск. гос. ун-т. Днепропетровск, 1990; Хоминский В. В. Исследование Г. В. Плехановым русской мысли XVI–XVIII веков и становление марксисткой историографии отечественной философии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. 1990; Петренко Е. Л. Марксистская социально-философская традиция во II Интернационале: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС. М., 1991; Убайдуллаев А. А. Эстетическое наследие Г. В. Плеханова в дальнейшем развитии общественно-философской мысли. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1991; Альбишара И. Философия истории в трудах Г. В. Плеханова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук (Белорус. гос. ун-т. Минск, 1992; Цапиева О. К. Эволюция экономических взглядов Г. В. Плеханова): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1993; Крамаров Н. И. Г. В. Плеханов: марксизм и российская действительность (1883 – середина 90-х гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1997; Саранчин Ю. К. Сциентистская версия философии марксизма в России: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук // Екатеринбургская школа МВД. Екатеринбург, 1997.

** Среди них: Балуев Б. П. Либеральное народничество и Г. В. Плеханов: (Проблемы интеллигенции) // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 46–77; Губайдуллин Ю. Р. Г. В. Плеханов о методологии исторического предвидения // Прогностическая функция марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1990; Егоров В. К. О принципах теории и логике революции // Диалог. 1990. № 11. С. 31–34; Емец С. Д. Г. В. Плеханов и группа «Освобождение труда» в литературе 30-х – середины 50-х. Днепропетровск, 1990; Садуль Ж. Записки о большевистской революции (окт. 1917 – янв. 1919). М.: Книга, 1990. С. 23–30; Баттистада Ф. Народничество и большевизм // Свободная мысль 1991. № 16. С. 7–19; Богданов Б. А. У истоков ленинизма (Россия на перепутье). М.: Наука, 1991. С. 54–70; Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М.: Терра-Terra, 1991. С. 182–196; Зеньковский В. В. Плеханов Г. В., его воззрения // Зеньковский В. В. История русской философии: Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 36–41; LorenzR. G. W. Plechanow (1856–1918) // Klassiker des Sozialismus. B. I. Munchen: C. H. Beck, 1991. S. 250–263; Кельнер В. Е., Колоницкий Б. И. Книгоиздательская деятельность группы «Единство» в 1917 году // Книжное дело в России во 2-й половине XIX – нач. XX века: Сб. науч. трудов. Вып. 6. СПб., 1991. С. 82–96; Филимонова Т. И. Ленин и Плеханов: перспективы развития социалистической революции в России в

1917 году // Общественно-политические институты и движения: Сб. науч. трудов. ЛФЭИ, 1991. С. 120–130; Альбишара И. Г. В. Плеханов о философии истории Гегеля. Минск, 1992. Депон. в ИНИОН, рег. № 6334; Stoljarowa R. Leo Deutch: Erinnerungen an Georg Plechanow aus dem Jahre 1917 / Ubersetzung W. Hedeler // Utopie kreativ. 1992. № 23/24, Setpember/Oktober. S. 132–148; Аврус А. И., Костяев Э. В. Российские социал-демократы и Русско-японская война 1904–1905 гг. // Australian Slavonic and East European Studies. 1993. Vol. 7. № 2. P. 115–141; Сакамото Х. Философское наследие Плеханова в Японии: Обзор переводов и исследований // Japanese Slavic and East European Studies. 1994. Vol. 15. P. 97–106; Россия в Первой мировой войне: Тезисы межвузовской научной конференции, 4–5 окт. 1994 г. Рязань, 1994. С. 35–42; Тютюкин С. В. Политическая драма Плеханова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 124–163; Бэрон С. Х. Плеханов, утопизм и русская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 117–129; Stoljarowa R., Hedeler W. Die Fornet des Fortschritts: Vom Umgang mit Plekhanovs politichem Naghtlass: Was seine Biographen verschwiegen // Neues Deutchland. 1994. 29/30. Oct.; Пустарнаков В. Ф. Г. В. Плеханов // Русская философия. М.: Республика, 1995. С. 381–382; Тхакушинов А. К. Плеханов и проблемы социологии искусства и литературы // В зеркале социологии: социологические истоки зарождения и формирования адыгейского новописьменного художественного слова. Майкоп, 1995. С. 8–26; Тютюкин С. В. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века // Энциклопедия. М., 1996. С. 460–461; Саранчин Ю. К. Сциентистская интерпретация философии марксизма Г. В. Плехановым; Социоцентрическая установка Г. В. Плеханова и учение К. Маркса об общественно-экономических формациях // Проблемы науки и практики борьбы с преступностью: Материалы межвуз. науч.-практ. конференции. Екатеринбург, 1996. С. 81–94; Россия. Век XX. Страницы истории. 1917–1953. [Вып. I.] Воронеж, 1997. Гл. 3; Олейник Ф. С. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов: идейно-политическое противостояние. 1917–1918. С. 61–83; Адамовский Э. Н. Ф. Даниельсон в истории русской политической мысли: был ли Плеханов «отцом русского марксизма» // Альтернативы. М., 1998. Вып. 4. С. 143–157; Бровко Л. Н. Г. В. Плеханов о теории Э. Бернштейна: полемика по проблемам марксизма // Россия и Германия. М., 1998. Вып. II. С. 206–224; Stoljarowa R., Hedeler W. Kurzes Gluck einer Heimkehr. Vor 80 Jahren starb Georgi W. Plechanow // Neues Deuschland. 1998. 30–31. Mai. S. 15; Idem. Zum 80. Todestag von Georgi W. Plechanow. In einer zu den bibliophilen Raritaten zahlenden Zeitung gelesen (A. N. Potresow. Erinnerungen an G. W. Plechanow) // BzG. 1998. № 3. S. 80–87; Магомедов Р. Р. Г. В. Плеханов и мировая революция // Вестник Оренбург. пед. ун-та. 1999. № 2. С. 29–34; Петренко Е. Л., Чернобаев А. А. Общенациональная задача: Г. В. Плеханов о перспективах демократии в России // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 100–108; Сиземская И. Н. «Школа» Г. В. Плеханова и легальный марксизм // Философия истории. 1999. С. 301–307; Абалкин Л. И. Г. В. Плеханов и современные проблемы экономической науки // Абалкин Л. И. Из-

В определенном смысле кульминационным моментом в современном плехановедении стало появление 30 ноября 1999 г. «Политического завещания Г. В. Плеханова»*. Несмотря на то что «документ», появившийся накануне выборов в Государственную думу и потому вызвавший определенный ажиотаж в научной и политической среде, на поверку оказался заурядной фальшивкой, нельзя не отметить, что дискуссия, которая развернулась на страницах сразу нескольких газет нашей страны, ряда зарубежных стран и Интернете, длилась около двух лет.

Основная часть «завещания» содержала интерпретацию авторов и составителей «документа» философско-социальных взглядов Г. В. Плеханова, в частности таких категорий и понятий его концепции исторического развития, как исторический процесс, прогресс, эволюционное и революционное развитие общества, борьба и сотрудничество классов, социальные, в том числе социалистическая, революции, диктатура пролетариата и ряд других. Одним из главных объектов внимания «свидетельства» стала оценка Плехановым октябрьских событий 1917 г., взаимоотношений В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, а также перспективы развития России как социалистического государства, как их представлял Плеханов.

Отклики в периодических изданиях и монографиях, ссылки и цитирование отдельных пассажей, участие ряда известных ученых** в обсуждении представленных в «Завещании» «идей» и «положений» позволяют сделать, по крайней мере, два выво-

---

бранные труды: в 4 т. М.: ВЭО, 2000. Т. 3. С. 521–529; Железняк Н. Н. Плеханов Г. В. // Политическая мысль в России: Словарь персоналий (IX–1917). М.: Кн. дом «Университет», 2000; Коке Ф. К. От популистов к марксистам // Россия и мировая цивилизация: Сб. ст. М.: ИРИ, 2000. С. 271–284; Малиа М. Размышления о «Манифесте Коммунистической партии» // Там же. С. 504–530; Рыжов К. В. Сто великих россиян. М.: Вече, 2000. Гл. Георгий Плеханов. С. 484–492; Белов Ю. П. Последнее слово за народом: Как Плеханов и Ленин решали главный вопрос истории // Белов Ю. П. На семи ветрах: Сб. ст. М.: ИТРК, 2001, С. 8–20.

* Независимая газета. 1999. 30 ноября (№ 224). С. 9–13. Спец. прил. № 8. 1. Бережанский А. С. Прим., «Завещание принадлежит именно Плеханову». 2. Дейч. Л. Г. Он диктовал на смертном одре. 3. Нижегородов Н. Н. Как этот документ попал в мои руки. 4. Плеханов Г. В. Политическое завещание.

** В числе откликнувшихся на публикацию были И. А. Гобозов, М. Н. Грецкий, И. К. Пантин, Е. Л. Петренко, С. В. Тютюкин, А. А. Чернобаев, польский исследователь Я. Канцевич и ряд других авторов.

да. Первый состоит в том, что интерес к изучению творчества Г. В. Плеханова не ослабевает, хотя результаты анализа не выходят за рамки сложившегося во второй половине 20-х — начале 30-х гг. прошлого века противопоставления Ленина и Плеханова и доминировавшего в последующие десятилетия тезиса о теоретических просчетах выдающегося философа. Второй свидетельствует о том, что теоретическое наследие Плеханова — как отражение определенного мировоззрения — во многом, несмотря на имеющуюся историографию, еще ждет своих исследователей.

Историографический анализ плехановианы дает основание для заключения о том, что философско-социальные взгляды и общественно-политическая деятельность Г. В. Плеханова рассматриваются целым рядом авторов в качестве независимых друг от друга. Еще одна часть исследователей их либо противопоставляет, либо признает оригинальность разработок и актуальность ряда предложенных Плехановым идей, указывает на ложность некоторых из сформулированных положений о перспективах исторического развития России и мира в целом*, ошибочность практических выводов этих действий и определяет последнее как оппортунистические с точки зрения марксизма. Ряд обществоведов, отождествляя исторический материализм Маркса и марксизм (часть и целое), критикуют Плеханова за «догматическую приверженность экономическому детерминизму».

Метод научного исследования требует, чтобы высказанные Плехановым идеи и положения, понятия и категории были представлены в контексте рассуждений самого Плеханова, а последние, в свою очередь, не могут быть осознаны вне общей системы взглядов — мировоззренческих установок** и чувствований Плеханова. Выяснение философских представлений человека необходимо не только для

---

* Пантин И. К. Г. В. Плеханов и К. Маркс: генезис различий в понимании России // Плехановские чтения II, 30.05—31.05.91; Тез. докл. Л., 1991. С. 45—48; он же. К логике теоретического становления современного марксизма // Полис. 1996. № 4. С. 112, 114.

** Это положение Плеханов выдвигает в качестве основополагающего в работе «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна»: «Критическое исследование их (Маркса и Энгельса. — *Т. Ф.*) системы должно поэ-

того, чтобы понять каждый образ жизни, но с тем, чтобы признать в его истине, как сказал однажды К. Ясперс. Более того, поскольку Плеханов как личность, и личность историческая, уже состоялся, есть необходимость определить его идеи апостериорно, показав, насколько исторически верно (истинно) он мыслил. Сделать это, не прибегая к анализу литературы по истории общественной мысли (в том числе и современной, и не только марксистской, учитывающей сегодняшний уровень развития знаний), невозможно: она не просто отражает общественно-историческую реальность, но обосновывает (ретроспективно и на перспективу) цели и смысл человеческой деятельности.

Как следствие, такие исторические категории и понятия, как «класс», «пролетариат», «буржуазия», «диктатура» и др. могут и должны быть объяснены как составляющие философско-исторической концепции Плеханова. Их выявление не только позволит представить понимание Георгием Валентиновичем законов исторического развития, его «вариант»* научной картины мира, но и оценить политические решения, которые отстаивались Плехановым в определенных исторических ситуациях.

Ограниченные рамки статьи позволят сформулировать лишь основные идеи плехановской концепции исторического развития и представить некоторые из ее категорий и понятий: исторический процесс, труд и общественные отношения, прогресс, эволюционное и революционное развитие общества, политическая борьба классов и роль пролетарской партии в общественном движении, социалистическая революция и диктатура пролетариата. При этом следует иметь в виду, что понятийно-категориальный аппарат, которым пользуется Плеханов, не может быть выражен в виде каких-либо готовых «формул» или катехизиса; дать его можно лишь описательно, раскрывая их смысл, поскольку содержание и сущность аппарата, отражав-

---

тому начинаться с критики общих *философских* основ этого миросозерцания (Избр. филос. произв. Т. II. С. 374–375, курсив Г. В. Плеханова. – *Т. Ф.*)».

* Вот как пишет об этом Д. Лукач: «...всякая значительная философия стремится дать общую картину мира, в которой она пытается синтезировать все взаимосвязи от космогонии до этики затем, чтобы выявить актуальные решения, определяющие судьбу человечества как необходимый этап его развития» // Лукач Д. К онтологии общественного бытия. М., 1991. С. 6.

шего свойства и законы общественной жизни, постоянно расширялись и обогащались.

Такие видные отечественные исследователи, как И. К. Пантин, В. Ф. Пустарнаков, А. И. Ракитин, А. С. Панарин* и ряд других, в работах, посвященных различным аспектам общественного развития и исторического познания и непосредственно не связанных с жизнью и творчеством Плеханова, констатировали наличие в его трудах собственной концепции исторического процесса. Еще одна часть исследователей отмечала вклад Плеханова в разработку марксистской концепции объяснения истории**.

Если под термином «концепция» подразумевать основополагающую идею, определенный способ понимания и трактовки какого-либо явления или предмета, в данном случае истории

---

* Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: Переход от утопии к науке. М., 1973; Пустарнаков В. Ф. «Капитал» Маркса и философская мысль в России. М., 1974 С. 180; Пантин И. К., Плимак В. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 108–110. Ракитин А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 112; Пустарнаков В. Ф. Плеханов // Философский словарь. М., 2001. С. 426–428. В словарной статье автор пишет о том, что историческая концепция Плеханова была не только самостоятельной, но и расходилась с философскими посылками основоположников марксизма, не конкретизируя, однако, высказанную мысль С. 427.

** Так, В. В. Балахонский в монографии «Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты» (СПб., 1997) отмечает, то в рамках марксистской концепции объяснения истории есть ряд аспектов, развитие которых является непосредственной заслугой Г. В. Плеханова. К ним автор относит следующие: развитие учения о роли народных масс, личности в истории, уточнение особенностей формирования и развития политической идеологии права, религии, морали, искусства и других форм идеологической надстройки, а также приложение марксистских принципов к явлениям российской истории.

М. А. Лифшиц в книге «Г. В. Плеханов», анализируя работы западноевропейских последователей К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные интерпретации марксистской теории исторического развития, пишет, что только в произведениях Плеханова, особенно в его знаменитой книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», обоснование и защита марксизма приближались к высокому научному идеалу Маркса и Энгельса. Автор добавляет, что *без изучения этой книги знание их теории не является полным* (с. 33; курс. – *Т. Ф.*).

развития общества, то необходимо сделать два существенных замечания.

1. Представления Плеханова относительно общего хода исторического развития совпадали с историософскими идеями Маркса и Энгельса. Их основу составляло положение об истории как последовательной смене поколений, каждое из которых в конкретный момент исторического развития располагает унаследованными определенными материальными и духовными ресурсами, определенной системой производственных, политических и культурных, правовых и т. п. отношений, на базе которых только и может строить свою собственную деятельность. Результатом целенаправленной преобразующей деятельности человека является его собственное становление в качестве социальной личности — Человека*. Согласно определению Маркса и Энгельса его (человека) «собственное бытие есть общественная деятельность»**; оно возникает на некоем природном базисе и протекает в условиях и на фоне естественно-исторического процесса***. Имея это в виду, говорить о наличии у Плеханова собственной концепции исторического развития, отличной от исторических воззрений Маркса и Энгельса, было бы некорректно.

2. Вместе с тем если рассматривать марксизм в качестве теории общественного развития, т. е. как обобщенное системное объясняющее знание об обществе, то следует признать, что такие области знания, определяемые Плехановым как «идеологии», — литература, искусство, эстетика и др.,— которые основоположниками марксизма не рассматривались специально, действительно в рамках марксистского понимания истории теоретически впервые были исследованы именно Плехановым. С этой точки зрения работы Плеханова по названным сферам общественной жизни не только самостоятельны, но для философии, социологии, истории и истории эстетики, искусства и литературы имеют не меньшее значение, чем открытые и описанные Марксом законы экономического развития общества.

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44–45; Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 233–235, 634–635; Т. III. С. 182–183, 605; Т. IV. С. 325–328, 442–443, 529–531; Т. V. С. 166–168, 232–234, 512–516, 554–555, 558–559, 606.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 118.

*** Там же. Т. 46. Ч. I. С. 47.

Вклад Плеханова столь фундаментален, что сформулированные им положения, категории и понятия, *вне учета обозначенной в пункте 1* идеи (формально), могут быть противопоставлены «экономически детерминированным» взглядам Маркса. Однако такое противоположение было бы принципиально ошибочным.

Дело не только в том, что сам Плеханов неоднократно подчеркивал, что «материалистическое объяснение истории действительно является одним из самых главных отличительных признаков марксизма. Но это объяснение все-таки составляет лишь часть материалистического миросозерцания Маркса – Энгельса»*, которое он называет системным**. Другая его часть – часть системы философского миропонимания Маркса и Энгельса – заключала положение о том, что история выступает как процесс культурно-исторический. Сущность культуры составляет целенаправленное, творческое преобразование мира человеком, и именно в культурной деятельности человека выявляется его общественная природа; через культуру человек приобщается к ее достижениям и реализует ее смыслы в собственном творчестве. Это позволяет говорить о том, что культура, в понимании Маркса, Энгельса и Плеханова, хотя и выступает в виде «надстройки», представляет собой базис общества, значительно более глубокий, чем экономика, что действительным содержанием культуры оказывается развитие человека, его творческих сил, способностей, потребностей, отношений и т. д.

Как и Маркс, смысл общественной истории Г. В. Плеханов усматривал в процессе культурного становления общественного человека – постепенной трансформации человекоподобного животного, когда-то впервые взявшего в руки камень для *осуществления осознанного действия*, в Человека. Признавая справедливость замечания Ч. Дарвина, касающегося способности некоторых млекопитающих к «употреблению орудий, Плеханов отмечает, что некий признак, существующий в качестве *зачатка* одного животного вида, становится *отличительным признаком* другого вида животных. Ссылаясь на исследования современных зоологов, он пишет, что в истории

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 374–375. Курсив Г. В. Плеханова.

** Там же.

развития этих видов животных подобное умение использовать те или иные «орудия» (например, домашние слоны в Индии могут ломать ветки и отгонять ими мух) не играли какой-либо существенной роли, в то время как «пользование орудиями везде является столь исключительной особенностью человека, что обнаружение в наносах или пещерной брекчии хотя бы одного искусственно отточенного камня считается достаточным доказательством того, что здесь жил человек»*. Подчеркивая данное отличие человека, Плеханов далее говорит, что, испытывая те или иные физические потребности, животные овладевают предметами, созданными природой, в то время как человек производит их, в орудиях труда человек приобретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение**.

Использование орудий труда для «производительного воздействия человека на природу»***, подчеркивал Плеханов, было решающим моментом: оно не только положило конец его «растительному» существованию, обозначило «выход» из сотворившей и окружавшей его природы, но и заложило фундамент того развивающегося и развиваемого им мира, который и становится его средой обитания****. С этого времени общественный человек кардинальным образом изменяет характер собственного исторического развития: если ранее оно сводилось к видоизменениям его естественных органов, то теперь история становится *историей усовершенствования его искусственных органов, роста его производительных сил******; сама способность человека к предметной деятельности становится принципиальной особенностью его бытия и основой исторического саморазвития.

Рассматривая далее проблему антропогенеза, Плеханов особо отмечает влияния географической среды на этот процесс. Так, ссылаясь на теорию Ч. Дарвина о происхождении человека, он приводит размышления последнего о появлении верхних

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 609. Курсив Г. В. Плеханова.

** Там же. Т. II. С. 154–161, 186, 207, 228; Т. III. С. 151–154, 157–159.

*** Там же.

**** Там же. Т. I. С. 688–689; Т. II. С. 245–246, 659.

***** Там же. Т. I. С. 610–611. Курсив Г. В. Плеханова.

и нижних конечностей у животных предков человека и роли рук в их умственном развитии. «Откуда взялись у quasi-человека его нынешние, совершенно человеческие руки, имеющие столь замечательное влияние на успехи его разума? Вероятно, они образовались в силу некоторых особенностей *географической среды*, сделавших полезным физиологическое разделение труда между передними и задними конечностями. Успехи "разума" явились *отдаленным следствием* этого разделения и – опять-таки при благоприятных внешних условиях – стали *ближайшей причиной* появления у человека искусственных органов, употребления орудий... Но ошибочно было бы рассматривать этот процесс с точки зрения *простого взаимодействия*. Чтобы человек мог воспользоваться уже достигнутыми успехами своего «разума» для усовершенствования своих искусственных орудий, т. е. *для увеличения своей власти над природой*, он должен был находиться в известной географической среде, способной доставить ему: 1) материалы, необходимые для усовершенствования; 2) предметы, обработка которых предполагала бы усовершенствованные орудия. Там, где не было металлов, собственный разум общественного человека ни в коем бы случае не мог вывести его за пределы "шлифованного камня"; точно так же для перехода к пастушескому и земледельческому быту нужны были известные фауна и флора, без наличности которых "разум" остался бы неподвижным... Умственное развитие первобытных обществ должно было идти тем скорее, чем больше было взаимных сношений между ними, а эти сношения были, конечно, тем чаще, чем разнообразнее были географические условия обитаемых ими местностей, т. е., следовательно, чем менее были сходны продукты, произведенные в одной местности, с продуктами, производимыми в другой»*. Отмечая существенную роль географической среды в истории культуры, Плеханов делает вывод о чрезвычайной изменчивости взаимоотношений между общественным человеком и географической средой. По мере появления новых достижений в развитии производительных сил человека естественная среда *становится важным фактором в историческом развитии человечества не благодаря своему влиянию на*

---

* Там же. С. 612–613.

*человеческую природу, но благодаря своему влиянию на развитие производительных сил**. Воздействуя на внешнюю среду, человек изменяет свою собственную природу, развивая при этом собственные способности, в то время как мера этой способности всегда зависит от уже достигнутого уровня развития производительных сил. Различие ступеней в культурном развитии обществ и многообразие типов культур объясняется и связано именно с тем, что *характер естественной среды определяет характер социальной среды***.

Плеханов делает важное для философского осмысления истории заключение: в историческом процессе развития производительных сил способность человека к изготовлению орудий труда следует рассматривать как *величину постоянную*, в то время как окружающие внешние условия использования этой способности — *величину постоянно изменяющуюся****. Поэтому и «...искусственные органы, орудия труда, оказываются, таким образом, органами не столько индивидуального, сколько *общественного человека*. Вот почему всякое существенное их изменение ведет за собой перемены в общественном устройстве»****. Это положение позволило ему, как и Марксу, включить в понятия производительных сил прежде всего социум и собственный анализ развития общества вести с позиций представленности общественного человека в процессе общественного производства в различные исторические периоды (формации). Общественный человек в различные исторические периоды — формации — оказывается представленным в обусловленных ими социальных ипостасях. Он является членом рода и племени, рабом и рабовладельцем, феодалом и вассалом, крестьянином, ремесленником, буржуа и рабочим...

Формационный принцип рассмотрения истории общества использовался Плехановым в качестве общего методологиче-

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 154—157. Курсив Г. В. Плеханова.

** Там же. С. 155. Курсив Г. В. Плеханова.

*** Там же. Т. I. С. 612.

**** Там же. С. 611. Эти вопросы рассматриваются в целом ряде произведений Плеханова: «Очерки по истории материализма», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о личности в истории», «Материалистическое понимание истории», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и ряд др.

ского основания. Он обеспечивал возможность научного подхода к познанию закономерностей истории в ее внутреннем единстве: поскольку развитие общества происходит в соответствии с законами, действующими объективно, следовательно, *человек* представляет собой *результат* этого развития; но одновременно человек является *субъектом* развития, и, соответственно, данные *законы появляются и функционируют* в *процессе* и *результате деятельности самих людей**. Обосновывая это положение, Плеханов пишет, что данная степень развития производительных сил определяет взаимоотношения людей в процессе производства, форму общества, выражающую эти отношения людей; порождает определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества: религию, философию, литературу, искусство, соответствующее способностям, направлениям вкуса склонностям, порождаемым этим состоянием... Однако структура цивилизованных обществ настолько сложна, что в строгом смысле слова нельзя говорить о состоянии духа и нравов, соответствующем данной форме общества, поскольку именно принадлежность к той или иной из них и определяет различия в идеологическом, духовном и эмоциональном состоянии людей. Так, мировоззрение, мораль, этика и эстетические вкусы горожан отличны от крестьянских, а миропонимание дворянства мало напоминает «дух» и нравы пролетариата**.

Постоянно развивающееся общественное производство расширяет старые и создает новые области деятельности человека, постепенно вовлекая в свою орбиту все большее количество людей; сегодня его сферой оказывается охваченной подавляющая часть населения, кроме, как однажды выразился Маркс, «жалкой кучки рантье». Современный человек становится свидетелем и участником очередного этапа социально-экономической реструктуризации общества, ставшего следствием изменения характера средств производства, но, как наглядно демонстрирует логика современного нам этапа, объектом производства по-прежнему остается сам общественный человек.

Процесс обретения человеком самого себя — осознание человеком равенства самому себе и остальным членам общества —

---

* Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 398.

** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 171–173.

протекает в конкретно-исторических рамках социального пространства. Реализация человеком «родовой сущности», как определил историю человечества Маркс, как ее понимали впоследствии Вернадский, Бахтин, Рубинштейн*, Ясперс и многие из тех, кто задумывался о смысле жизни и деятельности человека, осуществляется в условиях и на фоне постоянно эволюционирующего прогресса. И если прогресс, понимаемый как процесс присвоения и воспроизведения общественным человеком социокультурного опыта человечества, отражает «абсолютно движение становления человека», то процесс «движения человека» характеризуем отчуждением человека от его человеческой сущности, и он оказывается пленником общественных отношений и институтов, им же созданных в ходе производственно-экономической и социально-политической деятельности.

Отмечая субстанциональность и разнонаправленность «движения человека и прогресса», Плеханов постоянно подчеркивает их взаимозависимость и взаимообусловленность**. В целом ряде работ Плеханова присутствует положение об утрате общественным человеком (по мере совершенствования средств и смены способов производства) черт, свойственных ему на более ранних стадиях развития, которые ему предстоит обрести вновь путем сознательных коллективных усилий. Устанавливая причинную связь нравственного регресса с умственным прогрессом, Плеханов показывает, что задолго до Маркса Руссо считал это противоречие основной *пружиной исторического развития цивилизации*: «Основателем гражданского обще-

---

* Вот как об этом пишет С. Л. Рубинштейн в книге «Человек и мир»: «Реальный человек – это всегда не голая абстракция, а конкретный исторический человек, в классовом обществе, имеющий всегда классовую характеристику. Но это не значит, что он является только исторически конкретным, с признаками особенного, отвечающего данной общей ситуации, что внутри этой исторической конкретности он не обладает и признаками всеобщности как в плане сознания, так и действия, которые образуют основу трактовки "онтологии" человека как фундамента этики... Для человека другой человек – мерило, выразитель его "человечности". То же для другого человека мое "я". Ввиду их симметричности и равноправности каждый человек одновременно и представитель человечества – "рода" человек, и выразитель, мера "человечности" других людей» (с. 69).

** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 634–635.

ства и, следовательно, могильщиком первобытного равенства был человек, оградивший участок земли и сказавший: "он принадлежит мне", иначе можно сказать, основанием гражданского общества служит собственность, которая вызывает столько споров между людьми, вызывает в них столько жадности, так портит их нравственность»*. Как и Маркс, Плеханов утверждал, что корни «человеческого» следует искать в условиях его человеческого существования**. Это позволяет сделать вывод о том, что теория общественно-экономических формаций Маркса, выявившая объективные законы истории, равно как и разработанная Плехановым идея о том, что история представляет собой эволюцию самого человека, — суть две грани *единой обобщающей и объясняющей* теории «единой нераздельной истории»***.

Данное положение имеет значение методологического основания, поскольку в нем детерминантом исторического процесса назван общественный человек: именно он является носителем аккумулируемого культурой исторического опыта, приобретаемого в ходе создания и преобразования собственной среды обитания — человеческого общества. Соответственно «мерой» человека является его социальность (человечность), которая находит свое отражение и реализуется в его деятельностном отношении к миру. От ее уровня зависит характер (степень очеловеченности) эволюционирующего общества, направленность развития и методы, используемые для регулирования социальной жизни. При этом отдельная личность не может игнорировать законы общественного развития, не опасаясь поставить себя в положение смешного Дон Кихота****.

Развитие человека включает в себя три взаимосвязанных составляющих единого процесса: социализацию, т. е. освоение социального опыта и знаний, делающих индивида способным

---

* Там же. Т. I. С. 586.

** Не будет преувеличением сказать, что эта мысль пронизывает все работы Плеханова. Достаточно назвать серию статей «Наши беллетристы-народники», «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии», «Пролетарское движение и буржуазное искусство» и многие другие.

*** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 247–248, 266. Курсив Г. В. Плеханова.

**** Там же.

жить и действовать в данном обществе; индивидуализацию, формирование качеств, отличающих одного человека от другого, и становление личности, обладающей собственным духовным миром, способным отобразить окружающий его мир, и сознанием, определяющим поведение людей. Категория личности характеризует человека как сознательного и несущего ответственность за свои действия субъекта деятельности, как некую субъективную целостность, со своим духовным миром, обладающим самосознанием, способного к самооценке и общению с другими. Становление личности происходит в исторически конкретной системе социальных отношений и связанном с ними мире культуры. Духовная жизнь человека, его духовный мир отличает его от остальных членов сообщества, поэтому в одних и тех же условиях люди поступают совершенно по-разному, ибо живут они в разных духовных мирах. Формирование духовного мира представляет собой некоторый эволюционный процесс, имеющий не столько биологическую, сколько информационную природу, т. е. духовный мир связан с общественным окружением человека. Выявление и понимание этой связи имеет практическое значение: именно духовный мир рождает приоритеты человека и его активность*.

Сознательной целью исторического движения («конечной целью», по Марксу и Плеханову, т. е. осмысленным и сформулированным общественным идеалом) человечества должна стать организация общества на *принципах добра и справедливости (Маркс)* или, как выразил свою мысль Плеханов, на основе нравственности и справедливости. Только такое понимание и способно воспринятую Плехановым мысль Маркса о том, что развитие общества *лишь в конечном счете зависит от экономики*. Плеханов в полемике с Михайловским и Н. И. Кареевым высказался по этому вопросу еще категоричнее: «экономическая структура общества [= экономические отношения людей. — *Т. Ф.*]... не есть causa sui. Но раз она существует, она определяет собой всю возвышающуюся над ней надстройку. И несмотря на это, все-таки нельзя повсюду лезть

---

* Многомерный образ человека. М., 2001. С. 62–65; Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С. 351–352; Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 70–71, 170–171, 200–201; Т. II. С. 247–248, 482–483, Т. IV. С. 297–298, 341–342; Т. V. С. 411–412, 427, 438, 456, 676–677 и др.

с «экономикой» при объяснении общественных явлений*. Подчеркивая мысль о том, что *экономика* есть *лишь предпосылка и средство*, обеспечивающее *возможности* развития человека, Плеханов тем самым поднимает проблему необходимости придать человеческий смысл и цели прежде стихийно развивавшимся социально-экономическим процессам. Иными словами, ставит вопрос о постепенном, сознательном овладении человеком историей.

Изменить экономические отношения людей, «чтобы таким образом вполне подчинить экономику просветленной разумом воле человека» и организовать жизнь людей на основе нравственности и справедливости, возможно лишь путем устранения их *экономического неравенства*, ставшего следствием развития производительных сил и, соответственно, разделения общества на классы. Решить эту задачу (нравственную задачу общественного человека) иным способом, кроме сознательной политической борьбы продающего свой труд большинства членов общества (пролетариата), невозможно. Цель этой борьбы — освобождение труда от свойственной ему и ныне функции удовлетворения жизнеобеспечивающих потребностей человека и превращение его деятельности в творчество.

Как Маркс, так и Плеханов, говоря об исторической миссии пролетариата, часто, если не в подавляющем большинстве случаев, называли его освободителем по преимуществу (Маркс использовал латинское выражение par excellence). Данное определение несет в себе концептуальную нагрузку, поскольку не только включает мысль о том, что общество в процессе освоения мира постоянно изменяет социально-экономическую структуру, обновляя способы освоения и вовлекая подавляющую часть своих членов в сферу общественного производства. С объективной закономерностью обосновывает право этого продающего (частному ли лицу или государству, группе государств или частных лиц) свой труд большинства преобразовать законы функционирования общества в *законы* поступательного и непрекращающегося развития собственных интересах, т. е. в интересах человека и человечества. Все последующее общественное развитие возможно лишь в условиях общемировой хозяйственной системы, поэтому от духовного состояния

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 286, 288; Курсив Г. В. Плеханова.

мирового сообщества будет зависеть, какие цели оно себе поставит, во имя чего продолжит свое развитие.

Именно так в 1883 г. сформулировал Г. В. Плеханов философское и политическое кредо Человека уже в самой первой теоретической работе по истории общественного развития «Социализм и политическая борьба», установив, таким образом, прямую зависимость между возможностью построения бесклассового общества и ведением политической борьбы пролетариатом с целью установления диктатуры. Только «диктатуры пролетариата положит конец существованию классов... Социалистическое общество немыслимо, разумеется, без трудящихся, но можно наверное сказать, что в нем не будет рабочих»*. Именно поэтому Плеханов называл историософское учение Маркса «мощным духовным оружием», «высшею социальной истиной нашего времени»**.

Плеханов постоянно подчеркивает необходимость для пролетариата и тех представителей других классов и промежуточных слоев, идейно определившихся в своих классовых интересах и вставших на точку зрения пролетариата, организоваться в партии заниматься политикой с целью подчинения деятельности государства интересам продающего свой труд большинства. В тех социальных условиях, при которых пролетариат не в состоянии осуществлять свое господство уже сейчас, он обязан знать и помнить о том, что овладение им политической властью является его стратегической задачей, отраженной в программе в качестве конечной (перспективной) цели. Отказавшись от этой цели, он лишает себя возможности стать свободным и освободить других.

Как определяет понятие диктатуры Плеханов? Диктатура всякого данного класса означает господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы. Известно, что сила, достигшая господства, всегда овладевает учреждениями. Когда данный класс «овладевает учреждениями», наступает эпоха его диктатуры.

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 204.

** Там же. С. 631, 635, С. 367, С. 717; Плеханов Г. В. Соч. Т. XVI. С. 285.

Плеханов напоминает, что, например, французская буржуазия добилась диктатуры еще в эпоху первого Учредительного собрания и впоследствии продолжала пользоваться абсолютными правами даже тогда, когда в правительстве в результате выборов появились представители пролетариата, так называемые социалистические министры. Об их реальной политической силе можно судить по тому, что один из таких министров, А. Мильеран, не смог воспрепятствовать расстрелу рабочих, осмелившихся не повиноваться капиталистам.

Разве сегодня современная российская и международная буржуазия не господствует в обществе, не только диктуя, как жить, но и решая за остальную часть человечества вопрос о том, жить ли вообще? При таком положении дел задача пролетариата и состоит прежде всего в том, чтобы посредством политической борьбы, постепенно расширяя собственное влияние, устранить в конечном итоге «условия возможности» диктатуры буржуазии*.

К числу важнейших из этих условий возможности диктатуры буржуазии Плеханов относит неразвитость классового самосознания пролетариата. В работе «Карл Маркс и Лев Толстой» Плеханов приводит слова Маркса о том, что поскольку «человек черпает все свои ощущения, знания и т. д. из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получал из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком. Если правильно понятый личный интерес есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о том, чтобы интересы отдельного человека совпадали с интересами человечества. Если человек не свободен в материалистическом смысле этого слова, т. е. если его свобода заключается не в отрицательной способности избегать тех или иных поступков, а в положительной возможности проявления своих личных свойств, то надо, стало быть, не карать отдельных лиц за их преступления, а уничтожить противообщественные источники преступлений и отвести в обществе свободное место для деятельности каждого отдельного человека. Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. V. С. 635–636.

быть, сделать эти обстоятельства достойными человека»*. Далее Плеханов заключает, что данное положение является научной основой нашего, т. е. марксистского учения о нравственности**.

В статье-разъяснении «Проект программы Российской социал-демократической партии», напечатанной в № 4 журнала «Заря» за 1902 г., Плеханов, указывая на значение социал-демократической партии в политической жизни страны, пишет, что для того, чтобы умело воспользоваться сложившимися для партии благоприятными обстоятельствами выполнить поставленные задачи, ее члены должны соблюсти два непременных условия: стать *«крепкой боевой организацией»,* выработать и принять *«стройную и последовательную программу»****. Он пишет, что разработка такой программы необходима для воздействия сознательных элементов рабочего класса, под которым Плеханов понимает ту постоянно увеличивающуюся в часть общества, которая вынуждена продавать труд для обеспечения существования самих себя и членов семьи, на его отсталые элементы.

В этой работе Плеханов пишет о том, что в отличие от других рабочих партий партия коммунистов представляет условия, ход и общие результаты рабочего движения. Вне этого обязательного условия члены партии не в состоянии определить и отстоять интересы этого движения в целом. Здесь Плеханов употребляет понятие коммунист как тождественное понятию социал-демократ, разграничивая, таким образом, цель движения и средство ее достижения во времени.

Еще в 1890 г., в первой статье о Н. Г. Чернышевском, Плеханов, отмечая непоследовательность и утопичность социалистических воззрений русского мыслителя, представленных в романе «Что делать?» и в статьях, относящихся к периоду его работы в журнале «Современник», замечает, что можно от души сочувствовать революционному движению пролетариата, однако в мирное время предпочесть передать дело улучшения

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. V. С. 635–636.

** Там же. С. 636.

*** В «Сочинениях» данная работа опубликована под названием «Комментарий к проекту программы РСДРП» // Т. 12. С. 205–239; курсив Г. В. Плеханова.

его участи... в руки существующих правительств, не осознавая значение политической самодеятельности рабочего класса; «что понимание современных задач пролетариата лучше всего обнаруживается в суждениях о тактике этого класса *в мирное, спокойное время*. Чтобы сочувствовать революционному взрыву рабочих, нужно только не быть заинтересованным в поддержании буржуазного строя. Но чтобы составить себе ясное понятие о тактике, которой рабочие должны придерживаться в то время, когда революции нет и еще не предвидится, — нужно хорошо выяснить себе все задачи, все условия и весь ход освободительного движения рабочего класса»*.

Иными словами, Плеханов ставит вопрос о постепенном создании — сознательном конструировании — общества, способного влиять на человека, менять в определенном направлении его духовный мир, воздействовать на него, выстраивая в нем систему приоритетов.

В Программу-минимум РСДРП по инициативе Плеханова были включены 9 пунктов «программы минимальных экономических и политических требований к рабочему законодательству», принятых делегатами Парижского Международного социалистического конгресса 1890 г., и реализации которых должна была добиваться социал-демократия, международная и национальная, выставленных партией, как указывалось в программе, в интересах охранения рабочего класса от физического и нравственного вырождения, в интересах его способности к освободительной борьбе: введение всеобщего, равного и прямого избирательного права, неограниченная свобода совести, принятие Конституции и установление республиканского правления**.

Борьба за реализацию программы минимальных экономических и политических требований была специфической формой диктатуры пролетариата, задачей которой является устранение капиталистических отношений — конечной цели всей между-

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. IV. С. 118; курсив Г. В. Плеханова.

** Новый товарищ. Международный социалистический конгресс (14–15 июля 1889) // Социал-демократ. 1890. № 1. С. 29–31; на экземпляре журнала, хранящегося в личной библиотеке Плеханова, его рукой отмечены и последовательно пронумерованы положения, впоследствии составившие часть программы российской социал-демократии.

народной социал-демократии. В «Комментарии» устранение капиталистических отношений Плеханов определяет как социальную революцию, подготовка к которой будет представлять собой длительный процесс социального воспитания общества. Под социальным воспитанием понимается планомерное создание материальных, организационных и духовных условий для целенаправленного развития человека. Политическая борьба является единственным средством устранения отношений, в основе которых лежит борьба между личностями за существование, создает определенные условия и возможности для овладения человеком необходимыми в рамках данного общества ценностями: знаниями, убеждениями, нормами, отношениями, образцами поведения... Эти же ценности лежат в основе личности, обладающей самосознанием, способностью к самоопределению и самореализации.

Критики Плеханова заявляли о том, что классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре, что переход общества к социалистическому переустройству должен, или он вообще необходим, непременно совершиться с помощью современных методов пропаганды и реформаторской деятельности. Не отрицая значимости парламентской деятельности, Плеханов утверждал, что в обществе, где существуют классы, неизбежна классовая борьба. Там, где есть классовая борьба, необходимо и естественно стремление каждого из борющихся классов к полной победе над своим противником, к полному над ним господству. Буржуазия и ее идеологи могут осуждать — во имя нравственности» и «справедливости» — такое стремление всякий раз, когда пролетариат обнаруживает его с заметной силой, напоминая о существовании более высоких — общечеловеческих — ценностей. Однако те ценности, к завоеванию которых стремится пролетариат, отвечают нравственному критерию каждого человека, не стремящегося превратить себе подобного в объект эксплуатации. Плеханов пишет, что суждение классовой борьбы и завоевательных стремлений рабочего класса было подсказано буржуазии лишь инстинктом самосохранения и что классовая диктатура представлялась ей совсем в другом свете, когда она еще вела свою многовековую тяжбу с аристократией и была твердо убеждена в том, что ее корабль не потопит никакая буря. Рабочему классу не может и не должна импонировать та будто бы нравственность и та якобы справедливость, к которым взывают буржуа времен упадка, т. е. времени, когда буржуазия более не стремится к завоеванию власти,

а напротив, стремится его упрочить, объявляя существующие в обществе отношения незыблемыми. Еще Минье утверждал, что только силою можно добиться признания своих прав и что до сих пор нет другого верховного владыки, кроме силы. Это было как нельзя более справедливо в эпоху борьбы третьего сословия с аристократией, и это осталось как нельзя более справедливым в наше время борьбы пролетариата с буржуазией. Если бы мы вздумали уверять рабочих, что в буржуазном обществе сила уже не имеет того значения, какое она имела при «старом порядке», то мы сказали бы им явную и вопиющую неправду, которая — как и всякая неправда — только удлинила бы и увеличила бы «мучения родов» нового общества*. Итогом этой борьбы явится социальная революция.

Революция — один элементов общественного развития. Но если для утопистов революция, которую они понимали как необходимое основание социального переустройства, являлась целью, то для Плеханова она была средством, которое будет призвано политически завершить экономическую и в значительной мере состоявшуюся духовную реорганизацию общества. Именно поэтому одни (социальные утописты, как их называл Плеханов) готовили революцию (здесь достаточно вспомнить Чигиринское дело, дело Нечаева, декабрьское вооруженное восстание 1905 г.), в то время как марксисты видели свою задачу в том, чтобы ее делать, изменяя состояние общества. Пролетарская революция, в которой гегемоном будет пролетариат, явится социально-политическим явлением, завершающим эпоху капиталистического развития общества. «Планов громадье» — программа социал-демократической партии — направлена на социальное изменение состава — совершенствование взаимоотношений между классами в обществе для их последующей ликвидации.

Необходимость осознанного движения Человека и человечества к социализму в «конечной цели» *предыстории человечества* составляла философское ядро практических решений Плеханова-политика. Эту цель, определяемую им как нравственную, не только обосновывал в теоретических спорах с теми, кто, подобно Бернштейну, Ант. Лабриоле или Сорелю на Западе, их многочисленным сторонникам в России, призывали ограничиться социальными реформами, которые, как

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 118.

они утверждали, «неизбежно» улучшают положение рабочего класса в обществе. С не меньшим упорством боролся Плеханов с радикализмом тех революционеров, которые, противопоставляя должное действительному, не обращая внимания «на время и место», подгоняли историю. Он воплощал их в практической деятельности, участвуя в создании партии, работая в периодических изданиях, помогая думской социал-демократической фракции, откликаясь на каждое значимое общественное событие в России и за рубежом, всегда и везде, где его голос мог быть услышан, хотя и не всегда понят.

Насколько актуальны положения, выдвинутые марксистами почти сто пятьдесят лет назад и включенные в программу РСДРП – партии, которая прекратила свое существование?

Действующие ныне социал-демократические и коммунистические партии при разработке стратегии деятельности вынуждены принимать во внимание целый ряд новых реалий, одна из которых выдвинулась в качестве самой серьезной проблемы человечества и ставит его перед необходимостью выработки единой стратегии развития человечества.

Целый ряд ученых – специалистов в области глобалистики пишут о том, что еще в конце прошлого тысячелетия антропогенная нагрузка на биосферу Земли, оказываемая хозяйственной деятельностью человека, вышла за допустимые пределы, и биосфера более не способна компенсировать подобные антропогенные возмущения.

Глобалистика – наука, которая изучает наиболее общие закономерности развития человечества и модели управляемого, научно и духовно организованного мира в единстве и взаимодействии трех основных глобальных сфер человеческой деятельности: экологической, социальной и экономической – в реальных условиях Земли с ее конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами, в наступившую эпоху антропогенно перегруженной Земли. Используя математические методы, глобалистика разработала четыре обобщенных параметра мира, с помощью которых описывает его движение. Остановимся лишь на трех из них, имеющих непосредственное отношение к теме статьи.

Индекс антропогенной нагрузки показывает, во сколько раз работа, производимая в единицу времени на единицу площади антропогенной нагрузки страны, больше или меньше плотности мощности антропогенной нагрузки мира в целом.

Индекс социально-экономической дисгармонии представляет собой отношение доходов самых богатых (20 % всего населения) к доходам беднейших (20 % всего населения). Этот индекс применим и к отдельной стране, и к миру в целом.

Индекс устойчивости развития — страны или мира в целом представляет собой отношение плотности мощности реальной антропогенной для этой страны или мира в целом к допустимой для биосферы плотности мощности антропогенной нагрузки, составляющей около 70 кВт/кв. км. Индекс устойчивости развития меньше единицы соответствует устойчивому развитию, больше единицы — неустойчивому. При этом следует иметь в виду, что индекс устойчивого развития — фундаментальный термин, относящийся к единству сферы глобальной экологии — социальной и атомической сфер,— и его нельзя сводить к одной или двум сферам или любым другим частностям.

Если говорить о динамике взаимодействия между человечеством и биосферой, то индекс устойчивости развития мира с 1910 по 2000 г. понизился в 7 раз: в 1910 г. он составлял 0,36, в 1970 — 1,18, т. о., превысил единицу, и мир из состояния устойчивости перешел в состояние саморазрушения. Сейчас он составляет 2,1. Возрастание индекса устойчивости отражает возрастание напряженности взаимодействия и биосферы.

Если говорить о динамике взаимодействия внутри мирового сообщества и зависимости этого показателя во времени, то индекс социально-экономической дисгармонии с 1820 (3) по 1997г. (74) вырос почти в 25 раз.

Возрастание индекса дисгармонии мирового сообщества во второй половине XX в. и сверхнапряженность во взаимодействии между человечеством и биосферой введет теперешний мир, такой, каким он является сегодня, в состояние коллапса, который может произойти уже в первой четверти XXI в.

Глобалистика делает вывод: единственной мерой, способной обеспечить сохранение человеческой цивилизации, может стать управляемое развитие, и дает научно-конструктивное определение устойчивого развития, включающее количественные критерии.

Под устойчивым развитием человечества (страны) понимается управляемое и научно организованное, неограниченное во времени развитие, протекающее в условиях гармоничного взаимодействия биосферы человечества, регламентированное индексом устойчивости развития меньше единицы, и в условиях внутренней гармонии самого общества, существующей при индексе социально-экономической дисгармонии общества менее

10–25, есть развитие, нацеленное на раскрытие и совершенствование творческих и духовных начал человека.

Исследования специалистов последних двух десятилетий представляют неопровержимые доказательства того, что человеческая цивилизация вступила в эпоху запредельного критического состояния биосферы, что ставит под угрозу само существование рода человеческого. Сегодня в мире столкнулись и противостоят друг другу два полярных мировоззрения: эгоизм «избранных» мира сего (достаточно вспомнить хотя бы широко и серьезно обсуждаемую теорию «Золотого миллиарда»), основанный на стремлении к господству, неограниченному потреблению ограниченных ресурсов биосферы и техносферы, и коллективизм, основанный на стремлении к разумным общественным отношениям, учитывающим ограниченные ресурсы и интересы будущих поколений*.

Марксисты XIX и XX вв. призывали пролетариев всех стран осознать друг друга равными самим себе и объединиться в борьбе ради переустройства мира на основе нравственности и справедливости. Сегодня единение необходимо для того, чтобы гарантировать не только выживание человечества, но и жизнь, достойную каждого человека.

---

* Оленьев В. В., Федотов А. П. Глобалистика на пороге XXI века // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 18–31.

2. Философия истории и философия политики

И. Н. Сиземская

Исторический монизм Плеханова*

В русской философско-исторической мысли второй половины XIX в. значительное влияние приобретает направление, связанное с материалистическим истолкованием истории, разрабатываемое Георгием Валентиновичем Плехановым (1856–1918). Его истоки уходят в материалистическую традицию отечественной философии, наиболее последовательно представленную антропологическим материализмом Н. Г. Чернышевского, идеи которого в 70–80-х гг. были широко известны в среде разночинной интеллигенции, и интерпретацией истории в духе экономического материализма М. А. Бакунина. Плеханов высоко ценил материализм Чернышевского, которому посвятил серьезное исследование («Н. Г. Чернышевский»), а в отношении Бакунина говорил, что его (Плеханова) «великое уважение к материалистическому объяснению истории» сформировалось под сильным влиянием бакунинской философии. В эти годы значительное воздействие на общественную мысль имел и «философский реализм» П. Н. Ткачева, стержнем которого,

---

* Впервые: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 233–241. Публикуется в сокращении.

как он сам объяснял, была материалистическая методология, опирающаяся применительно к обществу на «закон самосохранения». Известное влияние на Плеханова оказала традиция русской «географической социологии» (В. О. Ключевский, Л. И. Мечников), в определенном смысле предопределившая специфику его историософской модели, книга М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», сильно поколебавшая его народнические воззрения. Иными словами, историко-материалистические идеи Плеханова складывались под значительным влиянием отечественной философской мысли.

Однако формирующим фактором его философии истории был марксизм. Плеханов был глубоко убежден, что исторический материализм Маркса, имеющий своим эмпирическим материалом всю историю человечества (всемирную историю), — и есть философия истории. «От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества», — утверждал Плеханов*. Ее научная значимость связана с тем, что она указывает не на причины отдельных явлений, характеризующих исторический процесс, а на то, как надо подходить к обнаружению и объяснению этих причин, т. е. как возможно историческое знание, что лежит в основе философского понимания исторического процесса. В этом, по мнению Плеханова, состоит методологическое значение материалистического объяснения истории. Убедительнее всего об этом свидетельствует, считал Плеханов, «Капитал», в котором представлена вся материалистическая философия истории Маркса. Как справедливо отмечает В. Ф. Пустарнаков, «к каким бы работам Плеханова мы ни обращались, повсюду прослеживается одна и та же логика мысли. Плеханов вполне сознательно истолковывал исторический материализм как "философию истории"»**. Отстаивая этот тезис, он впервые «изложил материалистическое понимание истории на языке марксовых категорий»***. Таким образом, можно сказать, что Плеханов выступил, с одной стороны, наиболее ярким и последовательным

---

* Плеханов Г. В. Философские и социальные воззрения К. Маркса // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 452.

** Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России (конец XIX — начало XX в.) М., 1974. С. 202.

*** Там же. С. 180.

продолжателем отечественной материалистической традиции, а с другой стороны, одним из первых, связавших эту традицию через марксизм с философией истории. Следует отметить, что знакомство российской интеллигенции с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса состоялось намного раньше: в середине 40-х гг. в России была известна работа Маркса «К критике гегелевской философии права», в 1861 г. «Современник» опубликовал изложение Н. В. Шелгуновым работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», в 1865 г. в пересказе П. Н. Ткачева публикуется известное «Введение из "К критике политической экономии"» Маркса, в 1869 г. был издан на русском языке «Манифест Коммунистической партии», а в 1872 г. увидел свет I том «Капитала» в переводе Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона; благодаря активной пропаганде марксистских экономических идей профессором киевского университета Н. И. Зибером была известна работа Энгельса «Анти-Дюринг». Начиная с 40-х гг. вели переписку с Марксом и Энгельсом П. В. Анненков, П. Л. Лавров, Н. Ф. Даниельсон, Г. А. Лопатин, позже – П. Н. Ткачев, В. И. Засулич, В. В. Берви-Флеровский. Сохранилось 147 писем Маркса и Энгельса русским корреспондентам и 312 писем русских деятелей Марксу и Энгельсу*. В 1869 г. вышел капитальный труд В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России»; желая познакомиться с этой книгой, Маркс стал изучать русский язык и, прочитав ее, поставил исследование Флеровского в один ряд с работой Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

В 70—80-е гг. русская интеллигенция читала, хотя и не всегда глубоко, Маркса, его идеи были весьма популярны, а отдельные работы передавались для чтения «из рук в руки». Это во многом объяснялось спецификой общественно-политической ситуации: к началу 80-х гг. революционное народничество и в теории, и в практике зашло в тупик. Выход из этого тупика некоторые пытались найти в марксизме. Марксизм был воспринят как «неозападничество», «свежий ветер с Запада» (Франк), как последнее слово европейской философии и науки. В нем увидели доктрину, которая может дать отсталой и усталой России ответ на вопрос, как вырваться вперед и приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Вот почему в 90-е гг. в марксизме получили «крещение», по словам Г. П. Федотова,

---

* Аникин А. В. Путь исканий. М., 1990. С. 380.

все направления русской общественной мысли*. Но систематическое изложение идей марксизма, включение их в контекст отечественной философской мысли связано с Г. В. Плехановым, и в этом смысле Плеханов был первым русским марксистом.

«Материализм, своей философской грубостью и наивностью отталкивавший ранее многих интеллигентов, превратился в руках Плеханова в заманчивое мировоззрение, поскольку внесение в него диалектического метода создавало впечатление, что такой материализм — всеобъясняющая теория. Упрощенчество старого материализма типа Фогта и Молешотта казалось преодоленным. Плеханов сам превосходно владел диалектикой, и против его аргументов трудно было бороться. Главное же — в марксизме казалась преодоленной та пропасть, тот дуализм между общефилософским мировоззрением и областью социального развития, который составлял слабую сторону народников», — так охарактеризовал значение Плеханова исследователь русской философии С. А. Левицкий**.

На трудах Плеханова воспиталось целое поколение русских марксистов — ортодоксальных, следовавших «в одной связке» с Плехановым, «либеральных марксистов», со временем отошедших от него в сторону социал-демократизма, и тех, кто, акцентируя его радикализм, придали ему форму большевизма.

Плеханов не раз отмечал, что основной вопрос философии истории — это вопрос о причинах исторического движения, которые лежат в сфере практической деятельности людей. Поэтому ее исходным моментом является проблема взаимоотношений человека с окружающим его миром, иными словами, общественный способ производства. Главным структурным элементом последнего на всех этапах человеческой истории выступают производительные силы, первоначальный толчок развитию которых дает сама природа, и прежде всего свойства географический среды.

«Отношение человека к географической среде не неизменно: чем больше растут его производительные силы, тем быстрее изменяется отношение общественного человека к природе, тем быстрее подчиняет он ее своей власти. С другой стороны,

---

* См.: Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 436.

** Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. Т. 2. М., 1996. С. 242.

чем больше развиваются производительные силы, тем скорее и легче совершается их дальнейшее движение... этой-то внутренней логике развития производительных сил и подчиняется в последнем счете все общественное развитие»*.

В системе плехановских воззрений категория «производительные силы» является основной, объясняющей как причины истории в целом, так и развитие отдельных обществ, поскольку «данным состоянием производительных сил обусловливаются внутренние отношения данного общества» и одновременно «внешние его отношения к другим обществам»**. Состояние производительных сил как мера власти человека над природой определяет «свойства социальной среды» — ее экономику (экономические отношения) и психологию (общественное сознание), уровень «зрелости» или «незрелости» которых зависит от уровня развития орудий и средств труда. В этом, по мнению Плеханова, состоит универсальный историософский закон, из которого выводятся все другие законы общественного развития и истории. Признание этого закона — закона развития производительных сил — лежит в основе материалистической парадигмы философии истории.

Отметим, что, во-первых, Плеханов делает исходной категорией философии истории не экономику, а именно производительные силы, хотя к этому времени в отечественной философской мысли сложилась традиция (Бакунин, Ткачев), приписывавшая историческому материализму в качестве исходной категории именно экономику как первичную причину общественного развития. Во-вторых, Плеханов не впадает в грубый экономизм, заявляя о зависимости психологии от состояния орудий и средств труда. В области психологии, по его мнению, явления общественного сознания, вплоть до политических идей, могут быть объяснены посредством влияния экономического развития только «косвенным образом», ибо эта зависимость выражает общий принцип целесообразности, господствующий в природе и обществе. Психология всегда целесообразна по отношению к экономике, и эта целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное

---

* Плеханов Г. В. Нечто об истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 2. С. 228.

** См.: Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Там же. Т. 1. С. 639.

«самим характером своим» осуждено на гибель*. Признание целесообразности, т. е. приспособляемости психологии к уровню развития производительных сил, есть, по сути, признание ее самостоятельного значения. («Незначимое» не может быть целесообразным.) Развивая этот тезис в полемике с Н. И. Кареевым, у которого «тут экономика, там — психология», Плеханов утверждал, что его точка зрения устраняет этот дуализм, ибо у него «экономия общества и его психология представляют две стороны — одного и того же явления "производства жизни" людей, их борьбы за существование, в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил»**. Экономика, равно как и психология, есть явление производное: «далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, "функция" производительных сил»***. Разрабатывая эту идею, Плеханов выступил с резкой критикой «теории факторов», упрекая ее последователей в отсутствии монистического взгляда на историю.

«Но как бы ни была законна и полезна в свое время теория факторов, — писал Плеханов, — она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особенные силы, будто бы определяющие собой историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь»****.

Теория факторов, считал Плеханов, эклектична в своей сути. Проявление эклектизма он видел в непозволительном «уравнивании» причин исторического процесса, скрывающимся за ее исходной идеей — идеей всеобщего взаимодействия общественных сил как конечной причины исторического прогресса. Сама идея взаимодействия, разумеется, не вызывала возражения. Но взятое само по себе, это понятие, убеждал Плеханов,

---

* См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 1. С. 644.

** Там же. С. 645.

*** Там же.

**** Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 2. С. 242.

ничего не объясняет, потому что «всякое взаимодействие между данными силами уже предполагает существование этих сил, и сказать, что они действуют одна на другую, вовсе не значит объяснить их происхождение»*. Попытка открыть их внутреннюю связь лишь превращает отдельные явления общественной жизни в какие-то особые, малообъяснимые силы. Общая же теория развития должна носить «синтетический характер», исходить из единого принципа, который выражает причинную связь явлений. «Теория факторов», отрицая такой принцип, не в состоянии раскрыть генезиса последних. Поэтому взаимодействие в ее контексте, по сути, лишено необходимого для научного понятия эвристического потенциала. «Исторические факторы» оказываются простыми абстракциями, а человеческое общество представляется некой «тяжелой кладью», которую различные «силы» — мораль, право, экономика и т. п. — «тащат», каждая со своей стороны, по историческому пути. Понятно, что причина, направляющая их движение, остается нераскрытой.

Этой причиной, убеждает Плеханов, являются производительные силы. Именно они через действие всеобщего закона «увязывают» все стороны общественной жизни и человеческой истории воедино. Обращение к производительным силам утверждает монистический взгляд на историю, в соответствии с которым «люди делают не несколько, отдельных одна от другой историй, — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время»**.

Разработка монистического взгляда на историю с акцентом на производительных силах как первопричине исторического процесса и важнейшем структурообразующем элементе экономической основы общества означала включение принципов материализма в философию истории. Важно отметить, что Плеханов «отгораживал» свой материализм от «экономического материализма», за которым, по его мнению, скрывалась вульгаризация экономического учения Маркса в духе — «раз дана

---

* Плеханов Г. В. Несколько слов в защиту экономического материализма //Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 2. С. 204.

** См.: Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории. Т. 2. С. 266.

экономическая структура общества, можно вывести из нее все остальные общественные явления». Разъясняя свою позицию, Плеханов подчеркивал, что материалистическое понимание истории не ограничивает объект анализа «экономической анатомией общества», поскольку «движение человечества <...> никогда не совершается в плоскости одной экономики»[*].

Материалистическая философия истории имеет дело со всей совокупностью общественных явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономикой, вплоть до работы воображения. Кроме того, она предполагает «умение перехода» от экономики к сфере духовной жизни общества. «Нельзя повсюду лезть с “экономикой” при объяснении общественных явлений», — не раз и не без раздражения предупреждал Плеханов[**].

Наверное, не в последнюю очередь именно этим неприятием вульгарного экономизма объясняется нередкое обращение Плеханова в 90-е гг. к учению Дарвина и естественно-научным аналогиям, в том числе к вопросу о соотношении биологии и социологии. Плеханов не разделял стеной мир природы и мир социума. Акцент на производительных силах в объяснении истории предполагал особый интерес к природным факторам (географической среде, народонаселению, дань внимания к которым, надо заметить, Плеханов отдал сполна) и к естественно-научным закономерностям, лежащим в сфере взаимоотношения человека с природой. Примечательно в этой связи следующее рассуждение Плеханова из его рецензии на книгу Риккерта «Науки о природе и науки о культуре».

«У Риккерта обобщающему естествознанию противопоставляется история, изображающая данные процессы развития в их индивидуальном виде. Но кроме истории (в широком смысле) есть еще социология, которая занимается “общим” в такой же мере, как и естествознание. История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удается объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии. Поэтому она относится к социологии совершенно так же, как геология относится к “обобщающему” естествознанию»[***].

---

[*] Плеханов Г. В. В защиту экономического материализма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. С. 216.

[**] Плеханов Г. В. Об «экономическом факторе» // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. С. 288.

[***] Плеханов Г. В. О книге Риккерта // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. С. 515.

Плеханов не принял риккертовское противопоставление наук о культуре наукам о природе — оно для него было лишено серьезного основания. Область Дарвина, конечно, отлична от области истории, но между ними есть общее: Дарвин объясняет происхождение видов влиянием внешней природы, а Маркс объясняет историческое развитие человечества свойствами общественных отношений, которые возникают при взаимодействии общественного человека с последней*. Дарвину удалось решить вопрос о том, как появляются и утверждаются в борьбе за существование растительные и животные виды, Маркс показал, как возникают различные виды общественной организации в процессе взаимодействия людей с природным миром, обеспечивающем их средствами общественного существования. Поэтому эволюционная теория Дарвина, дающая картину диалектического развития природы, может быть ключом к объяснению диалектики общественной жизни. Иногда в обосновании правомерности такого взгляда на историю Плеханов допускал формулировки типа «марксизм есть дарвинизм в его применении к обществознанию», за которые его упрекали в уступках социал-дарвинизму. Но если упреки и имели под собой основание, причина этого лежала не в увлечениях теорией Дарвина, а в стремлении «увязать» законы природы и законы истории в рамках монистического, т. е. философско-материалистического понимания.

Исторический монизм Плеханова и его последователей (В. И. Засулич, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, А. М. Деборин — так называемая школа Плеханова) не был однозначно воспринят ни теми, кто считал себя марксистами, ни теми, кто принял марксизм «с оговорками», дополняя его социал-демократическими идеями. Одни, признавая его заслуги в систематическом изложении марксистских воззрений, нередко обвиняли в вольной интерпретации философских основ марксистского учения, другие, наоборот, критиковали его за излишнюю ортодоксальность. Ниже мы остановимся на полемике Плеханова с «легальными марксистами», которая развернулась во второй половине 90-х гг. по экономическим вопросам марксистского учения и проблеме отношения России к Европе в связи с критикой субъективно-идеалистической идеологии народничества.

---

* См.: Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. Гл. 5.

Г. Г. Водолазов

Уроки Плеханова: метод, теория, революционное действие*

Ультралевые сверхреволюционеры всех времен и народов преклонялись и преклоняются перед так называемым прямым революционным действием; к науке, теории они относились и относятся с нескрываемым презрением и враждебностью (слово «методология» вообще является мишенью для упражнений в острословии леваков). «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником»; «не хлопочите в настоящий момент о науке»; «мы должны народ не учить, а бунтовать» — так писали ультрареволюционные бакунисты более ста лет тому назад.

Подобных восклицаний было немало и у идеологов «новых левых», еще недавно занимавших значительное место на авансцене политической жизни ряда западноевропейских стран. Так, Режи Дебре категорически высказывался против того, чтобы овладевать настоящим, опираясь на предвзятые идеологические концепции и переживая это настоящее через книги. Теория, рожденная опытом предшествующих поколе-

* Публикуется в сокращ. по изданию: Проблемы мирового революционного процесса. Вып. 3-й. М., 1983. С. 157–197.

ний революционеров, рассматривалась «новыми левыми» как «догма», как груз «прошлого», от которого должно быть «освобождено настоящее». «Освободить настоящее от прошлого», освободить спонтанное революционное действие от тормозов теоретических размышлений, освободить политику от теории — на все лады восклицали «новые левые» и — освободили свою политику от принципиальности, логичности, последовательности. В результате система стойких революционных сражений была заменена отдельными, разрозненными вспышками бунтарских действий, перескоком от одной частной политической ситуации к другой; во Франции, например, гошисты хватались за решение то одних, то других «горячих» вопросов, которые подчас сознательно и хитроумно, дабы отвлечь от действительных проблем, подсовывались консервативными силами.

Такая «актуализация» политической деятельности, связанная с «блужданием» по горячим (а чаще псевдогорячим) точкам социальных противоречий, не умеющая связать отдельные «горячие» проблемы с общей системой проблем своей страны и мира в целом, с общей логикой всемирно-исторического развития (которая, кстати, и отражена в великих произведениях революционных теоретиков прошлого, в тех «книгах» и «цитатах», о которых с таким пренебрежением писали гошисты), — такая «актуализация» приводит к потере движением своих сторонников, союзников, к утрате политического веса и влияния.

Вот почему чрезвычайный интерес представляет теоретическая деятельность Г. В. Плеханова. Опыт его теоретической деятельности поучителен в разных отношениях: поучительны как достижения плехановской мысли (представляющие собой самостоятельный вклад в сокровищницу политико-философского знания), так и ее провалы — тоже по-своему исторические маяки, сигнализирующие об опасностях, встречающихся на путях движения по морю конкретного политического анализа.

В этой связи уместно вспомнить любопытный, внешне парадоксальный, но, при вдумчивом рассмотрении, весьма эвристический подход к оценке теоретического наследия Плеханова, сформулированный Лениным: «...*Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом (разумеется — в прежнем, еще не запятнанном сталинистами смысле этого слова. — *Г. В.*) без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». И — рядом — другое его высказывание: «...способ рассуждения, нередко встречаю-

щийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»* (снова напомним современному, не искушенному в теоретических тонкостях читателю, что речь идет о «диалектическом материализме», как он сформулирован в трудах марксистских классиков или в работах их последователей вроде Ильенкова и Лифшица, а не о той его вульгарной версии, начало которой было положено сталинским «Кратким курсом» и следовать которой было обязанностью официальной советской философии).

Итак, с одной стороны, без изучения работ Плеханова нельзя стать «настоящим» марксистом-коммунистом, а с другой — плехановский способ рассуждения есть «опошление марксизма» и «насмешка над диалектическим материализмом». Что это значит? Как такое возможно? Ответить на этот вопрос, на мой взгляд, и означает понять Плеханова и его историческое значение.

<...>

Философия и социализм

Глубоко осознанное органическое единство, тождественность диалектики и материалистического понимания истории позволили Плеханову обосновать одно важное положение, которое, к слову сказать, активно оспаривалось (и, увы, иногда и сегодня оспаривается) иными «марксистами».

В письме Плеханову от 6 февраля 1901 г. К. Каутский написал «историческую» фразу: «...я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма». О том, что это не случайно оброненная фраза, свидетельствуют и многие другие высказывания Каутского, например такое: «Я понимаю под марксизмом не философию, а эмпирическую науку, особое понимание общества». Другой теоретик II Интернационала —

* Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 290; Т. 3. С. 14.

В. Адлер тоже «допускает возможность замены материалистической основы» научного социализма кантовской.

Такой ход мыслей отнюдь не стал далекой историей. И сегодня в «левых» кругах нередки утверждения о независимости социалистической стратегии и политической борьбы «левых» партий от той или другой философской основы и о том, что поэтому-де политическая программа борьбы такой партии может быть вполне сочетаема с философией какого-нибудь позитивизма, идеализма или даже католицизма. Плеханов же считал, что не может, что «все стороны миросозерцания Маркса самым тесным образом связаны между собой... вследствие этого нельзя по произволу удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого миросозерцания»*. Он это доказывал и демонстрировал постоянно — и в общетеоретической форме, и на весьма впечатляющих конкретных примерах.

А. Богданов, к примеру, желал быть последовательным революционным борцом за дело трудящихся, сторонником Марксовой теории социалистической революции; он воевал с реформистами и в эпоху первой русской революции входил в большевистский ЦК. Но Богданову, удрученному поражением революции и не понявшему действительных причин этого поражения, показалось, что наилучшей основой марксистской теории революции и социалистической революционной деятельности может быть не диалектический материализм, а одна из разновидностей позитивизма — махизм; Богданову показалось, что диалектический материализм с его признанием объективной истины и объективной законосообразности исторического процесса есть одна из форм оправдания действительности, ведущая в конечном счете к оппортунизму и реформизму. Отрицающий же объективные законы махизм, с его точки зрения, раскрепощает революционера, открывает перед ним простор для «творческой», «решительной», не сдерживаемой никакими рамками преобразовательной деятельности.

Убийственным сарказмом встретил эту богдановскую риторику Плеханов. Он указал, что «бурная революционность», опирающаяся на субъективистскую философию Маха и вследствие этого не умеющая сообразовываться с объективной логи-

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. III. М., 1957. С. 198.

кой исторического развития, с объективными интересами и возможностями масс, есть не социалистическая революционность.

Подлинно социалистическая революционная деятельность — это самодеятельность народных масс, богдановско-махистская же «революция» — это деятельность «социальных организаторов», этих «сверхчеловеков», стоящих над бессловесными и послушными стадами народных масс и милостиво повелевающих ими. Вот почему Плеханов имел полное право заявить: «Оружие, выкованное Вами, г. Богданов, совсем не годится для передовых людей: оно обеспечивает им не победу, а поражение»*.

Столь же печальный результат, как показал Плеханов, дала и попытка так называемых богостроителей «усовершенствовать» марксизм путем замены материализма своеобразной разновидностью религии. Она устраняла традиционного бога и в то же время стремилась учитывать религиозные традиции масс, организующую роль веры. «...Бог есть человечество в высшей потенции», — восторженно писали богостроители. На «человечество», на этого нового бога должен молиться, должен работать каждый человек. Конечно, субъективно «богостроители» хотели хорошего, хотели ускорить процесс движения общества к социализму. Но Плеханов выявил объективный смысл такой замены материализма «религией». Холодной и бестрепетной рукой он стер всю позолоту концепции «богостроительства», разорвал всю ее многоцветную словесную упаковку и обнажил ее весьма неприглядную суть: обожествленное «человечество» оторвано от «я», от отдельного человека, индивида; в этой концепции отдельный человек остается беспомощным, зависимым существом, обязанным служить новому идолу — некоему абстрактному «человечеству» (которое, впрочем, не преминет предстать в образе каких-нибудь своих конкретных представителей, своих жрецов, этих новых наместников «нового бога на грешной земле). Принижение роли сознательного компонента народных движений, выдвижение на первый план моментов иррациональных — экзальтированности, веры, коллективной ритуальности — не могут вести ни к чему иному, как к «казарменному коммунизму», который есть всего лишь «вывернутая наизнанку буржуазность». И это, настаивает Плеханов,

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 300.

есть закономерный итог попыток сочетать социалистическую теорию К. Маркса с какой-либо иной, нематериалистической философией.

Струве и Бернштейн пытались проделать другую, нежели Богданов и его сторонники, противоположную операцию. Они начали с попытки сохранить фундаментальные положения материалистического понимания природы и общества, отбросив научный социализм, заменив марксистскую теорию революции теорией социальных реформ. А кончилось это, как показал Плеханов, тем, что Струве, много говоривший об объективности социальных законов и ведущей роли экономики, но не доводивший своей концепции до признания революционной исторической миссии угнетенного класса и необходимости в той или другой форме социалистической революции, низвел свой объективизм до исторического фатализма и примирения с буржуазно-монархической действительностью. Бернштейнианцы, выдвинувшие стратегию социальных реформ *вместо* революции, эволюционировали от материализма к кантианству (к тому же в его самой примитивной и вульгарной версии). Их печально знаменитый лозунг «движение — все, цель — ничто», в котором абсолютизируется медленное, постепенное реформистское движение и отбрасывается — как нечто практически недостижимое — «цель», т. е. социализм,— этот лозунг есть по сути перевод на политический язык центральной кантовской идеи об ограниченности человеческого познания миром «явлений», миром «опыта» и невозможности выхода за пределы этого мира в недостижимый, недоступный и непознаваемый мир «вещей в себе».

Плеханов, таким образом, показал, что выбор той или иной позиции в классовой, социальной борьбе соответствующим образом детерминирует и выбор *философской* основы, и наоборот. Более того, Плеханов доказал не просто то, что подлинно социалистическая теория может вырасти только на основе материализма, на основе материалистического понимания истории (это более или менее очевидно), но и то, что само понимание истории становится действительно *материалистическим* только тогда, когда оно доводится до идеи социализма. Только тогда.

Иначе говоря, теория социалистических преобразований — это не просто один из «этажей» марксизма, а замыкающее всю цепь звено, которое и превращает понимание истории в действительно материалистическое понимание, а через него диалектику — в материалистическую диалектику.

Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, теория социализма — не стоящие «рядом» особые науки, а пропитывающие друг друга, взаимопроникающие моменты, неразделимые части *одной-единой* науки, имя которой — марксизм. Не случайно для классиков марксизма и Плеханова равноценными наименованиями марксистской науки в целом, полноправными синонимами были: «диалектический материализм», «материалистическое понимание истории», «научный социализм» (снова просим не отождествлять «научный социализм» Маркса со сталинистской версией «научного коммунизма», заполнявшего всю учебную литературу по обществоведению во время óна и служившего делу оболванивания, «манкуртизации» общества). Вот итоговая плехановская формула: «Марксизм — это целое миросозерцание... Каждая сторона этого миросозерцания самым тесным образом связана со всеми остальными, и каждая освещает собою все остальные, помогает их пониманию. Нельзя вырвать какую-нибудь одну из них и ограничиться ее признанием, устраняя остальные или игнорируя их. Это значит изуродовать марксизм, изгнать из него душу, превратить эту живую теорию в мумию мысли и, не довольствуясь даже этим, сосредоточить все свое внимание лишь на том или другом органе этой мумии. В этом величие марксизма и в этом же причина того, что его так ошибочно понимают многие из тех, которые искренно стремятся к его пониманию»*. И когда сегодня сталкиваешься с попытками людей, «искренно стремящихся быть марксистами», отделить революционную стратегию борьбы от философии марксизма, то невольно вспоминаешь верные и точные слова Плеханова: если социалистические идеологи «показывают часто полное непонимание ими философии Маркса, то от этого она теряет очень мало, а они очень много; их взгляды лишаются всякой стройности и вступают в уродливые сочетания со взглядами, выработанными идеологами *современной буржуазии*»**.

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 198.

** Там же. С. 199.

«Подменять конкретное абстрактным — один из самых опасных грехов»

Мы уже приводили высказывание о том, что «способ рассуждения» Плеханова есть «опошление марксизма, сплошная насмешка над диалектическим материализмом». Подобная характеристика выглядит абсолютно несовместимой со всем тем, о чем мы только что писали. Так резко и так категорично — «опошление», «насмешка». Нет ли в этих словах некоторого полемического преувеличения, объясняющегося остротой какого-то конкретного спора? Нет! К сожалению, нет. К сожалению, все именно так и обстоит. И незачем прибегать к каким-то приглаженным формулировкам там, где речь идет о принципиальных вещах.

Как же все-таки совмещаются те «несовместимые» высказывания? Какие ошибки допускал Плеханов и в чем корни этих ошибок?

Здесь, как и при объяснении исторических заслуг Плеханова, следует остерегаться легких, лежащих на поверхности и кажущихся очевидными ответов, таких как: Плеханов не разглядел специфики России (был-де долго оторван от родины) и потому неправильно определял перспективы русского революционного движения; Плеханов-де не был практиком и терялся в тактических вопросах, а это, как правило, и приводило его в лагерь меньшевиков и т. д. и т. п.

И снова, как и в первом случае, — при рассмотрении заслуг Плеханова мы должны сказать, что эти утверждения сами по себе, в общем, верны, но они фиксируют внимание на ошибочности *отдельных конкретных оценок*, дававшихся Плехановым, но не отвечают на вопрос, в чем погрешности его «способа рассуждений», т. е. его *метода*. Следует же обращать внимание как раз на последнее, ибо конкретные политические и тактические ошибки Плеханова во многом связаны с недостатками именно его *методологии*.

В чем же состоят эти недостатки, эти погрешности? Отвечая на этот вопрос, мы остановимся лишь на двух, но, думается, самых главных моментах.

Первый связан с самим пониманием значения метода как инструмента познания, роли метода в процессе познания, *соотношения метода и конкретных данных*. Как этот вопрос ставил Плеханов? Разработанная Марксом и Энгельсом «со-

временная социалистическая теория, — писал он,— это алгебра революции, могущая дать нам только алгебраические формулы»; эта общая теория применяется как метод при исследовании социальных условий конкретных стран и регионов. Как же применять «алгебраические формулы» этой общей теории? Вот как: «...чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них алгебраические знаки определенными арифметическими величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком пользовании этими формулами они сохранят свой живой диалектический характер и не превратятся в мертвые метафизические догмы...»*

Итак, в верную алгебраическую формулу ставить арифметические значения, арифметическую конкретику данной страны. Отметим прежде всего, что Плеханов вовсе не за то, чтобы поклоняться только общим формулам, игнорируя специфику страны (как то ему приписывают некоторые исследователи); эти обвинения начались еще в 80—90-х гг. XIX в., когда народники стремились доказать, что марксисты и их лидер Плеханов предсказывают капиталистическую перспективу развития России, исходя не из ее конкретных условий, а из общей социологической схемы марксизма, согласно которой будто бы все страны неизбежно должны пройти этап капиталистического развития. И еще тогда в статье «Наши разногласия» Плеханов показал, что дело вовсе не в общих схемах. В алгебраическую формулу марксизма о том, что производительные силы обусловливают производственные отношения, а их противоречие определяет направление развития общества, тип и формы происходящей в нем социальной борьбы, Плеханов подставил арифметические величины российской конкретики. Он с цифрами и фактами в руках доказал наличие и развитие крупного машинного производства в России, выявил роль всероссийского рынка, тип сложившихся и складывающихся классов и из этого, а вовсе не из общей формулы как таковой сделал вывод: Россия вступает на путь капитализма и революционное движение в России победит как рабочее движение или не победит вовсе. И это были в значительной степени верные выводы.

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 95—96.

Погрешности плехановского метода состоят в другом и требуют для своего выявления несравненно более тонкого анализа. Зримо они проявились в эпоху первой русской революции 1905–1907 гг. В эту эпоху Плеханов, как и прежде, применил свой метод подстановки арифметических значений русской конкретики в проверенную общую марксистскую формулу — метод, давший такие великолепные результаты в предшествующее десятилетие. Анализируя содержание и перспективы классовой борьбы в России в начале XX столетия, Плеханов в общую марксистскую формулу о содержании классовой борьбы в период буржуазной революции (а для всех марксистов было несомненно, что по уровню развития производительных сил Россия накануне буржуазной революции) подставил российские данные и получил ответ: российская либеральная буржуазия должна возглавить революционную борьбу и взять власть, рабочий же класс и все другие слои трудящихся (крестьянство в том числе) должны поддержать буржуазию против самодержавия, помещиков, остатков феодализма. В действительности же либеральная буржуазия отказывалась выступать против самодержавия, отказывалась от поддержки, предлагаемой революционными массами, в союзе с самодержавием старалась погасить революционное движение народа.

Здесь и обнаружились изъяны плехановской методологии. Плеханов не учитывал, что переход от общей формулы к конкретной ситуации конкретной действительности — это переход не от алгебраических значений к арифметическим, а *от абстрактного к конкретному*, которое всегда несравненно шире, несравненно богаче абстрактной формулы, не подводится легко и просто под нее, не вмещается в нее. Плеханов упускал из виду, что применение общих алгебраических формул к стремительно развивающейся действительности, что подставление в них арифметической конкретики — это процесс, в котором не только познается конкретное, но *одновременно и изменяется, усложняется, уточняется сама исходная алгебраическая формула*: каждый шаг в познании действительности с помощью этой формулы есть одновременно и шаг в направлении изменения, уточнения исходной общей формулы. Он упускал из виду, что в едином акте, в едином процессе познания, с одной стороны, формула служит средством познания действительности, а с другой стороны и в то же самое время, действительность есть средство развития и уточнения исходных формул.

В отличие от релятивистов, диалектики с доверием относятся к открытым наукой и проверенным на практике законам, берут их за основу своего познания и действия. Но в отличие от догматика диалектик берет их, как любили говорить древние, «со щепоткой соли», т. е. не как абсолютный, ненарушимый канон, а как руководящий принцип при исследовании*, который может уточняться в самом ходе этого исследования.

В связи с этим возникает другой вопрос: в чем же познавательная, эвристическая сила исходных законов (алгебраических формул), если нельзя заранее с уверенностью сказать, что данная система изучаемых конкретных фактов относится к области применения этих законов; ведь может получиться так, что применяемый закон к данной системе фактов не имеет никакого отношения. Но в том-то и состоят вся трудность и весь смысл процесса познания, что, *только применяя данный абстрактный закон, можно определить, выходит ли та или другая система за рамки его применения*, и тем самым одновременно получить возможность найти модифицирующий фактор (если он есть) и, изучив его, уточнить (усложнить или упростить) сам закон, саму исходную формулу, т. е. развить сам метод. *Другого способа познания действительности и — одновременно — развития метода познания не существует.*

Этот принцип «саморазвития» метода в процессе его «применения» не был освоен Плехановым. Его способ анализа и способ рассуждения не были ориентированы на развитие исходных принципов, на анализ того важного звена, того важного мостика, «шествуя» по которому, общие принципы преобразуются (довольно сложным и противоречивым образом) в конкретные решения. Плехановской методологии познания явно недоставало диалектичности. Реальная действительность нередко выступала у Плеханова как сумма примеров, наглядных иллюстраций общих формул. Он держал жесткий курс только на *непосредственное подведение конкретного под абстрактное*. И там, где это конкретное, по счастливой случайности, в общем и целом отвечало диапазону действия

---

* «Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод, — подчеркивал Энгельс. — Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 352).

абстрактной формулы (в 80—90-х гг. XIX в.), конкретные ответы Плеханова оказывались верными и точными. Когда же действительность частично вышла за рамки этого диапазона (к началу XX столетия), плехановские ответы стали все больше отличаться от истины.

«Арифметика» русской действительности начала XX столетия, подставленная в традиционную алгебраическую формулу содержания классовой борьбы в буржуазной революции, сложившуюся на материале исторического опыта Западной Европы, разрушала эту традиционную формулу, ибо практика показывала, что русская буржуазия в отличие от западноевропейской буржуазии прошлого не хотела глубоких социально-политических преобразований. Вместо того чтобы оценить значение этого момента, Плеханов, веривший в абсолютную силу традиционной алгебраической формулы, стремился убедить прогрессивную общественность, что нереволюционность русской буржуазии — явление временное, случайное, зависит не от объективных, а от субъективных моментов, что это пройдет; только не надо-де социал-демократам «пугать» буржуазию своей революционностью, что рабочий класс, не претендуя на ведущую роль, должен помочь ей взять власть, что надо повлиять на ее идеологов — Милюкова, Струве — объяснить им, что есть такой закон буржуазной революции и что надо этому закону следовать, иначе будет хуже всем, в том числе и самой буржуазии. На решение этих задач Плеханов направлял свою деятельность.

Оппонировавшие же ему социал-демократы, с самого начала ориентированные на возможность *усложнения исходной формулы*, обратили исключительно пристальное внимание на причины своеобразного политического поведения русской либеральной буржуазии. В результате тщательного анализа они установили, что нереволюционность (и даже контрреволюционность) буржуазии для стран типа России в начале XX столетия явление не случайное, а закономерное. Они установили и изучили факторы, обусловившие это, в частности такой фактор, как *всемирность исторического процесса* — когда плоды развития, и материальные, и духовные, исторический опыт и политические уроки одних стран становятся достоянием других.

Перед буржуазией и пролетариатом России был опыт развития Западной Европы после английской и французской буржуазных революций. Фундаментальная общность буржуазии и

трудящихся (в том числе пролетариата), обусловившая прочное социально-политическое единство в эпоху Французской буржуазной революции в конце XVIII в., была невозможна в начале XX в.: западноевропейский опыт с полной определенностью показал буржуазии, что ее самый главный и самый опасный враг — рабочий класс и потому для успешной борьбы с ним необходимо использовать менее опасную для буржуазии — самодержавно-помещичью — силу; пусть буржуазное развитие будет несколько замедленным (в этой самодержавно-крепостнической скорлупе), но зато менее опасным для буржуазии. Кроме того, начавшаяся империалистическая эпоха с ее гигантским укрупнением производства остро поставила вопрос о расширении внешних рынков, о захвате новых земель. В этих условиях русская буржуазия нуждалась в сложившемся военно-репрессивном аппарате самодержавия (формировалась оригинальная социальная форма, которую социал-демократы назвали военно-феодальным империализмом). Революционная перестройка не усилила бы, а ослабила империалистическую и либеральную буржуазию, заставив ее, экономически и политически довольно слабую, вести в одиночку борьбу сразу на трех фронтах — против уже достаточно сильного рабочего класса, против самодержавно-помещичьих сил и против иностранных буржуазных конкурентов.

На этом переходе от абстрактного (от алгебраической формулы) к конкретному в условиях, когда назревавшая в России революция не могла выйти за рамки буржуазных преобразований, а буржуазия выступала против этой буржуазной революции, возникла новая задача. Какие же социальные силы и в каких формах смогут выполнить объективное социально-экономическое требование антифеодальных, буржуазных преобразований? Таким образом, конкретная ситуация выступала как новая задача, требующая самостоятельного решения. «...Всякая новая задача... — подчеркивали революционные социал-демократы, — требует от людей не простого повторения заученных лозунгов... а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей»*. Это нечто совсем иное, нежели плехановский метод подстановки арифметических цифр на место алгебраических букв.

Решая эту задачу, оппоненты Плеханова одновременно вносят в исходную формулу новый алгебраический знак — как бы попра-

* Ленин В. И. ПСС. Т. 19. С. 82.

вочный коэффициент на ту или иную мировую историческую эпоху. В *эпоху становления капитализма* «работает» исходная, традиционная формула. Для понимания буржуазных революций в *эпоху империализма* традиционная формула модифицируется в формулу буржуазно-демократической революции, в которой основными движущими силами выступают рабочий класс и крестьянство, которые после победы устанавливают революционно-демократическую диктатуру — с целью обеспечения ее перерастания в социалистическое общественное устройство. Эта новая, «усложненная» и уточненная формула будет служить исходным методологическим ключом для решения конкретных задач социального развития отдельных стран в эпоху империализма. Такой подход дает ключ к пониманию этой методологии теоретического и революционного творчества. Плехановский же способ рассуждения, плехановская методология соотнесения общих формул с конкретной действительностью есть замораживание марксизма, его одеревенение, т. е., иначе говоря, его «опошление».

Другая существенная погрешность плехановского метода связана с решением вопроса о роли сознания, субъективного фактора в историческом процессе. И здесь при характеристике позиции Плеханова нужен очень тонкий и очень точный анализ, иначе невозможно зафиксировать действительные слабости Плеханова. Мы считаем необходимым подчеркнуть это в связи с довольно распространенным представлением, будто Плеханов «фетишизировал» роль производительных сил и экономического фактора, что он будто бы мало внимания уделял процессу обратного воздействия сознания на общественное бытие, не сумел-де с должной глубиной оценить идеи Ф. Энгельса относительно того, что общественное сознание способно ускорить или замедлить процесс социального развития, а также мысль К. Маркса о том, что человек хотя и не властен отменить законы истории, но способен смягчить муки рождения нового.

Все это не так: и названные идеи Ф. Энгельса, и мысль К. Маркса, и принцип «обратного воздействия» сознания на бытие Плеханов прекрасно знал, неоднократно на них ссылался и последовательно применял в своих конкретных исследованиях. Различия плехановского и подлинно марксистского методов гораздо тоньше, и возникают они на гораздо более высоких и содержательных этажах теории. Признание обратного воздействия сознания на бытие — это, конечно, необходимо, но еще недостаточно для того, чтобы в вопросе об отношении общественного сознания и общественного бытия быть вполне марксистом.

Плеханов не смог освоить все богатство и глубину высказанной еще в «Нищете философии» марксовой идеи о том, что надо рассматривать «людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы», «их собственной истории». Одновременно как актеров и как авторов! Плеханов это понимал так: человек является действующим лицом (актером) исторической драмы, потому что его деятельность определена сюжетом, решающие линии и главные коллизии которого обусловлены уровнем развития производительных сил, характером производственных отношений и т. д., и из этой общей, достаточно жесткой логики написанного не им сюжета человек выпрыгнуть не может; а автором он является в том смысле, что именно человек, и никто другой, все делает в истории и к тому же — хотя он и делает это под давлением внешних обстоятельств — влияет на формы, темп изменений. В таком понимании роль человека в качестве действующего лица (актера) выявляется хорошо, а вот «авторства» не получается. Что же это за «автор», в задачу которого входит лишь более точное и глубокое осознание требований экономического базиса; это не авторство, а просто лучшее или худшее исполнение по нотам, которые пишутся кем-то другим (не считаем же мы автором «Лунной сонаты» Э. Гилельса только потому, что он ее исполняет лучше многих).

К. Маркс понимал роль сознания и субъективного фактора и, следовательно, само «авторство» людей в истории несравненно глубже. Да, конечно, Плеханов тоже отводил решающее значение уровню производительных сил, характеру производственных отношений, уровню культурности народа, что и определяет возможное на данный исторический момент направление социального развития. Но Маркс представлял себе это направление не как линию, а скорее, если прибегнуть к образному сравнению, как веер лучей, расходящихся из данной исторической точки. Разумеется, набор этих «лучей», этих исторических возможностей, исторических альтернатив социального развития ограничен, обусловлен уровнем развития производительных сил и т. д.; так, нельзя при всем желании из рабовладения перепрыгнуть в социализм, из феодализма в современное индустриальное общество и т. п. Но если общие рамки деятельности человеку предписаны прежним уровнем социального развития (и потому он — действующее лицо, актер), то выбор внутри этих рамок одной из возможных исторических альтернатив не предопределен заранее, он решается борьбой социальных сил, а в ней громадную роль играют сознательность, сплоченность, ор-

ганизованность борющихся классов, глубина и гибкость стратегии политических партий, мужество и решимость вождей, их умение глубоко и точно формулировать социальные противоречия, предлагать способы их разрешения, наиболее выгодные для народных масс, выдвигать «истинные лозунги борьбы». И это не просто борьба за более или менее быстрое осуществление заранее предопределенного типа исторического развития (как полагал Плеханов), а борьба именно за *разные (отнюдь не предопределенные заранее) типы развития в пределах общей исторической «рамки» движения.*

Революция 1905 г. особенно зримо выявила это различие плехановской и ленинской (последовательно марксистской) методологических позиций.

Плеханов говорил о необходимости революционной борьбой ускорить победу капитализма в России, призывал умелой тактикой смягчить муки рождения нового и т. д. Ленинская же постановка вопроса была иная. В России, в общих рамках капитализма, возможны разные типы капиталистического развития: крайнюю левую, наиболее прогрессивную историческую альтернативу Ленин назвал «американским путем развития»; крайнюю правую возможность Ленин характеризовал как «прусский путь». Конечно, «американский путь» — тоже способ ускорения капиталистического развития, способ смягчения мук рождения нового (ибо он более выгоден для широких слоев народа). Но в категориях «ускорение» и «смягчение» не выражаются суть и специфика ленинской методологической и конкретно-исторической позиций, они не являются ключом к ее пониманию. «Американский» и «прусский» пути — это не просто более быстрый и более медленный, а это пути, которые предполагают разные комбинации социально-классовых и политических сил, существенно различные типы экономической деятельности, разные формы политической организации общества, государства. И самое существенное с точки зрения рассматриваемого нами аспекта — победа той или другой возможности обусловливает принципиально различные веера новых альтернатив. Так, победа «американского пути развития» открывает принципиально новую перспективу — непрерывного развития революции вплоть до перехода к социализму.

Таким образом, «американский путь», победа которого возможна лишь при громадном влиянии субъективного фактора, открывает перспективы, которые невозможно увидеть с рубежей «прусского пути развития». Вот этот осущест-

вляемый субъективным фактором сдвиг всей оси социально-политической жизни страны далеко влево обусловит и веер новых альтернатив, совершенно невозможных в случае победы «прусского пути». И тогда снова, уже на новой основе, возникнет борьба за наиболее прогрессивный вариант. Мы боремся всеми силами всегда и непременно за максимум наших требований — вот ленинский методологический принцип.

Если провести такой мысленный, но отнюдь не фантастический эксперимент — представить себе два схожих общества, в одном из которых благодаря субъективному фактору постоянно побеждает крайняя левая альтернатива, а в другом — крайняя правая, то по прошествии некоторого исторического времени былая схожесть этих двух обществ исчезнет — так будут разительно отличаться они одно от другого.

Иначе говоря, из одной и той же исходной экономической основы в силу различного воздействия субъективного фактора вырастают так далеко друг от друга отстоящие общества.

Думается, так «авторство» человека может быть выявлено более наглядно.

Здесь особенно ясно видно, что формула об «авторстве» человека употребляется вовсе не в каком-то условном, переносном смысле, а в самом полном и точном значении этого слова.

И вместе с тем в этих ленинских установках нет ни грана от методологии исторического субъективизма и волюнтаризма, от методологии народнического или младогегельянского типа, в чем так часто пытался упрекать Ленина Плеханов.

Ленинская позиция одинаково далека как от объективизма, преклоняющегося перед «естественно-историческим» (что на языке объективизма означает — стихийным) развитием, так и от субъективистской наивности, стремящейся «по своему усмотрению» направлять ход исторического движения...

Итоги

И снова вернемся к тем двум цитатам, с которых мы начали разговор. Теперь мы можем ответить на поставленный в начале статьи вопрос: что это значит — без Плеханова нельзя стать сознательным марксистом vs способ рассуждения Плеханова есть опошление марксизма?

Известно, что совершенно невозможно дать верное и глубокое решение частных конкретных вопросов «без предваритель-

ного решения общих». «Общее» есть «ступень к познанию», необходимая ступень.

Эти фундаментальные принципы марксистской теории, общие принципы изучения конкретной реальности разрабатывались Плехановым, и разрабатывались основательно, глубоко, тонко. Без овладения этим уровнем теории, без восхождения на эту, плехановскую, ступень теоретического знания совершенно невозможно шагнуть на следующие, более высокие ступени, невозможно дать верный анализ конкретной ситуации. Вот почему нельзя без Плеханова стать настоящим марксистом, сознательным творцом нового общества.

Но известно также, что «значение общего противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc.» (Ленин), вот почему нельзя застревать на этой ступени «общего». На ней нельзя задерживаться – такая задержка ведет к омертвлению мысли. Живой водой для этого абстрактного общего является движение к конкретному, переход на следующие, дальнейшие ступени. Плеханов недооценил трудности и своеобразие этого перехода.

Он считал, что ответы на конкретные вопросы можно найти в простом логическом развитии общей истины; он упустил из виду то обстоятельство, что всякая общая истина – только плацдарм, с которого начинается теоретический штурм конкретных проблем, и что решение задач и проблем, с которыми сталкивается исследователь во время этого штурма, – дело не механическое, не прикладное, не предопределенное «общей истиной», а дело, по сложности не уступающее открытию самих исходных «общих истин», дело, требующее самостоятельного, специфического исследования, при котором «общие истины» служат лишь ариадниной нитью движения, дело достижения новой, более конкретной истины, которая, в свою очередь, будет служить новым плацдармом для дальнейшего восхождения.

Глубоко и тонко усвоить существо исходных, фундаментальных истин, сформулированных гениями политико-философской, социально-преобразовательной мысли, пропустить их через свое «я», слиться с ними, сделав их формой своего видения и осмысления мира, и на этой основе двигаться дальше, решая новые, все усложняющиеся задачи социального бытия людей, одновременно укрепляя и расширяя исходный теоретический фундамент, готовя тем самым новые стартовые площадки для новых взлетов человеческой мысли, – в этом, на мой взгляд, и состоит главный урок, который вытекает из всей теоретической и практической деятельности Плеханова.

А. В. Бузгалин

Георгий Плеханов: к проблеме реактуализации и самокритики классического марксизма*

Наследие Георгия Валентиновича Плеханова не случайно в последние сто лет получало весьма противоречивые истолкования. Не случайно, ибо, во-первых, оно удивительно органично совмещает в себе и последовательный социофилософский монизм, и философско-политический дуализм. Во-вторых, оно не могло не получать различного истолкования со стороны разных общественно-политических сил на протяжении чудовищных контрапунктов XX в.

Для В. И. Ульянова-Ленина и большевиков он был одновременно и классическим интерпретатором марк-

---

* В тексте использованы некоторые фрагменты статей автора из журнала «Альтернативы». Я счел это «самозаимствование» уместным и с содержательной точки зрения, и потому, что материалы малотиражного марксистского журнала крайне мало знакомы философской общественности современной России. К тому же эти фрагменты мной были существенно переработаны. И еще одна ремарка: обращение к творчеству Г. В. Плеханова в процессе работы над этим текстом стало для меня важным основанием для того, чтобы извиниться перед этим ученым за невнимание к его наследию в предшествующих работах автора.

сизма, и правым уклонистом (этот контрапункт справедливо подчеркивает в публикуемом в данной книге Г. Г. Водолазов, с размышлениями которого автор и далее будет вести заочный диалог).

Для сталинско-сусловской версии учебников по «диамату» и «истмату» было характерно упрощенное изложение в основном именно плехановской версии философии истории, но при этом без сколько-нибудь значимых упоминаний самого Г. В. Плеханова. Для критического советского марксизма 1960—1970-х гг. Плеханов был уже недостаточно диалектичен и тонок. Для западного марксизма второй половины XX в., ушедшего в своей значительной части в неопозитивизм и ныне постмодернизм, Плеханов просто «скушен» своей азбучной старомодностью. Для не-марксистов философское наследие Плеханова вообще *как бы* (здесь это словечко-паразит, симулирующее симулякр, более чем уместно) не существует. Хотя о марксизме — как априори неактуальном с их точки зрения феномене истории мысли — эти авторы иногда вспоминают.

На мой взгляд, все эти контрапункты, как уже было замечено, не случайны. Они обусловлены сутью этого наследия. Тем, что Плеханов (1) *последовательный марксист* и потому вызывает сугубо негативную реакцию у всех критиков этого течения; при этом он (2) марксист, взявший лишь *некоторые* положения марксова наследия и давший им в ряде случаев весьма (в частности, в вопросе о роли человека как творца истории и субъектного понимания практики и др.) ограниченную интерпретацию, и потому (3) закономерно пришедший к отрицанию социалистической перспективы Октябрьской революции, став своего рода «гуру» (причем, как правило, не упоминаемым*) всех ее последующих критиков.

И именно эти контрапункты мне хотелось бы сделать методологическим ключом последующего текста, посвятив его проблемам актуальности и критики как собственно классического марксизма, так и его плехановской интерпретации.

И начну я с классического положения марксизма о человеке как продукте и творце истории.

---

* Исключением в данном случае являются работы не только упомянутого выше Г. Г. Водолазова, но и М. И. Воейкова, не говоря уже об авторах-историках, специально пишущих о Г. В. Плеханове и его творчестве.

Роль личности в истории: Плеханов и современные контрапункты активизма

Начну с повторения аксиом, которые столь же стары, сколь и забыты. Для марксизма характерно: 1) историческое понимание человека как 2) персонифицированного «ансамбля всех общественных отношений», изменяющегося в соответствии с изменениями этих общественных отношений (отсюда различие доминирующих типов личности, их ценностей и мотивов в архаическом, азиатском, античном, феодальном, капиталистическом, советском обществах) и несущего на себе 3) печать их многосложности и противоречий (отсюда, в частности, различие интересов и ценностей представителей разных классов и социальных групп). Не менее важна, однако, и противоположная сторона: бытие человека как 4) творца истории, не только актера, но и автора драмы «всемирная история».

Начнем с последнего. Выше мы уже отметили, что Г. В. Плеханов в отличие от Маркса видел в человеке не столько автора драмы по имени «Всемирная история», сколько актера, чьими стараниями эта драма становится реальностью*.

Эта ограниченность Плеханова довольно ярко выявляется при сравнении его работ с творчеством и самого Маркса, и его последователей-шестидесятников. Мне же кажется правомерным еще более заострить проблему: противоречия *э-* и *ин-*волюции, *про-* и *ре-*гресса XX в.; зигзаги и попятные движения социального времени; расколы, *дез-* и *ин*теграции социального пространства последнего столетия позволяют нам без дальнейшего обоснования утверждать, что *в основе драмы всемирно-исторического процесса эпохи «царства необходимости» лежит фундаментальное противоречие.*

Одна сторона этой противоположности — господство системы отношений социального отчуждения (прежде всего — отчуждающих от человека содержание труда производительных

---

* Г. В. Плеханов не случайно замечает, что человек «...не только служит орудием необходимости и не только не может не служить, но и *страстно хочет* и *не может не хотеть* служить. Это — *сторона свободы,* и притом свободы, выросшей из необходимости, т. е., вернее сказать, это — свобода, отождествившаяся с необходимостью, это — необходимость, преобразившаяся в свободу» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 307).

сил и отчуждающих от него продукты труда, общество, культуру производственных, политических, идеологических отношений). Они превращают человека в марионетку объективных сил — разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства...

Другая сторона этого противоречия — творчество (в том числе и прежде всего — новых форм общественной связи людей) как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность *Общественного Человека* в материальном производстве, культуре, социальной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему*...

Формулируя это противоречие, мы тем самым не только восстанавливаем и ре-аргументируем в полемике с постмодернизмом *классический марксистский критерий прогресса — свободное всестороннее развитие личности*, — но и показываем его актуальность. Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий. В самом деле, переход к обществу, осно-

* Нельзя сказать, что Г. В. Плеханов не видит этого противоречия. Он подчеркивает и момент творческого начала освобождающегося человека, хотя и связывает его едва ли не исключительно с познанием законов необходимости, не акцентируя многовариантности протекания исторических процессов и действительной свободы социального творца как того, кто творит вопреки обстоятельствам, но в соответствии с логикой («красной нитью») всемирной истории. Приведу лишь один из комментариев Плеханова по этому поводу: «Пока личность не завоевала *этой* свободы мужественным усилием философской мысли, она еще не вполне принадлежит самой себе и своими собственными нравственными муками платит позорную дань противостоящей ей внешней необходимости. Но зато та же личность родится для новой, полной, до тех пор ей неведомой жизни, едва только она свергнет с себя иго этого мучительного и постыдного стеснения, и ее *свободная* деятельность явится *сознательным* и *свободным* выражением *необходимости*. Тогда она становится великой общественной силой, и тогда уже ничто не может помешать ей и ничто не помешает» (Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 308).

ванному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (авторы нарочито используют здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в развитии креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития*, Другое дело, что глобальная гегемония капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления» и «общества профессионалов», ведущий в конечном итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернисткое безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчинение человека институтам нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («цивилизованности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии.

В отличие от постмодернистской апологии пассивности марксизм, особенно современный марксизм, подчеркивает *активно-созидательную роль Человека как творца общественных отношений*, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных реформ и революций (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР). Однако современный марксизм, в отличие не только от догматических своих ответвлений, но даже и от плехановской версии, на первый план выносит проблему *границ активизма созидательно-творческой деятельности Человека* и *ответственности*

---

* В этой связи хотелось бы напомнить когда-то хорошо известное возражение Ленина на плехановский проект программы РСДРП, предложенный второму съезду партии еще в 1903 г.: «Неудачен и конец параграфа: "планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов". Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать "за счет *всего* общества" (ибо это включает и планомерность, и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества» (Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 232).

пассивно-недеятельностного конформиста, способствующего застою и регрессу.

Опыт XX в., практические результаты научно-технического прогресса, равно как и стремлений социальных творцов осчастливить человечество показали всю противоречивость такого «активизма». И здесь умеренный пессимизм Г. В. Плеханова по поводу революционного энтузиазма и радикальности большевиков нельзя не принять во внимание как серьезный вызов и предвидение проблемы — проблемы вырождения активизма.

Но автор этих строк, будучи в данном случае «критиком критика», хотел бы подчеркнуть, что действительно существующие угрозы вырождения активизма свидетельствуют не о «вредоносности» социального творчества, а о его *противоречивости*.

Ныне принято указывать на жертвы технического и социального прогресса, и это вполне справедливо, но не будем забывать о второй стороне медали. И дело здесь не только в том, что без НТП мы не могли бы пользоваться массой ныне абсолютно необходимых благ, радикально сократив детскую смертность и увеличив в полтора раза среднюю продолжительность жизни. И даже не только в том, что именно благодаря социально-творческим интенциям профсоюзных активистов, экологов и деятелей левых партий хотя бы часть человечества сегодня знает, что такое 8-часовой рабочий день, бесплатное среднее образование и минимальная социальная защищенность. Дело прежде всего в том, что при ослаблении активности позитивного (а объективно обусловленный критерий прогресса уже был показан) социально-творческого начала силы отчуждения вызывают еще большие жертвы и преступления. *Искусственно заторможенные реформы и революции оборачиваются кровью жертв реакции, а культурно-творческие потери периодов «застоя» с их не-музыкальной* (А. Блок) *жизнью сотен миллионов вообще трудно измерить*. И это очень важно помнить всякому стороннику умеренности и критику революции, в том числе и иным из нынешних авторов, для которых даже Плеханов чрезмерно революционен.

Еще более важно помнить о том, что *в социальной жизни всегда присутствует «активизм» сил реакции, а не только слишком увлекающихся «прогрессоров»*. Еще двадцать лет назад эти слова выглядели бы как пропагандистское клише, но в начале нынешнего века, с его неоколониализмом, асимметричными войнами, мировым экономическим кризисом и

т. д., *активизм сил реакции* становится вполне конкретным понятием, за которым стоит экономико-политическая и идеолого-культурная гегемония глобального капитала и его Alter Ego — фундаментализм и терроризм.

Открыто выступающие ныне идеологи протоимперии почти всегда исповедуют методологию социального «безразличия» (ко всему, кроме собственных доходов и безопасности), но на практике не забывают навязывать всему миру свои однозначные представления о «добре» и «зле». Впрочем, это ситуация, типичная не только для последних лет: вспомним хотя бы Первую и Вторую мировые войны.

Вот почему перед современной социальной философией вновь встает вековой (как минимум) давности проблема поддержки или торможения сил, ориентированных на снятие гегемонии капитала (и в этом споре Плеханов и Ленин окажутся по одну сторону баррикад XXI в.), а если поддержки, то какими средствами и сколь радикально (а здесь Плеханов и Ленин будут уже разведены их сторонниками, решающими проблемы марксизма как практики в нынешнюю эпоху).

Если же вернуться к философским аспектам проблемы границ социально-творческого активизма, то окажется, что на предельно абстрактном уровне она решается так, что *социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и прогрессу Человека*. Определение же этой меры — задача всякий раз конкретная, и решается она мучительно сложно и только реальными общественно-культурными силами, для которых стратегия невмешательства всегда оказывается злом потакания реакции, будь то мракобесие инквизиции, сталинский террор или отупляющая пропаганда стандартов общества потребления с его масс-культурой и философским безразличием к Человеку.

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на *нелинейности общественного развития*, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов — контрреволюций и контрреформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно для тех ситуаций, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосы-

лок) в своих попытках продвижения к новому обществу и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что *в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды трансформаций. Это процессы возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контрреволюционных, реформаторских и контрреформаторских процессов.* При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям*. Для них, в частности, характерно нелинейное течение социального времени, мозаичность, фрагментированность социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических параметров перехода, господство неформальных институтов и многое другое.

Особенности таких трансформационных процессов наиболее полно могут быть раскрыты на примере социально-экономических изменений в постсоветском пространстве. Здесь современная марксистская методология оказалась, на наш взгляд, наиболее адекватна в силу объективных особенностей трансформационных экономик и именно здесь отечественным постсоветским критическим марксизмом достигнуто наибольшее продвижение**. Не случайно и то, что наиболее

---

* Подробнее об этом см.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

** Не случайно даже ортодоксальные либералы, исследуя фундаментальные вопросы трансформаций, оказались вынуждены обращаться к некоторым аспектам марксистской методологии — проблемам исторических и логических границ экономических систем, диалектике производительных сил и производственных отношений, исследованию отношений собственности и т. п. Так, тезис неолибералов о том, что реальный социализм погиб, т. к. не смог справиться с новой волной технологических изменений, в точности (и даже несколько вульгарно) воспроизводит специально неоднократно подчеркивавшийся Плехановым классический марксистский тезис о том, что старая система производственных отношений сменяется качественно новой

интересные результаты в развитии социально-экономической теории оказались связаны с исследованиями именно позднего капитализма, его специфических черт и противоречий на стадии развития постиндустриальных тенденций и глобализации, где, как мы постарались показать, происходит самоотрицание собственных основ рынка и капитала. Причем это самоотрицание, как и в эпоху империализма XX в., происходит в рамках прежней системы и служит ее укреплению.

Всего этого, естественно, нельзя найти в работах Плеханова. Но в них можно найти последовательное требование диалектически рассматривать всякий общественный феномен, и мы, авторы названных выше гипотез, это требование впитали с рождения, что и позволило, встав на плечи гигантов, сделать еще несколько шагов вперед.

А теперь о едва ли не главной проблеме марксизма в XX и нынешнем веках: проблеме сохранения и развития капитализма столетия спустя после того, как Маркс и Энгельс, Плеханов и Ленин сформулировали вывод о том, что индустриальный капитализм есть система, противоречие производительных сил и производственных отношений которой требует ее смены новым общественным строем.

Маркс, Плеханов и современные проблемы пределов рынка, капитала и частной собственности

Рассуждать о реактуализации и критике плехановского наследия в области социальной философии, оставив в стороне проблему снятия капитализма, нельзя. При всей критике ленинского пути и близости к правому крылу современной ему социал-демократии Г. В. Плеханов был и оставался последовательным сторонником классического вывода Маркса о наличии пределов развития капиталистической общественной системы и ее будущем снятии новым общественным строем, о чем он прямо писал во многих своих работах, включая, в частности, «Социализм и анархизм».

тогда, когда она становится тормозом развития переросших ее производительных сил.

Начнем с того, что для марксистов (и здесь Плеханов последовательно воспроизводит идеи самого Маркса) не только капитализм, но и рынок — это *исторически ограниченная* система общественных отношений *людей*, а не некий «естественный» и вечный «механизм» взаимодействия агентов и обмена информацией в экономике. Маркс и вслед за ним Плеханов и Ленин (на примере России) показали, где, когда и почему рынок возник; где, когда и почему (вследствие развития общественного регулирования — «контроля ассоциированных производителей за общественным производством» — раз; прогресса всеобщего творческого труда, создающего общественные блага, — два; «подрыва рынка монополистическим капиталом — три...) он будет «подрываться», а в перспективе будет снят новой системой организации хозяйства.

Из этого, в частности, следует, что *человек не всегда был рациональным homo economicus, не всегда стремился и не всегда будет стремиться прежде всего к максимизации денег и минимизации труда*. Вне рыночной системы, при господстве других общественных отношений человек вел и может вести себя иначе. А вот в условиях господства рынка и капитала действительно человеческие качества, ценности, мотивы, *как правило,* начинают подчиняться власти товаров и денег. Есть у тебя «Мерседес-600» — ты «крутой» (*как бы* сильный, умный, талантливый) человек. Нет — «лох» (не умен, не талантлив и т. п.). В соответствии со строгой рыночной меркой (измерением человеческих качеств в деньгах) работающий в деревне учитель-энтузиаст в миллионы раз менее эффективен, чем нувориш, а любой олигарх в тысячи раз талантливее нобелевского лауреата. Так рынок переворачивает с ног на голову человеческие отношения, наводя мороки товарного и денежного фетишизма.

Замечу: у Плеханова есть лишь часть этой (возможно, несколько чрезмерно публицистизированно изложенной выше) «формулы». Акцент на том, что подчинение человека господствующим социально-экономическим формам отчуждения не только рождает фетиши (в частности, рыночный фетишизм), но и есть превратная форма бытия Человека как родового существа (Маркс, Лукач) у Плеханова отсутствует. Но для нас сейчас важно иное: акцент на том, что исторически-конкретное общественное бытие таки действительно определяет общественное сознание и, более того, тип личности.

Заставшие советские времена люди на протяжении пары десятилетий убедились в справедливости закона, в соответствии с которым иная общественно-экономическая система рождает иные ценности и мотивы, иной тип человека. Брачные контракты, когда от жены (мужа) ждут прежде всего делового партнерства в области получения и использования дохода и собственности, ожидание смерти родителей (чтобы, наконец, получить их наследство), отношение к детям как к выгодному вложению капитала с целью обеспечения старости — все это казалось бредом для большинства моих сограждан еще двадцать-тридцать лет назад, и все это стало нормой для большинства молодых (и не только) людей сейчас. Я не оцениваю эти изменения. Я только фиксирую: Маркс и его последователи были правы, когда показали, как и почему это происходит.

Впрочем, марксизм показал и другое, — то, что люди, включаясь в неотчужденные отношения сотворчества и солидарности, могут обретать другие интересы и ценности. Да, в СССР был ГУЛАГ. Но было и много чего другого. Были миллионы молодых людей, бредивших в 1960-е поэзией и космосом, физикой и открытием новых земель. Было нормальным полупрезрительное отношение к тем, для кого главное в жизни — деньги. Я и сейчас знаю (хотя бы по кругу моих личных товарищей) сотни людей, включенных в деятельность экологических организаций и профсоюзов, движение «Образование для всех» и правозащитные НПО, для которых главное в жизни — изменение к лучшему природы и общества в нашей стране, и не только. Это обычные люди. Но иная деятельность и иные отношения общения рождают у них другие — пострыночные ценности и мотивы...

Продолжим наши рассуждения.

Гораздо более известными, нежели тезисы об исторической ограниченности рынка, являются положения марксизма, говорящие о пределах капитала и частной собственности. Общеизвестно, что первый том «Капитала» заканчивается знаменитыми словами: «Бьет час капиталистической частной собственности... экспроприаторов экспроприируют». И действительно, марксисты подчеркивали, что суть их учения можно выразить двумя словами: «снятие частной собственности». Подчеркну: *снятие*. Не уничтожение. Русский перевод прошлого века не случайно исказил смысл марксовой идеи. Для Маркса — и в этом суть его диалектической методологии — любое общественное явление должно развить в полной мере свой прогрессивный потенциал и только тогда, исчерпав его, сняться

в новом отношении. Этот аспект диалектики (в частности, то, что капиталистические производственные отношения подводят капиталистические производительные силы к тому пределу, за которым лежит новое общество) раскрывает в своих работах по философии истории и Г. В. Плеханов.

При этом «снятие» для диалектика — это всегда отрицание с удержанием положительного. Сие азбука марксизма, который показал, где, почему, в каких отношениях и до какого предела частная собственность была, есть и будет прогрессивным общественным отношением; где и почему она должна быть снята, подвергнута позитивной критике.

Как же марксизм видел это снятие?

Анализ классического индустриального капитализма показал, что для него характерно обобществление производства. Не просто концентрация и специализация, но обобществление — сложный процесс роста взаимозависимости отдельных технологических комплексов, разворачивающийся по мере прогресса общественного разделения труда. Этот прогресс приводит к тому, что, выражаясь современным языком, нерегулируемый, стихийный рынок, основанный на индивидуальной частной собственности, становится мало эффективен. И это в полной мере подтвердилось сначала в процессе развития ассоциированной собственности акционерных предприятий, затем в формах монополистического капитала и т. д. Г. В. Плеханов и В. И. Ульянов показали эти тенденции и на примере Российской империи начала прошлого века, и здесь между ними не было большого различия (различие было в оценке меры развитости капиталистических тенденций в России и определении движущих сил буржуазных преобразований — но это другой вопрос, об этом ниже). Позже, уже после ухода Плеханова и Ленина, эти тенденции обрели вид государственного ограничения и регулирования рынка, вызванного к жизни Великой депрессией.

Еще позже стало практикой капитализма и ассоциирование собственности в виде передачи части акций работникам предприятий, развития кооперативов, государственного сектора. Памятуя о необходимости акцента на реактуализации классического марксизма, замечу: этот сектор в развитых капиталистических странах много больше, чем принято думать; традиционная статистика учитывает только государственные фирмы, чья доля в ВВП действительно невелика. Но в общественной собственности находятся в большинстве случаев наиболее ценные ресурсы современного мира: значительная часть недр,

природные заповедники, значительная часть земельного фонда, в том числе крайне дорогого городского, культурные ценности и информационные богатства, значительная часть учреждений культуры, образования и науки.

Последнее особенно важно: в общественной собственности сегодня находится едва ли не большая часть *наиболее близкой к будущему постиндустриальной экономики*, где занят преимущественно креативный класс. Если мы посмотрим на существующие ныне в развитых странах экономические модели и выберем наиболее близкую к идеалу меньшевиков и, в частности, Г. В. Плеханова, так называемую скандинавскую модель, то выяснится немало интересного*. Например, в Финляндии практически все школы и большая часть университетов, большая часть учреждений здравоохранения и спорта, культуры и фундаментальной науки — все это общественный сектор, работающий на некоммерческих, т. е. нерыночных принципах. Более того, в этих странах через прогрессивный подоходный налог и другие каналы до половины прибыли капитала перераспределяется в пользу наемных работников. Иными словами, в этих странах сделан целый ряд значимых шагов на пути к реализации той тенденции общественного развития, которую марксисты и, в частности, Плеханов выделили как возможный путь прогресса. При этом и Маркс, и его последователи не раз указывали, что на этом пути немало препятствий, что прогресс нелинеен и не идет сам по себе: там, где реализующие прогрессивные тенденции силы слабы, а реакционные мощны, он будет идти медленно или вообще превратится в регресс. Но возможна и обратная ситуация, и тогда общественный прогресс пойдет быстрее и эффективнее. Более того, эту тенденцию как *программу-минимум* приветствовал и Ленин, расходясь с правыми социал-демократами в оценке конечных целей и необходимости революционных преобразований.

Марксисты всегда подчеркивали, что в истории есть объективные законы. И эта мысль является едва ли не основной во

---

* Оговорюсь: автор этих строк никогда не считал «скандинавскую модель» идеалом реализации социалистических тенденций. На настоящий момент это «всего лишь» наиболее продвинутый по пути социализации вариант стратегически тупиковой траектории «заката» современного позднего капитализма». Подробнее об этом в наших с А. И. Колгановым книгах «Глобальный капитал» (М., 2004, 2007) и «Пределы капитала» (М., 2009).

всех работах Плеханова по социальной философии. Весь вопрос, однако, в том, как именно, когда, какой ценой и какими методами, сколь скоро они реализуются — все это зависит от творящих историю людей. И здесь Маркс и интерпретирующий его Плеханов расходились. Это расхождение в нашей книге справедливо подчеркивает Г. Г. Водолазов, и потому мне хотелось бы пойти дальше, сделать несколько иной акцент.

Так, с точки зрения Маркса, переход от натурального хозяйства, крепостничества, абсолютной монархии, сословного неравенства к рынку, наемному труду, демократии и соблюдению базовых прав человека есть историческая закономерность. Но он многократно писал и анализировал причины, по которым этот переход в одних странах произошел быстро, эффективно и еще в XVI в., а в других не завершен и пятьсот лет спустя. Почему Англия заплатила за переход к капиталистической системе ценой огораживания, «кровавого законодательства», революций и войн; США — ценой войны против той же Англии за право строить капитализм, а не быть колонией, плюс гражданской войной Севера и Юга (самой кровопролитной в XIX в.) плюс рабством на половине своей территории... И тем не менее это был для того времени прогрессивный «американский» путь развития капитализма. Но был еще и прусский. Есть и российский (мы к капитализму до конца не можем перейти даже в новом веке; впрочем, по мнению автора и его многочисленных коллег, Россия к капитализму уже давно опоздала).

А еще путь к капитализму — это колониализм. И Первая мировая война, и Вторая мировая война, которую Германия (напомню: ее экономика была основанной на частной собственности) начала против других капиталистических стран — Польши, Франции и Англии и т. д., а не только против СССР...

Вернемся, однако, к проблеме пределов частной собственности и ее пределов.

Сказанное выше о скандинавской модели и других ограничениях частной собственности и капитала в современном мире не снимает, однако, главного вопроса: почему капитализм и лежащая в его основе частная собственность до сих пор живы и, несмотря на все кризисы, не собираются «сниматься»?

Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к тем вопросам, которые и сам Маркс, и его последователи считали принципиально значимыми: к проблеме диалектического метода вообще и диалектики производительных сил и производственных отношений, в частности.

«Закат капитализма» и актуальность Плеханова

Выше мы постарались показать, что классическая марксистская теория и многие аспекты ее интерпретации Плехановым были и остаются истинными как теория индустриальной капиталистической общественно-экономической системы периода ее «классики».

Однако для нас важна прежде всего не верность букве текстов Маркса и не анализ того, насколько точно эту «букву» интерпретировал в своих текстах Плеханов: эту проблему мы оставим историкам марксизма. Для автора этого текста наиболее значимо другое. А именно то, что в точном соответствии не только с методологией, но и с теорией марксизма мы можем и должны сказать: *в той мере, в какой капиталистическая общественная система изменилась по сравнению с теми ее параметрами, которые исследовал Маркс, — в этой мере теоретические положения классического марксизма должны быть «неверны»*. Точнее так: открытые Марксом законы должны в этой мере или не действовать или действовать по-другому. В полной мере это относится и к творчеству Плеханова, который практически полностью в своих работах оставался в рамках проблемного поля исследования классической капиталистической системы и ее генезиса.

Сегодняшний капитализм, сохраняя определенные «родовые черты» этого способа производства и системы отношений социального отчуждения в целом, значительно изменил многие их параметры и формы. В современном мире, где развивается глобальная интеграция национальных рынков в мировую экономическую систему, пронизанную новыми противоречиями; где началась постиндустриальная (информационная, человеческая и т. п.) революция; где реальностью стали монополии и антимонопольная политика; государственное регулирование и социальные трансферты, соизмеримые с едва ли не третью валового национального продукта, — в этом мире в точном соответствии с методологией Маркса законы классического индустриального капитализма не должны и не могут действовать в том виде, в каком они описаны в «Капитале».

То же можно сказать и о других закономерностях, открытых и обоснованных Марксом в «Капитале». И рост обобществления производства, и закон-*тенденция* нормы прибыли к понижению, и ряд других подвергаемых ныне критике закономер-

ностей строго выводятся Марксом из некоторых предпосылок. Среди них важнейшие — действие законов стоимости (классический вид которого предполагает свободную, «совершенную» конкуренцию), закона прибавочной стоимости (классическое действие которого предполагает реальное подчинение труда капиталу и несовместимо с участием рабочих в управлении, прибылях, собственности, не говоря уже о прямом перераспределении части прибавочной стоимости в пользу трудящихся через такие механизмы, как прогрессивный подоходный налог, и мн. др.) и рост органического строения капитала.

Последняя предпосылка особенно важна. Как мы уже отметили выше, Маркс исследовал капитализм, развивавшийся на базе индустриальных производительных сил, для которых как раз и был характерен относительно более быстрый рост массы применяемого «мертвого» (овещененного в машинах, сырье и т. п.) труда по сравнению с живым трудом. Попутно подчеркну: у Маркса везде речь идет не о стоимостном, а об органическом строении капитала. Для последнего стоимостные измерители не адекватны; оно предполагает учет только таких изменений стоимостного строения, которые обусловлены изменениями технического строения, т. е. предполагают элиминирование процессов удешевления постоянного капитала и удорожания переменного. Так же и характерные для ряда десятилетий XX в. процессы снижения социальной дифференциации не отменяли закона относительного обнищания пролетариата, а предполагали действие других мощных процессов, вызвавших к жизни значительное перераспределение доходов от класса буржуазии к классу наемных рабочих.

Но это не главное. Главное в другом: переход к качественно иным технологиям, предполагающим человеческую, информационную и т. п. революции, рост значения творческой деятельности, «человеческих качеств» и т. п., естественно, привели к принципиальным изменениям не только в динамике, но и в природе и постоянного, и переменного капитала. Все это в строгом соответствии с марксовой методологией диалектического единства производительных сил и производственных отношений *должно* было вызвать существенные изменения всех базовых закономерностей капитала как производственного отношения. Это и произошло в реальности, подтверждая, а не опровергая правоту марксистской теории. Эта связка совершенно банальна, и ее многократно в том или ином виде воспроизводили десятки марксистов XX в., а ваш покорный слуга изучал ее в курсе

политэкономии на первых курсах МГУ еще в начале 1970-х гг. И тогда любому студенту, пытавшемуся ничтоже сумняшеся утверждать, что в условиях капитализма второй половины XX в. закономерности, показанные в «Капитале», действуют в чистом виде, ставили без всяких колебаний «неудовлетворительно» за полное непонимание теории и метода Маркса.

В марксизме еще в XX в. стало общим местом то, что *рубеж XIX—XX вв. ознаменовался переходом капиталистической общественно-экономической системы в новую фазу — фазу самоотрицания, «подрыва» своих собственных основ.* «Классическое» состояние капитализма в развитых странах завершилось более столетия назад, сменившись длительной фазой ***«заката»*** — развития в недрах этой системы ростков нового качества общественно-экономической жизни (один из крупнейших марксистов Запада середины XX в. Эрнест Мандел назвал эту стадию «поздним капитализмом»*).

Опять-таки в строгом соответствии с закономерностями «заката» исторически конкретной системы этот процесс начался с привнесения в старую систему ростков новой, но в подчиненном, адаптированном для нужд старого (господствующего) строя виде. (Замечу: эту закономерность едва ли не первым открыл В. И. Ульянов, показав закономерности подрыва товарного производства и генезиса элементов монополистической планомерности, но не отразил сколько-нибудь подробно Г. В. Плеханов.)

Это «вливание крови молодых девушек» (ростков социализма) в тело стареющего капитализма происходило и происходит на протяжении вот уже более столетия. Процесс этот идет неравномерно, то усиливаясь (как, например, в 60-е гг. XX в.), то ослабляясь (как в последние десятилетия), но до конца он не исчезает и не исчезнет. К числу этих ростков нового ученые-марксисты еще столетие назад отнесли многочисленные формы сознательного регулирования рынка со стороны как крупнейших корпораций, так и государства; многочисленные формы частичного перераспределения доходов и социального регулирования; продвижения к бесплатному обеспечению граждан базовыми общественными благами (образование, здравоохранение, культура и т. п.). Добавим к этому развитие таких ростков «царства свободы», как мощная активность социальных движе-

* См.: Mandel E. Late Capitalism. L.; N.Y., 1987.

ний и неправительственных организаций; наличие на протяжении всех этих десятилетий стран, стремившихся так или иначе развивать некапиталистические общественно-экономические отношения и т. п., — и мы получим *мир, в котором закономерности классического капитализма просто не могут и не должны действовать в прежнем виде (а какие-то не могут и не должны действовать вообще)*.

Наиболее прозрачной эта связь становится, если мы посмотрим на мир информации и знаний. Здесь принципиальное изменение материальной, технологической основы бытия — превращение главного ресурса и результата деятельности в *технологически* неограниченное и непотребляемое культурное благо (информационный продукт, например правило 2+2=4 или компьютерную программу Линокса, может использовать неограниченно широкий круг лиц; она не потребляется, не становится «меньше» в процессе использования...) — рождает новые потенции общественного развития. С технологической точки зрения в мире культуры (в том числе — информационных продуктов, но прежде всего в мире образования, науки, искусства и т. д.) может господствовать всеобщий непосредственно-общественный труд (К. Маркс) и *собственность каждого на все* (В. Межуев). И это едва ли не наиболее актуальный аспект проблемы *снятия частной собственности в современном мире*.

И еще одно следствие сказанного выше: там и тогда, где когда законы Маркса оказываются адекватны для понимания реальности, мы можем говорить, что это общество, близкое по уровню развития к классическому индустриальному капитализму, подобному капитализму Великобритании позапрошлого века. И это не только теоретическая абстракция — это реалии для ряда стран в нынешнюю эпоху. Это, например, в значительной мере можно сказать о России эпохи «шоковой терапии», о многих секторах бедных стран третьего мира и т. п.

А теперь о том аспекте диалектики производительных сил и производственных отношений, который читатель не найдет ни у Плеханова, ни в стандартных учебниках марксизма, но пример которого дает «Капитал» Маркса. Речь идет о *критическом* восстановлении классического марксистского положения о *диалектическом взаимо*действии производительных сил и производственных отношений, позволяющее снять ортодоксально-однозначную формулу о том, что уровень развития производительных сил детерминирует тип производственных отношений и

показать, где, как и в какой мере в истории «работает» прямая, а где и как обратная детерминация. В частности, мы хотели бы подчеркнуть, что не только производительные силы, развиваясь, требуют рождения новых производственных отношений, но и то, что *развитие производительных сил в рамках одной и той же формации происходит вследствие противоречий господствующей системы производственных отношений.* Это развитие предполагает в том числе и их существенные изменения, например переход от простой кооперации и мануфактуры к индустрии, от формального к реальному подчинению труда, описанный еще в «Капитале». Этот переход акцентировали еще в начале XX в. такие российские марксисты, как Плеханов и Ульянов, раскрывавшие в полемике с народниками прогрессивную миссию капитализма, наиболее ярко себя проявляющую именно в стимулировании развития производительных сил.

Но это не более чем реактуализация классики, на базе которой можно сделать ряд менее известных выводов.

Существенно, что каждая исторически конкретная система производственных отношений (1) способствует большему или меньшему (это, в частности, один из аспектов оценки меры *их* прогрессивности) стимулированию прогресса производительности труда и (2) создает свои *особые формы прогресса производительных сил**. Эта же исторически конкретная система производственных отношений (3) задает границы *и пределы* характерного для данного способа производства прогресса производительных сил. Впрочем, это тоже не более чем мало акцентируемые элементы классического марксизма.

Ключевым же вопросом *современного* развития в этом проблемном поле становится вопрос *форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных технологий и решения глобальных проблем в рамках и при помощи системы производственных отношений позднего капитализма.*

---

* Отсюда вытекает хорошо известное следствие: рынок и капитал как ключевые элементы системы производственных отношений капитализма стимулируют прежде всего рост вещного богатства и утилитарного потребления. Природа, наука, искусство и т. п. ключевые компоненты прогресса ими рассматриваются как бесплатное и потому подлежащее максимальной эксплуатации средство обогащения, а не как универсальная ценность экономической деятельности.

И здесь мы доказываем, что этот новый тип производительных сил (и глобальные проблемы, с ним связанные) исчерпывает потенциал прогресса в рамках не только капитализма, но и всей экономической общественной формации («царства необходимости», предыстории), создавая возможность и необходимость перехода к новому типу общественного развития («царству свободы»).

Эта постановка есть шаг вперед по сравнению с плехановским наследием, и сделали этот шаг во многом независимо друг от друга критически мыслившие советские и западные марксисты 1960-х гг. Раскрытие этого положения применительно к реалиям нового века является весьма сложным и тонким моментом и его конспективное изложение представляет большие трудности. Здесь, однако, есть одно существенно облегчающее нашу работу обстоятельство: современные теоретические разработки и даже практические лозунги новых социальных движений в значительной степени уже нащупали эти пределы, при этом, правда, далеко не всегда методологически и теоретически их концептуализируя в логике критического марксизма, подчас оставляя их на уровне политических, нравственных или абстрактно-философских императивов.

Между тем здесь возможны достаточно четкие постановки, показывающие, как и какие именно пределы эволюции «царства необходимости», а не только позднего капитализма мы сегодня наблюдаем.

Во-первых, неадекватность существующих корпоративно-капиталистических и бюрократически-государственных форм задачам общедоступного и свободного развития главного «ресурса» развития общества, основанного на знаниях — культурных благ (природы, знаний, человеческих качеств), выраженная в лозунге «Мир — не товар» и требованиях перехода к всеобщей собственности — собственности каждого индивида на все культурные блага, включая природу как культурную ценность (пример такой собственности хорошо известен — «собственность» каждого на любые ценности любой публичной библиотеки). И это не абстрактный императив, а следствие необходимости снятия противоречия между новым источником развития (культурой) и частной собственностью (преимущественно — собственностью глобального капитала) на этот ресурс.

Во-вторых, неадекватность форм наемного труда и так называемого человеческого капитала задачам развития главной производительной силы нового мира — творчески деятельного

человека. Подобно личной зависимости, сдерживавшей прогресс индустрии, форма капитала сдерживает развитие сотворчества как свободного диалога неотчужденных индивидов. Пока это противоречие разрешается за счет форм «креативных корпораций», «человеческого» и «социального» капитала и т. п., подобно тому, как первоначальный прогресс производительных сил капитала развивался в формах крепостных фабрик, откупов или плантационного рабства. Но это не более чем исторически и логически ограниченные переходные формы.

В-третьих, это абсолютные экологические и ресурсные ограничения, задающие пределы развития утилитарно ориентированного развития, порождаемого тотальностью рынка, превратившего в товар практически все виды материальных благ, заканчивающего поглощение разнообразных видов социальной деятельности (образование, искусство, наука, здравоохранение...). Глобальная гегемония корпоративного капитала пытается активно преодолевать эти пределы за счет симулятивного производства симулятивных благ для симулятивного потребления, но это порождает лишь новое противоречие. *Опережающее развитие мира симулякров по отношению к миру человеческих качеств есть одно из наиболее очевидных проявлений противоречия между господствующей ныне системой отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала и прогрессом креативного потенциала человечества как важнейшей глобальной производительной силой.* Это вместе с тем и одно из наиболее ярких свидетельств того, что прогресс производительных сил позднего капитализма идет по стратегически-тупиковой траектории*.

Временное снятие эти противоречия находят в рамках существующей системы именно вследствие тех закономерностей

---

* В качестве краткого пояснения замечу, что к кругу симулякров ныне принадлежат не только феномены «сбрендившей» экономики и иные феномены, прекрасно описанные Бодрийяром и его коллегами, но и опережающий рост виртуальных форм фиктивного финансового капитала, ускоряющееся производство вооружений, в том числе таких катастрофически опасных, как оружие массового уничтожения, экспансия симулятивно-гламурной «культуры» и мн. др. Добавлю к этому общеизвестные (но нами выводимые из анализа противоречий именно глобального капитала) противоречия таких антагонистов, как пресыщение на одном полюсе и бедность — на другом, а также экологические пределы рынка и капитала.

*ин*волюции систем на этапе их заката, о которых мы говорили выше — за счет нелинейного, идущего по известной формуле «шаг вперед — два шага назад» включения в недра рынка и капитала элементов новой, не только посткапиталистической, но и пострыночной, более того, постэкономической по своей сути системы отношений будущего. Это и социально-экологические нормативы, устанавливаемые и охраняемые гражданским обществом при помощи государства, и неуничтожимые до конца формы бесплатного общедоступного образования и здравоохранения, и перераспределение во многих странах государством и другими институтами от одной трети до половины ВВП по нерыночным критериям и т. п. переходные формы. Полвека назад они прогрессировали. Сегодня мы наблюдаем их регресс. Но таким и должен быть нелинейный процесс *эво*- и *ин*волюции переходных форм в условиях «заката» позднего капитализма и «царства необходимости».

Все эти акценты позволяют нам сделать важный для понимания различий той версии классического марксизма, которая была характерна для конца XIX — начала XX в., во многом именно плехановской версии, и того, каким стал выросший из классики марксизм в конце XX — начале XXI в., вывод: если первый вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия *капитализма,* то второй (и в частности, постсоветская школа критического марксизма) вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия *мира отчуждения («царства необходимости») в целом**.

Капитализм постиндустриальной эпохи как вызов классическому марксизму

Безусловно, многие десятилетия, прошедшие после смерти Маркса и развивавшего его тезисы Плеханова показали, что многие их положения требуют не только развития как устаревшие, но и прямой критики.

---

* Следует отметить, что эта постановка проблемы содержится и в работах самого К. Маркса (особенно его экономико-философских и экономических рукописях), и в работах ряда его последователей в XX в.

Что касается развития, то открытым остается вопрос, насколько десятки сильных и талантливых работ марксистов XX и начала нынешнего века (как отечественных, так и зарубежных), раскрывающих природу современного «позднего» капитализма, могут служить своего рода «Капиталом XX века»... эту тему в этом тексте мы рассматривать не будем, ибо об этом автор не раз писал в своих упомянутых выше работах.

Что же касается критики, то здесь пока что без ответа остался сформулированный выше важнейший вопрос криков классического марксизма: почему капитализм перешел в новую, постиндустриальную, «постклассическую» стадию, а не был сменен новым обществом, необходимость которого, на первый взгляд, классический марксизм выводил из противоречий именно классического индустриального капитализма?

Этот вопрос действительно принципиален и не имеет готового простого ответа.

Начну с того, что идея социалистической революции, осуществляемой классом индустриальных наемных рабочих, — это не столько классический марксизм, сколько его сталинская версия, растиражированная в учебниках 30—50-х гг. прошлого века. Ни у самого Маркса, ни у Плеханова, ни у Ленина таких утверждений не было. Классический марксизм действительно доказывал, что индустриальный капитализм создает необходимые предпосылки для социалистической революции и что ее субъектом является класс наемных рабочих. Но во всех работах классиков и их грамотных последователей многократно подчеркивалось, что эта потенция превращается в действительность только тогда, когда складываются все необходимые социально-политические предпосылки.

Впрочем, для нас сейчас этот аспект является не самым главным. Важнее другое. На мой взгляд (и здесь я не оригинален), *и Маркс, и Плеханов, и Ленин действительно были неправы в той мере, в какой размышляли не только о возможности, но и о необходимости социалистической революции как продукта классического индустриального капитализма.*

Развитие методологии марксизма, особенно *диалектики* перехода от одной социально-экономической системы к другой, предполагает использование ряда сугубо марксистских, но не развитых самим Марксом, подходов, показывающих, почему утверждение о *неизбежности* социалистической революции в условиях индустриального капитализма неправомерно. Иными

словами, в этом вопросе марксистская методология и теория может и должна быть использована для конструктивной критики некоторых поспешных выводов Маркса.

Начну с подтвержденного опытом последнего столетия и достаточно известного (но часто «забываемого» критиками марксизма) тезиса о том, что смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому развитому целому, а как длительный процесс заката одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, «классическое» состояние) и сугубо нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контрреформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не «чистые», а переходные отношения и формы...

Эта диалектика перехода у самого Маркса «прописана» слабо, есть лишь некоторые наброски, свидетельствующие о том, что Маркс видел эту проблему. Зато в работах марксистов XX в. и последнего десятилетия об этом сказано немало. И не только сказано, но и доказано. И эти доказательства позволяют считать обоснованным вывод о том, что *марксистская теория способна объяснить те многочисленные зигзаги, которыми полна история последнего столетия*. Но для этого надо вместе с марксистами последнего столетия пойти дальше Маркса и учесть все многообразие явлений периода нелинейной трансформации одной системы в другую.

Далее. Для анализа процесса рождения нового общества, называвшегося Марксом коммунизмом, по-видимому, можно и должно применить (естественно, критически) методологию исследования генезиса капитала, примененную самим Марксом. В частности, методологию перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу. Эта методология представлена, в частности, исследованием развития капитала от форм простой кооперации к мануфактуре и фабрике. На первых стадиях генезиса капитал развивается на технологическом базисе, характерном для предшествующей системы (феодализма) — на базе ручного труда — и остается в этом случае неустойчивым, относительно легко уступающим место реставрационным про-

цессам, образованием. На базе ручного труда, мануфактурных технологий капитализм может как выиграть у феодализма (что произошло, например, в XVI в. в Нидерландах), а может и проиграть (как это произошло примерно в то же время в итальянских городах-государствах). Здесь подчинение труда капиталу если и возникает, то остается неустойчивым, формальным (созданным лишь формой — производственными отношениями), но не имеющим достаточного технологического базиса. Лишь на базе машинного производства, индустриальных технологий капитализм побеждает окончательно (но тоже не везде и не сразу: вспомним хотя бы пример крепостных фабрик в России, да и всю нашу историю полуфеодального полукапитализма позапрошлого века — века развитых индустриальных капиталистических экономик Запада).

Итак, на базе технологий (и прежде всего содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный — для капитализма), новая система (соответственно капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может — к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который я бы назвал «опережающей мутацией». Это ситуация, когда общественные отношения несколько «забегают вперед» по отношению к материальному базису, содержанию труда. Если в этих условиях социальные силы созидания нового общества окажутся достаточно мощны, то новые отношения смогут обеспечить технологическую революцию, и это закрепит победу нового строя. Если нет — опережающая мутация завершится регрессом и вырождением попыток создания нового общества. Для удобства дальнейшего анализа назовем «*ранней*» революцию, совершающуюся в условиях развитого (но не «позднего», «закатного») состояния старой системы и на базе адекватного для старой системы, но недостаточного для окончательной победы нового уровня развития ее материально-технических предпосылок.

Парадоксом при этом является то (и это очень спорная гипотеза автора, которую он выносит на обсуждение, не будучи сам в ней до конца уверен), что *для совершения ранней революции, совершаемой на стадии зрелого состояния «старой» системы, социально-политические предпосылки складываются легче и полнее, чем в условиях «заката» послед-*

ней. При этом, однако, материально-технические и социально-экономические предпосылки ранней революции оказываются развиты слабее.

Причин для этой амбивалентности несколько.

Во-первых, противоречия старой системы в ее зрелом состоянии максимально «чисты», социальное противостояние обнажено. Система еще не породила внутри себя массу переходных отношений и «компенсаторов», смягчающих общественные конфликты.

В то же время «классическое» состояние системы еще не порождает новых общественных сил, способных формировать новые отношения. Как известно, буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества — лично свободные представили «третьего сословия». Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). Сейчас можно предположить, что это будут представители «креативного класса», не подчиненные непосредственно капиталу (укажу в качестве примера на значительную часть учителей, социальных работников и т. п. субъектов по преимуществу творческой деятельности, занятых в бюджетной сфере и проявляющих в последние десятилетия очень большую социальную активность). Последнее снимает тезис классического марксизма (в том числе Плеханова) о революционной роли именно индустриального пролетариата применительно к новым условиям развития капитализма, но оставляет открытым вопрос о его сохраняющейся актуальности для индустриальных обществ, кои отнюдь не исчезли и в нынешнем веке.

Во-вторых, в рамках «классической» системы еще не сформировалась типичная для периода «заката» совокупность таких переходных отношений, которые «уводят» общественное развитие в сторону от «красной нити» исторического процесса. Переходные формы предотвращают (на более или менее долгое время) взрыв старой системы, создают некий «отводной канал», пространство для исторических зигзагов, порождая в конечном итоге тупиковые, но временно полезные для старой системы квазиновые общественные отношения. В результате вместо социализации производства и собственности развертывается глобальная гегемония корпоративного капитала; вместо сво-

бодного труда — формы «народного капитализма» и социального партнерства; вместо ассоциированного планирования — частичное, во многом бюрократическое и потому малоэффективное государственное регулирование; вместо свободного и гармоничного развития личности — общество потребления (а теперь уже и пресыщения), совмещающееся с миллиардной нищетой. Эти переходные формы, намеренно повторю этот тезис, уводят развитие в сторону от дороги рождения качественно нового общества, создавая пространства «обходов», в которых вполне могут развиваться и технологии, и благосостояние...

В то же время эти переходные отношения создают определенные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для нового строя. Так, формирование гигантских акционерных обществ создает предпосылки для социализации, государственное регулирование — для демократического планирования, социальное партнерство — для освобождения труда и т. п.

В-третьих, период «заката» общественно-экономических систем рождает специфические, приспособленные к задачам выживания и развития прежней системы, пути развития технологий, прежде всего — труда. Так, объективно создаваемая развитием индустрии необходимость перехода к преимущественно творческой деятельности в условиях позднего капитализма оборачивается приоритетным развитие того, что я условно назвал «превратным сектором». В самом деле, для последних десятилетий характерно наиболее быстрое развитие таких сфер, как финансы, государственное и корпоративное управление, масс-культура и СМИ, военно-промышленный комплекс и т. п., где по преимуществу создаются продукты, мало способствующие прогрессу производительности труда и человеческих качеств. Вместо приоритета воспитателей и учителей, врачей и экологов, ученых и художников поздний капитализм формирует приоритеты финансистов и брокеров, охранников и моделей, звезд шоу-бизнеса и рантье...

Кстати, в условиях позднего феодализма также формируется своеобразный превратный сектор — сфера производства непроизводительных предметов роскоши, огромная «сфера услуг» (растущие полчища слуг), непомерные военные расходы и т. п.

Кроме технологических зигзагов закатные траектории порождают и зигзаги социальные. В обществах, где застаивается старая система, господствующими становятся ценности

и стимулы, характерные для «закатного» типа личности с его отторжением парадигм социального творчества (да и вообще прогресса), ориентацией на ценности превратного сектора, а не социальное обновление. В результате складываются мощные общественные противовесы интенциям рождения нового общества.

Тем самым *перед социальной революцией в поздних системах встает особая задача: вывести технологическое и социальное развитие из того тупика, в который его заводит процесс заката прежней системы.* Если же революция совершается в обществе, где эти тупиковые траектории еще не господствуют, то задачи движения к новому обществу упрощаются...

Однако этот параметр так же амбивалентен, как и два предыдущих. Уводя социальный и технологический прогресс в сторону, переживающая закат система тем не менее развивает производительные силы, повышает производительность труда и в этом смысле продвигает нас к новому обществу.

В результате сказанного мы приходим к не слишком очевидному и несколько парадоксальному с точки зрения классического марксизма (но в нынешнем веке отнюдь не оригинальному) выводу: *для успешной социалистической революции в идеале (который на практике, естественно, никогда в полной мере не достижим) необходимы следующие условия*:

1) высокий уровень производительности труда и технологического развития, достаточный для хотя бы формального освобождения труда, при относительно слабом развитии превращенных форм этого прогресса (превратного сектора);

2) развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата при сохранении «прозрачности» социального противостояния и относительно слабом влиянии превратных ценностей и стимулов;

3) формирование относительно «чистых», адекватных задачам саморазвития нового общества форм переходных отношений.

Иными словами, к социализму лучшего всего было бы идти в стране, где еще нет переразвитого «общества пресыщения», но уже есть высокий, не меньший, чем в сегодняшних развитых странах, потенциал технологического и социального прогресса плюс налицо (само)организованный субъект общественного обновления, переполняемый социально-творческой энергией.

В реальной истории все много сложнее. Так, в Российской империи начала XX в. предпосылки первого блока были развиты крайне слабо даже по меркам индустриального капитализма, и на это справедливо указывали все критики большевиков и, в частности, Плеханов. Однако в результате ее внутренних противоречий, крайне обостренных Первой мировой войной, были налицо предпосылки второго блока, да и то в крайне странном виде — в виде симбиоза нескольких миллионов солдат, матросов и рабочих, готовых отдать свои жизни ради снятия неимоверно тяжелых противоречий России 1917 г., и нескольких сотен тысяч (само)организованных большевиков и их союзников, действительно способных с сознательному социальному творчеству. В результате предпосылки первого и третьего блоков в нашей стране создавались ценой максимального напряжения нетехнологических и неэкономических факторов: массового насилия и массового энтузиазма. Неизбежное исчерпание к 1970-м гг. потенциала социального творчества вызвало неизбежный крах этой опережающей мутации.

Что касается современного состояния мира, то автор видит только один, да и только несколько фантастический вариант комбинации условий, наиболее благоприятных для социалистической революции. Это некая система, в которой значимую роль играют люди занятые хотя бы отчасти социально-творческой деятельностью, в незначительной мере подчиненные стандартам общества пресыщения; для которых, однако, характерен достаточно высокий (близкий к среднему для развитых стран) уровень благосостояния и производительности; где налицо достаточная сильная тенденция самоорганизации и слабо развито подчинение труда капиталу; где труд осуществляется преимущественно не в превратном секторе, а господствующими социальными институтами являются не формы, типичные для позднего капитализма (корпоративный капитал), а иные, более адекватные для решения задач (формального) освобождения труда (формы, характерные для «экономики солидарности», «демократии участия»...). Эта система должна, однако, оставаться под внешней властью капитала, ибо иначе это будет уже готовый социализм.

На первый взгляд, системы, для которой были бы характерны хотя бы в значительной мере названные выше черты, нет и быть не может. И это действительно так, если мы говорим о некоторой *стране*. Однако современный мир — это мир глобализации, а не национальных государств. И потому мы можем

поставить вопрос по-другому: а нет ли в современном мире такого субъекта глобальных процессов, который был бы близок по своим основным параметрам к названной выше модели?

На этот вопрос ответ найти уже несколько легче. Внимательный исследователь, знакомый с альтернативами современного мира, его уже, по-видимому, увидел: это сети новых социальных движений и неправительственных организаций. Для них и их членов в основном характерны названные выше черты, но они по-прежнему живут и действуют в мире, подчиненном глобальному капиталу. Именно против него они и могут совершить социальную революцию. Только это будет не столько национальная революция в виде штурма нового Зимнего дворца или Казарм Монкада, в которых засели силы капитала, сколько *глобальная революция против правил тотальной гегемонии капитала.*

Естественно, это уже значительный отход (надеемся — вперед) от классического марксизма. Но, повторю, было бы странно ожидать от марксиста того, чтобы он считал возможным видеть и тем более осуществлять социальные преобразования по модели позапрошлого века...

Загадка СССР, или Еще раз об ограниченности плехановского взгляда на диалектику исторического развития

Вернемся к проблеме, поставленной в начале этого раздела: почему же развитие в XX в. пошло не по Марксу и Плеханову, а отчасти по Ленину, да и то с «плохим концом»? Почему социалистические революции совершились не в наиболее развитых странах, а там, где совершились, породили не только определенные достижения, но и монстров наподобие ГУЛАГа, в конечном итоге закончившись крахом порожденных ими систем? Почему господствующей стала траектория самореформирования капитализма?

Ключ к ответу на один из этих вопросов — а именно о причинах вырождения российской революции — на первый взгляд, дает именно творчество Плеханова. Следуя букве марксова учения Георгий Валентинович справедливо указал на то, что для постбуржуазного развития в России нет достаточных материальных предпосылок. Исходя из закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил

в Советском Союзе после Гражданской войны могла сложиться только смешанная экономика, причем главными ее слагаемыми могли стать по преимуществу добуржуазные уклады. Соответственно, главные задачи, которые необходимо было решать в ее развитии, были задачами буржуазными: индустриализация, урбанизация, преодоление неграмотности и т. д.

Именно этот акцент делают и сегодня многие из ученых-марксистов, чьи работы вольно или невольно опираются на наследие Г. В. Плеханова. В России в данном случае следует обратиться прежде всего к книгам и статьям М. И. Воейкова*, доказывающего, что революция в России была буржуазной, да и возникшая на ее базе советская система носила в основном буржуазный характер. За рубежом эта позиция типична для ряда теоретиков троцкизма, в частности Т. Клиффа и ряда других авторов.

Для ученых, считающих «советский эксперимент» случайным зигзагом, «ошибкой истории», этот вопрос, на первый взгляд, вообще неинтересен. Но при внимательном рассмотрении и им приходится считаться с тем, что и в нынешнем веке в среднеразвитых странах постоянно возникают интенции социалистической ориентации, а фукуямовское объявление «конца истории» вследствие окончательного торжества либерально-капиталистической модели после мирового экономического кризиса вызывает все меньший энтузиазм, и даже в Давосе все чаще слышатся голоса о кризисе капитализма.

Так в чем же здесь дело?

Ответ на поставленный выше вопрос я уже отчасти дал выше. Карл Маркс и не выходящий далеко за рамки некоторых основных работ этого автора марксизм (в том числе — плехановский) были и остаются ограничены исследованием преимущественно классического состояния капитализма. И это ни в коем случае не их вина. В силу исторической специфики они не могли принять во внимание всей многосложной диалектики заката и рождения систем, сложностей их нелинейной трансформации (оговорюсь: ряд предпосылок такого анализа, в частности раз-

---

* Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. М., 2009; критика этой позиции дана, в частности, в текстах А. И. Колганова и Б. Ф. Славина в коллективной монографии «Ленин on line. 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине» (М., 2011).

работка проблемы формального и реального подчинения труда капиталу, в работах Маркса, но не Плеханова, есть).

Однако этого мало. Главный новый параметр, привнесенный XX в., — это осознание того, что действительная проблема социального обновления последнего столетия (если не более) — это не столько переход от капитализма к социализму (коммунизму как посткапиталистическому способу производства), сколько гораздо более масштабный переход — переход от «царства необходимости» к «царству свободы», от метасистемы обществ, основанных на отчуждении и приоритетном развитии материального производства*, к пространству и времени социального развития, лежащего «по ту сторону» отчуждения и собственно материального производства.

Это, по мнению автора, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX—XXI вв.) от марксизма классического.

Для себя этот тезис (в гораздо более примитивной формулировке) автор впервые открыл более тридцати лет назад, заканчивая первый курс МГУ. Буквально через несколько дней я обратился к Марксу и с радостью обнаружил, что это одно из ключевых положений, четко сформулированных как самим Марксом**, так и его сподвижником Энгельсом***. Несколько позднее я с еще большей радостью обнаружил эти тезисы в работах своих учителей — марксистов-«шестидесятников» СССР. Получив доступ к зарубежным «диссидентским» изданиям, я (и уже без удивления — странно было бы думать, что западный марксизм не развивает этих идей) нашел и там богатый материал по этой проблематике.

---

* Начиная с середины XX в. объективная необходимость и возможность развития «по ту сторону» собственно материального производства стала пробивать себе дорогу и в условиях «позднего» капитализма. Однако в силу господства глобальной гегемонии капитала и тотального рынка она обрела превратные формы, уведя эволюцию в сторону от тенденции прогресса человеческих качеств и открыв простор для развития различного рода симулякров (от финансовых дерривативов до масс-культурного и гламурного «производства») и приведя к опережающему развитию превратного (или попросту бесполезного) сектора экономики. Подробнее об этом см. в упоминавшейся книге Бузгалина и Колганова «Глобальный капитал».

** См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 386—387.

*** См.: там же. Т. 20. С. 295.

Так вот, именно этот «нюанс» (проблема перехода «по ту сторону» материального производства, проблема глобальной трансформации всей «предыстории»), в большинстве случаев игнорировавшийся в марксистских текстах XX в. (но, повторю, не самим Марксом и не творческим марксизмом), и позволяет объяснить большую часть специфических для начавшейся около столетия назад *эпохи глобальных проблем*.

Самим Марксом эта проблематика была только намечена, а ортодоксальным марксизмом не акцентирована. Как следствие, антимарксизм, знакомый по преимуществу только с самыми примитивными версиями критикуемой им теории, сделал вывод об еще одном провале марксизма.

Самое смешное, что в некотором, крайне ограниченном смысле эта критика была правомерна: классический марксизм действительно основной акцент делал на исследовании развитого капиталистического способа производства, его социально-классовых противоречий, предпосылок и движущих сил его снятия. Исследование того проблемного поля, которое выдвинулось на первый план в XX в., в работах Маркса и Энгельса было лишь намечено. Зато в XX в. оно не случайно оказалось в центре внимания практически всех основных течений творческого марксизма и — шире — демократической социалистической мысли. Берусь утверждать, что именно *глобальная проблема нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» стала генгетически-всеобщей основой большинства специфических новых разработок марксизма XX—XXI вв.*

Лишь несколько мозаичных иллюстраций к этому тезису.

Проблемное поле А. Грамши — темы гегемонии (категория, характеризующая одну из основных форм отчуждения и одновременно потенциал его снятия), проблемы роли интеллигенции и культуры, идеи свободной добровольной ассоциации — все это проблематика, существенно выходящая за традиционные рамки исследования капитала и пролетариата. Но в работах этого мыслителя тема глобального скачка к новому качеству общественного бытия, снимающего всю предысторию, только намечается.

Исследования Г. Лукача, особенно его работы по истории классового сознания и феноменологии общественного бытия, прямо выводят нас на проблемы отчуждения во всем многообразии его видов, характерных для «царства необходимости», а не только капитализма. Будущее общество все более позицио-

нируется именно как снятие *всей* предыстории, что позволяет ученому сделать целый ряд интереснейших следствий для теории социализма, но это уже другая тема. Существенно, однако, что эта линия затем была активно развита в работах как советских (М. Лифшиц, Э. Ильенков и др.), так и западных ученых (И. Мессарош, Б. Олман и др.). Косвенным ответвлением этого направления стали ученые, близкие к школе «Праксис» (также акцентировавшие недостаточность исследований в рамках проблемного поля классического марксизма).

Тематика Франкфуртской школы непосредственно слабо пересекалась с рассматриваемыми нами фундаментальными социальными проблемами, но в своих гуманистических, освободительных интенциях они неявно тяготели к явно более широкому, нежели сугубо классовому, взгляду на проблему освобождения человека и общества. Впрочем, эти интенции вкупе с постепенным отказом от диалектики и переходом к анализу «коммуникативных» аспектов бытия увели их в сторону от проблем социальной эмансипации...

В отличие от них Ж.-П. Сартр и подавляющее большинство его последователей из круга марксистов проблемы гуманизма и свободы (причем свободы позитивной, не «свободы от», а свободы деятельного совместного преобразования мира) сделали непосредственным центром исследования. Они четко переместили акцент на проблематику принципиально более глобальную, нежели исследование собственно классического капитализма. Сходную тенденцию выразили и другие гуманистические направления в социальной философии и психологии (один из наиболее ярких примеров здесь — Э. Фромм). Интереснейшие работы по проблемам свободы, гуманизма, отчуждения появились в 1960—1970-е гг. в СССР, Польше, Венгрии, ГДР и др. странах мировой социалистической системы.

Вообще, поставив в центр внимания проблемы человека и свободы, творческий марксизм середины XX в. по сути дела (хотя и не всегда осознавая это теоретико-методологически) перенес акцент с экономико-политических вопросов анатомии капитализма и его кризиса на иные проблемы. Проблематика социальной эмансипации Человека и Природы стала центральной для левых теоретиков с этого периода, породив широчайший спектр взаимопересечений гуманизма и социализма.

Поставив в центр внимания всю совокупность параметров, угнетающих и порабощающих человека, марксизм смог адекватно ответить на вызовы основных глобальных проблем, этим

угнетением рожденных. Так в круг внимания исследователей левого спектра оказались включены проблемы эмансипации женщин (левый феминизм), расового неравенства, взаимодействия «центра» и «периферии», миграции и мн. др.

Другой крупнейшей подвижкой стало привнесение в марксизм и теорию социализма экологической проблематики. И хотя постановка задачи «натурализации человека и гуманизации природы» относится еще к рукописям Маркса 1844 г., свою действительную актуальность этот блок проблем обрел лишь во второй половине XX в. Для этого были как мощнейшие эмпирические основания (обострение экологических проблем и превращение их в глобальные), так и теоретические предпосылки. О последних несколько слов особо. Тема скачка «по ту сторону собственно материального производства» в качестве одной из главнейших своих проблем не случайно выдвигает принципиальное изменение отношения общества и природы: последняя в процессе движения из «царства необходимости» в «царство свободы» должна превратиться из прежде всего предмета труда (ресурса материального производства) в прежде всего культурную ценность (биосфера как самоценное условие воспроизводства человеческой личности и общества в целом). Так в повестку дня альтернативного теоретического мышления вошел экосоциализм и различные вариации на темы решения проблем не просто сохранения, но возрождения Природы.

Подчеркну: подавляющее большинство теоретиков левого спектра, работающих над проблемами феминизма, экологии и т. п., как правило, не акцентируют или даже не осознают содержательной связи их исследований с глобальным контекстом грандиозной трансформации, начало которой мы все переживаем вот уже столетие. Нелинейно и крайне противоречиво начавшийся скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только закат капитализма — вот глубинная основа и объективных, онтологических проблем снятия всех видов отчуждения Человека, Природы, Общества и гносеологического акцента на этой проблематике.

Естественной реакцией большинства «традиционалистских» марксистских теоретиков на произошедшие в XX в. теоретические сдвиги стала критика акцента на глобальной гуманистически-социоэкологической проблематике. Она вновь (как и во времена брежневизма) стала рассматриваться как едва ли не предательство интересов классовой борьбы наемных рабочих и ревизионизм.

В этой критике, заметим, есть и доля правды: проблемное поле трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» не может и не должно полностью вытеснять «традиционных» марксистских вопросов исследования анатомии позднего капитализма, его заката, сил и путей формирования посткапиталистической общественной системы (социализма). Так перед марксизмом нового века встает целая серия задач, среди которых первоочередными, на мой взгляд, являются следующие. Во-первых, реабилитация во всей его полноте вопроса о глобальной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» как генетически-всеобщего основания всех проблем эмансипации Человека, Общества и Природы. Во-вторых, проблемы содержательного исследования природы, противоречий и путей снятия позднего капитализма. В-третьих, соединение этих двух проблемных областей в рамках единой теоретической парадигмы. В-четвертых, конструктивная критика узкого прагматизма и постмодернизма как по большому счету тупиковых методологий. Подчеркну: единственно возможной позитивной основой для такой критики станет дальнейшее развитие марксистской методологии, превращающееся для левых теоретиков в одну из задач первостепенной важности.

P. S. Так чем же ценен плехановский марксизм в XXI в.?

Подводя итоги данного текста, я хотел бы от осмысления критических оценок классического марксизма вообще и Г. В. Плеханова, в частности, перейти к вопросу о его актуальности для нашего времени. Коротко суммирую сказанное выше.

Во-первых, классический марксизм и, в частности, разработки Г. В. Плеханова справедливо показали, что даже индустриальный капитализм создает основания для социалистических революций. Парижская коммуна; революции в Российской империи, Германии, Венгрии и т. д. в начале XX в.; победа социалистических сил в Восточной Европе, на Кубе, во Вьетнаме, в Чили и т. п. в средине XX в.; попытки социалистического строительства в Венесуэле и ряде других стран Латинской Америки в начале нынешнего, XXI в.; наличие некоторых социалистических элементов в общественном строе Китая... — все это, несмотря на поражения, нельзя считать случайностью. Ну а то, что продукты этих первых ранних революций оказались крайне

противоречивыми, следует считать скорее закономерностью, чем случайностью.

Другое дело, что, во-вторых, классический марксизм не предвидел и не мог предвидеть всей сложности, нелинейности, длительности и противоречивости трансформационных процессов, всей диалектики заката капиталистической системы. Но первые шаги, восполняющие этот пробел классики, уже сделаны марксизмом XX—XXI вв.

В-третьих, в классическом марксизме был сделан, хотя и поневоле малоразвит, акцентируемый ныне вывод о переходе не только от капитализма к новому обществу, но от всей эпохи отчуждения к эпохе социального освобождения как главном содержании переживаемых человечеством трансформаций. Эта глобальность перехода поставила вопрос реформирования и/или революционного преобразования капитализма в контекст гораздо более масштабной проблемы принципиального решения системы глобальных проблем отчуждения Человека, Общества и Природы.

Наконец, подчеркну: *открытые Марксом и его сподвижниками, раскрытые и дополнительно аргументированные Плехановым законы классического капитализма остаются актуальны в той мере, в какой нынешняя система сохраняет как свою генетическую основу основные черты капитализма*. А она их сохраняет: экономика остается рыночной и более того, растет рыночный фундаментализм; труд по преимуществу является наемным, а капитал стремится к максимизации прибыли; социальное неравенство в мире не снижается... Другое дело, что эти законы сняты и дополнены новыми закономерностями, характерными для позднего, переходного к постиндустриальному капитализма и эпохи заката «царства необходимости», эпохи глобальных проблем.

С. Х. Бэрон

Плеханов, утопизм и российская революция*

Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь прологом пролетарской революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (1848 год)

Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...

К. Маркс. Предисловие к «Критике политической экономии» (1859 год)

Две эти цитаты указывают на центральное противоречие мысли Маркса. Если, как следует из первой цитаты, сразу же после буржуазной революции должна была последовать социалистическая, капитализм сошел бы с исторической сцены задолго до того, как в полной мере развились его производительные силы.

---

* Публикуется по изданию: Отечественная история. 1995. № 5. С. 117–129.

Из второй явствует, что если производительные силы сумеют полностью реализовать свой потенциал при капитализме, тогда обязательно пройдет значительный промежуток времени между социалистической и буржуазной революциями. Конечно, между написанием «Манифеста» и «Критики политической экономии» последовал период в одиннадцать лет; и приводились убедительные аргументы в пользу того, что в те годы, углубив свои знания и опыт, Маркс перестал быть проповедником идеи перманентной революции и более всего подчеркивал социально-экономические условия социалистической революции*. Как бы то ни было, Маркс завещал своим последователям двусмысленное наследие, и в зависимости от обстоятельств, как объективных, так и субъективных, тот или иной марксист может принять любой из этих прогнозов в качестве руководства к революционной стратегии и тактике.

Эти замечания, очевидно, приложимы и к истории русского революционного движения: читатель, вероятно, узнает подход Ленина (и Троцкого) в первой цитате и Плеханова — во второй. Советская историография, конечно же, провозгласила путь Ленина верным и даже неизбежным; но рассматриваемая проблема не является сугубо академической, поскольку гласность и перестройка пробудили живой интерес к вопросу о жизненности идей «отца русского марксизма» сегодня в нелегкой для страны ситуации. В середине 1989 г. «Аргументы и факты» поместили на видном месте статью о Плеханове в ответ на вопросы своих читателей о том, была ли альтернативная программа Плеханова лучше, чем ленинская, большевистская. В том же году редакторы «Вопросов истории» сочли уместным опубликовать запрещенное ранее письмо Плеханова, адресованное петроградским рабочим вскоре после Октябрьской революции, в котором содержалась резкая критика захвата власти большевиками. И в интервью газете бывший мэр Москвы Гавриил Попов утверждает, что нынешний экономический, политический и социальный кризис проистекает из семидесятилетнего эксперимента, сутью которого была волюнтаристская попытка (он также называет ее «преждевременной» и «утопической»),

* Об эволюции взглядов Маркса и двусмысленном характере его наследия см.: Lichtheim G. Marxism: An Historical and Critical Study. 2-nd (revised) ed. N. Y, 1965. Ch. 6; Wolfe B. Marxism: 100 Years in the Life of a Doctrine. N. Y., 1965. Ch. 9.

которая опередила развитие производительных сил, извратила основные идеи марксизма и не посчиталась со взглядами таких ведущих марксистов, как Плеханов*.

В свете этих соображений стоит еще раз рассмотреть взгляды Плеханова на революцию в России**, в особенности определить точность восприятия Плехановым динамики революционного процесса в России, образ мыслей, который привел его к такому яростному противостоянию Ленину и большевикам, и осуществимость как краткосрочных, так и долгосрочных мер, предлагаемых им. Мы можем прийти к заключению, что современные дискуссии имеют тенденцию к упрощению истории, что невозможно дать ясный ответ на вопрос «Был ли путь Плеханова лучше ленинского?», что Плеханов был и прав, и неправ, так же как Ленин и Троцкий, хотя по-иному.

От народничества к марксизму. Будет поучительно сначала вспомнить процесс, в результате которого Плеханов, начинавший как активный деятель народничества, перенес свои политические симпатии на марксизм. Будучи народником и находясь под сильным влиянием Чернышевского***, молодой Плеханов думал, что для России было возможно революционным путем перейти прямо к социалистическому строю, минуя фазу капиталистического развития. Этот постулат указывает на пристрастие народников как предшественников русских радикалов к компаративистскому мышлению. Привлеченные социалистическим идеалом, возникшим на Западе, и желая воплотить его в жизнь, писатели-народники разработали теорию революции, которая, по их мнению, учитывала специфические условия в

---

* Аргументы и факты. 1989. Июнь; Вопросы истории. 1991. № 2; Известия. 1990. 28 июня. Думается, не сбывается ли предсказание, сделанное в 20-е гг. М. Н. Покровским в ходе полемики против воззрений Плеханова, что его трактовка российской истории все еще может сделать его «учителем будущего», в чем и состоит опасность «возрождения плехановизма». См.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 99–100.

** Отчасти эта статья основывается на моем биографическом исследовании: Baron S. H. Plekhanov: The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963. Некоторые новые разыскания и мысли по данному вопросу можно найти в двух моих недавних публикациях: Baron S. H. Plekhanov. International Socialism and the Revolution of 1905 // La Premiere Revolution Russe. Coquin F.-X, C. Gervais-Francelle (ed.). P., 1984.

*** Плеханов – Лаврову // Дела и дни. 1921. № 2. С. 86.

России. Социально-экономическая отсталость России проявлялась в ее почти исключительно аграрной экономике и в преобладании крестьянского населения, жестоко эксплуатируемого и поэтому глубоко неудовлетворенного своим положением. Отсюда следует, что если России суждено было стать социалистической в недалеком будущем, то ее социализм обязательно носил бы аграрный характер. Эти рассуждения, согласно точке зрения народников, были далеко не утопичны, поскольку социально-экономический мир крестьян, и прежде всего его вековой патриархальный общинный уклад, привил крестьянам коллективистское мышление. Поэтому с ниспровержением репрессивного государственного строя существовали бы как социально-экономические (объективные), так и психологические (субъективные) предпосылки для установления социализма. Эта теория в своей основе утверждала исключительность российского исторического процесса: России было суждено перейти от докапиталистической формации непосредственно к социализму.

Присоединившись к народникам в 1875—1876 гг., Плеханов внес новую струю в философию этого движения. Хотя многие народники были знакомы с идеями Маркса и даже высоко ценили их, они, как правило, считали его постулаты непригодными для России. В противоположность им, познакомившись с некоторыми элементами марксистской идеологии, Плеханов настолько увлекся ею, что в очерке, многозначительно озаглавленном «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», он заявил о необходимости приспособить народническую программу к марксистской системе*. Он не только не соглашался с тем, что идеи Маркса были релевантны только при анализе западноевропейского капитализма, но утверждал обратное — их универсальную действенность. Однако это отнюдь не означает, что Маркс предрекал одинаковые исторические пути для всех народов. По мнению Плеханова, общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом — параболическую орбиту кометы. На это утверждение стоит обратить внимание, поскольку оно

---

* Плеханов Г. В. Соч.: в 24 т. Т. 1. М., 1923—1927. С. 56—74.

демонстрирует, что в то время Плеханов гибко интерпретировал марксизм, очевидно, считая, что его принципы были совместимы с идеей российской исключительности.

Плеханов косвенным образом объяснил противоположные модели российского и западноевропейского развития, сославшись на материалистический постулат о том, что бытие определяет сознание. На Западе, говорил он, когда-то преобладавшая крестьянская община и коллективистские инстинкты, ассоциировавшиеся с ней, в какой-то момент были разрушены появлением частной собственности и философии индивидуализма. Захваченные этим процессом, западные народы не могли перепрыгнуть ни через один этап исторического развития. Вместо этого им было суждено прийти к социализму благодаря коллективистски настроенному пролетариату, взращенному крупным промышленным производством развитого капитализма. В отличие от Запада, считал Плеханов, капитализм и индивидуализм не смогли пустить в России глубокие корни. Он настаивал на том, что крестьянская община, коллективистская в своей основе, оставалась фундаментом российского общественного строя и она «не несла в себе элементы собственной гибели». По этой причине Россия обладала всем необходимым для перехода к социализму на основе, отличной от западной.

Очевидно, что для Плеханова достоверность народнической теории основывалась на жизнеспособности крестьянской общины. Его последующий отказ от народничества в пользу марксизма был вызван, с одной стороны, печальным опытом коммун во многих странах, а с другой — реальностью капитализма с его разделением труда, который прокладывал себе путь в Россию*. Когда в 1880 г. Плеханов отправился в изгнание в Западную Европу, он настойчиво стремился найти идеи и факты, которые помогли бы ему понять ситуацию, разворачивающуюся в России, сопоставляя ее с процессом развития других стран и цивилизаций через призму трудов по европейской истории и работ Маркса, которые он штудировал; рост числа промышленных предприятий, ставших реальностью российских городов, и фабричные рабочие, в чьей среде Плеханов проводил агитацию,

---

* Особую важность представляли для него труды М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879) и В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (М., 1879).

приобрели для него новое значение. Промышленное развитие России, все еще слабое, указывало на будущее господство капитализма. Кроме того, ярким подтверждением правоты марксистской точки зрения для него явилось то, что пролетарии, среди которых он работал, несомненно, активнее поддавались социалистической пропаганде, чем крестьяне*.

Плеханов начал критически пересматривать позицию народников**. Его исследования подтверждали предположение, что капитализм проникал как в город, так и в сельскую местность вместе с промышленным производством и ростом пролетариата. Более того, под влиянием товарного производства когда-то эгалитарная крестьянская община подвергалась процессу социального расслоения, и в изменяющейся среде некоторые слои крестьянства становились менее коллективистскими и более буржуазными в своем мировоззрении, в то время как другие пролетаризировались. Если социалистическому движению суждено было преуспеть, то ему следовало основываться на реалистической, объективной оценке социально-экономического уровня и исторического пути, на который вступало общество; оно должно было принять во внимание исторические законы, открытые Марксом. Социалистическое учение не было чем-то вроде точной науки геометрии, чем-то, что можно было по желанию принять и воплотить в любое время в любой стране, независимо от стадии ее исторического развития. Но народники, не учитывая противоречий между своими целями и средствами их достижения, субъективно продолжали полагаться на структуры, которые были обречены историей на забвение.

Предполагая, что поддержанная крестьянством революция должна успешно осуществляться, Плеханов заметил, что она неизбежно примет крестьянскую программу. Однако крестьяне отдавали предпочтение «черному переделу», а не социалистической системе. В качестве альтернативы в минуту удивительной прозорливости Плеханов провидел возможность, когда революционный комитет может захватить власть и постарается удержать ее, при этом он даже допускал, что цели народа и

* Более подробно см.: Baron S. H. Plekhanov: The Father... P. 65–75.

** Он изложил критику народников всех мастей, а также позитивную программу для русского революционного движения в первых двух основных марксистских трактатах: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

интересы комитета не совпадут. Если бы тогда революционный комитет попытался организовать социалистическое производство в отсутствие как объективных условий, так и всеобщего одобрения этой программы, ему бы пришлось «искать спасение в идеалах “патриархального и авторитарного коммунизма”, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо “перуанских сынов Солнца” и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста»*. Другими словами, революционеры будут обязаны управлять, как древние перуанцы, деспотическими методами.

В общем, Плеханов стал считать взгляды народников безнадежно нереалистическими, одним словом, утопическими. Если раньше он верил, что марксизм совместим с народничеством, то сейчас он противопоставлял научный характер одного утопизму другого. В представлении Плеханова, его собственная миссия заключалась в том, чтобы отвлечь революционное движение от утопизма и направить его в научное русло. Трудно переоценить важность этого момента в творчестве Плеханова для понимания той позиции, которую он займет позднее. Большая часть его дальнейшего пути была посвящена борьбе вокруг таких вопросов, как наука против утопизма, детерминизм против революционной воли и исторический закон против субъективизма.

Излишне говорить о том, что Плеханов не удовлетворился одной лишь критикой чужих взглядов; он предложил свою программу, основанную на его понимании пути развития, уготованном России. Убежденный в том, что социально-экономическая отсталость его родины исключала возможность социалистической революции в ближайшем будущем, Плеханов верил в то, что Россия уже достаточно продвинулась по пути капитализма для того, чтобы в недалеком будущем в стране суждено было свершиться перевороту подобно французскому в 1789 г., — буржуазно-демократической революции. Вслед за свержением самодержавия он ожидал для России тех же событий, которые наблюдались в Германии: бурного развития капитализма, приумножения рядов пролетариата и роста социалистического движения. Нельзя было ожидать незамедлительной реализации этих прогнозов, но в конечном итоге условия будут подготовлены для второй революции — социалистической. Неудивитель-

* Плеханов Г. В. Соч. Т. I. С. 81. Под «детьми Солнца» подразумевается правящая верхушка деспотического общества в Древнем Перу.

но, что, имея такое представление о будущем России, сложившееся на основе анализа опыта Европы, Плеханов еще в конце 1881 г. высказал мысль о том, что между российской историей и историей Западной Европы нет существенных различий*.

Фактически Плеханов включал в свой прогноз революционных событий на несколько последующих лет — иногда сознательно, иногда нет, противоречащие европейскому опыту элементы, потенциально чреватые иным результатом, нежели тот, на который он вместе с европейскими марксистами рассчитывал. Самым главным в революционной тактике Плеханова было утверждение Маркса в «Коммунистическом манифесте» о том, что социалистам следует бороться против абсолютизма совместно с буржуазией, в то же время внедряя в сознание пролетариата идею о противоречии между собственными его интересами и интересами буржуазии**. Однако он полагал, что российской буржуазии не хватит революционного запала, и поэтому инициатором атаки на абсолютизм придется выступать рабочему классу. По мнению Плеханова, политическая свобода будет завоевана либо рабочим классом, либо это не произойдет никогда***.

Он полагал, что фактически рабочий класс играл более или менее значительную роль в революциях 1789 и 1848 гг., но поскольку рабочим недоставало классовой сознательности, то плодами побед воспользовалась буржуазия, оставив рабочих ни с чем. Вмешательство российских социал-демократов, настаивал он, будет чрезвычайно важно и необходимо как для обеспечения участия пролетариата в свержении абсолютизма, так и для того, чтобы рабочий класс вступил на политическую арену как независимая сила, обладающая классовым сознанием и способная гарантировать себе экономические и политические права при новом строе. Социал-демократы планировали

---

* Дела и дни. 1921. № 2. С. 91.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

*** Впервые эти слова Плеханов произнес на конгрессе Социалистического интернационала в 1889 г., но он еще в 1883 г. считал, что эта идея была неоспоримой истиной. Невозможно завоевать политическую свободу без помощи со стороны ведущего класса общества. Социал-демократы должны заручиться поддержкой со стороны рабочих, отстаивая их интересы, как это произошло на Западе, где буржуазия — в собственных интересах — вовлекла рабочих в революции 1830 и 1848 гг. (Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 343—344).

добиться этого, внушая пролетариату идею классового сознания и тем самым связывая буржуазную и социалистическую революции, которые тем не менее должны были быть разделены длительным промежутком времени.

Плеханов периодически указывал на то, что условия, существовавшие в России, а также пути ее исторического развития были самобытны и отличались от тех, которые обозначились в Европе. У России не было необходимости скрупулезно следовать опыту более развитых стран и проходить все стадии промышленного развития; наоборот, она могла перенять самую последнюю технологию и формы промышленной организации и, таким образом, энергично модернизировать свою экономику. Точно так же российским социалистам не нужно было нащупывать свой путь к действенной стратегии и тактике, поскольку они могли непосредственно перенять опыт западного рабочего и социалистического движения. Подобные рассуждения, безусловно, допускали возможность более короткого капиталистического этапа в России, чем на Западе, но у Плеханова была тенденция принижать роль этих факторов и считать их лишь второстепенными. То же относилось и к его представлению о российской буржуазии, которой, по его мнению, недоставало революционного пыла. Плеханов был уверен в том, что западная модель являла собой надежный ориентир для России, не учитывая того, что ее особые условия, о которых он говорил, или программа активных действий, которую он выдвигал, могут привести к существенно иной модели развития.

Безусловно, важно отметить место крестьянства в революционных проектах Плеханова. Как бывший народник, он не мог забыть о том, что подавляющее большинство населения составляли крестьяне. Но когда он воспринял марксизм, его отношение к крестьянству резко сменилось на противоположное. Сейчас он был склонен смотреть на крестьянские массы с неприязнью, чтобы не сказать — враждебно. В своем желании навсегда сохранить мелкое производство, считал он, крестьяне обнаруживали свою приверженность реакционным мелкобуржуазным иллюзиям. Более того, «политическая индифферентность и умственная отсталость» крестьян делали их главным оплотом царского самодержавия. По этим причинам — и, кажется, не осознавая или забыв о той огромной позитивной роли, которую сыграло сельское население

на ранних этапах Французской революции, — Плеханов полагал, что можно не принимать во внимание крестьянство в приближающейся революции, хотя окончательно и не сбрасывал его со счетов*.

Революция 1905 г. К 1905 г. русские социал-демократы в целом восприняли марксизм, адаптированный Плехановым для России, где центральное место отводилось революционному двухэтапному плану. При отсутствии у России хоть какого-то непосредственного революционного опыта Французская революция как образец продолжала оказывать мощное воздействие на мышление российских марксистов. 1905 г. выдвинул на арену борьбы самые различные социальные силы, выявил между ними определенные связи и, в более общем плане, динамику революционного процесса в России. Поэтому события 1905 г. не могли не показать всю глубину противоречий между тщательно разработанной теоретической моделью и политической реальностью.

И Ленин, и Троцкий обнаружили существование важных несовпадений теории и практики. Они отреагировали на них выдвижением новых программ, подогнанных под особые российские условия, выявленные в ходе революции. Пораженный мощью крестьянского бунта и тем, что он принял за нерешительность действий буржуазии, Ленин заявил, что самодержавие сменится не буржуазным строем, а «революционной дикта-

---

* Здесь нам следует хотя бы упомянуть о своеобразном взгляде Плеханова на прошлое России, который сформировался у него в конце 80-х и 90-х гг. и который придает еще большую сложность и проблематичность мировоззрению Плеханова. Если говорить коротко, то он различал фундаментальное расхождение между ранним историческим развитием России и Запада. Ввиду особых обстоятельств Россия превратилась в страну полувосточного или восточного деспотизма, режима необыкновенной стабильности, характеризуемого рабским подчинением населения государству, которое контролировало средства производства. Пришествие капитализма, считал он, было провозглашено европеизацией общественно-экономического строя России, за которой неизбежно последует европеизация ее устаревшей политической системы. Это интересное построение кажется излишне схематичным; и в последние месяцы своей жизни Плеханов, очевидно, пришел к заключению, что он в свое время недооценил силы воздействия российского прошлого на судьбу общества.

турой пролетариата и крестьянства»*. Что же касается Троцкого, то опыт 1905 г. привел его к созданию теории перманентной революции, согласно которой социалистическая революция должна последовать вскоре после свержения абсолютизма. Троцкий разработал свою теорию, частично ссылаясь на особенности социального развития России, главным образом на появление воинствующего пролетариата в стране, где огромные крестьянские массы были недовольны своим положением; и частично — путем сравнительного анализа соотношения сил в революциях 1789, 1848 и 1905 гг., где особое внимание уделялось той постепенно снижающейся роли, которую играла в них буржуазии.

В отличие от Ленина и Троцкого Плеханов отказался признать, что события 1905 г. поставили под серьезные сомнения его теоретические выкладки. Тем не менее ему пришлось признать некоторые немаловажные отклонения от них. Он признал ведущую роль, взятую на себя пролетариатом, но опасался, что тот зашел слишком далеко. Посвятив всю свою жизнь повышению классового самосознания пролетариата, сейчас он мог написать: «Трудность состоит для нас не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах признание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка»**. Подлинное классовое сознание, настоятельно подчеркивал он, также требует признания пределов социальных изменений, что диктуется уровнем экономического развития страны. Соответственно социал-демократы должны были внушить пролетариату мысль о том, что Россия созрела» лишь для «буржуазной революции» и что было бы безрассудством идти дальше этого этапа.

Плеханов обвинял буржуазию в неспособности включиться в длительную революционную борьбу, хотя он и раньше предсказывал такую возможность. Он объяснял эту особенность российской буржуазии тем, что *она* опасалась, как бы революция не зашла слишком далеко и тем самым не повредила

---

* Trotsky L. «Permanent Revolution» and «Results and Prospects». N. Y., 1970. «Результаты и перспективы» была впервые опубликована в 1906 г. Отличный общий анализ идей Троцкого дан в работе: Knei-Paz B. The Political and Social Thought of Leo Trotsky. Oxford, 1978.

** Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 95. Работы Плеханова, посвященные революции 1905 г., содержатся в XIII и XV томах его «Собрания сочинений».

ее классовым интересам*. Плеханов не мог игнорировать широкое и активное движение крестьянства, но он часто принижал его важность на том сомнительном основании, что якобы крестьянские устремления были реакционны и лишены здравого смысла. Социал-демократам, считал он, не следует поддерживать мелкого собственника в противовес крупному, когда крупное землевладение представляло собой не пережиток феодализма, а феномен прогрессивного экономического развития. Им также не следует одобрять явное желание некоторой части крестьянства передать государству землю, конфискованную у помещиков, поскольку это означало бы возврат к экономическому базису восточного деспотизма. В силу этих причин, а также с учетом предполагаемого отсутствия пиитической сознательности у крестьян Плеханов пришел к выводу, что крестьянство не является политическим единомышленником и надежным союзником пролетариата**. Таким образом, признавая, что действительность не во всем совпадала с ранее разработанной им схемой, Плеханов тем не менее был склонен недооценивать значимость этих моментов и настаивать на собственной правоте.

Неудивительно, что в 1905–1906 гг. Плеханов бросал в адрес Ленина и большевиков упреки, напоминающие те, которыми он осыпал всевозможных выразителей идей народничества. Согласно его точке зрения большевики не понимали, какие цели были в историческом плане тактически достижимы; они не смогли объективно оценить ситуацию, и потому средства, которыми они располагали, оказались неадекватными поставленным целям.

Будучи убежден в том, что его оппоненты нарушали фундаментальные принципы марксизма, Плеханов охарактеризовал их идеи как «политические галлюцинации». В своем отрицании объективных критериев и в поисках достижения недостижимого некими волшебными средствами они напоминали ранних революционеров, кого Энгельс называл «алхимиками революции»***. Подчас он видит в них пленников утопического мышления; но что, возможно, более важно, он уподоблял Ленина народникам, т. е. тем, кого заклеймил как бланкистов за их

* Плеханов В. Г. Т. XIII. С. 333–334; Т. XV. С. 162.

** Там же. Т. XV. С. 40, 67–76, 415–427, 439.

*** Там же. Т. XV. С. 199, 220–222.

самонадеянное представление о том, что революционная клика способна захватить власть и во что бы то ни стало осуществить социалистическую революцию*.

Плеханов приходил в ужас от утверждений, что Россия может миновать этап буржуазной революции или что он может быть пройден очень быстро. Но в то же время он признавал, что влияние Ленина возросло, что в огне революционной борьбы идеи Троцкого завоевали значительную поддержку даже среди таких лидеров меньшевиков, как Ф. Н. Дан и Л. Мартов, и что его собственное влияние уже уменьшилось.

Поэтому в октябре 1906 г. Плеханов обратился к лидерам международного социализма с просьбой оценить ситуацию в России, будучи уверенным в том, что с их помощью баланс сил в революционном движении сместится в его пользу**. Как один из редакторов московского журнала «Современная жизнь» он обещал опубликовать их ответы на серию вопросов: 1. Каков характер надвигающейся русской революции, буржуазный или социалистический? 2. В предстоящей борьбе против автократии какова должна быть позиция социал-демократов в отношении буржуазной демократии? 3. Каково должно быть отношение социал-демократов к оппозиционным буржуазным партиям на предстоящих выборах? Его собственные соображения по этим вопросам уже много раз были оглашены***. Конечно же, надвигающийся переворот мог быть только буржуазной революцией. В борьбе против самодержавия социал-демократа следует поддержать буржуазную демократию. И в избирательной кампании было бы желательно, чтобы они вступили в соглашения с буржуазными оппозиционными партиями.

Набралось двенадцать респондентов, которые в основном сосредоточились на первых двух вопросах и уклонились от ответа на третий. К удивлению и огорчению Плеханова, только трое из двенадцати дали те ответы, на которые он рассчитывал. Остальные не были склонны считать, что российская революция может быть уподоблена французской образца 1789 г. Участие в ней рабочих и социалистические идеи, прибившиеся в

---

* Там же. Т. XV. С. 108, 151–154.

** Более подробное рассмотрение остальных вопросов, изложенных в данном разделе, см.: Baron S. H. Plekhanov: The Father...

*** См., напр., его статью «Наше положение» (ноябрь 1905 года): Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 339–344.

революции 1905 г., были слишком очевидны, чтобы смотреть на российскую революцию как исключительно на буржуазную. Однако респонденты полагали, что переворот в России не предвещал и социалистическую революцию, поскольку экономика и население страны были слишком отсталыми для организации социалистического производства*. В той или иной степени эти респонденты осознавали противоречие в самой сути русской революции, противоречие между ее главными движущими силами и социально-экономической отсталостью России, между желанием миновать буржуазную революцию и отсутствием в России предпосылок для установления социалистического строя.

Очень важным был ответ Каутского, но скорее комментарий к вопросу Плеханова, появившийся в форме статьи в двух номерах газеты Die Neue Zeit**. Основанный на глубоком изучении проблемы, ответ Каутского был самым развернутым, всеобъемлющим и взвешенным и представлял собой продуманный синтез, не последним достоинством которого явилось понимание роли случайности в революции и конечной непредсказуемости хода событий. С его точки зрения, эра буржуазной революции миновала, постольку буржуазия перестала быть революционным классом, когда (как это случилось в России) пролетариат начал выступать как независимая сила со своими собственными целями. Сейчас пролетариат являл собой революционный авангард, но так как он не был достаточно силен, чтобы в одиночку взять власть, российскую революцию нельзя было назвать и социалистической.

Однако Каутский считал «вполне возможным», что в ходе революции власть перейдет к социал-демократам и (хотя иго было менее вероятным) что они смогут ввести социалистическую систему производства. Необходимым условием для победы пролетариата являлась его поддержка крестьянством. По мнению Каутского, аграрный вопрос был самой острой проблемой для России, и только социалисты могли ее разрешить. Поддерживая экономические требования крестьян, социал-демократы

---

* Современная жизнь. 1906. № 11, 12.

** Движущие силы и перспективы русской революции // Die Neue Zeit. XXV. Bd. 1. № 8, 9. Цитаты будут приведены здесь по русскому переводу работы: Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., 1907.

могли бы заручиться их поддержкой, а затем и прийти к власти. Они должны быть готовы к этому, поскольку «нельзя успешно вести борьбу, заранее отказываясь от победы». Вместе с тем не нужно питать иллюзий относительно того, что свержение старого режима само по себе расчистит путь к социалистической организации производства. Парадокс состоит в том, что если революция завершится победой, то это будет способствовать появлению крестьянина, приверженца частной собственности, что станет мощным препятствием на пути пролетариата к достижению целей построения социализма. Однако, считал Каутский, ситуация была неустойчива, и в зависимости от таких неопределенных факторов, как продолжительность революции, ее воздействие на рабочее движение на Западе и влияние последнего на Россию, может появиться шанс, пусть и слабый, на быстрый переход к социализму.

Каутский кратко изложил свои взгляды в следующих словах: «Мы должны привыкнуть к мысли, что мы сталкиваемся с совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни одно из старых определений. Мы поступим наиболее правильно в отношении русской революции и задач, которые она ставит перед нами, если мы будем рассматривать ее не как буржуазную революцию в обычном смысле этого термина, а также не как социалистическую революцию, а как нечто совершенно новое, происходящее на границе между буржуазным и социалистическим обществом, способствующее уничтожению первого, подготавливая условия для второго и в любом случае давая мощный толчок прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации»*. Видение Каутским будущего имело много общего со взглядами Троцкого, изложенными в его брошюре «Результаты и перспективы». Однако оно было менее апокалиптическим и даже больше напоминало предвиденную Лениным диктатуру пролетариата и крестьянства. И поскольку сходство было очевидным, большевики быстро перевели и опубликовали статью Каутского с предисловием Ленина. Большевистский лидер торжествующе отметил, что Каутского не могли ввести в заблуждение «неумные вопросы» Плеханова. Хотя Ленин проигнорировал некоторые предостерегающие моменты в анализе Каутского, он не без основания ликовал, видя в нем самое блестящее подтверждение так-

* Там же. С. 32.

тики большевиков, революционного крыла русской социал-демократии. По иронии судьбы авторитет ведущего европейского теоретика марксизма был пущен в ход не в поддержку взглядов Плеханова (на что тот, безусловно, рассчитывал), но в поддержку его основного противника. Это явилось для Плеханова сокрушительным ударом.

Конечно же, Плеханов вынужден был ответить Каутскому, но его возражения оказались неубедительными, ибо содержали изрядную долю разглагольствований, догматизма и бездоказательных доводов*. В довершение всего ему не удалось противостоять Каутскому и опровергнуть его выводы, приведенные выше, что ставило под сомнение кардинальные положения самого Плеханова.

Революция 1905 г. продемонстрировала невозможность запрячь в одну повозку буржуазию и пролетариат с его классовым сознанием в «буржуазной» революции классического типа. Но за долгое время Плеханов настолько сжился со своей схемой, что оказался неспособным принимать во внимание другие возможности.

Он был уже не тем человеком, который вопреки видимым признакам распада крестьянской общины и зарождения капитализма когда-то отказался «от народничества в пользу марксизма, который когда-то доказывал, что общие законы движущих сил общества переплетаются и взаимодействуют в разных обществах по-разному, приводя к совершенно разным результатам. В отличие от Ленина и Троцкого, которые разглядели отличительные черты российской революции, Плеханов не принимал в расчет то, что было открыто в отношении движущих сил революции. Отвечая большинству лидеров международного социалистического движения во главе с Каутским, он изо дня в день говорил о низком уровне социально-экономического развития России, что, бесспорно, было вопросом огромной важности. Но в отличие от Ленина и Троцкого Плеханов смотрел на это обстоятельство односторонне, считая его самым решающим в определении ситуации.

Точнее, события 1905 г. вызвали у Плеханова необходимость внести некоторые изменения в его тактику и стать более сдержанным в суждениях. Органически Плеханов не мог не признавать революцию, в то же время он не хотел, чтобы его имя

---

* Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 295–302.

ассоциировалось с тем ее типом, который предвещали события 1905 г. При сложившихся обстоятельствах ему представлялось разумным агитировать рабочих участвовать в профсоюзах, кооперативах и выборных органах, а также поддерживать любые прогрессивные инициативы, исходившие от либералов*. Таким образом, при помощи социал-демократов пролетариат мог бы достигнуть лучшего осознания своего положения в обществе и найти оптимальные способы выдвижения своих требований. Он смог бы обрести подлинное классовое сознание — защиту от сомнительного участия в «бредовых» авантюрах. В качестве примера Плеханов указывал на немецкую социал-демократическую партию, не замечая (что впоследствии стало общепризнанным) того, что она использовала революционную риторику и осуждала реформизм, в действительности же проводя реформистскую политику. После 1905 г. Плеханов провозгласил аналогичную тактику, упорно считая, что она составляла наиболее действенную революционную линию.

1917 г. и после. Хотя это, конечно же, спорное суждение, но можно предположить, что если бы не разразилась война, то революция и тем более переворот 1917 г. вряд ли бы могли произойти**. Для создания первой революционной ситуа-

---

* Baron S. H. Plekhanov: The Father... P. 270—271, 281.

** Все «за» и «против» в вопросе, была ли уготована России другая революция после 1905 г., рассматриваются в сборнике Russia in Transition: 1905—1914 (R. McNeal ed. N. Y., 1970). Конечно же, мы не можем привести здесь полный список литературы по данной проблеме и упомянем лишь несколько репрезентативных работ. Л. Хеймсон утверждал, что революция стояла на повестке дня независимо от войны. См.: Haimson L. The Problem of Social Stability in Unban Russia. Part 1 // Slavic Review. XXIII. № 4 (December, 1964); Part. 2. Ibid. XXIV. № 1 (March, 1965). X. Роджер после анализа политической, социальной и культурной ситуации в 1914 г. фактически приходит к заключению, что этот вопрос остается открытым. См.: Rogger H. Russia in 1914 // Journal of Contemporary History. I. № 4 (October, 1966). Социолог Теда Скокпол в работе State and Social Revolution. A Comparative Analysis of France, Russia and China (N. Y., 1979) убедительно продемонстрировала роль войны в ускорении революции. А. Кимбалл указывает, что, хотя видный историк И. И. Минц и отрицает решающую роль войны в наступлении революции 1917 г., всем ходом своих рассуждений он демонстрирует обратное. См.: Kimball A. Mintz and the Representation of Russian Reality // Slavic Review. XXXV. № 4. (1976). Между прочим, в сентябре 1915 г. Плеханов высказал мнение, что Ленин ухватился за войну как за единственный способ достичь своих целей. «Если бы не разразилась война... то он, возможно, был

ции и свержения царского режима потребовалась всеобщая разруха, вызванная мировой войной, приведшая к крайнему обострению недовольства рабочих и крестьян, и скопление в столице и вокруг нее огромного числа новобранцев, которые не желали, чтобы правительство использовало их как пушечное мясо. Тем, кто сейчас сокрушается по поводу того, что с революцией не покончили сразу же, следует напомнить об обстоятельствах того времени, крайне неблагоприятных для такого решения*.

Появление в феврале 1917 г. не только умеренно-либерального Временного правительства, но и Советов рабочих и солдатских депутатов (а вскоре возникли и крестьянские Советы) указывало на то, что революция может выйти, а возможно, уже вышла за рамки буржуазной. Однако умеренные социалисты, которые в течение полугода составляли большинство в Советах, все еще находились под влиянием двухэтапной программы Плеханова, остро сознавая отсталость России; в силу этого они стремились предотвратить последующий поступательный ход революции. Если бы только они более чутко реагировали на требования солдат и крестьян, если бы только они вывели Россию из войны и благословили бы процесс захвата земли, набирающий силу в сельской местности, они могли бы победить. Однако они предпочли поступить по-другому и были сметены большевиками, которые обещали мир, землю и хлеб. Гений Ленина проявился в провоцировании всех сил, среди которых наблюдались волнения и недовольство, и в умении пристегнуть их к своей революционной упряжке. Его руководство было необходимым, как утверждал вместе с другими Троцкий, но не следует забывать, что, настаивая на переходе от одной революции к другой, он отказался от идеи диктатуры пролетариата и крестьянства, которую разработал в 1905 г., и факти-

---

бы обречен и исключен из Социалистического Интернационала» ввиду его «подрывной роли в русском рабочем движении» и, вероятно, потерпел бы политический крах. См. письмо Плеханова Алексинскому (документ № 5) в кн.: Baron S. H. Plekhanov in War and Revolution 1914—1917 // International Review of Social History (Amsterdam) XXVI (1981). Part. 3.

* Интересные рассуждения об альтернативах в 1917 г. встречаются в работе П. В. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» (М., 1987. Гл. III). См. также: Россия, 1917 год: выбор исторического пути / отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1989.

чески воплотил теорию перманентной революции, выдвинутую Троцким в 1906 г.

Находясь значительно правее умеренных социалистов в 1917 г., Плеханов имел еще меньше шансов на успех, чем они. Он так горячо поддерживал войну, что царское правительство посчитало уместным тайно профинансировать публикацию и широкое распространение одной из его статей, которая обосновывала его оборончество*; он выступал в том же духе после возвращения в Россию в конце марта 1917 г. Хотя Плеханова и встретили как героя, вскоре стало очевидно, что его политическая повестка дня, в которой приоритет был отдан победе над Германией, не соответствовала настроению революционного Петрограда. Плеханову не удалось обеспечить себе сколько-нибудь значительного положения ни в Исполнительном комитете Советов, ни во Временном правительстве. Беспрестанно призывая к сдержанности взбунтовавшихся рабочих, солдат и крестьян, которые желали свести счеты со своими хозяевами, и яростно критикуя умеренных социалистов даже за те полумеры, предпринятые ими для успокоения масс, Плеханов быстро утрачивал свое влияние**. Он снова, как и в 1905–1906 гг., сурово критиковал Ленина, но наряду со старыми аргументами им выдвигались и новые. Плеханов заклеймил ленинские «Апрельские тезисы», назвав их «бредом», и поскольку ленинская программа, казалось, не принимала в расчет всех тех ограничений, которые навязывал уровень экономического развития России, он осудил ее как отрицание марксизма и возврат к утопическому социализму раннего периода. Неоднократно он напоминал публике об изречении Маркса о том, что ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора; и о предупреждении Энгельса о катастрофических последствиях преждевременного захвата власти***. И все же на своем смертном одре он, кажется, наконец, понял, насколько его собственные усилия способствовали большевистской революции, которую он находил такой отвратительной. Он постоянно задавал

---

* Цехновитер О. Литература и мировая война 1914–1918. М., 1938. С. 214–217.

** Труды Плеханова в период между возвращением в Россию и его смертью вошли в сборник «Год на родине» (Т. 1–2. Париж, 1921).

*** Год на родине. Т. 1. С. 19–29.

своему другу Льву Дейчу мучивший его вопрос: «Не принялись ли мы за пропаганду марксизма слишком рано в отсталой полуазиатской России?»[*] Плеханов был повержен в 1917 г., но что же увенчалось триумфом и как это произошло? Большевики во главе с Лениным и Троцким взяли власть, и этот захват власти они провозгласили социалистической революцией. Многие политически активные пролетарии, несомненно, разделяли эту точку зрения, хотя Союз железнодорожных рабочих, со своей стороны, выступили против большевистской монополии на власть и грозил забастовкой, если не будет сформировано общесоциалистическое правительство[**]. Что касается крестьян, то они уже провели распределение земли насильственным путем, что было одобрено большевиками. Однако большевистский лозунг «Земля крестьянам!» противоречил аграрному пункту программы их партии. В 1917 г. Ленин фактически присвоил аграрную программу своих политических соперников социал-революционеров, чтобы нацелить большевиков на выполнение самых неотложных требований крестьянства[***].

Аграрная революция 1917 г. объективно явилась буржуазной революцией в том смысле, что в ее результате были конфискованы поместья крупных землевладельцев, государства и Церкви. Она превратила массы безземельных сельских жителей в собственников, и эти мелкие собственники стали более крепкими хозяевами, чем прежние[****]. 1917 и 1918 гг. действительно явились временем быстрого возрождения традиционной общины, которую крестьяне приветствовали, поскольку видели в ней некий способ дележа конфискованных земель. Желания крестьян были несколько противоречивы: с одной стороны, они хотели иметь собственные наделы, с другой — ту защиту от эксплуатации (связанную с частной собственностью на землю),

---

[*] Цит. по: Кускова Е. Давнее минувшее // Новый журнал. LIV (1958).

[**] Однако усилия профсоюза потерпели крах, и забастовка не состоялась. См.: Rabinowich A. The Bolsheviks Come to Power. N. Y., 1976. P. 308–310.

[***] В 1980-е гг. была опубликована очень серьезная работа: Kingston-Mann E. Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. N. Y., 1983. См. также: Keep J. L. H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. L., 1976. Ch. 28.

[****] Ленин сам писал в 1905 г.: «Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространенный лозунг крестьянской массы... — буржуазен» (Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 102).

которую, как они полагали, могла обеспечить коммуна, ориентированная на эгалитаризм*. Такая аграрная революция имела мало или вообще ничего общего с ленинской концепцией социализма. Как революционное правительство, приверженное идее социализма, справится с преимущественно крестьянским населением, главным образом занимавшимся семейным фермерством внутри коммуны, явилось головоломкой, которую советскому режиму придется решать снова и снова.

В 1880—1890-х гг. Плеханов выдвинул идею о том, что ниспровержение самодержавия может явиться детонатором социалистической революции на Западе; а, в свою очередь, развитие событий на Западе способно ускорить переход к социализму в России. Несложно понять, учитывая его точку зрения в 1905 и 1917 гг., почему он не настаивал на этой мысли в эти годы**. Однако в 1917 г. и Ленин, и Троцкий очень рассчитывали именно на такой ход событий как на возможность чем-то компенсировать социально-экономическую отсталость России и устранить проблему, которую она представляла для социалистической революции***. Они не могли вообразить, что социалистическое правительство в отсталой России способно выжить и, более того, продолжать строить социалистический правопорядок. Тем не менее они предпочли взять власть, отчаянно на-

---

* Atkinson D. The End of the Land Commune 1905—1930. Stanford, 1983. Ch. 10.

** Однако следует добавить, что сразу же после Октябрьской революции в своем письме петроградским рабочим, цитированном выше, Плеханов утверждал, что ожидать социальную революцию в Германии было крайне нереалистично.

*** В своем прощальном письме швейцарским рабочим, написанном в марте 1917 г., Ленин заметил: «Россия — крестьянская страна, однако из самых отсталых европейских стран» (Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 91). Необходимость социалистической революции в Европе для компенсации отсталости России была неотъемлемой частью теории перманентной революции Троцкого. Эта мысль часто встречалась в трудах Ленина в 1917 и 1918 гг. В работе, которую Ленин написал в марте 1918 г. и которая была опубликована значительно позднее, он открыто изложил свои соображения: «Если бы социалистическая революция победила одновременно во всем мире, если, по крайней мере, в целом ряде передовых стран, то задача привлечения к процессу новой организации производства лучших специалистов — техников из руководителей старого капитализма была бы чрезвычайно облегчена» (Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 139).

деясь на то, что их революция послужит катализатором революции в Западной Европе. Пролетариат в Германии и других странах, воодушевленный примером России, свергнет господство национальной буржуазии, и тогда Советская Россия сможет рассчитывать на помощь вновь появившихся социалистических режимов, что как-то нейтрализует отсталость России и даст ей возможность создать социалистическое общество. В этой игре ставки большевиков были высоки — и они проиграли. И тогда проблема социалистического правительства, которое столкнулось по большей части с несоциалистическим или даже антисоциалистическим населением, стала еще острее.

После Гражданской войны для того, чтобы восстановить сельскохозяйственное производство, которое катастрофически упало в ответ на регламентацию, навязанную «военным коммунизмом», Ленин почувствовал необходимость отступить, пойти на уступки крестьянам, передав им контроль над собственным производством и распределением продукции. Позже Сталин пошел в наступление, учинив разгул насилия, чтобы навязать деревне коллективизацию сельского хозяйства. Эта контрреволюционная мера свела к нулю все то, что в глазах крестьянства являлось историческим достижением 1917 г. Эти постреволюционные процессы не могут не напомнить нам об анализе Плеханова и опровержении им программы народников, о которой мы упоминали ранее. Уступка Ленина крестьянству представляла собой императив партии (которая взяла власть в результате революции, широко поддерживаемой крестьянами) принять программу, созвучную их интересам; революция Сталина явилась деспотическим насаждением (вопреки воле населения) программы, вытекающей из «негибкого» восприятия идеологии. То, что недавно многими считалось источником советского кризиса, — так называемая командно-административная система, — есть не что иное, как все тот же тоталитарный порядок, введенный Сталиным как необходимость на решающем этапе его принудительного марша к «светлому социалистическому будущему»*.

---

* Не будет лишним вспомнить здесь заявление Ленина, сделанное в 1905 г.: «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам» (Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 16). К сожалению, сам он не всегда следовал этой заповеди.

Как оказывается, не существует простого ответа на вопрос: была ли альтернатива Плеханова лучше, чем путь Ленина? На этот вопрос нельзя ответить абстрактно, а только ссылаясь на конкретные исторические обстоятельства. В конечном итоге, т. е. с точки зрения нынешнего дня, альтернатива Плеханова может показаться предпочтительнее*. Но путь, продолженный им, не был по-настоящему возможен, не был жизненным в бурной революционной ситуации 1917 г. На политической арене Плеханов был повержен Лениным и Троцким — людьми с исключительной политической интуицией, тонко понимавшими страсти, которые правят людьми, расстановку сил и исключительное значение выбора момента в революционных расчетах. В отличие от Плеханова они поняли, что было невозможно запрячь в одну повозку пролетариат, обладающий классовой сознательностью, и буржуазию в «буржуазной» революции западноевропейского типа, характерной для предыдущего периода. Со своей стороны, Плеханов был не менее уверен в том, что объединить пролетариат с «отсталым» крестьянством в истинно социалистической революции будет невозможно. Он считал, что нельзя, нарушая законы истории, игнорируя жизненно важные социально-экономические предпосылки, поступая произвольно, вопреки детерминизму, построить достойное социалистическое общество. Каждая из сторон восприняла лишь часть правды, и никто — всю правду. Это еще раз указывает на необходимость, которую не всегда должным образом понимают, различать как отдельные процессы — свершение революции и построение нового желаемого общества. Как неоднократно показывала история, успех в первом случае ни в коей мере не гарантирует успеха во втором.

Похоже, что в России по иронии судьбы успешная революция создала непреодолимые препятствия для успешного построения нового общества. Трудно найти другое великое историческое событие, которое несло бы в себе больше противоречий, чем российская революция 1917 г.

---

* В этой связи стоит вспомнить все плехановские идеи, которые, безусловно, имеют отношение к призывам времен перестройки к «демократическому, гуманному социализму»: «Суббота была создана для человека, а не человек для субботы»; и приведенный им в зрелые годы жизни кантианский афоризм о том, что каждый человек — это цель, а не средство. Впервые эта мысль была высказана Плехановым в книге «О войне» (Париж, 1914. С. 39—41).

3. Философия культуры Плеханова

А. К. Тхакушинов

Гуманизм литературы и социология культуры: от Плеханова к Веберу*

Ситуация в постсоветской социологии и социальной философии характеризуется попытками осмысления и освоения запретного ранее «буржуазного» интеллектуального опыта. Однако тенденция к вестернизации в области социальных наук должна перевоплотиться не в механическое перенесение зарубежных наработок в отечественное обществознание, а в традиционную форму развития общественных наук — критическое сопоставление все еще привычных парадигм экономического детерминизма и того необъятного моря идей, которое предлагает западная наука. Только в этом случае переход к новому качеству отечественных исследований будет естествен, а сведение счетов с прошлым научно добросовестным. Очевидно, что подобная работа потребует достаточно много времени и под силу лишь сообществу ученых. Собственно говоря, это и явится результатом модернизации в области отечественных социальных наук.

В небольшой статье нет возможности сколько-нибудь подробно остановиться на этих «общих» проблемах. Целью данной работы является попытка осво-

---

* Впервые: Наука, религия, гуманизм / Росс. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 1996. С. 174–182.

ения лишь относительно узкого предмета — соотношения некоторых подходов Г. В. Плеханова и М. Вебера к исследованиям литературы и в общем плане культуры. Разумеется, нас интересуют не столько конкретные названные персонажи, сколько те течения философско-социологической мысли, которые они представляют, — марксизм и понимающую социологию. Эвристическая роль сравнительного анализа данных направлений в философии и социологии представляется плодотворной.

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) известен как виднейший российский мыслитель-марксист, философско-социологическая деятельность которого привлекла внимание Ф. Энгельса*, была высоко оценена В. И. Лениным** и другими, менее заметными марксистами. Однако ортодоксальность марксистских воззрений Г. Плеханова развела его с «вождем мирового пролетариата», который усовершенствовал марксизм, превратив его в марксизм-ленинизм или, как писали коммунистические учебники, — в «марксизм эпохи империализма». Данное обстоятельство позволяет считать Г. Плеханова более «чистым», т. е. более типичным марксистом, чем В. И. Ленин, хотя воззрения обоих на литературу и искусство во многом близки.

Взгляды Ленина в интересующем нас аспекте изложены в основном в его статье «Партийная организация и партийная литература», написанной в стиле «агитпропа» и хорошо знакомой многим поколениям советских школьников. Г. Плеханов оставил серьезное литературно-критическое наследие, насыщенное некоторыми любопытными и сегодня идеями. Г. Плеханов был русским (российским) марксистом, много писал о России, о российской литературе и культуре. Все вместе взятое определило выбор творчества Г. Плеханова как предмета для сравнительного анализа.

Макс Вебер (1864—1920) — «Маркс буржуазного мира», немецкий социолог, социальный философ и историк, основоположник понимающей социологии и теории социального действия. Его социология оказала решающее влияние на всю западную социологию XX в. Творческое наследие М. Вебера

---

* См. переписку Ф. Энгельса с членами группы «Освобождение труда» в книге: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 309, 310, 314, 325.

** См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 21. С. 69.

стало активно осваиваться учеными бывшего СССР после декларации перестройки (1985) и еще более активно в постперестросчное время (после августа 1991). Произошел своеобразный веберовский ренессанс.

Основные работы М. Вебера, как, впрочем, и Г. Плеханова, посвящены достаточно общим социально-философским и другим проблемам. Однако особенность социологии М. Вебера заключается в том, что она может быть понята как «наука о культуре» и одновременно как общая социология, лежащая в основе возможных социологических направлений. Иными словами, социология М. Вебера имеет универсальное методологическое значение.

Марксизм также придавал своей методологии универсальное значение. Примером применения марксистской методологии к социологическому анализу литературы служит литературно-критическое наследие Г. Плеханова.

Следует уточнить, что ни Г. Плеханов, ни М. Вебер не были социологами литературы в современном значении этих слов, т. е. они не занимались эмпирическими исследованиями литературного процесса и факторов, влияющих на него. Их творчество в области осмысления литературы, искусства, культуры в целом можно обозначить скорее как толкование текстов, применение социологического метода к литературоведению (у Г. Плеханова) и культуроведению (у М. Вебера).

Различия между методами Г. Плеханова и М. Вебера носят принципиальный характер. Первое фундаментальное расхождение — отношение к «тотальностям». С точки зрения М. Вебера, ни общество в целом, ни другие коллективные формы общностей (класс, нация, народ и т. п.) в социологическом смысле не могут рассматриваться как субъекты действия. По М. Веберу, субъектом действия может быть только индивид. Это объясняется тем, что лишь индивид имеет более или менее четкую смысловую ориентацию, т. е. лишь индивид вкладывает в свое действие смысл, связывает действие со смыслом. Приписывать субъективный смысл действиям «тотальностей» («целостностей»), согласно Веберу, социолог не имеет права. Действие индивида является социальным постольку, поскольку оно ориентировано на другого индивида (группу индивидов). М. Вебер пишет: «Если на улице множество людей одновременно раскрывают зонты, когда начинается дождь, то при этом (как правило) действие одного не ориентировано на другого, а действие в равной мере вызвано

потребностью предохраниться от дождя»*. То есть действие индивида, не ориентированное на другого, не является, по Веберу, социальным. Таким образом, одна из главных особенностей веберовской методологии заключается в методологическом индивидуализме. Г. В. Плеханов, напротив, является энергичным сторонником и пропагандистом идеи, согласно которой «тотальности» обладают субъективным смыслом. Плеханов видит общество и анализирует его «с точки зрения передового класса», классовой борьбы, смены общественно-экономических формаций, других «закономерностей» и постулатов марксизма.

Ортодоксальность Плеханова-марксиста в полной мере проявилась в его анализе литературы и искусства. Показательным является, например, введение им в литературоведение понятия «ложной идеи». «Когда ложная идея, — пишет Плеханов, — кладется в основу художественного произведения, она вносит в него такие противоречия, от которых неизбежно страдает его экзотическое достоинство»**, «...ложная идея не может не вредить художественному произведению, так как она вносит ложь в психологию действующих лиц»***.

Таким образом, Г. Плеханов резервирует за марксистской социологией право литературы определять «ложность» либо «истинность» художественной идеи. «Высшая мудрость» — марксизм, и ее толкователи еще до Октябрьского переворота (1917 г.) определили тем самым «теоретические» предпосылки цензуры и такой организации литературного дела в социологическом лагере, которая позволяла заниматься литературой лишь коммунистически мыслящим людям, лишь тем, кто был готов к серьезным творческим компромиссам. Коммунизм для Плеханова был не только теорией, но и базовой аксиологической системой, с позиций которой он оценивал литературу и искусство. Ценностно-телеологические и эсхатологические критерии анализа литературы с позиций марксизма лежат в основе социологии литературы Г. Плеханова. Действиям народов, классов, другим формам «тотальностей» придается единый для соответствующих «целостно-

---

* Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Wissenshaftslehre. Tubingen, 1951. S. 549.

** Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С. 163.

*** Там же. С. 171.

стей» субъективный смысл; социология литературы и культуры в целом приобретает ярко выраженный нормативный характер.

Социология М. Вебера не только отрицает «тотальности» в плане единого для них коллективного субъективного смысла, но и провозглашает в качестве критерия научной социологии ее свободу от ценностей. С точки зрения М. Вебера, наука о культуре должна быть свободна от оценочных суждений. Ученый имеет право на культурно-художественные пристрастия и субъективные оценки вне пределов социологии, т. е. как частное лицо. Однако Вебер вводит категорию «отнесение к ценности», связывая с ней понимание «общих правил событий» и «интерес эпохи». По поводу этой категории в вебероведческой литературе нет единства точек зрения; анализируется веберовская антиномия: «свобода от ценностей» — «отнесение к ценности». Тема нашей статьи позволяет нам уклониться от анализа данной антиномии и констатировать главное: социология культуры Вебера далека от конструирования какой-либо иерархии ценностей и направлена на понимание того, что можно «отнести к ценности» в качестве правила событий. Задача социологии, по М. Веберу, как раз и состоит в установлении общих правил событий, безотносительно к их времени и месту. Его интересуют не общеисторические «закономерности», а типические в культуре. Если для Плеханова литература — процесс идеологический, то для Вебера — культурный. Масштаб анализа у Вебера более широк, чем у Плеханова, и он задается не «точкой зрения класса» и его идеалов, а чисто научными потребностями социологии. Плеханов разделяет литературу (и культуру в целом) на прогрессивную и реакционную; Вебер сознательно уходит от подобных оценок, хотя также приходит к выводу о двух основных типах обществ — традиционном и рациональном. «Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре, — пишет М. Вебер, — состоит не в том, что мы считаем определенную — или вообще какую бы то ни было — "культуру" ценной, а в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл»*. С точки

* Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 379.

зрения Г. Плеханова, «объективная критика... оказывается публицистической именно постольку, поскольку она является истинно научной»*. «Истинно научной» разумеется марксистская критика. Вебер вообще сторонится критических оценок, но стремится понять субъективные мотивы действия индивида в определенной культурной среде. Таким образом, можно сказать, что Г. Плеханов сознательно идеологизирует социологическое литературоведение, в то время как М. Вебер пытается уяснить, какую роль играет идеология, в том числе и религиозная, в формировании определенного типа культуры.

Подобное расхождение во взглядах объясняется еще одним основополагающим различием между марксизмом и понимающей социологией, лежащим в сфере отношения к онтологии духовной жизни обществ различного типа.

С точки зрения М. Вебера, экономическое обоснование (детерминизм) эволюции содержания и форм духовной жизни неприемлемо. В частности, в «Протестантской этике и духе капитализма» он показал, что именно изменение религиозной этики (появление протестантизма) сыграло решающую роль в установлении господства принципа рациональности и, в частности, в становлении капитализма.

У Плеханова как у типичного марксиста религия, искусство, литература и другие формы духовной жизни вторичны по отношению к экономическому базису, производны от него. И хотя Ф. Энгельс в последние годы жизни признал обратное влияние «надстройки» на «базис», у него и у его ортодоксальных последователей это признание так и осталось во многом формальным. Никто так и не смог социологически корректно объяснить этот механизм «обратного влияния». Между тем вся социология литературы у Плеханова построена на постулате «производности» литературы от экономического базиса. Противоречие между «реакционным» (дворянским) происхождением многих русских писателей и их прогрессивным творчеством Г. Плеханов решает достаточно просто. Оказывается, они стали прогрессивными постольку, поскольку на них оказали влияние «простые» люди: крепостные крестьяне, дворня, слуги и др. Плеханов пишет, что «русская крещеная собственность... не оставалась без того или другого более или менее полезного разностороннего влияния на “благородное сословие”, это не-

* Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. I. С. 174.

трудно признать априори, и это подтверждается целым рядом общеизвестных фактов. Кто не знает, например, что Пушкин учился русскому языку у своей крепостной нянюшки, знаменитой теперь Арины Родионовны?»* Следуя этой логике, можно прийти к абсурдному выводу: прогрессивность литературы зависит от степени инкорпорации автора произведения в низшие социальные слои, от опрощения литератора.

Подобного Г. Плеханов прямо не утверждает. Однако его классификация литераторов, а также резко критическое отношение к так называемому чистому искусству позволяет предполагать, что влияние вышеобозначенной логики было достаточно ощутимым. Прямо говоря о том, что литература является формой общественной мысли, Г. Плеханов рассматривал главным критерием социологического анализа литературы «общественную пользу». Когда Плеханов еще не был марксистом, а был народником, то, например, в статье «Об чем спор?» (1878) он резко осуждал писателя Г. Успенского за антипочвеннические настроения, за критику устоев патриархальной деревенской жизни. Став марксистом, Плеханов в статье «Наши беллетристы-народники» (1888) меняет свои взгляды на прямо противоположные и одобряет скептическое отношение Г. Успенского к почвенничеству. В упомянутой статье, как и большинстве других, Г. Плеханов меньше всего пишет собственно о литературе как процессе творения, как виде искусства, но пространно рассуждает об экономике, политике пореформенного периода, разночинцах-демократах и т. п. В особую заслугу Г. Успенскому Плеханов ставит точность и глубину наблюдений над «народной жизнью» и пишет о том, что «никакие специальные исследования не могут»** превзойти точность эмпирических наблюдений автора. Вряд ли можно оправдать подобное принижение роли «специальных исследований» полемическим задором и марксистским пафосом. Более вероятно предположение того, что Г. Плеханова уже тогда больше волновало «торжество» марксистских идей, нежели собственно литература. Складывается впечатление, что социология ли-

---

* Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право // Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. I. С. 201.

** Буров Б. И. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова //Там же. С. 33.

тературы Г. Плеханова является для него формой пропаганды марксизма, а не формой анализа литературного процесса.

Выступая против излишней идеологизации литературы и искусства, И. С. Тургенев как-то заметил, что «Венера Милосская несомненнее принципов 1789 года»*. Однако Г. Плеханов нс согласен и считает, что «Венера Милосская есть такой идеал женской наружности», который соответствует «многим фазам» утверждения буржуазного порядка»**. Для Плеханова нет надклассовых ценностей, как нет и немарксистских критериев анализа литературы и искусства. Подобный подход к художественному творчеству получил впоследствии в коммунистических странах законодательное оформление. Свобода творчества почти перестала существовать.

Предчувствуя подобное развитие событий, Г. Плеханов писал: «Музы художников... стали бы, сделавшись государственными музами, обнаруживать самые очевидные признаки упадка и чрезвычайно много утратили бы в своей правдивости, силе и привлекательности»***.

Однако в обществе, продекламировавшем марксизм в качестве господствующей идеологии, музы не могли бы стать негосударственными.

Тем не менее далеко не вся официальная литература коммунистического периода обнаружила «очевидные признаки упадка». Можно назвать достаточно большое количество авторов, талантливые произведения которых написаны и изданы при социализме. Представляется, что данный парадокс объясним с позиций веберовской понимающей социологии, которая оперирует понятием социального, т. е. «ориентированного на другого» действия в контексте методологического индивидуализма. Такое объяснение возможно, если предположить, что субъективный смысл социального действия литератора содержательно определяется интериоризацией коммунистической идеологии. Для таких авторов свобода творчества была возможна и при социализме. Именно поэтому, говоря о невозможности творчества в условиях социализма, мы употребили слово «почти».

---

* Буров Б. И. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова. С. 33.

** Там же. С. 34.

*** Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С. 149.

Этот достаточно смелый вывод позволяет избежать не вполне корректных объяснений того, как многим литераторам удавалось создавать талантливые произведения в условиях тоталитаризма. Обычно это объясняют какой-то особой «изворотливостью» авторов. Представляется, что главное в другом — в искренней преданности определенного количества художников коммунизму, субъективной «коммунистической» ориентации на другого. Хотя, разумеется, очень многим литераторам приходилось искать творческие, весьма болезненные компромиссы только для того, чтобы сохранить возможность творить.

Лучшие произведения, написанные в годы социализма, раскрывали субъективный смысл личностей, а не «тотальностей». Чаще всего он оказывался достаточно противоречивым и не всегда определялся социальной принадлежностью героев и логикой классовой борьбы. Традиция реализма в российской литературе оказалась прерванной. Однако гуманистическая направленность литературы была сильно поколеблена оправданием любых средств для достижения коммунистических целей, приоритетом общественного над личным и т. п.

Сопоставляя некоторые методологические подходы понимающей социологии М. Вебера и марксизма в лице Г. Плеханова к анализу литературы и культуры, неизбежно приходишь к выводу о гораздо более высокой степени гуманистичности понимающей социологии, нежели марксизма, при всем его «абстрактном сочувствии к угнетенным классам». Для М. Вебера задача формулируется как необходимость понимания социологического содержания субъективного смысла действия, понимания мотивов действия, у Плеханова — как понимание объективного смысла истории, объективных закономерностей. Более того, следуя заветам К. Маркса о необходимости «изменения мира», Г. Плеханов прямо заявляет о том, что литература должна быть средством такого изменения. Методологическая верность «тотальностям» нашла логическое завершение в тоталитаризме, понимающая социология М. Вебера — в современной социологии литературы, социологии вообще, для которой характерно повышенное внимание к индивиду, субъективному смыслу, рациональности, традиционности и т. д. «...Задачей эмпирической науки,— писал М. Вебер,— не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практиче-

ской деятельности»*. Перефразируя М. Вебера, можно сказать, что задачей литературоведения, как и культуроведения, не может быть навязывание идеалов и норм какому бы то ни было творчеству. Следование этому принципу означает признание свободы творчества на деле, гуманизацию литературы и искусства.

* Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познании. С. 347.

М. В. Давыденко

Проблема критериев художественности в философско-эстетической концепции Г. В. Плеханова*

Плеханов – мыслитель, оставивший богатейшее философско-эстетическое наследие, которое и сегодня не утратило своей актуальности. Плеханова принято считать основоположником марксистской эстетики и литературоведения в России**. В то же время некоторые авторы полагают, что статьи указанного мыслителя являются очень важным, но все же неполным применением марксистского метода к изучению художественного творчества. Так, по мнению М. А. Лифшица, следует скорее говорить о применении Плехановым теории исторического материализма к проблемам искусства***. В своих трудах, посвященных проблемам эстетики, Плеханов исследовал вопросы происхождения и социальной обусловленности искус-

---

* Впервые: Вестник алтайской науки. Вып. 1: Культура. Барнаул, 2005. С. 100–105.

** Волк С. С. Г. В. Плеханов и начало марксистской эстетики и литературной критики в России // Плеханов Г. В. История в слове. М., 1988. С. 9.

*** Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. М., 1983. С. 66.

ства, общественной значимости художественного творчества. Важное место в теоретическом наследии мыслителя занимает вопрос о художественной ценности произведений искусства, критериях художественности. В настоящее время, когда в художественной критике преобладает принцип релятивизма, а границы художественного весьма широки и расплывчаты, представляется актуальным рассмотрение вопроса о критериях художественной ценности. Значение подхода Г. В. Плеханова к данной проблеме заключается, на наш взгляд, в следующем: во-первых, в основу изучения художественности искусства им положен принцип историзма, учитывающий художественное своеобразие различных культурных эпох, во-вторых, рассмотрена диалектика относительных и абсолютных критериев художественности.

Рассматривая историографию изучения эстетического наследия Г. В. Плеханова, следует отметить, что еще при жизни мыслителя его произведения возбуждали горячие споры, подвергались различным толкованиям и оценкам. По мнению исследователя В. Г. Астахова, посвятившего свою работу исследованию литературно-эстетических взглядов Плеханова в советской критике, уже в досоветский период расхождения по отношению к наследию Плеханова оставались весьма значительными*. Автор выделяет несколько периодов в развитии оценки эстетической системы мыслителя. В частности, он называет 20-е гг. XX в. периодом «плехановской ортодоксии», т. е. особого интереса, внимания к трудам Плеханова, превознесения его заслуг**. В. Г. Астахов, однако, отмечает, что литературу данного периода невозможно вместить в рамки какой-либо одной идейно-теоретической традиции. По его мнению, в советской критике 20-х гг. существовало три установки. К первому направлению автор относит произведения большевиков-ленинцев (М. И. Калинина, А. В. Луначарского, Н. А. Семашко и др.), которые отталкивались от ленинских характеристик политической деятельности и теоретических трудов Плеханова, проводили строгое различие между революционно-марксистским (1883—1903) и меньшевистским (1904—1918) периодами его деятельности. Отдавая должное заслугам Плеханова перед ре-

* Астахов В. Г. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова в советской критике. Душанбе, 1973. С. 3.

** Там же. С. 27.

волюционной борьбой рабочего класса, они вместе с тем указывали на его ошибки и заблуждения. Так, А. В. Луначарский относил заслуги мыслителя к объяснению социального генезиса искусства и социальной природы отдельных художественных явлений, коренной же методологический порок всей его эстетической теории он усматривал в ориентации на объяснение художественных явлений при равнодушии к требованиям их марксистской оценки*. Две другие тенденции в советской критике 20-х гг. В. Г. Астахов определил как апологетическую (в роли первых апологетов Плеханова выступили меньшевики Н. Иорданский, Л. Дейч и др.) и ниспровергательскую (Ф. Шмидт, Н. И. Покровский).

Что касается критики 30-х гг., то здесь, как указывает автор, по отношению к Плеханову возобладала односторонне-отрицательная ориентация в оценке, убеждение, что в наследии мыслителя не существует каких-либо положительных элементов, поскольку он руководствовался соображениями и установками, не совместимыми с марксизмом (этой точки зрения придерживались Ю. Либединский, Л. Авербах, М. Храпченко). Свою роль сыграло и постановление И. В. Сталина от 21 января 1931 г., задавшее тон последующим критическим отзывам**. Выводы В. Г. Астахова о направленности критики наследия Плеханова 30-х гг. подтверждает изучение работы М. М. Розенталя «Вопросы эстетики Плеханова», изданной в 1939 г. М. М. Розенталь подробно анализирует теоретические работы мыслителя об искусстве, а также его литературно-критические статьи. По мнению автора, ценность эстетических трудов Г. В. Плеханова состоит в обосновании им материалистического понимания истории искусства, ее зависимости от состояния производительных сил и производственных отношений. Недостатком же теоретических построений Плеханова автор считает его непоследовательность в отстаивании марксистских позиций. Исследователем подмечена противоречивость взглядов Плеханова на проблему критериев художественности, несоответствие избранного им метода содержанию его литературно-критических статей. При этом автор отмечает: «...Ошибочное решение Плехановым вопроса об эстетических

---

* Астахов В. Г. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова в советской критике. С. 75.

** Там же. С. 5.

критериях имеет своим теоретическим источником немарксистское понимание»*. Таким образом, при всех достоинствах исследования М. М. Розенталя его подход является, на наш взгляд, слишком идеологизированным.

Следует отметить, что в упоминаемой нами работе В. Г. Астахова делается попытка проанализировать причины расхождения советских исследователей в оценках эстетического наследия Г. В. Плеханова. В. Г. Астахов указывает на несомненную их зависимость от политических вопросов, остро стоявших в 20–30-е гг., от идейно-политических ориентаций. При этом автор отмечает, что все оценки — и хвалебные, и отрицательные — излагались в манере самой категорической самоуверенности и преподносились в виде непогрешимого научного понимания. Однако, несмотря на это, сам В. Г. Астахов демонстрирует предвзятость в собственных оценках. Он указывает в своей работе, что после 1950-х гг. исследования, посвященные эстетике Г. В. Плеханова, носят объективный научный характер, поскольку опираются на ленинскую оценку как на безусловно взвешенную и глубокую. Это было связано с тем, что в 1956 г. связи со 100-летием со дня рождения Плеханова решением ЦК КПСС была официально восстановлена ленинская оценка теоретического наследия последнего. Автор пишет, что «...взятые в совокупности отзывы Ленина составляют единственно верную научную основу для понимания и определения действительного места и значения Плеханова в развитии философской мысли»**. Опираясь на ленинскую методологию, Астахов делает вывод, что эстетическое наследие Плеханова имеет теоретическую ценность в ограниченном смысле — до перехода последнего на позиции меньшевизма***. В результате оценка В. Г. Астахова, по сути, повторяет выводы, сделанные в 1939 г. М. М. Розенталем.

В 1956 г. в журнале «Вопросы философии» вышла статья В. Р. Щербиной, посвященная эстетическим взглядам Плеханова. Автор подчеркивает, что заслугой мыслителя стала пропаганда марксисткой эстетики в России. Однако, по ее словам, все лучшее, что было написано Плехановым по данной проблеме, относится к периоду 1883–1903 гг., до его поворота к

---

* Розенталь М. М. Вопросы эстетики Плеханова. М., 1939. С. 71.

** Астахов В. Г. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова в советской критике. С. 7.

*** Там же.

меньшевизму*. Тем самым автор, по сути, перечеркивает труды мыслителя, вышедшие после 1903 г., в том числе такую важную для выявления позиции Плеханова работу, как «Искусство и общественная жизнь» (1912).

Исследователь М. Ф. Овсянников в своей статье 1957 г. подробно разбирает плехановскую трактовку вопроса о критериях художественности и приходит к выводу, что мыслитель склонялся к релятивизму, признанию зависимости критериев от той или иной эпохи в развитии искусства. Автор, опираясь на ленинскую теорию отражения и принцип партийности, приходит к выводу, что истинная связь эстетических критериев и производительных сил общества Плехановым не разъясняется **.

Нам представляется, что подход исследователей В. Г. Астахова, В. Р. Щербиной, М. Ф. Овсянникова к изучению эстетической теории Г. В. Плеханова является слишком политизированным и необъективным. Более взвешенное понимание сущности эстетической системы мыслителя было, на наш взгляд, продемонстрировано в литературе 1980-х гг. Здесь следует особенно выделить труды философа, эстетика, искусствоведа М. А. Лифшица. В своей работе «Г. В. Плеханов. Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов» он видит заслугу Плеханова в «восстановлении эстетики», защите ее от слишком узких и догматических взглядов уравнительного социализма. М. А. Лифшиц, так же как и предыдущие исследователи, отмечает непоследовательность и противоречивость эстетической системы Плеханова, но его мысль не несет в себе оттенка политизированности, а доводы являются более аргументированными. В частности, он отмечает, что задача созданной Плехановым «научной эстетики» была, по преимуществу, не критической, а социально-психологической, однако сам Плеханов не раз высказывал эстетические оценки, имеющие претензию на абсолютность***. В статье «Г. В. Плеханов и критика модернизма» Лифшиц глубоко анализирует подход Плеханова к проблеме критериев художественности. Он указывает на сле-

---

* Щербина В. Р. Об эстетических идеях Плеханова // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 42.

** Овсянников М. Ф. Некоторые вопросы эстетики Плеханова // Вестник МГУ. Сер. «Экономика, философия, право». 1957. № 1. С. 110.

*** Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. С. 76.

дующее противоречие: мыслитель выносит критерий соответствия формы художественного произведения его содержанию за скобки истории*. По мнению автора, предложенные Плехановым критерии нуждаются в углублении и развитии.

Рассматривая работы о Г. В. Плеханове 1990-х гг., следует отметить, что нами не были выявлены издания, в которых бы была проанализирована эстетическая система мыслителя. В 1997 г. вышла книга С. В. Тютюкина «Плеханов Г. В. Судьба русского марксиста». Ее автором не ставилась задача изучения философско-эстетического наследия мыслителя. В центре его внимания — Плеханов-политик, революционер. Однако анализ общественно-политической деятельности мыслителя помогает понять особенности его эстетической системы.

Таким образом, можно отметить, что оценка эстетического наследия Г. В. Плеханова в литературе изобилует различными, порой диаметрально противоположными мнениями. Для изданий советского времени (1920—1950-е гг.) характерна крайняя политизированность и предвзятость оценок, тем не менее именно в данное время были вскрыты важные противоречия в эстетике мыслителя. В литературе 80-х гг. был продемонстрирован более взвешенный подход, были глубже проанализированы причины и истоки указанных противоречий. Тем не менее нами не было выявлено современных исследований, где на новой основе была бы проанализирована система критериев художественности, предложенная Г. В. Плехановым. В связи с этим целью нашего исследования будет являться осмысление критериев художественности, выявленных Г. В. Плехановым, возможности их применения в художественной практике.

Одной из первых работ Г. В. Плеханова об искусстве был цикл статей под названием «Письма без адреса». Исследователь М. А. Лифшиц в своей работе приводит точку зрения Л. И. Аксельрод, близко знавшей внутреннюю жизнь Плеханова. По ее мнению, Георгий Валентинович имел намерение исследовать область художественной культуры более систематично, чтобы создать философию искусства с точки зрения

---

* Лифшиц М. А. Плеханов и критика модернизма // Художник. 1967. № 1. С. 61.

материалистического понимания истории*. Для осуществления поставленной цели Плеханов изучал этнологическую научную литературу, стараясь выяснить генезис искусства, условия его происхождения в первобытном обществе. Первая статья названного цикла появилась в четвертом номере журнала «Начало» в 1899 г.** Продолжение цикла печаталось в журнале «Научное обозрение». В 1905 г. в журнале «Правда» были опубликованы следующие статьи Г. В. Плеханова: «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» и «Пролетарское движение и буржуазное искусство». В 1912–1913 гг. там же была опубликована статья «Искусство и общественная жизнь», представлявшая собой переработку реферата, прочитанного Плехановым в Париже и Льеже***.

Г. В. Плеханову не удалось создать систематического завершенного труда по эстетике. Тем не менее, по мнению большинства авторов, даже в виде отдельных статей эстетика этого мыслителя существует как связанная, хотя и не лишенная внутренних противоречий система****. По мнению крупнейшего исследователя творчества Плеханова М. А. Лифшица, интерес мыслителя к вопросам художественного творчества был потребностью принятого им марксистского мировоззрения, связанного с преодолением народнического утилитаризма. Плеханов, по словам автора, понимал, что русскому рабочему нужно не отречение от культуры, а сама культура в превосходной степени*****. Нельзя не привести здесь и мнение современного исследователя С. В. Тютюкина, который отмечал, что среди русских революционеров Г. В. Плеханов выделялся всесторонней образованностью и блестящим знанием отечественной

---

* Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. С. 51.

** Бурсов Б. И. Литературно-эстетические взгляды Плеханова // Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1: Теория искусства и история эстетической мысли. М., 1958. С. 599.

*** Там же. С. 603.

**** Лифшиц М. А. Плеханов и критика модернизма. С. 61.

***** Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. С. 65.

и зарубежной литературы и искусства*. С целью обоснования материалистического понимания художественного творчества Плеханов обратился к изучению искусства первобытного общества. Любой вид искусства, как доказывает он, есть общественное явление, выражение производственной деятельности людей. В своей работе «Письма без адреса» он пишет: «Труд старше человечества и вообще человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»**. Плеханов в своих трудах рассматривает и последующие этапы развития общества и доказывает, что искусство разных эпох определяется состоянием производительных сил и зависящей от этого состояния формой общества. В статье «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» Плеханов показывает, что развитие искусства в классовом обществе определяется борьбой между различными сословиями общества. По его убеждению, в основе эстетического наслаждения всегда лежит польза***. По мнению М. А. Лифшица, смысл исторической панорамы, на фоне которой Плеханов рассматривал искусство, заключался в защите эстетики от слишком узких и догматических взглядов уравнительного социализма. Картина разнообразия социальных позиций и эстетических вкусов делает невозможным отрицание исторически данного во имя того, что должно быть согласно нашим представлениям****.

Согласно Г. В. Плеханову задача научной эстетики по преимуществу социально-психологическая. Именно на это обстоятельство указывали многие исследователи эстетических воззрений Плеханова, говоря о противоречиях, неточностях и даже «ошибках» в трактовке им вопроса художественной ценности искусства. Так, М. А. Лифшиц отмечает, что для мыслителя был характерен социологический релятивизм — признание собственной «правды» за каждым художественным направлени-

---

* Тютюкин С. В. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 371.

** Плеханов Г. В. История в слове. М., 1988. С. 75.

*** Там же. С. 110.

**** Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. С. 69.

ем*. В своем произведении «Искусство и общественная жизнь» Плеханов с точки зрения социологии объясняет возникновение различных художественных течений. Он указывает, например, что «склонность к искусству для искусства возникает там, где существует «разлад между художниками и окружающей их общественной средой»**. И здесь мыслитель становится как бы над художественным процессом, стремится понять его логику.

Как отмечает исследователь творчества Г. В. Плеханова П. А. Николаев, для мыслителя помимо исследования происхождения искусства и этапов его развития очень важным являлся вопрос о научном методе анализа современных ему художественных явлений***. Этот вопрос Плеханов решал так же, как и основные научные проблемы, — с позиций историзма. Плеханов полагал, что литературный критик, берущийся за оценку художественного произведения, должен, во-первых, найти его «социологический эквивалент», т. е. выяснить, какая именно сторона общественного сознания выражена в этом произведении, во-вторых, должен произвести оценку его эстетических достоинств****. При этом мыслитель был убежден, что критерии художественности являются относительными, меняются в истории, единственным объективным мерилом достоинств произведения является соответствие его формы содержанию. Исследователи (М. М. Розенталь, М. А. Лифшиц, М. Ф. Овсянников) указывают на противоречие в эстетической системе Плеханова: проповедуя релятивизм в вопросе о критериях художественности, он неоднократно в своих литературно-критических статьях высказывал эстетические оценки, имеющие претензию на абсолютность*****. Это замечание является, на наш взгляд, справедливым, так как в анализе «социологического эквивалента» художественных произведений Плеханов отнюдь не бесстрастен. Так, в одной из своих статей, посвященной творчеству писателя-народника С. Каронина, он пишет о том, что художник должен прежде всего верно отображать

---

* Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов С. 74.

** Плеханов Г. В. История в слове. С. 139.

*** Николаев П. А. Возникновение марксистского литературоведения в России (методология, проблемы реализма). М., 1970. С. 66.

**** Плеханов Г. В. История в слове. С. 129.

***** Овсянников М. Ф. Некоторые вопросы эстетики Плеханова. С. 110.

жизнь в своих произведениях. Плеханов показывает, что Каронин, будучи по своим политическим пристрастиям народником, взялся за изображение именно тех сторон народной жизни, от столкновения с которыми идеалы народников неизбежно разрушаются*. Достоинство творчества Каронина мыслитель видит в отражении им общественных процессов, которые ведут к объединению рабочего класса. Плеханов рассуждает прежде всего о требованиях времени, общественной необходимости, что можно объяснить особенностями его политических воззрений. Недаром в одной из своих литературно-критических статей мыслитель отмечает: «Россия переживает теперь такое время, когда передовые слои ее населения не могут не интересоваться подобными вопросами»**.

Большую конкретизацию применения критериев художественности, предложенных Плехановым в его теоретических трудах, мы находим в статье, посвященной произведению М. Горького «Враги». Плеханов указывает, что возможность появления подлинно художественного произведения зависит, во-первых, от актуальности, «драматичности» содержания, отражения в нем важнейших общественных проблем, во-вторых, от «художественной обработки» материала***. По мнению Плеханова, М. Горький в своем романе «Враги» сумел соединить эти две возможности. Однако оценка Плеханова как литературного критика вновь касается преимущественно «социологического эквивалента» произведения, при этом огромное внимание уделяется пропаганде собственной политической позиции. В частности, он пишет, что роман «Враги» дает богатый материал для правильного понимания психологической основы рабочей тактики****.

В целом, несмотря на отмеченные исследователями противоречия в эстетических воззрениях Плеханова, следует отметить, что им были высказаны важнейшие идеи по проблеме критериев художественности, сущности и назначения искусства. При этом противоречия в эстетической системе лишь подчеркивают объективность и непредвзятость его научного

---

* Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1: Теория искусства и история эстетической мысли / Г. В. Плеханов. М., 1958. С. 278.

** Там же. С. 227.

*** Там же. С. 428.

**** Там же.

поиска. Прежде всего Плехановым была высказана важнейшая мысль: достоинство художественного произведения определяется его содержанием (этот тезис перекликается с идеями многих отечественных мыслителей, в частности Л. Н. Толстого). «Даже те произведения, авторы которых дорожат только формой... все-таки так или иначе выражают известную идею»*, т. е. Плеханов выявляет объективную связь между формой и идеей художественного произведения. При этом идея не есть нечто, существующее независимо от реального мира, — идейный запас всякого художника определяется и обогащается его отношением к миру**. А это отношение, в свою очередь, зависит от общественно-политических условий жизни человека. Плеханов полагал, что в художественном произведении может быть выражена ложная идея, и в этом случае его эстетические достоинства значительно снижаются***. Он приводит пример ложной идеи — идея мистицизма. Возникновение мистицизма в искусстве (например, в искусстве Средних веков) он объясняет неспособностью художников возвыситься до освободительных идей своего времени****.

Г. В. Плеханов также поставил вопрос об эстетическом идеале в искусстве. По его мнению, понятия людей о красоте изменяются. И в каждой эпохе существует свой идеал красоты. Плеханов пишет в своей работе «Искусство и общественная жизнь»: «Идеал красоты, господствующий в данное время... коренится частью в биологических условиях развития, а частью — в исторических условиях возникновения и существования данного общества или данного класса»*****. При этом мыслитель делает важное замечание, которое не всегда принималось во внимание советскими исследователями: есть объективная возможность судить о достоинствах произведения. Плеханов называет следующий вневременной критерий: степень соответствия формы произведения его содержанию. В этом мыслитель солидарен с другими философами, интересовавшимися проблемой художественности, — Л. Н. Толстым и И. А. Ильиным.

---

* Плеханов Г. В. История в слове. С. 150.

** Там же. С. 182.

*** Там же. С. 163.

**** Там же.

***** Там же. С. 153.

Однако, как уже было сказано выше, знакомясь с литературно-критическим наследием Плеханова, можно сделать вывод, что в реальности он пользовался более разветвленной системой критериев, в основе которых лежал следующий: отражение в содержании произведения актуальных вопросов своего времени. При этом вопрос о том, каковы именно актуальнейшие проблемы времени, заведомо определен самим критиком.

Тем не менее важной, на наш взгляд, является мысль Плеханова о том, что только художник, имеющий развитый художественный инстинкт, может верно уловить истинное содержание жизни*. Кроме художественного инстинкта Плеханов говорит о необходимости наличия у художника таланта — умения ярко, точно выражать свою мысль и чувство. Наконец, художественным делает произведение выражение мыслей и чувств с помощью художественных образов, а не публицистических рассуждений. Идеи Плеханова в отношении критериев художественности сохраняют актуальность и сегодня. Его вклад в рассмотрение проблемы заключается в выявлении им соотношения вневременных и изменяющихся художественных критериев.

* Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1. С. 278.

Л. А. Булавка

«Новый человек»: проблема субъектности на изломах истории*

Одна из центральных теоретических проблем, поднятых Г. В. Плехановым, — это вопрос о роли личности в истории. Рассматривая эту проблему, он вскрыл одно из важнейших противоречий: историю, исторические события творит народ, а образ им придает та или иная историческая личность. В связи с этим возникает вопрос: при каких условиях возможно, чтобы история обретала «лицо» своего непосредственного субъекта?

Кроме того, Г. В. Плеханов показывает и другое противоречие на примере «железного канцлера» Бисмарка, который, выступая в северогерманском рейхстаге в 1869 г., сказал: «*Но мы не можем делать историю; мы должны ожидать, пока она сделается*»**. Противоречивость исторического самосознания Бисмарка Г. В. Плеханов выразил следующим образом: «*И вот этот-то человек, про-*

---

* Переработанный вариант статьи «Подавление и освобождение Человека: Ренессанс и Советская культура». Текст впервые опубликован: Альтернативы. 2007. № 1.

** Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 12.

*являвший подчас поистине железную энергию, считал себя совершенно бессильным перед естественным ходом вещей, очевидно, смотря на себя, как на простое орудие исторического развития...»**

Исходя из позиции Г. В. Плеханова, но уже применительно к поставленной в данной статье проблеме, мы сформулируем противоречие, являющееся определяющим в становлении субъектности индивида: человек всегда в той или иной мере раб истории, т. е. индивид есть некая функция господствующих общественных сил. Но человек является и творцом истории, т. е. он творит конкретные формы общественных отношений.

Возникает вопрос: какова мера этого соотношения (рабского и творческого бытия в истории) для индивида, той или иной социальной группы, человеческого сообщества в целом в те или иные исторические эпохи? Именно диалектика и мера разрешения этого противоречия в рамках той или иной общественной системы определяет и ее следующие параметры:

во-первых, меру становления гуманистичности той или иной общественной системы;

во-вторых, характер противоречий общественного бытия индивида в истории и культуре;

в-третьих, меру и характер *субъектности* индивида, со становлением которой мы и связываем понятие «*Новый человек*».

А ведь именно феномен *Нового человека* в его конкретно-историческом выражении как раз и являет собою диалектическое единство субъекта истории и культуры, его культурную целостность. Сущностные характеристики феномена *Нового человека* наиболее ярко и жестко проявляются, когда *новое* зарождается внутри старого, что, как правило, происходит на изломах истории. В связи с этим рассмотрим основные моменты генезиса субъектности индивида как онтологического императива на примере трех переходных изломов истории: *Возрождения, советского проекта и альтерглобализма (новых социальных отношений)*.

***

Становление субъектности на каждом из этих исторических этапов происходило в реальности, пронизанной острейшими противоречиями. Если говорить о Возрождении и советской

---

* Там же. С. 13.

истории, то, по мнению автора, обе эти эпохи по масштабам того мирового социально-культурного переворота, который произвела *каждая из них,* несоизмерима ни с какими другими в истории человечества, разве что *только друг с другом.*

Напомним, что в культуре эпохи Возрождения индивид как родовое существо, «выделившись» из понятия «Бог» как единственной и абсолютной субстанции бытия, сделал первый шаг в мир Культуры, чтобы уже в ней в полной мере обрести свою субъектность. Становление субъектности индивида сопровождалось качественным обновлением и самой общественной реальности, нашедшим свое выражение в чертах, характерных не только для Возрождения, но и для советской эпохи: *энтузиазм и творческий почин**; *научно-техническая революция* (причем опытное знание и в том и в другом случае приобретает особое значение); *тесная связь науки и просвещения*; *культурный подъем,* сопровождающийся возрастающим значением образованности и таланта; *утопические построения, становившиеся опорой нового мировоззрения*, нового гуманистического идеала; *формирование нового типа интеллигенции.*

Обновление основ жизни возрожденческого индивида сопровождалось процессом активного самосознания себя как общественного субъекта, хотя и заявленного на территории культуры. Становление индивида как субъекта — это то главное, что составляет суть гуманистического пафоса Ренессанса. Утверждение субъектности индивида вовсе не означало, что ренессансный индивид отверг идею «Бога», он лишь «разделил» с ним мир культуры. Выражаясь метафорически, теперь «Бог» для индивида как субъекта культуры становится «товарищем по творческому цеху», теперь он — *Deus-artifex* (Бог-мастер)**. Не случайно у многих представителей культуры Ренессанса встречается мысль, что художник должен творить как Бог, а может быть, и совершеннее. Самосознанием огромного творческого

---

* *«Страсть, превышающая действительность, и воля, не знающая преград, были первыми отличительными чертами этого нового героя»,* — так характеризовал эту эпоху выдающийся советский режиссер Козинцев Г. См.: Козинцев Г. Отелло // Козинцев Г. Замыслы, письма. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Л., 1986. С. 75; См. также: Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 67.

** Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. С. 75.

потенциала человека в определении своей собственной сущности преисполнены и строки Леона Баттиста Альберти: «*Человек может извлечь из себя все, что пожелает*»*. Осталось сделать лишь еще один шаг к тезису о самостоятельном творении Истории.

***

Этот шаг был сделан существенно позднее — в революционных практиках советской истории, и прежде всего в лежащем в их основе социальном творчестве 1920-х гг. Теперь наряду с культурой уже сама история становится субстанцией *субъектности* индивида. Абстрактная формулировка данного тезиса объективно вызывает вопрос: о каком творчестве истории может идти речь, если при существенных различиях каждого из этапов «Большого пути» их общей и неизменной характеристикой являлось подавление властными (государственными и партийными) институтами любых самостоятельных интенций индивида как субъекта Истории?

Следует отметить, что становление субъектности индивида в каждой из этих эпох происходило не только в условиях острейших общественных противоречий, но и сам этот процесс достаточно открыто проявлял свои имманентные противоречия. Этот вывод имеет отношение не только к советской эпохе, но и к Ренессансу. И все же в той мере, в какой индивиду удавалось обрести полноту своей *субъектности* (культурно-творческой — в мире культуры и социально-творческой — в истории), в той мере он способен был определить и перспективу своего становления как родового человека, под которым я здесь понимаю «род человеческий»**.

Здесь следует особо подчеркнуть важность взаимосвязи таких понятий, как «*родовая сущность*» человека и «принцип субъектности», историческое сопряжение которых в XX в. стало основой для нового их философского осмысления. В частности, эта проблема была представлена в работах известного французского философа Л. Альтюссера: «*Человек думает,*

---

* Там же. С. 242.

** Примечательно, что автор одной из статей 1920-х гг. обращается к известному выражению Шиллера: «*Я пишу как гражданин мира, я давно отказался от своего Отечества, чтобы обменять его на человеческий род*». См.: Вестник работника искусства. 1920. № 4–5.

что он является объектом субъекта — Бога»[*], а в действительности «*сущность человека, общественный труд равняется созданию человека человеком. Человек — это субъект истории. История — это процесс, субъектом которого является человек и человеческий труд»*[**].

Генезис идеи *субъектности* в Возрождении был связан с творчеством в сфере культуры, в то время как в советском проекте — прежде всего с социальным творчеством, которое существовало наряду с превратными формами социализма. Социальное творчество — это особый вид творческой деятельности, связанный с освобождением общественных отношений от всех форм отчуждения, в том числе и тех, что были порождены противоречиями уже советской реальности. В той мере, в какой революционный индивид созидал новые, конкретно-исторические формы общественных отношений, в той мере он творил уже и основы своего общественного бытия, а значит, и самого себя как *Нового человека*. Именно это и определяло взрывообразный, революционный характер развертывания творческой энергии общественного субъекта, обусловленный его мощными преобразовательными интенциями.

И здесь социальное творчество первых лет Октябрьской революции можно рассматривать как историческое подтверждение теоретической правоты Г. В. Плеханова, отвечающего на поставленный им же вопрос: «*Но кем же делается история? Она делается общественным человеком, который есть ее единственный "фактор". Общественный человек сам создает свои, т. е. общественные, отношения»*[***].

Становление субъектности советского человека как раз и составляло *красную нить* советской истории. Несмотря на доминирование сталинистских (тоталитарных и бюрократических) тенденций, *Новый человек* пытался осуществить свою субъектность как творец истории на всех этапах: в 1920-е гг. — как «*борец за мировую революцию*»; в 1930-е — как энтузиаст-строитель «*города-сада*» (Магнитостроя, Новокузнецка); в 1960-е — как строитель «*голубых*

---

[*] Althusser L. The humanist controversy and other writings (1966—1967). Verso. L., 2003. P. 242.

[**] Ibid. P. 286.

[***] Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Т. 2. С. 33.

городов, у которых названия нет»; в 1970-е — как строитель БАМа; в 1980-е гг. — как модернизатор советской системы (перестройки).

Различие же Возрождения и советской эпохи в контексте нашей проблемы заключалось в том, что в первом случае творческая деятельность развертывалась в мире культуры (Ренессанс), во втором — она была связана с высвобождением общественных отношений от всех форм отчуждения (советский проект). Преемственность этих эпох на основе императива деятельностной субъектности индивида показывает, как провозглашенные Ренессансом общественные идеалы *свободы* в рамках советского проекта не просто наследуются, но получают свое диалектическое развитие как идеалы *освобождения.*

Утверждение субъектности индивида происходило в условиях его напряженной борьбы: в эпоху Возрождения — против *феодальной иерархии, активной деятельности инквизиции, духовного и физического принуждения и постоянных междоусобных войн;* в советскую эпоху — против *государственно-бюрократического насилия, внеэкономического принуждения (ГУЛАГ), конформизма и т. п.* Подчеркну, что гуманизм Ренессанса и советской эпохи не должен служить оправданием инквизиции и сталинизма, а они, в свою очередь, не должны затмевать реальные интенции высвобождения индивида от власти господствующих форм отчуждения.

Становление субъектности индивида как в эпоху Возрождения, так и в советскую эпоху сопровождалось противоречиями, характерными для каждой из них, и находящими свое выражение в общественных настроениях культуры в целом. Вот лишь некоторые:

— обе культуры были пронизаны, с одной стороны, *оптимизмом* и одновременно — *тревогой перед будущим* (Микеланджело и Маяковский);

— философия и художественная культура несли в себе *сознание расхождения этической установки общественного идеала и реального мира*;

— созидательный по своему духу императив субъектности *критически относится к сложившемуся «миру вещей»*;

— субъектность индивида утверждается в борьбе с социумом, стремящимся оставаться в логике эволюционного консерватизма;

— *наряду с утверждением Нового человека происходит и утверждение мещанства.*

Острота общественных противоречий, через которые утверждал свою субъектность индивид и Ренессанса, и советской эпохи, лишь подчеркивала революционность *красной нити* истории, развивающейся на основе человеческого самоутверждения, только в первом случае — стихийного, а во втором — уже сознательного. Не случайно искусство этих двух разных эпох востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом — скульптора В. Мухиной. Их образы в полной мере отвечают представлениям одного из самых ярких представителей Ренессанса Леона Баттиста Альберти о предназначении человека: «*...будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом*»*.

Но и Ренессанс, и советская эпоха показали предел человеческого совершенства и тем самым трагедию отдельного человека. «*Трагедия — не только завершающийся, но и исходный пункт Ренессанса*»**, — эти слова К. М. Кантора в полной мере можно отнести и к истории «реального социализма». Понятие «трагедия» всегда присуще только такому типу культуры, которая исходит из гуманистического идеала. Отсутствие «человека» как понятия, идеи, образа, идеала изымает из культуры собственно и само человеческое понятие — «трагедия», что мы и наблюдаем на примере постсоветской культуры.

***

Третий излом истории, ставший последующим этапом становления субъектности индивида, связан с новым типом социального движения, которое возникло из неразрешенности противоречий современных процессов глобализации. В практике отечественных исследований оно получило название — *альтерглобализм* (А. Бузгалин)***.

---

* Цит. по: Карелин М. С. Очерки итальянского Возрождения. М., 1991. С. 164–165.

** Кантор К. М. Двойная спираль истории. Историософия проектизма. М., 2002. С. 440.

*** См.: Бузгалин А. В. Альтерглобализм: теория и практика. М., 2007.

Альтерглобализм, во-первых, возник не просто как протест против организаций и классов. Это революция прежде всего против господствующего в современном мире самого принципа конституирования правил «для всех». Во-вторых, альтерглобализм вырос *как позитивное, диалектическое отрицание* глобальной гегемонии капитала, тотальной системы подчинения ему человека. В-третьих, он является внесистемным, но реальным социальным вызовом глобальному миру отчуждения.

Альтерглобализм как особый тип деятельности — *ассоциированное социальное творчество* (в этом и заключена его «родовая сущность») характеризуется и новым типом субъекта: *сетевым* — по форме и *ассоциированным* — по содержанию. Для него характерны следующие черты: *интернациональный характер* консолидированных выступлений; *интерклассовая структура* участников; *плюрализм идеологий, форм и методов действий*; *сетевой* принцип организации; *полицентричность*, *антигегемонистский* характер движения, децентрализация, *подвижность и временность* координирующих акции сетей, открытость сети для «входа» и «выхода»; общедоступность ресурсов (прежде всего — информационных) сети; вторичность форм и структур по отношению к содержанию деятельности.

Один из ведущих теоретиков альтерглобализма А. В. Бузгалин еще в середине 1990-х гг. писал о том, что глобальная гегемония капитала не может не порождать в качестве своей альтернативы субъекта ассоциированного социального творчества*. Именно альтерглобализм явился тем типом социального движения, в лоне общественных отношений которого началось *выращивание нового субъекта — современного массового субъекта ассоциированного социального творчества.*

Особый характер творческой деятельности, лежащей в основе альтерглобализма, как раз и обусловливает конкретно-всеобщий принцип бытия индивида в современном глобализационном мире, в котором решение его проблем становится предпосылкой, формой и результатом становления субъектности индивида XXI в. Вот почему новые социальные движения в действительности означают попытку прорыва из мира отчуждения в «царство свободы». И даже в случае отсутствия практического результата таких попыток неизменно позитивным

* См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004.

итогом этого является практика творчества самим индивидом социальных форм общественного диалога, в ходе которого и происходит становление его субъектности, т. е. становление *Нового человека* во всем богатстве его противоречий. Это дает основания сказать, что альтерглобализм — это альтернатива «человеку скучному» — типичной фигуре эпохи массового потребления, массовой культуры, средств массовой информации.

***

Анализ проблемы субъектности индивида через развитие противоречия «*Человек — творец истории; Человек — раб истории*» на примере трех социальных изломов (Ренессанса, советской эпохи и альтерглобализма) выводит на проблему генезиса и развития феномена *Нового человека*. Одновременно это позволяет нам увидеть диалектику онтологической основы гуманизма: от идеалов *свободы* (Ренессанс) через идеал *освобождения* (советская эпоха) к *самоосвобождению* (альтерглобализм).

Одновременно становление субъектности показало особенно на изломах истории противоречивую природу утверждения этого родового качества человека.

Ренессанс, который, с одной стороны, являлся порывом к гуманизму, утверждающему понимание человека как титана, а с другой — попыткой ухода от социальной несправедливости, сословного неравенства и феодально-церковного авторитаризма. И здесь, используя выражение Фукуямы, можно сказать, что мощные утопические попытки движения Ренессанса к свободе личности доказали свою ограниченность и более того — бесплодность.

Осуществление субъектности в рамках советского проекта стало важнейшей предпосылкой значительных достижений СССР: новый опыт движения к социальной справедливости; победа *Нового* (советского) *человека* в мировой войне с фашизмом; создание нового типа культуры — советской, являющейся *всемирной* формой культуры; прорыв в сфере науки (первый полет человека в космос) и образования.

Одновременно оно было связано с негативными, а нередко и трагическими последствиями, среди которых были преступления «голого» активизма в виде сталинского ГУЛАГа и застойных «психушек»; бюрократическое «заматывание» общественных инициатив, ведущих к элиминации *Нового человека*;

распад СССР; деградация креатосферы с его субъектом; торжество обывателя, утверждающего господство частного интереса.

Альтерглобализм, с одной стороны, возник как движение поиска и утверждения социальных альтернатив, но с другой — не решая проблемы преодоления отчуждения его ассоциированного субъекта от наследия всей мировой культуры и превышая объективно возможную меру его активизма, это движение может стать формой экспансии Мирового Хама.

В любом случае эти три излома истории можно рассматривать как «опорные точки», по которым проходит вектор становления *Нового* человека. И этот человек мог бы сказать словами Г. В. Плеханова: «Стало быть, в известном смысле я все-таки могу делать историю, и мне нет надобности ждать пока она "сделается"»*.

* Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Т. 2. С. 34.

4. Материалы к Хронике жизни Г. В. Плеханова

С. В. Тютюкин

Политическая драма Г. В. Плеханова*

Георгий Валентинович Плеханов не был государственным деятелем, харизматическим лидером или создателем очередного идеологического «изма». Но уже одно то, что Плеханов являлся одним из основателей российской социал-демократии и таким образом оказался косвенно причастным к октябрьским событиям 1917 г., повлиявшим на судьбы не только своей страны, но и всего мира, делает его фигурой, несомненно, исторически значимой.

Плеханову выпало жить на рубеже двух эпох всемирной истории — эпохи стремительного эволюционного прогресса второй половины прошлого столетия и бурной эпохи войн и революций века нынешнего, когда его родина — Россия встала на путь грандиозных социальных экспериментов. На глазах Плеханова прошли такие переломные моменты отечественной истории, как отмена крепостного права, утверждение российского капитализма, революция 1905—1907 гг., Первая мировая война, свержение самодержавия,

---

* Впервые опубликовано: Тютюкин С. В. Политическая драма Плеханова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 124—163. Публикуется с сокращ.

Октябрь 1917 г. и начало Гражданской войны. Плеханов был участником семи конгрессов II Интернационала, трех съездов РСДРП, встречался с Ф. Энгельсом и К. Каутским, Ж. Гедом и П. Лафаргом, А. Бебелем и Р. Люксембург, П. Л. Лавровым и П. А. Кропоткиным, В. И. Лениным и Л. Д. Троцким.

Чего только не было в его не очень долгой — всего 61 год, — но насыщенной событиями жизни! В молодости ему приходилось тайно переходить границу и спать с револьвером под подушкой, учиться владеть кинжалом и кастетом, незаметно ускользать от полиции, ежедневно менять конспиративные квартиры. Плеханову довелось изведать нужду, граничившую с нищетой, пережить смерть троих своих маленьких детей, 37 лет находиться вдали от родины в вынужденной эмиграции. Больше половины жизни его мучила тяжелая, ставшая хронической болезнь — туберкулез, который в конце концов и свел его в могилу.

До сих пор не издано полное собрание сочинений Плеханова, но совершенно очевидно, что оно могло бы составить несколько десятков томов. В сферу его интересов входили философия и история, экономика и право, литературоведение и эстетика. Не получив систематического высшего образования, он благодаря своему трудолюбию и неутолимой жажде знаний стал одним из образованнейших русских интеллигентов своего времени, получивших международное признание.

Личность Плеханова глубоко противоречива. С одной стороны, перед нами достаточно жесткий и твердый политик-марксист, никогда не ставивший под сомнение идею диктатуры пролетариата, и убежденный в том, что рабочий класс, «этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все *отжившее и* пользоваться всем *существующим* для своей великой цели»*. С другой — это убежденный противник большевизма и ленинизма, считавший Октябрь 1917 г. роковой ошибкой и еще в 1904 г. предупреждавший о неизбежном, по его мнению, перерождении большевиков в заговорщическую секту. Характерно и другое: ярый противник ревизионистской «ереси», одним из первых объявивший войну не на жизнь, а на смерть Бернштейну, Плеханов сам в 1917 г. пришел к мысли о необходимости национального примирения во имя сохранения великой России. Наверное, именно поэтому к наследию Плеханова обращались и обращаются как защитники марксизма, так

* Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. М.; Л., 1926. С. 395.

и его ниспровергатели, причем последние с особым удовлетворением говорят о запоздалом, но отрадном «прозрении» этого выдающегося человека.

Не подлежит сомнению и тот факт, что Плеханов был глубоко трагической фигурой российской истории: его уникальный талант во многом остался невостребованным, а научные замыслы — до конца не реализованными. Далекими от идеалов «отца русского марксизма» оказались и Октябрьская революция, и советская власть, и политика большевиков-ленинцев.

Жизнь Плеханова трудно вместить в рамки журнального очерка. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на идейной эволюции и политической деятельности этого видного революционера в первые два десятилетия XX в., поскольку они менее известны широкому читателю, требуют значительной переоценки и вместе с тем позволяют поставить некоторые общие вопросы, сохраняющие актуальность и в наши дни*.

Становление революционера

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября (11 декабря) 1856 г. в самом центре Европейской России, на Тамбовщине, в мелкопоместной и многодетной дворянской семье. Детские и отроческие годы Георгия прошли в деревне среди крестьянских ребятишек, без гувернеров и барского «баловства». На всю жизнь запомнил он картины родной среднерусской природы, воспетой Тургеневым, тяжелый крестьянский труд, душевную красоту и доброту простых русских людей. Мальчик рос самостоятельным, смелым, физически крепким и выносливым.

Родители его были очень контрастной по возрасту, характеру и интеллекту супружеской парой: отец, Валентин Петрович, был отставным военным, малоудачная служебная карьера которого оборвалась довольно рано, так как начальство не слишком жаловало прямодушного, резкого и гордого штабс-капитана.

---

* Подробнее о жизненном пути Г. В. Плеханова см.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977; Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990; Baron S. Plekhanov: the Father of Russian Marxism. Stanford, 1966; Jena D. Georgi Valentinovitsch Plechanow: Historische-Politische Biographie. Berlin, 1989; и др.

Убежденный монархист и крепостник, Плеханов-старший не принял реформу 1861 г., новые либеральные порядки, постоянно фрондировал властям, был строг, а нередко и жесток с крестьянами. Георгий унаследовал от отца огромное трудолюбие, сильный, независимый характер, резкость суждений, страсть к строгому порядку в мыслях и делах, решительность и смелость. Вместе с тем к нему перешли и такие отцовские качества, как придирчивость и излишний педантизм, обидчивость, раздражительность, некоторая мелочность и злопамятность, ярко проявившиеся в зрелые годы Георгия Валентиновича, особенно в старости.

Очень благотворным было влияние матери, Марии Федоровны, доброй, мягкой и образованной по тем временам женщины, целиком посвятившей себя дому и детям (а их было у нее семеро). Она сама учила своего первенца Георгия русскому и французскому языкам, арифметике, много читала ему. Именно матери обязан был Плеханов тонкостью и артистизмом своей натуры, отзывчивостью к любым проявлениям социальной несправедливости.

Говоря о начальном периоде в жизни нашего героя, нужно подчеркнуть, что он совпал с отменой крепостного права и целое полосой либеральных реформ Александра II, которые, несмотря на свою непоследовательность и незавершенность, означали для России огромный шаг вперед в процессе коренного обновления и перестройки всех сторон материальной и духовной жизни общества. Старая средневековая система отмирала буквально на глазах, но новое, как всегда, рождалось мучительно трудно, с большими жертвами и издержками как для народа, так и для верхов. Глубокие трещины дали такие столпы обществ венного порядка, как идея самодержавной власти царя, религия, патриархальная семья, повсюду поднимал голову нигилизм. Все эти сложные, противоречивые процессы в жизни нации нашли отражение в судьбе молодого Плеханова, в становлении его как личности и гражданина.

Сначала Георгий всерьез думал о военной карьере и настоял на том, чтобы его отдали учиться в Воронежскую военную гимназию. Там он получил неплохую подготовку по всем гуманитарным дисциплинам, особенно по литературе и истории, приобщился к либерально-демократическим идеям, встал на путь атеизма. Незадолго до окончания гимназии Георгий был даже подвергнут кратковременному аресту с содержанием в карце-

ре за чтение недозволенных книг, а его поведение оценивалось лишь восьмеркой по 12-балльной шкале.

1873 г. внес в жизнь Георгия большие перемены: умер от чахотки отец, завершилась учеба в военной гимназии и осенью стал юнкером Константиновского артиллерийского училища в Петербурге. Однако уже через несколько месяцев Плеханов понял, что ему не стоит связывать свою судьбу с армией, и добился отчисления из училища (это потребовало даже обращения к наследнику престола). Можно предположить, что не последнюю роль сыграли здесь и те настроения, которые царили тогда в столичной студенческой среде: напомним, что именно весной 1873 г. началось знаменитое «хождение в народ», в котором приняли участие лучшие представители демократически настроенной российской молодежи.

Зиму и лето 1874 г. Георгий провел у матери, а осенью вновь покинул стены родного дома. Успешно сдав экзамены, он поступил в престижный Горный институт в Петербурге. По итогам учебы на первом курсе он получил именную Екатерининскую стипендию, причем с особым увлечением занимался химией. Однако в накаленной общественно-политической атмосфере середины 70-х гг. XIX в. Плеханов с его деятельным характером и демократическими убеждениями не мог долго оставаться студентом-«академистом», для которого существуют только лекции, лабораторные работы и библиотека. Зимой 1875—1876 гг. он познакомился с революционерами-народниками и петербургскими рабочими, интенсивно изучал отечественную и зарубежную литературу по общественным вопросам, участвовал в студенческих диспутах.

Плеханов жадно впитывал идеи Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина, Адама Смита и П. Прудона, знакомился с некоторыми работами К. Маркса. Постепенно Георгию стало ясно, что его симпатии тяготеют к бакунистам-бунтарям с их идеалами российской и европейской народной революции, анархии, общественного самоуправления и коллективизма. Вместо занятий в Горном институте Плеханов все чаще посещал революционные сходки, вел занятия в рабочих кружках, распространял нелегальную литературу. В марте 1876 г. он получил и свое первое боевое крещение: его задержали на улице, обыскали и допросили в полиции, но за отсутствием улик вынуждены были отпустить на свободу.

Внутренняя предрасположенность Плеханова к восприятию народнической идеологии, мощное влияние новой, разночинской среды, в которой он вращался в столице, отрыв от семьи, атеизм — все это способствовало быстрой радикализации его политических взглядов. В том же 1876 г. в жизнь Георгия ворвалась и первая юношеская любовь. Наталья Александровна Смирнова была старше Плеханова, ждала ребенка от одного из участников революционных кружков и относилась к Георгию несколько свысока, но все это не остановило влюбленного студента. Бурный роман завершился в октябре церковным браком, оказавшимся, однако, несчастливым и очень непрочным. Весеннюю экзаменационную сессию 1876 г. Плеханов провалил. Во время летней поездки к матери, которая жила с младшими детьми в Липецке (ныне в этом доме открыт музей), у них состоялось тяжелое объяснение: Мария Федоровна пыталась вразумить сына, но было уже поздно.

Революционная работа поглощала теперь все время Георгия, прочно связавшего свою судьбу с народнической организацией «Земля и воля». 6 декабря 1876 г. во время демонстрации с участием студентов и рабочих, состоявшейся у Казанского собора в Петербурге, он произнес короткую, но яркую речь, призвав к борьбе за землю и волю для всех людей труда. Над толпой демонстрантов взвилось красное знамя. Ускользнув от полиции, Плеханов вынужден был перейти на нелегальное положение и фактически стал профессиональным революционером. За ним надолго закрепилась подпольная кличка Оратор, свидетельствовавшая об успехе его первого публичного политического выступления.

В начале 1877 г. товарищи решили нелегально отправить Плеханова на несколько месяцев за границу, чтобы сбить со следа разыскивавшую его полицию и дать Георгию возможность ближе познакомиться с социалистическим движением в Западной Европе. Вместе с женой Н. А. Смирновой он побывал в Швейцарии, Германии и Франции, где лично познакомился в Париже с одним из духовных отцов русского народничества Петром Лавровым, вынужденным еще в 1870 г. бежать за границу. Кстати говоря, немецкое рабочее движение не произвело тогда на Плеханова большого впечатления: оно показалось ему слишком умеренным в своих требованиях, что не помешало, впрочем, Бисмарку в 1878 г. объявить немецких социал-демократов вне закона.

Летом 1877 г. с помощью контрабандистов Плеханов тайно перешел границу и вновь оказался на родине. К этому времени он уже был отчислен из Горного института и решил устроиться по чужому паспорту сельским учителем в Саратовской губернии, которая со времен Разина и Пугачева считалась в России «бунтарским» краем. Однако осуществить этот план не удалось, и, пробыв несколько месяцев в Саратове, молодой революционер вернулся в Петербург.

В конце декабря 1877 г. он подтвердил свою репутацию талантливого революционного оратора, выступив на похоронах поэта Н. А. Некрасова, которого радикально настроенная молодежь ставила в то время даже выше Пушкина. Одновременно Плеханов возобновил и расширил свои старые связи с петербургскими рабочими, являвшимися, по мнению членов «Земли и воли», самой развитой и социально активной частью российского крестьянства, для которого и с помощью которого революционеры-народники и хотели совершить революцию. Так, он написал прокламацию в связи с гибелью по вине администрации нескольких рабочих патронного завода (декабрь 1877 г.) и листовку по случаю забастовки рабочих-текстильщиков Новой бумагопрядильни (март 1878 г.). Во время последней стачки Плеханов опять подвергся аресту, но ему снова повезло, и уже через день он был на свободе.

Георгий Плеханов стал автором и еще одной яркой революционной листовки, «К русскому обществу», выпущенной «Землей и волей» после того, как суд присяжных вынес 31 марта 1878 г. оправдательный приговор по делу Веры Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был наказан розгами заключенный революционер Боголюбов. А летом 1878 г. Плеханов снова отправился «в народ» — на этот раз на Дон, где начались казацкие волнения, позволявшие революционерам надеяться на возможность большого народного восстания. Но когда через несколько месяцев он вернулся в столицу, чтобы отпечатать там воззвание к казакам и взять с собой подкрепление для расширения масштабов революционной работы, оказалось, что ему придется остаться в Петербурге и заменить нескольких арестованных товарищей.

Весной 1879 г. после неудачного покушения А. Соловьева на Александра II в народнических кругах большую остроту приобрел вопрос о цареубийстве как первом шаге на пути к радикальному изменению всего общественно-политического строя

России. Нужно сказать, что Плеханов не видел в политическом терроре как таковом ничего аморального, считая, что революционеры имеют полное право применять его в качестве ответной меры на репрессии со стороны правительства. Об этом он прямо писал, в частности, в упоминавшейся выше статье «Закон экономического развития общества...». До Плеханова речь шла лишь о целесообразности или нецелесообразности того или иного террористического акта, а не о допустимости или недопустимости террора как средства политической борьбы. Именно с этих позиций подошел он и к решению части членов «Земли и воли», среди них были друг Плеханова Александр Михайлов, Андрей Желябов, Софья Перовская, сосредоточить основные усилия этой организации на подготовке покушения на царя. По мнению Плеханова, в обстановке апатии крестьянских масс и слабости рабочего и либерального движений убийство царя не привело бы к изменению существующего строя, а вызвало бы лишь сокрушительные удары полиции по «Земле и воле» и полный паралич ее революционной деятельности. На этой почве и произошел разрыв Плеханова с землевольцами на их воронежском съезде, состоявшемся летом 1879 г.

Осенью в результате раскола оформились две параллельные народнические организации: «Народная воля», державшая курс на цареубийство, и «Черный передел» во главе с Плехановым, выступавший за продолжение агитационно-пропагандистской работы среди крестьян, рабочих и демократической интеллигенции. Вместе со своей новой женой — курсисткой Розалией Марковной Боград — Плеханов поселился под чужим именем в Петербурге, занимаясь в основном подготовкой первого номера нелегального журнала «Черный передел». Однако в январе 1880 г. в связи с угрозой ареста он вынужден был по настоянию товарищей нелегально покинуть Россию и направился в Швейцарию, ставшую к тому времени одним из главных центров российской революционной эмиграции.

Группа «Освобождение труда»

Плеханов и его товарищи поставили перед собой двуединую задачу — распространение идей марксизма путем перевода на русский язык, издания и транспортировки на родину книг и брошюр с текстами произведений Маркса и Энгельса и марксистский анализ современной социально-экономической и по-

литической ситуации в России. Тем самым предстояло подготовить почву для будущей российской марксистской рабочей партии, которая должна была возглавить революционное движение в России. При этом Плеханов был бесспорным лидером новой организации: он явно превосходил других членов группы талантом теоретика-аналитика, литературным мастерством, работоспособностью, твердостью характера. Поэтому решающее слово при обсуждении всех спорных вопросов неизменно оставалось за ним.

Если учесть, что в 1884–1885 гг. группа «Освобождение труда» потеряла двух своих членов-учредителей — Дейч был арестован в Германии, выдан царскому правительству и сослан в Сибирь, а Игнатов умер — и пополнения ее практически не было, то нужно признать результаты деятельности Плеханова, Аксельрода и Засулич в 1880–1890-е гг. очень значительными. Полностью или в отрывках ими было издано более 20 важнейших теоретических трудов Маркса и Энгельса, пять сборников «Социал-демократ», три книги журнала «Работник» и десять номеров «Листка “Работника”», десять выпусков «Рабочей библиотеки», а также многочисленные работы членов группы, Ленина, Мартова и других авторов. Кроме того, группа, несмотря на постоянные материальные трудности и недостаток связных, вела большую работу по установлению контактов с Россией, с 1889 г. регулярно представляла марксистов России на конгрессах II Интернационала, поддерживала связи со многими социалистическими партиями Запада. Руководящая роль во всех этих начинаниях принадлежала Плеханову.

Идейным манифестом первой организации русских марксистов стали работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1884) и несколько вариантов написанной им программы группы «Освобождение труда» (1883–1885). Все работы Плеханова того времени носили ярко выраженный полемический характер и были посвящены критике народничества и особенно народовольчества. Одновременно он излагал свой взгляд на социально-экономическую и политическую ситуацию в России и перспективы ее дальнейшего развития, намечал линию поведения последователей Маркса в российских условиях. И не будет преувеличением сказать, что сумма этих концептуальных положений составила очень важную часть идейного багажа всего первого поколения наших отечественных марксистов.

В истории древней и средневековой России, по мнению Плеханова, было очень много общего с историей великих восточных деспотий — Египта, Персии, Китая, и ей предстоял еще довольно длительный процесс приобщения к европейской цивилизации, который в ближайшем обозримом будущем должен был развиваться на базе капитализма. *«За капитализм* вся динамика нашей общественной жизни»*, — делал вывод Плеханов, рассматривая при этом капиталистический строй как естественную необходимую ступень на пути к социализму, когда Россия окончательно станет современным цивилизованным государством.

Народовольческой модели соединения социалистического и демократического переворота при инициирующей роли тайной революционной интеллигентской организации Плеханов противопоставил идею стадиального развития революционного процесса, при котором демократическая и социалистическая революции следуют друг за другом с определенным интервалом, причем совершают их сами народные массы под руководством марксистской рабочей партии. Главной движущей силой обеих этих революций и центром притяжения всех прогрессивных элементов российского общества Плеханов стал пролетариат и его социал-демократический марксистский авангард. «Разумеется, — вспоминал позже он, — мы не могли не видеть, что в то время, когда мы начинали свою пропаганду марксизма, наше рабочее движение находилась еще в состоянии зародыша... Самое главное — мы были твердо убеждены, что пока не окрепнет и не созреет пролетариат, нечего и думать о падении нашего абсолютизма»**.

Важное место в концепции Плеханова занимала идея «паузы» между демократической и социалистической революциями, во время которой в условиях очищенного от пережитков Средневековья капитализма будут постепенно вызревать экономические, политические и социокультурные предпосылки перехода к социализму. Что касается продолжительности этой паузы, то здесь взгляды Плеханова менялись: в 1880-е гг. он считал, что господство российской буржуазии не может быть продолжительным, а в середине 1890-х и позже был убежден, что Россия нескоро покинет путь капиталистического разви-

---

* Плеханов Г. В. Соч. Т. II. М., 1924. С. 170.

** Там же. Т. XIX. М., 1926. С. 241.

тия, начавшийся для нее после 1861 г.* Так или иначе, любые скоротечные и преждевременные социалистические эксперименты он считал опасным авантюризмом, который может лишь дискредитировать саму идею социализма и привести установлению грубых казарменно-коммунистических порядков; подмене власти народа властью новой бюрократической элиты и даже к деградации нации. Не случайно одним из важнейших критериев готовности данного общества к социалистической революции, по его мнению, должен был стать высокий уровень сознания и самосознания пролетариата, обеспечивающий возможность участия в управлении всеми сферами общественной жизни не только социал-демократических партийных функционеров, но и всей массы рядовых рабочих.

Характерно, что эти трезвые предостережения, развивавшие известную мысль Энгельса из работы «Крестьянская война в Германии» о губительных последствиях преждевременного захвата власти революционной партией, прозвучали еще на заре становления русского марксиста, в первой половине 1880-х гг., но были проигнорированы и в 1917 г., и в годы «военного коммунизма», и особенно во времена сталинщины с их идеалами «патриархального и авторитарного», говоря языком Плеханова, коммунизма и господством над народом новой «социалистической» касты**. В другом месте он метко называл подобный строй «политическим уродством», «обновленным царским деспотизмом на коммунистической подкладке»***.

Плеханов не питал больших иллюзий относительно революционных и тем более социалистических потенций российского крестьянства, но отнюдь не отлучал его, как и нарождавшуюся либеральную буржуазию, от освободительного, антиабсолютистского движения, рассматривая эти две силы как вполне реальных союзников рабочих в борьбе с самодержавным режимом. Что касается социалистической революции, то и в то время пролетариат, по прогнозам Плеханова, мог рассчитывать на поддержку со стороны деревенской бедноты. Важную роль в освободительной борьбе отводил он также интеллигенции, но полагал, что реальной политической силой она станет

---

* См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 110, 353, 713.

** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 105.

*** Там же. С. 323.

только вместе с революционным народом, в первую очередь с рабочими.

Логическим завершением плехановского анализа общественно-политической ситуации в России в последние десятилетия XIX в. был его вывод об особой роли пролетариата как гегемона-авангарда, инициатора освободительного движения, выразителя интересов всех трудящихся в прогрессивном развитии страны в целом. Сам термин «гегемон» применительно к освободительному движению закрепился за пролетариатом в марксистских кругах России позже, уже в начале XX в., в первую очередь благодаря работам Плеханова и Ленина, хотя авторами идеи «гегемонии» в 1880—1890-х гг. XIX в. были Плеханов и П. Б. Аксельрод.

В «Наших разногласиях» Плеханов в первый и, к сожалению, в последний раз в своей жизни дал развернутый, подкрепленный многочисленными статистическими выкладками анализ состояния российской экономики, что придало его выводам о развитии капитализма в городе и деревне убедительность и доказательность. Что касается программных документов группы «Освобождение труда», то в общем и целом они стояли на уровне программ тогдашних социалистических партий Западной Европы. В них провозглашалось, что конечная цель социал-демократии состоит в торжестве коммунистической революции и полном освобождении труда от гнета капитала. Эта революция считалась возможной лишь при условии участия в ней всех или по крайней мере нескольких цивилизованных стран (заметим, что в дальнейшем идея мировой или европейской революции не играла сколько-нибудь значительной роли в теоретических построениях Плеханова). В России ближайшей целью рабочей партии, которую еще предстояло создать, было завоевание конституции и осуществление ряда общедемократических преобразований, подробно перечисленных в программе. Ее аграрный раздел формулировался довольно абстрактно: «радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ»; право свободного выхода из общины и т. д., что объяснялось в первую очередь неясностью общей ситуации в деревне и слабостью крестьянского движения*.

* Там же. С. 380.

Разумеется, в исторической ретроспекции к первым марксистским работам Плеханова можно предъявить достаточно много претензий: отсутствие четкой и развернутой постановки вопроса о типе капиталистического развития России и его особенностях по сравнению со странами Запада; сведение российской отсталости к чисто количественным показателям без достаточного учета особого места нашей страны в мировой цивилизации и абсолютизация на этой почве идеи «догоняющего развития» России; известная идеализация пролетариата; недостаточное внимание к аграрно-крестьянскому вопросу; необоснованный оптимизм в отношении позиции либеральной буржуазии; допущение террора.

Можно было бы, наверное, пожелать ему большей широты взглядов, меньшей прямолинейности в его неукротимом «западничестве», лучшего понимания России. Но не будем забывать, что Плеханову было в то время неполных 30 лет, что в России, говоря словами Льва Толстого, все еще только начинало «укладываться» после реформ 1860—1870-х гг. на новый лад и что она всегда была страной крайностей во всем, включая ее революционную мысль и революционное дело. А если это так, то будем справедливы к нашему герою, который при всех своих выдающихся способностях оставался сыном своего времени и своей страны и отражал особенности среды, где он сформировался и действовал.

В основном же прогноз Плеханова на ближайшее будущее России был достаточно точен: развитие капитализма, европеизация страны, подготовка демократической революции. Правда, кое в чем, и весьма существенном, жизнь поправила Плеханова. Так, не оправдались его предсказания о скором крахе крестьянской общины, пережившей не только реформы Столыпина, но и Октябрь 1917 г. Не дошли до разрыва вплоть до Февральской революций отношения между царизмом и российской буржуазией. Да и процесс пролетаризации населения шел в России не так быстро, как это представлялось вначале Плеханову.

В 1887 г. Плеханов тяжело заболел туберкулезом. Наследственная предрасположенность к этой болезни, сильное истощение организма и жестокая простуда сделали свое дело, и Георгий Валентинович оказался на краю могилы. Ситуация усугублялась тяжелейшим материальным положением его семьи, где было уже двое маленьких детей (вторая дочь, Евгения, родилась в 1883 г.). Однако самоотверженность жены,

бескорыстная помощь друзей, в первую очередь В. И. Засулич, забывшей о себе и ухаживавшей за больным Плехановым, П. Б. Аксельрода, а также известного писателя-народника С. М. Степняка-Кравчинского, целебный горный воздух Швейцарии и необыкновенная сила духа самого Георгия Валентиновича сотворили настоящее чудо: он не только поправился, но и смог возобновить работу. Благодаря появлению щедрого спонсора — русского адвоката Н. Г. Кулябко-Корецкого группа «Освобождение труда» смогла издать в 1888 г. первый сборник «Социал-демократ», где были напечатаны сразу несколько статей и рецензий Плеханова.

В 1889 г. Плеханов принял участие в международном социалистическом конгрессе в Париже, положившем начало Интернационалу. Приглашение на него было в известной мере авансом, поскольку связи группы «Освобождение труда» с Россией были еще крайне слабы. Однако Поль Лафарг настоял на том, чтобы его русские друзья вышли на международную арену. На конгрессе Плеханов выступил с краткой речью, которая произвела на большинство присутствовавших очень благоприятное впечатление. В ней он заявил, что революционное движение в России восторжествует только как движение рабочего класса, ибо «другого выхода у нас нет и быть не может»*.

После окончания конгресса Плеханов и П. Б. Аксельрод побывали в Лондоне, где встретились с Энгельсом. Характерно, что в 1885 г., бегло познакомившись с книгой «Наши разногласия» и высказав ряд комплиментов в адрес русских марксистов, Энгельс, находившийся тогда в тесных дружеских отношениях с видными народовольцами, еще солидаризировался с их террористической тактикой. Рассматривая политический переворот в России как детонатор общеевропейской пролетарской революции, он не считал нужным проявлять особую щепетильность в отношении средств достижения этой цели, предсказывая, что удачная акция «Народной воли» может дать, образно говоря, толчок сначала русскому 1789 г., а затем и 1793 г., когда на революционную арену во Франции вышли якобинцы. Но надеждам этим, как известно, не суждено было сбыться, и в 1888 г. Энгельс уже встретил Плеханова как человека, олицетворявшего будущее революционного движения в России. Их беседы были посвящены обсуждению множества теоретических и по-

* Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. М., 1924. С. 54.

литических вопросов, касались деятельности М. А. Бакунина и Ф. Лассаля. Из Лондона Плеханов приехал окрыленным, но судьба готовила ему новые тяжелые удары.

С марта 1889 по июль 1894 г. он вынужден был жить вдали от семьи, в маленькой деревушке Морне на территории Франции, поскольку швейцарские власти без всяких на то оснований обвинили его в связях с русскими анархистами. В начале 1894 г. умерла любимая четырехлетняя дочь Плеханова Машенька. Материальное положение семьи опять было катастрофичным. Вдобавок после резкого антицаристского выступления Плеханова на Цюрихском конгрессе II Интернационала в 1893 г., в котором прозвучали и новые осуждения в адрес заключившей военный и политический союз с Россией Франции, власти последней решили отказать ему в политическом убежище. Плеханов лихорадочно обдумывал планы переезда в Болгарию, Америку, Англию. С июля по ноябрь 1894 г. он пробыл вместе с Засулич в Лондоне, где снова встречался с Энгельсом. Лишь благодаря усилиям Розалии Марковны, остававшейся все это время с дочерьми в Женеве и сумевшей наконец завершить свое медицинское образование, а также ряда швейцарских друзей Плеханова ему разрешили вернуться в Женеву.

Плеханов устанавливает в это время широкие связи со многими руководителями социалистического движения в Западной Европе и США. Помимо Энгельса, который высоко ценил Плеханова как одного из самых образованных марксистов, среди его знакомых и корреспондентов были Каутский (их интенсивная переписка продолжалась с 1889 по 1913 г.), Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, Франц Меринг, Клара Цеткин, Роза Люксембург, Жюль Гед, Поль Лафарг, Виктор Адлер, Эмиль Вандервельде, Димитрий Благоев и многие другие. Плеханов охотно выступал на страницах европейской, в первую очередь немецкой, социалистической печати, написал по заказу германских социал-демократов брошюру на очень актуальную в то время для международного социалистического движения тему «Анархизм и социализм» (1894). При этом Плеханова ценили на Западе не только как признанного авторитета по русским делам, но и как специалиста по вопросам истории философии и общественной мысли, глубокого знатока марксизма.

Но как бы ни был занят Георгий Валентинович международными делами, больше всего его беспокоила ситуация в России, которая пережила в 1891—1892 гг. страшный голод. Плеханов откликнулся на него статьей «Всероссийское разорение» и

брошюрой «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Он показал, что главная причина голода состоит не в стихийном бедствии, поразившем его родину, а в существовавших там общественных отношениях, в систематическом обескровливании деревни самодержавным государством, в страшной бедности российского крестьянина. Плеханов бичевал казнокрадство и бюрократическую волокиту чиновников, с горечью писал о бессилии земств помочь голодающим людям и предлагал развернуть широкое общественное движение за созыв всероссийского Земского собора, призванного заложить основы нового политического строя, без которого огромная страна постоянно будет стоять перед угрозой полного экономического разорения.

Плеханов не скрывал, что в будущем Земском соборе социал-демократы выступят за отмену всех выкупных платежей за землю по условиям реформы 1861 г., потребуют введения прогрессивного подоходного налога и будут добиваться «полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность»*. Охваченный якобинскими настроениями, которые периодически возвращались к нему вплоть до 1905 г., Георгий Валентинович видел для крестьян только один выход — бить своих эксплуататоров и брать у них силой все, что только можно взять. «Подобно немецким коммунистам сороковых годов, — писал он, — мы будем поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка». Но никто не заставит нас спрятать свое собственное знамя и «раствориться» в какой-нибудь либеральной или радикально-оппозиционной партии. Напротив, задача состоит в том, чтобы собрать под марксистским знаменем все слои российского общества, само положение которых заставляет их колебаться между пролетариатом и буржуазией. И решение этой задачи, по мнению Плеханова, марксистам вполне по силам. Разумеется, продолжал он, не нужно преждевременно запугивать либерала революцией и социализмом, но и социал-демократов, в свою очередь, не нужно запугивать призраком «запуганного либерала», бегущего от революции, ибо, кроме вреда освободительному движению, такая тактика заигрывания с либерализмом ничего не принесет**.

---

* Плеханов Г. В. Соч. Т. III. М.; Л., 1928. С. 415.

** Там же. С. 413, 421.

В январе 1895 г. Плеханов вновь обосновался в Женеве и впервые в жизни получил наконец хорошие условия для своей литературной работы, чему помогли его издательские гонорары и стабильные заработки жены в качестве практикующего врача, в жизни Георгия Валентиновича произошло еще одно знаменательное событие. В Петербурге под псевдонимом Н. Бельтов была легально издана с помощью молодого марксиста А. Н. Потресова его большая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая принесла ему большую популярность и широкое признание. В ней Плеханов с блеском защищал основы исторического материализма, полемизировал с Н. К. Михайловским и другими народниками с их «субъективным методом» в социологии. В частности, для Плеханова была совершенно неприемлема теория «героев и толпы», слишком завышавшая, по его мнению, роль личности в истории. Через несколько лет, в 1898 г., в петербургском журнале «Научное обозрение» была опубликована одна из его самых блестящих историко-философских работ «К вопросу о роли личности в истории», где он доказывал, что даже самая выдающаяся личность в конечном счете ограничена в своих действиях рамками объективных общественных закономерностей, имеет своих «дублеров» и отнюдь не всесильна.

Подобная концепция имеет сегодня и сторонников, и противников. Последние полагают, что Плеханов слишком упростил и схематизировал ситуацию, складывающуюся вокруг великих людей, роль которых значительно больше, чем это представлялось первому русскому марксисту. Однако трудно отрицать, что, не претендуя на универсальность, плехановский подход к данной проблеме, особенно в сфере политики, может дать вполне удовлетворительное объяснение многим фактам отечественной и всемирной истории.

Плехановское идейно-теоретическое наследие испытало все превратности более чем 70-летней истории советского государства. Его то отдаляли от официальной коммунистической идеологии, то сближали с ней, акцентировали внимание то на его близости с Лениным, то на разрыве с ним, объявляли то великим теоретиком, то лишь пропагандистом и популяризатором марксизма. Очень много писали и говорили о Плеханове в самые последние годы, причем спектр оценок его мыслей и поступков и в это время оставался очень широким — от признания его исторической правоты в спорах с Лениным до полного отрицания и осуждения всего марксизма.

Хроника основных событий жизни и творчества Г. В. Плеханова

1856, 29 ноября (11 декабря) – родился в семье отставного штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова (1810–1873) и Марии Федоровны Белынской (1832–1881) в с. Гудаловка Липецкого уезда Тамбовской губернии (ныне Липецкая область).

1873 – окончил с золотой медалью Воронежскую военную гимназию и поступил в Константиновское юнкерское училище в Петербурге.

1874 – поступил в Петербургский горный институт, за успехи имел Екатерининскую стипендию.

1876 – был исключен из института «за невзнос платы».

1876 – вступил в народническую организацию «Земля и воля».

1876, 6 декабря – выступил с речью перед участниками демонстрации, устроенной народнической организацией «Земля и воля» у Казанского собора.

1879 – после раскола «Земли и воли» выступил организатором и руководителем «Черного передела».

1880 – эмигрировал в Швейцарию.

1882 – перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

1883 – Плеханов вместе с В. Засулич, Л. Дейчем, П. Аксельродом и В. Игнатовым основал первую российскую марксистскую организацию «Освобождение труда».

1884 – выход в свет книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия», ставшей исходной точкой русского социал-демократического движения.

1889 – участвовал во всех международных социал-демократических конгрессах в качестве представителя от той или другой русской социал-демократической группы, несколько раз исполнял на них обязанности председателя.

Конец 1894 – начало 1895 – по инициативе Плеханова был создан «Союз русских социал-демократов за границей».

1895 – выпустил легально (под псевдонимом Бельтова) книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

1896 – под псевдонимом А. Волгина вышла книга Плеханова «Основания народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)».

1900–1903 – участвовал в создании и руководстве газетой «Искра».

1901 – стал одним из организаторов «Заграничной Лиги русской социал-демократии».

1903 – принял активное участие во II съезде РСДРП, выступая вместе с Лениным против меньшевиков. Однако после II съезда РСДРП Плеханов разошелся с Лениным и был долгое время одним из лидеров меньшевистской фракции РСДРП.

1905–1907 – оставался в эмиграции, оказавшись, таким образом, в стороне от активных революционных событий.

1905 – издает непериодическими брошюрами свой «Дневник социал-демократа», сперва в Женеве, потом в Петербурге. До апреля 1906 г. появилось 5 номеров.

1905, февраль – опубликовал в «Искре» статью «Врозь идти, вместе бить», в которой призывал к вооруженному восстанию в России, к его тщательной подготовке, особое внимание при этом обращал на необходимость агитации в армии.

1905 – в Женеве появился I том «Собрания сочинений» Плеханова, в который вошли «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и небольшие статьи из «Земли и воли» и «Черного передела». Вследствие появившейся возможности печатать эти произведения в России женевское издание прекратилось.

1905–1906 – вышли в Петербурге, под псевдонимом Н. Бельтова, следующие книги Плеханова: «За двадцать лет. Сборник статей литературных, экономических, философских и исторических» (через несколько месяцев – второе издание); «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (издание второе и через несколько месяцев третье; первое издание (1894) разошлось в несколько месяцев, но цензура в течение 10 лет не разрешала второго); «Критика наших крити-

ков» (ряд статей против Струве, Конрада Шмидта, Масарика, статьи о Чаадаеве, о Гегеле и др., первоначально появившиеся по-русски в «Заре» и других изданиях, или же по-немецки в Neue Zeit).

1906—1907 — выступал за участие социал-демократов в выборах в Государственную думу, за блок с кадетами.

1914 — в начале Первой мировой войны стал на сторону союзных стран (против Германии), призывал к борьбе с немецким империализмом. Стал «оборонцем», стоявшим на позициях социал-шовинизма. Был одним из основателей и руководителей социал-демократической группы «Единство».

1917 — после Февральской революции вернулся в Россию после 37 лет изгнания.

1917, 31 марта — на Финляндском вокзале от имени Петроградского совета его приветствовали Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, М. И. Скобелев.

1917 — не был допущен в Исполком Петроградского совета. Причиной была «оборонческая» (т. е. просоюзническая) позиция Плеханова, не разделяемая деятелями Совета с антивоенной позицией.

1917—1918 — отстраненный от руководящей роли, был вынужден ограничиваться редактированием своей газеты «Единство», где публиковал статьи с откликами на важнейшие политические события, вел спор с оппонентами и идейными противниками.

1918, 30 мая — скончался в Ялкала (Финляндия) и похоронен на «Литераторских мостках» Волковского кладбища в Санкт-Петербурге.

Составитель А. В. Бузгалин

5. Материалы к библиографии Г. В. Плеханова

Х. Сакамото

Философское наследие Плеханова в Японии (обзор переводов и исследований)*

1

Первое упоминание имени Плеханова в японской прессе связано с амстердамским съездом II Интернационала, на котором Плеханов и Сэн Катаяма в разгар Русско-японской войны обменялись дружеским рукопожатием. В газете «Хэймин-синбун» («Народная газета») от 9 октября 1904 г. Катаяма писал: «Когда я и господин Плеханов, пожимая друг другу руки перед председателем съезда, высказали мысль, что русские и японцы являются друзьями, то во всем зале раздались возгласы и аплодисменты, не смолкавшие несколько минут, и нам даже пришлось еще раз встать, хотя мы уже сели на свои места, и пожать руки еще раз, чтобы

---

* Впервые опубликована в журнале Japanese Slavic and East European Studies (vol. 15, 1994). Републ. по изд: К 75-летию Дома Плеханова. 1928–2003: Сб. ст. и публ., материалы конф. / сост. и науч. ред. Т. И. Филимоновой. СПб., 2003. С. 138–146.

ответить на бурное одобрение зала»*. Однако до 1921 г. философское наследие Плеханова в Японии оставалось не известно.

Именно в 1921 г. был опубликован первый перевод на японский сочинения Плеханова «Основные вопросы марксизма», но не с русского, а с немецкого языка. А в 1924 г. издается «Анархизм и социализм» в переводе с английского. И лишь в 1927 г. начали появляться переводы с русского языка, в том числе «К шестидесятилетней годовщине смерти Гегеля»; «Предисловие к “Людвиг Фейербах” Ф. Энгельса»; «Искусство и общественная жизнь». С 1927 по 1930 г. были переведены почти все главные сочинения Плеханова (см. приложение к этой статье «Переводы сочинений Плеханова на японский»).

Из этого видно, что во второй половине 20-х гг. интерес к наследию Плеханова неизменно растет. Под влиянием социалистической революции в России японская интеллигенция начала изучение теории марксизма, и работы Плеханова были своего рода проводником к марксизму.

Известный ученый и марксист Каваками Хадзимэ в письме от 28 июля 1927 г. назвал «Основные вопросы марксизма», переведенные в 1921 г., «хорошей и нуждающейся в распространении книгой»**. А один из известнейших японских либеральных философов, Мики Киеси, высоко оценивал книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» в переводе Каваути Тадахико (приложение, 34. 2, 202).

2

Однако в 30-х гг. отношение к наследию Плеханова в Японии резко изменилось. Обострение идеологической борьбы в Советском Союзе оказало немалое влияние на японскую интеллигенцию. В 1931 г. Каваути писал: «Недавно в русском философском кругу вновь были подвергнуты критике ошибочные взгляды Плеханова на диалектику как теорию познания марксистской философии, а также некоторые искажения, допущенные им относительно марксистской этики. Мы должны решительно осудить ошибки, допущенные Плехановым, и одновременно ясно видеть различия между его верными фи-

---

* Катаяма Сэн. Автобиография. Токио, 1954. С. 236.

** Каваками Хадзимэ. Полн. собр. соч. Токио, 1984. Т. 25. С. 76.

лософскими взглядами и меньшевистскими колебаниями»*. И дальше Каваути добавляет: «Поучиться нечему в теории Плеханова, меньшевика, социал-патриота, оппортуниста».

В Юйбуцурон-кэнкюкай (Общество исследователей материализма)** было проведено обсуждение выдвинутого советским философом М. Митиным положения о «ленинском этапе в развитии философии марксизма», а также критика Плеханова с позиции Ленина и большевиков. Ведущий член общества Нагата Хироси писал: «Плеханов и его компания наклеили большевизму ярлык бланкизма, субъектизма, ницшеанства и пр., и как только богдановщина вошла в моду, поставили и ей клеймо философских выражений субъективизма, бланкизма и пр., якобы характерных для большевизма, а себя сочли единственно правильной школой, но история доказала полную ошибочность этого взгляда Плеханова на большевизм и выявила целый ряд отклонений от марксизма, допущенных в теории Плеханова в результате его политического оппортунизма. Диалектический материализм после Маркса и Энгельса был развит Лениным, и только им, который тесно связал марксистскую теорию с общим пониманием новых достижений естественной науки и с теоретическим выяснением вопросов, выдвинутых жизнью общества в период империализма»***.

В 30-х гг. сочинения Плеханова стали издаваться все реже, интерес к нему явно ослабел. Конечно, следует иметь в виду и то, что в условиях милитаристской Японии свобода печати была крайне ограничена. Но и по окончании войны возрождение интереса к идеям Плеханова не наблюдалось, и в первое послевоенное десятилетие были лишь переизданы две-три его книги.

3

1956 г. положил начало критике культа личности и переоценки деятельности И. В. Сталина. В том же году отмечалось

---

* Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / пер. Каваути Тадахико. Токио, 1931. С. 6.

** Общество исследователей материализма существовало с 1932 по 1938 г. во главе с Тосака Дзюн. Общество распалось в результате массовых арестов.

*** Нагата Хироси. Избранные сочинения. Токио, 1948. Т. 7: Лекции о материализме. С. 162–163.

столетие со дня рождения Плеханова, вызвавшее оживление исследований в Советском Союзе, что оказало прямое влияние на японских ученых. Появляются сразу два перевода плехановской статьи «К вопросу о роли личности в истории» и новый перевод, теперь уже с русского языка, «Введения» в «Историю русской общественной мысли».

Особого внимания заслуживает тот факт, что с этого времени начали публиковаться работы о Плеханове. Среди них следует отметить прежде всего серию статей Накамура Еситомо «Русская сельская община во второй половине XIX в. и Г. В. Плеханов — одна из сторон процесса распада утопического социализма в России» (1957 г.) и «Русская идейная традиция в XIX в. и идеологический поворот Плеханова 0 развитие социализма в России от "утопии" к "науке"» (1957—1958 гг.). Заканчивая последнюю статью, Накамура писал: «Как мелкобуржуазный общественный деятель Плеханов под влиянием народников, главным образом Бакунина, подошел к марксизму. И потом даже старался отказаться от влияния Бакунина, но полностью сделать этого не смог, в результате чего некоторые идеи Бакунина разделялись Плехановым и на новом этапе его жизни. Не это ли стало впоследствии причиной поворота к меньшевизму?»* Убежденный в правильности и последовательности точки зрения Ленина и большевиков, автор статей приписывал «меньшевизм» Плеханова его «бакунизму».

Можно сказать, что и другой автор — Арамата Сигэо — стоял на этой же точке зрения. В статье «Плеханов и идеи о гегемонии пролетариата» (1960 г.) он писал, что Плеханов, в отличие от Ленина, не дошел до идей о гегемонии пролетариата в борьбе против абсолютизма из-за «недостаточного отречения от народничества», т. е. в результате «упования на революционную интеллигенцию»**.

Вада Харуки, подходя к учению Плеханова с позиции, которая может быть определена как радикалистская, пишет в «Заметке о Плеханове», что у последнего отсутствует «активный

---

* Накамура Еситомо. Русская идейная традиция в XIX в. и идеологический поворот Плеханова: Развитие социализма в России от «утопии» к «науке» // Сэйкэй-ронсо (Политико-экономические дискуссии): Сб. Гос. ун-та Хиросима. 1958. Т. 8. № 1.

** Арамата Сигэо. Плеханов и идеи о гегемонии пролетариата // Сурабукэнкю (Slavic Studies). Саппоро, 1960. № 4. С. 74.

подход к действительности», что повлекло за собой, по мнению Вада, отклонение и от народничества, и от большевизма. Однако, безусловно, оригинальна мысль автора «Заметки» о том, что «...в отличие от народничества марксизм послужил оппортунистам поводом для оправдания своего бездействия»*. Следует сказать, что Вада придерживается той же критической позиции и в книге «Маркс, Энгельс и революционная Россия», опубликованной в 1975 г. Автор, отмечая, что Плеханов расходился с Марксом во взглядах на общину, делает намек на то, что первый умышленно скрыл письмо Маркса к Засулич как противоречившее его мнению**.

Но в целом можно сказать, что до начала 60-х гг. в японских исследованиях творческого наследия Г. В. Плеханова доминировала точка зрения В. И. Ленина и большевиков.

4

Только в 1962 г. появились первые критические высказывания в адрес советских исследователей Плеханова. Нагао Хисаси в статье «Короткое рассуждение о Плеханове» пишет, что советские коллеги видят в учении Плеханова простую сумму множества «заслуг» и некоторых «ошибок», однако они не взаимосвязаны и взаимозависимы, а разделены «неодолимой стеной»***. Обратившись к понятию Плеханова «эксплуатация крестьян государством», которое посчитал «ошибочным» советский исследователь И. М. Бровер, Нагао предложил детально изучить, как соотносится данное положение другими идеями плехановской теории исторического развития российского государства. «Неужели, — пишет автор статьи, — столь оригинальное рассуждение Плеханова о России после отмены крепостного права ("эксплуатация крестьян государством" — Сакамото) не связано с его взглядами на распад крестьянской общины и развитие капитализма, происходящими одновремен-

---

* Вада Харуки. Заметка о Плеханове // Наука-но-мадо (Окно науки). Токио, 1960. Т. 6. № 10. С. 33.

** Вада Харуки. Маркс, Энгельс и революционная Россия. Токио, 1975. С. 466.

*** Нагао Хисаси. Короткое рассуждение о Плеханове // Росиаси-кэнкю (История России). Токио, 1962. Т. 3. № 2. С. 5.

но? Неужели эти “заслуги” не связаны с “ошибкой”?»* Но, к сожалению, сам Нагао не стал заниматься разработкой этого «оригинального рассуждения».

Но на него обратил внимание и очень высоко оценил американский ученый С. Х. Бэрон в книге «Плеханов – основоположник русского марксизма» (1963 г.). Автор книги замечает, что Плеханов считал российское государство образцом восточной деспотии. Поэтому, – пишет Бэрон,– Плеханов, полагая, что и после отмены крепостного права сохраняется подчинение крестьян государству, возражал против национализации земли, поскольку она лишь укрепит деспотические основы государства.

В 1967 г. Танака Масахару опубликовал монографию «История русской экономической мысли» с подзаголовком «Плеханов и дискуссия о капитализме в России». Это первое в Японии достаточно полное исследование взглядов Плеханова, автор которого, отказавшись от точки зрения Ленина, большевиков и следующих за ними советских философов-обществоведов, т. е. отказавшись от суммирования и разграничения «заслуг» и «ошибок», пытается изложить учение Плеханова в его целостной совокупности и взаимозависимости. Танака, характеризуя предложенную Плехановым в период его перехода от народничества к марксизму теорию революций, отказывается от схемы сплошных двух, т. е. буржуазной и социалистической, революций. Автор считает, что Плеханов рассматривал их отдельно, предполагая между ними довольно большой промежуток, и сохранил эту точку зрения до конца своих дней.

Заслуживает внимания и тот факт, что автор рассматриваемой монографии разделяет мнение Бэрона о справедливости взгляда Плеханова на российское государство как на разновидность восточной деспотии, чем объясняется и тактика Плеханова, направленная против национализации земли. Поэтому Танака считает, что «необходимо еще раз вернуться» к взгляду Плеханова на российское государство для повторного обсуждения и возможного пересмотра**. Однако в заключение книги автор возвращается к точке зрения Ленина и большевиков,

---

* Там же. С. 6.

** Танака Масахару. Плеханов и дискуссия о капитализме в России // История русской экономической мысли. Киото, 1962. С. 381.

рассматривая позицию Плеханова как «имеющую уклон в объективизм»* и «склонную к отступлению»**.

В 1977 г. Кодзима Садаму написал обширную рецензию на книгу Танака. В ней Кодзима возражает против «несправедливо высокой»*** оценки, данной Танака вслед за Бэроном, взглядов Плеханова на деспотическую Россию. Рецензент считает, что сближение Танака и Бэрона объясняется тем, что оба видели перспективу гражданского общества в России не в теории Ленина о национализации земли, а в учении Плеханова о специфике российского государства как деспотии. Кодзима же пытается доказать, что ленинская теория содержала в себе перспективу гражданского общества.

Такахаси Каору в серии статей «Дискуссия о перманентной революции в русских революциях» (1976–1977 гг.) оценил теорию революций Плеханова как не выдержавшую испытания событиями 1905 г. Однако уже написанная в 1980 г. статья «Плеханов и Первая мировая война» (1980 г.) свидетельствовала о явных изменениях во взглядах автора. Отказавшись как от точки зрения Ленина и большевиков, согласно которой Плеханов считался социал-патриотом, так и от мнения Бэрона, охарактеризовавшего позиции Плеханова в годы войны как переход «от интернационализма к национализму, Такахаси доказывает, что взгляд Плеханова не противоречил высказываниям Маркса и Энгельса о войне. Далее автор сопоставляет позиции Ленина и Плеханова: Ленин убежден, что мировая война обязательно приведет к революциям, а Плеханов, полагая, что вследствие распада II Интернационала революция оказалась отложенной на отдаленное будущее, решил спасти все, что можно было спасти для будущего движения. И на том основании, что революция в Европе так и не произошла, Такахаси спрашивал: «Не у Ленина ли было больше неисторического мышления?»****

---

* Танака Масахару. Плеханов и дискуссия о капитализме в России. С. 346.

** Там же. С. 366.

*** Кодзима Садаму. Проблематика исследований Плеханова // Вокруг критического пересмотра взгляда г. Танака Масахару // Нагоя-дайгаку. Сэйкэй-ронсю (Бюллетень политико-экон. исслед. Гос. ун-та Нагоя). 1977. № 72. С. 63.

**** Такахаси Каору. Плеханов и Первая мировая война // Росиаси-кэнкю (История России). 1980. № 31. С. 13.

В 1986 г. появилась статья Кодзима Садаму «Взгляд Плеханова на голод (1891—1892 гг.)»*. Здесь автор пытается доказать, что взгляд Плеханова на развитие капитализма в России тесно связан с его взглядом на деспотическую Россию. Но, занимая критическую по отношению к Плеханову позицию, Кодзима ограничивается лишь доказательством теоретической последовательности взглядов Плеханова и не ставит задачу исследовать их эволюцию, что позволило бы учесть конкретные исторические обстоятельства, в которых развивалось творчество русского мыслителя.

С 1996 г. в Плехановских чтениях принимает участие Сакамото Хироси. С их достижениями он знакомит японских читателей в двух статьях**.

В заключение следует сказать, что японские ученые, принимая верные положения исследований в Советском Союзе и на Западе и опровергая устаревшие доктрины своего времени, стремились к выяснению полноты и цельности идей Плеханова. Эта общая задача заново поставлена и в настоящее время, когда мировому сообществу предстоит пережить последствия распада Советского Союза.

Приложение

Сочинения Г. В. Плеханова, опубликованные на японском языке

О литературе: Сб. Токио: Собункаку, 1930. Содерж.: Генрик Ибсен; Сын доктора Стокмана; К психологии рабочего движения; Г. И. Успенский.

Об искусстве в классовых обществах: Сб. Токио: Собункаку, 1928. Содерж.: Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии; Пролетарское движение и буржуазное искусство; Искусство и общественная жизнь; Предисл. к 3-му изд. сб. «За двадцать лет».

То же. Токио: Микасасебо, 1952.

---

* Кодзима Садаму. Взгляд Плеханова на голод (1891—1892 гг.) // Фукусима-дайгаку Сегаку-ронсю (Бюллетень коммерческих исслед. Гос. ун-та Фукусима). 1986. Т. 55. № 1, 2.

** Сакамото Хироси. Новое направление переоценки Плеханова // Тояма-кокусай-дайгаку-кие (Ежегодник Ун-та междунар. исслед. Тояма) 1996. Т. 6.

Толстой в зеркале марксизма: Сб.: Пер. с нем. Токио: Хакуеся, 1929. Содерж.: Отсюда и досюда; Смещение представлений; Карл Маркс и Лев Толстой / Г. В. Плеханов и произв. др. авт.

То же. 1931.

Анархизм и социализм / пер. с англ. Киото: Есида-сетэн, 1924.

То же / пер. с фр. Токио: Сюндзюся, 1928.

Искусство и общественная жизнь. Токио: Доздинся, 1927.

То же. Токио: Ивамами-бунко, 1965.

То же. 1971.

К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Токио: Тэтто-сетэн, 1931.

То же. Токио: Нансо-сеин, 1929.

То же. Токио: Иванами-бунко, 1947.

То же. Изд. 2-е, испр. 1963.

То же. Изд. 3-е. 1965.

К вопросу о роли личности в истории. Токио: Мирайся, 1956.

То же. Токио: Ивамами-бунко, 1958.

То же. 1961.

К шестидесятой годовщине смерти Гегеля / пер. с нем. Токио: Доздися, 1927.

То же. Токио: Собункаку, 1927.

Критика наших критиков. Токио: Собункаку, 1929.

Materialismus militans. Токио: Собункаку, 1930.

О так называемых религиозных исканиях в России. Токио: Тэтто-сеин, 1930.

Основные вопросы марксизма / пер. с нем. Токио: Иванами-сетэн, 1921.

То же / пер. с фр. Токио: Кесэйкаку, 1928.

То же / пер. с нем. Токио: Хакуеся, 1930.

То же / пер. с фр. Токио: Секо-сеин, 1946.

То же / пер. с нем. // Сэкай-дайсисо-дзенсю (Серия избр. соч. великих мировых мыслителей). 1955. Т. 14.

То же / пер. с нем. Токио: Фукумура-сюппан, 1974.

Очерк развития русских общественных отношений: Введение в «Историю русской общественной мысли» / пер. с фр. Токио: Хакуеся, 1929.

То же. Токио: Мирайся, 1961.

Очерки по истории материализма / пер. с нем. Токио: Доздинся, 1927.

То же. Токио: Кайдзо-бунко, 1935.

Первые фазы учения о классовой борьбе: Предисл. ко 2-му изд. «Манифеста Коммунистической партии» / пер. с нем. Токио: Дздинся, 1928.

Письма без адреса. Токио: Собунся, 1928.

То же. Токио: Ивамами-бунко, 1965.

То же. 1971.

Предисловие к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах». Токио: Нансо-сеин, 1927.

То же. Токио: Кесэйкаку, 1927.

То же. Токио: Собункаку, 1930.

Социализм и политическая борьба. Токио: Кесэйкаку, 1928.

То же. Токио: Оцуки-сетэн, 1973.

Философские, исторические и литературные взгляды Н. Г. Чернышевского. Токио: Собункаку, 1929.

1921 г.

«Основные вопросы марксизма» / пер. с нем. Кодо Ясуси, Иванами-сетэн, Токио.

1924 г.

«Анархизм и социализм» / пер. с англ. Коно Хисока, Есида-сетэн, Киото.

1927 г.

Искусство и общественная жизнь / пер. Курахара Корето, Дздинся, Токио.

Предисловие к «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса / пер. Сано Ясуо, Гесэйкаку, Токио.

Очерки по истории материализма» / пер. с нем. Эномото Канэсукэ, Дздинся, Токио.

К шестидесятилетней годовщине смерти Гегеля» / пер. с нем. Рю Синтаро, Дздинся, Токио.

Предисловие к «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса» (с 7-м примечанием к ней) / пер. Нагата Хироси, Нансо-сеин, Токио.

К шестидесятилетней годовщине смерти Гегеля / пер. Каваути Тадахико, Собункаку, Токио.

В этом перечне исключены следующие переиздания.

1928 г.

Первые фазы учения о классовой борьбе / пер. с нем. Ямагути Тацурокуро, Дздинся, Токио.

Анархизм и социализм» / пер. с франц. Тудзи Дзюн, Сюндзюся, Токио.

Письма без адреса / пер. Сотомура Сиро, Собунся, Токио.

Социализм и политическая борьба / пер. Такэо Хадзимэ, Кесэйкаку, Токио.

Об искусстве в классовых обществах/ пер. Курахара Корэто, Собункаку, Токио (включ. сочинения: «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии», «Пролетарское движение и буржуазное искусство», «Искусство и общественная жизнь» и «Предисловие к 3-му изданию сборника “За двадцать лет”»).

Основные вопросы марксизма/ пер. с франц. Кимура Харуми (псевдоним Сато Сакаэ), Кесэйкаку, Токио.

1929 г.

К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / пер. Каваути Тадахико, Нансо-сеин, Токио.

Введение в «Историю русской общественной мысли» / пер. с франц. Сасаки Такамару, Хакуеся, Токио.

Критика наших критиков / пер. Сотомура Сиро, Собункаку, Токио.

Толстой, отраженный в зеркале марксизма / пер. с нем. Табата Сансиро, Хакуеся; Токио (включ. статьи Плеханова: «Отсюда и досюда», «Смещение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой»).

Философские, исторические и литературные взгляды Н.Г.Чернышевского / пер. Курахара Корэто, Собункаку, Токио.

1930 г.

О литературе / пер. Сотомура Сиро, Собункаку, Токио (включ. статьи: «Генрик Ибсен», «Сын доктора Стокмана», «К психологии рабочего движения» и «Г. И. Успенский»).

Предисловие и примечания к брошюре Ф. Энгельса «Л. Фейербах» / пер. Каваути Тадахико, Собункаку, Токио.

О так называемых религиозных исканиях в России / пер. Кавачти Тадахико, Тэтто-сеин, Токио.

Основные вопросы марксизма / пер. с нем. Ириэ Такэкадзу, Хакуеся, Токио.

Materialismus Militans / пер. Кавачти Тадахико, Собункаку, Токио.

1931 г.

Толстой, отраженный в зеркале марксизма / пер. Колгбу Такаси, Хакуеся, Токио (включ. статьи Плеханова: «Отсюда и досюда», «Смещение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой»).

1935 г.

Очерки по истории материализма / пер. с нем. Фудзии Енэдзо, Кайдзо-бунко, Токио.

1946 г.

Основные вопросы марксизма / пер. с франц. Сато Сакаэ, Секо-сеин, Токио.

1947 г.

К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / пер. Каваути Тадахико, Иванами-бунко, Токио.

1952 г.

Об искусстве в классовых обществах / пер. Курахара Корэто, Микаса-себо, Токио.

1955 г.

Основные вопросы марксизма / пер. с нем. Кодо Ясуси, Кавадэ-себо-синся, Токио (в 14-м томе «Сэкай-дайсисодзэнсю»

1956 г.

К вопросу о роли личности в истории / пер. Нисимута Хисао и Наоно Ацуси, Мирайся, Токио.

1958 г.

К вопросу о роли личности в истории / пер. Кихара Масао, Ивамами-бунко, Токио.

1961 г.

Введение в «Историю русской общественной мысли» / пер. Исикава Икуо, Мирайся, Токио.

1963 г.

К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Т. 1–2 / пер. Каваути Тадахико, Иванами-бунко, Токио (переиздание с исправлениями).

1965 г.

Искусство и общественная жизнь / пер. Курахара Корето; Письма без адреса / пер. Эгава Таку, Ивамами-бунко, Токио.

1973 г.

Социализм и политическая борьба / пер. Утимура Юдзо, Оцуки-сетэн, Токио.

1974 г.

Основные вопросы марксизма / пер. с нем. Васида Коята, Фукумура-сюппан, Токио.

Библиография Г. В. Плеханова

Труды Г. В. Плеханова

Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914–1917.

Плеханов Г. В. Сочинения: в 24 т. М., 1923–1927.

Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934–1940. Сб. 1–8.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956.

Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: в 3 т. М., 1974.

Plekhanov G. V. Selected Philosophical Works. M., 1974–1981.

Первая марксистская группа — группа «Освобождение труда». М., 1983.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. / пер. Цар Баохуа. Пекин, 1984.

Plechanov G. V. Opere filozofice: In 5 vol. Bucuresti, 1958–1961.

Plekhanov G. V. Vybrane filosoficke spisy. Sv. 1–5. Praha, 1958–1965.

Plehanov G. V. Isasbrana dela. Urednik Dusan Maletic. T. 1–10. Beograd, 1966–1968.

Русский революционный архив. Из архива П. Б. Аксельрода. Вып. 1. 1880–1892. М., 2006.

Русский революционный архив. Из архива А. Н. Потресова. Вып. 1. Переписка 1892–1905. М., 2007.

Русский революционный архив. Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г. В. и Р. М. Пле-

хановых, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча: в 2 вып. М., 2009.

Литература о Г. В. Плеханове

Бэрон С. Х. Г. В. Плеханов — основоположник русского марксизма: пер. с англ. СПб., 1998.

Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990.

Ваганян В. А. Г. В. Плеханов. М., 1924.

Ваганян В. А. Г. В. Плеханов. «Год на родине»... Полное собрание статей и речей 1917—1918 годов: в 2 т. Париж, 1921.

Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову. М., 1969.

Вольфсон С. Я. Плеханов. Минск, 1924.

Гарафиев И. З. Ценностный подход в историческом познании как проблема философии истории Г. В. Плеханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. № 5 (32). Пенза, 2007.

Гетцлер И. Г. В. Плеханов. Глава из многотомной «Истории марксизма». Рим: Изд-во «Эйнауди», 1979.

Гурштейн А. Плеханов // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. М., 1929—1939.

Жуйков А. Г. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975.

«Завещание Плеханова»: Фальшивка или документ эпохи / Филимонова Т. «Документ составлен нашими современниками»; Чернобаев А. Артефакт завещания; Тютюкин С. Своеобразный историографический феномен; Грецкий М. Попытка осмыслить новые процессы; Петренко Е. Вольная интерпретация подлинных текстов // Свободная мысль — XXI. 2000. № 6.

Исторический архив. 1998. № 2 (К 70-летию Дома Плеханова).

Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, М., 1960.

Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973.

Калинчук С. В. Группа «Черный передел» и проблема федерализма в движении революционного народничества в 70—80-х годах XIX века: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб, 2000. 34 с.

Костяев Э. В. Отношение российских меньшевиков к проблемам войны и мира (январь 1904 — февраль 1917 года):

Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Саратов, 1997. 15 с.

Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов: Человек и политик / Пермь, 1992.

Купцов А. В. Крах попыток объединения социал-демократии на центристской основе в России накануне Первой мировой войны // Борьба КПСС против мелкобуржуазной, буржуазной идеологии и антипартийных течений (1895–1932 годы): Межвуз. темат. сборник. Калининский госуниверситет, 1979. С. 48–73.

Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов. Человек и политик. Пермь, 1992.

К 75-летию Дома Плеханова. 1928–2003: Сб. статей и публикаций, материалы конференции. СПб., 2003.

Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» (1883–1903). М., 1977.

Курбатова И. Н. Г. В. Плеханов – историк рабочего движения в России // Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. Л., 1989.

Левин Ш. М. «Черный передел» и проблема политической борьбы // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. статей к 75-летию академика Николая Михайловича Дружинина. М., 1961. С. 241–253.

Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов. М., 1983.

Лифшиц М. А.Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов Г. В. Плеханова // Плеханов Г. В. Эстетика и социология искусства. М., 1978. Т. 1. С. 7–102.

Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов и критика модернизма в изобразительном искусстве // Художник. 1967. № 1. С. 57–62.

Митин М. Б. Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М., 1957.

Москаленко Ю. М. Г. В. Плеханов в отечественной историографии: К проблеме переосмысления // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М, 2006. С. 351–358.

Николаев П. А. Эстетика и литературные теории Г. В. Плеханова. М., 1968.

Пантин И. К., Плимак Е. Г. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000.

Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда»: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984.

Первая русская революция и взгляды Г. В. Плеханова на террор // Вестник РУДН. Серия «История России». Спец. выпуск. 2007. С. 96—99.

Петричко Ю. В. Г. В. Плеханов и Л. А. Тихомиров: к истории взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия «История России». Спец. выпуск. 2007. С. 150—155.

Пустарнаков В. Ф. «Капитал» и философская школа Г. В. Плеханова // Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. М., 1974.

Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX века. М., 1957.

Соколов В. Н. О реалистически-материалистическом характере философских взглядов Г. В. Плеханова и А. М. Деборина // Философско-антропологические исследования. Вып. 3—4. Курск, 2009. С. 75—88.

Сныткин М. В. И. Ленин о тактических взглядах Г. В. Плеханова в годы первой русской революции // Воплощение идей В. И. Ленина в строительстве социализма. Ростов н/Д, 1970. С. 178—196.

Розенталь М. Вопросы эстетики Плеханова. М., 1939.

Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и К. Маркс: Выбор пути или судьба? М., 1999.

Троцкий Л. Беглые мысли о Г. В. Плеханове // ПЗМ. 1922. № 5—6.

Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981.

Тютюкин С. В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002.

Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. История русского марксиста. М., 1997.

Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997.

Филимонова Т. И. Г. В. Плеханов о причинах возникновения Первой мировой войны и роли международной общественности в борьбе за заключение справедливого мира // Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2005.

Фомина В. А. Философское наследие Г. В. Плеханова, М., 1956.

Цапиева О. К. Георгий Плеханов: Экономические воззрения. М., 1991.

Цапиева О. К. Г. В. Плеханов и экономическая мысль Запада. М., 1992.

Черкашин Д. Эстетические взгляды Г. В. Плеханова. Харьков, 1959.

Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973.

Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л., 1963.

Шишков Н. И. Этические воззрения Г. В. Плеханова. Кишинев, 1987.

Baron S. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963.

Baron S. Plekhanov in Russian History and Soviet Historiography. Pittsburgh, 1995. 274 p.

Gaveing M. George Plekhanov, Philosophe Militant // La Pensée. 1958. № 79.

Jena D. Georgi Walentinowitsch Plechanow. Historisch-politische Biographie. B., 1989.

Petrovic G. Filozofski progledi G. V. Plehanova. Zagreb, 1957.

Составитель А. В. Бузгалин

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

А. В. Бузгалин

В. И. Ульянов: Философия, опредмеченная в историческом процессе*

Ульянов-Ленин – это теоретик особого рода. Степени нет, большую часть времени посвящает политической борьбе, в университетах не преподает, написал всего несколько специально подготовленных теоретических текстов...

Но вот незадача: практика (этот «зловредный» критерий истины) почему-то говорит, что новые идеи и разработки Ульянова более чем необходимы всякому, кто берется за дело теоретического содействия социальному творчеству всерьез и надолго.

Это не случайно. Ленин не просто вырабатывал новые теоретические решения. Он еще и воплощал их в жизнь. Причем в ряде случаев непосредственно, минуя опосредование собственно теоретическим произведением. *Ульянов «писал» новую теорию языком социальной практики.* «Носителем» его теорети-

---

* Текст является сокращенной и переработанной версией глав автора в книге «Ленин on line» (М., 2011).

ских разработок в ряде случаев (особенно в периоды, когда социальное время ускорялось до беспредельности — в периоды революций и войн) становились не статьи и книги, а политические решения, программы, декреты. В этом смысле *Ленин был теоретиком особого типа — субъектом одновременно и научного, и социального творчества*, теоретиком, непосредственно, без сколько-нибудь четко фиксируемой границы включенным в процесс политического и социального созидания нового мира, его предпосылок и компонент*. И как всякий созидатель нового не только в теории, но и на практике, он не мог не ошибаться; и эти ошибки при поистине историческом масштабе действий не могли не становиться трагическими.

Пункт 1. Начало творчества Ленина исторически не случайно приходится на период начала развития капитализма в России, с одной стороны, начала пролетарской борьбы с этим капитализмом и распространения марксизма в нашей стране — с другой (как заметил профессор Роберт Стоун: марксизм появляется там, где появляется капитализм, и живет [как минимум], пока жив капитализм). Соответственно и научная деятельность Ульянова начинается разработкой теории этого генезиса, не только развивающей, но и существенно обогащающей положения Маркса, и *теории нового политического субъекта* — «партии нового типа». Именно он, этот субъект, стал едва ли не главным и наиболее мощным политическим актором XX в. Именно «партия нового типа» стала при всех ее противоречиях едва ли не основным борцом за социализм в XX в., истории которого нет без мирового коммунистического движения, а значит — большевизма и Ленина.

Пункт 2. Новый этап развития капитализма в России — революция 1905 г. — обусловливает открытие казавшегося ранее невозможного политического пути. Догоняющее развитие капитализма в стране, где (1) едва ли не доминирующим остаются пережитки позднего феодализма, но которое происходит, однако, в условиях (2) мировой победы буржуазной системы — такое дого-

* В связи с этой особенностью творчества В. И. Ульянова-Ленина автор данного текста принял весьма нетривиальное и на первый взгляд ошибочное решение отказаться от цитат из работ Ленина. Для этого, впрочем, были и другие, менее важные причины. Во-первых, большая часть упоминаемых работ и тезисов Ленина общеизвестна. Во-вторых, цитаты, вырванные из контекста, мало что доказывают, а помещение положений Ленина целиком увеличило бы объем этой работы до чрезмерного.

няющее развитие открывает совершенно невозможную с точки зрения классического марксизма перспективу. Это перспектива гегемонии *пролетариата* в *буржуазной* революции при создании того, что мы бы сейчас назвали блоком левых сил. Главным содержанием таких социально-политических преобразований оказывается решение не собственно капиталистических, а общедемократических задач, во-первых. И во-вторых, немедленный дальнейший переход к социалистическим преобразованиям (перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую). Эта *«связка» борьбы за последовательную, низовую демократию* (ср.: теоретическое осмысление Лениным Советов как нового типа демократии) *и борьбы за социализм стала едва ли не ключевым политическим вопросом всех левых во всех странах мира XX в.* Именно она явилась теоретической основой и курса на вооруженное восстание осенью 1917 г. и всего последующего обоснования возможности начала строительства социализма в относительно слаборазвитой стране. Именно она остается ключевым вызовом сегодня, столетие спустя, для Кубы и Венесуэлы, Китая и Вьетнама.

Пункт 3. Первая мировая война окончательно доказывает, что капитализм стал мировой империалистической системой. Она же доказывает, что правое крыло социал-демократии (то, что потом в мире стало обозначаться термином «меньшевизм») есть не что иное, как часть прокапиталистичских политических сил, готовая прямо выставить своим лозунгом не просто возможность использования насильственных форм политической борьбы, а поддержку жесточайшей для той эпохи мировой бойни, которая унесет более 10 млн жизней. Теоретический ответ Ленина на эти вызовы многопланов. Но главные новые разработки — это основы *материалистической диалектической логики и теории империализма как новой стадии капитализма*. И если последнее довольно очевидно вытекает из проблем практики, то первое кажется загадкой: почему диалектическая логика? почему в 1914-м?

Пункт 4. Революция и Гражданская война — практика свершений и трагедий всемирно-исторического масштаба, свершений, которые не только потрясли, но и изменили весь мир, дав новое русло истории XX (да и не только) столетия. Научный ответ Ульянова на эти вызовы многолик; но едва ли ключевой вопрос этого периода — *теория государства* (в единстве его экономических, социальных, политических, военных, репрессивных и т. п.

функций). Теория, не только воплощенная в брошюрах и статьях, но и написанная языком декретов и практических решений.

Пункт 5. Россия после Первой мировой и Гражданской войн: чудовищная разруха — на одной стороне; невиданный энтузиазм строительства нового мира — на другой. И теоретико-практические вызовы величайшей проблемы левого движения той эпохи. С одной стороны, в условиях спада мирового революционного процесса в отсталой и изолированной России социализм построить невозможно. С другой стороны, не идти по социалистическому пути — значит не только предать надежды, борьбу, смерти и *победу* миллионов «красных» в России и в мире, но и превратить страну в полуколонию, а народ обречь на новые муки «военно-феодального империализма». На эти вызовы теории и практики, на вопрос о *возможной стратегии и тактике продвижения к социализму в условиях недостаточных предпосылок для нового строя,* Ленин лишь *начал* искать ответ. Но это *начало* теоретически стоит едва ли не выше всех последующих работ иных авторов, уходивших так или иначе в русло то ли теоретического бессилия и практического предательства борьбы, то ли политического маккиавелизма и авантюризма...

Таковы важнейшие исторические контрапункты.

Но начну я с основы основ марксизма — материалистической диалектики.

Диалектическая логика, поставленная с головы на ноги (В. И. Ульянов как методолог)

На тему о том, почему именно в начале Первой мировой войны и в момент предательства лидеров II Интернационала В. И. Ульянов в Бернской библиотеке занялся изучением серьезнейших философских произведений, и в первую очередь «Науки логики» Гегеля, написано немало и отечественными, и зарубежными исследователями. Ответ на этот вопрос сторонники (в том числе критические) ленинских идей формулируют, как правило, достаточно точно: август 1914 г. стал во многом переломным пунктом Новейшей истории. Изменения в условиях борьбы и самой природе *мировой* социал-демократии, накапливавшиеся исподволь и десятилетиями, радикально изменились. Качественный скачок стал очевиден. Диалектика заявила о себе недвусмысленно и жестко.

Здесь принципиально важен акцент на *необходимости диалектической логики как основного метода марксистских теоретических исследований.* Этот вывод Ленина был и остается более чем спорным, но от этого не менее важным. Фактически все основные положения ленинского конспекта посвящены либо доказательству, либо иллюстрациям этого тезиса, включая знаменитый и широко цитируемый даже на Западе афоризм о необходимости проштудировать «Логику» Гегеля для того, чтобы понять «Капитал»*. Более того, почти столетие спустя именно здесь обнаружился краеугольный камень в дискуссиях ученых-социалистов, и марксистов прежде всего.

Вслед за Лениным я мог бы, наверное, сформулировать новый афоризм: *теория и практика вне диалектической логики есть прямой отказ от ленинского наследия.* Я полагаю, что те, кто не использует в своей практической (в том числе научной) деятельности диалектический метод во всей его полноте, оказываются «по ту сторону» ленинского теоретического наследия и ленинской методологии (в том числе социального творчества, политической борьбы). Следовательно, сто лет спустя после Ленина в мире найдется совсем немного его действительных теоретических и политических последователей.

Большинство современных марксистов, особенно западных, в этом, как ни странно, со мной согласятся. Только поставят прямо противоположный знак. Автор этих строк скажет «да» диалектике и критически (диалектически) переосмысленному ленинскому наследию. Подавляющее большинство современных левых теоретиков, работающих в парадигмах позитивизма, структурализма (естественно, с приставками нео-, пост- и т. д.), постмодернизма и пр., скажут жесткое «нет» и диалектике, и ленинизму.

Большинство же его и самозваных последователей, и хулителей (от Сталина до постмодернистов**) отвергли и метод, и

---

* В книге «Ленин. Перезагрузка» он упоминается не раз. В том числе и в критическом смысле, когда указывается на правомерность и обратного утверждения: нельзя (материалистически) понять Гегеля, не проштудировав «Капитал». На самом деле верно и то и другое, ибо суть «афоризма» Ленина, сформулированного им, кстати, для самого себя, это скорее указание на необходимость разработки материалистической науки логики, что, конечно же, требует неоднократного обращения и к Гегелю, и к Марксу, и к другим теоретикам прошлого и настоящего.

** О недиалектичности, догматическом формализме методологии Сталина и о постмодернизме как alter ego сталинизма см. мой текст в упомянутой выше книге «Пределы капитала».

теорию, и практику Ленина. И тем самым подписали смертный приговор и своей практике, и своим теориям. Историческая «казнь» первых уже состоялась (погребя под своими руинами бесценные достижения СССР и вызвав чудовищные социальные и гуманитарные последствия и в моей стране, и в мире). Вторых — отложена. Впрочем, в науке эта «казнь» носит специфический характер: даже теория теплорода была в некотором роде небесполезна. Что же до методологии, то автор *не* утверждает, что диалектика была и остается *единственной* истинной методологией. Это было бы просто глупо. Я утверждаю иное: *без диалектики как основного метода теория и практика марксизма* (а не науки вообще — об этом нужен особый разговор) *безжизненна.*

Другим открытием Ульянова в области методологии стало обращение именно к «Науке логики» Гегеля — работе, которая, по словам Ленина, содержит все необходимые компоненты для логики марксизма, требуя «всего лишь» перевернуть ее с головы на ноги*. Интересно, что, насколько известно автору, именно в СССР — стране, где из Ленина, с одной стороны, сделали икону (если не идола), но с другой — его всерьез *изучали,* было сделано немало значимых попыток продвинуться по пути создания диалектической логики как работающей, категориально насыщенной методологии**. Если оставить в стороне ряд не слишком удачных коллективных работ, то следует выделить две выдающиеся, на мой взгляд, разработки. Серию книг и статей Эвальда Ильенкова (они позднее были объединены в книгу «Диалектическая логика») и книги Виктора Вазюлина***. Первый, на мой взгляд, стал действительным и

---

* Ульянов в данном случае пошел существенно дальше и Маркса, и Энгельса, которые не раз указывали на необходимость использования в своих работах и в дальнейшем гегелевской диалектики. Однако «основоположники» не пошли столь далеко, сколь Ленин, заявивший прямо и недвусмысленно о возможности и необходимости использования «Большой логики» Гегеля как скелета марксисткой методологии.

** К. Андерсон в своей статье о «Философских тетрадях» специально выделяет только трех западных авторов, работавших над проблемой сопряжения «Науки логики» и марксизма: Г. Лефевр, Р. Дунаевская и С. Л. Р. Джеймс. Я не могу не добавить к этому списку Бертелла Олмана и Саваса-Михаила Матсаса. См.: Lenin Reloaded. P. 137.

*** См.: Вазюлин В. И. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968, 2002; Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 1988, 2005.

прямым продолжателем ленинской традиции (о чем и сам не раз заявлял, в том числе лично автору этих строк), показав действительную глубину понимания ключевых категорий этой логики (диалектическое противоречие, конкретно-всеобщее) и многих ее блоков (восхождение от абстрактного к конкретному, диалектика исторического и логического и др.). Второй предложил существенно иной, чем у В. И. Ленина, взгляд на диалектику, особенно в вопросах соотношения исторического и логического.

Еще одним открытием стала ленинская трактовка основных категорий будущей диалектической логики марксизма, прежде всего — *диалектического противоречия.* Именно здесь, в этом ключевом вопросе диалектики, Ленин и в своих текстах, и в своей практике доказал, что как раз абсолютное и одновременное, в одном и том же отношении взятое сущностное единство и отрицание неким феноменом самого себя и есть его раздвоение и целостность. Что противоречие есть (само) движение. Что вне движения (развития, прогресса и регресса, количественных и качественных изменений) оно не существует, а значит — не существует и сам феномен. Что противоречие есть и онтологический, и гносеологический феномен, не просто фигура мышления или элемент теоретического построения, но самоя жизнь (и практики, и теории).

Повторю, несколько переформулировав эти положения. Ульянов, во-первых, действительно доказал (подчеркиваю: не только и не столько в «Философских тетрадях», сколько в своей практике), что в марксистской диалектической логике можно и должно использовать гегелевскую категориальную трактовку противоречия. Во-вторых, он-таки «перевернул» эту трактовку, поставил ее на ноги и показал, что это значит: а именно то, что не только мышление, но и бытие внутренне противоречиво. И не по принципу формального релятивизма (с одной стороны — так, с другой — эдак...), позволяющего занять внешнюю позицию нейтрального наблюдателя за противоречиями жизни. Нет. Ленин показал, что каждое событие, каждый факт, каждое действие внутренне противоречивы, и это противоречие всегда указывает на *вектор* движения — путь своего снятия (отрицания и сохранения в развитии) и потому *заставляет исследователя быть субъектом, т. е. быть активным и ответственным, принимать решения, занимать позицию, определяя, что есть прогресс*

и что есть регресс, и совершать поступок, либо способствуя, либо противостоя тому или иному процессу.

Диалектическое единство противоположностей, тождественное противоречивому раздвоению целого, вызывающее импульс движения, акцент на снятии и развитии, а не зряшном отрицании — суть ленинского подхода практически ко всем основным вопросам практики.

Еще до прочтения «Науки логики», но на основе изучения ее политико-экономического воплощения («Капитала») Ульянов показывает диалектику исторического и логического развертывания капитализма так, как это не показал даже Маркс (в этом смысле «Развитие капитализма в России» есть исключительно важное alter ego первых отделов «Капитала»), и последовательно указывает на двойственность капитализма, противоположность и единство его миссий по развитию производительных сил, производственных отношений, социальных, политических, культурных форм.

Точно так же он анализирует двойственность пролетариата. С одной стороны, это собственник товара рабочая сила — отсюда «экономизм»; с другой — «могильщик капитализма», субъект политической борьбы за новое общество. При этом обе стороны и едины, и противоположны: сам по себе экономизм губит рабочее движение, но не работать даже в самых реакционных профсоюзах нельзя, а исключительно политическая борьба — детская болезнь «левизны»... Несколько позже Ульянов не менее тонко анализирует двойственность крестьянства, разворачивает диалектическую спираль буржуазно-демократической революции и начала социалистических преобразований и т. д.

И последний тезис этого раздела: именно Ленин дал недвусмысленную и точную трактовку *диалектического* материалистического решения так называемого основного вопроса философии. Эта диалектика означает не просто акцентирование взаимоперехода материального в идеальное *и обратно*, их единства и соотносительности (это только первый шаг диалектики), но и определенное понимание того, *как* осуществляется этот взаимопереход. Последнее, помимо всего прочего, показывает сугубую неправомерность приписываемого ленинским текстам в «Философских тетрадях» и еще больше — его политической деятельности — так называемого отхода от материализма.

Ленин ни в своих работах, ни в своей борьбе не перестает быть последовательным материалистом-диалектиком, а это значит, что

он никогда не бежит от первенства материального, не пугается «ускользания» материи, не приписывает идеальному (будь то сознание индивида или абсолютный дух) роль основы всего мироздания. Он, во-первых, всегда показывает переход материального в идеальное и обратно; во-вторых, раскрывает соотносительность этих категорий и отсутствие проблемы материального вне соотношения с идеальным; в-третьих, находит материальные основы того, что выглядит сугубо идеальным, но на самом деле характеризует *и* материальный процесс*; наконец, показывает активную роль сознательно действующего субъекта как творца истории. Последнее — решение (естественно, не «окончательное и бесповоротное») так называемого основного вопроса философии на основе обращения к социальной *практике* — на мой взгляд, ключевой пункт в ленинском решении проблемы материального.

Постановка и решение проблемы практики (опять же не только и не столько в «Философских тетрадях», сколько в практике его социально-политического творчества) как ключевой категории диалектического (кстати, тем самым всегда и социального, на общественного человека замкнутого) материализма — это заслуга прежде всего Ленина и уже затем Лукача и его последователей. Ульянов ищет в мире его объективную Логику, в первую очередь логику, закономерности развития *общества,* с тем, чтобы максимально полно и точно, насколько это возможно на данной стадии развития науки и ее субъекта, познать их.

Ленин продолжает этот процесс в своей общественной активности, направленной на максимально адекватное использование этих познанных закономерностей в своей практической общественно-политической деятельности, и эта деятельность всегда оказывается критикой теории. На основе этого опыта Ульянов вновь обращается к познанию, корректируя ранее полученные выводы о законах бытия, и формулирует новые научные положения, которые опять проверяет в своей деятельности практик, критикуя теоретика, и т. д., пока бьется сердце.

---

* Отсюда его знаменитое выражение о том, что в «Науке логики» Гегеля больше всего материализма и меньше всего идеализма. Гегель, разворачивая логику абсолютного духа, на самом деле дает систему категорий материалистической диалектической логики. И в этой характеристике общих закономерностей развития материального мира, равно как и познания его, Гегель гораздо больше материалист, чем критиковавшиеся им ранее Богданов, Мах и К°.

Такое решение проблемы соотношения материального и идеального — главное не только в научном, но и в социально-политическом творчестве Ленина. Познать объективные материальные законы развития общества и творить историю в соответствии с ними, *спрямлять зигзаги истории*, помогая общественному прогрессу, — такова сверхзадача всей его жизни.

А сейчас несколько слов о том, *что устарело и каковы «белые пятна» в ленинских разработках в области диалектической логики*. В данном тексте я эту критику диалектики Гегеля, Маркса, Ленина и (не могу не добавить) Ильенкова разворачивать не буду — это уже сделано в моих предыдущих публикациях*. Укажу лишь на направления такой критики.

Первое. Логика Гегеля и логика «Капитала», на которых делает свой акцент Ленин, это логика линейного прогрессивного поступательного развития. Более того, это диалектическая система категорий, отражающая то, что образно можно назвать «красной нитью истории», а категориально выразить как ту систему понятий, которая отражает логику многообразного, идущего нелинейно, «зигзагами» исторического процесса в теоретически законченной, «очищенной» от исторических флюктуаций форме, воспроизводимой ставшим целым, где история присутствует только в снятом виде. Это *диалектика, характеризующая логику прогресса законченных систем* (например, капиталистического способа производства). Но XX в. показал, что едва ли не наиболее сложными и актуальными являются проблемы диалектики реверсивных, регрессивных процессов, во-первых, и диалектика трансформаций систем, их взаимоперехода, во-вторых. Ленин сталкивался с этими проблемами, и не раз, но сколько-нибудь завершенной картины закономерностей таких феноменов у него, на мой взгляд, не сложилось. Ни в теории, ни на практике. И это не его вина: и время было другим (прогресс несся вскачь), и груз вызовов со стороны практики и теории был сверхмерен даже для такой личности.

Второе. Диалектика Ленина (и в теории, и на практике) — это диалектика иерархически организованных и/или органи-

---

* См. мою статью в журнале «Вопросы философии» (2009. № 5); полная версия текста опубликована в названной выше книге «Пределы капитала». Во многом сходную проблему исследования диалектики «зигзагов» истории ставит в своих публикациях Л. К. Науменко. См.: Альтернативы. 2009. № 4; 2010. № 2.

чески развивающихся систем: диалектика индустриального производства и всего строя жизни, созданного на основе фордистской модели; диалектика капитализма, развивающегося преимущественно линейно-органически от простейших форм мелкого товарного производства к мануфактурам, фабрикам и трестам (вся эта история-логика развертывалась в России, и не только на глазах у Ленина и его современников).

Но сегодня, столетие спустя, мы вступаем в новый мир — мир сетевых структур и нелинейных эво- и инволюций. Этот мир создает иллюзию «исчезновения» диалектики так же, как новые открытия в физике начала прошлого века создавали иллюзию «исчезновения» материи. Но так же, как материя не исчезла столетие назад, ныне не исчезает и диалектика. Однако она изменяется. И прямолинейное использование многих открытых Лениным закономерностей диалектики общественного развития ныне будет ошибочно и вредно точно так, как уже во времена Ленина было ошибочно и вредно прямолинейно использовать многие фундаментальные положения Маркса (например, тезис о том, что капитализм есть система свободной конкуренции, в начале XX в. был уже как минимум неточен, что и показал Ленин, развивая Маркса и выдвигая тезис, что в условиях монополистического капитализма свободная конкуренция еще царит, но уже подорвана)...

А сейчас о том, что видится в качестве едва ли не главной сферы теоретической деятельности Ленина — социально-политическом процессе.

Кто и как творит историю (В. И. Ульянов как философ и теоретик социально-политического процесса)

Постановка проблемы

С некоторым удивлением для себя, читая уже не раз упоминавшуюся работу «Ленин. Перезагрузка», я обнаружил, что едва ли не самая известная среди западных интеллектуалов левого толка работа Ульянова — «Что делать?». Она упоминается большинством авторов, а многие именно ее делают предметом специального анализа. Соответственно главным и чуть ли не единственным новым теоретическим положением Ленина эти авторы считают якобы ленинскую идею авангард-

ной партии со строгой дисциплиной и с вождем во главе, выполняющей роль мессии по отношению к стихийному рабочему движению.

Далее следует вполне логичное ниспровержение этой разработки как опасной, неактуальной и аморальной. В некоторых случаях ее частично оправдывают как исторически востребованную (А. Негри), в некоторых — едва ли не апологетизируют на ницшеанский манер (А. Дугин). И то и другое не случайно, ибо оба этих типа теоретиков стоят достаточно далеко от главного, что характеризует ленинскую философию политики, — ассоциированного сознательного исторического социального творчества. Не стихийности и не заорганизованности, а того, что Ленин называл «живым творчеством народа», тем творением социальных революций, побед в Гражданской войне, новых форм организации экономики, государства (Советы), культуры, которое стало основой для теоретических обобщений Ульянова и кульминацией практического воплощения его теоретических разработок.

В действительности вклад Ульянова в социальную философию очень велик и разнообразен. Он опять-таки далеко не весь зафиксирован в теоретических текстах, но он есть в практике решений и дел Ленина — и как оппозиционного политика, и как главы правительства первого государства, начавшего строить новое общество.

Среди этих разработок отметим следующие.

Во-первых, *философия социального творчества* масс и роли организованного субъекта (партии), интеллигенции и иных общественных сил в этом процессе, их соотношение друг с другом; производная от этой философии теория/практика политики (в том числе ее социально-экономических основ, субъектов, стратегии и тактики) как процесса «прогрессорства» (я намеренно использую современный язык) в отличие от маккиавелиевской «реальной политики», казарменно-коммунистической нечаевщины или утопически-безответственного то ли бакунинского, то ли кон-бендитовского «требования невозможного»; *теория социальной революции*, в том числе разработка и уточнение модели революционной ситуации, теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, теория/практика революции как социального творчества («праздника»), решение, очень спорное, проблемы соотношения целей и средств, меры разрушения и созидания и многое другое.

Во-вторых, ряд интереснейших разработок в области *взаимо*действия производительных сил, производственных отношений, политики и культуры; в частности, Лениным впервые в марксизме поставлена и вчерне решена проблема *опережающего* (по отношению к технологическому базису и культуре) *развития производственных отношений и политических форм как «ускорителя» технического и социального прогресса*, проблема активной роли политики как феномена, способного, с одной стороны, концентрированно выражать фундаментальные экономические законы («политика есть концентрированное выражение экономики»), а с другой — «спрямлять» зигзаги исторического развития, выражая *стратегические* интересы социально-экономических агентов (в ленинские времена — прежде всего классов) и ускоряя благодаря этому экономический прогресс.

В-третьих, нетипичное для доленинского марксизма акцентирование *социопространственного фактора* и проблемы взаимодействия государств, народов, культур так называемых Востока и Запада в социальной философии марксизма; разработка на этой основе проблемы взаимодействия метрополий, с одной стороны, колоний и полуколоний — с другой, путей и возможностей преодоления отсталости последних, места, роли и противоречий их социальной, культурной, экономической борьбы и места этой борьбы в деятельности антикапиталистических сил и т. п. (того, что позднее и, к сожалению, почти без ссылок на Ленина стало теорией мир-системного анализа, догоняющего развития и т. п.); теории межнациональных отношений в условиях империализма и путей решения национального вопроса в условиях начала социалистического строительства в СССР.

Наконец, *теория государства*, включая проблемы природы и роли государства в эпоху империализма, политической власти и разрушения/снятия буржуазного государства, природы и противоречий диктатуры пролетариата, формирования социалистического государства и его «засыпания», природы бюрократизма и путей его преодоления...

И это только беглая характеристика некоторых разработок Ульянова в области социальной философии.

Естественно, в одном тексте сколько-нибудь содержательно раскрыть все эти положения невозможно. Поэтому ограничусь лишь одним — первым в вышеприведенном перечне — проблемным полем, выделив ключевые противоречия процесса

социального творчества. Начну же я с проблемы, которая едва ли не более всего затрагивает интересы философов — причем не столько как профессионалов, сколько как представителей особого социального слоя — *интеллигенции*. Это тем более важно, что последняя суть субъект такого общественного процесса, как созидание культуры, равно как и ее персонифицированное бытие — «носитель».

Творчество истории и творчество культуры: интеллигенция в социально-политическом процессе

Особое место в проблеме субъекта исторического действия в социальной теории принадлежит вопросу о *роли творческой интеллигенции*.

Здесь присутствуют два прямо противоположных мнения. Одно — господствующее — приписывает Ленину (а заодно и всем левым) крайне негативное отношение к интеллигенции. Другое — идущее не столько от Маркса или Ленина, сколько от Грамши, делает акцент на том, что левая партия есть своего рода коллективный интеллект трудящихся. Отсюда тезисы о левой интеллигенции как том субъекте, который привносит научное самосознание в борьбу за социальное освобождение. Последние положения, с одной стороны, выглядят как сугубо ленинские, но, с другой, кажутся антитезой приписываемого Ленину негативному отношению к интеллигенции.

Моя задача — уйти от этой видимостной дихотомии, раскрыв свое видение ленинского подхода к проблеме роли интеллигенции в творении истории. Ключевой идеей строительства нового общества для Ульянова была *культурная революция*, превращение знаний, богатств культуры, науки и искусства в сферы реально открытые каждому, общедоступные.

В. И. Ульянов с самого начала и до конца своей общественной деятельности подчеркивал, что человек, получивший высокое образование и по своему социальному положению приобщенный к миру культуры, особенно — научному, художественному, образовательному творчеству (интеллигент в «профессиональном» смысле слова), в силу этого обретает не права на привилегированное экономическое и социальное положение, а особую ответственность за судьбы исторического процесса. Особую, ибо этот слой обладает большей, чем остальные, возможностью сознательного понимания

происходящих процессов и способностью на него воздействовать.

Это обостренное понимание социальной ответственности интеллектуала заставило Ленина (в частном письме!) употребить ныне широко цитируемую оценку интеллигенции как г... когда душа тогдашней российской культурной публики писатель Короленко высказался в поддержку Первой мировой войны, в поддержку самодержавия, в поддержку межимпериалистической бойни, унесшей миллионы жизней. В этом смысле мне кажется гораздо более адекватным для позиции Ленина акцентирование необходимости овладения культурой, стремление поставить учителя на недосягаемую высоту и другие широко известные высказывания.

Что же до практики, то здесь мы вступаем в ту область проблем, которая требует специального анализа и к которой мы еще не раз будем возвращаться.

Но прежде об одном существенном «нюансе», имеющем принципиальное значение: для Ленина проблема интеллигенции всегда стоит в социально-историческом и идейно-политическом контексте и вне него мало интересна. Это принципиальная методологическая установка, идущая от философии практики. Подчеркну: не утилитаризма (Ленин жестко противостоял узко-прагматичному взгляду на культуру, образование, науку), но общественно-исторической практики. Философия «искусства для искусства» («науки для науки» и т. п. — своего рода игры в Касталию) — не для Ленина.

Соответственно интеллигент в его понимании-действии — это не только всемирно известный писатель или ученый, но и «рядовой» представитель этого социального слоя, позитивный результат этого диалога.

Отсюда ленинское, идущее от декабризма и народовольчества акцентирование принципиальной необходимости демократизма и социальной ответственности интеллигенции.

Был ли Ленин тем, кто игнорировал важнейший аспект жизни всякого творца — его роль созидателя вечного и в этом смысле внесоциального богатства? Нет. Он высоко и глубоко ценил подлинную культуру, глубоко уважал науку и искусство, не на словах, а деле стремился поднять Учителя на недосягаемую высоту. Многие десятки новых научно-исследовательских центров, сотни и тысячи новых музеев и культурных центров создаются в первые же годы советской власти при непосред-

ственной поддержке Ленина*. Знаменитый план ГОЭЛРО — едва ли не наиболее амбициозный научно-технический проект начала XX в. — это тоже свидетельство глубочайшей заинтересованности Ульянова в развитии творческого начала человека и страны**.

И все же «злоба дня», жесткая и бескомпромиссная социально-политическая борьба, ставшая неслучайным спутником всей жизни В. И. Ульянова, господствовала над ним. Нам сегодня, в эпоху генезиса общества знаний, это кажется ошибкой, недооценкой ведущей роли интеллекта и его носителей. И этот критический пафос правомерен, но именно как траектория новейшей эпохи.

Выдвижение на первый план Творца (Личности) неизбежно ставит перед нами вопрос о ленинском решении проблемы *личности и масс в творении истории.* Именно Ленин, на мой взгляд, был тем ученым, кто выделил, акцентировал и развил «незамеченный» и «не замечаемый» большинством марксистов *закон основательности исторического действия.* Он был открыт Марксом, но лишь Ульянов придал ему то значение, которое он поистине играет в марксистской социальной философии. Более того, он существенно развил и дополнил это открытие Маркса, оставшееся у того, по сути дела, лишь тезисом, мало наполненным содержанием. Ленин это положение Маркса развивает до системы конкретных теоретических положений, характеризующих потенциал исторического творчества различных социальных сил в различные исторические эпохи, намечает взаимосвязь разных классов и социальных слоев как творцов истории на разных этапах (генезис капитализма, империализм, социалистическое созидание) и в разных формах (реформы и революции, прямое и опосредованное участие в созидании новых общественных форм) исторического творчества и т. д. Более того, им, как я уже отметил, по-новому, творчески решен вопрос о политических субъектах этого творчества, партии и классе.

---

* Масса фактов, подтверждающих этот вывод, содержится в монографии Л. А. Булавки «Феномен советской культуры» (М., 2008).

** Эта диалектика творения истории и культуры большевиками, ее противоречия, трагедии и достижения раскрыта в уже упоминавшейся книге Л. А. Булавки.

Ульянов отнюдь не принадлежал к кругу тех, кто не видел особой роли социального творца, Личности как субъекта исторического действия. Но в особом, не типичном аспекте. Это не логика противостояния «героя» и «толпы», «сверхчеловека» и безликой массы, гения и «простых людей». Ленин видит роль особо талантливых, особо мощных в силу своего необычного креативного потенциала людей не в том, что они стоят над массой, а в том, что они способны лучше, больше и интенсивнее других, но в постоянном диалоге с другими двигаться по пути «спрямления зигзагов истории», находить и реализовывать эти пути. Именно эту роль и играла «ленинская гвардия» — удивительная по своей креативной мощи сеть людей, лидером которой по праву был Ленин. Их союз был не случаен. Он не был продуктом какого-либо специального отбора «элиты». Процесс ее формирования подчинялся иной логике: устремленность в будущее и социальная адекватность, энергия и красота, мощь культурного и личностного резонанса того, что первые из них задумали сделать и начали делать, были столь велики, что поле этого талантливейшего креативного проекта стало притягивать к себе наиболее сильных, энергичных, талантливых и неравнодушных людей. Так в революцию пришел Ленин. Так в нее пришли сотни и тысячи талантливейших людей эпохи.

Сказанное может служить мостком к постановке иной, на первый взгляд, крайне далекой от предмета завершаемого мной здесь подраздела вопроса философии исторического процесса — роли в нем партии. В случае с таким философом, как Ульянов, прежде всего — социал-демократической (в начале прошлого века) и коммунистической (на остальном протяжении прошлого столетия) партии.

Кто творит историю: массы и партия

Сразу же подчеркну: авангард (трактуемый часто как роль вождя-мессии) и так называемая авторитарность внутренней организации, за которую выдается наличие дисциплины и, в частности, обязательность исполнения всеми (в том числе меньшинством) демократически принятых решений («принцип демократического централизма»), — далеко не главное в ленинской концепции «партии нового типа». Если мы не будем всю проблему сводить исключительно к набору цитат из работы «Что делать?» (их трактовка — особая проблема, ибо этот текст был написан в обстановке *становления* организа-

ции революционеров, которой предстояло действовать в условиях политического террора, *нелегально*), то окажется, что ленинская теория коммунистической партии — это сложная, *исторически-конкретная* система категорий и практик. Партия коммунистов (по Ленину — и теоретику, и практику) — это не просто некоторая политическая организация. Это (1) диалектическая (2) система (3) отношений, а не только (4) институтов, осуществляющая (5) функции лидирующего участника (авангарда, «прогрессора») в рамках (6) процесса ассоциированного социально-исторического творчества.

Первое означает, что партия, с одной стороны, имеет некоторое конкретно-всеобщее содержание, т. е. содержание, развивающееся от абстрактного к конкретному по мере развития субстанциальных условий политической деятельности, а с другой — постоянно изменяющая свои формы организации и методы деятельности в соответствии с особенностями исторической ситуации в стране и в мире.

Второе — то, что при всей этой изменчивости форм и методов организации она является сложным, но вместе с тем целостным (обладающим единым в своем развитии, конкретно-всеобщим содержанием) организмом.

Третье — то, что главным в партии является *содержание* — система отношений между людьми, отношений, построенных по принципу *свободной добровольной работающей ассоциации*, а не просто совокупностью некоторых формальных уставных и программных правил вкупе с неформальными правилами аппаратных интриг и т. п. Существенны в этой системе отношений все компоненты.

Свобода и добровольность во время Ленина была самоочевидна: и в условиях подполья, и позже, в условиях Гражданской войны и разрухи, членство в партии, где к тому же был установлен партмаксимум (власть и льготы — это уже сталинский период), было огромной опасностью и ответственностью, но не привилегией.

А вот принцип *работающей* ассоциации является ключевым. Он обусловливает необходимость совместности и единства членов в процессе деятельности (совместная *работа* вне ассоциирования невозможна), а значит — дисциплину как элемент внутрипартийной организации. Бытие партии как *лидирующего субъекта исторического творчества* — наиболее важно. По Ленину партия коммунистов в своей сущности — это ассоциация тех, кто берет на себя роль теоретика и идущего в

прорыв авангарда*, а еще — наиболее активного и ответственного чернорабочего, выполняющего огромную работу по творению истории, социальному освобождению.

Устарело ли такое понимание-построение партии сегодня? Безусловно, и Ленин, и его соратники спорили и ошибались в своих поисках оптимальных для той или иной конкретной ситуации форм политической организации своей борьбы. Но они никогда не были беспринципными политическими циниками-релятивистами. Они всегда сохраняли и развивали сущность коммунистической ассоциации — ее *роль наиболее активного, знающего и ответственного участника процесса социального творчества, и в частности политической борьбы*. В каких формах, какими методами, в каких масштабах — это был всегда вопрос конкретной социально-политической ситуации, но вопрос, решение которого всегда было подчинено стратегии борьбы за социальное освобождение (к проблеме соотношения целей и средств в ленинской политике автор специально вернется ниже).

Еще одна проблема — *соотношение массового социального творчества* (в том числе, но не исключительно, стихийного движения масс) *и организованной политической деятельности авангарда*. Эта проблема в большинстве случаев трактуется (в соответствии с текстом «Что делать?») как соотношение стихийного рабочего движения и социал-демократической партии. На самом деле проблема намного глубже. И у Ленина она также далеко не сводится к соотношению стихийного движения и организованного авангарда. В основе своей это вопрос о том, *как может быть разрешено внутреннее противоречие класса наемных работников*, которые одновременно выступают и как обособленные частные собственники товара («рабочая сила»), и как эксплуатируемые капиталом и ассо-

---

* Подчеркну: в настоящее время термин «авангард» применительно к коммунистической партии трактуется как характеристика группы вождей-командиров, обладающих монополией на истину и реализующих некую миссию. На самом деле для россиян сто лет назад это слово означало (да и сейчас означает) передовой отряд — группу людей, которые первыми принимают бой, берут на себя самое трудное, самое опасное, самое ответственное. Да, советская номенклатура брежневской поры была преимущественно не такой. Но коммунисты ленинской гвардии в большинстве своем были такими. Действуя в условиях, буквально — а не фигурально, приближенных к боевым или просто военных.

цированные, кооперацией трудового процесса объединенные созидатели всего общественного богатства. И то и другое — неотъемлемые, сущностные черты наемного работника (для Маркса и Ленина прежде всего — индустриального пролетариата).

Первое порождает узкоэкономический интерес в максимально выгодной продаже своей рабочей силы и лежит в основе так называемого экономизма в рабочем движении.

Второе обусловливает положение наемных работников как социально-экономической силы, заинтересованной в снятии капитализма *как системы*. Именно этот объективный интерес был и остается той материальной основой, которая поднимала трудящихся на борьбу за социализм в Российской империи 1917-го и Германии 1918-го, Испании 1936-го и Чили 1971-го. Это тот интерес, который лежал в основе действий тысяч рабочих и инженеров нефтеперерабатывающих заводов в Венесуэле, сумевших во время «забастовки» менеджмента (вопреки посулам больших денег и будущей выгодной работы, поначалу бесплатно) наладить работу *своего* предприятия для *своего* народа.

В более широком смысле, к которому Ленин обращается главным образом уже после революции, — это проблема противоречивого *соотношения в трудящемся* (не только пролетарии, но и крестьянине, интеллигенте) *мещанина-конформиста и социального творца.*

Как и кто может содействовать превращению первого во второго? — вот ключевой вопрос революционера.

Более ста лет назад в России это был вопрос о соотношении экономизма и политической борьбы, и Ленин на него ответил достаточно ясно: нужна организация революционеров и нужна работа по (1) организации простейших форм борьбы и (2) хотя бы минимальному просвещению крайне отсталого и еще только просыпающегося как класс пролетариата России. И эту задачу должна на себя взять действующая (отнюдь не по собственному желанию) в условиях подполья и потому жестко организованная революционная партия. Позже, в период революционного подъема 1905-го и начала 1917 г., когда трудящиеся сами активно будут создавать формы своей самоорганизации (прежде всего, но не только, Советы), задачи партии, формы ее деятельности и организации будут другими: главным станет работа в этих низовых органах самодеятельности масс, содействие их укреплению и активности. И не через миссионерские проповеди, а через *работу*: от содействия самоорганизации трудя-

щихся и поддержки забастовок до организации демонстраций и баррикадных боев.

Итак, для Ленина партия — *это часть самого движения*, но часть особая. И чтобы понять эту специфику, надо вновь обратиться к диалектике.

В материалистической диалектической логике всеобщее есть не чисто мысленная абстракция, характеризующая некий одинаковый признак, общую черту единичных объектов и не существующая вне последних. Всеобщее есть такая «часть», которая «в себе», как «клеточка», содержит все богатство целого, выражает его квинтэссенцию. Так и партия революционеров в ленинском видении должна была стать такой квинтэссенцией социального творчества, добровольным работающим союзом наиболее передовых, наиболее активных, наиболее талантливых, наиболее преданных делу революции участников социально-политической борьбы.

И в этом смысле коммунисты — это творцы истории. Но творить ее в одиночку невозможно. Так возникает необходимость ассоциации социальных творцов. Какой вид она принимает — это вопрос конкретно-исторической обстановки. Так же, как для разной музыки нужен то духовой (марширующий в едином строю), то симфонический оркестр (где все виртуозы подчинены *в конечном итоге* воле дирижера), то джаз (где вообще нет дирижера, и единство темы достигается за счет импровизаций каждого), так и в ассоциации прогрессоров в разных исторических условиях востребованы то формы железной дисциплины исполнения демократически выработанных решений, то межфракционная борьба, то свободный диалог участников социально-творческого процесса.

Для эпохи Ленина были востребованы первые две формы. Третья — столь милая сердцу просвещенных интеллектуалов — тогда была неприемлема. Неприемлема для целей *реальной* борьбы за социализм, а небезответственной болтовни о социализме, неприемлема в силу условий *политической диктатуры*, царившей в дореволюционной России. Более того, об иных формах, чем авангардная партия, Ленин вообще всерьез не размышлял, и это поле для критики Ленина с позиций новых реалий. Но это не основание для того, чтобы считать неправильными решения Ленина о том, какая организация революционеров была *тогда* востребована и может быть вновь востребована в обстановке, близкой к условиям России начала XX в. (а они сегодня то и дело воспроизводятся в разных уголках мира).

Суммируем. Ленин в своей общественно-политической деятельности (и, к сожалению, лишь отчасти в текстах) предложил новое теоретическое решение проблемы соотношения стихийного движения трудящихся и организации революционеров. Суть этого решения в том, *что революционная организация, авангард решает сверхзадачу «спрямления» зигзагов истории, интенсификации социального творчества масс, максимально возможного приближения этого творчества к «красной линии» истории, оптимальной стратегии прогресса.*

А теперь о критике Ленина по вопросу о партии. В работах, написанных накануне Октябрьской революции, и в том числе специально посвященных будущей политической системе будущего социализма («Государство и революция» прежде всего), он еще не считает особо опасной угрозу вырождения партии. Тогда Ленин был уверен, что демократизм отмирающего социалистического государства позволит с ней успешно бороться. Между тем история показала, что большевики в этой борьбе за демократию проиграли. Иной, нежели сталинско-брежневский, путь был возможен. Хотя он и был не более вероятен, чем победа социалистической революции в России и победа «красных» в Гражданской войне. Буквальное прочтение ленинских работ о партии революционеров действительно сегодня в большинстве случаев устарело. Особенно оно непригодно для организации успешных выборных кампаний левыми партиями в развитых странах. Из этого, однако, можно сделать разные выводы. Можно сделать вывод, что ленинские идеи непригодны (как минимум — сейчас, как максимум — вообще). И этот вывод будет верен. Но при одном условии: если считать обоснованным и единственно верным подчинение всех задач левой политической организации борьбе за власть (ну или как минимум — за кресла в парламенте). Между тем для Ленина сущность *политического процесса* была совсем в ином.

4. Диалектика власти (Ленин как философ политического процесса)

Теория государства для левых — это тот оселок, на котором очень четко проверяется, *какой* ты левый. Для сталинской версии «социализма» государство есть центр и экономики, и политики, и культуры, и всех остальных сфер общественной

жизни. Анархизм государство отвергает, и его теоретиков можно понять. Вдвойне после того, как проявило себя «социалистическое» государство при Сталине. Где же альтернатива?

Главный вопрос революции (государство: отмирание через диктатуру пролетариата?)

Теория государства Маркса сформировалась на основе соединения социофилософских доктринальных положений, с одной стороны, анализа и обобщения опыта практической борьбы за новое общество в XIX в. — с другой. Ульянов подробно анализирует эту проблему как теоретик тогда, когда он оказывается накануне его практического воплощения — за два месяца до Октябрьской революции, и обращается главным образом к марксову анализу опыта французских революций, и прежде всего Парижской коммуны. Вторая сторона разработок Маркса — скорее философская, чем политологическая (как мы бы сказали сейчас), сосредоточенная главным образом в рукописном наследии Маркса, была Ленину тогда попросту недоступна: и «Экономико-философские рукописи 1844 года», и «Экономические рукописи 1857—1859 годов» были опубликованы гораздо позднее. Но главные идеи — диктатура пролетариата и отмирание, засыпание государства — Ленин воспроизводит очень точно.

В понятии «диктатура пролетариата» для марксиста (и Ленин это разъясняет подробно) важны как минимум три акцента. Первый — классовый взгляд на демократию в связи с проблемой реальной социально-экономической власти. Второй — рассмотрение содержания и практической реальной демократичности тех форм, которые типичны для демократии капиталистических стран Европы и Америки. Третий — анализ диалектики борьбы за демократию и социализм.

В результате такого подхода, очень тщательно проводимого Лениным и иллюстрируемого массой примеров, он, во-первых, постоянно акцентирует необходимость тщательного анализа того, каковы *реальные* (т. е. обеспеченные экономически, социально, культурно) права тех или иных *реально действующих массовых политических сил* (для Ленина прежде всего классов), а не абстрактных индивидов, в политическом процессе.

Во-вторых, Ленин всесторонне аргументирует вывод Маркса: за вывеской демократии в капиталистическом обществе скрывается *диктатура буржуазии*, ибо (1) только этому

классу принадлежит экономическая власть и потому он контролирует политический процесс, а также (2) в формах и процедурах буржуазного демократического устройства есть столько «мелочей», ограничивающих доступ бедных к политическому процессу (от невозможности оплатить аренду залов для собраний и проведение избирательных кампаний до контроля капитала за газетами), что «равенство» наемных работников и буржуа с точки зрения их участия в политическом процессе становится абсолютно формальным, скрывая реально полную власть класса буржуазии. От себя добавлю: это формальное равенство в еще большей степени, нежели во времена Ульянова, подрывается сегодня — в эпоху глобальной гегемонии корпоративного капитала, широко использующего методы массового политического и идеологического производства и манипулирования.

В-третьих, — и это едва ли не наиболее тонкий и сложный, предельно важный момент — Ленин показывает, что сторонники социализма заинтересованы в максимально полном развитии реальной демократии и ее социально-экономических основ — действительного доступа рядовых граждан к средствам массовой информации, действительной экономической и технической возможности проведения митингов и собраний, создания объединений и союзов. Более того, Ленин настаивает на продвижении вперед в деле развития не просто формально демократических процедур, но и реального участия рядовых граждан в учете, контроле, управлении.

Программа левых — слом прежних буржуазных ограничений демократии и обеспечение не только «политическому классу», но и «рядовым» трудящимся реальной возможности участия в политике, введение новых демократических «правил игры», действительно дающих власть большинству людей, а не тому, в чьих руках «большинство» денег. И здесь среди современных левых теоретиков и практиков нет сомнений. Сомнения, а точнее, жесточайшие споры есть по другому вопросу: или запрет *про*буржуазного, не- и *анти*социалистического инакомыслия и *инакодействия*, или открытое политическое соревнование и после революции с этими силами. Здесь, а не в лишении или нелишении эксплуататорского меньшинства права голоса, корень проблемы классового подхода в политике.

И на этот вопрос *теоретического* ответа ни у Маркса с Энгельсом, ни у Ленина нет. Более того, *этот* вопрос как теоретический Ленин в своих работах даже не выделял специально. Акцент на теоретическом решении здесь не случаен, ибо трак-

товать ленинскую позицию по этому вопросу, исходя из практики Октябрьской революции и Гражданской войны, неправомерно: это была практика ожесточенной вооруженной борьбы. В этих условиях демократия «не работает», что хорошо известно даже самым рьяным буржуазным демократам.

Самая тонкая проблема — это решение данного вопроса после победы в вооруженном противостоянии или в условиях мирной победы социалистических сил.

Роль насилия в истории: может ли «реальная политика» быть нравственной?

Может ли реальный, практически реализуемый политический курс, реальные политические решения в реальной обстановке революций, войн, разрухи или ускоренной модернизации, могут ли *они* строиться исходя из критериев *Истины, Добра и Красоты?*

Выдвижение этих критериев применительно к политике выглядит либо кощунством, либо глупостью. Применительно к тому, что делал Ленин, принимавший решения, от которых зависела жизнь тысяч, а иной раз и миллионов людей, такая постановка вопроса кажется бессмысленной вдвойне. Более того, новый век с его тотальной постмодернистской деструкцией всех и всяческих «больших нарративов» эти критерии, как кажется, отменил вообще.

И тем не менее я настаиваю на их применимости. И применимости именно к политике Ленина и большевиков.

Попробую показать правомерность этого едва ли не эпатажного тезиса.

*Истина**. Применение этого критерия к политическим действиям означает утверждение возможности научно, теоретически обоснованной стратегии и тактики. Применительно к ленинским политическим действиям это кажется и правомерным, и бессмысленным.

Правомерным, ибо едва ли не все его *стратегические* политические решения строились на базе определенных теоретических разработок (другое дело, что эта теория в неимоверно

---

* Эта тема вдвойне интересна в контексте подзаголовка книги «Ленин. Перезагрузка». Напомню, он сформулирован так: «На пути к политике правды» (Toward a Politics of Truth).

ускоренном социальном времени революций и войн иногда воплощалась сразу же в практику, не пройдя стадии собственно научного воплощения в диссертацию, книгу или хотя бы доклад). Это касается стратегии создания «Искры» и «партии нового типа», стратегии социал-демократов в буржуазной революции (ведущая роль пролетариата, курс на перерастание ее в социалистическую), возврата к ключевым идеям «Очередных задач Советской власти» после окончания Гражданской войны и перехода к нэпу, стремления воплотить разработанные еще в «Государстве и революции» положения о важности низового контроля и партмаксимума и мн. др.

Бессмысленным, так как в ряде случаев политический курс, тактика, предлагаемые Лениным, менялись с удивительной быстротой и кажущейся непоследовательностью, будучи, по видимости, обусловлены не стратегией, а лишь прагматикой, конъюнктурой политической борьбы.

Этот момент, пожалуй, наиболее интересен, ибо он наименее понят у Ленина. Как я уже заметил в первой части текста, Ленина в данном случае либо обвиняют в прагматизме и цинизме, либо возводят в культ, объявляя, безусловно, правильным и стратегически выверенным любое его решение, на том только основании, что его принял Ленин. На самом деле все намного сложнее и тоньше. Если исходить из того, что верен тезис автора о роли «прогрессоров» (в частности, большевиков) как силы, стремящейся познать закономерности «красной нити истории» и сознательно действующей на основе этого познания с целью «спрямления» ее зигзагов, то многочисленные неожиданные повороты в *тактике* большевиков становятся не только объяснимы и понятны, но и *теоретически не случайны*.

В самом деле, периоды войн и, особенно, революций, других социальных трансформаций — это периоды, когда историческое время «выходит из своих берегов», а социальное пространство полно разломами и грандиозными сдвигами.

Время трансформаций течет нелинейно и неравномерно. Оно то устремляется с огромной скоростью вперед, и общество за дни или недели претерпевает грандиозные общественные изменения, на которые раньше потребовались бы десятилетия: рождаются новые формы государственного устройства и новые формы хозяйствования, новые люди по-новому организуют армию и культуру... То — в условиях реверсивного хода истории — социальное время поворачивает вспять, и в XX в. (а то и в XXI)

рождаются институты и социальные формы феодализма и рабства...

Социальное пространство меняет свои очертания столь же радикально и противоречиво. Пространство революции в России 1917—1922 гг. расширялось, разбиваясь на мозаичные кусочки и спаиваясь в анклавы, исчезая и возрождаясь. Не менее противоречиво пульсировало пространство капиталистических отношений, то исчезавших в пучине разрухи и голода, то рождаясь вновь в ранее невиданном виде (нэп).

В этих условиях реализация научно обоснованной стратегии должна осуществляться исключительно при помощи постоянно меняющейся тактики.

И вот здесь появляется вторая ипостась названных выше великих критериев прогрессивности политики — *критерий Красоты*. Ибо политика как особый, имеющий поневоле отчужденные формы, вид социального творчества есть *и* искусство. И именно критерий красоты — столь же эфемерный для профессионала-исполнителя, сколь и реально значимый для художественно видящего мир и действующего творца — оказывается практически значимым критерием выбора тактических решений. В этих искрометных решениях, долженствующих моментально («промедление смерти подобно!», «завтра будет поздно!») и абсолютно точно (цена ошибки — тысячи, десятки тысяч жизней) реагировать на неожиданные «выверты» бурно текущего социального времени и «дыбящегося» социального пространства, присущее великому политику [художественное] чувство целого, гармонии (адекватности решения сплетению противоречий целого в его нерасчлененности — политической ситуации), т. е. красоты, является главной путеводной нитью.

С теоретической точки зрения эти положения выглядят нонсенсом, но, повторю, социальное творчество — это единство науки и искусства. И политика в данном случае — не исключение. Этим *искусством тактики* в полной мере владел Ленин-политик. А его необходимость показал Ульянов-теоретик.

Вот почему, суммируя, я не могу не сказать, быть может, эмоционально, но продуманно: Ленин был блестящим, гениальным дирижером великолепного политического оркестра, дирижером, который очень точно видел партитуру и контрапункты истории. И только этот оркестр именно с этим дирижером мог едва ли не единственно сделать реальной музыку революций и реформ в моей стране (и не только), ведя за собой хор

массовой борьбы, а иногда, когда этот хор сам был созвучен музыке истории, лишь аккомпанируя ему.

И последнее, и самое сложное: о *Добре* как критерии политических действий. Нравственный критерий кажется неприменимым к реальной политике, но я с этим не соглашусь. Не потому, что «слеза ребенка» перевешивает любые рациональные соображения политиков. Но потому, что политик должен сообразовывать свои действия именно со слезами детей. Только не на уровне абстрактно-безответственных лозунгов рафинированной интеллигенции, а в практической деятельности. А здесь справедливо заботящаяся в книгах о слезе ребенка интеллигенция сплошь и рядом в своей практической жизнедеятельности эти слезы с успехом приумножала или уж во всяком случае не сокращала (вдумайтесь, уважаемый читатель, сколько слез скольких бездомных детей в нищей России XIX в. вынудил *реально* пролить Федор Достоевский, не использовавший для спасения этих крошек многие тысячи рублей, спущенных им в игорных домах...*).

Так как же по уши погруженная в грязь реальной жизни политика может сообразовывать себя с высшими критериями Добра? Ответ на этот вопрос предполагает как минимум снятие господствующей ныне постмодернистской деструкции этого «нарратива». Как максимум — определения того, что есть «добро» и что есть мораль.

Сии вопросы человечество задает себе не одно тысячелетие. Более того, вопрос о добре, о нравственности в контексте ленинской реальной политики является принципиально сложным, однако имеющим теоретические основания для успешного решения. Это решение предполагает проникновение в то, что раньше называли «лабораторией ленинской мысли», т. е. хотя бы пунктирное рассмотрение контекста ленинских тезисов о морали и нравственности.

На мой взгляд, размышляя о теории и практике Ленина, будет вполне уместно воспользоваться марксистской методологией поиска определений этого понятия. И тогда «добро»

---

* Я прекрасно понимаю, какое озлобление эта фраза вызовет у рафинированных интеллектуалов, чьи теоретические рассуждения о морали столь часто заканчиваются там, где начинается практическая угроза их кошельку. Впрочем, тезис о необходимости единства слова и дела для настоящего интеллектуала столь же старомоден, сколь и императив добра.

станет «всего лишь» нравственным измерением процесса снятия отчуждения. Последнее понятие в марксизме (и не только) является вполне рабочим, и далее мы можем им смело оперировать*. Соответственно понятие «добро» приобретает при таком подходе не теологическое, а онтологическое объяснение и соотносится скорее с категорией «гуманизм». Отсюда поиск реальной *меры* добра и зла, акцент не на внепрактическом и внесоциальном абсолюте идеалистического (или прямо религиозного толка), а на *процессе* гуманизации как процессирующем отношении-деятельности, в котором развертывается снятие отчуждения, разрешается противоречие названных выше нравственных измерений отчуждения и разотчуждения**. Так встает вопрос о мере, содержании, субъектах гуманизма как практической деятельности, т. е. *конкретного гуманизма — гуманизма реальных социальных субъектов, действующих в реальных исторических обстоятельствах.*

Эта теоретическая постановка вопроса позволяет нам обратиться и к категории «*общечеловеческие ценности*». В самом деле, если посмотреть на то содержание, которое скрыто за этим понятием, по мнению крупнейших гуманистов современности, а не на то, что под этим словосочетанием подразумевают практические проповедники «гуманизма крылатых ракет», то окажется, что в *теоретических* работа Д. Лукача, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма и т. п. высшим критерием нравственности и универсальной человеческой ценностью является свободное развитие человека как родового существа, т. е. то самое свободное всестороннее развитие личности (идеал, родившийся еще во времена Ренессанса и Просвещения), о котором В. И. Ульянов прямо заявил *теоретически* еще в 1903 г. в связи с разработкой программы партии и что он так же теоретически (о практике — ниже) потом постоянно подтверждал. И это не случайно: для выросших на европейском гуманизме исследователей *снятие отчуждения и социальное осво-*

---

* Оно, напомню, пришло в современную философию из Гегеля и ранних работ Маркса и развито такими философами-марксистами XX в., как Д. Лукач, М. Лифшиц, Э. Ильенков, А. Шафф, И. Мессарош, Б. Олман и др. Автор также посвятил немало своих работ этой теме.

** Термин введен и раскрыт в работах Л. А. Булавки. См.: Булавка Л. А. Феномен советской культуры. М., 2008.

бождение человека есть высший и универсальный критерий нравственности.

Но ведь, *по мнению Ленина, и буржуазно-демократическая, и социалистическая революции направлены на решение именно этой великой задачи!* Так что же такого аморального вы видите в *теоретической* установке соизмерения поступков с интересами революции?

Для того чтобы ответить на вопрос, что же является критерием добра и зла (а точнее — *гуманизма или антигуманизма*) применительно к конкретным историческим действиям конкретных исторических субъектов, особенно — актам насилия, надо сделать второй шаг в поиске ответа на поставленный выше вопрос.

Обратимся вновь к ленинской идее революции как нравственной меры насилия. Принципиальный ответ Ленина я бы сформулировал так: *мы считаем допустимым только то минимально необходимое насилие, которое (1) противостоит насилию, увеличивающему меру отчуждения, и/или (2) предотвращает его будущий рост.* Таков принципиальный ответ о допустимой в революции мере насилия. И это вопрос не только о «количестве» насилия (масштабах и характере жертв), но и о его *«качестве»* (социально-политическом содержании насилия: против кого и чего, ради кого и чего оно было направлено) и, следовательно, *векторе* (содействие прогрессу или регрессу).

Этот ответ, конечно же, порождает массу новых вопросов.

Один из наиболее принципиальных: а допустимо ли вообще применение насилия для борьбы с насилием?

Прежде чем мы начнем искать ответ, позволю себе оговорку: и выше, и ниже речь всякий раз идет о насилии против людей. Разрушение институтов и христианство, и гандизм и т. п. считали не только возможным, но и необходимым. *Для марксистов вообще и для Ленина в частности революция была актом разрушения* ***институтов*** — экономических (частной собственности и капитала), социальных (классовое деление*),

* Кстати, подчеркну: и Маркс, и Ленин, говоря об уничтожении классов, всегда имели в виду уничтожение и класса наемных рабочих. Уничтожить класс — значит дать людям, его составляющим, возможность освободиться от оков классового деления: работнику — стать субъектом свободного труда, а не экономического принуждения; предпринимателю — творцом, управляю-

политических (буржуазное государство) и т. п. — *но не уничтожения людей*. О желательности мирного пути революции все последовательные марксисты, и Ленин в том числе, говорили постоянно. Более того, практика ряда попыток начала движения по социалистическому пути в относительно благоприятных условиях говорит о том, что приход к власти левых сил парламентским путем и начало социалистических преобразований без применения методов насилия возможны. Но при успехе этих первых шагов социализма почти всегда сталкиваются с нелегитимным и предельно жестоким применением насилия (вплоть до государственных переворотов и введения фашистской диктатуры) со стороны правых сил. Наиболее яркий пример этого — победа сторонников президента Альенде в Чили в 1971 г. и последовавший за этим фашистский переворот Пиночета, уничтоживший и сгноивший в концлагерях многие десятки тысяч лучших граждан этой маленькой страны.

А теперь вернемся к поставленному выше вопросу: *допустимо ли вообще применение силами добра насилия* против людей, а не только институтов, *пусть даже и для борьбы с насилием*?

Раннее христианство и ряд других религиозных доктрин, философия и практика движения, связанного с именем Ганди, говорят однозначно: нет. Нет, ибо, по их мнению, всякий драконоборец, использовавший меч, чтобы отсечь голову дракону, тут же сам превратится в хвостатое и рогатое чудовище, изрыгающее огонь. Или, переводя эти образы на несколько более строгий язык: любое насилие не гасит, но умножает отчуждение. Пример Ленина, с точки зрения авторов таких концепций, доказывает их правоту: Ленин породил Сталина, и их насилие превысило все допустимые границы, увеличило, но не уменьшило зло, царящее в мире.

Ответ Ленина и большевиков сложен.

щим экономическими процессами ради развития человеческих качеств, а не рабом погони за прибылью и т. п. И только в сталинской версии этот лозунг превратился в свою противоположность. На место снятия классов пришло уничтожение их представителей, породившее едва ли не более глубокие, нежели классовые, антагонизмы и превратившее не только буржуазию, но и наемных работников частью в рабов ГУЛАГа, частью — в полукрепостных (и одновременно — вот трагизм этой диалектики!) в субъектов социального творчества, созидательного энтузиазма и обладателей мало для каких стран характерных социальных гарантий и возможностей развития.

Подчеркну: это неправда, что для Ленина характерна однозначная апология насилия как главного и чуть ли не единственного средства решения политических проблем. И он, и *его* последователи (а не предатели, извращавшие начатое большевиками и уничтожавшие самою «ленинскую гвардию») считали насилие исключительным шагом, т. е. таким, когда никакие другие средства остановить огонь насилия — войны (мировой и Гражданской) или надвигающийся террор и массовый голод (как это было осенью 1917), или террор уже начавшийся (1918) не дают результата, а бездействие ведет к эскалации насилия, причем нацеленного на регресс. Отсюда принципиальный ответ: ***насилие против людей недопустимо, за исключением тех случаев, когда его неприменение оборачивается несоизмеримо большим насилием — злом.***

Позволю себе параллель: насилие как средство борьбы с насилием подобно направленному взрыву как средству борьбы с пожаром. Любой, кто боролся с огнем, знает: до тех пор пока огонь можно тушить другими средствами, к взрывам лучше не прибегать, ибо это палка о двух концах: сделаешь его умело и вовремя — погасишь пожар, ошибешься в расчете, выборе времени, места, меры воздействия (величины заряда) и подбором исполнителей — породишь еще большие разрушения. И все же настоящий пожарный в крайнем случае берет на себя ответственность и идет на риск, устраивая направленный взрыв.

Так и в революции: если в стране мера отчуждения превышает допустимые даже для старого общества пределы, а правящие силы не способны решить порожденные при их содействии или вследствие их бездействия проблемы (если в твоем доме «пожар»), то субъект социального творчества, имеющий научно обоснованную стратегию («расчет взрыва»), умеющий точно выбрать необходимый момент социального времени и локус социального пространства («время и место взрыва»), определить меру минимально необходимого насилия («объем заряда») и обеспечить включение в борьбу организованного и социально активного массового субъекта (профессиональной и самоотверженной «пожарной команды»), может и должен, с точки зрения Ленина, идти на революционное насилие, если другие методы борьбы с пожаром реакции невозможны*. Он

* Сказанное — как, наверное, уже заметил читатель — есть не что иное, как перефразировка ленинской теории революционной ситуации.

берет на себя *ответственность* за действие, которое, по его расчету, приведет к прогрессу, но может вызвать и эскалацию отчуждения.

Вот почему *ответственная политика* по Ленину есть политика, у которой (1) есть четко выраженный социальный субъект (а не просто группа «элитных» игроков на политическом рынке), который (2) способен взять на себя ответственность за принимаемые решения и (3) готовый на практике отвечать за эти решения, реализуя их в *реальном политическом процессе*. Причем отвечать не только жизнью (как отвечали и ответили все большевики), но и своим именем творца — теоретика и практика, судьбами всего того культурного (марксизм) и исторического (опыт долгих десятилетий борьбы тысяч и миллионов за социальное освобождение) наследия, от имени которого ты эту политику проводишь в жизнь.

Ленин в отличие от большинства нынешних левых интеллектуалов был *таким* реальным политиком. Он отвечал и отвечает за свершенное.

Еще один вопрос, точнее, проблема проблем практики большевизма ленинского периода: *была или нет перейдена в период революции и Гражданской войны та мера допустимого насилия, за гранью которой насилие ради противодействия другому насилию и предотвращения последнего, ради прогресса и гуманизма превращается в свою противоположность?*

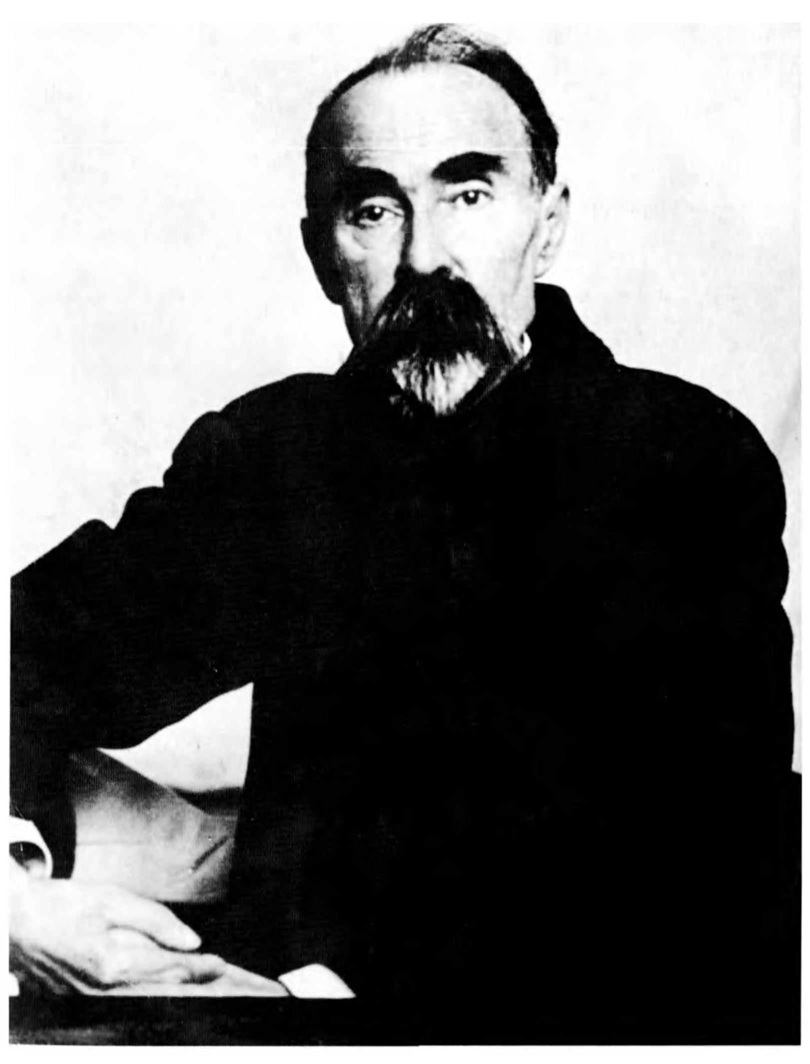
Ответ на этот вопрос, пожалуй, наиболее труден, ибо история его еще не дала.

Девяносто, шестьдесят, даже еще тридцать лет назад для подавляющего большинства моих соотечественников и коммунистов он был очевиден: нет, не перейдена. Жертвы были чудовищны, но не напрасны. Пятнадцать-двадцать лет назад почти столь же очевидным казался прямо противоположный ответ. Сегодня баланс начинает вновь изменяться в пользу Ленина. Я уверен, что в будущем эта тенденция будет нелинейно, но неустанно сохраняться.

Однако уверенность автора — не аргумент в теоретическом и политическом споре.

Если же смотреть на существо проблемы, то ответ должен быть гораздо более сложным, но от этого не менее четким.

Во-первых, во многих конкретных исторических случаях во многих точках социального пространства эта мера, конечно же, была перейдена. История знает немало примеров

Г. В. Плеханов. Апрель 1918 г. *Из собр. РНБ АДП*

Благодарим отдел Российской национальной библиотеки «Дом Плеханова»
и его директора Т. И. Филимонову за предоставление фотоматериалов

Воронежская военная гимназия, где учился Г. В. Плеханов

Петербургский горный институт, где учился Г. В. Плеханов

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии (СПб., 1872). Титульный лист и страница книги с пометами Г. В. Плеханова.
Из собр. РНБ АДП

БИБЛIОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦIАЛИЗМА
Выпускъ Первый.

СОЦIАЛИЗМЪ
и
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

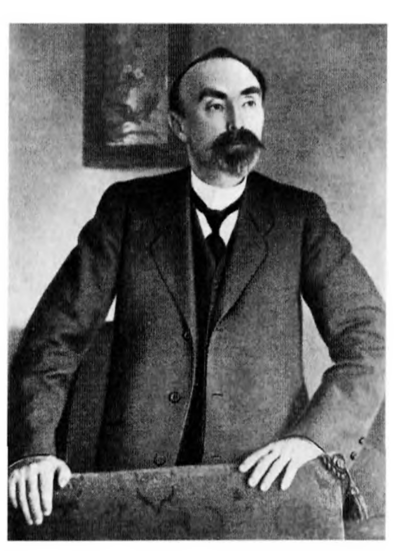
Г. Плеханова.

Всякая классовая борьба
есть борьба политическая.
К. Марксъ.

ЦѢНА 75 КОП.

ЖЕНЕВА
Типографія группы „Освобожденіе Труда".
1883

«Социализм и политическая борьба». Женева, 1883 г.

Г. В. Плеханов. 1880-е гг.

П. Б. Аксельрод

В. Н. Игнатов

В. И. Засулич

Л. Г. Дейч

NOS CONTROVERSES, par G. Plechanoff

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Выпускъ Третій.

НАШИ РАЗНОГЛАСІЯ

Г. Плеханова.

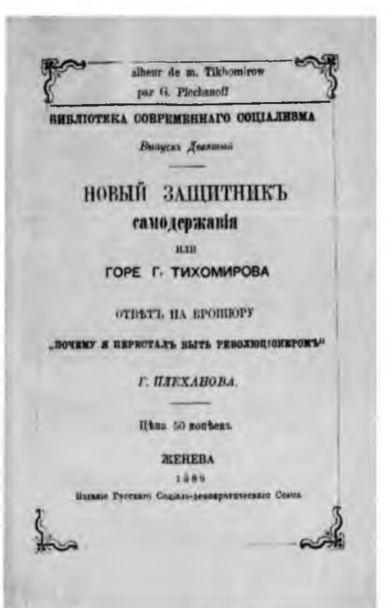
цѣна 1 руб.

ЖЕНЕВА

Типографія группы „Освобожденіе Труда".

1884

«Наши разногласия».
Женева, 1884 г.

alheur de m. Tikhomirow
par G. Plechanoff

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Выпускъ Девятый

НОВЫЙ ЗАЩИТНИКЪ
самодержавія
или
ГОРЕ Г. ТИХОМИРОВА

ОТВѢТЪ НА БРОШЮРУ
„ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ"

Г. ПЛЕХАНОВА.

Цѣна 50 копѣекъ.

ЖЕНЕВА
1889
Изданіе Русскаго Соціалъ-демократическаго Союза

«Новый защитник самодержавия».
Женева, 1889 г.

MISÈRE DE LA PHILOSOPHIE
par Karl MARX

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Выпускъ Пятый

Карлъ Марксъ

НИЩЕТА ФИЛОСОФІИ

отвѣтъ
на
Философію Нищеты г. Прудона

Съ предисловіемъ и примѣчаніями
Фридриха Энгельса
и
двумя приложеніями

цѣна 1 руб. 50 коп.

ЖЕНЕВА
Типографія группы „Освобожденіе Труда"

1886

Маркс К. Нищета философии.
Женева: Типография группы
«Освобождение труда». 1886 г.
С пометами Г. В. Плеханова.
Из собр. РНБ АДП

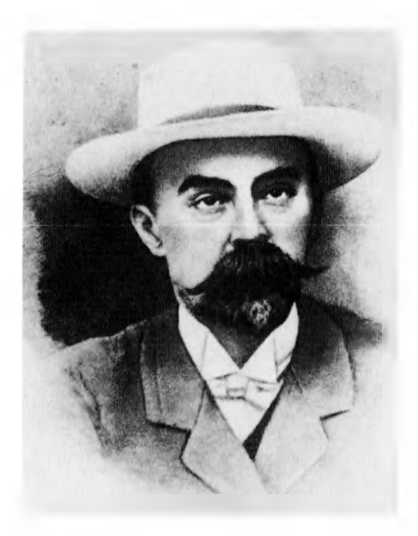

Die Neue Zeit.

Nr. 44. XVI. Jahrgang, II. Band. 1897-98

Bernstein und der Materialismus.

1-я страница статьи Г. В. Плеханова
«Бернштейн и материализм»
в журнале «Новое время»
(1897–1898, № 44).
Из собр. В. Янцена, Галле

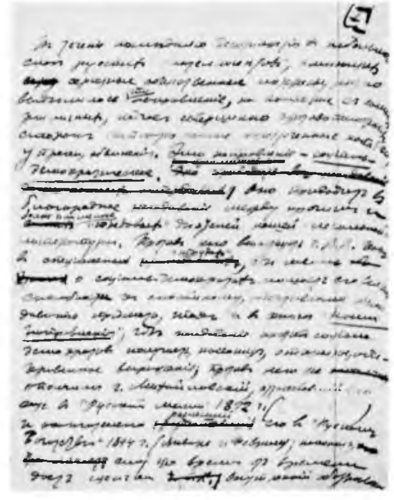

Г. В. Плеханов. 1890-е гг.

«Н. Г. Чернышевский (Статья вторая)». Первоначальная редакция. Черновой автограф. 1890 г. *Из собр. РНБ АДП*

Плеханов Г. В. [«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»]. Монография. «Наши разногласия. Ч. 2. Вып. 1. Наша «легальная» литература в борьбе с марксизмом». Черновой автограф. 1894 г. *Из собр. РНБ АДП*

I

Материалистическое понимание истории.
(Essais sur la conception matérialiste de l'histoire par Antonio Labriola, professeur à l'Université de Rome avec une préface de G. Sorel. Paris 1897.)

Признаемся, от немалых предубеждений брали мы в руки эту книгу римского профессора: мы были напуганы некоторыми сочинениями некоторых его соотечественников, а особенно А. Лориа (La Teoria economica della costituzione politica) и Энрико Ферри (Le socialisme et la science sociale). Но уже первая глава убедила нас, что мы были неправы, что иное дело Акилле Лориа и иное дело Антонио Лабриола и [illegible] представляют собою в высшей степени дельное и серьезное произведение. Убедившись в этом, мы принялись ознакомить читателей с ее интересным содержанием. Мы уверены, что они не

Плеханов Г. В. «Материалистическое понимание истории». Статья. Черновой автограф. 1897 г. *Из собр. РНБ АДП*

Г. В. Плеханов (I)

«ДОМ ПЛЕХАНОВА»
№ 5900
[illegible] 16
№ 1
[illegible] Р 16

Что такое социализм?[+)]

Женский вопрос: Какой вы партии? За неимением [illegible] серьезных данных о [illegible] позвольте [illegible] о личностях. [illegible] для обеих сторон. Я исхожу из того, что сначала надо узнать, в чем дело, а потом — из партии. Приехав на Запад, надо воспользоваться той свободой мысли, [illegible] путем долгой и упорной борьбы, надо познакомиться с великими вопросами нашего времени. Из этих вопросов самый важный — социализм. Это и есть тот вопрос, о котором словами Гейне: много голов беспокойных [illegible], много [illegible] мудрец хранит! И они лучше не [illegible] голов! [illegible] дни в Париже Коммуна. Что же такое социализм, что такое этот страшный вопрос, не [illegible] для людей, [illegible]?

[Социализм [illegible] есть [illegible] отрицание современного общества. Социализм как движение есть стремление, [illegible] к [illegible]. В этом случае — [illegible] отрицание [illegible]. Откуда взялось это отрицание? Упало ли с неба? Порождено злой волей [illegible]? Нет! Семена [illegible]

Плеханов Г. В. « Что такое социализм?» Конспект лекции. Черновой автограф. 1899—1901 гг. *Из собр. РНБ АДП*

Проект

Программа Российской соц.-дем.

Программа Российской соц.-демократической рабочей партии.

Плеханов Г. В. «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии». Черновой автограф. 1901–1902 гг. *Из собр. РНБ АДП*

Открытка к 25-летию революционной деятельности Г. В. Плеханова. 1901 г. *Из собр. РНБ АДП*

Плеханов Г. В. Выписки из работ К. Фишера о Шеллинге. Черновой автограф. После 1905 г. *Из собр. РНБ АДП*

Плеханов Г. В. Выписки из работ К. Фишера о Фейербахе.
Черновой автограф. После 1905 г. *Из собр. РНБ АДП*

I

Философскiе взгляды А. И. Герцена.

(Къ столѣтiю со дня его рожденiя.)

А. И. Герценъ говорить, что на людей бываетъ урожай, какъ на вино. Нельзя не согласиться съ нимъ въ этомъ, если припомнить, какой прекрасный урожай на людей характеризуетъ собою эпоху "сороковыхъ годовъ" не только у насъ, но и въ Германiи. Достаточно вспомнить Бѣлинскаго и Герцена, Маркса и Энгельса. Философскими взглядами одного изъ этихъ замѣчательныхъ людей,

Плеханов Г. В. «Философские взгляды А. И. Герцена» (К столетию со дня рождения). Статья. Черновой автограф. 1912 г. *Из собр. РНБ АДП*

Г. В. Плеханов произносит речь к 100-летию со дня рождения А. И. Герцена на его могиле в Ницце. 4 апреля 1912 г. *Из собр. РНБ АДП*

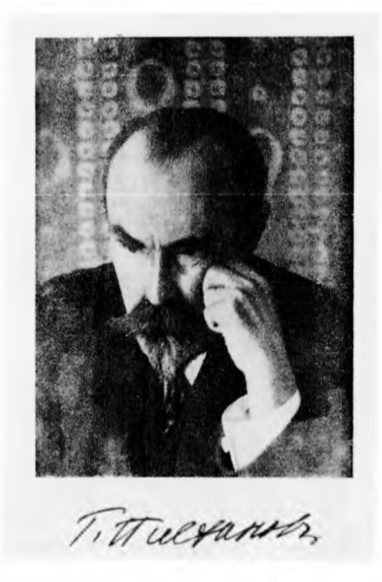
Очеркъ исторiи русской общественной мысли.

Введенiе.

Плеханов Г. В. «Очерки истории русской общественной мысли». Первоначальная редакция Введения. Автограф. 1912 г. *Из собр. РНБ АДП*

Плеханов Г. В. [«Письмо болгарскому социалисту о войне»]. Статья. Черновой автограф. 1914 г. *Из собр. РНБ АДП*

Г. В. Плеханов Литография. 1915 г.
Из собр. РНБ АДП

ИСКРЫ

№ 14 — № 14

Отецъ русской с.-демократіи.

Обложка газеты «Искры», № 14.
1917 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ВСѢХЪ.

М. АНТОНОВЪ.

ЛЕНИНЪ
и
ПЛЕХАНОВЪ

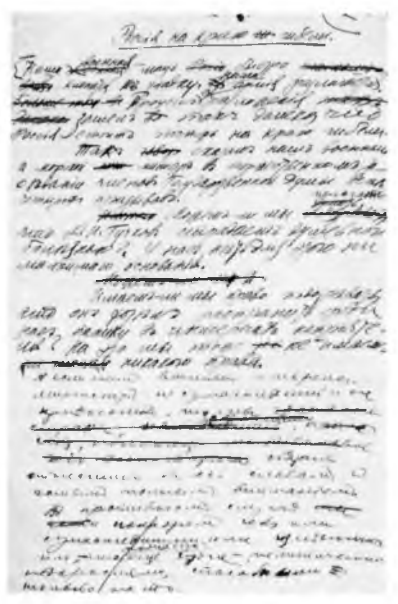
№ 2 — № 2

ОЧЕРКЪ ПОЛЕМИКИ.

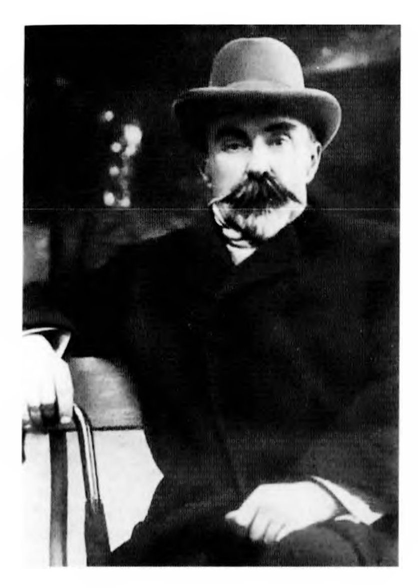
Два сына одного народа.
Характеристика ихъ взглядовъ.
Война или миръ.
Земля и воля.
Долгъ и доктрина.
Заключеніе.

ПЕТРОГРАДЪ,
Книгоиздательство „Свобода".
1917

Антонов М. А. Ленин и Плеханов:
Очерк полемики. Пг., 1917 г.
Из собр. РНБ АДП

Плеханов Г. В. [«Отечество
в опасности»]. Статья. «Россия на
краю гибели». Черновой автограф.
1917 г. *Из собр. РНБ АДП*

Г. В. Плеханов. 1910-е гг.

Жена Г. В. Плеханова
Розалия Марковна
(Меировна, урожд. Боград)

Плеханов Г. В. [«История русской общественной мысли»] Подготовительные материалы. 1909–1917 гг.

№ 23 (141) ПРОЖЕКТОР. 7

ОДНА ИЗ РУКОПИСЕЙ ПЛЕХАНОВА.

Луначарский А. В. Ленин и Плеханов. «Прожектор», № 23. 3 апреля 1928 г. С. 7.
Из собр. РНБ АДП

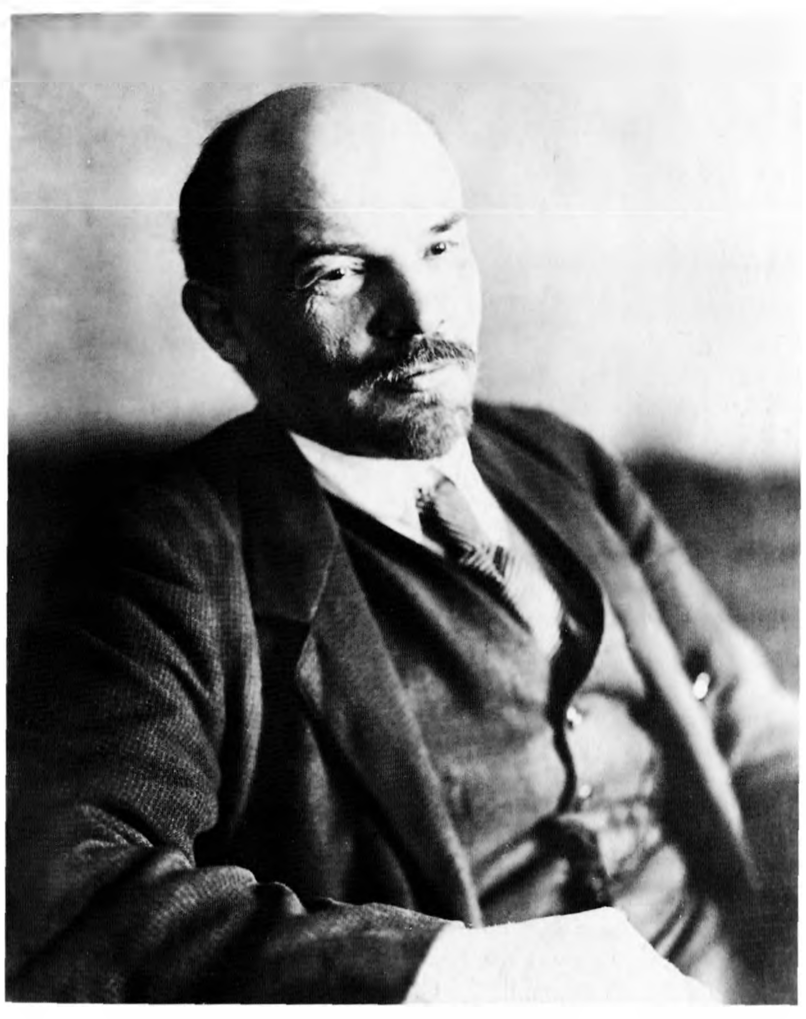
Первая модель бюста
Г. В. Плеханова.
Разработана скульптором
И. Я. Гинцбургом
в 1918 г. В мае 1924 г.
памятник установили
у Казанского собора.
Осенью его демонтировали.
Скульпторы И. Я. Гинцбург,
М. Я. Харламов и
архитектор Я. Г. Гевирц
создали новый вариант
памятника, который был
установлен перед зданием
Технологического института
в мае 1925 г.
Из собр. ЦГАКФД

Памятник Г. В. Плеханову
в Липецке

Памятник на могиле Г. В. Плеханова
в Санкт-Петербурге на Волковом
кладбище. Скульптор И. Я. Гинцбург

В. И. Ленин. Петроград, январь 1918 г. *Из собр. РГАСПИ*

Благодарим Российский государственный архив социально-политической истории и Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские» за предоставление фотоматериалов

И. Н. Ульянов. Симбирск, 1875 г.
Из собр. РГАСПИ

М. А. Ульянова (урожд. Бланк).
Нижний Новгород, 1865 г.
Из собр. РГАСПИ

А. И. Ульянов. Петербург, 1883 г.
Из собр. РГАСПИ

О. И. Ульянова. Симбирск, 1887 г.
Из собр. РГАСПИ

Слева направо: А. И. Елизарова (урожд. Ульянова), М. И. Ульянова. Саратов, 1912 г. *Из собр. РГАСПИ*

Д. И. Ульянов. Юрьев, 1900 г.
Из собр. РГАСПИ

В. И. Ульянов. Москва, 1900 г.
Из собр. РГАСПИ

В. И. Ульянов (Ленин) в период ареста по делу Санкт-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. СПб., 1895—1896 гг. *Из собр. РГАСПИ*

Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Слева направо.
Стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев.
Сидят: В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов (Цедербаум). СПб., 1897 г. *Из собр. РГАСПИ*

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

[illegible]

BUND ARCHIVES of the JEWISH LABOR MOVEMENT
25 EAST 78th STREET
N. Y.

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1902

Н. Ленин. «Что делать?». Stuttgart, 1902 г.

N. Lenin. Deux tactiques.
Prix 1 fr. 25 cts. — 1 mk. — 48 ch. — 25 cent.
Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Н. ЛЕНИНЪ.

Двѣ тактики
СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ въ демократической революціи.

Изданіе Центр. Ком. Р. С. Д. Р. П.

[illegible]
1905

Н. Ленин. «Две тактики социал-демократии». Женева, 1905 г.

В. И. Ленин в гостях у А. М. Горького играет в шахматы с А. А. Богдановым. о. Капри, Италия. 1908 г. *Из собр. РГАСПИ*

Десять вопросов референту.

1. Признает-ли реф-нт, что ф-фія марксизма есть діалектическій матеріализмъ?
Если нѣтъ, то почему не разбиралъ онъ ни разу безчисленных заявленій Энгельса объ этомъ?
Если да, то зачѣм называют махисты свой „пересмотр“ діалектич. мат-зма „ф-фией марксизма“?
См. Сборник махистов с. 234

2. Признает-ли реф-нт основное дѣленіе ф-фских систем у Энгельса на матеріализм и идеализм, средним между тѣм и другим, колеблющимся между ними Энгельс считает линію Юма в новой философіи, называя эту линію „агностицизмом“ и объявляя кантіанство разновидностью агностицизма, при чем среднюю линію Э. признает компромиссной.

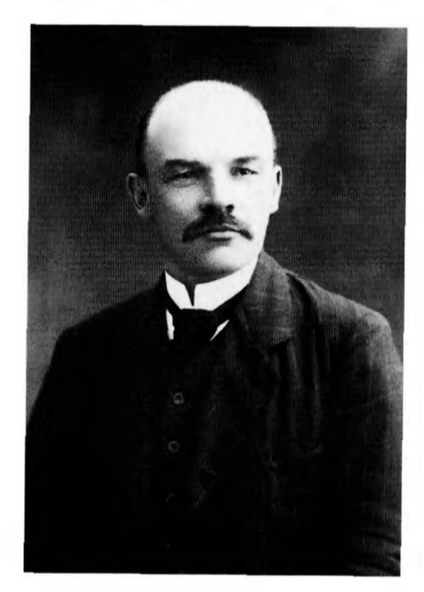
3. Признает-ли реф-нт, что в основѣ теоріи познанія діал. мат-зма лежит признаніе внѣшняго міра и отраженія его в человѣческой головѣ? как два явленія, а не как одно?

4. Признает-ли реф-нт правильным разсужденіе Энгельса о превращеніи „вещей в себѣ“ в „вещи для нас“? — „Фейербах, 15 стр.“, и 65

5. Признает-ли реф-нт правильным утвержденіе Энгельса, что „действительное единство міра состоит в его „матеріальности“? (Anti-Dühr., 2-ое изд. 1886, стр. 28, I-ый отд. § IV о мировой схематике). 31

6. Признает-ли реф-нт правильным утвержденіе

В. И. Ленин. «Десять вопросов референту». Май—июнь 1908 г.

В. И. Ленин. 1910 г.
Из собр. РГАСПИ

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

МАТЕРІАЛИЗМЪ И ЭМПИРІОКРИТИЦИЗМЪ

критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи.

ИЗДАНІЕ „ЗВЕНО“
МОСКВА

Вл. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1909 г.
Из собр. РГАСПИ

219 **Маркони—Марксъ.** 220

Въ III в. продолжались ихъ столкновенія съ римлянами; съ IV в. они не упоминаются уже въ исторіи.

Маркони (Marconi), Гульельмо, знам. дѣятель безпроволочнаго телеграфированія. Род. въ 1874 г. близъ Болоньи, учился въ болонскомъ унив. Съ 1895 г. сталъ заниматься примѣненіемъ Герцовыхъ волнъ къ передачѣ сигналовъ на разстояніе. Это удалось ему съ помощью „когерера", изобрѣтеннаго Бранли. Для дальнѣйшаго развитія своихъ опытовъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ въ 1897 г. основалъ промышленное товарищество для цѣлей безпроволочной телеграфіи. Въ 1902 г. имъ было впервые осуществлено телеграфированіе черезъ Атлант. океанъ. Въ 1909 г. М. получилъ Нобелевскую премію по физикѣ. Компанія Маркони въ настоящее время ведетъ весьма широкія операціи. *А. Б.*

Марко Поло, путешеств., *см. Поло.*

Марксизмъ, см. *Марксъ.*

Марксъ, Карлъ, род. 5 мая 1818 г. въ Трирѣ (Прирейн. Пруссія). Отецъ его былъ адвокатъ, еврей, въ 1824 г. принявшій протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революціонная. Окончивъ гимназію въ Трирѣ, М. поступилъ въ университетъ, сначала въ Боннѣ, потомъ въ Берлинѣ, изучалъ юридическія науки, но больше всего исторію и философію. Окончилъ курсъ въ 1841 г., представивъ диссертацію о философіи Эпикура. По взглядамъ своимъ М. былъ еще тогда гегельянцемъ-идеалистомъ. Въ Берлинѣ онъ примыкалъ къ кружку „лѣвыхъ гегельянцевъ" (Бруно Бауэръ и др.), которые стремились дѣлать изъ философіи Гегеля атеистическіе и революціонные выводы.

По окончаніи университета М. переселился въ Боннъ, разсчитывая стать профессоромъ. Но реакціонная политика правительства, которое въ 1832 г. лишило каѳедры Людвига Фейербаха и въ 1836 г. снова отказалось пустить его въ университетъ, а въ 1841 г. отняло право читать лекціи въ Боннѣ у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила М. отказаться отъ ученой карьеры. Развитіе взглядовъ лѣваго гегельянства въ Германіи шло въ это время впередъ очень быстро. Людвигъ Фейербахъ въ особенности съ 1836 г. начинаетъ критиковать теологію и поворачиваетъ къ матеріализму, который вполнѣ беретъ верхъ у него въ 1841 г. („Сущность христіанства"); въ 1843 г. вышли его же „Основныя положенія философіи будущаго". „Надо было пережить освободительное дѣйствіе" этихъ книгъ,—писалъ Энгельсъ впослѣдствіи объ этихъ сочиненіяхъ Фейербаха—„мы (т. е. лѣвые гегельянцы, М. въ томъ числѣ) стали сразу фейербахіанцами". Въ это время рейнскіе радикальные буржуа, имѣвшіе точки соприкосновенія съ лѣвыми гегельянцами, основали въ Кельнѣ оппозиціонную газету: „Рейнскую Газету" (начала выходить съ 1 января 1842 г.). М. и Бруно Бауэръ были приглашены въ качествѣ главныхъ сотрудниковъ, а въ окт. 1842 г. М. сдѣлался главнымъ редакторомъ и переселился изъ Бонна въ Кельнъ. Революціонно-демократическое направленіе газеты при редакторствѣ М. становилось все опредѣленнѣе, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензурѣ, а затѣмъ рѣшило вовсе закрыть ее 1 янв. 1843 г. М. пришлось къ этому сроку оставить редакторство, но его уходъ все же не спасъ газеты, и она была закрыта въ мартѣ 1843 г. Газетная работа показала М., что онъ недостаточно знакомъ съ политич. экономіей, и онъ усердно принялся за ея изученіе.

Въ 1843 г. М. женился въ Крейцнахѣ на Дженни фонъ-Вестфаленъ, подругѣ дѣтства, съ которой онъ былъ обрученъ еще будучи студентомъ. Жена его принадлежала къ прусск. реакціон. дворянской семьѣ. Ея старшій братъ былъ министр. внутр. д. въ Пруссіи въ одну изъ самыхъ реакціонныхъ эпохъ, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. М. пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы издавать за границей вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге радикальный журналъ. Вышла лишь первая книжка этого журнала „Нѣмецко-французскій ежегодникъ". Онъ прекратился изъ-за трудностей тайнаго распространенія въ Германіи и изъ-за разногласій съ Руге. Въ своихъ статьяхъ въ этомъ журналѣ М. выступаетъ уже какъ революціонеръ, провозглашавшій „безпощадную критику всего существующаго", апеллирующій къ массамъ и къ пролетаріату.

Обложка словаря «Гранат» и 1-я страница статьи «Маркс», опубликованная под псевдонимом Вл. Ильин. 1914 г. *Из собр. ГИМЗ «Горки Ленинские»*

Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. ИЛЬИНЪ).

ИМПЕРІАЛИЗМЪ,

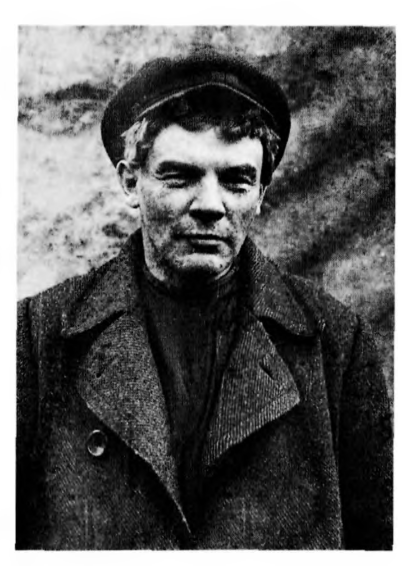
КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ

КАПИТАЛИЗМА.

(Популярный очеркъ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе"
Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.
1917 г.

Н. Ленин (Вл. Ильин).
«Империализм как новейший этап капитализма». Пг., 1917 г.
Из собр. ГИМЗ «Горки Ленинские»

Ленин в парике и кепке перед нелегальным выездом в Финляндию.
Ст. Разлив, 23 августа 1917 г.
Из собр. РГАСПИ

Имперіализмъ, какъ высшая стадія капитализма.

(Популярный очеркъ).

За послѣднія 15-20 лѣтъ, особенно послѣ испано-американской (1898) и англо-бурской (1899-1902) войны, экономическая, а также политическая литература стараго и новаго свѣта все чаще и чаще останавливается на понятіи „имперіализмъ" для характеристики переживаемой нами эпохи. Въ 1902 году в Лондонѣ и Нью-Іоркѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе англійскаго экономиста Дж. А. Гобсона: „Имперіализмъ". Авторъ, стоящій на точкѣ зрѣнія буржуазнаго соціалъ-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, съ теперешней позиціей бывшаго марксиста К. Каутскаго, — далъ очень хорошее и обстоятельное описаніе основныхъ экономическихъ и политическихъ особенностей имперіализма. Въ 1910 году въ Вѣнѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе австрійскаго марксиста Рудольфа Гильфердинга: „Финансовый капиталъ" (рус.

«Империализм как высшая стадия капитализма». Рукопись. 1917 г.
Из собр. ГИМЗ «Горки Ленинские»

В. И. Ленин выступает в Таврическом дворце на заседании солдатской секции Советов рабочих и солдатских депутатов. Петроград, 4 (17) апреля 1917 г. *Из собр. РГАСПИ*

В. И. Ленин выходит из здания Государственного Педагогического Института с заседания 1 Всероссийского съезда по просвещению. 28 августа 1918 г. *Из собр. РГАСПИ*

Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!

Советская республика окружена врагами. Но она победит и внешних и внутренних врагов. Виден уже подъем среди рабочих масс, обеспечивающий победу. Видно уже, как участились искры и взрывы революционного пожара в Западной Европе, дающие нам уверенность в недалекой победе международной рабочей революции.

Злейший враг российской советской социалистической республики, это — внешний

Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!
Автограф В. И. Ленина. 1918 г. *Из собр. ГИМЗ «Горки Ленинские»*

Вл. Ленин и Вл. Бонч-Бруевич у автомашины во дворе Кремля на первой прогулке по выздоровлении после ранения. Октябрь 1918 г. *Из собр. РГАСПИ*

Ленин произносит речь на открытии временного памятника Марксу и Энгельсу на Воскресенской площади (ныне Площадь революции). Москва, 7 ноября 1918 г. *Из собр. РГАСПИ*

Совет Народных Комиссаров. Слева направо: И. З. Штейнберг, И. И. Скворцов-Степанов, Б. Д. Камков, В. Д. Бонч-Бруевич, В. Е. Трутовский, А. Г. Шляпников, П. П. Прошьян, В. И. Ленин, И. В. Сталин, А. М. Коллонтай, П. Е. Дыбенко, Е. К. Кокшарова, Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов, В. И. Невский, А. В. Шотман, Г. В. Чичерин. Декабрь 1917 – январь 1918 г. *Из собр. РГАСПИ*

В. И. Ленин за рабочим столом в своем кабинете в Кремле.
16 октября 1918 г. *Из собр. РГАСПИ*

Рабочий стол В. И. Ленина в Кремле. ГИМЗ «Горки Ленинские».
Фото Р. Сабанчеева

Ленин в центре группы у кремлевской стены во время демонстрации трудящихся на Красной площади. Слева Каменев, справа Троцкий. Москва, 7 ноября 1919 г. *Из собр. РГАСПИ*

Ленин, Сталин, Калинин в группе делегатов 8-го Всероссийского съезда Советов. Москва, декабрь 1920 г. *Из собр. РГАСПИ*

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в своей квартире в Кремле
с Линкольном Эйром. Москва, февраль 1920 г. *Из собр. РГАСПИ*

Ленин в своем кабинете в Кремле беседует с английским писателем
Гербертом Уэллсом. Москва, октябрь 1920 г. *Из собр. РГАСПИ*

Не забыть

153

На обложке, как подзаголовок, вставить:
С приложением статьи В. И. Невского: „Диалектический материализм и философия мертвой реакции".

Предисловие ко второму изданию.

Настоящее издание, кроме отдельных исправлений текста, не отличается от предыдущего. Я надеюсь, что оно будет небесполезно, независимо от полемики с русскими „махистами", как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания. Что касается до последних произведений А. А. Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В. И. Невского дает необходимые указания. Тов. В. И. Невский, работая не только как пропагандист вообще, но и как деятель партийной школы в особенности, имел полную возможность убедиться в том, что под видом „пролетарской культуры" проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения.

2. IX. 1920.

Н. Ленин

«Материализм и эмпириокритицизм». Предисловие ко второму изданию. Рукопись. 2 сентября 1920 г. *Из собр. РГАСПИ*

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ Ц. К. Р. К. П. (б)

ЛЕНИНСКИЙ

СБОРНИК

IX

Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
MCMXXIX

«Ленинский сборник» (№ 9, 1929), в котором впервые были опубликованы «Философские тетради» В. И. Ленина. *Из собр. ГИМЗ «Горки Ленинские»*

Посмертная маска В. И. Ленина. Скульптор С. Д. Меркуров. ГИМЗ «Горки Ленинские». *Фото Р. Сабанчеева*

Мемориальная плита в Горках. ГИМЗ «Горки Ленинские». *Фото Р. Сабанчеева*

неоправданного насилия со стороны красных и трагических ошибок самого Ленина. Но также она знает и немало примеров, когда эта мера была недостаточной и будущие субъекты белого террора освобождались под честное слово, а решение о заключении действительно ужасного, принесшего огромное горе народам нашей страны мира с Германией, неоправданно затягивалось.

Во-вторых, история показала, что продолжением ленинской политики стал сталинизм, и уж он-то эту меру перешел безусловно. Ответственны ли Ленин и его сподвижники (в том числе уничтоженные Сталиным) за эти последующие преступления — вопрос важнейший, и я на него уже отвечал: нет. Нет, ибо была возможна и другая траектория генезиса нового общества в нашей стране, а ленинская теория и политика предполагала принципиально иную, нежели сталинская, стратегию.

Но при этом, в-третьих, в результате реализации теории и стратегии, разработанных и претворенных в жизнь Лениным и его соратниками, общий баланс социального освобождения и отчуждения, прогресса и регресса в мире изменился в лучшую сторону. Эти изменения были нелинейны, мучительны, противоречивы. Их можно было (если глядеть в прошлое из настоящего) достигать меньшей ценой, не совершая стольких ошибок и преступлений. Но эти изменения произошли, и в конечном итоге они позитивны.

***

Суммирую. *Главное, что принес Ленин в философию и теорию социально-политического процесса, — это теория ассоциированного социального творчества.* Она не представлена некоторой фундаментальной книгой или хотя бы четкой системой положений и выводов. Она являет собой нечто иное, как распредмечивание практики подготовки и свершения революции (включая развитие ростков социализма в первые годы советской власти), и она опредмечена в этой практике. И еще в сотнях новых конкретных положений, создающих ряд важнейших фрагментов эпического теоретического полотна «ассоциированное социальное творчество». Академический читатель улавливает в лучшем случае некоторые блоки этих фрагментов (теория партии нового типа, фрагменты теории революции...). И только включенный в ассоциированное социальное творчество истории субъект оказывается способен увидеть

и принять полотно в целом при всей его незавершенности и нецелостности.

И еще. Личность не может изменить объективные законы истории. Но стать одним из решающих факторов победы или поражения оптимальной модели «спрямления» ее зигзагов, максимально эффективной реализации объективно взорвавшейся энергии социального творчества масс она может. Революции свершаются массами, и это объективный взрыв социальной энергии, который личность не может ни вызвать, ни остановить. Но революции становятся конструктивным созиданием нового мира, а не только всеразрушающим вихрем, лишь в той мере, в какой в них привнесено социально-творческое начало, в какой революция становится мощной музыкой единого оркестра. Вот почему в экстремальных исторических обстоятельствах решение вопроса: «*быть или не быть*» великому социальному действу и *каким* ему быть зависит *и* от ответа на вопрос: *есть у этой «симфонии огня» гениальный дирижер или его нет...*

1. Споры вокруг «Материализма и эмпириокритицизма»

В. А. Бажанов

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания и философии науки в XX в.*

Столетие со дня выхода (в мае 1909 г.) книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» предоставляет хороший повод попытаться осмыслить значение этой книги для философии XX в. Если в советское время эта книга считалась шедевром философской мысли, краеугольным камнем философского наследия В. И. Ленина и поэтому par excellence не допускала какой-либо критической оценки (рецензии, увидевшие свет после ее публикации, тщательно скрывались и замалчивались), то после распада СССР эта книга, как и бо́льшая часть так называемого марксизма-ленинизма, была благополучно забыта, и лишь в период перестройки предпринимались достаточно непоследовательные попытки его критического анализа. Затем фактически все, что относилось к марксизму и его наследию, было вытолкнуто на далекую перифе-

---

* Впервые опубликовано: Регионология. 2008. № 4. С. 55–59. Текст переработан автором для настоящего издания.

рию исследовательского сознания не только в России, но и на просторах СНГ. Между тем западные ученые продолжали анализировать марксистское теоретическое наследие, включая, понятно, и труды В. И. Ульянова-Ленина.

Полагаю, настало время и нам, чтобы не только вспомнить эту, прямо скажу, неординарную книгу, но и, наконец, вернуться к предмету некогда слепого поклонения и постараться трезво и с рациональных позиций, с высоты сегодняшнего дня осмыслить причины и характер влияния книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» на философскую мысль XX в. Можно смело утверждать, что в силу ряда социально-политических условий и ее содержательных моментов эта книга — одна из наиболее влиятельных книг, увидевших свет в XX столетии. *Влиятельных — прежде всего потому, что она была известна, изучалась, читалась и перечитывалась миллионами, десятками миллионов людей и воспринималась как выдающееся философское произведение*, а стало быть, настраивала на вдумчивое и серьезное отношение к философии, и если учитывать трактовку К. Маркса и Ф. Энгельса как великих мыслителей, а также другие труды В. И. Ленина, то волей или неволей прививало уважение общества к философской и гуманитарной мысли в целом. Уважение, которое, увы, во многом было утеряно в последнее десятилетие. А вместе с ним, замечу, утеряно и уважение к рационализму вообще. Это явная деградация интеллектуального потенциала общества, когда его «героями» становятся певички и шоумены, а не мыслители и инженеры.

Понятно, что знакомство с так называемыми первоисточниками марксизма-ленинизма пытливый ум не могло удовлетворить полностью в том смысле, что нетрудно было заключить, что философия этими источниками вовсе не ограничивается и надо изучать не только предшественников К. Маркса и В. И. Ленина, но и более поздних мыслителей, все многообразие философских идей. В конечном счете рефлексия над богатством философских и социально-политических идей и осознание убогости экономических реалий «развитого» социализма (теория предписывала одно, а практика свидетельствовала о противоположном) и привела к крушению коммунистического эксперимента, которое сопровождалось поистине тектоническими сдвигами на необъятных просторах Евразии, в процессе которых перестал существовать и Советский Союз, основателем которого являлся В. И. Ленин.

Это, впрочем, вовсе не означает, что его концептуальное наследие может быть предано забвению. Напротив, идея path dependence (зависимость от предшествующего пути), столь популярная в современной политологии и экономической теории, давно известная в диалектической философии как идея преемственности в развитии, отчасти как «снятие» у Гегеля, предполагает аналитику марксистско-ленинского наследия, которое, как ни крути и ни отрицай, в неявном, имплицитном виде присутствует в теоретических конструкциях сегодняшнего дня. Одним из таких базисных элементов и является книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Моя задача — вовсе без претензий на сколько-нибудь исчерпывающий ответ затронуть те моменты этой книги, которые относятся к теоретико-познавательным аспектам и их развитию в последующие годы в разного рода философских направлениях, прежде всего в области философии науки. Ключевые вопросы, на мой взгляд, можно сформулировать так (хотя их круг легко расширить).

Каковы причины и основания влияния на философию XX в. в целом и теорию познания в частности книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»? В чем оно *конкретно* состояло? Определялось ли это влияние политическими мотивами и/или содержательными соображениями? Какими соображениями?

Какие направления философско-методологической мысли испытали наибольшее влияние книги? Что можно считать устаревшим и что сохраняет свою актуальность?

Можно ли по-прежнему, как и в советское время, отождествлять теорию познания и теорию отражения? Что собой представляют неотражательные операции познавательного процесса, о которых принято рассуждать в сфере истолкования познания сейчас? Противоречат ли друг другу традиционное и нетрадиционное истолкование отношения субъекта и объекта? Какова природа активности субъекта познания и нашла ли она адекватное отражение в книге В. И. Ленина?

Какие гносеологические идеи книги «работали» в философии и гносеологии XX в.? Удалось ли автору книги предложить эффективную методологию анализа естествознания, которая использовалась в прошлом столетии, и если да, то каким образом и в каких областях естественных наук? В чем были особенности ее применения в области социально-гуманитарного знания? В чем недостатки такого рода методологии с позиций сегодняшнего дня?

Понятно, что я смогу коснуться лишь небольшой части указанных вопросов.

Смысл книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» нельзя понять, если: не учитывать 1) философскую фундированность марксизма, заложенную его создателями и связанную с проблемами отчуждения человека, истолкованием развития общества как естественно-исторического процесса, представлениями о предыстории и собственно истории человечества, — проблемами и представлениями, которые имели непосредственные политико-экономические аспекты и следствия и 2) конкретные условия написания книги (период поражения первой русской революции) и очевидные *политические* цели ее автора. Четко следуя традиции марксизма, В. И. Ленин не мог игнорировать «модернизацию» и, стало быть, неизбежные искажения философских оснований (ортодоксального) марксизма, которые вытекали из платформы эмпириокритицизма, развиваемого видными социал-демократами и захватывавшего в России все более широкие слои людей, размышляющих о будущем пути развития страны и наслышанных о разворачивающейся революции в естествознании, одним из предтеч которой выступали труды Э. Маха.

В. И. Ленин в своей книге стремился восстановить аутентичное прочтение марксизма, что означало беспрекословное признание необходимости революционного слома государственной машины, а не ревизионистский по своей сути (как полагал Ленин) процесс эволюционных преобразований, который отстаивался сторонниками западноевропейской социал-демократии (видным представителем которой и являлся Э. Мах) и их российскими последователями. Единственное смещение относительно «автохтонной» позиции классиков марксизма, которое допускал Ленин, состояло в перенесении акцента с материализма на диалектику, т. е. фокус внимания переносился с диалектического *материализма* на *диалектический* материализм. Становление и развитие эмпириокритицизма было тесно связано с кризисом и последующей революцией в естествознании (прежде всего в физике), и поэтому проблемы диалектики познания получали в данном случае политическое звучание. Понятно, почему архитектоника «Материализма и эмпириокритицизма» включает активную (а порой просто яростную) политическую полемику, перемежаемую философскими отступлениями (главным образом из области теории познания), которые на самом же деле носят подчиненный характер по отно-

шению к политическим в конечном счете целям данной работы. Именно по этой причине Ленин усиленно цитирует разных авторов, предпочитая скорее не аналитический, а дескриптивно-оценочный стиль изложения (*восстановление* истинного положения дел в марксизме), он использует, так сказать, ненормативную для настоящего философского произведения лексику типа «кривляка» (по отношению к Авенариусу), «урядник» (по отношению к Г. Корнелиусу) или «философские Меншиковы», которого Ленин называл «сторожевым псом царской черной сотни» (по отношению к имманентам). Короче говоря, Ленин писал не философский, а политический текст. Так он преимущественно и воспринимался вне пределов советского государства теми, кто разделял левые взгляды.

Есть все основания думать, что В. И. Ленин считал свою книгу не вполне зрелой работой в том смысле, что критика эмпириокритицизма им велась преимущественно с позиций созерцательного материализма. Когда В. И. Ленин основательнее познакомился с диалектикой Гегеля, он естественным образом должен был переоценить свой подход. В. К. Брушлинский как-то обратил внимание на то замечание в «Философских тетрадях», в котором В. И. Ленин оценивает характер критики марксистов своих концептуальных оппонентов: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»*.

Левые идеи, как известно, будоражили умы (обычно в молодые годы) многих известных мыслителей, круто впоследствии менявших свои политические воззрения. Одним из таких мыслителей был К. Поппер, выдающийся философ XX в., который обычно считается родоначальником постпозитивизма. К. Поппер явился непримиримым и энергичным критиком марксизма. Достаточно вспомнить его произведения «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма». Однако мало кто знает, что в 1919 г. совсем молодой К. Поппер вместе с одним венгерским коллегой, хорошо знавшим русский язык, переводил «Материализм и эмпириокритицизм» на немецкий язык. И К. Поппер, и другие постпозитивисты (особенно И. Лакатос и П. Фейерабенд) считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма благодаря его интерпретации в «Материализме и эмпириокритицизме» идей П. Дюгема, к которому вождь мирового

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 161.

пролетариата явно благоволил в силу взглядов последнего на развитие физических теорий с точки зрения познания истины, хотя и порицал за идейные «шатания». Гегель и особенно В. И. Ленин — концептуальные источники современного фаллибилизма, предложенного и развитого К. Поппером в весьма жесткой форме (полагаю, что это мнение, на мой взгляд, упрощает реальную картину). И. Лакатос, ученик К. Поппера и выдающийся философ науки, развивал фаллибилизм в еще более жесткой форме — в форме, близкой по духу к ленинской трактовке соотношения объективной, абсолютной и относительной истины. Точка зрения фаллибилизма (в виде идей приближения к истине) у И. Лакатоса уже неявно присутствует в его работах венгерского, а не только английского периода, когда он собственно и переосмысливал концепцию К. Поппера. Если К. Поппер фактически ограничивал фаллибилизм сферой нематематического знания, то И. Лакатос решительно распространял его и на область логико-математического знания.

Еще в своих ранних работах (венгерского периода творчества) И. Лакатос рассуждает, упоминая иногда В. И. Ленина, о возможности бесконечного приближения разума к объективной реальности, ее неисчерпаемости, о достижениях физики, связанных с признанием принципа историзма, о его ассимиляции в естественных науках в целом и т. п.

Более того, есть все основания утверждать, что ключевое понятие методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса — понятие «жесткого ядра» — заимствовано из работы В. И. Ленина «Что делать?», в которой пишется о сплоченном ядре (революционеров-профессионалов и самой партийной организации*).

На Западе В. И. Ленина считают одним из наиболее влиятельных мыслителей XX столетия хотя бы потому, что его идеи впитывались громадными массами людей, а многие люди в условиях тоталитарных режимов XX в. знакомились с классической философией не по первоисточникам, а по трудам В. И. Ленина. Тот же самый И. Лакатос обычно тщательно скрывал источники своих воззрений (хотя в принципиальных случаях указывал их явно и недвусмысленно, цитируя и Ф. Энгельса, и В. И. Ленина), но почти наверняка диалектический метод осваивал не

---

* Подробнее см.: Бажанов В. А. Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 147–157.

по оригинальным гегелевским произведениям, а по трудам В. И. Ленина и затем на семинаре крупного венгерского марксиста Д. Лукача*. Диалектическая по своей сущности методология И. Лакатоса в области философии математики (и философии науки в целом) включает марксистскую методологию (диалектическую по своему духу) в качестве базисного элемента. В какой-то степени аналогичная характеристика будет справедлива и по отношению к П. Фейерабенду, поскольку он испытал глубокое влияние со стороны Б. Брехта (комбинация элементов анархии и неуважения к «респектабельности»), а австрийского марксиста В. Холличера вообще открыто называл своим учителем.

Таким образом, можно заключить, что марксизм оказал определенное влияние на позитивизм, и особенно ощутимым оно было в случае Поппера (имея в виду его фаллибилизм), и особенно И. Лакатоса, диалектические основания творчества которого позволяют назвать его своего рода троянским конем по отношению не только позитивизму в целом, но и всей англо-американской философии, особенно если учесть его заслуги в распространении на Западе исторического метода в области философии и методологии науки. Если К. Поппер начисто отвергал принцип историзма — один из центральных принципов диалектики, то его ученик И. Лакатос возражал таким образом, что «нищета историцизма (в терминологии К. Поппера. — *В. Б.*) лучше, чем полное отсутствие оного»**.

На рубеже XX и XXI вв. в России была разработана *эпистемологическая* концепция, которая в полной мере реализует деятельностный подход, естественным образом приложимый и к философии науки. Она энергично разрабатывалась И. С. Алексеевым, В. А. Лекторским, М. А. Розовым, Г. П. Щедровицким. В этой концепции кардинально пересматривается понимание познания как отражения; «отражение» здесь означает описание деятельности***. Если использовать метафору «книги природы», то человек в процессе познания не просто ее читает (и тем самым раскрывает тайны природы), а

* См.: там же.

** Цит. по: Motterlini M. Reconstructing Lakatos: A Reassesment of Lakatos' Epistemological Project in the Light of Lakatos Archive // Studies in History and Philosophy of Science. 2002. Vol. 33. P. 502.

*** Розов М. А. Философия науки в новом видении. М., 2012. С. 107.

активно пишет в соавторстве с природой*. Такой вывод позволяет по-новому взглянуть на классическую, корреспондентскую теорию истины и найти аргумент в пользу ее справедливости: под реальностью, с которой сопоставляется полученное знание, следует понимать саму человеческую деятельность. «Мы сопоставляем наши знания с тем, что сами создаем», — пишет М. А. Розов**. Содержание знаний черпается не из чувственного восприятия, а из деятельности; именно деятельность выделяет из общего фона некоторые наборы свойств и связей, которые связывает в целостную картину. Именно поэтому можно утверждать теоретическую нагруженность факта, а определенная интерпретация наблюдения предшествует моменту непосредственного наблюдения.

Таким образом, познание — это улица с «двусторонним движением», которое регулируется и субъектом, и объектом, и допустимые траектории движения определяются как (явными или неявными) установками субъекта, так и онтологией самого объекта.

Аналогичные утверждения характерны для такого весьма свежего философского направления (в рамках конструктивизма), которое осмысливает данные когнитивных наук, как энактивизм.

Энактивизм настаивает, что субъект не строит репрезентации, т. е. не «отражает» в буквальном смысле мир; он автономен, а потому строит и перестраивает имманентные ему схемы деятельности и тем самым конструирует свой мир, конструируя самого себя. Стратегия субъекта по отношению к миру избирательна, он извлекает из него смыслы и активно порождает их, создавая некоторого рода (природную в случае животного и когнитивную в случае человека) нишу. Смыслы вовлечены в творение мира, который подстраивается под субъекта в соответствие с его целями и желаниями. Мир, внешняя среда, оказывается продолжением самих субъектов, а потому когнитивные системы здесь операционально и конструктивно самозамкнуты, автопоэтичны. Познание — это созидание, порождение мира, который является не ареной действия, а своего рода «до-

---

* Розов М. А. Философия науки в новом видении. С. 146.

** Там же. С. 51.

стройкой» самого субъекта вне своего тела до более или менее удовлетворяющей его конструкции*.

В последние десятилетия диалектические идеи неожиданным образом переосмысливаются в области неклассических (альтернативных) логик. Я имею в виду прежде всего паранепротиворечивую логику, которая развивается весьма интенсивно, и уже вполне отчетливо обозначились различные направления, которые лежат в основании ряда научных сообществ (школ), по-разному интерпретирующих идею паранепротиворечивости и предлагающих различные методологии ее реализации.

С некоторой степенью условности можно говорить о по меньшей мере трех достаточно представительных школах в области паранепротиворечивой логики — австралийской, бельгийской и бразильской (другие школы, например польская, пожалуй, менее выражены и влиятельны). Особенно оригинальна методология, основанная на диалектических представлениях, предлагается австралийской школой.

Р. Роутли-Сильван (1935—1996) и Г. Прист, явившиеся основателями влиятельной австралийской школы паранепротиворечивости, в 1981 г. предложили и развили идеологию, специально ими названную термином dialetheism, состоящую в признании существования противоречия A и $\neg A$, где и A, и $\neg A$ являются истинными (dialetheia). Здесь имеются в виду не все противоречия, о которых принято рассуждать в классической версии диалектики, а только некоторые; поэтому различие между истинностью и ложностью, вообще говоря, не стирается. Термин dialetheism выбран не случайно, поскольку должен напоминать о *диалектике (dialectic)*, толерантной к противоречию, но при этом сама эта идеология не вполне тождественна традиционной диалектике (скажем, в ее гегелевской и/или марксистской форме).

Концепция dialetheism за рубежом представлена достаточно обстоятельно**, а в русскоязычной литературе пока даже от-

---

* Подробнее см.: Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология. Перспективы развития. М., 2012. С. 350—351.

** См., например: Priest G. In Contradiction: A Study of the Transconsistent. Dordrecht, 1987; The Law of Non-Contradiction. New Philosophical Essays / Eds. Priest G., Beall J.C., Armour-Garb B. Oxford, 2004; Ficara E. Dialectic and Dialetheism // History and Philosophy of Logic. 2013. Vol. 34. № 1. P. 35—52.

сутствует соответствующий термин для ее обозначения. Для понятий dialetheism и dialetheia в качестве русских аналогов я предлагаю термины «*далетика (далетизм)*» и «*далеты*», а сторонники dialetheism могут быть названы «*далетиками*». Эти термины хотя и не вполне привычны, но сохраняют свой смысл как неологизмы, созвучны с известными понятиями диалектики (что предполагается далетизмом) и, обладая статусом «метафор ракурса»*, легко воспринимаются как все-таки отличные от понятий традиционной диалектики (и диалектиков).

Поскольку Гегель считал, что «нечто жизненно, пока оно противоречиво», то далектики склонны считать Гегеля и сторонников его «тривиалистами», т. е. уверенными в том, что все противоречия истинны в силу их объективности, тогда как далектики таковыми считают противоречия, которые соответствуют парадоксам самореференции, описания движения, определенным ситуациям в праве, переходным состояниям и т. д. Между тем далетики склонны считать единство противоположностей не случайным фактором, а выражением их целостности и имманентной взаимной обусловленности. На формальном уровне это обстоятельство воспроизводится в виде понимания конъюнкции в интенсиональном духе, когда из *A* & B следует только *A* или только *B*.

Существуют версии метафизической и семантической далектики (Э. Марес). Первые (представленные, например, Г. Пристом в своих ранних работах) признают объективное существование противоречий (в вещах), а вторые (представленные, например, С. Сомсом) убеждены, что противоречия обусловлены несоразмерностью языка описания некоторой реальности и самой реальностью, и выражаются исключительно в виде лингвистических конструкций.

Противоречивые формальные модели могут рассматриваться как удобные инструменты в описании совокупности противоречивых ситуаций без наделения этих ситуаций онтологическим статусом, модусом объективного существования. В этом случае принято говорить о *слабой* паранепротиворечивости. Если же эти ситуации считаются объективными, то имеют в виду *сильную* паранепротиворечивость. Далетики, вообще говоря,

---

* О понятии «метафора ракурса» см.: Бажанов В. А., Панкратова О. А. О роли метафоры ракурса в генерации инноваций в социально-гуманитарной области // Ценности и смыслы. 2012. № 2. С. 110–126.

являются именно ее сторонниками. Классическую логику они рассматривают не как альтернативу, а предельный, частный случай паранепротиворечивой, хотя в ней по сравнению с классикой и налагаются ограничения на процедуры выводимости.

Поскольку метафизическая версия далетики предполагает, что наличие противоречий на концептуальном уровне должно свидетельствовать о существовании противоречий в реальности (своего рода объективная диалектика, которая, по мысли В. И. Ленина, должна отражаться в субъективной диалектике), то ее можно отнести к одной из версии «реализма», преломленного к логико-математическому знанию*.

Марксистская методология по-прежнему достаточно широко осмысливается за рубежом — особенно в случае ее применения к интерпретации развития научного познания**, а на крупнейших международных конгрессах по истории науки работают соответствующие секции. Так, на конгрессе 2009 г. в Будапеште в этой секции были представлены, в частности, доклады о влиянии марксистских идей на датских физиков и о дискуссии Л. Розенфельда, который симпатизировал марксизму, с Н. Бором***, об эвристической роли марксизма, который разделялся Ш. Сакатой (1919—1970) при выдвижении его учениками (М. Кобаяши и Т. Маскавой, ставшими нобелевскими лауреатами) идеи кварков****. Аналогичная секция представлена и на очередном Международном конгрессе по истории науки (Манчестер, 2013)*****.

В наши дни марксистские идеи (в том числе в интерпретации В. И. Ленина) продолжают привлекать и совсем немарксистов

---

* Balaguer M. Realism and Anti-Realism in Mathematics // Handbook of the Philosophy of Science. Philosophy of Mathematics / ed. Irvine A. D., Elsevier B. V. 2009.

** См.: Sheehan H. Marxism and Science Studies: A Sweep through the Decades // International Studies in the Philosophy of Science. 2007. Vol. 21. № 2. P. 197—210.

*** Molenaar L. Marx's Appeal to Dutch Scientists // XXIII International Congress of History of Science and technology. Budapest, 2009. P. 183; Jacobsen A. S. Foundations of Quantum Theory and Marxism: Rosenfeld vs. Bohr // Ibid.

**** Yamazaki M. Marxism as a Useful Tool: Japanese Particle Physicists. Ibid. P. 187.

***** См.: http://www.ichstm2013.com

(не говоря о марксистах, которые не столь уж, как мы видим, редки на Западе), например такого модного мыслителя, как Славой Жижек, или последователи экстернализма (социальной истории науки) в области философии и методологии науки. Это объяснимо и понятно: если политическая составляющая марксизма-ленинизма уступила в состязании с либеральной идее, то философская, восходя к великим предшественникам, развивавшим диалектический дискурс, не потеряла своего значения как один из возможных способов рассуждения и анализа, а значит, мысленного расчленения и упорядочения мира, открытого для обогащения, переосмысления и нового концептуального синтеза с различными течениями современной мысли.

Л. К. Науменко

Диалектика как логика: пролог к гуманистическому материализму*

История должна показать
не пепел прошлого, а его огонь.
Жан Жорес

В известной работе «Актуальность прекрасного» Г.-Г. Гадамер сформулировал такой парадокс: «Пока мы обращаемся к классическому искусству, перед нами произведения, которые при их создании понимались преимущественно не как искусство, а как носители образов из религиозной или светской жизни или же как украшения нашего жизненного мира в его ключевых ситуациях...»** Когда же искусство перестает служить каким-либо внешним, т. е. общественным целям, и пытается стать самим собой (искусством для искусства. — *Л. Н.*), начинается «великая революция в искусстве». «В наши дни она привела к отказу от обусловленной традицией содержательности образа и художественной выразительности, став вдвойне проблематичной. Искусство ли это? И хочет ли оно

---

* Текст публикуется впервые.

** Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 284.

вообще быть искусством? Что стоит за этой парадоксальной ситуацией?»*

В этой работе интересен сам вопрос, природа этого парадокса. Когда искусство, например античное, служило высоким общественным целям — политическим, воспитательным, патриотическим — и его произведения оставались носителями образов серьезного общественного содержания, оно создавало шедевры, по сей день сохраняющие значение недосягаемого образца. Когда же оно стало служить самому себе, то тут же возник вопрос: а искусство ли это? Речь идет, конечно, о модернизме.

Полную аналогию этому парадоксу мы находим в истории отечественной философии. Пока философия вдохновлялась общественными идеалами, не только прогрессивными, но и консервативными, она создавала нечто значительное, а когда отказалась от «общественного служения», то впала в ничтожество. Рубежом здесь явились, конечно, «Вехи». Именно авторы «Вех» перенацеливали философскую мысль, обращая ее внутрь самой себя — «философия для философии».

Ничего подлинно выдающегося, на мой взгляд, история отечественной философии, ориентированной таким образом, не предъявила миру. Пока античная философия служила интересам свободного греческого полиса и, как и античное искусство, формировала самосознание свободного грека, создавая идеал «прекрасной индивидуальности» (Маркс), она дарила миру шедевры. Когда же она сосредоточилась на самой себе и сделала совершенствование ума — формальной способности мышления — самоцелью, она выродилась в софистику и стала служить пресыщенным снобам, потешая их на пирах логическими загадками. Вот почему Сократ, которого еще в древности именовали «мудрейшим из греков», а в Новое время — «воплощением философии», так презирал софистов, торгующих мудростью. Софистика и была продуктом вырождения философии, хотя в уме и изощренности мысли софистам не откажешь. Точно так же самобытные и «технически» сильные умы России, посвятив себя исключительно философии, сумели создать в лучшем случае только «оригинальное» и «интересное», так и не сказав миру новое слово.

---

* Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. С. 284.

Ленин, как и Сократ, презирал саму идею философии для философии и **именно поэтому** сумел сказать новое слово в самой философии.

И современников В. И. Ленина, и его биографов, последователей и критиков не может не озадачивать тот факт, что в самые сложные, **критические** моменты истории и его собственной жизни революционера, лидера партии, главы государства он, отодвигая на второй план все другие, **практические** дела, с головой погружался в философию.

В стране торжествует реакция, откат революционной волны 1905 г. сеет растерянность и панику в ряды не только сочувствующих и попутчиков, хуже того — в ряды большевиков. Затмение умов началось в философии. Морок «одной реакционной философии» оказался настолько силен, что ему поддались даже самые близкие, самые верные — Луначарский, Горький, Богданов. Богостроительство, богоискательство, эмпириокритицизм, эмпириомонизм, эмпириосимволизм... Нашествие! «Момент критический. Революция идет на убыль. Стоит вопрос о какой-то крутой перемене тактики, а в это время, — вспоминал позднее М. Н. Покровский, — Ильич погрузился в Национальную библиотеку, сидит там целыми днями и в результате пишет философскую книгу»*. «Газету (“Пролетарий”. — *Л. Н.*) я забрасываю из-за своего философского запоя**, чтобы сказать о сути дела «*конкретно,* обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*»***. И Ленин пишет «Материализм и эмпириокритицизм».

1914 г., Первая мировая война. На западе и востоке цивилизованной старушки Европы поля заливаются кровью, ползут смертельные туманы отравляющих газов, вчерашние товарищи по II Интернационалу в шовинистическом угаре разбегаются по национальным квартирам. Ленин в Швейцарии, в Берне — снова «в философском запое» — расшифровывает диалектические ребусы гегелевской «Науки логики», выписывая, переводя на «человеческий язык», комментируя абзацы и страницы, пожалуй, самого грандиозного и темного сочинения во всей истории

* Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 69.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 148.

*** Там же. С. 151.

философии, набрасывает план большой работы по материалистической диалектике. Рождаются «Философские тетради».

Лето 1917 г. Объявленный, по сути дела, вне закона, Ленин в Разливе, в шалаше, «на колене» пишет — не статью в газету — книгу! Это книга о материалистическом понимании истории — «Государство и революция».

1922 г. Снова «критический момент». Вчерашние схемы «военного коммунизма» изжиты. На повестке дня непосредственный приступ к строительству социализма, привлечение к этому всенародному делу всех здоровых, демократических интеллектуальных сил. Ленин публикует программную статью «О значении воинствующего материализма»* и ставит задачу создания «общества материалистических друзей диалектики Гегеля», налаживания творческого сотрудничества философов-материалистов и естествоиспытателей, **естественных** союзников философского материализма.

Что все это означает? Как совместить все это с представлением о Ленине исключительно как мастере практически-политической борьбы, жестком прагматике, человеке «длинной воли», не ведающем ни колебаний, ни сомнений в проведении этой воли?

Чем сложнее, чем острее, чем ответственнее переживаемый момент истории, тем глубже, можно сказать, *интимнее* интерес Ленина к философии. И даже на последнем отрезке жизни рядом с кроватью смертельно больного Ленина лежала книга одного из самых неистовых противников марксизма и большевизма — книга Ивана Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Что искал в ней Ленин? Что побуждало его заглядывать в чужие, враждебные мысли?

Я не вижу другого объяснения этого парадокса, чем следующее: Ленин **сверял желаемое с действительным,** свои и чужие мысли с реальностью, субъективное с объективным, как он сверял на протяжении всей своей короткой, не просто драматической, но трагической жизни. Желаемое — социализм, действительное — история. Значит — проверял себя, значит — сомневался, значит — искал основания для уверенности в себе, в своей позиции и находил ее. Можно ли представить себе, чтобы Бланки или Бакунин, Гарибальди или Степан Халтурин, карбонарии или народовольцы — люди большой революцион-

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 45.

ной страсти и непреклонной воли поступали так, как Ленин? Философией интересовались и они, но на досуге... Ленин — в цейтноте. Может ли быть более высокой оценка значения философии не на словах, а на деле?

Сомневался и сверял... С другой стороны, почему же последователи Декарта, Канта, Гегеля, Маркса — не знающие сомнений и колебаний ученики превращали слова учителей в догму? Ответ очевиден: они не *добывали* истину в сомнениях и поиске, они находили ее *готовой*, вышедшей в полном вооружении из головы Учителя.

Если мыслить — значит познавать, мыслить и не сомневаться — невозможно. Эту простую истину сформулировал еще Декарт, противопоставивший догматизму схоластики «радикальное сомнение». Не ведают сомнений фанатики, догматики, «упертые» доктринеры, поклоняющиеся не объективной истине, а самим себе, жрецы самодовольного субъективного разума, имеющего в своем письменном столе ответы на все вопросы. Не ведает сомнений только глупец. *Глупость и есть самодовольство ума.*

Разумные сомнения возникают тогда, когда общие посылки, универсальные правила не согласуются с конкретными, особенными обстоятельствами, когда налицо противоречие. Нестойкий и непоследовательный «ум» немедленно начинает биться в истерике и то отвергает общие посылки, поскольку они не согласуются с фактами, то предает анафеме факты, следуя тезису «тем хуже для фактов».

Здесь уместно обратить внимание на общую проблему взаимоотношения **общих правил и особых обстоятельств**. С этой проблемой Ленин столкнулся, когда возник вопрос о применении общих посылок теории Маркса к особенным условиям пореволюционной России. «Общее правило» звучало так: социализм возможен и необходим только при наличии материальных и культурных предпосылок, создаваемых развитым капитализмом. В России таких предпосылок не было. Следовательно, необходимо либо отказаться от «общего правила», либо от строительства социализма. Ответ Ленина точен и прост. История есть деятельность преследующего свои цели человека. Если мировая история «созрела» уже настолько, что предоставила уникальную возможность взять власть, то что же мешает использовать эту власть для создания этих самых предпосылок? Требуемое теорией соответствие производственных отношений характеру и уровню производительных сил будет выполнено.

В «критические моменты» Ленин и обращается со своими сомнениями именно туда, где они и могут быть разрешены, — не к догме, не к «учению», не к теории. Теории — не источник знания, но средство познания. Он обращается к объективной реальности, следуя единственной «догме» — **принципу «объективности рассмотрения»**. Этот принцип он в «Философских тетрадях» и упоминает **первым** в числе «элементов диалектики»*. Этот принцип и есть синтез материализма и диалектики.

«Объективность рассмотрения»

Что такое философский материализм по Ленину? Это не что иное, как *просто* объяснение природы и истории из них самих, без всяких посторонних прибавлений: «Вещь сама в себе должна быть рассмотрена»**. Единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, это ее свойство быть объективной реальностью, отражаемой сознанием и независимой от него. Независимой от сознания как индивидуального, так и коллективного. «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях»***.

Это действительно просто и понятно. Но за этой видимой простотой кроется ненарочитая, не придуманная, а *объективная* сложность. В чем же смысл ленинского «определения материи»? Подчеркнем сначала, что оно в такой же мере «ленинское», как и «марксовское», «энгельсовское», «гольбаховское» и даже «гераклитовское» и «демокритовское». Ленин без тени сомнения охарактеризовал знаменитый тезис Гераклита: «Мир единый, никем из богов не создан, а был, есть и будет огнем, мерами возгорающим и мерами угасающим» — как «хорошее изложение начал диалектического материализма»****, т. е. начал своей собственной философии. Ленин *подчеркивает тождество* своей позиции позициям своих предшественников-материалистов, всех вместе взятых, начиная от Фалеса. Но

---

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 202.

** Там же.

*** См.: Там же. Т. 18. С. 131, 275–276.

**** См.: Там же. Т. 29. С. 311.

если это так, то справедливо ли будет сказать, что Ленин не внес в эту общую позицию ничего нового?

Такое открытие принесла с собой революция в естествознании, потребовавшая четкого размежевания философского понятия материи и понятия естественно-научного, неизбежно исторически ограниченного и неизбежно меняющегося. Этого четкого размежевания мы не находим ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Плеханова и других марксистов. **«Гносеологическая сторона»** этого нового понимания материи **выходит на первый план** и поглощает «онтологическую». Это обстоятельство запечатлелось в **категорической** ленинской формуле о тождестве логики, диалектики и теории познания — это одно и то же.

Много позднее, уже в середине 1960-х гг., в этом «гносеологизме» стали упрекать Э. В. Ильенкова и его школу, усматривая здесь ревизионизм. Это и был ревизионизм, но ревизия не марксистского материализма, а «Краткого курса истории ВКП(б)», который лег поперек дороги и генетики, и кибернетики, и теории относительности. Того самого псевдоматериализма и псевдомарксизма, который был уверен, что все «онтологические» истины уже содержатся в «науке наук», в «сокровищнице марксизма-ленинизма», откуда их необходимо только извлечь. Философия ведь — «учение о мире в целом». Извлечь и одарить этими «истинами в последней инстанции» всех естествоиспытателей, оставляя за ними только одну, но почетную задачу — находить подтверждение тому, чему «марксизм-ленинизм учит». Это и была ветхозаветная «онтология», развенчанная и погребенная уже Кантом*.

Рассмотрим теперь те преимущества, которые давало и философии, и специальным отраслям научного знания ленинское «гносеологическое» определение материи, подчеркнув, что речь идет не о *дефиниции* как таковой, т. е. не о словесном «определении понятия», а о содержании и значении самой **категории определения, об определенности.**

---

* Подробнее см. об этом в моей работе «Эвальд Ильенков: портрет в интерьере времени» на сайте журнала «Альтернативы» (www.alternativy.ru), а также в книге «Эвальд Васильевич Ильенков» (М., 2008), главы: «В контексте мировой философии», «Расширяющаяся вселенная души» — Experimentum crucis.

Начнем с того, что материя в ее ленинском понимании есть *предельно* широкая философская абстракция. *Предельно, но не беспредельно.* Ленинское определение материи **достаточно определенное,** чтобы опровергнуть идеализм, и **достаточно неопределенное,** чтобы не позволить любой науке закостенеть в догматизме, т. е. выдать вчерашнее представление о материи за истинное на все времена.

В чем состоит эта определенность?

Определить материю — значит указать на ее противоположность, на сознание. Другого способа просто нет. Так что же, скажут нам, все сводится к этому бесконечному «не»? — Нет, не сводится. Противоположность материи и сознания — **объективная противоположность.** Человек живет одновременно в двух мирах: материальном и идеальном. Как материальное существо он совершает свой жизненный цикл в материальном же мире; как мыслящее, разумное существо в ином мире — идеальном, среди образов сознания. Граница между этими двумя мирами не философами материалистами выдумана. С нею каждый имеет дело ежесекундно. Все характеристики (на философском языке — «определения») идеального прямо противоположны определениям материального. Например, все материальные тела протяженны, все образы сознания размера не имеют, как не имеют они ни веса (массы), ни теплоемкости, ни электропроводности и т. д. Противоположность материи и сознания — самая общая и самая фундаментальная противоположность бытия. Из осознания этой объективной противоположности мы исходим в каждом акте познания и практической деятельности. Философы лишь пытались **продумать** природу этой противоположности и сделать из этого продумывания логически необходимые выводы. Материя — это **определенная** категория, а потому и совершенно конкретная, т. е. указывающая на совершенно конкретный тип отношений между явлениями. Материализм однозначно и четко ориентирует мысль на различение классов, явлений и указывает, по отношению к какому классу утверждения правомерны и по отношению к какому они недопустимы.

Определить материю через отношение к ее противоположности — шаг абсолютно необходимый, но недостаточный. Понятно, что это **относительное** ее определение. Смысл принципа объективности рассмотрения состоит в том, что **материю необходимо ставить в зависимость от самой себя.** Вот это и есть **второй шаг** логики философского материализма. Вот это и есть материя как **субстанция.** «Под *субстанцией* я разумею то, что

существует само в себе и представляется само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться»*. Отсюда ясно, почему Ленин в «Философских тетрадях» говорит о необходимости «углубить» понимание материи до понятия субстанции**.

Однако что это значит: поставить определения объективной реальности в зависимость от нее самой? В такой постановке вопроса тоже нет ничего необычного и непривычного для здравого человеческого рассудка, ничего специфически философского. Это и означает, что «вещь сама в себе должна быть рассмотрена». Но рассмотреть отношение «вещи» к самой себе, объекта к самому себе — значит «раздвоить единое» и представить его как **противоречие. Раздвоение единого** и познание противоречивых определений его и есть **суть, ядро** материалистической диалектики***.

Объяснить природу и историю из них самих — значит найти в них, т. е. различить, сущность и явление, необходимое и случайное, форму и содержание, возможное и действительное и т. д. Вот это и будет «раздвоение единого». Результатом такого раздвоения и явится зависимость объекта не от субъекта, а от самого себя, т. е. одних его «определений» от других, — зависимость явления от сущности, следствия от причины и т. д. — зависимость объекта от его **собственного основания.** И в этих противоположных определениях объект остается единым.

Применим эту операцию не к отдельному объекту, а к материи как таковой. Поставить объективную реальность в зависимость от нее самой будет означать ее рассмотрение как **причины самой себя,** как «субъекта» всех происходящих с ней изменений (этому отвечает понятие «субстанции»); значит, **вывести** все разнообразие явлений природы и истории из одного, единого основания (на языке философии это называется **монизмом******); значит, понять существование материи («бытие» — на языке

---

* Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 361.

** См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 142—143.

*** См.: Там же. Т. 21. С. 216.

**** В общей и систематической форме содержание и значение этого принципа рассматривали в нашей работе «Монизм как принцип диалектической логики» (Полн. собр. соч. Алма-Ата, 1968.; также см. эту же работу на сайте журнала «Альтернативы»). В применении к материалистическому пони-

философии) как непрерывное ее **самодвижение**; значит, найти **источник** этого **самодвижения**, каковым может быть только **противоречие.** Несколько туманная формула «отношение к себе», «причина себя» (causa sui) проясняется тогда, когда объект рассматривается не просто как единое, а как **единое, включающее многое**. В этом случае «зависимость объекта от самого себя» расшифровывается как зависимость одного объекта от других объектов. Здесь мы получаем объективное же различие причины и следствия. Иными словами, отношение объекта к самому себе предполагает его отличие от самого себя. Рационально это может быть понято только так, что существует не один объект, а множество, в котором изменение одного объекта вызывает, причиняет изменение другого. Поэтому в античной философии проблема единства качественно разнообразного была конкретизирована с помощью категории количества и переосмыслена как **проблема единого и многого**. На этой основе уже можно было получить различие причины и следствия. Однако это различие верно лишь локально. Более высокая категория — **взаимодействие,** где следствие само становится причиной и «дурная бесконечность» цепочки причин и следствий замыкается в круг, конец возвращается к началу, следствие оказывается причиной своей причины, а «субстанция», т. е. «единое», — тем самым причиной самой себя. Единое, включающее многое по схеме взаимодействия, есть **целостность.**

Стало быть, материя и есть самодвижущаяся, саморазвивающаяся объективная реальность, не нуждающаяся ни в каких посторонних, т. е. нематериальных, факторах ни для своего бытия, ни для своего изменения. Материя и есть то, что содержит в себе **все необходимое и достаточное**. Тем самым **материализм становится тождественным диалектике как теории развития, становится материализмом диалектическим**.

Несколько пояснений к сказанному.

Первое. Без этого «превращения» материализм будет не столько сражающимся, сколько сражаемым, писал Ленин*. Знаменательно, что Ленин предвосхищающим образом ответил на критику диалектического материализма Н. А. Бердяевым

манию истории тот же принцип рассматривался Г. В. Плехановым в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 31.

в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», вышедшей в свет в 1937 г.: «Диалектический материализм есть нелепое словосочетание. Материи, состоящей из столкновений атомов, не может быть присуща диалектика. Диалектика предполагает существование Логоса, смысла, раскрывающегося в диалектическом развитии, диалектика может быть присуща лишь мысли и духу, а не материи»*.

Но ведь и антидиалектика, т. е. материя, чуждая диалектике, присуща лишь мысли самого Н. А. Бердяева, она есть мертвая абстракция, гипостазированная абстракция, «вымысел», «мнимость». Не всякая мысль диалектична, стало быть, и метафизика как антидиалектика тоже присуща лишь мысли и духу. А откуда взял Бердяев этакую-то материю? Не из своей ли мысли? Или, что то же самое, — из мысли Аристотеля, Ньютона, Гегеля, наконец. Косная, инертная материя, нуждающаяся в первотолчке, есть выдумка (хотя исторически и оправданная) недиалектической философии. Вот самый короткий **контраргумент.**

Абсурдность диалектического материализма Бердяев видит в том, что этот материализм приписывает материи самодвижение, активность. Вот, по замыслу Бердяева, сокрушительный аргумент против диалектического материализма: «На материю переносятся свойства духа — свобода, активность, разум, т. е. происходит спиритуализация материи... Материализм незаметно превратился в своеобразный идеализм и спиритуализм»**.

Бердяев воображает, что он тем самым сбил диалектический материализм с ног. А Ленин заблаговременно ответил: нет, не страшно, не отделяйте китайской стеной дух от материи и вы увидите, что материи присуще то, что вы приписываете только духу, т. е. активность, спонтанность, самодвижение, самопричинность, саморазвитие. И это на все сто процентов совпадает с тем, что утверждает **все** современное естествознание — и физика, и биология. Или вы всерьез думаете, что эволюция живой природы нуждается во внешнем воздействии? Более того, материализм **современный** берется доказать **вместе** с современным естествознанием, что материя, саморазвиваясь, способна породить свое собственное отрицание, стать **мыслящей** материей, материей, ставшей духом. А это и значит, что понятие

* Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 122.

** Там же.

материи надо углубить до понятия субстанции и рассмотреть далее, как субстанция становится **субъектом.**

И пару слов о смысле и о Логосе. Смысл — это роль, **предназначение** вещи, действия и т. д. В вещи «самой по себе» нет никакого смысла. Смысл — это **функция** вещи в составе некоторого целого. А с функциями, с ролями мы имеем дело не только в человеческом мире, но и в природе. Любое живое существо функционально относительно биосферы, где оно есть хотя бы звено пищевой цепочки. Не будет цепочки, не будет и этой «вещи». В человеческом мире эта функциональность есть **цель.** Под смыслом человеческих действий мы всегда понимаем цели. Логос и есть соотнесение частных, случайных, непродуманных целей с вселенским целым. Если универсальные законы этого целого становятся правилами нашего целеполагания, то мы получаем существо **разумное.** Если — нет, то — существо **неразумное.** Законы целеполагания, т. е. законы «смысла», и есть универсальные законы целого, логоса, бесконечного универсума, ставшие законами конечного существа. Никакого приписывания свойств духа материи тут не получается. А вот выведение законов духа из законов самодвижущейся материи получается. И тавтологии здесь уже нет места. Духовная самопричинность есть **инвертированная** природная причинность, т. е. обращение сил природы против нее же самой, но на благо человека. **По содержанию** законы духа — это те же законы природы, а вот **по форме** они противоположны, обратно направлены. «Сражаемым» поэтому оказывается не диалектический, а метафизический, механистический материализм.

Второе. Познание есть постижение определенности, есть **достижение** определенности как в чувственном опыте, так и в мышлении. Определенность есть вектор познания, его цель. Нельзя мыслить вообще, мыслить можно только **что-то**, что-то определенное. «...Судить — значит *мыслить* определенный предмет»*. Если нет этого определенного предмета, то нет и мышления. Поэтому знаменитое декартово cogito ergo sum (мыслю, следовательно, существую), которое он рассматривал как исходную самоочевидную истину, аксиому, несостоятельно. Нельзя мыслить вообще, **мыслить можно только о чем-то**. Нельзя сомневаться вообще, сомневаться можно только **в чем-то**. Нельзя просто высказываться, высказы-

---

* Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 1. М.; Л., 1929. С. 87.

ваться можно только **о чем-то**. Нельзя просто ощущать, ощущать можно лишь **что-то.** Мысль, не имеющая дела **с предметом,** — или беспредметная мысль, вовсе и не есть мысль. Так что если Декарт говорит: «Я мыслю», то мы вправе его спросить: о чем? А если он мыслит ни о чем, то он вовсе и не мыслит.

В этом смысле познание можно представить на языке теории информации как **устранение неопределенности**, а саму информацию определить как «устраненную неопределенность»*. «Информационное общество» есть поэтому не что иное, как «общество знаний». Его техническая составляющая есть не что иное, как средство, обеспечившее прорыв субъекта к объекту сквозь старые ограничения, представлявшиеся естественными. Это устранение незнания, т. е. неопределенности. Этот прорыв и обеспечил овладение новыми способами накопления, наращивания, хранения, обработки и трансляции знаний.

Третье. В марксистской философии и сегодня иногда могут рассуждать так: диалектика есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, но в каждой из этих областей эти законы действуют своеобразно, специфически. Поэтому логика и теория познания не могут не отличаться от диалектики, и отличаются они так, как особенное отличается от всеобщего. Биология ведь отличается от физики, следственно, в физике — своя диалектика, а в биологии — своя. Ту же схему применяли и к познанию: познает-то субъект, значит, и диалектика познания есть диалектика субъективная, которая не может не отличаться от диалектики объективной. Это то самое, с чем боролся Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Между тем Эвальд Васильевич Ильенков утверждал, что диалектика и есть теория познания и логика, а не учение о «мире в целом», т. е. обо всем вообще и ни о чем — в частности. И генералы от философии немедленно заклеймили молодого ученого как ревизиониста. Пошел в ход даже новый «изм» — «гносеологизм», которым и клеймили Ильенкова и его учеников и сторонников. А ведь именно Ленин поставил знак тождества между диалектикой, гносеологией и логикой.

---

* См., например, книгу биофизика и биохимика А. М. Хазена «Разум природы и разум человека». М., 2000.

Диалектика как логика

В «Философских тетрадях» Ленин замечал, что понятие материи необходимо углубить до понятия субстанции в выше разъясненном смысле. Но одного этого недостаточно. Необходимо развить это понятие, доведя его до такого уровня, где **субстанция становится субъектом**, т. е. до понимания того, как материя начинает познавать, мыслить. Познающий субъект не есть нечто, существующее рядом с материей. Его следует понять как **материю, пришедшую к самопознанию,** самоотражению. В этом случае познание, мышление, не окажется невесть откуда явившейся случайностью, но **необходимым** продуктом самодвижения, саморазвития материи, следовательно, не только ее продуктом, но и фундаментальным свойством, т. е. атрибутом. Так мыслил и Спиноза, так мыслил и Маркс, так мыслил и Энгельс, так обязаны мыслить все последовательные материалисты. Так мыслил и Ленин: «В самом фундаменте материи следует предположить существование способности, родственной ощущению — способности отражения»*.

Наука сегодня только-только, осторожно, ощупью подкрадывается (иначе и не скажешь) к этой проблеме — в физике, в теории информации, в кибернетике, в синергетике, прекрасно отдавая себе отчет в том, что самая загадочная из всех загадок науки — загадка познаваемости мира. Если анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны (Маркс), то *возможность* высшего порядка уже должна содержаться в низшем. Некоторые физики приходят к мысли, что понимание природы физического вакуума требует обращения к «высшему» — человеку. И. Пригожин развернул целую программу исследований, исходя из мысли, что решение проблемы «порядок из хаоса» предполагает пересмотр некоторых фундаментальных положений классической физики, исключавшей из своих уравнений «стрелу времени», указывающую на мир, в котором мы живем, — **исторический** мир, мир человека с его необратимостью, несимметричностью настоящего и прошлого. То же самое обязывает задуматься о понимании закона как повторяющегося, тождественного, инвариантного в явлениях. Законом истории,

* Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 40.

законом развития является, напротив, неповторяемость*. Эйнштейн где-то сказал, что самое трудное для постижения мира — это то, что он постижим. А Э. Шредингер рассматривал эту загадку загадок как превосходящую возможности человеческого ума**.

В чем общее значение этой проблемы и в чем трудность ее решения?

Какую бы картину мира ни строил человек, он строит ее сам. А это значит, что он не может отбросить в сторону свои собственные действия как нечто несущественное, постороннее. В картине мира неизбежно запечатлеваются эти познавательные действия. Ведь эта картина складывается в сознании. В таком случае встает вопрос об отношении законов познавательной деятельности к законам природы и истории, т. е. к диалектике. Причем в двояком плане — «онтологическом» и «гносеологическом». Первый предполагает исследование развития способности отражения в природе и истории. Этим занимается не только философия. Второй — развитие этой же способности в познании. Но именно поэтому нельзя противопоставлять «онтологию» и «гносеологию»: одна указывает на другую. Поразительно, как точно Ленин предвидит возможности ложных ходов мысли. Поэтому и пишет, что противоположность материи и сознания не абсолютная. «Онтология» невозможна без «гносеологии», ибо утратит вектор, «стрелу времени», а гносеология — без онтологии, ибо утратит объективный смысл.

Строя ту или иную картину мира, ученый так или иначе исходит из определенных *допущений*, выработанных до него абстракций, сплошь и рядом придает этим абстракциям натуральный смысл, **гипостазирует** их и «встраивает» собственную логику в «логику вещей». Поэтому объективная картина мира оказывается одновременно и картиной его собственного мышления, и коллективного мышления его эпохи, «парадигм». При этом он отдает себе отчет, что создаваемая им картина мира возникает в результате его собственных «умственных действий», т. е. всевозможных операций анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, идеализации, формализации. И хотя он при этом

---

* См.: Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 1994.

** См.: Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. М., 1972. С. 18.

может гордо заявлять: «гипотез не измышляю», на самом деле он измышляет их на каждом шагу и населяет Вселенную мифическими сущностями — такими, например, как всевозможные «силы» в физике, абсолютное пустое пространство Ньютона и т. п. Знаменитый физик Генрих Герц писал, что физическая теория, *объясняющая* факты, полагает некоторые силы, которые не могут быть объектом чувственного восприятия, но лишь объектами понимающего рассудка. Эти силы — мнимости, чистые измышления — «мнимые образы» (Scheinbilder)*. Глядя вперед, в мир природы, физик вынужден все время оглядываться назад, вспоминать о своих действиях. Но два взгляда и две картины никак не согласуются между собой. Режиссер все время прячется за актера. Поэтому, когда говорят о вещах, забывают о мышлении, а когда вспоминают о мышлении, забывают о вещах. Все это означает, что к собственным действиям ученый относится **некритически.** Поэтому его разум заслуживает критики. Это и сделал Кант, выстроив критику разума и прекрасно понимая, что, когда Ньютон предостерегает: «физика, бойся метафизики», он **тут же** возрождает эту «метафизику». Кстати, непознаваемость мира, могли бы мы сказать Шредингеру, — тоже метафизика, гипостазированная абстракция: если вы знаете, что мир непознаваем, то кое-что вы о нем все же знаете. Откуда?

Ясно, что все это указывает на существование очень непростой и очень важной проблемы. Эту проблему отношения логики мышления к «логике вещей», законов познания к законам материи и ставит Ленин. Одновременно он указывает путь ее решения. Этот путь и есть диалектика, совпадающая с логикой и теорией познания, тождественная с ними: не может и не должно быть двух разных логик**. Логика должна быть одна. Это диалектика. В противном случае объективное познание вообще невозможно. А поскольку оно не только возможно, но и действительно, о чем свидетельствует практика, то и мышление в каждом конкретном случае надо строить так, чтобы это совпадение логики мышления с логикой вещей было не случайным, а необходимым.

---

* См.: Hertz H. Die Principien der Mechanik. Leipzig, 1894. S. 3.

** «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей» (Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 407). Не два разных порядка, а один и тот же.

Поэтому тезис о тождестве диалектики, логики и теории познания не есть только **констатация** некоторой общей истины теории познания, но и **методологический императив**: надо выстраивать мышление, теорию так, чтобы универсальные диалектические законы развития природы и общества и стали законами развития научной мысли об этом бытии; чтобы «канон» стал «органоном». А чтобы понять, как это практически сделать, надо овладеть логикой «Капитала» Маркса, взять на вооружение этот опыт. Вот почему Ленин особое внимание уделял этому «вопросу», рекомендуя «сугубо учитывать» уроки этого опыта. Вот почему он сделал грустный вывод, что философы-марксисты после Маркса и Энгельса, включая и самого авторитетного среди них — Г. В. Плеханова, не проштудировав «Науку логики» Гегеля, вполне не поняли и «Капитал»*. А это значит, что они и не стояли «вполне и настоящим образом» на позиции **современного** материализма. Вот почему в лихую годину Первой мировой войны Ленин засел за «штудирование» Гегеля, ибо без этой логики, творчески переосмысленной Марксом и систематически примененной в «Капитале», не понять и логики современного капитала, логики империализма, рождающего войны, т. е. «логики вещей», а стало быть, и не выработать верной тактики борьбы с войной и империализмом.

В «Философских тетрадях» Ленина мы находим замечательный афоризм: «В “Капитале” применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо трех слов: это одно и то же) материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»**.

Что стоит за этой несколько загадочной формулой?

Во-первых, четкая и точная прорисовка контура **предмета** современной философии и ее особой, незаменимой **роли** в составе культуры новой эпохи. Эта оценка философии представляет собой «итог, вывод, сумму» истории познания человеком мира и истории практического преобразования его***, включая историю естествознания и техники и историю самой философии. В этой «формуле» содержится «квинтэссенция» как понимания того, **чем должна быть** философия современного материализма, так и того, чем она **не должна быть**. Наиболее

---

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 162.

** Там же. С. 301.

*** Там же. С. 84.

актуальной во времена Ленина была задача отстоять философию, причем не только марксистскую, и защитить ее от *агрессии* позитивизма, отрицающего за философией право на существование вообще и угрожающего всей классической традиции в мировой культуре — «Бой абсолютно неизбежен!»*.

Несколько слов в связи с этим. Наиболее злостное выражение *вырождения* философии — это утрата ею своего собственного предмета. Только через десятилетия, уже после смерти Ленина, стал понятен исторический смысл этого «боя» против «ликвидаторства» философии. Весьма похожие плоды созрели как на почве советского официального диамата — истмата, так и на почве вроде бы противостоящей ему «буржуазной философии». В «советской философии» угодливый редукционизм то отводил философии роль богословия, то роль служанки нового богословия, то служанки естествознания, лишь «обобщающей достижения» вчерашнего дня этого естествознания, следуя в обозе «позитивного знания»; то сводил ее к символической логике, то к математике, то к лингвистике, то к психологии, то к социологии, то к «логике и методологии науки», то к теологии. Все талантливое и просто здоровое в философии готово было бежать от философского официоза, как от чумы, — куда угодно. И бежало.

Во-вторых, эта короткая формула заключала в себе **целую программу исследований** в области философии, альтернативную институционализированной чиновнически-генеральской, «верховной» мудрости. Реализация этой программы легла на плечи прежде всего *Эвальда Васильевича Ильенкова* и круга близких к нему людей. Эта программа, в значительной мере уже реализованная, включала в себя следующее: прежде всего — выявление и «экспликацию» мощного слоя логико-диалектических и методологических **идей «Капитала»** Маркса, разработку на этой основе новой, противоположной официозной, **теории диалектики,** понятой не как «сумма примеров», а как **логика** научного мышления и разумного практического действия, **диалектическую логику**; «обработку» под этим углом зрения истории естествознания и техники; **применение результатов** такой обработки в психологии и педагогике, в политической экономии, в эстетике, в культурологи и в том, что ныне называется «политологией». Это — факт и факт значи-

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 151.

мый не только в отечественной истории. И все это реализация ленинского «завещания» в «области философии».

В-третьих, с ленинскими работами в области философии и исторически, и по существу связано все то, что можно охарактеризовать как реальный, практический, **современный гуманизм, как систему ценностей**, противостоящую безраздельному господству наживы и рынка, **подлинной духовности**, альтернативной мещанскому, ритуально-механическому ее пониманию. В центре этой системы — **сам человек**, не знающее пределов всестороннее развитие сформированных культурой и историей его способностей и дарованных природой задатков. Ленин и понимал «воинствующий материализм» не как «философию свободы»*, а как **философию освобождения**.

Отражение или сотворение?

Главная атака на материализм и по сей день направлена против теории отражения. Попробуем сначала **понять** Маха и всех, кто до него и кто после него. И не забудем, что идеализм философский есть «*только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического»**. О ленинской критике махизма подробнее в книге «Ленин online. 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине»***.

Прежде всего признаем, что Мах вовсе не утверждает, что вне меня нет никаких объектов. Все это есть. Мах — реалист. Но он не материалист. Это значит, что все это есть, существует, и именно вне меня, но **сотворено мною**. Сначала сотворено, а уж потом осознано как объект. Не согласны? А что говорил ваш Маркс о практике? Разве не то, что человек живет в мире, который сам и сотворил? Более того, что задача-то как раз и состоит в том, чтобы изменить мир, т. е. пересотворить его. На этом и построил свой «ревизионизм» югославский «марксист» Петрович, и на этом неколебимо стояли многие годы журнал «Праксис», Роже Гароди и др.

---

* См. книгу Н. А. Бердяева «Философия свободы».

** Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 322.

*** См.: Науменко Л. К. Ленин и философия // Ленин online. 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине. М., 2011. С. 34—45.

Все было продумано. «Ортодоксальный марксист» скажет, что Маркс имел в виду сотворение нового человеческого мира не сознанием, а трудом человека, имеющего сознание. На что немедленно следовал вопрос: а в труде что впереди? Не мысль ли, не цель ли, не план ли? Кто это сказал, что, самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что, прежде чем построить ячейку из воска, он **уже** построил ее в своей голове?* Не автор ли «Капитала»? Так что телега-то все-таки впереди лошади! Мысль впереди труда. А вот и Ленин: «**Сознание не только отражает объективный мир, но и творит его»****: учит глаз **рука**, действующая в пространстве, реальном, а не воображаемом, в трехмерном! Субъект есть **активное** существо, субъектность (не путать с субъективностью) и есть эта *самопричинная активность.* Наталкиваясь на преграду, эта активность и сталкивается с чем-то, что не есть она сама, что противостоит ей, что есть ее отрицание, «не-я». Если активность не погашена, не пресечена (т. е. если ребенку не спеленали руки), то активная рука ощупывает препятствие, «не-я», огибает его, движется по контуру этой вещи и превращает эти контуры в формы, схемы своей активности, **упорядочивает** свою активность. Порядок вещей и становится порядком действий, а тем самым и мыслей. «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей», – так говорил Б. Спиноза***. В силу этого человек творит по законам самой природы. А они открываются человеку не в созерцании, а в материально-практической деятельности, в труде, т. е. там, где «веществу природы он сам, человек, противостоит как сила природы»****. И Гегель писал о том же самом: дорогу к храму мысли и культуры в целом прокладывает не господское, а рабское, работающее сознание. Ленин и пишет в «Философских тетрадях», что «практика должна войти в полное определение предмета»*****. Если бы человек творил, не отражая, то ничего, кроме хаоса, он и не сотворил бы.

Выстроим вкратце логику теории отражения, включающей в себя теорию творчества.

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188–189.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 194.

*** Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. С. 407.

**** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188–189.

***** Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 202.

Объективной реальности в труде противостоит не сознание, не мышление, не воображение, не идеальное, а сам человек как материальное существо, живой индивид противостоит природе как сила самой природы.

Человек обращает против природы не силы своего воображения и ума, но ее собственные силы, освоенные человеком в его практической производственной деятельности, **присвоенные** им и превращенные в собственные производительные силы. Присваивают силы природы люди только сообща, коллективно, вследствие чего производительные силы человека есть его **общественные** силы, составляющие в совокупности «неорганическое тело» человека, общественное, «тело» материальной культуры, отделимой от «органического тела» индивида и предметной, т. е. объективной для него самого. Прежде всего это орудия труда. Наращивание этого общественного неорганического тела человека и составляет **содержание истории**. Это и есть развитие производительных сил человека. Одновременно это есть и производство общественных отношений, прежде всего производственных.

Изменяя природу, «пересотворяя» ее, человек действует не по своим собственным «лекалам», «меркам», законам, а по законам самой природы, по меркам других видов, по меркам всех вещей, следовательно, действует как универсальное существо. «Лекала» животного — это биологические лекала его вида, запечатленные, кристаллизованные, закодированные в его анатомии и физиологии, в структуре его инстинктов, это видовые биологические алгоритмы, действующие принудительно. Животное действует **под властью** непосредственной физической потребности; человек же только тогда и творит, когда он **свободен** от нее*. «Лекала» человеческой жизнедеятельности непрерывно обновляются и универсализируются. Эти «лекала» и есть **знания**, они и образуют «анатомию» культуры. Отнесенные к самому человеку, это — **ценности**.

Психика животного есть функция его **адаптивной**, приспособительной жизнедеятельности. Сознание — функция преобразующей, творческой жизнедеятельности. Животное — настоящий, последовательный позитивист, ибо исходит из того, что **есть**, что **дано**, существует в среде. Его психика и обслуживает приспособление к этой среде. Человек же исходит из того, **чего**

---

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 120–121.

нет и что сам должен **сотворить**, чтобы не погибнуть. Сознание и есть **функция** этой производительной, производственной, **креативной** деятельности.

В природе причина всегда предшествует следствию, процесс — результату. В человеческой жизнедеятельности **наоборот**: следствие предшествует причине, результат — процессу. Поэтому человеческая жизнедеятельность есть целее — сообразная жизнедеятельность. Цель и есть **закон** этой жизнедеятельности*. «В труде человек меняет только форму того, что дано природой»**.

И главное — законы человеческой творческой деятельности ничего не прибавляют к законам природы. **По содержанию** они те же законы природы. Но **по форме**, по способу действия они **обратны** законам природы. В этой **инверсии** или, как писал Маркс в «Математических рукописях», в **«оборачивании метода»** заключено **все существо дела.** В этом и состоит **функция знаний**. Знания человечества, обретенные им в истории и представляющие собой «итог, сумму, вывод» познания и преобразования мира человеком (истории техники, естествознания, истории общества), на каждом этапе оказываются одновременно и **предпосылкой** деятельности. (В органической системе, писал Маркс, «каждое полагаемое есть одновременно и предпосылка»***.) Эта инверсия и есть то, что Маркс называл «становлением природы человеком»****.

Человек есть **субъект**, а это означает, что он сам начинает новую цепочку процессов, что он есть **самопричинное существо**, причина самого себя. Его действия — уже не «причинены», т. е. не принуждены, а **мотивированы.** Причина, ставшая «источником самодвижения» человека, — уже не причина, не «внешнее», а **цель**. Он есть **целеполагающее** существо, вследствие чего история и оказывается историей преследующего свои цели человека*****. Но разные цели индивидов и целых общественных групп, конфликтующих друг с другом, порожда-

---

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.

** Там же.

*** Marx K. Grundrisse der Kritik der politische Okonomie. Berlin, 1953. S. 189.

**** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 124.

***** См.: Там же. Т. 2. С. 102.

ют анархию результатов, стихийность истории. Здесь уже индивид – не субъект, а объект, материал истории. Совокупные общественные результаты господствуют над частными целесообразными действиями, порождая конфликт субъективного и объективного, желаемого и ожидаемого с действительным. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока люди не контролируют свои совокупные силы, до тех пор, пока они не превратят эти общественные силы в свои собственные силы и пока они не станут субъектами не только своей частной, но и исторической деятельности. Это и будет «скачок из царства необходимости в царство свободы». Тем самым материализм диалектический естественно превращается в **материалистическое понимание истории**. А это значит, что естественно-исторический процесс **инвертирует** с помощью знания, сознания, разума и **превращается в целесообразный** процесс, которого только и достойна сущность и «звание» человека (homo sapiens).

Все это уже содержится в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина. Из сказанного следует, что **теория подражания**, мимезиса, уже и беднее ленинской теории отражения. В полемике с субъективным идеализмом Ленин был вынужден подчеркивать момент **вторичности** образов сознания по отношению к реальному миру, используя *метафору копирования*, **зависимости** наших представлений от реальности вне нас, **происхождение** ощущений, представлений, понятий, теорий. **По содержанию** все эти образы суть *копии* реальности. Но это не означает, что и **по форме** познание лишь рабски *подражает* ей. Теория *мимезиса* в целом не есть теория отражения Ленина и марксизма. Форма обратна природному процессу. Целесообразность есть «инвертированная причинность», причинность, «пересаженная» в человеческую голову и преобразованная в ней»*. Целесообразную деятельность Гегель и понимал как «хитрость разума»**, заставляющего природный процесс «работать» на человека, **природный**, а не духовный, субъективный, «ментальный». Что же касается способностей самого человека, то это опять-таки не сверхприродные, не сверхъестественные, но естественные задатки, возможности, созданные эволюцией природы – материи, пришедшей к самосознанию, самоотраже-

---

* См. подробнее в нашей работе «Разум, целесообразность, субъект» на сайте журнала «Альтернативы».

** Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. М., 1934. С. 27.

нию в человеке. В истории люди коллективно **развивают** эти способности, присваивая творческий потенциал материи, который бесконечен. Столь же беспредельно и совершенствование этих способностей. В человеке встречаются **две бесконечности**: **экстенсивная бесконечность** материи-природы и **интенсивная бесконечность**, бесконечность Вселенной, отраженной в капле воды, бесконечное, представленное в конечном, **идеальная** бесконечность. Человек поэтому есть «родовое существо» не только в том смысле, что он есть общественное существо, персонифицированный человеческий род, но и в том смысле, что он есть персонифицированный «род вещей», отраженный в его **знаниях.** «Пространство человека» поэтому и есть бесконечное пространство **познания**, разворачивающегося **во времени**, бесконечность творческого освоения природы, — бесконечность развития творческих способностей человека, и отражающего природу, и творящего «вторую природу».

***

Ленин не был философом-профессионалом. Но и Сократ тоже. Профессионализм есть продукт глубокого разделения труда и деятельности, такого разделения, которое в предельном своем выражении рождает «профессиональный кретинизм» (Маркс). О Сократе вернее сказать, что он был общественным деятелем — обличителем и воспитателем афинян. Ленин был революционером, т. е. тоже обличителем и воспитателем. Но одного этого мало.

Главный недостаток всей предшествующей философии Маркс видел в том, что философы лишь различным образом объясняли мир, тогда как дело заключается в том, чтобы изменить его. Ленин был **первым** и остается пока **единственным** мыслителем, сделавшим **теоретический разум** философии **практическим разумом** революции и социалистического переустройства мира.

Ань Цинянь

Ленинское определение материи и анализ выражения «показания органов чувств»*

I

Вплоть до настоящего времени считается, что классическое определение материи в марксистской философии содержится в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а именно: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»**. Начиная с 30-х гг. прошлого столетия российскими, а также китайскими философами была проделана большая работа по изучению этого определения, однако, по моему мнению, до сих пор не раскрыто полностью его глубокое содержание, поэтому существует необходимость разобраться в различных истолкованиях

---

* Публикуется по изданию: Вопросы философии. 2011. № 11.

** Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. ПСС. Т. 18. М., 1961. С. 131.

этого определения, распространенных в философской литературе.

В имевшем широкое распространение учебнике «Основы марксистско-ленинской философии» под ред. Ф. В. Константинова его авторы подчеркивали, что это определение с материалистических позиций решило основной вопрос философии, «в нем указывается на объективный источник нашего знания, каковым является материя, и на ее познаваемость*.

В вышедшей в 1989 г. книге «Введение в философию» о ленинском определении материи говорится так: «В этом определении выделено два основных признака: во-первых, материя существует независимо от сознания, во-вторых, она копируется, фотографируется, отображается ощущениями. Первая характеристика означает признание первичности материи по отношению к сознанию...»** В обоих случаях не затрагивается важный вопрос: как именно мы узнаем о том, что материя существует объективно? Действительно ли признание объективного существования материальных вещей является главным вопросом борьбы материализма и идеализма? Для материалистической философии указания лишь на объективное существование материи явно недостаточно, этот вывод необходимо подтверждать, в противном случае материализм лишается обоснования и становится лишь верой. Важной задачей В. И. Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» был поиск доказательств того, что «материя существует объективно вне наших ощущений». Соответствующая мысль В. И. Ленина нашла выражение в его определении, поэтому при анализе этого определения мы не можем обойти данную проблему.

Китайские ученые обращали на нее внимание. Например, в вышедшем в 1960 г. отдельном издании «Материализма и эмпириокритицизма» после указания на то, что материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, писали, что эта объективная реальность ощущается человеком. Если соответствующее китайское выражение обратно перевести на русский язык, оно будет выглядеть так: «которая ощущается человеком», т. е. китайские ученые считают, что

---

* Основы марксистско-ленинской философии / ред. Ф. В. Константинов. Изд. 6-е. М., 1982. С. 48. В китайских учебниках по марксистской философии по-прежнему используются приведенные выше рассуждения.

** См.: Введение в философию. М., 1989. С. 51.

«объективное существование материи» ощущается органами чувств человека. Хотя они не обходят вопроса о том, как мы узнаем, что материя существует объективно, однако их понимание отличается от того, что хотел сказать В. И. Ленин.

Ключ к решению данной проблемы заключается в интерпретации слова «дана» во фразе «дана человеку в ощущениях его». В содержании слова «дана» — «давать» — нет значения «ощущать». Перевод на китайский язык слова «дана» из ленинского определения материи как «ощущается» ошибочен. Вместо оборота «дана в ощущениях» Ленин мог бы просто сказать «ощущается». Однако он этого не сделал, ибо полагал, что существование объективной реальности нельзя просто «ощутить». Слово «дана» в ленинском определении материи имеет более глубокое и богатое содержание, нежели то, которое выражается словом «ощущается».

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, как и махисты, понимает ощущения как данные, полученные пятью органами чувств: глазами, ушами, носом, ртом, телом, т. е. речь идет о цвете, звуке, вкусе. Однако махисты рассматривают ощущения как элементы мира, утверждая, что вещи есть комплексы ощущений, они отрицают тот факт, что вне ощущений существует материя, которая является их источником. То есть махисты превращают ощущения в стену, разделяющую человека и внешний мир. Ленин, напротив, считает, что ощущения являются мостом, связывающим человека и внешний мир, что через цвет, звук, а также вкус и т. д. он получает информацию о внешнем мире. Одновременно человек познает, что внешний мир, являющийся источником ощущений, существует объективно, является объективно существующим. Вся работа «Материализм и эмпириокритицизм» свидетельствует о том, что Ленина интересовали не конкретные показания пяти органов чувств, а признание существования позади ощущений объективной реальности, являющейся их источником. Именно здесь заключено принципиальное отличие понимания Ленина от понимания махистов.

Однако Ленин отлично осознавал, что подтверждение этого объективного существования чрезвычайно трудное дело, так как махисты уловили один момент, который состоял в следующем: ощущения являются исходным пунктом любого познания, а исходят они из пяти органов чувств человека, их содержанием могут быть лишь цвет, звук, а также вкус и т. д. В то же время существование той объективной реальности,

которую должна обозначать категория материи, никакими органами чувств ощущаться не может. В связи с этим Ленин приводит слова Дидро, который говорил: «*Идеалистами* называют философов, которые, признавая известным только свое существование и существование ощущений, сменяющихся внутри нас, не допускают ничего другого. Экстравагантная система, которую, на мой взгляд, могли бы создать только слепые! И эту систему, к стыду человеческого ума, к стыду философии, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее»*.

Очевидно, для того чтобы стать материалистом, самое главное состоит в возможности подтверждения существования той объективной реальности, которая обозначается как материя. Необходимое доказательство можно получить только путем познания в конечном счете из ощущений человека. Однако органы чувств не в состоянии непосредственно сделать так, чтобы человек ощутил это существование. Подобное обстоятельство создает затруднение для материалистической философии. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин находит выход из этого затруднения, который выражен фразой «показания органов чувств».

Ленин указывает, что человек действительно не в состоянии непосредственно ощутить существование объективной реальности, однако в процессе ощущений он все-таки получает знание об этом существовании. Он говорит: «Когда наши органы чувств испытывают толчок извне от тех или иных предметов — исчезновение "явлений", когда то или иное препятствие устраняет возможность воздействия заведомо для нас существующего предмета на наши органы чувств. Единственный и неизбежный вывод из этого, который делают все люди в живой человеческой практике и который сознательно кладет в основу своей гносеологии материализм, состоит в том, что вне нас и независимо от нас существуют предметы, вещи, тела, что наши ощущения суть образы внешнего мира»**. Ленин также говорит: «Мах "открыл элементы мира"»: красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорят нам. Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 28.

** Там же. С. 102–103.

красное, ощущает твердое и т. п., объективная реальность или нет?»*

Смысл слов Ленина состоит в следующем: человек действительно через органы чувств получает конкретные ощущения красного, зеленого, твердого, мягкого, громкого, длинного и т. д., однако он получает эти ощущения только при контакте с некими внешними объектами. Если однажды этот контакт нарушается, эти ощущения исчезают, что означает — ощущения субъективны, их источник объективен. Другими словами, Ленин хотел сказать следующее: то, что мы получаем ощущение красного цвета, а не зеленого или какого-либо другого цвета, и получаем именно здесь, а не в каком-либо другом месте, определяется не нами. Это означает также, что, получая ощущение красного, зеленого, мягкого, твердого и т. д., мы одновременно получаем знание о том, что «источник этих ощущений объективен, а не создан нашей субъективной волей». Именно подобное знание говорит нам о том, что вне нас существует некая объективная реальность. Понятие материи как раз и является ее обозначением. Подобное знание по своей сути не является ощущением, но оно связано с ним. Ленин называет это явление показаниями органов чувств человека. «Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания»**. Ленин также указывает, что материалисты являются последовательными сенсуалистами, они не только признают, что источником знаний являются ощущения, но и признают, что органы чувств дают человеку показания о существовании объективной реальности. «Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это так. Но спрашивается, “принадлежит ли к восприятию”, т. е. является ли источником восприятия *объективная реальность*? Если да, то вы — материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо придете к субъективизму, к агностицизму»***. Критикуя махистов, Ленин говорит: «Махисты любят декламировать на ту тему, что они — философы, вполне доверяющие показаниям наших органов чувств... На самом же деле махисты — субъективисты и агностики, ибо они *недостаточно* доверяют показаниям наших

* Там же. С. 131.

** Там же.

*** Там же. С. 129.

органов чувств, непоследовательно проводят сенсуализм. Они не признают объективной, независимой от человека реальности как источника наших ощущений»*.

Приводимое выше китайское слово «тиши» в оригинале означает «показание», это отглагольное существительное от глагола «показать», его основное содержание — «дать кому-либо (вариант — какому-нибудь человеку) посмотреть (вариант — взглянуть) на вещь», перевод его как «тиши» в основном правилен. Слово «показание» и его перевод на китайский язык, как «тиши», выражает главную мысль Ленина об объективной реальности: человек не может непосредственно ощутить существование этой объективной реальности, он лишь в состоянии, получая конкретные ощущения, осознать показания органов чувств: источник ощущений, их объект обладает объективной реальностью, существует объективно. Можно сказать, что слово «показание», а также формулировка «показания органов чувств» являются разъяснением Ленина относительно того, как понимать слово «дана» в определении материи и почему он использует слово «дать», а не непосредственно глагол «ощутить». Очевидно, что если понимать слово «дана» как «ощущение», то очень легко прийти к ошибочному пониманию первоначального смысла высказываний Ленина. Фактически в течение длительного периода времени это и имело место.

II

Причина подобного ошибочного истолкования слова «дана» заключается в том, что многие философы не смогли уяснить исключительно глубокого содержания соответствующих философских идей Ленина. Такое истолкование, в свою очередь, оказало очень большое влияние на наше понимание всего философского учения Ленина и прежде всего на понимание его идеи объективной реальности.

Фраза «показания органов чувств» имеет очень большое значение. С древности и до наших дней материалисты отстаивали ту точку зрения, что материя существует объективно, что мир материален, однако в каком-то смысле можно сказать, что подобная точка зрения страдала существенным недостатком, ибо отсутствовало ее обоснование. Одна из трудностей со-

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 130.

стояла в том, что существование этой объективной реальности невозможно было непосредственно ощутить органами чувств человека. Вследствие этого между материей как объективной реальностью и человеком существовал водораздел, который невозможно было преодолеть ощущениями и силами разума. Для идеализма подобного водораздела не существовало. Субъективные идеалисты, например махисты, осознав существование этого водораздела и невозможность его преодоления, превратили ощущения в элементы мира. Все, с чем имеет дело человек, они считают комплексом элементов ощущений, т. е. отрицают объективную реальность вне ощущений. Поэтому и водораздел для них уже не существует. Что касается объективных идеалистов, например последователей различных религиозных учений, то в силу веры во всемогущего Бога они считали, что все есть его творение и никакого водораздела не может существовать. Однако для материалистов признание существования объективной реальности вне ощущений было обязательным, однако было крайне трудно объяснить существование вещи, которая сама по себе не ощущается*. В истории философии очень мало было философов-материалистов, которые затрагивали эту проблему. Руководствуясь обыденными житейскими представлениями, они считали существование материи само собой разумеющимся и поэтому не видели необходимости осуществлять какой-либо анализ и приводить доказательства, они были наивными материалистами.

Многие философы Нового времени, в особенности Д. Юм, И. Кант, а также позитивисты, остро поставили вопрос о существовании водораздела между ощущениями и объективным миром, причем они считали, что этот водораздел невозможно преодолеть. Это был серьезный вызов материализму. Столкнувшись с ним, большинство философов-материалистов не смогли дать на него ответа. Одним из первых предложил ответ Г. В. Плеханов. Признавая существование водораздела, он осознал принципиальное значение для марксистской философии его преодоления. Плеханов говорил: «Человек должен действовать, умозаключать и верить в существование внешнего мира, говорил Юм. Нам, материалистам, остается прибавить, что такая “вера” составляет необходимое предварительное

* Никифоров А. Л. Философия науки: В. И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. М., 2010. № 1. С. 76–82.

условие мышления *критического* в лучшем смысле этого слова, что она есть неизбежное salto vitale философии»*.

Он называет этот прыжок «жизненным прыжком», так как, с его точки зрения, если, не преодолев этот водораздел, провозглашать объективное существование материи, вся теория материализма лишается прочного основания. Но как преодолеть этот разрыв? Плеханов был согласен с мнением Юма: здесь и ощущение, и разум оказываются бесполезными и поэтому остается лишь просить помощи у веры. Несомненно, что в сравнении с предшествующими материалистами Плеханов был серьезным ученым, он продвинул вперед изучение теории материализма. Однако Ленин был недоволен работой, проделанной Плехановым, так как тот использовал здесь слово «вера». В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин специально обратил внимание на эту мысль Плеханова. Он говорит, что Плеханов «написал действительно несуразную фразу, будто "вера" в существование внешнего мира "есть неизбежное salto vitale" (жизненный прыжок) "философии"... Выражение "вера", хотя и взятое в кавычки, повторенное за Юмом, обнаруживает путаницу терминов у Плеханова, — слов нет»**. Недовольство Ленина имеет под собой основание: если материалисты могут верить в существование материи, то почему идеалисты могут не верить в существование материи или же верить в существование Бога?

Что более рационального имеет материализм в сравнении с идеализмом? Выдвинутая самим Лениным формулировка «показания органов чувств» как раз и является отличным от веры научным доказательством объективного существования материи. Объективно существующая материя не является продуктом веры, знание о ней приобретается в процессе жизненной практики, когда с помощью чувственного восприятия внешнего мира человек получает показания органов чувств.

Обоснование материализма означает одновременно ниспровержение идеализма. Борьба материализма и идеализма продолжается уже несколько тысячелетий, вплоть до настоящего времени, и ей не видно конца. В силу существования «водораздела», а также в связи с тем, что ответ на основной вопрос философии затрагивает весь бесконечный мир, многие люди

---

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956.

** Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 144.

считают, что борьба между материализмом и идеализмом относится к сфере метафизики и никогда не будет закончена. Именно поэтому позитивисты пропагандируют идею о том, что, «хотя она и существует, не нужно ей заниматься», не следует тратить свои силы на проблему, обсуждение которой не принесет каких-либо результатов. Позитивисты считают, что и материализм, и идеализм основаны на вере. Конечно, с подобным выводом такие материалисты, как Ленин, не могли согласиться.

Отстаивая свою позицию, материалисты должны ответить на вызов со стороны агностицизма и позитивизма, распрощаться с наивным подходом и придать материализму современную окраску. В формулировке Ленина «показания органов чувств» теория материализма получила большое развитие, он разъяснил современникам один простой факт: в ходе ощущений люди одновременно получают также показания, которые по своему характеру и происхождению не определяются волей человека. Источники ощущений, вещи, объективно существуют вне человека. Существование подобных показаний никто не может отрицать, и это означает, что мы можем не обращаться к вере для преодоления «водораздела». Такое доказательство, возможно, трудно принять всем материалистам, ибо смысл, выражаемый словом «показания», несколько сомнителен, неясен, уступая категоричности слова «ощущать». Однако этот маленький шаг, сделанный Лениным на длинном пути, никем из его предшественников не был сделан, притом если говорить с точки зрения «способностей», отпущенных нам природой, то с позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что никто не смог решить данную проблему лучше, чем Ленин. При сравнении с теми материалистами, которые в принципе не понимали необходимость доказательства существования материи, в том числе с наивным материализмом, а также с Плехановым, который предлагал использовать веру для преодоления водораздела, формулировка «показания органов чувств» является великим вкладом Ленина в марксистскую философию и одной из самых ценных его философских идей.

Однако в китайском переводе в определении материи отсутствует глубокое содержание, выраженное оборотом «показания органов чувств», игнорирующее его. Описанный выше теоретический вклад Ленина в марксистскую филосо-

фию остается нераскрытым, в результате не видно его отличия от наивного материализма.

III

Другой отрицательный момент, связанный с неправильным пониманием слова «дана», проявился в том, что мы ошибочно трактовали идеи Ленина в области теории познания. В различных учебниках по марксистской философии многократно повторяется одна фраза Ленина из «Материализма и эмпириокритицизма», а именно: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»*.

В различных учебных пособиях ее разъясняли (комментировали) с точки зрения теории познания. К примеру, некоторые китайские философы считают, что это высказывание Ленина означает следующее: «Точка зрения практики является главной и основной точкой зрения марксистской теории познания, всего комплекса вопросов, изучаемых теорией познания, — возникновение знания, его сущность и его процесс»**. На самом деле слова Ленина не относились к вопросу о роли практики в познании (например, в качестве критерия истины). Он обсуждал здесь вопрос об объективном существовании объекта познания, вопрос об онтологии, а также ее важном месте в теории познания, что было связано с его формулировкой «показания органов чувств». Критикуя махиста Базарова, он говорит: «Путаете, тов. Базаров! Вопрос о существовании вещей вне наших ощущений, восприятий, представлений вы подменили вопросом о критерии правильности наших представлений об "этих самых" вещах, или, точнее: вы *загораживаете* первый вопрос вторым. А Энгельс прямо и ясно говорит, что от агностика отделяет его не только сомнение агностика в правильности изображений, но и сомнения агностика в том, можно ли говорить о *самых вещах*, можно ли "достоверно" знать об их существовании. Зачем понадобилась Базарову эта подтасовка? Затем,

---

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 145.

** Основы диалектического и исторического материализма: Учебное пособие по гуманитарным наукам для высших учебных заведений / ред. Ли Сюлинь, Ван Юй, Ли Чунь. 5-е изд. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2004. С. 230. См. также: Основы марксистской философии / ред. Сяо Цянь, Хуан Нанщэн и Чэнь Яньцин. Это пособие издано тиражом 10 млн экземпляров и имеет широкую аудиторию.

чтобы затемнить, запутать *основной* для материализма (и для Энгельса как материалиста) вопрос о существовании вещей вне нашего сознания, вызывающих ощущения своим действием на органы чувств. Нельзя быть материалистом, не решая утвердительно этого вопроса, но можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правильности тех изображений, которые доставляют нам чувства»*.

Очевидно, что Ленина интересует не вопрос о том, как правильно познать существование материи, а вопрос о том, признает человек или нет, что объектом познания является объективная реальность, т. е. вопрос о противоположности материализма и идеализма.

Многократно используемый отрывок из «Материализма и эмпириокритицизма» взят из шестого раздела второй главы. Он носит название «Критерий практики в теории познания». Если хотя бы чуть-чуть проанализировать его содержание, то «критерий практики», о котором здесь говорится, делает упор на объективном существовании объекта познания, а не на единстве познания и объекта. Ленин указывает, что махисты также признают следующее: для того чтобы в процессе жизненной практики познание могло быть «полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида» и для достижения успеха, необходимо признать объективное существование материального объекта, принять материалистическую позицию. Но когда философы начинают рассуждать о проблемах философской теории, они сразу замыкаются в сфере ощущений, отказываясь рассматривать что-либо, лежащее вне ощущений. Анализируя позицию Э. Маха, Ленин говорит: «Практически, — пишет он (Мах) в "Анализе ощущений", — совершая какие-нибудь действия, мы столь же мало можем обойтись без представления *Я*, как мы не можем обойтись без представления тела, протягивая руку за какой-нибудь вещью. Физиологически мы остаемся эгоистами и материалистами с таким же постоянством, с каким мы постоянно видим восхождение Солнца. Но теоретически мы вовсе не должны придерживаться этого взгляда»**. По этому поводу Ленин замечает: «Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно

---

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 113.

** Там же. С. 143.

получаем материализм, — говорит марксист. Практика пусть будет материалистична, а теория особь статья», — говорит Мах*. Непосредственно за этой фразой обычно многократно цитируют следующую: «И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики»**. Эта фраза Ленина свидетельствует о том, что, говоря здесь о критерии практики, он намеревается указать не на проблемы теории познания, а на проблемы онтологии, указать на то, что, отстаивая критерий практики, необходимо признать реальное существование объектов практики, что, очевидно, ведет к материализму.

В рассуждениях Ленина о теории познания самым главным вопросом был вопрос об онтологических предпосылках познания, решение которого принципиально разделяют материализм и идеализм: является ли источником и объектом познания объективная реальность? Основные принципы теории познания марксистской философии — теория отражения, объективная истина, одновременное существование относительной и абсолютной истин и т. д. было тесно связано с признанием объективной реальности объектов познания, т. е. их существования в качестве материи. Общеизвестно, что в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин выдвинул знаменитые «три гносеологических вывода», в первом из них подчеркивалась объективная реальность объекта познания: «Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас»***. Отчетливой особенностью теории познания Ленина является принцип материализма, т. е. признание объективной реальности объекта, постановка его на первое место.

Очевидно, что трактовка фразы «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» как подчеркивание главной роли практики в процессе познания, т. е. понимание ее как цели, источника, критерия, движущей силы познания, представляет собой искажение гносеологических идей Ленина. Почему возникло подобное искажение? Оно опять-таки связано с неправильной трактовкой слова «дана». Вследствие отсутствия глубокого анализа формулировки Ленина «показания органов чувств» очень трудно

---

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 142—143.

** Там же. С. 145.

*** Там же. С. 102.

по-настоящему разобраться в его понимании основной предпосылки материализма — признания объективной реальности источников и объектов познания, овладеть его оригинальным вкладом в решение данной проблемы. Именно поэтому невозможно увидеть онтологический смысл слова «дана», если подходить к пониманию этого слова только с точки зрения теории познания.

Одновременно необходимо указать, что ошибочно понимают Ленина не только китайские философы. Ряд российских философов, например философ-марксист Т. И. Ойзерман, также не уловили глубокий смысл ленинского определения материи. Он пишет следующее: «Нельзя не отметить, что предложенное В. И. Лениным философское понятие материи не является новым как в марксистской литературе, так и в предшествующей марксизму философии. Так, Плеханов, в статье "Трусливый идеализм", критикуя махиста И. Петцольда, определяет материю как то, что "посредственно или непосредственно действует или, при известных обстоятельствах, может действовать на наши внешние чувства". При этом Плеханов замечает, что ни одно "из поразительных физических открытий последних лет" не подрывает этого понятия материи»*.

Если поставить рядом ленинское определение материи и определение Плеханова, чтобы определить, какое из них ошибочное, то достаточно посмотреть на приведенную выше критику Лениным точки зрения Плеханова о вере, и все станет ясно.

Перевод с китайского В. Г. Бурова

---

* Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 134

А. Л. Никифоров

«Вечная» проблема философии*

Статья китайского философа Ань Циняня посвящена анализу известного определения материи В. И. Лениным, данного им в работе 1909 г. «Материализм и эмпириокритицизм»: «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его...»** Автор высказывает мнение о том, что как советские, так и китайские философы понимали это определение не совсем верно, истолковывая фразу «дана человеку в ощущениях его» просто как «ощущается». Объективная реальность, считает Ань Цинянь, не «ощущается», а «*дается* в ощущениях». Ощущения есть то, что находится между объективным миром и человеком. Ощущения принадлежат человеку, а реальность оказывается чем-то находящимся «за» ощущениями. Встает проблема: как доказать объективное существование внешнего мира, если непосредственно мы обладаем только ощущениями? Трудности в разрешении этой проблемы, говорит автор, явились источником агностицизма и идеализма. Те философы, которые ограничиваются рассуждениями об ощущениях и отказываются гово-

---

* Публикуется по изданию: Вопросы философии. 2011. № 11.

** Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. М., 1968.

рить о внешнем мире, примыкают к различным ветвям субъективного идеализма. Те же мыслители, которые склонны видеть «позади» ощущений некую абсолютную идею, дух, Бога, развивают один из вариантов объективного идеализма. Даже материалисты, отмечает автор, видели здесь серьезную проблему и пытались как-то решить ее. В частности, автор вслед за В. И. Лениным высказывает критическое замечание в адрес Г. В. Плеханова, который в одной из своих работ обронил фразу о том, что материалисты «верят» в существование объективной реальности. Мало «верить», говорит автор, нужно стремиться «доказать» реальность окружающих вещей.

Автор вносит собственный вклад в решение этой проблемы, хотя и приписывает это решение В. И. Ленину. Он полагает, что все дело здесь в истолковании слова «дана», использованном Лениным. Не «ощущается», а «дана в ощущениях», т. е. ощущения «показывают» на свой внешний источник. «Показания органов чувств» — это именно показания свидетеля о событиях и фактах. Как у Л. Витгенштейна в «Трактате», предложение *показывает* свою логическую форму, так и здесь ощущения *показывают* свой внешний источник. Отсюда следует, что в ощущениях представлена объективная реальность, что ощущения вовсе не отделяют человека от реальности, а напротив — реальность в них дана, само появление ощущений свидетельствует о том, что их что-то вызывает.

Конечно, современному российскому философу терминология Ань Циняня может показаться несколько устаревшей. Однако проблема, которую он обсуждает, отнюдь не устарела — это традиционная онтологическая проблема: реален ли окружающий меня мир или он лишь иллюзия? Что собой представляют окружающие нас вещи с их свойствами — комбинации ощущений, конструкции или независимо от нас существующие объекты? Если заглянуть в книгу австралийского философа Дж. Пассмора «Сто лет философии»*, то легко увидеть, что эта проблема обсуждалась на протяжении всего XX в. Она и сейчас вызывает ожесточенные споры и дискуссии, раскалывая философов на реалистов и антиреалистов, только сегодня при ее анализе используется несколько иная терминология. Устарела терминология В. И. Ленина, но не устарела сама онтологическая проблематика.

---

* Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998.

Любопытно, что в начале XX в. два английских философа почти одновременно выступили против идеализма. Одним из них был Дж. Мур, классическая статья которого так и называлась «Опровержение идеализма» (1903). Другим был Б. Рассел, который в не менее известной статье «Об обозначении» (1905) привлек внимание к анализу языковых выражений и показал, что многие выражения естественного языка, имеющие вид имен, на самом деле ничего не обозначают. В тот период он также полагал, что объективно, вне нас, существуют материальные предметы. Оба философа призывали доверять здравому смыслу, который не сомневается в существовании внешнего мира. Так что В. И. Ленин в начале XX в. был не одинок в своей защите материализма и в своей борьбе с идеализмом.

Изменение терминологии, с помощью которой рассматривались вопросы онтологии, было обусловлено, по-видимому, так называемым лингвистическим поворотом в философии. Этот «поворот» был рожден логико-семантическими исследованиями Ч. Пирса, Г. Фреге, Б. Рассела, «Трактатом» Л. Витгенштейна и деятельностью логических эмпиристов, а также исследованиями в области лингвистики и культурологии Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Ч. Морриса и др. Язык стал основным предметом философского анализа, и онтологические проблемы стали рассматриваться через призму языка. Философы, за редким исключением, перестали рассуждать о реальности «самой по себе», они стали говорить о том, к принятию какого рода сущностей обязывает нас используемый язык. Отчетливое выражение эта идея получила в известном критерии существования У. Куайна: существовать — значит быть значением квантифицированной переменной, т. е. существуют те вещи, обозначения которых признаются подлинными именами.

В 1959 г. вышла книга П. Стросона «Индивиды», в которой британский философ строит «дескриптивную метафизику». Он полагает, что глубинная структура повседневного языка совпадает со структурой реальности, что в мире существуют конкретные вещи — партикулярии, — к которым относятся важнейшие термины нашего языка. Именно существование таких вещей придает устойчивость значениям наших слов, без такой устойчивости взаимопонимание между людьми было бы невозможно. Однако взаимопонимание возможно, следовательно, вещи существуют. Известный американский философ Х. Патнэм в своей книге «Разум, истина и история» (1981) предложил мысленный эксперимент, который вызвал широкое

обсуждение. Предположим, что каждый из нас является мозгом, помещенным в сосуд с питательной жидкостью, а мощный компьютер подает сигналы на нервные окончания мозга, создавая в сознании тот образ окружающего мира, к которому мы привыкли. Спрашивается, способны ли мы установить, что мы не являемся такими «мозгами в сосуде» и наши впечатления о внешнем мире не являются простой иллюзией?* Патнэм, развивая свою концепцию «научного реализма», показывает, что предположение о том, что я являюсь таким «мозгом в сосуде», внутренне противоречиво. Следовательно, оно ложно и внешний мир существует.

Эти примеры показывают, что вопрос о природе окружающего нас мира, о возможности его познания — тот вопрос, который обсуждал В. И. Ленин, — отнюдь не утратил актуальности и в наши дни. Сейчас он обсуждается несколько иначе — как вопрос о значении терминов научного и обыденного языков или как вопрос о природе «квалиа» (чувственных качеств), однако это все тот же «вечный» онтологический вопрос философии. Обращение к тому, как рассматривал этот вопрос В. И. Ленин, связывает начало и конец XX в. и, возможно, помогает дать философскую оценку современным теориям, построенным в аналитической философии и в логической семантике. Именно в этом состоит ценность статьи Ань Циняня для современного читателя.

---

* См.: Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002.

2. В. И. Ленин и современные проблемы философии культуры

В. М. Межуев

Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России*

В обширном собрании ленинских теоретических работ, публицистических статей, политических речей и докладов постоянно и с возрастающей силой звучит тема культуры, причем своего пика она достигает в послереволюционный период его жизни и деятельности. В отличие от трудов Маркса и Энгельса, в которых слово «культура» встречается достаточно редко, у Ленина оно не сходит со страниц всех его последних выступлений и статей, что позволяет сделать вывод о ключевом значении этого слова в системе его воззрений относительно путей и способов перехода России к социализму. Сам этот переход мыслился Лениным и как одновременно процесс вхождения России в разряд наиболее цивилизованных стран современного мира, т. е., говоря сегодняшним языком, как процесс ее модернизации.

В дореволюционный период обращение Ленина к проблематике культуры в основном ограничивалось

---

* Текст опубликован на www.alternativy.ru

краткой характеристикой и общей оценкой сути, роли и смысла культуры в классово-антагонистическом, прежде всего капиталистическом, обществе. Эта оценка, как правило, не выходила за рамки свойственной всему марксизму критики буржуазной культуры в качестве социально отчужденной и исторически преходящей формы ее существования.

От других крупных марксистов того времени Ленин отличался, пожалуй, тем, что с большей настойчивостью подчеркивал эксплуататорскую, враждебную к трудящимся классам сущность буржуазной культуры. При этом он со всей определенностью отдавал себе отчет в том, что если что и можно поставить в заслугу западноевропейскому капитализму, так это прежде всего созданную им культуру, включающую в себя науку, технику, образование и многое другое. В этом, по мысли Ленина, состоит несомненное преимущество капиталистической Европы перед современной ему Россией.

История, согласно Ленину, знала до сих пор два основных способа организации общественной жизни. Первый из них представлял собой прямую власть господствующего класса, непосредственно организованного в бюрократически-иерархическую систему государственного управления, над народными (преимущественно крестьянскими) массами. С этой целью она использует всю мощь чиновничьего, военного и полицейского аппарата подавления. Этот тип помещичье-чиновничьей организации общества с характерными для нее чертами азиатского деспотизма и почти полным отсутствием сколько-нибудь развитой общественной (публичной) жизни нашел свое классическое выражение в самодержавно-крепостническом строе царской России.

По сравнению с ним западноевропейский путь капиталистического развития вел к более «культурному» и «цивилизованному» типу общественной организации. Капитализм дал мощный толчок развитию производительных сил общества, привел к созданию промышленной индустрии, техники и науки. «Капиталистическая культура, — писал В. И. Ленин, — *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее...»* Однако все достижения культуры и цивилизации предстают здесь исключительно как сила капитала, посредством которой он утверждает свое экономи-

* Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 44.

ческое и политическое господство в обществе. «В буржуазном обществе массой трудящихся... управляло меньшинство, имущие, участвующие в капиталистической собственности, превратившие образование и науку, высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того чтобы громадное большинство людей держать в рабстве»*.

Подобная констатация кажется ныне излишне предвзятой и категоричной, но для русского революционера и социалиста конца XIX – начала XX в. она вполне закономерна. Россия в ее окончательном виде, с его точки зрения, не может быть ни крестьянской, ни буржуазной. Крестьянская Россия – синоним ее отсталости, уходящего прошлого, а буржуазная Россия еще не появилась, и бессмысленно ждать, когда она, наконец, появится. Будущее России, как его видел и понимал Ленин, может быть только социалистическим, путь к чему лежит через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. А необходимые материальные и духовные предпосылки для перехода к социализму заложены в той же культуре, какой она предстает на этапе капитализма. Правда, предпосылки эти сложились в полной мере не в России как слабом звене капитализма, а на Западе.

Классовая сущность буржуазной культуры состоит, следовательно, не в самих по себе достижениях науки, техники, производства, искусства и т. д., а в их отчужденной от трудящихся масс форме существования, в монополизации этих достижений меньшинством с целью упрочения своего господствующего положения в обществе. Противоречие между общечеловеческим содержанием культуры и частной формой ее присвоения лежит в основе всей культурной эволюции капитализма. Данное противоречие дает знать о себе в каждой национальной культуре, как они сложились на этапе капитализма – в виде противостояния в ней элементов буржуазной и социалистической культуры.

Данное обстоятельство и имел в виду Ленин, когда писал о наличии двух культур в каждой национальной культуре. «В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо

---

* Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов, 20 января 1919 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 444.

в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»*.

Классовая ограниченность буржуазной культуры дает знать о себе в самом факте ее национально обособленного существования, имеющего своим следствием культурную разобщенность наций и народов, насильственное навязывание слаборазвитым народам «культуры» ведущих капиталистических держав. Но более всего она проявляется в империалистических войнах, в которых «защита культуры» осуществляется, по словам Ленина, «орудиями истребления культуры».

В условиях политического и социального хаоса, вызванного Первой мировой войной, когда стало ясно, что «..."цивилизованный", "культурный" капиталистический мир идет к неслыханному краху, который способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни»**, перед человечеством встает дилемма: «...погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть иго капитала, свергнуть господство буржуазии, завоевать социализм и прочный мир»***.

Не в «столкновении» западной цивилизации с другими цивилизациями, а в самой западной цивилизации, раздираемой классовыми и межнациональными противоречиями (на почве конкуренции между буржуазными нациями за мировое экономическое и политическое лидерство), Ленин увидел смертельную угрозу культуре. Даже лозунг национальной культуры он посчитал буржуазным, видя в нем проявление буржуазного национализма. Признавая относительную оправданность этого лозунга в борьбе буржуазии с феодальным прошлым, он отвергал его применительно к классовой борьбе пролетариата с буржуазией.

Пролетарским лозунгом является *интернациональная* культура трудящихся всего мира. Речь шла у него, правда, не об отрицании национальной культуры, как это ему часто приписывают, а о невозможности для рабочего класса замыкаться в границах какой-то одной национальной культуры, отбрасы-

---

* Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. ПСС. Т 24. С. 120–121.

** Доклад о текущем моменте, 27 июня 1918 года // Там же. Т. 36. С. 436.

*** Ленин В. И. За хлеб и за мир // Там же. Т. 35. С. 169.

вая все ценное, что есть в других культурах. Рабочие, по мысли Ленина, будучи интернациональным классом, являются наследниками всей мировой культуры. В освобождении культуры от классово и национально ограниченной формы ее существования в капиталистическом обществе, в придании ей подлинно интернационального и общечеловеческого масштаба и состоит культурная миссия социализма.

Отметим попутно, что противоположностью буржуазной культуры является для Ленина не «пролетарская культура» (таковая со всей решительностью будет отвергнута им в ходе послереволюционной дискуссии с теоретиками Пролеткульта), а именно *социалистическая*. Разница здесь в том, что так называемая пролетарская культура предполагает существование пролетариата как особого класса, тогда как социализм, будучи бесклассовым обществом, придает и культуре бесклассовый характер.

Здесь отчетливо прослеживается выявленная уже в классическом марксизме прямая связь между собственно экономическими и политическими (классовыми) целями пролетарского революционного движения и культурными (интернациональными и бесклассовыми) целями развития самого человека. Капитализм, лишая рабочих собственности на средства производства, одновременно лишает их свободного доступа ко всему богатству культуры. Но тем самым он как бы насильно удерживает их в границах своего класса. Это не означает, конечно, что рабочие при капитализме вообще лишены возможности потреблять ту или иную культурную продукцию.

В определенной мере капитализм даже расширяет по сравнению с прошлым рамки такого потребления, хотя и придает ему характер удовлетворения «фиктивных», «неистинных» потребностей. По словам Маркса, «то участие, которое рабочий принимает в потреблении более высокого порядка, а также и в духовном потреблении, — агитация за свои собственные интересы, выписка газет, посещение лекций, воспитание детей, развитие вкуса и т. д., — то единственное его участие в цивилизации, которым он отличается от раба»*, определяется в конечном счете не потребностью человека в саморазвитии, а интересами капиталиста, стремящегося к расширению круга потребностей с целью увеличения своей прибыли. «Поэтому...

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 240.

капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать... потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д. Как раз эта сторона отношения между капиталом и трудом представляет собой существенный момент цивилизации, и именно на ней покоится историческая правомерность капитала, но вместе с тем и его нынешнее могущество»*. Результатом такого потребления является не сам человек во всей целостности своего общественного бытия, а существование основной массы людей в качестве рабочей силы, производящей капитал.

Переход от частной к общественной собственности как главная цель пролетарского и всего коммунистического движения имеет с этой точки зрения не только экономический, но и глубоко культурный смысл. В своем стремлении изменить прежние условия производства и общения, поставить их на новую основу рабочие руководствуются отнюдь не интересами личной наживы и обогащения (как то бездоказательно приписывают им, начиная с Макса Штирнера, все мелкобуржуазные критики коммунизма), а желанием изменить самих себя, наполнить свою жизнь подлинно человеческим содержанием. Рабочие нуждаются в новом обществе, потому что сами хотят стать «новыми» — теми, кто в своем индивидуальном облике и образе жизни стоит вровень с высшими достижениями человеческой цивилизации и культуры. Революционные пролетарии, писали Маркс и Энгельс, «слишком хорошо знают, что лишь при изменившихся обстоятельствах они перестанут быть “прежними”, и поэтому они проникнуты решимостью при первой же возможности изменить эти обстоятельства. В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»**.

По нынешним временам можно, конечно, усомниться в том, что именно этой целью руководствуется рабочее движение. Но несомненно, что любой человек, так или иначе втянутый в творческий труд, ищущий в нем способ реализации своей личности, хочет жить в обществе, максимально благоприятствующем такой деятельности. Общественная собственность, превращающая культуру в личное достояние каждого индивида, делающая всестороннее развитие человека главной целью производ-

* Там же. С. 241.

** Там же. Т. 3. С. 201.

ства, — пожелание не просто рабочего, но любого разумного существа, стремящегося жить в обществе в соответствии со своими способностями и индивидуальным призванием.

Переход к общественной собственности создает тем самым ситуацию, при которой все вопросы экономического и политического строительства оказываются прямо связанными с культурным ростом всего народа и каждого индивида в отдельности. Не учитывая этой внутренней связи между политикой, экономикой и культурой в процессе социалистического строительства, нельзя понять и смысл *ленинского учения о культуре*.

Скажут, культура — необходимое условие любого общественного развития, не только социалистического. И это, конечно, верно. Но только социализм превращает культуру не просто в средство, но в цель развития, подчиняя этой цели все области человеческой жизнедеятельности. В процессе перехода к социализму культура, по мысли Ленина, охватывает собой всю сферу практической (материальной и духовной) деятельности низов, вставших на путь самостоятельного исторического творчества. Организация этих низов, формы их объединения в процессе социалистического строительства не могут опираться ни на «дисциплину палки», ни на «дисциплину голода».

Методы политического насилия, равно как и экономического принуждения, чужды природе социалистического строя. Сама организация труда в этих условиях, исключающая все виды труда подневольного, «...держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов»*. Та степень сознательности и свободы, с какой массы творят свои общественные отношения, вовлекаются в сферу хозяйственной и политической жизни, и является здесь подлинным мерилом культуры.

В этом смысле Ленин предостерегал против чрезмерного преувеличения роли чисто государственных, осуществляемых по приказу сверху, хотя и опирающихся на энтузиазм масс методов хозяйствования и управления страной, получивших название «военный коммунизм». «...Непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов

* Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 14.

по-коммунистически в мелкокрестьянской стране»* оказалось невозможно. Ни вмешательство сверху, ни массовый энтузиазм сами по себе не в состоянии обеспечить решение задач социалистического строительства, если отсутствует необходимый уровень культуры масс, если массы хотят, но не могут (в силу отсутствия культуры) строить самостоятельно свою экономику и свое государство.

Движение к социализму после завоевания власти прямо упиралось в задачу повышения культурного уровня масс. Практическая значимость этой задачи ставит ее в центр почти всех послеоктябрьских работ Ленина. С переходом к мирному этапу развития революции основное внимание, неоднократно подчеркивал он, необходимо сосредоточить именно на вопросах культуры. «Коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» он видел в том, что если «раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д.», то «...теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную "культурную" работу... у нас действительно теперь центр тяжести сводится к культурничеству»**. «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...»*** Победу нового общества Ленин ставит в прямую зависимость от того, насколько быстро рабочие и крестьяне смогут освоить достижения уже сложившейся культуры и цивилизации, сделать их своими, «достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы»****.

Здесь мы подходим к основному пункту ленинской теории культуры — к вопросу о *необходимости соединения культуры с революционной деятельностью масс,* с их созидательной (хозяйственной, организационной, политической) работой. Не *культура для масс,* т. е. культура, ориентированная на массы как лишь пассивных потребителей культурной продукции (так называемая массовая культура), а *культура самих масс* — вот проблема, которую Ленин ставит во главу угла, рассматри-

* Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Там же. Т. 44. С. 151.

** Ленин В. И. О кооперации // Там же. Т. 45. С. 376.

*** Там же. С. 377.

**** Ленин В. И. Странички из дневника //Там же. С. 364.

вает как решающую для всего дела социального преобразования страны.

В этой простой и короткой формуле — соединение культуры с массами — смысл и главная цель всех революционных преобразований в культуре. Однако за кажущейся простотой этой формулы скрывается, по словам Ленина, сложнейший социальный эксперимент, требующий титанической исторической работы трудящихся. Он означает колоссальный духовный сдвиг в жизни народа, коренную переделку всех старых устоев труда, быта, сознания и психологии миллионных масс людей.

Соединить культуру с массами — значит сделать массы культурными. Такую задачу не решишь в одно мгновение, одним усилием. Помимо времени для ее решения требуются определенные экономические и политические предпосылки, которые также появляются не сразу. Культурный подъем масс — достаточно длительный процесс, который имеет и свою историческую дистанцию, и свою обусловленную конкретными обстоятельствами последовательность.

Здесь отчетливо вырисовываются подлинные масштабы социалистической революции. Последняя не сводится лишь к смене политической власти, установлению пролетарской диктатуры. Политический переворот есть лишь начало, пролог переворота культурного. В соответствии с этим Ленин говорил о двух основных этапах социалистической революции: первый решает задачу завоевания рабочим классом политической власти, второй — задачу созидательной, мирной, культурной работы по строительству нового общества. Если методом решения первой задачи является *революционное насилие* большинства над меньшинством, то методом решения второй задачи становятся массовое образование, просвещение и обучение трудящихся, их реальное приобщение к культуре, а через нее — к активному социальному творчеству. Культурная революция есть в этом смысле исторически неизбежное продолжение и завершение революции политической.

Идея культурной революции — вот, пожалуй, то главное, что внес Ленин в марксистскую теорию социалистической революции. В этой идее Ленин, по существу, воспроизвел то, с чем боролся всю жизнь, — главную идею либерального сборника «Вехи». Для позднего Ленина путь к социализму в такой отсталой стране, как Россия, лежит не через политическую революцию, не через насилие, а через просвещение и культуру. Посредством революционного насилия можно взять власть, но

нельзя перейти к социализму. До тех пор, пока рабочий класс не овладеет всем богатством мировой (прежде всего буржуазной) культуры, нельзя говорить о социализме как свершившейся реальности.

Важнейшей составной частью этой общей проблемы стал вопрос *об отношении трудящихся масс к культурному наследию*. Формула соединения культуры с массами раскрывается Лениным как освоение и практическое использование массами всего того ценного и прогрессивного, что было достигнуто предшествующим ходом культурного развития. Ленин — убежденный противник любого изобретения новой культуры. Не выдумка новой — в духе Пролеткульта — культуры, а сохранение и усвоение всего того, что было в этом плане уже создано при капитализме, — вот в чем в первую очередь нуждаются рабочие и крестьяне. «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»*. Соединение культуры с массами могло означать в этой ситуации только одно: их соединение *с буржуазной культурой*, ибо никакой другой — более совершенной — на данный момент не было и быть не могло. Суть этой задачи Ленин формулирует с определенностью, не оставляющей никаких сомнений: «Задача — как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, трудная»**.

Трудность решения этой задачи многократно возрастала в силу специфических особенностей России, которая к моменту революции оставалась страной полупатриархальной, преимущественно мелкокрестьянской, не прошедшей в общенациональном масштабе капиталистического пути развития. По уровню своего экономического и социального развития Россия, по словам Ленина, стояла «на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной (Первой мировой войной. — *В. М.*) окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Восто-

---

* Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти // Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 55.

** Там же. С. 59.

ка, стран внеевропейских...»* Промежуточное положение России между цивилизованными странами Запада и отсталыми государствами Востока определило некоторые особые черты русской революции, «лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»**. Особенностью русской революции было то, что, назвав себя социалистической, она осуществилась в стране, в которой отсутствовали материальные и культурные предпосылки построения социализма. На Западе эти предпосылки формируются, как известно, на стадии зрелого капитализма. В дореволюционной России они, естественно, не успели сложиться. Своеобразие русской революции, передавшей политическую власть в руки рабочих, состояло, согласно Ленину, в том, что она стала не результатом, а только началом создания таких предпосылок, лишь открывала собой движение России по пути цивилизации (сейчас бы сказали модернизации), но уже не в классически буржуазной, а в социалистической форме. По словам Ленина, в ходе революции пролетариат завоевал для себя не совсем обычные условия «для дальнейшего роста цивилизации», ибо «...политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»***.

В этой ситуации большевикам, возглавившим революцию, пришлось иметь дело с массами, которые в большинстве своем не доросли даже до буржуазной культуры, не освоили те элементы общеобразовательной и технической грамотности (не говоря уже о грамотности экономической, финансовой, политической и правовой), которых требует от работника любое промышленно развитое производство. Да и сами большевики, поднявшиеся на вершины власти из низов, за редким исключением, высокой культурой не блистали. Культурные достижения дореволюционной России, давшей миру замечательные творения в области искусства, литературы, науки и техники, поддерживались в основном усилиями узко-

* Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 379.

** Там же.

*** Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 377.

го слоя художественной и научно-технической интеллигенции. Основная же масса населения — крестьянство, связанное с докапиталистическим, полунатуральным укладом жизни, а также значительная часть пролетариата, вышедшая из беднейших слоев крестьянства и не прошедшая длительной «школы» капиталистического производства, — находилась, по существу, в состоянии почти полной темноты и невежества, поголовной безграмотности и абсолютной неосведомленности по части современных достижений науки и техники, управления производством, методов и форм организации труда.

Это состояние «полуазиатской бескультурности» являлось одним из самых опасных и тяжелых последствий царизма. «В то время, — писал Ленин, — как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо»*. Отсюда понятно и другое высказывание Ленина: «...нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п.»**

В сочетании отрицания старого общества с признанием необходимости сохранения того ценного, что этим обществом было создано в плане культуры, предельно четко раскрывается позиция рабочего класса по отношению к свергаемому им буржуазному обществу. Если насилие в отношении этого общества оправдано при взятии и сохранении им политической власти, то его способность учиться, не только ценить культуру, но проводить ее в массы — непременное условие его не только политической, но и моральной победы над буржуазией — прежде всего той ее части, которая испокон века считала себя единственной хранительницей культуры — над буржуазной интеллигенцией. Имея в виду последних, Ленин писал, что, когда они «...увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело (в дело культурного просвещения. — *В. М.*) все более широкие массы, они

---

* Ленин В. И. Странички из дневника. С. 363.

** Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 389.

будут побеждены *морально*, а не только политически отсечены от буржуазии»*.

Опираясь на насилие, нельзя построить социализм, нельзя привлечь на сторону пролетариата ту часть интеллигенции, знания и опыт которой необходимы ему для собственного культурного роста. «Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор! Мы... в эту глупость не впадем и от нее массы будем предостерегать»**.

Любую попытку превратить насилие в способ решения вопросов культурного порядка Ленин квалифицировал как прямое отступление от марксизма в сторону анархизма и мелкобуржуазной революционности. Насилие несовместимо с культурной политикой рабочего класса и не является средством перехода от буржуазной культуры к социалистической. Социалистическая культура возникает посредством не насильственного ниспровержения и разрушения буржуазной культуры, ее абстрактного отрицания только на том основании, что она не есть продукт исключительно пролетарского сознания, а в результате сознательной и критической переработки всего ценного, что в ней содержится. Это тоже борьба, но иного рода, чем система запретов, карательных мер и преследований. Основным аргументом в ней является способность масс учиться, их умение организовывать себя на началах сознательной, основанной на всем опыте человеческой культуры и науки дисциплины.

Сама задача соединения культуры с массами могла показаться по тем временам (да и казалась многим) чисто утопической. Можно ли сочетать темного крестьянина — продукт в основном добуржуазных отношений и полуграмотного рабочего с наиболее развитыми (буржуазными) формами культуры? И где гарантия, что такое сочетание, даже если и возможно, даст в итоге социалистический тип развития, а не приведет к буржуазному перерождению? Первый вопрос муссировался откровенными врагами социализма, второй ставился представителями того направления в социализме, которое Ленин обвинял в «мелкобуржуазной революционности» и которое было

* Ленин В. И. Доклад о партийной программе 19 марта / VIII съезд РКП(б) // Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 167.

** Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти // Там же. С. 56.

одержимо идеями «чистой пролетарской демократии» и «чистой пролетарской культуры». Отвечая первым, Ленин обращал внимание на их кровную заинтересованность в сохранении былой монополии на общественное управление и культуру и вытекающее отсюда стремление доказать неспособность масс к общественному самоуправлению и социальному творчеству; отвечая вторым, он показывал всю утопичность и фантастичность их представлений о социализме. Последний может быть построен лишь на базе того человеческого материала, который достался стране от прошлого.

Как же практически решить задачу преодоления вековой отсталости России от цивилизованных стран и при этом направить дело образования и просвещения рабочих и крестьян в русло социалистического строительства? Если задача культурного роста населения решается, согласно Ленину, путем планомерной организации всего дела народного образования и просвещения в общенациональном масштабе, то его приобщение к строительству социализма достигается в результате сочетания образовательной деятельности с организованным участием в политической и общественной жизни страны или, как говорил Ленин, *путем соединения школы с политикой*.

Школа, образование, по мысли Ленина, должны служить необходимой ступенью к активной трудовой и общественно-политической деятельности каждого человека. Причем под образованием здесь понимается не просто ликвидация безграмотности (это могло рассматриваться только как исходная, изначальная мера), а такое «повышение культуры», которое означает формирование у людей способности к самостоятельному участию в общественной жизни. «Мало того: недостаточно безграмотность ликвидировать, — писал Ленин, — но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры»*. И разъясняя, в чем состоит это «повышение культуры», Ленин конкретизировал свою мысль: «Надо добиться, чтобы уменье читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это уменье читать и писать к улучшению своего хозяйства и

* Ленин В. И. Новая экономическая политика и задача политпросветов // Там же. Т. 44. С. 170.

своего государства»*. Подлинная культура начинается там, где грамотность, образование, даваемые школой, соединяются с практическим умением организовать и наладить работу в сфере государственного аппарата и хозяйственного строительства, где происходит органическое слияние культурного роста личности и общественной самодеятельности народа.

Разрабатывая стратегию культурной революции, Ленин делает основной упор не на декретирование какой-то особой культуры, создаваемой разного рода «специалистами по культуре» (стремление, нашедшее четкое выражение в идеологии и практике Пролеткульта, а затем продолженное Сталиным в его надуманной концепции социалистического реализма), а на развитие уже существующих образцов культуры, но только в связи с практической деятельностью масс. «Не *выдумка* новой пролеткультуры, *а* развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»**, — такова ленинская формула культуры, которая потребна социалистическому обществу.

Согласно этой формуле социалистической культурой следует считать всю мировую культуру, но только ставшую достоянием каждого человека, если угодно, общественной собственностью трудящихся классов. Творчество Шекспира, Гёте, Пушкина, Гоголя и Толстого принадлежит социалистической культуре в той же мере, что и произведения так называемых пролетарских (а за ними и советских) авторов. Эти имена, как и имена других великих писателей, ученых, философов, нельзя исключать из социалистической культуры только на том основании, что они принадлежат людям, не считавшим себя марксистами, социалистами и тем более социалистическими реалистами.

Культура является социалистической в силу не своих каких-то стилистических, методологических и даже идейных особенностей, а своей способности служить людям безотносительно к их классовым и национальным различиям. Иное дело, что на всю предшествующую культуру пролетариат стремится наложить печать своего миросозерцания, использовать ее в

---

* Ленин В. И. Новая экономическая политика и задача политпросветов. С. 171.

** Ленин В. И. Набросок резолюции о пролетарской культуре // Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 462.

соответствии со своими целевыми установками. По словам Н. К. Крупской, Ленин «хотел, чтобы та новая культура, которую мы строим, носила на себе печать пролетарской борьбы, пролетарской мысли, но он был против того, чтобы рабочий класс строил для себя какую-то особую культуру, в ней замыкался. Рабочий класс — вождь всех трудящихся, поэтому и в области культуры, и в области культурной революции он не строит для себя обособленной культуры, но он на всю культуру накладывает свою особую печать, и Владимир Ильич особенно подчеркнул в своей речи (на III съезде комсомола. — *В. М.*) именно эту сторону, на которую те, которые говорили о пролетарской культуре, обращали мало внимания*.

Каковы же те конкретные задачи, которые должны решаться массами в ходе культурной революции? Первой такой задачей является задача «учиться управлять» по-новому, учиться самостоятельно руководить своим государством. Никакие законы и декреты, какими бы справедливыми и демократическими они ни были, не могут обеспечить реального участия масс в политической деятельности, если эти массы необразованны, темны, не обладают необходимым запасом знаний. Характеризуя те трудности, которые встали перед советским государством сразу же после революции, Ленин писал: «Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии, наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало.

Необходимо масса работы воспитательной, организационной, культурной, — чего нельзя быстро сделать законом, что требует громадной длительной работы»**. Отсутствие у масс опыта государственного управления оборачивается на практике не только такими явными проявлениями бюрократизма, как коррупция, бессмысленная канцелярщина и волокита, но и бесконтрольностью, неподотчетностью высших органов власти низшим, злоупотреблениями личной властью, административным произволом. «...Некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократизм»***. Во что вылилась эта не-

---

* Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М., 1959. Т. 5. С. 357.

** Ленин В. И. Доклад о партийной программе 19 марта. С. 165—166.

*** Там же. С. 165.

культурность (а по существу — варварство) после смерти Ленина, всем известно.

Вторую основную задачу культурной революции Ленин сформулировал как задачу «учиться работать» по-новому, что означало в конечном счете формирование нового типа работника, сочетающего профессиональные знания технических и научных основ современного производства с соблюдением необходимой для этого производства организацией и дисциплиной труда. Такого работника не знала старая Россия. «Русский человек, — писал в этой связи Ленин, — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»*. И в этом случае решение проблемы он видит в соединении «советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма»**.

Наконец, третьей задачей культурной революции Ленин считал задачу «учиться торговать», что позволит наладить союз города и деревни, будет способствовать переводу многомиллионной армии крестьянства на путь кооперативного (сначала сбытового, а затем и производственного) хозяйствования. «...Культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование»***. «Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции»****. Нэп в этом смысле — органическая часть культурной революции, как она была задумана Лениным.

Суть нэпа — не просто в замене продразверстки продналогом, но и в переходе на рельсы экономического хозяйствования с сохранением элементов частной собственности и свободной торговли. Через торговлю к кооперированию, а через кооперирование к индустриализации сельскохозяйственного производства, к превращению крестьянина в современного работника, владеющего техническими, агрономическими и экономиче-

---

* Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 189.

** Там же. С. 190.

*** Ленин В. И. О кооперации. С. 376.

**** Там же.

скими знаниями, — таков, согласно Ленину, путь культурного подъема деревни. Только на этом пути можно преодолеть вековую противоположность между городом и деревней, а аграрно-патриархальную страну, какой всегда была Россия, перевести в разряд развитых промышленных стран. Если это еще не социализм в полном смысле этого слова (Ленин вряд ли допускал возможность окончательного построения социализма в отдельной стране), то, во всяком случае, тот уровень цивилизационного развития, который необходим для перехода к социализму.

Предложенная Лениным программа культурной революции, по существу, была тем, что сейчас принято называть модернизацией России. Ленин лишь хотел осуществить эту модернизацию методами, исключающими государственное насилие над личностью (как при царизме) и экономическое принуждение (как при капитализме). Пожалуй, в этом и состояла социалистическая направленность его модернизационного проекта. Тот факт, что после его смерти развитие пошло по другому пути — по пути сочетания крайней формы деспотизма и бюрократической власти с принудительным трудом, говорит не о порочности ленинской программы культурной революции, а о большей, чем он думал, прочности так и не преодоленной нами до конца традиции варварства и бескультурья. Причем носителями этой традиции явились не только низовые слои общества, но и те, кто пришел к власти в результате революции.

То, что Ленин считал проявлением российского варварства — бюрократический произвол, они выдали за социалистическую или за исконно русскую добродетель. Многие так думают и сегодня. И потому сформулированные Лениным задачи культурной революции сохраняют свою силу и актуальность и для нашего времени.

Л. А. Булавка

Философия социального творчества: Ленин и XXI в.*

Социальное творчество и современный контекст: контуры сопряжения

«За несколько месяцев, прошедших со дня публикации, я потерял примерно половину своих друзей-единомышленников и приглашений на симпозиумы, радикально уменьшилось число публичных дискуссий, на которые меня звали, и мне стало значительно труднее высказаться на актуальные темы в периодике. Общее отношение формулировалось примерно так: "Маркс еще ладно, но Ленин — это чересчур"»**.

Так звучало признание С. Жижека в одном из своих интервью после выхода на Западе его книги «13 опытов о Ленине». Подобное отношение активно господствует сегодня и в среде российских интеллектуалов.

Нетрудно предположить, что с наибольшей вероятностью реакция интеллектуалов на проблематику уже данной статьи, предметом которой является социаль-

---

* Текст публикуется впервые.

** См.: Жижек С. Ленин лучше некрофилов. Интервью с автором книги «13 опытов о Ленине» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politizdat.ru/interview/12/

ное творчество революционных масс, прозвучит именно так: Ленин – еще ладно, но вот массы в качестве творца истории – это уже чересчур.

И действительно, Октябрьская революция, равно как и возникший на ее основе СССР со всеми его практиками, – все это уже, казалось бы, давно осталось в прошлом. На дворе век глобализации, который ставит уже другие вопросы, утверждает иные содержательные приоритеты и исходит из своих трактовок, в том числе такого понятия, как «массы». Как правило само это понятие, равно как и его многие модификации («массовое потребление» «массовое общество», «человек-масса» и т. п.), рассматривается преимущественно как гештальты современного мира отчуждения. Причем при всем разнообразии его трактовок и оценок общим для них выступает то, что понятие «массы» рассматривается главным образом как то, что уже в своем генезисе несет отчуждение от таких понятий, как «мир подлинной культуры», «творчество», «гуманизм».

Поэтому для современного интеллектуала, поглощенного (порабощенного) сетями рыночных и бюрократических отношений, предоставляющих ему преимущественно лишь одно экзистенциальное измерение – одинокость самоотчужденного бытия, такое понятие, как «социальное творчество масс», выступает главным образом как знак и атрибут советской тоталитарной системы, лишенный всякой содержательной актуальности для современного исторического контекста. Уже одна формулировка проблемы, заключенной в этом понятии, чего стоит: революционные (значит, бунтующие?) массы как творец (такое невозможно в принципе) новой действительности (это совсем непонятно).

Если же обратиться к самой общественной реальности, то необходимо признать, что сегодня в условиях, когда все сферы человеческой жизнедеятельности находятся во власти тоталитарного рынка и коррумпированной бюрократии; когда институты «представительной демократии» продолжают властвовать, несмотря на свою историческую и моральную изношенность (их угодливое обслуживание бюрократии и криминального капитала – тому прочное доказательство), подавляя гражданский энтузиазм низов; когда культура из мира неотчужденных отношений превратилась в индустрию, производящую современные формы отчуждения с использованием всего арсенала массмедийных технологий, беспощадно эксплуатирующих личностное начало индивида; когда частичные, превращенные

формы бытия современного индивида приводят к абсолютному разрыву его со своей родовой сущностью и в силу этого делающего его жизнеопасным уже для самого себя, что неизбежно приводит его либо к мутации, вырождению, либо просто к физической гибели (от наркотиков, алкоголя, суицида и многого другого) — именно в этих условиях сегодня формируется тот класс проблем, концентрирующихся вокруг понятия «отчуждение» и «самоотчуждение», которые по своей значимости встают в один ряд с проблемами экологической и ядерной угроз, межконфиссиональных и национальных войн, оставляя позади себя проблемы финансового кризиса, нефти и даже терроризма.

Объективная необходимость разрешения этих проблем рождает в современном мире как теоретический, так и практический поиск альтернатив тем превратным формам жизнедеятельности, которые сегодня достаточно жестко навязываются и обществу, и индивиду законами глобализирующегося мира отчуждения. Этот поиск при всей своей минимальной финансовой обеспеченности и институциональной поддержке тем не менее ведется и достаточно активно, образуя сетевые сообщества социального и научного диалога. Этот поиск ведется и в России, и прежде всего в рамках постсоветской школы критического марксизма*, имеющей уже целый ряд серьезных теоретиче-

---

* См.: Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., 2009; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранное). М., 2009; Кризис: альтернативы будущего / под ред. А. Бузгалина, П. Линке. М., 2010; Воейков М. И. Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. М., 2003; Мировые кризисы XXI века: принципы, природа, альтернативы, преодоление М., 2009; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Мы пойдем другим путем. М., 2009; Демократия и рынок: противоречия и альтернативы / под ред. М. И. Воейкова. М., 2009; Бузгалин А. В. Шансы России в глобальной неоэкономике. М, 2003; Стратегия России: общество знаний или средневековье / под ред. А. И. Колганова. М., 2008; Бузгалин А. В. Ренессанс социализма. М., 2003; Социальная экономика: теория и практика. М., 2009; СССР. «Застой» / под ред. Л. А. Булавки, Р. Крумма. М., 2009; Человеческий потенциал модернизации России (стратегия опережающего развития 2006). М., 2006; 1917—2007: Уроки СССР и будущее России. М., 2007; Либерализм, социал-демократия, коммунизм: академическая дискуссия. М., 2005; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века. М., 2005; Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория / под ред. М. И. Воейкова. М., 2007.

ских исследований, посвященных проблематике социально-экономических и культурных альтернатив.

Кроме того, поиск альтернатив активно ведется и в рамках различных общественных практик, возникающих в том числе на основе международного альтерглобалистского движения*, новых социальных движений**. Эти альтернативы связаны с поиском принципиально новых форм демократии — grassroots democracy («демократия корней травы»); новой субстанции развития культуры и природы, освобождающей их от диктата коммерциализации; нового онтологического принципа, предполагающего субъектное бытие индивида, т. е. всего того, без чего невозможно решение такой центральной проблемы современности, как самоотчуждение индивида.

Вот почему обращение к общественным практикам 1920-х гг., и в первую очередь к тому, что составляло их суть, — социальному (революционному) творчеству масс, сегодня столь актуально, ибо лежащий в его основе субъектный принцип бытия стал важнейшей предпосылкой преодоления отчуждения индивида от истории и культуры, и на этой основе — решения проблемы самоотчуждения. Но проблему обретения человеком человеческой сущности одним «уничтожением» частной собственности не решить. Этого недостаточно. И вот здесь социальное творчество как раз и выступает одним из необходимых и достаточных условий ее решения.

Надо сказать, что вопрос о массах как революционном субъекте был одним из ключевых в истории дореволюционных общественных дебатов. По мере развития революционных событий становилось все более понятным, что возможный выход этого субъекта на арену исторических действий будет определять тот общественный контекст, с которым каждому придется считаться и согласовывать свои витальные интересы, образ жизни и масштаб личных перспектив. Понятно, что страх, идущий из надвигающейся угрозы попасть в прямую зависимость от тех, кого «тьмы и тьмы, и тьмы» (А. Блок) и кого прежде за людей (не то что за граждан) не считали, объективно усиливал соци-

---

* См.: Альтерглобализм: теория и практика антиглобалисткого движения. М., 2003; Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия. М., 2010.

** См.: Бенедетти К. Европа: практики обновления // Альтернативы. 2011. № 2.

альное неприятие этого нового общественного субъекта. Но остановить нарастающий ход такого исторического движения уже не мог.

Масштаб и острота общественных противоречий накануне 1917 г. в целом были таковы, что требовали своего незамедлительного и последовательного разрешения. Любые попытки решить их посредством частичной и, главным образом, только политической модернизации системы лишь ускоряли ее распад.

Ленин был среди тех, кто не просто угадал эту диалектику. Он задал ее теоретически-фундированный дискурс. Задал еще до революции.

Прокладывание этой диалектики Лениным и большевиками уже в политической революционной практике заложило настолько крутой поворот общественного развития, что многими — причем как слева, так и справа, — это было воспринято как политический произвол, более того — как насилие над историей. Это вызвало целую лавину обвинений в адрес Ленина и большевиков, якобы взявших курс на разрушение России. Вот лишь некоторые примеры такой реакции.

Василий Розанов: «...Ленин и ленинцы производят государственное и общественное расстройство. Они мутят смутьяны и вводят смуту уже в саму революцию, т. е. ее же явно губят. С приездом Ленина начался явный переворот в революции. Прошли ее ясные дни»*.

Питирим Сорокин: «...Временное Правительство пыталось управлять демократически, а не деспотически, что требовалось историей. Власть должна была перейти к тем, кто этому повороту не противодействовал. Такой группой стали большевики. Они "гениально" примазались к историческому процессу. Они были рупором конвульсий общества, вызывавшихся войной и голодом. И они победили... Не могли не победить. Вынесенная "маховым колесом" истории — войной и голодом — власть большевиков в это время действительно опиралась на плечи огромных солдатских, рабочих и крестьянских масс. Она действительно была солдатско-рабоче-крестьянской»**.

---

* Розанов В. В. Как начинала гноиться наша революция // Розанов В. В. Уединенное. М., 2006. С. 162.

** Сорокин П. А. Предисловие. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 946.

Но среди идейных противников большевиков находились и те, кто, не принимая революции, понимал значение ее масштаба, например как Ф. А. Степун: «Большевизм – “это русские мозги набекрень” ...и “исповедь горячего сердца вверх пятами”; это исконное русское “ничего не хочу и ничего не желаю”, это дикое “улюлюканье” наших борзятников, но и культурнический нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискание героев Достоевского. Было ясно, что большевизм – одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма»*.

Зинаида Гиппиус 7 ноября (вторник) 1917 г. писала: «Да, черная. Черная тяжесть. Обезумевшие диктаторы Троцкий и Ленин сказали, что если они даже двое останутся, то и вдвоем, опираясь на массы, отлично справятся. Фронт без единого вождя... Казакам только до себя. Сидят на Дону и о России помышляют... Что это, уж не тот ли свет?»**

Октябрьская революция вызвала страх и неприятие не только у идейных противников большевизма, но у большей части интеллигенции – даже той, которая в будущем пополнит его ряды. Вот что писал в одном из своих писем М. Волошину в ноябре 1917 г. Илья Эренбург: «Москва покалеченная, замученная, пустая. Большевики неистовствуют. Я усиленно помышляю о загранице, как только будет возможность – уеду. Делаю это, чтобы спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить. ...Вчера стоял в хвосте, выборы в Учредительное собрание... Проехал патриарх, кропил святой водой. Все сняли шапки. Навстречу ему шла рота солдат и орали “Интернационал”. Где это? Или действительно в аду?»***

Среди российской интеллигенции мало нашлось тех, кого надвигающаяся революция не испугала масштабом исторических перемен и кто мог бы сказать, как А. Блок («содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия»****) или как В. Маяковский: «Моя революция».

---

* Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Соч. М., 2000. С. 205.

** Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 419.

*** Эренбург И. Дай оглянуться. Письма 1908–1930. М., 2004. С. 88.

**** Блок А. А. Письма // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 504.

Революция с беспощадностью показала, что одно дело любить мужика как образ собственных литературных сочинений, другое дело — уважать в нем право на проявление себя как равноправного гражданина, стремящегося высвободить этот мир от всех форм угнетения, творить его себе на вырост, чтобы жить в нем, выражаясь словами Луначарского, «выпрямленным» человеком.

Обыватель и творчество масс: теология отторжения

«Живое творчество масс». Смысл этого ленинского понятия окончательно был утоплен в ритуальном цитировании еще в 1970–1980-е гг., превратив его в конечном итоге в казенный штамп идеологической схоластики.

Следует отметить, что вообще это понятие с трудом и болезненно прививалось на почве интеллигентского сознания (не только отечественного), начиная с момента зарождения самой практики социального творчества. Для одних оно было непонятно, для других — идейно неприемлемо, для третьих — просто чуждо. Это понятие остается закрытым для большинства идейных течений и сегодня, в том числе для риторических «марксистов», лишенных диалектического взгляда на действительность и потому не видящих всех сложностей становления ростков этого «живого творчества». Про таких марксистов Ленин писал: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики»*.

В свое время (летом 1919 г.) Ленин критически указал на эту проблему лично Горькому: «Как и в Ваших разговорах, в Вашем письме — сумма больных впечатлений, доводящих Вас до больных выводов... выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват — в нужде, нищете и болезнях осажденного города!! ...И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением работы политического строительства, а особой профессией, которая

---

* Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 378.

Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, в лучшем — в редкостно наилучшем случае — растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старые предрассудки, запуганной и запугивающей себя.

Если наблюдать, надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни... Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее свержение. Естественно. За первую Советскую республику — первые удары отовсюду. Естественно. Тут надо жить либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по-новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, нет бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте). Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового»*.

Сегодня содержание понятия «живое творчество масс» также остается закрытым, но чаще всего — просто неприемлемым, и причин для этого несколько.

Во-первых, мировоззрение российского индивида сегодня покоится, как правило, на теистическом признании господствующих отношений, которые он воспринимает в качестве неких трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. Набор этих трансценденций может быть самым разнообразным: «естественность» частной собственности; религия как субстанция нравственности; рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений; государство как социальный patron; «русская идея» как знак особой национальной интеграции; Сталин как символ сильного государства; «права человека» как внеисторический абсолют и многое другое.

Несмотря на все различия, они имеют то общее, что определяет их как разные модификации одного типа теизма — постмодернистского, отрицающего идею субъектного бытия человека. Постмодернизм, возникнув на основе некритического («зряшного») отрицания отчужденных форм бытия, в итоге сам стал философским обоснованием, но теперь уже отчуждения как тотального «конструкта». Так, неснятость конкретных

* А. М. Горькому. 31 июля 1919 г. // Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 24–26.

противоречий бытия (в той исторической реальности — советской системы) привела к утверждению отчуждения, но уже как тотальности. Из этого проистекает и абсолютное равнодушие постмодернизма к идее человека вообще, а в качестве субъекта — тем более.

Во-вторых, понятие «живое творчество масс» для современного сознания находится за пределами восприятия, и это обстоятельство обусловлено тем, что современный российский индивид, находясь во власти превратных форм общественной реальности, сам становится их продуктом. Анализ тех социально-экономических отношений, которые порождают превратные формы бытия современного индивида и генерируют постмодернистскую методологию, уже проделан в статье «Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма»*, и потому мы можем использовать некоторые из сделанных ее автором выводов, базирующихся на предшествующих разработках природы современного глобального капитала**:

— информационные технологии, переносящие большую часть общественной практики в мир виртуальных знаков, распространяющие на все сферы жизни сетевые принципы организации, превращающие человека в продолжение компьютера и заменяющие личность на ее информационное обозначение;

— новый тип рынка — тотальное, порождающее «рыночный фундаментализм» подчинение человека и его бытия превращенным формам труда и его результатов;

— новый тип капитала, господствующей формой которого становится не просто фиктивный, но виртуальный финансовый рынок, а основным институтом — транснациональная корпорация, превращающаяся в своего рода «матрицу», рабом которой становится каждый ее член;

— пандемия насилия; вытеснение демократии и идеологического плюрализма политико-идейным и массмедийным манипулированием; трансформация культуры в ее рыночную ими-

---

* См.: Бузгалин А. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала. М., 2009. С. 212–258.

** Приводимые ниже тезисы раскрыты в книге: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004.

тацию*; подмена свободного времени временем досуга; превращение массмедийных структур в тотально-рыночные**.

И как результирующая всего этого — приоритетное развитие «превратного сектора» — сектора фиктивных благ, которые «принято считать» как бы полезными и которые действительно полезны только для воспроизводства фиктивных благ***.

В-третьих, индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества, которое все активнее вытесняется технологиями функционирования индивида, причем как в производственной сфере, так и в сфере досуга. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, они, как правило, сегодня оказываются во власти превратных форм. В любом случае современный индивид связывает свое творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым. А вот превратные формы действительности он воспринимает уже как нечто неизменное, от него не зависящее, но тем не менее властвующее над ним, и потому расцениваются им как некая трансценденция.

В-четвертых, понятие «живое творчество масс», несущее в себе методологию ленинского понимания сущности вещей, не принимается обывателем, особенно «просвещенным», еще и потому, что предполагает:

— разворот на реальную действительность, а не на пустопорожние трансценденции;

— вводит в качестве этического императива принцип деятельностного бытия;

— исключает принцип игры со словом — слово должно быть делом;

---

* Ж. Деррида в связи с этим отмечает: «...трудно не заметить, что три места, три формы и три способности культуры, которые мы только что обозначили (политически маркированный курс "политического класса", медийный дискурс и дискурс интеллектуальный, научный или академический), спаяны воедино — невиданным прежде образом — общими для всех них механизмами, также неразрывно связанными между собой. ...Эти механизмы взаимодействуют и соперничают друг с другом, постоянно стремясь к точке наибольшей силы, чтобы обеспечить гегемонию или империализм» (Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006. С. 82).

** См.: об этом Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. L.; N. Y. P. 276–277.

*** См.: Бузгалин А. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма. С. 212–258.

— вводит критерий общественной значимости личных интересов через соотнесение их с другими;

— вменяет принцип организационной дисциплины (а это уже самое недопустимое для интеллигента).

По поводу последнего Ленин еще в 1904 г. писал следующее: «Интеллигентскому индивидуализму... всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом»*. И действительно, просвещенным интеллигентом такой подход воспринимается не иначе как диктатура должного, необходимость считаться с которой в советские времена реально стала едва ли не главной причиной его антагонизма ко всему тому, что он называл «советской системой».

В любом случае современный обыватель эпохи глобализации, так же как и человек Средневековья, даже не допускает мысли о возможности для себя быть тем, кто хоть в какой-то степени определяет лицо существующей действительности. В результате он для себя выбирает лишь путь приспособления к существующим условиям жизни.

Как писал Ленин в работе «К оценке русской революции» (1908 г.), «...мещанство трусливо приспосабливается к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого...»**. Но приспособиться к современной реальности, не утратив своей человеческой природы и своей личностной целостности, сегодня невозможно.

Если в условиях капиталистического индустриального производства человек был обречен на то, чтобы быть функцией (придатком) машины, то современные технологии поглощают индивида целиком и без остатка, превращая его в своего рода «постиндустриальный автомат», предназначенный для производства различных форм отчуждения в рамках таких мегасистем, как массмедийная индустрия, индустрия массовой культуры, сфера производства предметов и услуг симулятивного потребления, и т. д. В результате современный индивид оказывается в положении, когда, с одной стороны, формы его порабощения (отчуждения), причем им же производимые, стали более тотальными, более разнообразными и

* Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (1904) // Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 344.

** Ленин В. И. К оценке русской революции // Там же. Т. 17. С. 38.

утонченными, а с другой — его «родовая» сила ослаблена как никогда.

И причина здесь прежде всего в его отчуждении от того всеобщего, которое связывает его с родовой сущностью. Эта «родовая» неприкаянность современного человека заставляет его хотя бы на индивидуальном уровне искать утраченную связь со всеобщим. Но попытка решить эту проблему, не затрагивая самой основы господствующей системы отчуждения, заставляет его либо укреплять основы своего «экзистенциального эгоцентризма» (Фромм), либо искать опору в тех или иных трансценденциях.

Когда-то Шиллер писал: «Вечно прикованный к отдельному малому обрывку целого, человек сам становится обрывком. ...Постепенно уничтожается отдельная конкретная жизнь ради того, чтобы абстракция целого могла поддержать свое скудное существование...»*

Сегодня индивид обречен на существование либо в качестве глобализирующегося остатка целого или симулятивного целого, либо в качестве необратимой частности; в любом случае — в форме той «огрызочной» абстракции, которая как раз и служит основой «культурной» мутации современного индивида. Экспансия феномена уродливости в современной культуре как раз и есть доказательство мутации индивида, вызванной его отчуждением от своей родовой сущности.

Одним словом, понятие «живое творчество масс» для господствующих форм общественного сознания сегодня оказывается вне «зоны доступности», равно как когда-то гелиоцентрическая система Коперника для его современников. Не случайно работы Коперника декретом инквизиции были запрещены с 1616 по 1828 г., а идеи и практики Ленина, равно как и его фигура на протяжении последних десятилетий, продолжают оставаться мишенью негативной мифологизации.

Государство как предмет творчества масс

Октябрь 1917 г. как проявление закона больших чисел породил особый тип исторического движения масс. Ленин писал:

---

* Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.; Л., 1935. С. 213–214.

«...политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика...»* Особенность этого пробуждения масс заключалась в том, что впервые в истории России «светофоры» общественного порядка устанавливали те, кому еще незадолго до этого была уготовлена участь либо быть «пушечным мясом» на фронтах Первой мировой войны, либо крестьянским или фабричным рабом в тылу. Впервые в истории России вопросом общественного обустройства действительности начали заниматься массы, революционные массы. Характер этого обустройства был разным, но в практике начавшихся социальных преобразований сразу заявила себя тенденция социального творчества, понимаемого как творчество общественных отношений по поводу решения жизненно важных проблем (строительство железнодорожной узкоколейки, налаживание работы школы, организация работ по уборке снега, создание театральной студии, формирование дружин для спасения бездомных детей и т. д.).

Понятно, что революционные массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно — в меру собственных представлений и сил; одним словом, на основе всего того «культурного богатства», которое ими было приобретено еще до революции. Эту сторону дела Ленин понимал очень хорошо, равно как и то, что именно это же социальное творчество стало той формой общественной практики, которая, выявляя всю меру культурной недостаточности масс, одновременно становилась формой ее преодоления.

Тем не менее масштаб исторических преобразований был настолько всеохватывающим, что этого не могли не признать даже идейные оппоненты большевизма. Вот, например, что по этому поводу писал Ф. А. Степун: «Находясь в постоянной и активной оппозиции к товарищам-революционерам, я все же не переставал удивляться той жертвенной энергии, с которой они боролись за будущую Россию, в которую они как эмигрировали еще до революции»**.

---

* Политический отчет Центрального комитета 7 марта [Седьмой экстренный съезд РКП(б). 6–8 марта 1918 г.] // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 16–17.

** Степун Ф. А. Нация и национализм // Степун Ф. А. Соч. М., 2000. С. 940.

Происходящие в 1920-е гг. революционные изменения задали тот ход общественного развития, который был связан с попыткой освобождения действительных отношений от всех форм отчуждения, порожденных не только прежним режимом, но уже и новой советской действительностью. Именно деятельностное преодоление отчуждения (разотчуждение)* как раз и составляло содержание социального творчества. И это важнейшая характеристика социального творчества.

Надо отметить, что большевики сумели ухватить в качестве главной проблему отчуждения и его преодоления, ибо в этом — ключ качественных общественных перемен. Надо признать, что тогда никто, кроме большевиков, не связал проблему отчуждения с историческим творчеством революционных масс.

Похожая ситуация наблюдается и сегодня. Кто сегодня, кроме критических марксистов (о теологическом марксизме речь не идет), ставит проблему действительного преодоления отчуждения как важнейшую проблему современности? Либералы? Сталинисты? Или, быть может, православные патриоты?

Вот, например, что по поводу отчуждения пишет А. Дугин: «"Отчуждение" не просто присуще всему творению, но составляет его основное качество»**. И далее: «...чтобы в наше сложное апокалиптическое время и в наших специфических социальных и психологических условиях пробиться к вечной незамутненной обожающей Истине Православия, необходимо прежде всего научиться отслаивать от традиции продукты отчуждения, не придавая им серьезного значения, не сопротивляясь им, но и не поддаваясь им»***. Это не просто отсутствие критического отношения к отчуждению. Это подспудное узаконение этого феномена. Впрочем, было бы удивительно, если бы с позиции идеализма был предложен иной подход. Кстати, следует заметить, что не только идеализм составляет глубокую

* Введя в свой оборот понятие «разотчуждение», автор пытался раскрыть его содержание в целом ряде работ. См.: Булавка Л. Феномен советской культуры. М., 2008; она же. Социалистический реализм. М., 2007; она же. Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм. М., 2001 и др.

** Дугин А. Метафизика благой вести // Абсолютная родина. М., 1999. С. 413.

*** Там же. С. 415.

общность между современным либерализмом, сталинизмом и православным патриотизмом*.

Кроме того, сегодня наряду с критическими интенциями, причем идущими с самых разных позиций, все более заметной становится попытка философского обоснования и, более того, теоретического узаконения отчуждения как неизменного и абсолютного атрибута общественной реальности. И как следствие этого — отторжение идеи снятия отчуждения**.

Если же говорить о самом социальном творчестве, то следует отметить, что оно не было гомогенным: внутри него различались разные общественные тенденции, нередко вступающие в противоречия друг с другом. Это было обусловлено и тем, что социальное творчество осуществлялось в условиях жесткой революционной борьбы нового со старым, в процессе которой как раз и происходило становление субъектности революционного индивида. Соответственно мера этого становления определяла и то, в какой степени это социальное творчество было свободно (или несвободно) от бюрократизма и патриархальности. Понятно, что борьба большевиков шла за становление того, что Ленин называл «живым творчеством масс».

«Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности, — подчеркивал он в одном из своих интервью. — ...Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»***.

---

* Проблему общности современного либерализма и сталинизма автор специально поднимал в одной из своих статей. См.: Булавка Л. Оптика сталинизма — эффект ослепления // Политический класс. 2009. № 12. С. 55–65.

** Вот что по этому поводу пишет Владислав Яцкевич: «Кроме этого, в рамках марксизма была сформулирована проблема "преодоления отчуждения". На наш взгляд, это надуманная проблема. Она алогична, утопична, нелепа и абсурдна, поскольку труд производит отчуждение, и он же его преодолевает» (см.: Яцкевич Вл. Отчуждение как необходимый момент общественных отношений // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/j/jackewich_w_w/otchuzhdenie.shtml). Между тем хорошо известно, что марксистская философия предполагает различение опредмечивания как атрибута всякой трудовой деятельности и овещнения как черты отчужденного труда.

*** Ответ на вопрос левых эсеров [Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.] // Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 57.

Или, как сказал один из героев А. Платонова: «Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений»*.

Согласно определениям А. Бузгалина и А. Колганова**, «сущность социального творчества — это есть созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т. п.), и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека». Контуры этих отношений когда-то Р. Оуэн представлял как общество «без священников, юристов, солдат, покупателей и торговцев».

Социальное творчество стало тем действительно новым общественным отношением, благодаря которому у масс появилась возможность не приспосабливаться к существующему положению вещей, а самим формировать содержание социальных отношений в экономике, в социальной сфере, т. е. самим определять большую политику — то, что Ленин называл «управлять государством». Но будучи качественно новым отношением, оно тем не менее не повисало в воздухе абстракцией, ибо вырастало из противоречий действительности. Ленин постоянно подчеркивал эту диалектическую связь.

«Если действительно все участвуют в управлении государством, — писал он в своей фундаментальной работе "Государство и революция", — тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает предпосылки для того, чтобы действительно "все" могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем "обучение и дисциплинирование" миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.»***

---

* Платонов А. Усомнившийся Макар // Платонов А. Впрок. Проза. М., 1990. С. 635.

** Именно это содержание автор как раз и рассматривает как исходное в своих исследованиях данной проблемы. См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Ч. 4. С. 458.

*** Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 100.

Таким образом, Ленин связывает социальное творчество революционных масс с содержанием такого понятия, как «управление государством», и эта идея является красной нитью всех его трех теорий: революции, государства и культуры.

Итак, социальное творчество становится первым видом творчества, объектом которого являются новые общественные отношения, а предметом — не что иное, как социальный институт (государство).

Все это тогда (впрочем, как и сейчас) казалось немыслимым делом: всегда государство являлось тем надличностным субъектом, по отношению к которому любой индивид всегда выступал только в качестве объекта. Да и сегодня разве это не так? И вдруг эта социальная махина, от которой так жестко зависит жизнь любого человека, становится (1) предметом, да еще и (2) творчества, да еще и (3) революционных низов.

Более того, революционные массы впервые в отечественной истории рассматриваются еще и в качестве критерия для определения силы государства. Ленин прямо говорит об этом: «Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»*.

Вот это действительно революционно, причем настолько, что против этого объединятся в один оппонирующий ряд и либералы, и сталинисты, и православные патриоты, и постмодернисты. Что же говорить о той волне протеста против этого ленинского подхода, которая возникла тогда — в 1920-е гг.! И все же среди интеллигенции находились те, кто понимал масштаб и необходимость этих исторических перемен**.

---

* Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.] // Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 21.

** В этом отношении представляет большой интерес позиция А. Ф. Кони, доктора права, бывшего сенатора, известного по делу В. Засулич, сразу перешедшего на сторону советской власти и работавшего с коммунистическим

Итак, включение революционных масс в управление государством стало первой составляющей социального творчества.

Социальное творчество: включение масс в культуру

Другая важная составляющая социального творчества — это ее взаимосвязь с понятием «культура». Об актуальности этой составляющей говорит хотя бы то обстоятельство, что накануне октября 1917 г. этот вопрос был предметом острейших дискуссий и чаще всего в такой постановке: допустима ли в принципе социалистическая революция, учитывая низкий общеобразовательный и культурный уровень развития угнетенных масс, являющийся следствием их реального положения в обществе?

А вот чтобы понять, каковым было социальное и культурное положение рабочих и крестьян Российской империи, которой так гордятся современные монархисты, не обязательно изучать справочники российского земства (хотя это тоже не помешает), можно вспомнить, например, А. П. Чехова: «Взглянешь на фабрику где-нибудь в захолустье. И тихо, и смирно, но если взглянуть вовнутрь, какое непроходимое невежество хозяев, тупой эгоизм, какое безнадежное состояние рабочих, дрязги, водка, вши»*. И далее продолжал: «Фабрика. 1000 рабочих. Ночь. Сторож бьет в доску. Масса труда. Масса страданий —

энтузиазмом в деле просвещения революционного студенчества, и не только. За период 1917—1920 гг. профессор А. Ф. Кони прочел около тысячи публичных лекций в различных петербургских учебных заведениях. Как-то в своем разговоре с А. В. Луначарским по поводу свершаемых исторических перемен он сказал следующее: «Ваши цели колоссальны, ваши идеи кажутся настолько широкими, что мне — большому оппортунисту, который всегда соразмерял шаги соответственно духу медлительной эпохи, в которую я жил, — все это кажется гигантским, рискованным, головокружительным. Но если власть будет прочной, если она будет полна понимания к народным нуждам... что же, я верил и верю в Россию, я верил и верю в гиганта, который был отравлен, опоен, обобран и спал. Я всегда предвидел, что, когда народ возьмет власть в свои руки, это будет в совсем неожиданных формах, совсем не так, как думали мы — прокуроры и адвокаты народа. И так оно и вышло». Цит. по: Луначарский А. В. Три встречи // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 301.

* Публикации. Из архива А. П. Чехова. М., 1960. С. 49.

и все это для ничтожества, владеющего фабрикой (курсив мой. — *Л. Б.*)»*.

Приведем и некоторые данные, например: в 1907 г. из государственного казначейства России были отпущены следующие средства:

— на все народное образование** — 101,43 млн рублей;
— на содержание церковного аппарата — 34,8 млн рублей;
— на содержание царской семьи — 17 млн рублей;
— на расходы по подготовке войны — 442 млн рублей***.

Положение с состоянием образования и культуры широких масс в России было настолько тяжелым, что Ленин отмечал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России... Этому отуплению народа помещичьею властью соответствует безграмотность в России... в России грамотных всего 21 % населения, а за вычетом (из населения) детей дошкольного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27 %»****.

Но вопрос культуры не сводим только к вопросу образования. Здесь чрезвычайно важно социально-культурное качество самих людей, а оно было изуродовано вековой эксплуатацией, войнами, тяжелым трудом, отсутствием смысла достойной жизни. Поэтому, когда Ленин говорил о культуре, он имел в виду в первую очередь проблему человека и его развития.

Так что, казалось бы, уже само положение угнетенных масс предреволюционной России, не отвечающее требованиям даже европейского культурного минимума, давало однозначно отрицательный ответ по поводу состоятельности социалистической революции. Действительно, за этим вопросом стояло доста-

---

* Публикации. Из архива А. П. Чехова. С. 50.

** В 1914 г. в России (180 млн) насчитывалось 101 917 начальных, 1654 неполных средних и 1953 средних школы. В итоге около четырех пятых детей и подростков до революции было лишено образования. См.: Народное хозяйство в цифрах: Статистический справочник. М., 1925. С. 50 // История крестьянства СССР. М., 1986. С. 190.

*** Грекулов Е. Ф. Православная церковь — враг просвещения. М., 1962. С. 8.

**** Ленин В. И. К вопросу о политике Министерства народного просвещения (Дополнения к вопросу о народном просвещении) // Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 127.

точно серьезное противоречие российской реальности накануне 1917 г.: революция не может развиваться на базе низкого общекультурного уровня, а культура, в свою очередь, не может развиваться вне связи ее с революционными общественными изменениями.

Характерный для интеллигентских кругов ход суждений по поводу разрешения данного противоречия, как правило, выстраивался в известную цепочку, тянущуюся еще из народничества: сначала подъем культурного уровня — потом революция.

Сложность этого противоречия большевистские идеологи понимали очень хорошо. Это многократно подчеркивал и В. И. Ленин: «При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма»*.

Еще до революции Ленин вел самые жесткие дискуссии по поводу известного противоречия между объективной необходимостью включения пролетариата в процесс социалистических преобразований и его низким уровнем культуры. Этот оппонирующий ленинской позиции фронт был представлен достаточно известными именами. Вот лишь некоторые из них: В. Г. Архангельский** А. С. Мартынов***, А. Н. Потресов****, Н. Суханов***** и др. Но особое место в этом ряду занимал А. Богданов******, считавший, что, пока рабочий класс не создаст своей пролетарской культуры, он не может и не должен браться за дело социалистического преобразования общества. В противном случае — революция несвоевременна.

Но законы революции игнорируют хронотоп своевременности, врываясь без экзаменов на культурный минимум; более

---

* См.: Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября. 1921 год // Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 168—169. Подобные оценки можно найти и в других его работах. См.: Там же. Т. 9. С. 155—156; т. 11. С. 180—181; т. 38. С. 165—166.

** См.: Архангельский В. Г. Культурная отсталость — источник нашего поражения // Культура и свобода. Пг., 1918.

*** См.: Мартынов А. С. Две диктатуры. Женева, 1905.

**** См.: Потресов А. Рабочее движение и культура // Культура и свобода. Пг., 1918.

***** См.: Суханов Н. Записки о революции. Кн. 3. Берлин; Пг.; М., 1922.

****** См.: Богданов А. О пролетарской культуре. 1904—1924. М., 1924.

того, революции сами экзаменуют и общество, и индивида, и культуру своими противоречиями и вызовами.

Ленинский ответ на вызов истории

И большевики этот вызов приняли. В отличие от большинства интеллигенции они не испугались дать исторический «ход» известному противоречию между низким уровнем культуры революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта в процессы социалистического преобразования реальности. Тем самым феномен социального творчества с самого своего зарождения оказался сугубо противоречив. Однако он был реален.

Главной предпосылкой решения этого противоречия Ленин считал установление политической власти трудящихся: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»*

Но после завоевания политической власти перед большевиками встала острая необходимость действительного разрешения данного противоречия. Это диктовалось не только задачей вовлечения широких масс в управление государством, от чего зависела прочность политической власти большевиков, но и задачей решения вопроса образования и культуры применительно к трудящимся, без чего невозможно было это управление.

Здесь важно подчеркнуть, что задачу вовлечения в управление государством Ленин связывал не с какой-то узкой группой (профессионалов, партийных соратников или культурной «элитой», как это принято сегодня), а именно с широкими слоями масс. Эту мысль Ленин акцентировал постоянно: «...для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не

---

* Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова). С. 381.

может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций»*.

Учитывая все это, можно сказать, что уже сам замах на решение этого противоречия востребовал диалектику в масштабе гениальности. Революция вообще не терпит серединного, мелкого (интересов, мировоззрения, подходов), за что ее так и ненавидит мелочный обыватель, особенно «просвещенный». Кстати, Ленин как раз и оказался тем, кто был органичен имманентным законам революции, и в том числе ее запросу на гениальность.

Если же говорить о политической ситуации, которая сложилась в среде образовательных структур, то она была чрезвычайно тяжелой: 26 октября 1917 г. на общем собрании членов Академии союза Петрограда был принят «Протест Академии союза» с призывом не поддерживать советскую власть**; в этот же период возникают как активные, так и пассивные формы политического саботажа целого корпуса учителей и служащих системы образования, в результате чего, несмотря на все попытки Наркомпроса предотвратить эту ситуацию, тем не менее был сорван целый учебный год (октябрь 1917 — весна 1918 г.). Кроме того, большевики столкнулись с проблемой отсутствия массовой базы квалифицированных кадров для обучения населения. Но это — одна сторона дела.

Другая была связана с тем, что в этот период началось круговое развертывание международной интервенции против большевиков, нарастание тяжелейшей внутренней политической борьбы (например, восстание эсеров в июле 1918 г.), активное неприятие Октябрьской революции широким кругом интеллигенции, в том числе художественной. В январе 1918 г. З. Гиппиус писала: «...сейчас у нас (всех) только одна, узкая, самая узкая цель! Свалить власть большевиков. Другой и не

---

* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 53.

** См.: Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции. 1917—1927 годы. М., 1980. С. 23.

должно быть... Все равно чем, все равно как, все равно чьими руками...»*

И тем не менее понимание трагической сложности этой ситуации не помешало большевикам удержать на первом революционном этапе ту историческую перспективу развития, на которую революцией был взять курс и с которым они пытались соотносить принимаемые политические решения. Кстати, принцип этого соотнесения был действительно общественным отношением, действующим причем не только наверху, но и внизу, войдя в обиход известным выражением «Ну что это по сравнению с мировой революцией!». И именно из этого соотнесения нередко возникала критика уже самой практики воплощения социалистических замыслов, ее превратных форм.

Поэтому идеологи большевизма понимали, что, во-первых, неразрешенность рассматриваемого здесь противоречия гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно появляются при его разрешении. Во-вторых, непосредственное включение революционных масс в социальные преобразования, т. е. в решение конкретных социально-экономических проблем, становилось — что очень важно — материальной предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, что составляет сущностную характеристику социального творчества.

Это действительно так. В условиях полной социально-экономической разрухи страны, вызванной Первой мировой войной, экономическим и политическим кризисом, жесткая необходимость решения жизненно важных проблем требовала от революционного индивида культуры в широком смысле слова: понимания социально-политического контекста; творческой организационной смекалки, управленческих способностей и навыков; знания существа решаемого вопроса; умения вступать в диалог с представителями разных социальных групп и многое другое.

Кроме того, потребность в культуре диктовалась сложностью самого социального творчества как особого вида деятельности. Оно ставило его субъекта нередко в ситуацию, когда ему надо было решить незнакомую проблему с представителями других социальных групп и классов в условиях острой политической, а нередко и военной конфронтации — при этом так, чтобы данное

---

* Гиппиус З. Черные тетради (1917—1919). С. 430—431.

решение отвечало внутренней логике революционного мегапроцесса.

Можно сказать, потребность в культуре у революционного индивида могла возникнуть лишь из двух предпосылок: во-первых, из материальной деятельности по поводу обустройства новой жизни и попыток сохранения тех завоеваний, которые пришлось ему защищать в тяжелой борьбе; во-вторых, из насущной потребности индивида глубинно понять, в чем состоят его реальные интересы и перспективы.

Ленин писал: «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение...»*

Социальное творчество как созидание новых общественных отношений

Социальное творчество предполагает деятельность, связанную с созданием новых общественных отношений и в материальной, и в идеальной сферах — отношений, складывающихся по поводу не только практического решения конкретных социальных проблем, но и тех или иных форм осмысления этой практики (смыслов, целей, методов), формируя то, что Ленин называл «сознательностью масс». Эта сознательность масс (индивида), по сути, и есть *идеальное социального творчества*, без которого оно выхолащивается, превращается в голый активизм, способствующий генерированию и расширенному воспроизводству бюрократизма.

Рассмотрим это подробнее. Дело в том, что любой метод решения той или иной социальной проблемы так или иначе предполагает и определенный тип общественных отношений. Например, такая *работа*, как уборка дров, может решаться на основе самых разных форм отчуждения: капиталистического найма, внеэкономического принуждения и т. д. И для каждого из этих случаев решения данной конкретной задачи (уборки дров)

---

* Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 23 августа 1918 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 77.

характерны и свои общественные отношения, которые в целом определяются господствующей социально-экономической системой.

Но есть и иная социальная — лежащая «по ту сторону» социального отчуждения форма решения данной проблемы — самодеятельность человека как родового существа (Маркс), добровольный «великий почин», «живое творчество масс» (Ленин), «историческое творчество» (Н. С. Злобин), «ассоциированное социальное творчество» (А. В. Бузгалин).

Этот вид творчества как раз и несет в себе логику снятия разных форм отчужденного отношения (принуждения) к труду (найма, внеэкономического принуждения). Как писал Ленин, «...капитализм оставил в наследство нам трудящегося в состоянии полной забитости, полной темноты, не понимающего, что можно работать не только из-под палки капитала, а под руководством организованного рабочего»*.

Результатом диалектического преодоления этого принуждения является рождение качественно нового отношения к труду, выражающегося через такие его формы, как энтузиазм, самоорганизация, самоуправление, солидарность, товарищество.

Если подневольный труд отчуждает от человека его «родовую» жизнь, то социальное творчество становится важнейшей предпосылкой ее *обретения*. И если отчужденный труд есть лишь средство для поддержания собственной жизни, а не рода (К. Маркс), то в практике социальных преобразований 1920-х гг. чаще происходило обратное — революционный индивид нередко ценой собственной жизни завоевывал перспективу для развития человеческого рода.

В связи с этим следует подчеркнуть еще одну особенность социального творчества: в процессе этого вида деятельности происходит обретение диалектического единства личных и общественных интересов его субъекта, о которой советский философ-марксист Н. С. Злобин писал: «Осознание индивидуумом общественного смысла своего собственного дела и принятие на себя ответственности за выполнение этого дела превращает для него общественный интерес в непосредственно личностный интерес. Но это значит, что в своем деле он не

---

* Ленин В. И. Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне. 12 июня 1920 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 147.

только выполняет социальную роль, общественную функцию, но и реализует свои внутренние индивидуальные качества, свою личность. А это и есть акт творческого самовыражения, который, будучи направлен на социально значимые цели, становится творчеством истории»*.

Сам же революционный индивид в этом процессе является и предпосылкой, и субъектом, и результатом этого снятия, что обусловливает его критический взгляд на содержание собственной деятельности (ее смыслов, целей, методов). Это критическое самосознание здесь выступает как некое идеальное социального творчества.

В свою очередь, социальное творчество выступает материалистической основой появления и развития критического самосознания, которое силой субъектного бытия индивида наделяется созидательным посылом (энтузиазмом), ориентированным на действительное преодоление тех или иных форм отчуждения.

Поэтому вопрос внутренней целостности социального творчества есть вопрос обеспечения диалектического единства двух типов деятельности: (1) творческого акта, связанного с решением социальных проблем, и (2) творчества особого типа общественного отношения — идеального социального творчества.

И только при условии единства материальной и идеальной сторон социальное творчество становится сферой развития индивида как родового существа.

Творчество масс: differentia specifica

Как таковое социальное творчество предполагает необходимость постоянного соотнесения деятельности индивида (конкретного) со сверхзадачей революции (всеобщим), суть которой — в созидании нового мира на основе высвобождения действительности от власти конкретных форм порабощения человека.

---

* Злобин Н. С. Социалистическая культура и организация самодеятельности трудящихся // Ленинские принципы культурного строительства и современность. М., 1978. С. 86—87. Кроме того, см.: Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980.

Это значит, что субъект социального творчества должен любое свое действие (решение или поступок) всякий раз соотносить с логикой общественного развития (сверхзадачей «мировой революции» — социального разотчуждения) как с неким всеобщим началом, но не как с идеальной установкой, утопией, а как с материальной общественной закономерностью исторического прогресса. Последнее, в свою очередь, заставляет социально-творческого индивида всякий раз во всяком своем действии осмысливать, идеализировать свои практики, осознавая и опережающе отражая их конкретно-исторические смыслы в соответствии со спецификой конкретного исторического контекста.

Это достаточно важный момент: данное обстоятельство формирует у революционного индивида конкретно-историческую оптику и конкретно-исторический подход в решении самых разных вопросов. А ведь любой абстрактный подход — это всегда прямой путь в теологию, в данном случае — в теологию революции. Путь к ее вырождению.

Итак, еще одна особенность социального творчества — конкретно-всеобщий его характер, что, в свою очередь, требует от индивида конкретно-исторического подхода.

Кстати, необходимость соотнесения каждого акта деятельности с идеей революционного развития продиктована еще и тем, что социальное творчество характеризуется хронотопом переходности, что является важной его характеристикой.

Дело в том, что хронотоп переходности определял критерий состоятельности социального творчества — в той мере, в какой возникающие на его основе новые общественные отношения являются переходом из «царства необходимости в царство свободы», в той мере данный акт социального творчества можно считать состоявшимся. Понятно, что качество такого перехода в значительной степени определялось в том числе и мерой включения субъекта социального творчества в культуру. Включение же индивида в культуру в действительности оказывалось для него достаточно сложным делом: например, надо было определить для себя принципы навигации в этом мире культуры; разобраться, что из нее брать и самое главное — как это можно взять (при низком уровне образования данного субъекта это серьезная проблема); понять, как применить взятый культурный багаж, чтобы решение данной социальной проблемы было более эффективным, и многое другое.

Но в любом случае социальное творчество формировало у революционного индивида новую и особую потребность в культуре, которая становилась для него необходимой не для нарциссического самовыражения и не для мистической самоизоляции. Здесь не было отношения к культуре как музею ценных, но мертвых вещей; равно как и вульгарного утилитаризма, продиктованного узкоинтеллигентским интересом использовать ее как сферу сакральных знаний и ценностей для укрепления своей профессиональной монополии. Для него культура становилась тем, что помогало отстаивать те жизненно важные завоевания, которые он добыл в тяжелой и опасной для жизни борьбе — классовой борьбе. Кроме того, культура для него обретала и много других смыслов: она становилась и инструментом обустройства нового мира, и результатом прорыва в него, и идеальным этого нового мира, свободного от господствующей власти отчуждения. И самое главное — она становилась сферой подлинно человеческих отношений, построенных не на принципах купли-продажи и не на иерархической подчиненности бюрократических структур, а на основе творческого товарищеского сотрудничества.

Можно смело сказать, что социальное творчество открывало для своего субъекта новые смыслы культуры. В свою очередь, обращение индивида к культуре экзаменовало уже и самого революционного субъекта, замеряя его уровень культуры, принципиальность позиции, масштаб мировоззренческого обзора, меру творческого потенциала, чуткость к диалектическим поворотам, предслышание конечного результата и многое другое.

Одним словом, социальное творчество задавало такой принцип включения его в культуру, который, замыкаясь на процессы решения конкретных социальных задач, произрастал в нем культурой нового общественного бытия.

По-марксистски тонко подметив это, Ленин в действительности выдвигает идею соотнесения критерия культурной состоятельности идей с онтологическим принципом индивида, что составляет одно из важнейших положений его теории культуры: «Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки»*.

---

* Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 390.

Другими словами, состоятельность идей как таковых в социальном творчестве определяется тем, в какой мере они сняты в культуре личностного бытия индивида.

Вообще надо сказать, что социальное творчество для революционного индивида является субстанцией нового общественного бытия. Дело в том, что социальное творчество, решая задачи, связанные с определением самих основ общественного бытия, именно в силу этого как раз и становится предпосылкой рождения новой онтологии.

Вообще практика социального творчества показала одну закономерность: чем шире поле задач, тем более актуальной для его субъекта становится культура. Другими словами, актуальность культуры определяется мерой включенности индивида в социальное творчество. Наряду с этим следует отметить еще и ту жизнеутверждающую силу социального творчества, которая рождалась из ежедневного и мощного по напряжению труда революционных масс, что признавали даже идейные оппоненты большевиков.

Субъект социального творчества — массы?

Ленинская теория культурной революции в сущности своей была архидерзкой, причем не только для эпохи 1920-х гг.; сегодняшний ее вызов имеет характер уже глобальной дерзости. С точки зрения господствующих в начале XX в. форм понимания и культуры, и политики Ленин выдвигает две перпендикулярные для того (равно как и для нашего) времени идеи: во-первых, это идея прямого выведения идеи общественного бытия культуры на жизнедеятельность социума, а во-вторых, прямое включение революционных масс в управление государством.

Данный подход выдвинул на арену исторического действия нового субъекта — революционные массы, хотя, надо сказать, наряду с этим существовали и другие формы субъектности (например, коллективный — партия, ассоциированный индивид — Маяковский). Конечно, нельзя сказать, что эта идея была премьерной в истории мировой общественной практики, — уже хотя бы потому, что был опыт Парижской коммуны, к которому так часто обращался Ленин. Но для российского общественного сознания начала XX в. идея революционных масс как субъекта управления государством представлялась невероятной,

недопустимой и более того — чрезвычайно опасной. Эти идеи были чужды многим господствующим течениям того времени и потому активно отторгались ими.

Критикуя «Вехи», профессор (член ЦК кадетов) Н. А. Гредескул писал: «“Народа” для них... совсем не существует, а если он и существует, то скорее с оттенком отрицательной величины, в качестве “черни”, которую то “казначейство”, то “интеллигенция” так легко науськивают на анархическое разворовывание государства»*.

И дело не только в уничижительной оценке, здесь не принимается сама идея низов просто как законной части российского общества со всеми следующими из этого правами, впрочем, как и обязанностями.

А вот пример отношения З. Гиппиус (22 декабря 1917 г.) к новому историческому субъекту: «Вчера был неслыханный снежный буран. Петербург занесло снегом, как деревню. Ведь снега теперь не счищают**, дворники — на ответственных постах, в Министерствах, директорами, инспекторами и т. д. Прошу заметить, что я не преувеличиваю, это факт. Министерша Коллонтай назначила инспектором Екатерининского института именно дворника этого же самого женского учебного заведения***.

Но это неприятие низов как полноправного субъекта большой политики было характерно не только для российских верхов, но и для научных авторитетов Запада. В этом смысле показательна позиция известного философа Ортеги-и-Гассета: «При нормальном общественном порядке масса — это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее, направлял, представлял, организовывал — вплоть до того момента, когда она перестанет быть массой... Но она появилась на свет не для того, чтобы выполнять все это самой. Она должна

---

* См.: Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.yabloko.ru/Themes/History/gredeskoul2.html

** Для справки: 22 декабря (4 января) 1918 г. выходит Декрет о всеобщей повинности по очистке снега в Петрограде на Петроградском железнодорожном узле // См.: Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.

*** Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919). С. 428.

подчинить свою жизнь высшему авторитету, представленному отборным меньшинством...

Стало быть, когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю о восстании масс»*.

Применительно же к России этот подход в изложении, например, российского философа И. Ильина, не принявшего ни Февральской, ни Октябрьской революций, имел более лаконичное выражение: народ просто должен «уметь иметь царя»**.

Как показала история, интеллигенция в лице «Вех», особенно после поражения революции 1905–1907 гг., продемонстрировала такую способность в освоении этой науки, что даже сама удивилась. В статье «Соль земли» А. С. Изгоев, один из авторов этого сборника, писал: «Я глазам своим не поверил, когда прочел в статье Р. Б. такое место: "...поразительное сходство основных "новых" лозунгов авторов "Вех": государственность, религия, национальность со старым девизом русской реакции: самодержавие, православие, народность»***.

Но исторический поворот на Октябрьскую революцию высвечивал и другую позицию, позволявшую увидеть потенциал революционных масс как субъекта истории. Активно участвуя в политических событиях Петрограда в июне 1917 г., А. Блок в одном из своих писем этого периода писал: «На деле город все время находится в состоянии такого образцового порядка, в каком никогда не был... и охраняется ежечасно всем революционным народом, как никогда не охранялся. Этот факт сам по себе приводит меня иногда просто в страшное волнение, вселяет особый род беспокойства; я чувствую страшное одиночество, потому что ни один интеллигентный человек не может этого понять народ умный, спокойный»****. И далее, продолжая эту мысль: «Все это — только обобщение, сводка бесконечных

---

* Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 122.

** Гулыга А. Путь к очевидности. Ильин // Гулыга А. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 227.

*** Изгоев А. С. Соль земли // «Вехи»: pro et contra. СПб., 1998. Ч. 486 // Цит. по: Московский еженедельник. 21 ноября (4 декабря). 1909. № 46. С. 5–10.

**** Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. Письма. С. 502.

мыслей и впечатлений, которые каждый день трутся и шлифуются о другие мысли и впечатления, увы, часто противоположные моим, что заставляет постоянно злиться, сдерживаться, нервничать, иногда — просто ненавидеть "интеллигенцию". Если "мозг страны" будет продолжать питаться все теми же378 ирониями, райскими страхам, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут — скоро, жестко и величаво, как делается все, что действительно делается теперь»*.

Так что вопрос о роли масс в истории накануне революции разными общественными силами ставился по-разному: могут ли низовые массы (трудящиеся) быть субъектом общественных перемен; в какой мере это возможно; в какой мере это допустимо.

История революционных преобразований показала, что выведение трудящихся в качестве субъекта социального творчества несет в себе логику опережения реальности, ее действительных общественных отношений.

Революция и вандализм

Такой была одна, созидательная, сторона революции. Но была и другая.

Правда истории и логика исследования противоречий революционных практик 1920-х гг. диктуют необходимость акцентировать и противоположную линию — разрушение, и в первую очередь культурных ценностей, а также и репрессий по отношению к деятелям культуры в первый революционный период.

Но прежде чем говорить о разрушении культуры, следовало бы сделать одну поправку. Любая революция (с ее логикой перехода от старого к новому) всегда связана со сломом существующих общественных связей, правил, иерархий, т. е. с нарушением привычного порядка вещей, что неизбежно создает эффект гигантского разрушения.

Если же говорить конкретно уже об Октябре 1917 г., то в этом случае всегда следует помнить, что эта революция как раз вышла из неразрешенности противоречий Первой мировой

---

* Там же. С. 504.

войны. Более того, революционное развитие событий происходило в условиях продолжающейся войны, которая принесла с собой мощный разрушительный эффект экономики, социальных институтов, культуры и самое главное — человеческие потери (около 10 млн человек)*.

Правда, сегодня об этом не принято говорить, как будто ничего и не было, но тогда, в 1920-е гг., находились те, кто об этом писал исторически неконъюнктурно, например Г. Уэллс, эволюционный коллективист, как называл он себя сам. В своей нашумевшей книге «Россия во мгле» он писал: «Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России, это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 г., с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав беспрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чудовищной катастрофы. В наших глазах это крушение затмевает даже саму революцию. Под жесткими ударами империалистической агрессии насквозь прогнившая Россия, которая до 1914 года была неотъемлемой частью старого цивилизованного мира, рухнула и исчезла с лица земли...»**

И далее он продолжает: «Вы скажете, что в этих бедствиях и всеобщем упадке повинна власть большевиков! Но я не верю в это... Не коммунизм вверг эту гигантскую, пошатнувшуюся, обанкротившуюся империю в опустошительную шестилетнюю войну. Это сделал европейский империализм. И не коммунизм подверг истерзанную и, быть может, погибающую Россию непрерывным нападениям платных наемников, интервенции и мятежам, не коммунизм стиснул ее в кольцо жестокой блокады»***.

Это одна сторона поставленной здесь проблемы, достойная того, чтобы с ней считались. Если же говорить о стихийном вандализме, то следует отметить, что он никогда не был настолько массовым, как его обычно представляют сегодня, вменяя это

---

* См.: А. М. Горькому. 15.IX/1919 // Ленин о литературе и искусстве. М., 1986. С. 249 // Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 47–49; Соколов Б. Первая мировая война // См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.bibliotekar.ru/encW/100/80.htm

** Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 18.

*** Там же. С. 31–32.

в вину уже не столько идеологам большевизма, сколько самой идее революции. Именно это мы и встречаем, например, в работах С. Булгакова: «Не надо забывать, что понятие революции есть отрицательное, оно не имеет самостоятельного содержания, а характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого, поэтому пафос революции есть ненависть и разрушение»*.

Отличить революционное разрушение (как момент отрицания отрицания) от откровенного вандализма (как пустого отрицания) — эта задача объективно не под силу теологическому взгляду, лишенному диалектического видения общественных взаимосвязей. Это не позволяет увидеть и то новое, что пробивается в революции сквозь общественные лохмотья прошлого. Уже в другой работе, «На пиру богов», С. Булгаков писал: «Как бездарна и уродлива русская революция: ни песни, ни гимна, ни памятника, ни жеста даже красивого. Все ворованное, банальное, вульгарное. Лоскут красного кумача да марсельеза...»**

И все же следует отметить, что наряду с нарастающей тенденцией объективной заинтересованности революционных масс в культуре одновременно проявлялось и вандалистское отношение к ней, и с этим требуется разобраться отдельно.

Во-первых, не надо забывать, что последующий после октябрьских событий 1917 г. революционный взрыв, реально вызванный накалом классового противостояния, происходил в форме Гражданской войны, усиленной международной интервенцией против революционной России. Как писал Л. Троцкий, «ни белые, ни красные войска не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, провинциальных кремлях или старинных церквах. Таким образом, между военным ведомством и управлениями музеев не раз возникали препирательства»***.

Культурные же «издержки» любой войны (например, Первой мировой, начатой весьма «цивилизованными» государствами) всегда оборачиваются большими и неизбежными потерями, даже если одна из сторон ориентирована на сохранение культуры. Поэтому ответственность за разрушение в революционной

---

* Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 155.

** Булгаков С. Н. На пиру богов // Там же. С. 276.

*** Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 81.

России лежит и на «цивилизованных» государствах Западной Европы, о чем сегодня не принято говорить, как не принято говорить о том гигантском уничтожении культуры (не говоря уж о десятках миллионах погибших людей), которое принес с собою фашизм «цивилизованной» Европы.

Во-вторых, за вандализмом, имеющим место в революции, стояло разрушение, главным образом той части культуры, которая либо выступала инструментом подавления низов в царской России, либо была сращена с идеологическими символами режима.

Этот вандализм был проявлением дореволюционного «культурного наследия», при котором трудящиеся массы, создавая «материальное тело» культуры, как правило, оставались отчужденными от нее. Это накапливающееся отчуждение от культуры если и находило свое выражение, то, как правило, в отчужденных формах. А разве могло быть по-другому?

В-третьих, любая революция наряду с пафосом культурного созидания и идеей качественного обновления мира неизбежно несет в себе и разрушение старых форм. Понимание диалектики этого трагического противоречия, когда во имя избавления от старых общественных форм революции зачастую приходилось платить утратой вполне конкретных памятников культуры, не просто дается даже для понимания творческого марксиста. Хорошо известен факт, что А. В. Луначарский под влиянием слухов о разрушении культурных ценностей подал заявление об отставке, но СНК не принял его. Дальнейшая история показала всю диалектичность и тех сожалений о разрушении памятников культуры, которые высказывал Луначарский, и тех надежд (которым суждено было сбыться, но лишь частично и трагической ценой), которые выражал Ленин.

Еще сложнее реализовать эту диалектику на практике, ибо здесь каждый раз при решении конкретных практических задач перед революционным субъектом вставали совершенно конкретные противоречия, которые надо было разрешить практически (это и есть творческое кредо революции), за что ему нередко приходилось платить еще большей ценностью — собственной жизнью.

Но культура — это не только памятники архитектуры, это еще многое другое, в том числе и разные художественные школы и направления. И в этой области вопрос революционного обновления в период 1920-х гг. был предметом острейших дискуссий в кругах Пролеткульта, театральной и литературной

общественности. Несмотря на то что зачастую эти дискуссии были жесткими, резкими, тем не менее их открытость, вскрывающая многие противоречия новой реальности, демократичность обсуждения (хотя иногда доходило и до рукопашной) — все это приводило к пониманию меры революционности в таких сложных и тонких материях, как искусство.

В любом случае следует признать, что законы творческого преобразования действительности в определенной степени сопоставимы с законами изменения мира культуры. Как писал Б. Эйхенбаум, крутые исторические переломы, в какой бы области культуры они ни совершались, никогда не исчерпывают себя в реформах, и потому навстречу «мирным» попыткам эволюции встает стихия революционная, пафос которой — в разрушении старых форм и традиций*.

И наконец, в-четвертых, надо признать, что в эти годы не обошлось и без актов откровенного вандализма. «Пока революция наша шла стихийно — или, вернее, там, где она шла стихийно, — писал А. В. Луначарский, — она, конечно, развертывала и слепые разрушительные силы...»**

Этот вандализм шел из дореволюционного общественного уклада, который, с одной стороны, не позволял человеку развернуть свои творческие силы, но с другой — заражал его мелкобуржуазным сознанием. На этой почве как раз и вырастала черносотенная культура, о которой писал Ленин и на борьбу с которой поднялся большевизм.

Кроме этого, было еще одно обстоятельство, о котором пишет А. Бузгалин: «В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звереющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки. Именно такого обывателя-мещанина, взбесившегося от неопределенности и противоречий революций, от необходимости и (но неспособности) самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать "Хамом"»***.

---

* См.: Эйхенбаум Б. Анна Ахматова // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 81–82.

** Луначарский А. В. Мир обновляется. М., 1989. С. 149.

*** Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 458.

Кстати, Ленин не раз поднимал в своих работах и выступлениях эту болезненную проблему: «Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли»*.

Надо сказать, что Ленин в своих выступлениях постоянно артикулировал проблему остроты тех противоречий, которые делали вызов революции, чтобы массы не впадали в эйфорию скороспелых побед, чтобы можно было трезво оценивать и всю мощь бросающих вызов противоречий, и имеющийся потенциал их разрешения, чтобы не дать стихии править историей.

Ленин писал: «Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент... Если бы нам пришлось строить социализм не из элементов, оставленных нам в наследие капитализмом, — задача была бы легка. Но в том-то и трудность социалистического строительства, что нам приходится строить социализм из элементов, насквозь испорченных капитализмом»**.

Но был и другой вандализм, который возникал из сопряжения отчужденного отношения индивида к культуре с активностью его мелкобуржуазного подхода, оценивающего значение всего и вся только по тому, в какой мере это работает на его частный интерес.

Кроме того, не следует забывать еще одно обстоятельство: в условиях дореволюционного формально-полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого порядка они проявились во всей своей невоздержанности. Но ведь если бы массы обладали достаточным уровнем культуры, то в этом случае актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением — можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения масс в энергию социально-

---

* Приветственная речь 6 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 года] // Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 330.

** Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии / Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 года // Там же. Т. 37. С. 221—222.

го преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

На принципиальном же уровне советская система не только объективно, но и субъективно была заинтересована в сохранении и развитии культурного наследства.

Это одна сторона проблемы.

Но без опоры на широкие слои революционных масс эту проблему было бы не решить. Так же как нельзя было решить проблему, связанную с сохранением культурных ценностей без опоры на широкие круги интеллигенции, о чем подробно писал в своей известной книге Г. Уэллс: «Чтобы надежнее обеспечить сохранность ценностей, Экспертная комиссия собрала и взяла на учет все, все, что может считаться произведением искусства»*. И далее продолжает: «Мы заметили, что в особняках для правительственных гостей и в других подобных местах все строго инвентаризировано»**.

Следует особо отметить, что ленинский дискурс культурной политики в целом отличался принципиальной последовательностью, происходящей из гениальной диалектичности его и как ученого, и как практика. Это признавали даже его идейные противники. Вот, например, что пишет А. Терне: «Музейное дело развито шире, ибо большевики свозят в музеи все награбленные в буржуйских квартирах предметы искусства, поскольку таковые не прилипают по дороге к рукам чекистов... Все музеи и картинные галереи открыты ежедневно и обычно полны публикой»***.

Говоря о культурной политике СССР в целом, надо сказать, что ее лучшие достижения нередко самым тесным образом переплетались с проявлениями самых разных форм отчуждения, например сталинщины и сусловщины. Но в своих изначальных формах не только принципиально теоретически, но и практически сразу заявила себя тенденция взаимного притяжения идей революционного обновления действительности и культуры. И для их соединения большевики сделали все возможное и невозможное.

---

* Уэллс Г. Россия во мгле. С. 49.

** Там же. С. 48–49.

*** Терне А. В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 138–139.

Вот почему большевистский опыт социального творчества, ставший преемником многих подходов Парижской коммуны, вызывает неиссякаемый интерес, так как его и теоретический, и методологический, и креативный потенциалы — все они несут в себе конкретно-всеобщее отношение опережения реальности.

Некоторые выводы: противоречия социального творчества

Рассматривая вопрос социального творчества, нельзя не сказать несколько слов о его противоречиях. Это достаточно серьезная проблема, заслуживающая специального рассмотрения. Поэтому в данном случае мы ограничимся лишь тем, что попытаемся сформулировать некоторые из них.

Социальное творчество, будучи объективным процессом творческого формирования общественной реальности как конкретно-всеобщего момента, тем не менее всегда субъектно (особенно и единично).

Социальное творчество, будучи по своему характеру креативным процессом, в то же время должно соотноситься с принципами формального регулирования общественных отношений.

Будучи носителем классового сознания, революционный индивид тем не менее должен находить такие решения социальных проблем, которые снимали бы в себе эту классовость. Другими словами, субъект социального творчества должен снимать классовость общественной формы своей деятельности.

Социальное творчество, ориентированное на решение конкретных социальных проблем, вызванных, как правило, теми или иными конкретными отношениями отчуждения, в то же время становится способом включения индивида в мир культуры, универсального неотчужденного бытия.

Социальное творчество обнаруживает зеркальное противоречие между формой и содержанием. Принято считать, что в культуре содержание определяет форму. В социальном творчестве эта связь сложнее: здесь содержание социального творчества определяет социальную форму бытия культуры, которая, в свою очередь, востребует и соответствующее ей содержание.

Значение диалектики социального творчества и культуры

Практики социального творчества 1920-х гг. проявили всю полноту его диалектических взаимосвязей с культурой. Подчеркнем наиболее важные из них.

Во-первых, участие революционных масс в конкретных формах управления государством стало доступным для них способом формирования творческого и социально-ориентированного отношения к культуре. Вне этих практик отношение к культуре либо вырождается в потребительское или ритуальное, либо становится неким фетишем.

Во-вторых, участвуя в той или иной мере в процессах непосредственного созидания общественных отношений, индивид закономерно становился и их результатом. А так как логикой этих преобразований было разотчуждение, то, соответственно, в конечном итоге он становился персонифицированным воплощением живой конкретной альтернативы существующим формам отчуждения.

Другими словами, участие индивида в социальном творчестве новых общественных отношений одновременно становилось и формой его общественной самодетерминации и самоидентификации. И напротив, отказ индивида от субъектного принципа бытия становился прологом к разным формам отчужденного бытия (особенно активного развивавшимся в послеленинский период). Трагические последствия десубъективации советского человека, вызванные процессами сталинизации, бюрократизации, коммерциализации, — горькое тому доказательство.

В-третьих, замыкание социального творчества на культуру имеет еще и гносеологическое значение, ибо оно вскрывает реальные противоречия как реальности, так и самого субъекта. Эти противоречия в случае их дальнейшего разрешения выявляли созидательный потенциал революционных масс, а в случае их неразрешения — становились основой развития превратных форм «социализма», вовлекая в логику этой превратности уже и самого субъекта.

В-четвертых, социальное творчество стало формой нового типа демократии — деятельностной демократия низов. Не демократии «кухарок», а демократии возвышающихся через постоянное образование, деятельностное включение в культуру «рядовых» граждан страны: рабочих, крестьян, «разночинной»

интеллигенции. Вопреки ныне и повсеместно приписываемой ему позиции Ленин подчеркивал, что кухарок нельзя сразу включать в управление государством. Он настаивал на том, что всех граждан надо постепенно, но настойчиво привлекать к управлению, начиная с простейших функций учета и контроля, подводя их к все более сложным функциям по мере освоения ими «тех богатств, которые выработало человечество».

Не могу в этой связи не привести полностью постоянно искажаемое высказывание Ленина по этому поводу: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами, и чтобы начато оно было немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»*.

В развитии социального творчества Ленин видел способ развития нового гражданского самосознания, он постоянно подчеркивал, что в управление государством должны включаться именно широкие массы, включая интеллигенцию и «буржуазных спецов»: «Одна из самых главных задач теперь, — писал Ленин, — если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые "высшие классы", только богатые или прошедшие школу богатых классов»**.

Резюмируем: в той мере, в какой массы сами творят общественные отношения, т. е. в той мере, в какой они осуществля-

* Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 315.

** Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Там же. Т. 35. С. 198.

ют себя в качестве субъекта истории, в этой мере у них формируется и особая потребность в культуре. И обратно: включение в неотчужденный мир культуры создает основы их эффективного включения в процесс социального творчества*. Особенное здесь заключается в том, что эта потребность предполагает не потребление культурных благ, а осуществление своей субъектности в мире культуры, своего авторского (личностного) осуществления.

Вот в этом и заключался ленинский ответ на вековое историческое противоречие: без культуры трудящиеся не могут созидать жизнь, отвечающую их интересам, — но в то же время никто за них этот «новый мир» не построит.

И именно ленинская диалектика дает ключ к его решению: включить массы в культуру — но не напрямую, а опосредованно, через процессы живого преобразования общественной реальности. Да, у этой диалектики были и свои социальные, и культурные издержки, но любой другой подход оплачивается ценой, во много раз их превосходящей.

XXI в.: актуальность социального творчества

Выше автор писал преимущественно об эпохе, отстоящей от современности едва ли не на столетие. Но новый век не просто подтверждает жизненность проблемы социального творчества. Он ее реактуализирует.

Во-первых, созидая новую общественную реальность, субъект социального творчества осознает себя как некий «первоисточник» созидаемого им мира. Это неизбежно порождает самосознание его собственной значимости, собственной ответственности за историю, свое историческое авторство или отказ от него.

Во-вторых, включение индивида в социальное творчество дает ему возможность ощутить и осознать меру своих творческих сил, а это рано или поздно востребует и соответствующие формы их высвобождения. И вот тут-то социальное творчество как раз и становится организационно возможной и культурно доступной формой актуализации творческого потенциала инди-

* Этот вывод Ленина наиболее полно раскрыт и дополнительно обоснован в названной выше работе Н. С. Злобина.

вида (примеры чему множатся в новом веке едва ли не во всех регионах Земного шара).

В-третьих, социальное творчество есть не что иное, как творчество мира культуры, ибо за этим стоит созидание качественно новых общественных отношений между индивидами. Это с одной стороны. С другой — социальное творчество, будучи свободным видом деятельности, реализующим базовые интересы его субъекта, является не чем иным, как формой высвобождения его человеческой сущности. Вот почему социальное творчество есть не что иное, как «деятельная родовая жизнь» индивида, в которой и посредством которой он реализует себя не только как личность, но и как родовое существо. Не это ли ключ к решению проблемы гуманизации социального бытия как ключевой проблемы современности?

В-четвертых, социальное творчество становится предпосылкой снятия одного из главных видов отчуждения — между сущностью и существованием индивида. Как показывают практики не только 1920-х гг., но и новых общественных движений и сетевых структур, преобразующих мир на основе практик разотчуждения, названный выше разрыв преодолевается именно на основе субъектного бытия индивида и в истории, и в культуре. В той мере, в какой бытие индивида является субъектно-творческим в истории, в той мере он обретает свою подлинно человеческую сущность в культуре.

Октябрьская революция заявила диалектику «положительного упразднения» «истории человека как истории человеческого отчуждения» (Гегель). С нее, а еще прежде — с Парижской коммуны — начался отсчет другой истории — истории разотчуждения человека.

На вызовы этих великих эпох наш век сможет ответить, лишь критически наследуя практики социального творчества.

3. В. И. Ленин: философия социально-политической практики

Сл. Жижек

Размышления о Ленине*

Первая реакция публики на идею об актуальности Ленина — это, конечно, вспышка саркастического смеха. С Марксом все в порядке сегодня, даже на Уолл-стрит есть люди, которые любят его: Маркса — поэта товаров, давшего совершенное описание динамики капитализма, Маркса, изобразившего отчуждение и овеществление нашей повседневной жизни. Но Ленин! Нет! Вы ведь не всерьез говорите об этом?! Разве Ленин не олицетворяет собой полный провал осуществления марксизма на практике, колоссальную катастрофу, которой в двадцатом столетии была отмечена вся мировая политика, эксперимент с реальным социализмом, достигший своей кульминации в экономически неэффективной диктатуре? Итак, если и существует консенсус среди всего, что осталось от сегодняшних радикальных левых, то он заключается в том, что для воскрешения радикального политического проекта нужно отказаться от ленинистского наследия: беспощадная сосредоточенность на классовой борьбе, партия как привилегированная форма

---

* Публикуется по изданию: Жижек Сл. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2002.

организации, насильственный революционный захват власти, последующая «диктатура пролетариата»... разве не следует отречься от всех этих «зомби-концептов», если левые хотят иметь хоть какие-то шансы в условиях «постиндустриального» позднего капитализма?

Проблема этого, несомненно, убедительного довода заключается в том, что в нем чересчур скоро выражается согласие с унаследованным образом Ленина, мудрого революционного вождя, который, сформулировав основные координаты своей мысли и практики в работе «Что делать?», просто последовательно и беспощадно стремился воплотить их в жизнь. Что, если о Ленине можно говорить иначе? Действительно, сегодняшние левые переживают разрушительный опыт конца целой эпохи прогрессивного движения, опыт, заставляющий их заново открывать базовые координаты собственного проекта, однако точно такой же опыт привел к рождению ленинизма. Вспомним, насколько был потрясен Ленин, когда осенью 1914 г. все европейские социал-демократические партии (за исключением заслуживающих большого уважения российских большевиков и сербских социал-демократов) заняли «патриотическую линию», — Ленин даже подумал, что номер Vorwärts, ежедневной газеты немецкой социал-демократии, в котором сообщалось, что социал-демократы в рейхстаге проголосовали за военные кредиты, был подделан русской тайной полицией, чтобы ввести в заблуждение русских рабочих. Насколько же трудно было тогда, во время военного конфликта, надвое расколовшего всю Европу, отвергнуть представление о том, что нужно встать на какую-либо сторону в этом конфликте и начать борьбу против «патриотического угара» в своей же стране! Сколько великих умов (включая Фрейда) поддались националистическому соблазну, даже хотя бы всего на пару недель! Это потрясение 1914 г. было — пользуясь термином Алена Бадью — desastre катастрофой, в которой исчез весь мир: не только идиллическая буржуазная вера в прогресс, но также и все социалистическое движение, ему сопутствовавшее. Сам Ленин (Ленин «Что делать?») лишился почвы под ногами, и все же в его отчаянном протесте не было никакого удовлетворения, никакого «я же вам говорил!» Этот момент Verzweiflung*, эта катастрофа подготовили место для ленинистского события, для

* Отчаяние (нем.).

слома эволюционного историцизма II Интернационала, и только Ленин был на высоте этого открытия, только Ленин смог четко сформулировать Истину катастрофы. Из этого мгновения отчаяния родился Ленин, который благодаря внимательному чтению «Логики» Гегеля сумел распознать уникальную возможность для революции. Важно особо отметить, что «высокая теория» и сегодня играет важную роль в большинстве конкретных проявлений политической борьбы, когда даже такой ангажированный интеллектуал, как Ноам Хомский, любит подчеркивать, насколько несущественно теоретическое знание для прогрессивной политической борьбы: чем может помочь изучение великих текстов по философии и социальной теории в сегодняшней борьбе против неолиберальной модели глобализации? С чем мы имеем дело — с очевидными фактами (которые нужно только донести до публики, что Хомский и делает в своих многочисленных политических текстах) или с чем-то настолько непостижимо запутанным, в чем мы никак не можем разобраться? В том, что касается этого антитеоретического соблазна, мало привлечь внимание к множеству теоретических допущений относительно свободы, власти и общества, в которых нет недостатка и в политических текстах самого Хомского; куда более важно то, каким образом сегодня, быть может впервые в истории человечества, наш повседневный опыт (биогенетика, экология, киберпространство и виртуальный мир) вынуждает всех нас столкнуться с основными философскими вопросами о природе свободы, человеческой идентичности и т. д. Возвращаясь к Ленину, его «Государство и революция» в точности соответствует этому разрушительному опыту 1914 г.; то, что Ленин субъективно был полностью им захвачен, ясно видно из его известной записки Каменеву в июле 1917 г.:

«Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: "Марксизм о государстве" (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous»*.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 444.

Экзистенциальная вовлеченность здесь чрезвычайно высока, и зерно ленинистской «утопии» проросло из пепла трагедии 1914 г., из его сведения счетов с ортодоксией II Интернационала: радикальное требование разрушить буржуазное государство, что означает государство как таковое, и создать новую коммунальную социальную форму, где не было бы регулярной армии, полиции или бюрократии, где каждый мог бы участвовать в решении социальных вопросов. Для Ленина это не было теоретическим проектом какого-то далекого будущего; в октябре 1917 г. Ленин заявлял, что «...мы можем сразу привлечь государственный аппарат, миллионов в десять, если не в двадцать человек»*. Это требование момента — подлинная утопия. Сохранить нужно как раз безумие (в строго кьеркегоровском смысле слова) этой ленинистской утопии, а сталинизм, если угодно, выступает за возврат к реалистическому «здравому смыслу». Невозможно переоценить взрывной потенциал «Государства и революции», в этой книге содержится «словарь и грамматика западной политической традиции, без которых невозможно обойтись»**. То, что за этим последовало, можно назвать, позаимствовав заглавие у текста Альтюссера о Макиавелли, la solitude de Lenine***: время, когда он, в сущности, остался один, борясь с курсом собственной партии. Когда в «Апрельских тезисах» 1917 г. Ленин распознал Augenblick****, уникальную возможность для революции, его предложения первоначально вызвали ступор или презрение у подавляющего большинства его товарищей по партии. В большевистской партии ни один известный руководитель не поддержал его призыв к революции, содержавшийся в «Апрельских тезисах», а «Правда» предприняла экстраординарный шаг, отмежевавшись от партии и редакционной коллегии; не будучи оппортунистической лестью или использованием и эксплуатацией господствующих в народе настроений, взгляды Ленина были в высшей степени необычными. Богданов назвал «Апрельские тезисы» «бредом сумасшедшего»*****, а сама Надежда Крупская

* Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 316.

** Harding N. Leninism. Durham, 1996. P. 152.

*** Одиночество Ленина (фр.).

**** Миг (нем.).

***** Цит. по: Harding N. P. 87.

заключила: «Боюсь, это выглядит так, словно Ленин сошел с ума»*. В феврале 1917 г. Ленин был мало кому известным эмигрантом, сидящим на мели в Цюрихе, не имеющим сколько-нибудь надежных связей с Россией и узнающим о происходящем главным образом из швейцарской прессы; в октябре он возглавил первую успешную социалистическую революцию — так что же произошло в промежутке? В феврале Ленин сразу же осознал возможность революции, появившуюся в результате уникального стечения обстоятельств; если не ухватиться за момент, эта возможность будет упущена, вероятно, на долгие десятилетия. В своем решительном упорстве в том, что нужно рискнуть и перейти к следующему этапу, т. е. повторить революцию, Ленин был одинок, большинство членов Центрального комитета его же партии смеялись над ним: однако, хотя вмешательство Ленина и было необходимым, не следует превращать историю Октябрьской революции в историю одинокого гения, стоящего перед дезориентированными массами и постепенно навязывающего им свою точку зрения. Ленин достиг успеха потому, что его призыв, проигнорированный партийной номенклатурой, нашел отклик в том, что возникает соблазн назвать революционной микрополитикой: невероятный рост низовой демократии, местных комитетов, неожиданно возникших во всех крупных городах России, которые, презрев власть «законного» правительства, сами взялись за дело. В этом заключается нерассказанная история Октябрьской революции, оборотная сторона мифа о ничтожной горстке жестоких революционеров, совершивших coup d'état**.

Ленин полностью осознавал парадоксальность ситуации: весной 1917 г., после того как Февральская революция свергла царский режим, Россия была самой демократической страной в Европе — с беспрецедентным уровнем мобилизации масс, свободой организаций и печати, и все же эта свобода делала ситуацию непрозрачной, совершенно неопределенной. Если и есть красная нить, проходящая через все ленинские тексты, написанные «между двумя революциями» (Февральской и Октябрьской), то это именно его настаивание на разрыве, отделяющем «явные» формальные контуры политической борьбы между множеством партий и других политических субъектов

* Там же.

** Государственный переворот (фр.).

от ее действительных социальных ставок (немедленный мир, раздача земли и, разумеется, «вся власть Советам», т. е. разрушение существующих государственных аппаратов и замена их новыми формами общественного управления вроде коммуны). Этот разрыв — разрыв между революцией как воображаемым взрывом свободы и возвышенного энтузиазма, волшебным моментом всеобщей солидарности, когда «кажется, что возможно все», и напряженной работой по общественному переустройству, которая должна быть выполнена, если этому взрыву энтузиазма суждено оставить свой след в косном здании общества.

Этот разрыв — точная копия разрыва между 1789 и 1793 г. во Французской революции — суть пространство уникального вмешательства Ленина. Основополагающий урок революционного материализма заключается в том, что революция должна нанести удар дважды, причем по объективным причинам. Этот разрыв является не просто разрывом между формой и содержанием: «первая революция» упускает не содержание, а саму форму — она сохраняет прежнюю форму, полагая, что свободу и справедливость можно окончательно реализовать, если просто воспользоваться уже существующим государственным аппаратом и его демократическими механизмами. Что, если «хорошая» партия победит на свободных выборах и «легально» проведет социалистические преобразования? (Чистейшим выражением этой иллюзии — на грани смешного — является тезис Карла Каутского, сформулированный им в 1920-х гг., о том, что логической политической формой первой стадии социализма, перехода от капитализма к социализму, является парламентская коалиция буржуазных и пролетарских партий.) Здесь есть прекрасное соответствие эпохе раннего Нового времени, когда оппозиция идеологической гегемонии церкви впервые артикулировала себя в качестве еще одной религиозной идеологии в форме ереси; точно так же сторонники «первой революции» хотят разрушить капиталистическое господство, воспользовавшись политической формой капиталистической демократии. Это гегельянское «отрицание отрицания»: сначала старый порядок отрицается своей же идеологическо-политической формой; затем отрицанию должна подвергнуться сама эта форма. Те, кто колеблется, те, кто боится сделать следующий шаг, чтобы преодолеть саму эту форму, — это те, кто (повторяя слова Робеспьера) хочет «революции без революции»; и Ленин показывает всю силу своей «герменевтики подозрения», угадывая различные формы этого отступления.

В своих сочинениях 1917 г. Ленин приберегает свою самую едкую иронию для тех, кто занимается бесконечным поиском какой-либо «гарантии» революции; эта гарантия принимает две основные формы: либо овеществленного понятия социальной необходимости (не следует пытаться совершить революцию слишком рано; нужно дождаться подходящего момента, когда ситуация «дозреет» до законов исторического развития: «еще слишком рано для социалистической революции, рабочий класс еще не созрел»), либо нормативной («демократической») законности («большинство населения не на нашей стороне, поэтому революция не будет по-настоящему демократической») — как неоднократно повторяет Ленин, словно перед тем как революционный деятель решится на захват государственной власти, он должен получить разрешение у некоей фигуры большого Другого (организовать референдум, который подтвердит, что большинство поддерживает революцию). У Ленина, как и у Лакана, революция ne s'autorise que d'elle même* — нужно решиться на революционное действие, неподвластное большому Другому; страх «преждевременного» захвата власти, поиск гарантий — это страх перед бездной действия. В этом состоит основной смысл ленинского разоблачения «оппортунизма» и утверждения, что «оппортунизм» — это позиция, которая сама по себе по своей сути фальшива и скрывает за защитным экраном «объективных» фактов, законов или норм боязнь совершить действие, вот почему первый шаг в битве с ним заключается в том, чтобы заявить со всей ясностью: «Что же делать? Надо aussprechen was ist, "сказать что есть", признать правду, что у нас в ЦК и верхах партии есть течение или мнение...»**

Ленинский ответ состоит не в отсылке к другой совокупности «объективных фактов», а в повторении довода, использованного Розой Люксембург против Каутского десятью годами ранее: те, кто ждет, пока наступят объективные условия революции, будут ждать вечно — такая позиция объективного наблюдателя (а не заинтересованного участника) сама по себе служит главным препятствием для революции. Контраргумент Ленина против тех, кто критиковал второй шаг, выступая с формально-демократической точки зрения, заключается в том, что сам этот «чистый демократический» выбор утопичен; в конкретных рос-

---

* Содержит оправдание в самой себе (фр.).

** Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 280.

сийских условиях у буржуазно-демократического государства нет никаких шансов на выживание — единственный «реалистический» способ защитить подлинные завоевания Февральской революции (свободу организации и печати и т. д.) в том, чтобы продвинуться к социалистической революции, иначе победу одержит царская реакция.

Основной урок психоаналитического представления о характере времени заключается в том, что существуют вещи, которые нужно совершить, чтобы узнать, что они излишни: в процессе лечения месяцы тратятся на неверные ходы, прежде чем «замкнет» и найдется подходящая формула; хотя ретроактивно это брожение вокруг да около кажется лишним, оно было необходимо. И не относится ли то же самое к революции? Что же тогда произошло, когда в последние годы своей жизни Ленин полностью осознал ограниченность большевистской власти? Именно здесь необходимо противопоставить Ленина Сталину: в последних работах Ленина, после того как он отказался от своей утопии «Государства и революции», можно угадать контуры скромного «реалистического» проекта того, что следует сделать большевистской власти. Из-за экономической неразвитости и культурной отсталости российских масс Россия не сможет «перейти сразу к социализму»; все, что может сделать советская власть, — это сочетать умеренную политику «государственного капитализма» с интенсивным культурным просвещением инертных крестьянских масс, но не промыванием мозгов коммунистической пропагандой», а терпеливым, настойчивым приложением развитых цивилизованных стандартов. Цифры и факты показывают, «сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. <...> Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор»*. Так, Ленин часто предостерегает от всякого непосредственного «внедрения коммунизма»: «Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу и чисто узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма»**. Итак, его повторяющий-

* Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 364.

** Там же. С. 367.

ся мотив: «торопливость и размашистость вреднее всего»*. В том, что касается этой установки на «культурную революцию», Сталин предпочел воспользоваться совершенно антиленинистской идеей о «построении социализма в одной отдельно взятой стране».

В таком случае означает ли это, что Ленин молчаливо признал традиционную меньшевистскую критику большевистского утопизма, идею, что революция должна логически вытекать из некоторых необходимых этапов (она может произойти только после того, как появятся материальные условия для ее совершения)? Именно здесь мы можем увидеть тонкое диалектическое чутье Ленина в действии: он полностью осознает, что теперь, в начале 1920-х, основная задача большевистской власти в том, чтобы выполнить задачи прогрессивного буржуазного режима (всеобщее образование и т. д.); однако тот факт, что это делает именно пролетарская революционная власть, в корне меняет ситуацию — существует уникальная возможность, что эти меры осуществляются таким образом, что они будут лишены своих ограниченных буржуазных идеологических рамок (всеобщее образование действительно станет всеобщим образованием для народа, а не идеологической маской для пропаганды узкобуржуазных классовых интересов и т. д.). По-настоящему диалектический парадокс заключается, таким образом, в том, что сама безнадежность российской ситуации (отсталость, вынуждающая пролетарскую власть осуществить буржуазный цивилизующий процесс) может превратиться в уникальное преимущество: «Что, если полная безвыходность положения, удесятеряя тем самым силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах?»**

Мы сталкиваемся здесь с двумя моделями, двумя несовместимыми логиками революции: тех, кто ожидает созревания телеологического момента финального кризиса, когда революция разразится «в подходящее для нее время» в силу неотвратимости исторической эволюции; и тех, кто осознает, что у революции нет никакого «подходящего времени», тех, кто воспринимает революционную возможность как нечто, что возникает и

* Там же. С. 389.

** Там же. С. 380.

должно быть ухвачено в обход «нормального» исторического развития. Ленин — не волюнтаристский «субъективист», он настаивает на том, что исключение (удивительное стечение обстоятельств вроде того, что было в России в 1917 г.) позволяет подорвать саму норму. И разве такая аргументация, эта фундаментальная установка, не актуальнее сегодня, чем когда-либо? Разве мы точно так же не живем в эпоху, когда государство и его аппараты, включая политических деятелей, все менее способны четко сформулировать ключевые вопросы? Иллюзия 1917 г. о том, что неотложные проблемы, с которыми столкнулась Россия (мир, передел земли и т. д.), могли быть решены «законными» парламентскими средствами, в точности соответствует сегодняшней иллюзии о том, что, скажем, экологической угрозы можно избежать путем распространения рыночной логики на экологию (заставив тех, кто загрязняет природу, платить за причиняемый ими ущерб).

К. Андерсон

Открывая Ленина заново: к диалектике философии и мировой политики*

Сегодня имя Ленина, произносимое в любом позитивно-утвердительном смысле, звучит если не раздражительно, то наивно, даже среди левых. Снова и снова с 1990 г. подчеркивается, что Ленин стал предтечей сталинской варварской тоталитарной системы и что не только его действия, но также политические идеи были авторитарны, жестоки и даже насильственны. Снова и снова доминирует мнение о том, что при желании вернуться к Марксу необходимо создать *санитарный коридор* вокруг Ленина и большевизма. Снова и снова имя Ленина, если к нему кто-либо взывает, упоминается как пример того, как можно накликать катастрофу, будучи поглощенным «утопическими» идеями.

С моей точки зрения, сторонники таких понятий сами виноваты в наивном и самопротиворечивом мышлении, не говоря об их высокомерии. Во-первых, они проигрывают, поскольку не принимают во внимание определенные позитивные достижения первых лет русской революции. Во-вторых, они проигрыва-

---

* Сокр. перевод с англ.: Anderson K. B. Rediscovery and persistence of the dialectic in Philosophy and in world politics // Lenin reloaded. Towards a Politics of Truth. L., 2007. P. 120–147.

ют, не замечая оригинальный вклад Ленина в политическую мысль. В-третьих, они забывают о тех ключевых, важнейших и до сих пор уважаемых исследователях, которые признавали вклад Ленина.

Упоминание этих и других моментов ни в коем случае не должно уводить нас от необходимости критики многих аспектов жизни и деятельности Ленина. Более того, именно оно, скорее всего, и является предпосылкой для любой серьезной (а не карикатурной) критики Ленина и его наследия.

В связи с тем, что я посвящаю данный текст теоретическим достижениям Ленина, мне бы хотелось в самом начале подчеркнуть, что я также вижу определенную серьезную слабость ленинской мысли. Во-первых, его концепция ведущей роли авангардной партии, которую невозможно найти у Маркса, нас обременяет слабой моделью революционной организации*. Во-вторых, действия Ленина после 1917 г., а именно учреждение однопартийного государства и разрушение рабочих советов, выходили за рамки модели революционной демократии**. В-третьих, хотя я буду утверждать ниже, что Ленин внес существенный вклад в диалектические исследования, однако его работа по данному вопросу шероховата, как видно из его жесткой и односторонней работы «Материализм и эмпириокритицизм» (1908)***.

Даже если мы положительно оцениваем некоторые черты этого великого революционного лидера, это не значит, что идентифицируем себя с ленинизмом, который в доминирующем дискурсе, как правило, означает приверженность к элитарной концепции авангардной партии.

Мне бы хотелось вначале процитировать известного мыслителя-гуманиста, который в каком-то смысле придерживался либеральных левых взглядов, но чья жизнь и творчество, как считается, были далеки от Ленина и большевизма. Я обращаюсь к Эриху Фромму, выдающемуся психологу, принадлежавшему к традиции Франкфуртской школы социальных иссле-

---

* По этому вопросу см.: Dunaevskaya R. Marxism and freedom: from 1776 untill Today. N. Y., 1958.

** См.: Farber S. Before Stalinism: The Rise and Fall of Soviet Democracy. N. Y., 1990.

*** Критика «Материализма и эмпириокритицизма» см.: Merleau-Ponty M. Adventures of the Dialectic. Evanston, 1973.

дований. Читателя может удивить тот факт, что в 1950 г. Фромм написал о Ленине (наряду с Марксом, Энгельсом и Троцким) как о человеке, бескорыстном и с умеренным стремлением к власти. По его мнению, это были люди, которые были проникнуты бескомпромиссным чувством правды, проникавшей в сущность реальности, неутолимым мужеством и целостностью; глубокой ответственностью и преданностью к человечеству и его будущему*. Фромм также противопоставил этих деятелей марксизма «мстительному убийце» Сталину. Более того, Фромм порицал «общую привычку рассмотрения сталинизма и современного коммунизма как идентичного, или, по крайней мере, как продолжения революционного марксизма»**.

Утверждения выдающегося мыслителя, автора таких трудов, как «Социалистический гуманизм», «Бегство от свободы», «Искусство любить» и многих других работ по гуманистической психологии; человека, который поддерживал как диссидентские восточноевропейские движения 1960-х гг., так и пацифистские настроения, не должны быть оставлены в стороне. Фромм, без сомнения, осознавал деструктивность Гражданской войны в России 1918—1920-х гг. и авторитарных мер, к которым прибегал Ленин, но в отличие от многих современных авторов, пишущих о Ленине и России, он в то же время *видел величие 1917 года.* Для Фромма и для многих людей его поколения это была революция, сыгравшая весьма значимую роль в окончании кровавых бедствий Первой мировой войны, которая привела к власти прорабочее правительство, освободила евреев и другие меньшинства от царизма — самого нетерпимого политического режима в Европе, а также вдохновила великих революционеров — таких как Розу Люксембург — на радикальные трансформации в Германии, которым не суждено было осуществиться (Роза Люксембург была жестоко убита «предшественником нацизма» в 1919 г.).

---

* См.: Fromm E. Trotsky's Diary in Exile — 1935. Cambridge, Mass., 1958. P. 218.

** Ср.: The general habit of considering Stalinism and present-day Communism as identical with, or at least as a continuation of revolutionary Marxism. (Fromm E. Trotsky's Diary in Exile — 1935. Cambridge, Mass., 1958. P. 218); см. также: Fromm E. [Review] A recently discovered article by Erich Fromm on Trotsky and the Russian revolution / Introduction by K. B. Anderson (p. 266—271) // Science and Society. N. Y., 2002. № 66 (2). P. 266—273.

Ленин, Гегель и «западный марксизм»: латентное взаимодействие

Ни один из коллег Фромма по Франкфуртской школе, даже те, кто считался приверженцем левых взглядов, например Герберт Маркузе, никогда открыто не говорили таких слов о Ленине. На самом деле философы Франкфуртской школы, когда упоминали Ленина, преуменьшали его значение из-за его якобы «жестокости и вульгарности» (Т. Адорно) или, по крайней мере, допускали некоторую недооценку его значения, так как видели в нем предшественника Сталина, который по необходимости следовал за ним (Маркузе). Маркузе и Адорно никогда не обсуждали «Философские тетради» Ленина 1914—1915 гг.* Данный факт особенно удивителен, поскольку они оба довольно много писали об отношении марксизма к Гегелю в течение всей своей карьеры. Тем не менее, я полагаю, они, как и западные марксисты 1920-х гг. — Дьердь Лукач, Антонио Грамши и Карл Корш, многим обязаны Ленину и русской революции, придавшим новые импульсы для открытия диалектического ядра марксизма.

Привычное описание истории западного марксизма и критической теории упускает или минимизирует два важных факта. Во-первых, существует факт, что Ленин написал свои самые важные работы о Гегеле, «Философские тетради» 1914—1915 гг., почти за десять лет до публикации Лукачем «Истории и классового сознания» в 1923 г. В то время как «Философские тетради» были опубликованы на немецком лишь в 1932 г., другие его работы, написанные после 1914 г. о Гегеле и диалектике, уже выходили в свет в переводе на немецкий язык к началу 1920 г. Можно даже сказать, что Ленин проложил путь Лукачу.

Западные немецкие марксисты 1960-х гг. почти никогда этого не упоминали, даже если те же самые люди были склонны превозносить Лукача и Корша. Пренебрежение к Ленину было характерно не только для Юргена Хабермаса и его студентов, но также и для тех, кто в дальнейшем идентифицировал себя

* См.: Marcuse H. Reason and Revolution. N. Y.; Oxford, 1941; Marcuse H. Soviet Marxism. N. Y., 1958.

с левыми, например Оскар Негт*. Редким исключением было эссе Иринга Фетчера о марксизме и Гегеле, опубликованное в 1960 г., где работам Ленина по диалектике было уделено особое внимание**. Однако эссе Фетчера едва ли возымело действие. Появление его работы не смягчило враждебного отторжения Ленина Руди Дучке и другими лидерами западных немецких новых левых***. Даже берлинский журнал «Аргумент», известный во многом своим «ортодоксальным» марксизмом, был склонен вести дискуссии о Розе Люксембург, но не о Ленине.

Во-вторых, существует особое доказательство влияния Ленина на западный или критический марксизм. Например, даже если позднее Корш насильно отвергал Ленина, его книга о «Марксизме и философии», впервые опубликованная в 1923 г., в том же году, как и «История и классовое сознание», в качестве своего эпиграфа содержала следующее утверждение Ленина, написанное в 1922 г.: «Мы должны организовать систематическое изучение гегелевской диалектики с материалистической точки зрения»****. Но даже в этом случае проницательный философ М. Мерло-Понти рассматривал книгу Корша в качестве основополагающего текста западного марксизма, которую он противопоставлял «ленинской ортодоксии»*****.

Напротив, марксистский философ Эрнст Блох, современник Лукача, Корша, Маркузе и Адорно, напрямую связывал с Лениным возрождение интереса к Гегелю в XX столетии. Он отмечал, что ничто не было столь присуще немецкой традиции возрождения Гегеля, так как, по его словам, «Гегель никогда не подвергался забвению в Германии [в такой мере. — *Прим. ред.*], как после 1850 года». На протяжении последних лет XIX и первых лет XX столетий Гегель все еще обсуждался отчасти в Италии, во Франции и в англоязычных странах. Однако Блох

---

* Negt O. Kontroversen uber dialektichen und mechanitischen Materialismus. Frankfurt, 1969.

** Fetscher I. The Relationship of Marxism to Hegel // Fetscher I. Marx and Marxism. N. Y., 1971.

*** Dutschke R. Versuch, Lenin auf die Fusse zu Stellen. Berlin: Verlag Klaus Wagen Bach; Rabehl B. Marx und Lenin. Frankfurt, 1974.

**** См.: Korsch K. Marxism and Philosophy. L., 1970. Ср.: Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 30. — Прим. ред.

***** Мерло-Понти М. Указ. соч. С. 64.

считал, что действительное возрождение пришло лишь после 1917 г.: «Шок перед стенами Кремля был намного эффектнее, чем погоня за шоком левых гегельянцев»; диалектика стала не забытым безумием, а живым скандалом... Тем не менее не Гегель стал объектом забвения, а скорее модное невежество просвещенного позитивизма... Ленин обновил аутентичный марксизм и не в последнюю очередь путем возвращения к "ядру" гегелевской диалектики («противоречие как источник всего движения и жизни») и посредством самой гегелевской логики: «Нельзя вполне понять "Капитала" Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей "Логики" Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!»* В этом направлении развивался ортодоксальный марксизм, возрожденный Лениным, предполагавший знание Гегеля, против вульгарного, схематичного и неаутентичного марксизма, который наподобие выстрела из пистолета изолировал Маркса от Гегеля, следовательно, самого себя от Маркса**.

Безусловно, таков был ход мыслей у Лукача, который написал в первой главе «Истории и классового сознания» «Что такое ортодоксальный марксизм?» следующее: «Ортодоксальный марксизм, следовательно, не подразумевает некритическое принятие результатов исследований Маркса. Это не "вера" в том или ином смысле, не толкование "священной книги". Напротив, ортодоксия относится исключительно к методу. Она представляет собой научное убеждение в том, что диалектический материализм есть путь к истине и что его метод может быть развит, расширен и углублен только согласно линии, заложенной его основателями»***.

Данные связи между Лениным и гегелевским марксизмом 1920-х гг. остались без внимания исследователями критической теории.

Ниже я хочу сконцентрироваться на трех моментах. Во-первых, интеллектуальный кризис Ленина 1914 г., возникший под влиянием Первой мировой войны и предательства Со-

---

* Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. ПСС. Т. 29. М., 1969. С. 162.

** Bloch E. Subjeckt-Objeckt: Erlauterungen zu Hegel. Frankfurt, 1962. P. 382–383.

*** Lukacs G. History and Class consciousness: Studies in Marxist Dialectics. Cambridge, 1971.

циалистического интернационала, привел к глубокому переосмыслению его прежних положений. Я буду утверждать, что открытие им Гегеля в «Философских тетрадях» 1914–1915 гг. внесло важный вклад в диалектическую перспективу марксизма. Во-вторых, использование Лениным новых диалектических концепций, развитых им после прочтения Гегеля, привело к формулированию некоторых поразительно радикальных перспектив в мировой политике. Особенно был верен ленинский анализ империализма, колониализма и антиимпериалистических национально-освободительных движений — от Индии до Ирландии, от Китая до Ближнего Востока. В-третьих, я исследую, каким образом новое осмысление Гегеля и диалектики повлияло на последующее поколение марксистов. В то время как данные моменты часто опускаются в исследованиях жизни и мысли Ленина, я верю, что они важны для понимания Ленина. Я также верю, что они, как другие аспекты его политической мысли, востребованы современностью.

Ленин, Гегель и диалектика

К 1890 г. многие доминирующие мыслители центральноевропейского марксизма перешли к формам неокантианства или даже позитивизма. Казалось, что никто из ключевых фигур, включая Энгельса, не был заинтересован в Гегеле. Таким образом, в связи с шестидесятилетней годовщиной со дня смерти Гегеля в 1891 г., именно Георгий Плеханов написал статью, посвященную основателю диалектики в *Die Neue Zeit* (*«Новое время»*), в тот период в ведущем журнале марксистской мысли. К сожалению, Плеханов, который в этой статье отчеканил отчасти двусмысленный термин «диалектический материализм», также развил эволюционистскую и вульгарно-материалистическую версию диалектики. Он не видел фундаментального отличия между марксистской диалектикой и дарвинистским эволюционизмом, хотя Маркс ссылался на дарвинистскую точку зрению в первом томе «Капитала» как на пример слабости абстрактного материализма естественных наук, материализма, который исключает исторический процесс*.

* См.: Marx K. Capital. Vol. 1. L., 1976. P. 494.

До 1914 г. Ленин придерживался взглядов Плеханова, но не в политическом — Плеханов чаще находился в правом крыле российской социал-демократии, — а в философском смысле. В книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.) этот факт наиболее очевиден, в связи с чем она имеет два фундаментальных недостатка. Во-первых, она пускает в обращение грубую теорию отражения, в которой марксистский материализм был копией, приблизительной копией объективной реальности. Во-вторых, Ленин упустил все формы идеализма, представляющие собой не более чем «приукрашенную историю о привидении».

Позволим себе проследить данные два тренда ленинской мысли (теорию как фотокопию реальности и абсолютное отторжение идеализма) до его интеллектуального кризиса 1914 г., когда он действительно приступил к изучению Гегеля. Трансформация этих двух моментов покажет оригинальность Ленина после 1914 г. Как известно, в политическом отношении Ленин в это время порвал с марксизмом II Интернационала. Он призывал к новому Интернационалу, выступил за превращение империалистической войны в гражданскую, даже за революционное пораженчество. Он был среди таких важных фигур, как Люксембург, Либкнехт, Троцкий, кто занял решительную позицию против войны, которая в итоге унесла более 10 млн человеческих жизней. Люксембург, к примеру, была отправлена в тюрьму за свою принципиальную оппозицию войне.

В Швейцарии осенью 1914 г. Ленин в первый раз стал осознавать себя не только в качестве лидера российского марксизма, но и как ключевую фигуру, способную перестроить международный марксизм на руинах старого, дискредитировавшего себя II Интернационала. Таким образом, Ленин приступил к философскому переосмыслению не в период спокойствия, но во время бедствия, требовавшего реорганизации всех его фундаментальных принципов, когда лидеры II Интернационала предали социализм и рабочий класс, помогая его отправке на кровавую резню в окопах.

Ленин провел интенсивное изучение Гегеля в первые месяцы войны — с сентября 1914 до января 1915 г. Основные изменения в его философском мировоззрении произошли в то время, когда он начал набрасывать и суммировать заметки и комментировать огромную «Науку логики» Гегеля. Ленин изучал данную работу, списывая целые абзацы на немецком языке,

усыпанные его собственными комментариями, в основном на русском.

Во-первых, произошел сдвиг от грубого материализма к критическому усвоению гегелевской идеалистической диалектики. Как и Энгельс, Ленин чувствовал родство между изменчивостью, гибкостью и гегелевской мыслью: «Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение»*. Но вскоре он идет дальше дихотомии Энгельса о «двух больших лагерях» в философии – идеализма и материализма: «Мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно, не überschwenglich**»***.

Здесь он впервые ввел новое понятие «вульгарный материализм». Далее в своих конспектах он писал, что Плеханов никогда не анализировал «Науку логики» – в глазах Ленина – самую фундаментальную работу Гегеля, и был не «диалектическим», а «вульгарным материалистом». В самом общем виде следует подчеркнуть, что такие замечания со стороны Ленина куда ближе к тому, что обычно называется критическим марксизмом, чем к ортодоксальному ленинизму. В конспектах по «Науке логики» Ленин пытался избежать односторонности грубой материалистической точки зрения: «Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и в особом, невозможно»****. Таков отчасти был пример того, какой должна быть критика неокантианства. Критикуя свои прежние работы, такие как «Материализм и эмпириокритицизм», а также Плеханова, Ленин писал: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»*****. В данном случае

---

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 98.

** Überschwenglich (чрезмерный, преувеличенный, безмерный) – термин, употребляемый И. Дицгеном при характеристике отношения абсолютной и относительной истины, материи и духа и т. п.

*** Ленин В. И. Философские тетради. С. 104.

**** Там же. С. 160.

***** Там же. С. 161.

произошло что-то довольно значительное, а именно: в первый раз после молодого Маркса Ленин предположил рассмотрение проблемы с «гегелевской точки зрения» без необходимости обращения к знатокам материализма. В сущности, Ленин ухватился за противоположное направление по отношению к вульгарному материализму, который, по его мнению, развивал материалистическую, но не гегелевскую, и следовательно, не диалектическую критику неокантианского идеализма.

Таким образом, сложился известный афоризм Ленина, уже процитированный выше в данной главе: «Нельзя вполне понять "Капитала" Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей "Логики" Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!»*

В других случаях Ленин ссылался на гегелевскую диалектику как на «внутренний пульс самодвижения и жизнеспособности». Постепенно он отошел от своего прежнего отторжения идеализма. Сейчас особенно стало необходимым критически приблизиться к гегелевской диалектике и связать ее с марксистским материализмом. В отличие от понятия Энгельса о двух противоположных лагерях, идеализме и материализме, Ленин приблизился к позиции, предполагавшей своего рода диалектическое единство между идеализмом и материализмом. Что-то схожее, неизвестное Ленину, было совершено молодым Марксом в 1844 г., который писал, что «последовательно проведенный натурализм или гуманизм отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обоих истиной»**.

Во-вторых, мне бы хотелось взглянуть на возрастающий отказ Ленина от грубой теории отражения — уже другой разрыв с собственной позицией 1908 г. Самое явное доказательство тому содержится в утверждении, написанном почти в конце «Философских тетрадей»: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»***. Таков пример активного, критического, революционного усвоения гегелев-

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 162.

** Marx K. Critique of the Hegelian Dialectic (1844) // Fromm E. Marx's Concept of Man. N. Y., 1961. P. 181. См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М., 1974. С. 162.

*** Ленин В. И. Философские тетради. С. 194.

ского идеализма. В данном случае сознание, воплощенное в революционной теории, представляет собой не только отражение материальных условий. Оно также преодолевает эти условия, создавая новый мир свободным от дегуманизированных общественных отношений капитализма. Ни материализм, ни отражение не занимают приоритетное место в «последнем анализе». Во всяком случае, течение суждения уводит нас в противоположное направление — от ограничений теории отражения к понятию, где идеи, концепции способны «создать» объективный мир.

Несмотря на свой рьяный критический взгляд на Ленина, Лешек Колаковский признавал, что данные конспекты по «Логике» Гегеля идут дальше ортодоксальной позиции Энгельса, сводившей диалектику до текучести как противоположности статичных форм. В своей книге «Основные направления и течения марксизма» Колаковский пишет, что «Философские тетради» «развивают менее упрощенную интерпретацию гегельянства, чем это делает Энгельс. Диалектика — это не просто утверждение о том, что “все изменяется”, но и попытка понять знание человека как вечное взаимодействие субъекта и объекта, в котором “абсолютная первичность” каждого из них теряет свою остроту»*.

Национально-освободительные движения: новые диалектические противоположности в эпоху империализма

Как известно, одной из ключевых теоретических работ Ленина является «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако немногие исследовали ее связь с его работами по национально-освободительным и антиимпериалистическим движениям. И еще меньшее число исследователей изучили связь данной книги с его конспектами по «Науке логики» Гегеля, завершенными годом ранее. В этом я вижу свою дальнейшую задачу.

---

* Kolakowski L. The Golden Age // Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Vol. II. Oxford, 1978. P. 464.

В настоящее время среди левых доминирует тенденция рассматривать все формы национализма в качестве реакционных. Любопытно, что поколением ранее ситуация была совершенно противоположная: некритическая поддержка всех форм национально-освободительных движений в третьем мире — от Южной Африки до Палестины и от Вьетнама до Кубы. Работы Ленина, особенно те, которые были написаны после 1915 г., далеки от некритичного отношения к национальным движениям. Вместе с тем он был первым крупным политическим теоретиком среди как марксистов, так и немарксистов, кто осознал важность, которую антиимпериалистические национально-освободительные движения привнесут в глобальную политику в XX в.

Как было упомянуто ранее, до 1914 г. Ленин рассматривал себя в качестве лидера скорее российского, нежели международного марксизма. В этом смысле его траектория довольно отлична от судьбы Люксембург, которая стала выдающимся лидером международных социалистических встреч, предшествовавших Первой мировой войне. Деятельность и теоретическая работа Ленина в разгар войны привели его на путь мировой революционной политики, по крайней мере по четырем важным причинам.

Во-первых, как мы уже увидели, конспекты Ленина по «Науке логики» Гегеля были частью очевидной попытки переосмысления марксистской теории после предательства 1914 г.

Во-вторых, в своей книге об «Империализме...» (1916) Ленин даже не упомянул о России, напротив, сфокусировался на ведущих капиталистических странах — Великобритании, Франции, Германии и США. Сразу же после кризиса 1914 г. Ленин решил вступить в дискуссию, которая занимала мировой марксизм приблизительно с 1910 г. и велась с участием Розы Люксембург, Карла Каутского и Рудольфа Гильфердинга. Ни одна из его работ после 1915 г. по антиимпериалистическим национально-освободительным движениям не концентрировалась исключительно на национальностях в пределах Российской империи; напротив, они фокусируются в той же мере на Ирландии, Китае, Индии и Ближнем Востоке.

В-третьих, в своей работе «Государство и революция» (1917) он едва ли упоминает развитие России в целом. Это был теоретический трактат, обрушившийся с жесткой критикой на

основные линии немецкой социал-демократической теории и практики со смерти Энгельса с 1895 г., и явной попыткой с его стороны заложить теоретическую веху для мирового, а не только российского марксизма.

В-четвертых, его попытки основать новый Интернационал, начавшиеся в 1914-м и реализовавшиеся в 1919 г., демонстрируют этот сдвиг в сфере практики. Известно, что младший соратник Ленина по большевистской партии, Николай Бухарин, также писал трактаты об империализме и государстве незадолго до него. В одной из многочисленных попыток принизить оригинальность теоретической мысли Ленина и изобразить его исключительно как организаторскую личность яркие отличия между Лениным и Бухариным также затмеваются, особенно в исследованиях о Ленине у Тони Глиффа и Нейла Хардинга, основательно доказывающих, что как в работе «Империализм...», так и в «Государстве и революции» Ленин следует точке зрения, ранее развитой Бухариным.

Когда Ленин приступил к развитию понятия о том, что антиимпериалистические национально-освободительные движения станут основной силой сопротивления капитализму в империалистическую эпоху, его позиция столкнулась с жестким противостоянием. Аргумент Бухарина о том, что ставшая результатом войны централизация мирового капитала способна изжить национализм, нашел куда больше поддержки среди революционных левых. Вот почему линия Ленина продолжала оставаться в меньшинстве и после 1917 г. в том, что впоследствии будет называться национальным и колониальным вопросами, даже среди тех марксистов, кто порвал со II Интернационалом. Данный момент отчетливо прослеживается в его полемике не только с Люксембург и с Бухариным, но и с Карлом Радеком и другими.

В работах 1916—1917 гг. по империализму и национализму, написанных в эмиграции, Ленин, в частности, ссылался на Пасхальное восстание в Ирландии 1916 г., а также на Китай, Иран, Турцию и Индию. Ирландский случай, один из крупных национальных антиимпериалистических восстаний, вызвал жесткую полемику, в которой Ленин подробно выработал собственную точку зрения. Ленин приветствовал восстание, в том числе рассматривая его с позиции диалектики: «Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению

на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»*.

В правом крыле российской социал-демократии Плеханов приветствовал провал Пасхального восстания, в то время как Радек, бывший коллега Люксембург, который в данный момент работал с Лениным, оценил его как «путч»: «Движение, называемое "Шинн Фейн", было чисто мелкобуржуазным движением, и хотя оно стало причиной значительных волнений, в реальности не имело социальной поддержки»**. Троцкий занял позицию между Радеком и Лениным, принижая значимость восстания, но видя в нем потенциал движения, если оно будет способно преодолеть свой национализм. Он не был чрезмерно наделен даром предвидения, когда писал, что, учитывая развитие мирового капитализма, «историческая основа для национальной революции исчезла в попятном движении в Ирландии». Таким образом, Троцкий заключил, что «опыт Ирландского национального восстания» иллюстрировал «устарелые надежды и методы прошлого»***. Данная дискуссия не привлекла того внимания, которое она заслуживает, поскольку вышеприведенные цитаты из текстов Радека и Троцкого были переведены на западные языки лишь позднее. Несколько исследований по Ленину, опубликованных, начиная с 1970 г., в основном британскими учеными, либо не упоминают Ленина в связи с Ирландией, либо выделяют характеристику этих аспектов наследия Ленина мелким шрифтом.

Снова и снова Ленин писал о сотнях миллионов угнетенных глобальным империализмом, жаждущих освобождения. Он видел глубокое отличие между освободительными национальными движениями внутри угнетенных наций и шовинистским национализмом доминирующих государств. Национальное освобождение было диалектической противоположностью глобального империализма, тогда как национализм ведущих держав Европы, Соединенных Штатов и Японии усиливал и поддерживал империализм.

---

* Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Ленин В. И. ПСС. Т. 30. М., 1973. С. 56.

** Radek K. Their song is played out // Lenin's Struggle for a Revolutionary International. Ed. J. Riddel. N. Y., 1984. P. 375.

*** Trotsky L. Lessons of the Events, in Dublin / Lenin's Struggle for a Revolutionary International. Ed. J. Riddel. N. Y., Monad Press, 1984. P. 372–373.

Те, кто принижает теоретический вклад Ленина или видит в нем лишь тактика, должны учесть его предвидение по данным вопросам. Три десятилетия спустя после того, как Ленин теоретически осмыслил антиимпериалистические национальные движения в качестве ключевого фактора глобальной политики, добилась освобождения Индия, вначале 1960-х гг. начали свое шествие африканские освободительные движения.

В 1916 г. Ленин писал: «Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит, отрекаться от социальной революции»[*].

В одной из своих поздних работ «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)» (1923 г.) Ленин критиковал тех, кто пытался выделить исключительность неевропейского развития в рамках абстрактной универсальности: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, <...> они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом mutatis mutandis, не иначе как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории). <...> Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»[**].

---

[*] Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Ленин В. И. ПСС. Т. 30. М., 1973. С. 54.

[**] Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 378–379.

Как Ленин подчеркивал выше, все это связано с недостатком диалектического взгляда.

В этом смысле его исследования по Гегелю и работы по национально-освободительным движениям стали определенной заготовкой. Годом ранее, в 1922 г., Ленин призывал к изучению диалектики Гегеля в Советской России, связывая его с пробуждением угнетенных и колонизированных народов: «сотрудники журнала “Под Знаменем Марксизма” должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем “Капитале”, и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»*.

Такова первая часть данного утверждения — и важно то, что не вся часть антиимпериалистического движения сосредоточена в Азии. В этом контексте можно сказать, что Корш размежевал дискуссию о Гегеле и диалектике, создав таким образом «западный» вопрос. Он оставил в стороне то, что он, очевидно, недолюбливал даже в 1923 г., — симпатию Ленина к новым «восточным» освободительным движениям. Подобный тип разделения позднее истощит многие постленинские дискуссии по диалектике на Западе.

Заключение

Охарактеризованные сопряжения Ленина с Гегелем в 1914—1915 гг. представляют собой важную часть наследия марксизма. Пройти мимо них — значит проигнорировать богатство традиции. Тот факт, что русская революция была трансформирована при Сталине и его последователях в свою противоположность, в общество тоталитарного государственного капитализма, при-

---

* Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 30.

дает больше оснований прямо соприкоснуться с глубоко противоречивой природой истории марксизма двадцатого столетия. В этой связи возвращение к Марксу без обращения также к Ленину и к его поколению имеет много ограничений. Это справедливо и для хорошо известной недавней попытки возрождения Маркса – «Призраков Маркса» Жака Деррида (1993).

Я выделил три основных достижения Ленина относительно диалектики и национального освобождения. Во-первых, он обосновал идею о диалектике как об основе революционного марксизма в противовес реформистскому марксизму, тем самым прокладывая путь для последующих авторов, таких как Лукач. Во-вторых, его анализ империализма и национального освобождения стал важен для антиимпериалистических движений в XX в. и далее. Расширяя ортодоксальное марксистское понятие революционного субъекта, Ленин помог проложить путь для дальнейших попыток осмыслить не только национальные и этнические освободительные движения, что он сам и пытался делать, но также движения женщин, экологов, геев и лесбиянок, молодежи. Однако, в отличие от политики идентичности, Ленин уводит нас к форме диалектического единства различных форм сопротивления. В-третьих, его труды по Гегелю и диалектике напрямую повлияли на творческие течения в рамках гегельянско-марксистской мысли, особенно во Франции и в США.

Все данные моменты показывают не только важность нового открытия Лениным диалектики, но стойкость диалектики в рамках революционной мысли и практики. Это наследие, которое мы намеренно не замечаем, подвергаясь тем самым опасности. Мы должны осмыслить его критически, если не собираемся повторить ошибки последнего столетия, которые привели нас к куда более глубокому кризису марксистской и радикальной мысли, чем тот, с которым столкнулся Ленин в 1914 г.

Перевод с английского Г. Ш. Аитовой

Б. Ф. Славин

Ленин: философия создания социализма в России*

Чем дальше от нас время жизни Владимира Ильича Ленина, пожалуй, самого крупного революционера и политика в истории человечества, тем острее идет борьба вокруг его духовного и политического наследия. Сегодня, когда последствия глобального кризиса заставляют миллионы людей открыто проявлять недовольство системой капитализма, осмысление ленинского наследия приобретает особую актуальность.

Никто не может отрицать, что Ленин сыграл ведущую роль в совершении Великой Октябрьской социалистической революции, изменившей ход истории в XX в., открывшей людям труда дорогу к свободе и социальной справедливости. Как создатель и руководитель первого в мире Советского государства, он сумел вывести Россию из хаоса Мировой и Гражданской войн, основать Союз независимых национальных республик, провести не в пример нынешним реформаторам в сжатые сроки нэповские реформы, давшие народу необходимое благосостояние, свободу и справедливость.

Ленин всегда был в центре идейно-политической борьбы своего времени. Сегодня, как и в прошлом,

---

* Текст публикуется впервые.

отчетливо видны две крайности в освещении его места и роли в истории. Первая, когда его превращают в икону, больше почитая, чем читая. Вторая связана с очернением его имени, часто идущее от тех, кто еще недавно ему фанатично поклонялся. В этом же русле лежат современные попытки ликвидировать его Мавзолей, не считаясь с тем, что он стал определенным символом своего времени. Однако те, кто пытается таким способом избавиться от памяти великого революционера, на мой взгляд, лишь усиливают тягу людей к его идеям и главному делу его жизни — первому опыту создания социализма в России.

Каким же был Ленин на самом деле и какова та философия, которая двигала его революционным творчеством?

Творческое начало

Две характерные черты были присущи Ленину: он был ученым в революции и революционером в науке и жизни. Эти качества выгодно его отличали от других лидеров, стоявших во главе Российской социал-демократической рабочей партии. Почти на всех его работах лежит печать неортодоксального, творческого марксизма. Если Георгий Плеханов был ортодоксом, распространителем и охранителем марксизма, то Ленин каждый раз по мере изменения действительности совершенно по-новому ставил и решал известные вопросы, будь то понимание исторической роли русской общины, рынка, империализма или революции.

Уже на заре своей научной и политической деятельности, когда многие социалисты думали о будущем развитии России через общину, Ленин в споре с народниками доказал, что Россия не является исключением из стран, ставших на путь капитализма, отрицавшего общинный уклад. Может быть, наибольшее непонимание и сопротивление вызвали ленинские идеи об особенностях буржуазно-демократической революции в эпоху господства монополистического капитала. Однако справедливость этих идей стала очевидной, когда большевикам пришлось доделывать то, что должна была осуществить буржуазия, находясь у власти после февраля 1917 г., т. е. отдать землю крестьянам, решить национальный вопрос и заключить мир с Германией.

Что же определяло творческую лабораторию ленинской мысли? Думаю, свойственный ему диалектический метод анализа действительности, унаследованный от Маркса и Гегеля.

Его известные афоризмы о конкретности истины и о том, что нельзя понять логику «Капитала», не поняв «Логики» Гегеля, можно отнести и к творчеству самого Ленина. Нельзя понять его труды, не зная метода, на основе которого они писались. Этот метод, сжато описанный им в работе «К вопросу о диалектике», был прост и сложен одновременно. Прост потому, что во главу угла ставил не схемы и мифы, которыми во многом сегодня грешат некоторые лидеры левой оппозиции, а практику живой жизни. Сложен потому, что Ленин, как никто другой, умел находить и выделять в окружающей обстановке тот единичный элемент, который в будущем становился доминирующим и всеобщим. Так Ленину удалось открыть в первых Советах рабочих депутатов прообраз будущей политической системы. Он увидел новые качества кооперации и госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата, а также настоял на использовании буржуазных чиновников и специалистов в интересах рабочего государства.

Ленин обладал мощным творческим потенциалом в умении анализировать действительность, его антидогматизм порой поражает. Даже из собственных ошибок он извлекал научную пользу. Так, из ошибочного бойкота царской Думы он сделал вывод о необходимости использования буржуазного парламента как трибуны, связывающей революционную партию с массами, из неудачного наступления Красной Армии на Варшаву он развивает концепцию о невозможности экспорта революции, из тупиковости политики «военного коммунизма» рождает и осуществляет идею нэпа. Вся его работа «Детская болезнь левизны в коммунизме» построена на творческом осмыслении подобных ошибок в стратегии и тактике большевиков.

Современные «критики» Ленина пытаются его представить апологетом насилия, эдаким кровожадным монстром. На самом деле Ленин видел в насилии далеко не единственное средство политики. Мало того, как в случае с Брестским миром, он считал «страшным и чудовищным» прибегать к насилию в тех случаях, когда мирные средства, в частности переговоры и дипломатия, могут дать действенный результат. Да, Ленин требовал высылки ученых и философов из страны, но это относилось только к тем деятелям, которые вели после 1917 г. активную идейную борьбу с советской властью. Да, он отдавал приказы о конфискации церковных ценностей, но делал это ради ликвидации голода в Поволжье, ради спасения от смерти миллионов простых людей. Но разве аналогичные действия не предпринимали другие политики? Разве Петр I в свое время не отдавал

приказы о снятии церковных колоколов для нужд войны, разве Николай II не ссылал в Сибирь российских социал-демократов только за то, что они отказывались вотировать за военные кредиты и вели пропаганду социализма среди солдат?

Конечно, Ленин не был пацифистом, но не был он и человеком, исповедующим культ силы. Он никогда не считал, что конечная цель оправдывает любые средства ее достижения. По его мнению, в политике цель всегда должна иметь адекватное, а не любое средство достижения.

Не отвлеченные идеологемы, а практика была для Ленина критерием истины. Она подсказала ему, в частности, необходимость создания профессиональной Красной Армии в годы Гражданской войны, отказ от методов политики «военного коммунизма» в условиях мирного времени, она помогла ему под влиянием Кронштадтского мятежа и личных встреч с крестьянскими ходоками прийти к важнейшему теоретическому выводу о сохранении товарно-денежных отношений в условиях неразвитости страны. В конечном итоге диалектический разум Ленина сумел разрешить, казалось, неразрешимую историческую загадку: как в отсталой капиталистической стране построить социализм. Если Плеханов, отвечая на этот вопрос, по-своему «умывал руки», говоря, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма»*, то Ленин приходит к парадоксальной на первой взгляд идее — *победе над капитализмом с помощью капитализма*, т. е. «...сделать так, чтобы их руками работать на нас...»**. Новая экономическая политика, разработанная и введенная Лениным в 1921 г., превратила эту идею в реальность.

Можно спорить, кому впервые принадлежала идея нэпа: меньшевикам, Троцкому или Ленину, но ясно одно, Ленину удалось ее не только выдвинуть, не только теоретически обосновать, но и блестяще осуществить на практике. Уже ко второй половине 1920-х гг. был восстановлен довоенный уровень экономического развития страны. Сегодня, как и в 20-е гг., существует два типа критиков ленинского нэпа. Одни пыта-

---

* Цит. по: Блохин В. Ф., Ветошко А. Н. и др. История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. Брянск, 1994. Вып. 2-й. С. 29.

** Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) 27 марта // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 97.

ются доказать, что нэп для Ленина был всего лишь временной уступкой буржуазии, политикой «ненадолго». Другие, напротив, педалируют фразу Ленина, что нэп это политика «всерьез и надолго». Думаю, что подобные интерпретаторы слишком упрощенно представляют взгляды Ленина в связи с нэпом. Он прекрасно сознавал, что создание социализма в России происходит в конкретной исторической среде, включая среду мирового рынка. Пока будет существовать мировой рынок и различные уклады, будут сохраняться и рыночные отношения. Нэп для Ленина был, конечно, «всерьез и надолго». Вместе с тем «надолго, но не навсегда».

В этом же русле лежат и ленинские призывы к большевикам полностью овладеть рыночным отношениями в ходе строительства социализма. Характерно, что его конкретные призывы научиться торговать, беречь золото, перенимать опыт умелого хозяйствования и управления у капиталистов и т. д. встретили жесточайшую критику слева и справа. Критики слева считали, что нэп противоречит Программе партии, принятой в 1919 г. («рабочая оппозиция», Преображенский и др.), а критики справа увидели в нем либо еще одно подтверждение своих прежних взглядов, отождествляющих Октябрь с буржуазно-демократической революцией (правые меньшевики), либо историческую необходимость буржуазного «перерождения» советской власти («сменовеховцы»). Полемизируя с подобными взглядами, Ленин считал позицию левых проявлением панических настроений отдельных коммунистов, связанных с неумением объективно видеть противоречивую реальность в условиях перехода от капитализма к социализму. Что касается правых, то он рассматривал их позицию как «предупреждение» классовых противников о тех возможных границах политики нэпа, которые советская власть никогда не должна переходить. К сожалению, многие современные исследователи советской истории не в состоянии понять этой диалектики и вытекающей отсюда тактики и стратегии Ленина, приписывая ему якобы не преодоленную дилемму классической антирыночной трактовки социализма, с одной стороны, и необходимость введения рыночных отношений и нэпа — с другой*.

* См.: Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина. М., 2009. С. 271–275.

Наиболее ярко творческий потенциал Ленина проявился в последние годы его жизни, когда он усиленно работал над своими статьями, названными его «Политическим завещанием». К сожалению, они до сих пор недостаточно осмыслены идеологами левых партий. Главный вопрос, который волновал Ленина в этих статьях, — это вопрос о возможности построения социализма в стране невысокого экономического и культурного уровня развития, каковой и являлась в то время Россия.

Как известно, меньшевики настаивали на такой последовательности событий: сначала буржуазная революция и развитие России по капиталистическому пути и только потом, после «цивилизаторской» миссии капитализма, можно говорить о социалистической революции и построении социализма. Ленин считал иначе: никакого механического порядка в истории нет. Если ситуация в ходе Первой мировой войны сложилась так, что созрел необходимый для социалистической революции союз рабочего класса и крестьянства, революционеры не могут и не должны упускать такого момента. Они должны возглавить массы и взять власть в свои руки. Затем, уже на основе этой власти, начать «догонять» другие, более развитые страны.

Как известно, главный аргумент, выдвигаемый против Ленина, в частности левым меньшевиком Н. Сухановым, состоял в том, что уровень развития производительных сил в России недостаточен для построения социализма, что нужен длительный период культурного развития страны, своеобразный «переворот в средствах производства», чтобы можно было говорить о реальных социалистических преобразованиях. Считается, что Ленин пренебрег этим мнением. На самом деле ленинские возражения не обходили этого главного сухановского аргумента. Мало того, он его признавал справедливым, но в отличие от многих меньшевиков был уверен, что советская власть является тем необходимым политическим условием, без которого не будет успешного построения социализма в России. И хотя *окончательную* победу социализма, в отличие от Сталина, он не мыслил вне революционных изменений на Западе и Востоке, переход России к социализму считал вполне возможным. Для этого, полагал он, необходимо соблюсти два основных условия: «культурничество» в широком смысле слова, связанное с подъемом производительных сил и производительности труда в России, до высшего мирового уровня, и широкое развитие демократии, связанное с привлечением трудящихся к управлению страной.

О двух моделях советского социализма

Особенности советского социализма начали наглядно проявляться по мере практического осуществления нэпа. Именно с переходом к нэпу, на мой взгляд, проявлялись те основные черты ленинской модели становления социализма, которая была полной противоположностью того, что позднее осуществил И. Сталин в Советском Союзе.

Уже в марте 1922 г. Ленин начинает говорить об «остановке отступления», связанного с уступками капитализму в рамках нэпа*, и четко формулирует общую стратегию движения к социализму, суть которой означает преодоление «разрыва» «между необъятностью задач и нищетой материальной и нищетой культурной»**. В начале 1923 г. он повторит это в статье «О кооперации»: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...»***

Что же конкретно нужно было сделать для того, чтобы осуществить культурную революцию и стать «вполне социалистической страной»? Прежде всего реализовать, говоря современным языком, основные критерии социалистичности, которые принципиально отличают ленинскую модель советского социализма от сталинской модели, утвердившейся после смерти Ленина и представляющей собой, говоря словами Маркса, «казарменный», или «фальшивый», социализм.

Рассмотрим более близко эти критерии и основные черты ленинской модели советского социализма, начиная с ее материально-технологической основы и кончая идеологией.

---

* См.: Ленин В. И. О международном и внутреннем положении // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 10–11.

** Ленин В. И. Планы политического отчета ЦК РКП(б) // Там же. С. 411.

*** Ленин В. И. О кооперации // Там же. С. 376–377.

Прежде всего следует отметить, что Ленин всегда считал, что *социалистическое общество в конечном счете должно выиграть соревнование с капитализмом, создав более высокий уровень развития производительных сил и производительности труда — этого общеисторического критерия, дающего возможность перейти к посткапиталистической формации.* Он писал: «Производительность труда, это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден... тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»*. Необходимость достижения этой цели становилась особенно актуальной, если учесть невысокий уровень материально-технического развития России. Исходя из этого Ленин настаивает на поиске новых ростков и приемов деятельности, ведущих к социализму. В частности, данную задачу следует решать путем решительного соединения лучших технических и организационных достижений западного капитализма с советской властью. В этой связи он писал в материалах к работе «Очередные задачи Советской власти»: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм»**. Эта малоизвестная формула социализма по Ленину принципиально отличается от сталинской идеи «национального» социализма своим сугубо интернациональным содержанием.

Однако, как известно, Ленин на этой формуле не остановился. Она удовлетворяла его, поскольку была связана с конкретизацией его давней идеи соединения советской власти с лучшими достижениями западного госкапитализма, но в ней не было главного — указания на новейшую производительную силу — электрическую энергию, использование и распространение которой могло в сжатые сроки вывести России не только «из мглы» исторической отсталости, но и сделать ее передовой технической державой мира. Эта его идея достаточно прозрачна — восстанавливать производительные силы, разрушенные

---

* Ленин В. И. Великий почин // Там же. Т. 39. С. 21.

** Ленин В. И. Планы статьи «Очередные задачи Советской власти» // Там же. Т. 36. С. 550.

двумя предшествующими войнами «...не на старой, нищенской, мелкой основе, а на основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации»*. Такая возможность стала реальностью после разработки плана ГОЭЛРО. В этой связи названная выше формула социализма трансформируется у него в новую известную формулу: «Коммунизм = Советская власть + электрификация» всей страны**. По мнению Ленина, «...если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»***.

В своей последней работе «Лучше меньше, да лучше», написанной 2 марта 1923 г., он показывает, как ее можно и должно осуществить на практике. По его мнению, это можно сделать, если свести «наш госаппарат до максимальной экономии», если из него изгнать «все следы излишеств», оставшихся от аппарата «царской России». Он тут же спрашивает сам себя: «Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?» И отвечает: «Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее»****.

Если к этим словам добавить ленинское отношение к науке, которую он считал важнейшей производительной силой, которой должны овладеть не только специалисты-управленцы, не только инженеры, но и широкие массы трудящихся, тогда становится понятным, какой всеобщий план подъема производительных сил и индустриализации готовил Ленин. На основе

---

* Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики / Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 312.

** Ленин В. И. Заметки об электрификации // Там же. Т. 42. С. 227.

*** Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике (VIII Всероссийский съезд Советов 22 декабря 1920 года) // Там же. С. 161.

**** Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Там же. Т. 45. С. 405.

именно такого плана он стремился не только «...догнать передовые страны, но и перегнать их также и *экономически*»*.

Что касается методов индустриализации, то Ленин считал, что, перенимая у Запада «готовый опыт» передовых стран в области научных систем управления и организации производства (системы Форда и Тейлора), надо перенимать его критически, не допуская буржуазных способов «выжимания пота» из рабочих. Нечто прямо противоположное предлагал Сталин для осуществления индустриализации: его методы были не социалистическими, а добуржуазными, азиатскими методами. Осуществляя индустриализацию на практике, он фактически выжимал последние соки из рабочих с помощью прямой интенсификации труда, прикрываемой в том числе пропагандой стахановского движения. Цена сталинской индустриализации по человеческим меркам была очень высокой: ее осуществление было оплачено не только потом и кровью рабочих и крестьян, но и жизнью многих выдающихся ученых, инженеров и экономистов, пытающихся внести разумное начало в создание нового общества. Среди них были такие выдающиеся имена, как В. Ларичев, А. Чаянов, Н. Кондратьев и др.

Без создания крупной индустрии Ленин не мыслил развития сельского хозяйства в России. Отсюда его мечта о сотнях тысяч тракторов для успешного функционирования коллективных хозяйств, создаваемых на строго добровольных началах. Нельзя забывать, что ленинский план коллективизации был составной частью более широкого плана кооперации в стране. Именно идея кооперации была тем новым, что внес Ленин в теорию социализма на основе осмысления пятилетнего опыта революционных преобразований. По его мнению, кооперация решала главный вопрос, который был «камнем преткновения для многих и многих социалистов»: как соединить в хозяйстве личные и общественные интересы?

Одним из объективных сдерживающих факторов строительства социализма в России была отсталость деревни с ее низким уровнем производительности сельского производства, распыленностью единоличных хозяйств и мелкобуржуазным характером труда, постоянно рождающим из себя капиталистические тенденции. Размышляя над этим противоречием и

* Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Там же. Т. 34. С. 198.

изучая практический опыт новой экономической политики, Ленин и приходит к своеобразному открытию — прогрессивной роли кооперации, позволяющей создать в СССР полноценное социалистическое общество. По его мнению, если раньше социалисты третировали кооперацию как сугубо торгашеское и частное предприятие, весьма далекое от социализма, то теперь, в условиях советской власти и государственной собственности на все крупные средства производства, она становится тем звеном, которое может обеспечить, во-первых, союз рабочего класса с крестьянством, во-вторых, создает все необходимое и достаточное для построения социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения*.

Такую высокую оценку кооперации Ленин дает потому, что увидел в ней наиболее легкий для миллионов людей переход к «новым порядкам», т. е. ту степень соединения частного и общественного интереса, без которого невозможно построить социализм. Полемизируя с идеологами Пролеткульта, он пишет: «Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь»**.

Открыв для себя «социалистическое значение» кооперации, он тут же стремится показать, что практически можно и должно сделать исходя из этого «кооперативного» принципа. По его мнению, кооперация, во-первых, должна быть добровольной, во-вторых, она должна получить соответствующую имущественную льготу со стороны государства, например в форме более низкого ссудного процента, чем тот процент, который ссужается частным предприятиям, наконец, в-третьих, подвести под кооперацию современный технологический фундамент в виде соответствующих машин и механизмов. Главное, чтобы в деле кооперации на деле участвовали массы, а не только отдельные крестьяне, притом участвовали активно, сознательно и цивилизованно. Без европейской цивилизованности социализма как нового общества не будет. «Собственно говоря, — писал Ленин, — нам осталось “только” одно: сделать наше население

---

* См.: Ленин В. И. О кооперации. С. 370.

** Там же. С. 370–371.

настолько "цивилизованным", чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. "Только" это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму»*.

Сознавая эпохальный характер такого перехода, Ленин отводил для него десятилетия. За это время он планировал достигнуть поголовной грамотности в стране, снабдить село электричеством, техникой (трактора, комбайны), добиться повышения культуры земледелия, создать необходимый фонд от возможных неурожаев и т. д. Ленин был уверен в том, что каждый новый строй возникает при соответствующей материальной поддержке государства. Более того, он приходит к выводу, что «...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это и есть строй социализма»**. Именно в этом он видел «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»***.

Но если по Ленину кооперация означала глубокий социальный переворот в деревне, составляющий целую эпоху, то у Сталина коллективизация сельского хозяйства превратилась в оперативную кампанию, проводимую административными и чрезвычайными мерами. Для теоретического оправдания своей левацкой политики по отношению к крестьянству, которую он прежде критиковал, борясь с левой оппозицией, Сталин выдвинул идею недопустимости в период строительства социализма сохранения двух разнородных оснований — социалистической промышленности и индивидуального сельского хозяйства. При этом его совершенно не смущал тот факт, что для преодоления индивидуального хозяйства и эффективного кооперирования на селе нужна соответствующая техническая база, которой в то время просто не существовало.

На мой взгляд, Сталин в отличие от Ленина был весьма далек от подлинно марксистской теории, утверждавшей, что без соответствующих материально-технических предпосылок невозможно реальное обобществление производства, а следовательно, и успешное построение социализма. Не имея под собой соответствующей технологической базы, политика коллекти-

* Ленин В. И. О кооперации. С. 372.

** Там же. С. 373.

*** Там же. С. 376.

визации по Сталину, как правило, вырождалась в формальное обобществление средств производства. Есть все основания думать, что Сталин вообще не различал реального и формального обобществления производства. Вот характерный пример этому. 5 декабря 1929 г. он в письме В. Молотову хвастался: «Бурным потоком растет колхозное движение. Машин и тракторов, конечно, не хватает (куда там!); но уже простое объединение крестьянских орудий дает колоссальное увеличение посевных площадей (в некоторых районах до 50 %). В Нижне-Волжском крае переведено (уже переведено!) на рельсы колхозов 60 % хозяйств»*. Подобная политика, конечно, ничего общего с социализмом не имела: мало того, на практике она полностью дискредитировала его идеалы, заменив ленинский принцип добровольности вступления крестьян в колхозы чрезвычайными насильственными методами.

В итоге, проведя коллективизацию с помощью силовой политики раскулачивания не только кулаков, но и середняков, составлявших в то время основную массу производителей товарной продукции, Сталин ввергает сельское хозяйство на долгие годы в глубокий кризис, порождая голод и трагедию миллионов крестьянских семей. Потребовались долгие годы, чтобы под колхозы был подведен реальный технический фундамент, связанный с современной с/х техникой: тракторами, комбайнами и пр. Лишь тогда коллективная форма собственности в деревне наполнилась реальным содержанием и колхозы стали кормить страну. Правда, и здесь не обошлось без ошибок, проявившихся в стремлении форсировать развитие села путем приказного сокращения приусадебных участков и превращения колхозов в совхозы, что порождало новые трудности и проблемы в деревне.

С падением «реального социализма» в 1990-е гг. Россия столкнулась вновь со своеобразным возрождением сталинизма, но уже основанном на противоположной идее — «деколлективизации деревни». Ее реализаторами стали радикал-либералы, выступившие за немедленное введение частной собственности как панацеи от всех «социалистических» бед. Начав деколлективизацию сельского хозяйства в России, они, по сути дела, воспроизвели сталинизм с обратным знаком: если Сталин «мо-

---

* Письма И. В. Сталина — В. М. Молотову. 1925—1936 годы. М., 1998. С. 169—170.

лился» на святую государственную собственность и проклинал частную, то Гайдар с Чубайсом молились на святую частную собственность и проклинали общественную и государственную. В результате подобная «либеральная» политика привела к развалу высокопроизводительных колхозов-миллионеров, резкому сокращению пахотной земли, сжатию внутреннего рынка и исчезновению с карты России тысяч деревень. В то время когда фермеры всего мира ищут и находят новые и новые формы объединения и кооперации своего труда, российские крестьяне под влиянием политики современных горе-реформаторов фактически вернулись назад в давно прошедшие времена. В итоге потребности России в продовольствии в основном удовлетворяются сегодня за счет импорта сельскохозяйственных продуктов, что ведет к еще большему сокращению и без того узкого внутреннего рынка страны, снижая ее необходимую продовольственную безопасность.

Невозможно понять ленинскую модель советского социализма, не поняв его теории рабочего государства. Как известно, теоретические основы такого государства Лениным были выяснены еще до Октябрьской революции в работе «Государство и революция». В ней Ленин защитил и развил марксистскую теорию, показав классовую природу государства как в условиях буржуазного общества, так и в период перехода от капитализма к социализму. По мнению Ленина, в ходе Октябрьской революции удалось создать в лице Советов новый неэксплуататорский тип государства, выражающий волю и интересы рабочего класса и трудового крестьянства.

В отличие от анархистов Ленин вслед за Марксом и Энгельсом считал, что государство не может исчезнуть сразу после революции, его нельзя отменить никакими декретами: оно должно отмереть по мере роста производительных сил, исчезновения классов и превращения труда в первую жизненную потребность*. До этих пор на первой социалистической фазе развития, когда производительные силы не в состоянии дать изобилия продуктов, необходим строгий контроль за мерой труда и потребления со стороны государства. В таком обществе все «граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката", или одной фабрики, с "равенством труда и равенством оплаты", с необходимой тру-

* Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 112.

довой дисциплиной, «которую пролетариат распространит на все общество»*.

На основе этих ленинских высказываний некоторые современные исследователи делают вывод о том, что Ленин, вслед за Каутским, до конца своей жизни придерживался сугубо «механистических» представлений о социализме**. При этом совершенно игнорируется мнение самого Ленина о том, что идея «одной фабрики» и «фабричной» дисциплины «...никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед»***.

После Октябрьской революции марксистское понимание государства полностью подтвердилось на практике. В то же время оно вскрыло ряд новых моментов, связанных со спецификой России, которые классическая марксистская теория, опиравшаяся только на опыт стран Запада, не могла учесть. Практика функционирования Советского государства показала, что рабочий класс, если он хочет остаться у власти, не может просто сохранить и пустить в ход старую государственную машину: он должен ее разрушить, перерезав ее связи с буржуазией. Вместе с тем Ленин считал, что такой слом буржуазного государства не должен вести к уничтожению специалистов, банковских чиновников, других технических работников и служащих, готовых сотрудничать с советской властью. Сознавал Ленин и то, что в условиях советской власти возникнет широкое социальное творчество самих трудящихся как прообраз будущего коммунистического общества. Первые коммунистические субботники и развитие массового самодеятельного творчества рабочих, крестьян и интеллигенции это полностью подтвердили.

Принципиально иное представление о переходе к социализму и функционированию пролетарского государства находим в работах и высказываниях Сталина. Он, как правило, преувеличивал роль насилия в управлении государством и обществом. В этой связи он критиковал Энгельса и Ленина за их допущение

---

* Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 101.

** См.: Марксизм: Альтернативы XXI века. М., 2009. С. 220.

*** Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 101–102.

ненасильственного перехода от капитализма к социализму, связанного с демократическими преобразованиями и возможностью выкупа у капиталистов средств производства. Так, выступая на встрече с философами Института красной профессуры в конце 1930 г., он говорил: «...у Энгельса не совсем все правильно. Например, его письмо о перспективах войны между Россией и Германией. Это письмо использовал Каутский в 1914 г. Далее, в его замечаниях об Эрфуртской программе у него есть местечко насчет врастания в социализм. Это пытался использовать Бухарин... Ленин не без некоторой натяжки обходит это место в "Государстве и революции"»*.

Надо отметить, что Сталину в отличие от Ленина всегда было присуще сугубо бюрократическое представление о методах строительства социализма, задачах и функциях Советского государства. Если Ленин был уверен, что социализм нельзя создать без инициативы снизу, без опыта народа, то Сталин рассматривал массы в качестве сырого материала, с которым можно проводить любые социальные и политические эксперименты. Ленин считал, что Советское государство должно было полностью подчиняться трудящимся и контролироваться ими. Сталин, напротив, преувеличивал роль командных, сугубо аппаратных методов управления государством. Ленин писал: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»**. Сталин, напротив, считал, что социализм должен создаваться сверху, с помощью аппарата и жесткого, нередко силового, администрирования. «Массы, — писал он, — сами хотят, чтобы ими руководили, и массы ждут твердого руководства»***.

Сталин понимал Советы и общественные организации не как демократические институты осуществления власти трудящихся, а как бюрократические органы принятия нужных ему решений. Он писал в этой связи: «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезде Советов при советских порядках.

---

* Партархив ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 17. оп. 120. д. 24.

** Ленин В. И. Ответ на запрос левых эсеров / Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 57.

*** Сталин И. В. Соч. Т. 9. С. 161–162.

Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»*.

После смерти Ленина и вопреки его «Политическому завещанию», предполагавшему радикальную демократизацию Советского государства, Сталин построит свою сугубо тоталитарную модель государственной власти с одной партией, подчиненной аппарату, с одной догматической идеологией и одним непререкаемым вождем во главе. В этой модели с неизбежностью происходило бюрократическое перерождение Советов, профсоюзов и других общественных организаций. Они все больше превращались в организации, непосредственно подчиненные государственной власти. В итоге вместо осуществления социалистического идеала отмирания государства на практике происходило его усиление.

Сталин открыто говорил об ошибочности классической марксистской теории отмирания государства. Он вообще считал эту теорию, по его собственному выражению, «гнилой». Сталин считал, что усиление государства должно идти за счет усиления его централизации, иерархии и репрессивных функций по отношению ко всем «врагам народа». При этом к данной категории лиц он сначала относил своих политических противников из числа левой и правой оппозиции, а затем и всех остальных граждан, недостаточно лояльно относящихся к режиму его личной власти. Отсюда репрессии, которые он считал «необходимым элементом наступления» в области «социалистического строительства»**. Их он и сделал своим главным средством борьбы со своими политическими противниками, оправдывая свои действия теорией «обострения классовой борьбы» по мере «наступления социализма».

О профсоюзах и принципе социалистического распределения

Окончание Гражданской войны и переход к мирному строительству социализма сразу поставил вопрос о месте и роли профсоюзов в советском обществе. Этот вопрос становился

---

* Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 366.

** Там же. Т. 12. С. 309.

особенно актуальным в связи с тяжелым положением страны, общей разрухой, приведшей к значительной деклассированности рабочего класса, являющегося социальный опорой Советского государства и правящей партии большевиков. В отличие от партии как сознательной части рабочего класса профсоюзы были единственной организацией, охватывающей почти всю основную массу рабочих. Отсюда возникал ряд вопросов: каковы должны быть взаимоотношения рабочего класса и партии, партии и профсоюзов, советской власти и профсоюзов? Фактически это были вопросы, говоря словами Ленина, «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой»*. И хотя общетеоретические ответы на эти вопросы были сформулированы в Программе правящей партии, новые послевоенные условия жизни общества снова поставили их в повестку дня. Решение этих вопросов обострилось в связи с возникшей в конце 1920 г. дискуссией внутри партии.

Главная проблема, к которой свелась эта дискуссия, состояла в том, способны ли профсоюзы с сегодня на завтра сосредоточить в своих руках управление всем народным хозяйством или нет? Вопреки ныне распространенному мнению о том, что большевики якобы хотели доверить неграмотной кухарке управлять страной, Ленин считал, что рабочие и крестьяне должны сначала научиться управлению, прежде всего в рамках своих профсоюзов, и лишь после того, как иным станет их культурный уровень, когда исчезнут классы и будет полностью построено социалистическое общество, рабочие сумеют взять в свои руки управление народным хозяйством. Он говорил: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки...»** По его мнению, профсоюзы как раз и есть та школа, где они должны будут учиться управлению многие годы. Пока же функцию управления государством осуществляет наиболее сознательная часть рабочего класса в лице коммунистической партии, которая ведет за собой не только рабочих, но и крестьян, составляющих большинство населения страны.

Что касается профсоюзов, то они хороши тем, что исходят из реального уровня развития рабочего класса (а этот уровень был достаточно низким в то время: часть рабочих и крестьян

---

* О профессиональных союзах // Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 206.

** Второй Всероссийский съезд горнорабочих // Там же. Т. 42. С. 253.

была вообще неграмотной). Тем самым профсоюзы превращались для рабочих в своеобразную школу, в которой рабочие сначала учатся управлять производством в рамках конкретных трудовых коллективов, а затем и целых отраслей промышленности. В профсоюзных организациях рабочие имеют возможность подымать свой профессиональный и культурный уровень, улучшать условия и производительность труда, защищать свои социальные права, бороться с бюрократизмом, воспитывать массы трудящихся в духе коммунизма. Вот почему Ленин называл их «школой коммунизма».

Возникшая в партии дискуссия о профсоюзах затронула многие вопросы теории и практики социалистического строительства. Для современного читателя эта дискуссия особенно интересна тем, что в ней на примере понимания роли профсоюзов в обществе раскрываются многие теоретические представления Ленина о диалектике, о соотношении политики и экономики, о природе Советского государства, о демократии и ее перспективах в советском обществе.

Так, полемизируя с «буферной» платформой Бухарина, пытавшегося примирить и соединить взгляды Троцкого, видевшего в профсоюзах прежде всего «административно-технический аппарат управления производством», и Зиновьева, отстаивающего идею профсоюзов как «школы управления», Ленин показывает эклектическую, или сугубо формальную, природу подобного «соединения». С его точки зрения, нельзя говорить, что профсоюзы, с одной стороны, «школа», с другой — «аппарат»: это не диалектика, а эклектика. Они *«со всех сторон»* школа. «...*Профсоюзы суть школа*, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления»*.

В ходе дискуссии оппоненты Ленина упрекали его в преувеличении «политического» подхода к профсоюзам, полагая, что в этом случае главным подходом должен быть подход «хозяйственный». Ленин, напротив, видел в попытках эклектического соединения «хозяйственного» и «политического» подходов, которые предлагал Бухарин, прямой отказ от «азбучных» истин марксизма и диалектики. Он писал об этом в брошюре «Еще раз о профсоюзах»: «Теоретическая неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики —

* Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах // Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 292.

повторил я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем не сообразный, в устах марксиста совсем недопустимый, упрек за мой "политический" подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой»*.

Данные рассуждения Ленина были фактически направлены против так называемого экономического детерминизма, дань которому в свое время отдавали его оппоненты, а сегодня отдают различного толка «творческие» марксисты. Слова Ленина о «первенстве политики над экономикой» во многом остаются непроясненными и непонятыми для многих. И хотя Ленин совершенно ясно дает понять, что первенство политики над экономикой существует потому, что политика есть «концентрированное выражение экономики», многие продолжают видеть в этих словах своеобразный отказ Ленина от материалистического понимания истории, которое исходит из понятия «первичности» экономики перед политикой. Что же означает ленинское выражение «политика есть концентрированное выражение экономики»?

На мой взгляд, оно означает то, что политика придает приоритетный и всеобщий характер тем классовым интересам, которые в данный момент господствуют в обществе. В этом смысле политика всегда «первенствует над экономикой». Происхождение политики из экономики (ее известная «вторичность») вовсе не исключает ее первенства перед экономикой и с точки зрения функционирования общества. Так, в буржуазном обществе политика, выражая («концентрируя») интересы господствующего класса буржуазии, всегда первенствует (господствует) над экономическими интересами рабочего класса и крестьян. В советском обществе, наоборот, государство в первую очередь призвано выражать («концентрировать») интересы рабочего класса, ведущего за собой громадное большинство крестьян, против интересов капитала. Здесь уже интересам рабочего класса придается всеобщий характер, здесь его интересы «первенствуют» над интересами других слоев общества и его отдельных производителей. Рабочие, по Ленину, это класс, «который миллионы разбросанных, распыленных крестьян объединяет своей промышленностью»**.

---

* Там же. С. 278.

** Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд горнорабочих. С. 249—250.

Нарушение первенства политики над экономикой в условиях советской власти, по Ленину, с неизбежностью ведет к крушению этой власти. Так, ошибочная трактовка Троцким, Бухариным и Шляпниковым роли профсоюзов в советском обществе вела фактически к расколу правящей партии и профсоюзов, а это и могло привести к падению советской власти. «Если партия раскалывается с профессиональными союзами, — говорил Ленин, — тогда партия виновата, и это наверняка гибель Советской власти. У нас нет другой опоры, кроме миллионов пролетариев... Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок. В этом "если" вся штучка. Если мы вызовем раскол, в котором мы виноваты, все полетит по той причине, что профессиональные союзы не только ведомство, а источник, из которого берется вся наша власть»*. Вот почему, по его мнению, не решив сначала политического вопроса о роли профсоюзов в советском обществе, невозможно правильно решить и другие, более частные производственные, управленческие и воспитательные вопросы.

Дискуссия о профсоюзах интересна также тем, что на ней был поднят важнейший вопрос о социалистическом принципе распределения. Оппонируя Троцкому, считавшему, что в производстве должен быть принцип «ударности», а в потреблении принцип «уравнительности», Ленин подчеркивал, что такое понимание теоретически неверно, ибо противоречит материалистическим взглядам. Он писал: «Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты. И рабочие материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса»**. Не следует забывать, что равное право, примененное к неравным людям, превращается в право неравное, несправедливое. Эти слова особенно актуальны, если учесть, что «уравниловка» в советские времена была одной из главных причин экономического и социального отчуждения трудящихся, приведшего в итоге к падению советской власти в начале 1990-х гг.

Нельзя забывать также, что социализм по объективным причинам (в силу исторической неразвитости производитель-

* Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд горнорабочих. С. 249.

** О профессиональных союзах. С. 212.

ных сил) полного равенства дать не может, следовательно, в нем с неизбежностью сохраняется принцип распределения «по труду», а не «по потребностям». Поэтому здесь сохраняется и государство, призванное следить за мерой труда и мерой потребления граждан.

Необходимость политической реформы

По мере осуществления ленинской политики нэпа все острее давали о себе знать проблемы, возникшие в политической сфере. Эти проблемы в основном касались неэффективного функционирования Советского государства, подвергшегося серьезной бюрократической деформации. Они были связаны с тем, что за годы, прошедшие после Октября, большевикам не удалось радикально реформировать государственный аппарат, который, по выражению Ленина, был «заимствован от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром». Представляя собой «буржуазную и царскую мешанину», такой аппарат был, конечно, «чужд» революционной практике создания нового общества*.

По мнению Ленина, только Наркомат иностранных дел отвечал в полной мере требованиям советской власти и ее политики, что касается остальных наркоматов, включая Рабкрин, то они не справлялись со своей ролью государственного управления страной. Широко распространившийся бюрократизм блокировал исполнение многих политических решений, ставя под угрозу выполнение новой экономической политики, других важнейших политических решений, принимаемых Политбюро и правительством страны. Ленин образно сравнивал действие этого аппарата с машиной, которая «едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»**.

Исходя из данного факта, Ленин намечает политическую реформу, призванную радикально демократизировать Советское государство. Эта реформа включала в себя ряд важнейших по-

---

* См.: Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 357.

** Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Там же. С. 86.

литических и организационных вопросов. Среди них вопросы: о реорганизации Рабкрина как орудия улучшения работы госаппарата в целом, о предании законодательных функций Госплану, об укреплении единства правящей партии и повышении ее роли в обществе, о решении национального вопроса и создании СССР и ряд других.

Современные исследователи нередко считают, что Ленин, намечая политическую реформу, исходил только из тактических, конъюнктурных моментов текущей ситуации в стране. На мой взгляд, такое мнение неточно и, следовательно, неверно. В любых тактических вопросах он пытался руководствоваться общей стратегией и ее конечными целями. Это непосредственно относится и к его реформе политической системы. Как уже отмечалось, он признавал, что имеющийся государственный аппарат достался в наследство советской власти от прошлого, от культуры не только буржуазной, но и добуржуазной, т. е. от таких «махровых типов культур», как «чиновничья», или «крепостническая»*. Вместе с тем он требовал при создании нового государственного аппарата овладения действительно «социалистической» культурой**.

Отсюда его поиск соответствующих «кирпичей» для ее построения, начиная от привлечения в государственный аппарат «передовых» рабочих и кончая элементами «действительно просвещенными», «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения поставленной себе цели»***. Отсюда вытекало и его общее требование к качеству работников нового аппарата: «лучше числом поменьше, да качеством повыше». Но именно данному требованию не удовлетворял Наркомат Рабкрина которым руководил Сталин. В нем было много случайных людей, он не справлялся со своей главной функцией — ревизией других аппаратов, в нем господствовали бюрократизм и очковтирательство. Ленин считал, что «...хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина,

* См.: Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. С. 389.

** Там же. С. 390.

*** См.: там же. С. 391—392.

нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего спрашивать»*.

Исходя из этого, Ленин предлагает радикальную реформу Рабкрина, который должен стать образцовым контрольным учреждением, способным наладить работу всех других государственных учреждений: местных и центральных, торговых и чисто чиновничьих, учебных, архивных, театральных и т. д. В состав нового Рабкрина, по Ленину, должны были войти специалисты, сдавшие жесткий экзамен на знание как науки управления, так основных проблем функционирования советского аппарата. Эти специалисты должны получать достаточно высокие зарплаты, чтобы быть свободными от возможной коррупции в ходе проверки различных учреждений. Они должны использовать различные нестандартные приемы борьбы с бюрократами, «...подготовкой к ловле не скажу — мошенников, но вроде того...»**

Новый Рабкрин Ленин видел как учреждение академического типа, которое не только владеет наукой управления, но и на ее основе совершенствует работу других госучреждений, курирует научно-исследовательские институты, отбирает и издает лучшие учебники по проблемам научной организации труда и управления, внедряет науку в повседневную управленческую практику. Гарантию и успех в достижении всех этих целей Ленин связывал с объединением и даже слиянием контрольных функций партии и государства. Отсюда его план соединения Рабкрина и ЦКК партии, отсюда его идея расширения состава ЦКК за счет сознательных рабочих и крестьян, не испорченных бюрократической практикой советских учреждений. Как уже отмечалось, образец такого аппарата он видел в Наркомате иностранных дел. Он писал в этой связи: «Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату»***.

---

* Там же. С. 393.

** Там же. С. 397.

*** Там же. С. 399.

Радикальную реформу государственного аппарата Ленин связывал со всей международной обстановкой в мире. С его точки зрения, новый госаппарат должен работать таким образом, чтобы Советская республика могла продержаться до тех пор, пока развитые «...западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму»*. И здесь Ленин отмечает новые обстоятельства движения этих стран к социализму: «Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими...»** И хотя конечная победа социализма в перспективе, «безусловно, обеспечена» благодаря общему перевесу революционных сил Востока над контрреволюционными силами Запада, тем не менее тактически для того, чтобы продержаться до возможного военного столкновения Запада и Востока, и для того, чтобы «...помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас»***, Советской стране необходимо создать такое государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами и, как уже отмечалось, изгнать из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств, поднять производительные силы страны на уровень самых новейших научно-технических достижений.

Разрабатывая реформу политической системы, Ленин не мог обойти проблему места и роли правящей коммунистической партии в обществе. Практика построения социализма предъявляла к ней особые требования, радикально отличающиеся от тех, когда партия только шла к власти. Ленин прежде всего видел в партии наиболее сознательную часть рабочего класса, которая ведет за собой не только рабочих, но и крестьян. Как правящая партия она определяет стратегию и тактику построения нового общества, разрабатывает и распространяет во всех слоях общества свое мировоззрение, свои социалистические идеи.

Ему была глубоко чужда идея монополии отдельных лиц на принятие политических решений. Эти решения, как правило, были плодом широких коллективных обсуждений и решений,

---

* Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. С. 402.

** Там же. С. 402.

*** Там же. С. 404.

принимаемых на съездах и конференциях партии. В итоге каждый член партии имел возможность влиять на выработку политического курса страны и его воплощение в жизнь. Даже после вынужденного принятия решения о запрете фракций в партии Ленин считал, что это решение не может остановить общепартийные дискуссии, которые широко публиковались в партийной печати.

Быстрое увеличение и расширение правящей партии за счет лиц и целых слоев, далеких по своему мировоззрению и поведению от рабочего класса, могло привести и приводило к размыванию социальной базы партии. В этой связи Ленин намечает ряд принципиальных шагов, которые должны были качественно улучшить состав партии, укрепить ее политическое руководство, резко повысить эффективность ее работы. В сентябре 1921 г. он публикует в «Правде» статью «О чистке партии», в которой подчеркивает необходимость предъявления новых требований членам партии, связанных с мирными задачами социалистического строительства и борьбой «...против разлагающих и пролетариат, и партию влияний мелкобуржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихии»*. Эта стихия нередко приводила к отрыву отдельных членов партии от масс, порождала явления, позорящие «партию в глазах массы». Не переоценивая уровень развития масс, видя их определенную усталость от прошедших войн и общественных преобразований, Ленин отмечал их чуткое умение отличать честных и преданных революции коммунистов от «примазавшихся» к власти, от «закомиссарившихся» или «обюрократившихся». В этой связи он требовал «чистить» партию, считаясь с указаниями «беспартийных трудящихся»**.

Для коммунистической партии Ленин вообще считал чрезмерным ее количество даже в 300—400 тыс. членов партии. Он ссылался на мнение белогвардейцев, которые делали ставку на «непролетарский состав нашей партии» и ее классовое перерождение***. В этой связи он требовал увеличения в партии количества рабочих, проработавших на заводах и фабриках не менее десяти лет и имеющих соответствующую «пролетарскую

---

* Ленин В. И. О чистке партии // Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 122.

** См.: там же. С. 123.

*** Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию (Письма В. М. Молотову) // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 20.

психологию». По его мнению, все эти изменения необходимо провести в связи с тем, что часто «...пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»*. Как известно, все эти опасения Ленина в будущем полностью подтвердились. Полное сосредоточение в руках Сталина политической власти и фактическое уничтожение им тончайшего слоя «старой партийной гвардии» привели к тому, что партийные решения стали со временем зависеть от воли одного человека, со всеми отсюда негативными и даже катастрофическими последствиями для страны.

Рассматривая отношение правящей партии с народом, Ленин допускал возможность ее падения в случае утраты связи с массами и превращения в зазнавшуюся партию. Он писал: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»**. Эта мысль Ленина во многом оказалась пророческой в связи с политикой Сталина в 1930-е гг., породившей глубокий политический кризис в партии и обществе, разрешение которого было отодвинуто начавшейся Отечественной войной.

Существует принципиальное отличие в понимании роли партии у Ленина и Сталина. Для последнего правящая партия была не выразителем интересов трудящихся, тесно связанная с народом, как полагал Ленин, а «своего рода орденом меченосцев внутри государства», ведущим постоянную войну со своими политическими противниками, «непреступной крепостью», откуда велся по ним непрекращающийся огонь***. Если для Ленина партия была союзом единомышленников, то партия при

---

* Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию (Письма В. М. Молотову) // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 20.

** Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта / XI Съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 112.

*** Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 71.

Сталине — это жесткая иерархическая и бюрократическая организация, которая может всегда «потребовать отчета за грехи против партии»*.

Являясь, по Сталину, хозяином в обществе, партия внутри себя имеет также своего хозяина в лице генсека. Известно, что при Ленине генеральный секретарь партии был всего лишь секретарем, ответственным за организацию работы высших ее органов. При Сталине должность генсека становится всесильной и практически бесконтрольной. Как хозяин в партии, генсек, по мнению Сталина, время от времени мог проходиться «по рядам партии с метлой в руках»**. Такая «демократия» в партии, конечно, ничего общего не имела с ленинским пониманием революционной партии как организации единомышленников, где каждый член партии имел право высказываться по любым вопросам партийной жизни и свободно критиковать своих товарищей, невзирая на их должность и положение в партии.

Ленина особенно волновали вопросы, связанные с развитием внутрипартийной демократии. Как уже отмечалось, он особенно боялся превращения правящей партии в «зазнавшуюся партию», оторванную от народа. В этой связи он требовал в своих последних статьях и письмах укрепления ее руководства путем расширения состава ЦК за счет привлечения в него сознательных рабочих, планировал ряд организационных изменений в Оргбюро и Политбюро, включая устранение Сталина с поста генсека. По мнению Ленина, Сталин, став генеральным секретарем партии, сосредоточил в своих руках «необъятную власть», которой он не сможет осторожно пользоваться, и что уже приводит к ошибкам в политике.

Национализм или интернационализм?

Одной из таких ошибок было неправильное понимание Сталиным национального вопроса и связанных с ним конкретных решений по проблеме создания СССР, взаимоотношений РСФР и других национальных республик, проявления шовинистических тенденций в руководстве РКП(б) и т. д. Именно на-

* Там же. Т. 6. С. 229.

** Там же.

циональный вопрос стал причиной острого конфликта Ленина со Сталиным в последние годы жизни основателя Советского государства.

Суть этого конфликта была раскрыта и показана Лениным в его последних статьях, и прежде всего в статье по национальному вопросу, в которой он особо пристальное внимание уделил проблеме интернационализма, непонимание которого проявляли Сталин и многие другие руководители партии и страны. По его мнению, это отрицательно сказывалось на межнациональных отношениях и образовании СССР. В этом смысле национальный вопрос у него выходил на первый план. Он его напрямую связывал с кадровым вопросом, в частности с местом и ролью Сталина в руководстве партией. Несмотря на ухудшение своего здоровья, Ленин готовился выступить с речью по проблеме интернационализма и взаимоотношений наций на предстоящем XII съезде РКП(б). К сожалению, текст, или конспект, этой речи до сих пор не найден. На съезде он планировал всесторонне обосновывать настоятельную необходимость смещения Сталина с поста генсека, и прежде всего за серьезные ошибки в национальном вопросе. Здесь цельность и революционный характер натуры Ленина проявились наиболее полно. Он не боялся идти на конфликт даже с близкими людьми, изменившими интернациональным и революционным идеалам. При этом его не пугал тот факт, что против него объединились почти все члены Политбюро и Оргбюро, разделявшие сталинскую версию о том, что в последних работах Ленина говорит якобы не вождь революции, а «его болезнь».

Возглавляя Наркомат по делам национальностей и считая себя специалистом в национальном вопросе, Сталин был решительным противником ленинского плана образования СССР, основанного на равноправии и добровольном вхождении в Союз независимых национальных республик. Он считал, что Ленин, говоря о равноправии республик, входящих в будущий Союз, проявляет по отношению к ним своеобразный «национальный либерализм». Он был убежден, что Союз следует строить по принципу автономного вхождения этих республик в состав РСФСР и их прямой подчиненности российскому центру. По Ленину, эта идея «в корне была неверна и несвоевременна»*.

* Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 356.

Она порождала националистические настроения на местах, способствовала недоверию и дистанцированию от центра национальных республик. Ленин видел в реализации сталинской идеи «автономизации» требование бюрократического российского аппарата, что могло привести и приводило на практике к прямому нарушению принципа пролетарского интернационализма.

Ленин был уверен, что сталинский план создания СССР на основе «автономизации» есть результат его торопливости, администраторства и озлобления по отношению к националам вообще и грузинским в частности. Последние хотели входить в СССР на равных правах с русскими. Сталин же считал это требование уклоном в «социал-национализм». Ленин, напротив, увидел в таких обвинениях проявление великодержавного шовинизма со стороны великороссов. Он писал позднее: «Тот грузин, который пренебрежительно... швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности...»*

Такая резкая отповедь Сталину со стороны Ленина была обострена последствием инцидента, который возник между Орджоникидзе, представлявшем власть центра в Закавказье, и одним из членов грузинской компартии (Кобахидзе), которого он ударил рукой в ответ на его устное оскорбление: Орджоникидзе был назван «сталинским ишаком». Так возникло так называемое грузинское дело, которое больше других волновало Ленина и о котором он в конце своей жизни думал не переставая.

Всестороннее осмысление этого дела привело Ленина к тому, что он стал готовить своеобразную «бомбу», которая должна была на съезде взорвать великодержавную политику, проводимую Сталиным в национальном вопросе. Ленин напрямую связывал «грузинское дело» с игнорированием отдельными руководителями партии принципа интернационализма как основы ее деятельности во внутренней и международной политике.

Именно в оценке «грузинского дела» особенно наглядно проявились две противоположные позиции, существовавшие в

---

* Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Продолжение). С. 360.

то время в партии: интернационалистская, которую отстаивал Ленин, и великодержавная, которой руководствовался Сталин. Не случайно самый последний документ, продиктованный Лениным, посвящен именно этому «делу». Я имею в виду письмо к старым грузинским коммунистам П. Г. Мдивани и Ф. Е. Махарадзе, которых Сталин обвинял в национал-уклонизме. Вот его текст, написанный 6 марта 1923 г.: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением, Ленин»*. Узнав о содержании этого письма, Сталин на следующий день информирует Орджоникидзе о том, что Ленин в этом письме «солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня. Видимо, имеется цель надавить на волю съезда компартии Грузии в пользу уклонистов»**.

В чем же заключалось суть этого «дела»? На первый взгляд, оно выглядело как обычный конфликт, разгоревшийся между двумя не в меру темпераментными грузинами. На самом деле все было гораздо сложнее: поводом для конфликта послужило разное понимание линии партии на Кавказе у Орджоникидзе, проводившего в жизнь установки Сталина, и у коммунистов группы Мдивани. Возглавлявший в то время Закавказский краевой комитет РКП(б) Орджоникидзе жестко осуществлял на Кавказе сталинский план объединения независимых республик в Союз на основе идеи «автономизации». Сопротивляясь осуществлению этого плана, руководство компартии Грузии на своем заседании принимает следующее решение: «Предлагаемое на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным».

Ленин в это время отсутствовал в Кремле по причине своей болезни, а созданная Политбюро ЦК РКП(б) комиссия для подготовки вопроса о создании Союза отклоняет резолюцию руководства компартии Грузии и принимает за основу образования Союза план Сталина. Ознакомившись с решением этой комиссии, Ленин пишет письмо Л. Каменеву для членов По-

---

* П. Г. Мдивани, Ф. Е. Махарадзе и др. 6 марта 1923 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 330.

** Письмо И. Сталина С. Орджоникидзе. 7 марта 1923 года // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего юбилея? М., 1992. С. 164.

литбюро, в котором решительно выступает против сталинской идеи «автономизации» и предлагает совершенно иной путь создания СССР на основе равноправия и сохранения независимости республик. Для него важно, чтобы «...мы не давали пищи "независимцам", не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик»*.

Тем не менее Сталин, явно не понимая интернационалистской сути плана образования СССР, предложенного Лениным, выступает против его критики проекта автономизации. Как уже отмечалось, обвинив Ленина в «национальном либерализме», он одновременно доказывает ненужность двух ВЦИКов в будущем Союзе: российского и союзного. При этом он требует, в частности, от Каменева «твердости против Ильича». Как бы отвечая Сталину, Ленин пишет: «Т. Каменев! Великодержавному шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди:

Русский

Украинец

Грузин и т. д.

Абсолютно! Ваш Ленин»**.

Такая решительная позиция Ленина привела к тому, что Октябрьский пленум ЦК, рассматривающий проект создания Союза, встал на ленинскую точку зрения, отказался от идеи «автономизации» и осудил проявления великодержавности со стороны Сталина. Вот как итоги этого пленума характеризовал Мдивани: «Сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... Принят добровольный союз на началах равноправия», и «удушающая атмосфера против нас рассеялась...»***

---

* Ленин В. И. Об образовании СССР // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 212.

** Записка Л. Б. Каменеву о борьбе с великодержавным шовинизмом // Там же. С. 214.

*** Письмо П. Г. Мдивани. Кавтарадзе. 8 октября 1922 года // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего юбилея? М., 1992. С. 122–123.

Однако после этого пленума конфликт между группой Мдивани и Орджоникидзе вспыхивает с новой силой. Камнем преткновения стал вопрос о том, как Грузия должна входить в Союз: через Закавказскую Федерацию или самостоятельно, напрямую. Орджоникидзе настаивал на первом варианте, группа Мдивани — на втором. Начались взаимные обвинения в национализме и великодержавном шовинизме. В этой атмосфере и состоялся инцидент с рукоприкладством Орджоникидзе. В итоге большая часть ЦК КП Грузии подала в отставку и обратилась в ЦК РКП(б) с жалобой на Орджоникидзе. В конце ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Ф. Дзержинским. 12 декабря 1923 г. Дзержинский доложил Ленину результаты работы комиссии, которые сводились к следующему выводу: линия Закавказского бюро и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной». Таким образом, комиссия Дзержинского, которая должна была внимательно и всесторонне изучить это «дело», фактически оправдывала рукоприкладство Орджоникидзе и его политику на Кавказе.

Грузинский конфликт и данный вывод комиссии Дзержинского глубоко потрясли Ленина, отрицательно повлияв на его здоровье. Узнав после разговора с Дзержинским о таком исходе конфликта, Ленин решает непосредственно вмешаться в него, несмотря на резкое ухудшение здоровья. Позднее он скажет своему секретарю Л. Фотиевой: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об “инциденте”, и это на меня очень тяжело повлияло»*. Одновременно он продолжал борьбу со Сталиным, сделав из сложившейся ситуации в Грузии далеко идущие выводы. В итоге он полностью изменяет план образования СССР, представленный Сталиным, и предлагает собственный план его создания, который основывается на полном равенстве прав каждой независимой республики, желающей вступить в Союз. Он предлагает «...оставить Союз Советских Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»**. По его мнению, нужно сделать все для того,

* Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 476, 596.

** Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Продолжение). С. 361–362.

чтобы устранить любые несправедливости со стороны большой нации по отношению к нации маленькой, чтобы в условиях революционного пробуждения Востока самим не попадать «...хотя бы даже в мелочах, в империалистические отношения к угнетаемым народностям...»*

Несмотря на свою обострившуюся болезнь и невозможность выступить на съезде Советов, где в то время создавался Советский Союз, Ленин пишет свою знаменитую работу «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», в которой дает политическую оценку «грузинскому делу», осуждает поведение Орджоникидзе и его рукоприкладство как злоупотребление властью и проявление великодержавного шовинизма. «Орджоникидзе, – писал Ленин, – не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в "политическом" преступлении»**.

Ленин считал: «грузинское дело» показало, что многие руководители партии не разобрались в национальном вопросе и не поняли сути пролетарского интернационализма. В свою очередь, он подробно показывает, как эти вопросы следует понимать. По его мнению, надо отличать «национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»***, что по отношению ко второму национализму «...почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того – незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений...»**** Из этого Ленин делает вывод, что для пролетарской солидарности надо максимум доверия со стороны инородцев, а этого можно достигнуть лишь хорошим отношением, компенсирующим недоверие и обиды, которые им были нанесены в прошлом правительством «великодержавной» нации*****.

---

* Там же. С. 362.

** Там же. С. 358.

*** Там же. С. 358–359.

**** Там же. С. 359.

***** См.: там же.

В практическом плане Ленин потребовал «примерно наказать тов. Орджоникидзе», «...доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там, несомненно, имеются. Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского»*.

Однако на этом «грузинское дело» не заканчивается. Сталин втайне от Ленина проводит заседание Политбюро, где утверждает ошибочные выводы комиссии Дзержинского и рассылает соответствующее письмо низовым организациям партии. Ленин, в свою очередь, создает свою комиссию по грузинскому вопросу и просит предоставить ему соответствующие материалы комиссии Дзержинского. Сталин отвечает, что без решения Политбюро материалы «дать не может»**. Узнав об этом, Ленин заявляет, «что будет бороться за то, чтоб материалы дали»***. В итоге 1 февраля 1923 г. Политбюро разрешает их выдать Ленину. Получив необходимые документы, секретари Ленина обнаруживают в них отсутствие заявления потерпевшего. После соответствующего выяснения от Сталина получен ответ: оно «пропало».

Создав из секретарей свою комиссию для изучения поступивших материалов, Ленин предлагает ей определенные вопросы для анализа. Среди них: физические способы подавления («биомеханика»), линия ЦК РКП(б) в отсутствие Ленина и при нем, рассмотрение комиссией Дзержинского обвинений как против ЦК КП Грузии, так и против Заккрайкома и др.**** Через три недели секретари Ленина представляют результаты своей работы и выводы, о которых почти не говорилось в печати. В частности, они показали, что начиная со второй половины 1922 г. произошло изменение курса ЦК РКП(б) по грузинскому вопросу. Если до болезни Ленина ЦК придерживался линии, сформулированной Лениным в его письме от 14 апреля 1921 г.,

---

* Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Продолжение). С. 361.

** Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 477.

*** Там же. С. 477.

**** См.: Примечания к дневнику дежурных секретарей В. И. Ленина // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 606–607.

где Ленин предлагал грузинским товарищам не применять у себя «русского шаблона», проявлять больше «уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству», то после заболевания Ленина эта линия изменилась. ЦК КП Грузии был обвинен в «националистическом уклоне». Этот уклон Сталин объяснял тем, что грузинские коммунисты «сделали фетиш из тактики уступок, между тем как теперь время не политических уступок, а наоборот, политического наступления».

Исходя из этого сталинского тезиса ЦК РКП(б) поддерживал все действия Заккрайкома, которым руководил Орджоникидзе, допускавший администрирование и грубость по отношению к членам ЦК КП Грузии. В частности, расходясь с грузинскими коммунистами по вопросам вхождения Грузии в Закавказскую Федерацию и СССР, он требовал беспрекословного подчинения себе, допускал «площадную ругань» и грозил репрессиями старым работникам компартии Грузии. Орджоникидзе снял авторитетного коммуниста Окуджаву с поста секретаря ЦК грузинской компартии и обещал, в случае несогласия с ним, «разгромить всю партию и создать новую из молодых». Считая себя «резким человеком в проведении политической линии партии», он допускал «случаи рукоприкладства» и «запугивания при голосовании» и т. п. Грузинские коммунисты обвиняли Орджоникидзе в «шовинизме» и «держимордовстве», применении «методов военного коммунизма». Они цитировали слова Орджоникидзе, который, повторяя Сталина, утверждал, что будет «каленым железом выжигать остатки национализма». К сожалению, комиссия Дзержинского не придала всем этим фактам должного значения. В своем заключении комиссия, созданная Лениным, констатировала, что вопрос о разногласиях в компартии Грузии носит «характер политический и должен быть выдвинут на предстоящем съезде компартии». (Здесь и выше приводились слова и положения, взятые из текста заключения комиссии, созданной Лениным по «грузинскому делу»*.)

Параллельно с работой секретарей по изучению материалов «грузинского дела» Ленин готовил соответствующую речь по национальному вопросу, которая в Центральном партийном архиве отсутствует. Означает ли это, что она была в свое время

* Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32, 33.

кем-то изъята из бумаг Ленина? Ответа до сих пор нет. Предположение работников ЦПА о том, что ее (с их слов) не существует в природе, противоречит тому, что писал Ленин, который всегда выражался очень точно. Вместе с тем содержание данной речи можно воспроизвести по тем ленинским запискам по национальному вопросу, которые он нам оставил в работе «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Проясняют позицию Ленина и следующие его слова, записанные 14 февраля 1923 г. Фотиевой: «...Намекнуть Сольцу, что он на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал?»* В этом же русле следует рассматривать и его последнее письмо грузинским коммунистам, о котором шла речь выше.

Итак, изучив материалы по «грузинскому делу», Ленин приходит к выводу, что оно во многом связано с неверной политической линией Сталина, курировавшего национальный вопрос в партии и правительстве. Учитывая это, а также другие существенные расхождения со Сталиным, в частности по вопросу образования СССР, Ленин принимает решение обратиться к очередному XII съезду партии с решительной просьбой о «перемещении» Сталина с поста генсека.

В этой связи следует рассматривать и его январское добавление к «Письму к съезду», в котором ранее давались сжатые характеристики всем главным руководителям партии и государства и которое могло быть, по предположению отдельных историков, непосредственной реакцией на грубое оскорбление Крупской. Вот это дополнение, о котором рядовые члены партии узнают лишь тридцать с лишним лет спустя: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство

---

* См.: Примечания к дневнику дежурных секретарей В. И. Ленина. С. 607.

может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь или такая мелочь, которая может получить решающее значение»*.

Позднее, интерпретируя это письмо, Сталин скажет, что в нем лишь указывалось на его грубость. При этом он соглашался насчет своей грубости, оправдывая ее тем, что она якобы порождена борьбой против врагов рабочего класса. Однако это была полуправда, а правда заключалась в том, что Ленин расходился со Сталиным почти по всем основным политическим вопросам. В итоге Ленину еще до съезда удается одержать ряд внушительных побед. Он добивается существенных изменений в политике партии по вопросу о принципах образования СССР, о монополии внешней торговли, о совершенствовании функций Госплана и др. Планировал он на съезде одержать победу и над генсеком Сталиным. Однако это ему не удалось, хотя и остались многие документы, показывающие, что он предпринимал для решения этого вопроса.

Вот что об этом вспоминает Троцкий, передавая соответствующую беседу Ленина с одним из его секретарей, Гляссер: «“А вы не знаете, как относится к грузинскому вопросу Троцкий?” — спрашивает Ленин. “Троцкий на пленуме выступал совершенно в вашем духе”, — отвечает Гляссер, которая секретарствовала на пленуме. “Вы не ошибаетесь?” — “Нет, Троцкий обвинял Орджоникидзе, Ворошилова и Калинина в непонимании национального вопроса”. — “Проверьте еще раз!” — требует Ленин. На второй день Гляссер подает мне на заседании ЦК, у меня на квартире, записку с кратким изложением моей вчерашней речи и заключает ее вопросом: “Правильно ли я вас поняла?” — “Зачем вам это?” — спрашиваю я. “Для Владимира Ильича”, — отвечает Гляссер. “Правильно”, — отвечаю я. Сталин тем временем тревожно следит за нашей перепиской. Но в этот момент я еще не догадываюсь, в чем дело... “Прочитав нашу с вами переписку, — рассказывает мне Гляссер, — Владимир Ильич просиял: ну, теперь другое дело! — и поручил передать вам все те рукописные материалы, которые должны были войти в состав его бомбы к XII съезду”. Намерения Ленина ста-

* См.: Письмо к съезду. Добавление к письму от 24 декабря 1922 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 45.

ли мне теперь совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры»*. Эти слова Троцкого во многом проясняют действия Ленина незадолго до его тяжелого третьего приступа болезни.

Ухудшение здоровья Ленина в начале марта 1923 г. заставило его форсировать национальный вопрос. Он пишет письмо Троцкому, в котором просит «...взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия»**. Троцкий, вопреки комментаторам «Полного собрания сочинений» Ленина, считавшим, что Троцкий отказался от предложения Ленина***, оставляет присланные документы у себя, намереваясь выполнить просьбу Ленина. Это намерение он осуществит позднее, когда внесет свои поправки в тезисы Сталина по национальному вопросу.

Одновременно с написанием письма Троцкому Ленин пишет и передает через Л. Каменева, который едет в Тифлис для улаживания мира в грузинской компартии, копию уже цитируемого его последнего письма грузинским коммунистам. Каменев в письме к Зиновьеву пишет о том, что сделает все, чтобы добиться мира в компартии Грузии, но, по его мнению, «это уже не удовлетворит Старика (Ленина. — *Б. С.*), который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных организационных выводов наверху»****. Под последним Каменев подразумевает устранение Сталина с поста генсека на предстоящем съезде партии. Характерно, что об этом он говорит не только

---

* См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Глава «Болезнь Ленина». Берлин. 1930. Репринт // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sakharov-center.ru

** Ленин В. И. Письмо Л. Д. Троцкому от 5 марта 1923 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 329.

*** См.: Примечание к письму Л. Д. Троцкому // Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 674.

**** Из письма Каменева Зиновьеву от 7 марта 1923 года // Несостоявшийся юбилей. С. 183—184.

Зиновьеву, но и самому Сталину. Таким образом, «грузинское дело» должно было разрешиться на XII съезде РКП(б) восстановлением ленинской линии в национальном вопросе, снятием Сталина, наказанием Дзержинского и Орджоникидзе. Это знали практически все члены Политбюро, но этого не произошло.

Через несколько дней после написания и отправки последних писем Ленина в его здоровье наступает резкое ухудшение. 10 марта 1923 г. происходит третье, самое крупное кровоизлияние в мозг, которое лишает его возможности ходить, писать и говорить. Не надо долго объяснять, что Сталин был рад такому исходу событий. Новый приступ болезни фактически сделал невозможным выступление Ленина на XII съезде партии, а следовательно, не могло состояться устранение Сталина от руководства партией, власть над которой он уже полностью держал в своих руках. Таким образом, последний бой Ленина, вопреки его желанию, был остановлен очередным приступом его тяжелой болезни, во многом спровоцированным поведением его главного политического противника — Сталина (инцидент с оскорблением Крупской, ужесточение режима «изоляции» Ленина, задержка публикаций ленинских статей и др.).

В это трудное время многие соратники Ленина ведут себя далеко не лучшим образом. Не успел Каменев прибыть в Тифлис, как его настигает телеграмма Сталина. В ней говорилось, что с Лениным произошел новый удар и он не в состоянии говорить и писать. В итоге Каменев, который намеревался провести в Грузии линию Ленина, фактически реализует линию Сталина. Что касается других мер, которые предлагал Ленин для развития демократии в партии, в частности увеличение числа членов ЦК за счет привлечения в него сознательных рабочих «от станка», были использованы Сталиным в его личных интересах и целях. В этом же русле «осуществлялись» и ленинские предложения о реформе государственных институтов. Характерным примером здесь может служить известное предложение Куйбышева с согласия некоторых членов Политбюро издать в одном экземпляре газету «Правда» с важнейшей статьей о преобразовании Рабкрина специально для больного Ленина, скрыв, таким образом, ее от партии и страны.

Еще при жизни Ленина начала меняться расстановка сил в руководстве РКП(б): Троцкий, с которым Ленин установил своеобразный блок в борьбе против Сталина и его ошибочной политики, фактически остается в одиночестве. Несмотря на это, ему все же удается сделать ряд принципиальных шагов

для защиты соответствующих идей Ленина. Так, он оказывает свое влияние на корректировку предсъездовских документов по национальному вопросу. Публикует в газете «Правда» статью о партии с критикой «великорусского шовинизма». Пишет 28 марта 1923 г. письмо в секретариат ЦК с требованием внести в протокол обсуждения грузинского вопроса его предложения не только об отзыве тов. Орджоникидзе, но и «1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою "уклона" партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер — против неправильной политики тов. Орджоникидзе»*. Как мы видим, эти предложения вытекают из основных идей ленинской статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Однако они не были выполнены. На открывшемся в апреле XII съезде партии против этих предложений активно выступили Сталин, Орджоникидзе, Бухарин, Енукидзе и др. Причем последний, полемизируя с Мдивани и Махарадзе, пошел на прямую ложь, говоря, что якобы в своих последних статьях и письмах Ленин утверждал, что при «правильном освещении» национальных проблем Ленин «соглашался с политикой» т. Орджоникидзе, проводимой в Грузии. После этих выступлений Мдивани и Махарадзе были осуждены, несмотря на известные слова Ленина о том, что он находится на их стороне. На съезде подвергся резкой критике и сам Троцкий. Он был обвинен в нарушении единства партии и отходе от тезисов, утвержденных ЦК по крестьянскому вопросу и промышленности, в подмене понятия «руководящая роль партии» ошибочным тезисом «диктатура партии» и др.

После XII съезда конфликт сталинской фракции и Троцкого в руководстве партии то затихал, то возникал с новой силой. Он проявил сильные и слабые стороны самого Троцкого как политика. Его близкий друг Иоффе говорил незадолго до своей смерти о том, что Троцкий, оценивая крупные исторические события, в большинстве случаев был политически прав, но в

---

* Архив Л. Д. Троцкого. Т. 1 С. 51 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t1.txt

сравнении с Лениным, который боролся за свои идеи и принципы до конца, он «часто отказывался от собственной правоты», идя на «компромиссы» со своими политическими противниками*. И данная характеристика подтверждается многими историческими фактами. Так, исходя из ложно понятой скромности, Троцкий отказался от основного политического доклада на XII съезде партии, высказал желание «не поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек», т. е. не выступил на съезде с однозначным требованием снять Сталина с поста генсека, как того хотел Ленин. Однако избегание Троцким прямого столкновения со своими противниками нередко оборачивалось против него самого. Так, его стремление «сохранить status quo» в руководстве партии закончилось тем, что он сам стал объектом нападения Сталина, который обвинил его в сокрытии от партии ленинских документов, переданных ему Лениным в марте 1923 г. И хотя комиссия, созданная для проверки этого обвинения, не нашла для него никаких оснований, значительный ущерб достоинству Троцкого и его авторитету был нанесен.

Таким образом, подготовленный Сталиным и его окружением XII съезд РКП(б) совершенно обошел вопрос о его устранении с поста генсека партии. Что касается оглашения ленинских записок по национальному вопросу, то они по предложению сталинского секретариата были рассмотрены в узком кругу отдельных делегаций съезда без права их не только воспроизводить, но и «цитировать». Что же касается ленинского «Письма к съезду» с его характеристикой ведущих руководителей партии и особенно Сталина, то оно, как известно, было оглашено уже после смерти Ленина сначала на закрытом заседании ЦК, а затем на XIII съезде партии.

Вот что о первом оглашении ленинского «Письма к съезду» вспоминал технический секретарь Сталина Борис Бажанов: «Центральный Комитет собрался на закрытое заседание в Кремле. Оно проходило в одной из небольших продолговатых комнат для заседаний. Каменев сидел во главе стола и вел заседание. По левую руку от него был Зиновьев. Сталин находился на некотором расстоянии от них, у края небольшого возвышения, на котором располагался стол президиума. ...Он смотрел в

* См.: Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. Предсмертное письмо Иоффе. М., 1991.

окно, демонстрируя показное спокойствие, но чувствовалось, что отдает себе отчет: сейчас может решиться его судьба. Для Сталина это было необычно, поскольку, как правило, он умел скрывать свои чувства. В тот момент у него были все основания беспокоиться о своем будущем. Можно ли было ожидать, что в атмосфере поклонения, которым был окружен Ленин и все, что он говорил и делал, ЦК осмелится бросить вызов четкому ленинскому предупреждению о Сталине и сохранит его на посту генсека?

Однако на помощь Сталину поспешил Зиновьев. Он произнес речь, по лицемерию ни с чем не сравнимую. Центральный Комитет, сказал он, уважает каждое слово Ленина, оно для него священно. Каждый член ЦК клянется выполнять указания Ленина. Но по одному пункту, продолжал он, Политбюро счастливо сообщить, что ленинские опасения необоснованны: между Сталиным и его коллегами нет никаких трений. Всем известно, говорил Зиновьев, что они сотрудничают в полной гармонии, а потому было бы лучше всего по данному конкретному пункту не принимать во внимание ленинские пожелания.

Вслед за этим выступил Каменев, предложивший оставить Сталина на посту генсека, и это предложение было принято простым поднятием рук. Я считал голоса и никогда не перестану упрекать себя за то, что не записал фамилии воздержавшихся, их было немного. Троцкий, Пятаков и Радек проголосовали против»*.

Так, вопреки воле Ленина было принято историческое решение, во многом определившее будущее Советской страны. Отметим, что на XIII съезде партии ленинское «Письмо к съезду» не обсуждалось, а его оглашение было осуществлено по отдельным делегациям съезда, что не могло повлиять на общее решение съезда. Было также решено, что в дальнейшем это письмо и другие ленинские документы, переданные съезду Н. К. Крупской, «воспроизведению не подлежат»**. В итоге общественность о них так и не узнала вплоть до XX съезда партии.

---

* Сталин с близкого расстояния (Интервью с Б. Бажановым) // Альтернативы. 2009. № 4. С. 121.

** См.: Примечание к письму к съезду // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 594.

Что касается больного Ленина, то, несмотря на прекращение его политической деятельности в марте 1923 г., впереди оставалось еще много месяцев его мужественной борьбы за преодоление тяжелого физического недуга. Трагедия Ленина в этот период заключалась в том, что он стал немым свидетелем того, как его революционные идеи воплощаются в жизнь с точностью до наоборот. С этим он не мог смириться, но и изменить ситуацию был не в силах: болезнь сделала свое темное дело.

Еще при жизни Ленина начался фактический раскол в руководстве правящей партии, чего он боялся больше всего. Он привел, с одной стороны, к появлению сталинской фракции («триумвирата»: Сталин, Зиновьев, Каменев), с другой — к появлению оппозиции во главе с Троцким, предложившим «Новый курс» в политике, связанный с борьбой против бюрократизма и широкой демократизацией партии и общества. Вслед за Лениным Троцкий требовал повышения роли рядовых членов партии в решении политических вопросов и строгого подчинения партийного аппарата коллективно выработанным партийным решениям*. По сути дела, Сталин предлагал противоположную стратегию, направленную на подчинение партии ее центральному аппарату во главе с генсеком. Оставшись вопреки желанию Ленина на посту главного руководителя партии, Сталин сделал все от него зависящее, чтобы в стране, первой вступившей на путь социалистического строительства, был создан режим, по сути дела, противоречащий этой великой исторической задаче.

Осмысливая пройденное

Оглядываясь на непродолжительную, но поразительно насыщенную и плодотворную жизнь В. И. Ленина, невольно приходишь к выводу: если бы его «Политическое завещание» было выполнено, может быть, мы не столкнулись бы со зверствами сталинского режима, крушением многих революционных завоеваний, не были бы свидетелями современной варварской капитализации общества, заводящей страну в тупик? Вместе с тем история не признает сослагательного наклонения, она не морализирует, а учит. Должны и мы извлечь уроки из пройден-

* Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924.

ного исторического пути, чтобы не повторять тех ошибок, которые во многом дискредитировали дело, начатое Лениным в Октябре 1917 г.

Политическое предвидение Ленина о том, что Сталин не сможет осторожно пользоваться властью, оказалось пророческим. Его политика, получившая название «сталинизма», была прямой противоположностью научных взглядов Маркса и Ленина, идеалов и целей рабочего класса и Октябрьской революции. В итоге сталинизм привел к бюрократическому перерождению Советского государства. Тем самым он заложил исторические и социально-политические предпосылки его падения в конце XX в. К сожалению, он до сих пор остается незаживающей раной левого движения, фактором, полностью дискредитирующим теорию и практику социализма.

После смерти Ленина советская действительность во многом развивалась по «державным» законам сталинизма, о которых с ностальгией сегодня вспоминают отдельные лидеры коммунистического движения в России и за рубежом. Однако какие это были законы, приведшие в конечном итоге к крушению СССР и падению КПСС, мы знаем лучше других. Но даже такой негативный урок всемирной истории имеет свою положительную сторону: левые, если они не хотят себя дискредитировать в глазах нынешних и будущих поколений, должны вырезать сталинизм, как раковую опухоль, из своей среды и начать учиться революционной науке не у Сталина, а у Ленина.

Сегодня под тяжестью негативных последствий так называемых радикальных реформ неолиберального толка одни ностальгируют по советскому прошлому и вообще не хотят слышать о каких-либо ошибках сталинского времени, другие, напротив, считают, что советское прошлое — это одна сплошная ошибка, где были только ГУЛАГА, карточки и пустые полки магазинов. На самом деле не правы ни те ни другие. В советскую эпоху было все: и победы, и поражения, и праздники, и трагедии, и полные и пустые полки магазинов. Никто не может отрицать, что в СССР была проведена индустриализация, превратившая его в одну из ведущих держав мира, заложены основы крупного сельхозпроизводства, реализована культурная революция, позволившая решить не только проблему неграмотности, но и создать мощную систему образования и науки, позволившую вывести человека в космос. Что бы ни говорили сегодня о советской эпохе, но исторические

факты таковы, что она дала скромное, но реальное благополучие абсолютному большинству советских людей.

В то же время мы понимаем, какой ценой это было достигнуто: сколько невинных жертв легло под молох сталинских репрессий, сколько крестьянских семей пострадало от так называемых перегибов во время коллективизации и раскулачивания, сколько талантов было загублено благодаря неистовому ревнительству «рапповщины» и поиску «врагов народа» среди деятелей науки, образования и культуры.

Осмысливая путь, пройденный страной после Ленина, приходишь к выводу, что все это явилось тяжелой платой за отход компартии от ленинских идей, высказанных в его «Политическом завещании», и прежде всего за подмену «живого творчества народа» единовластной волей вождя, приведшей к извращению советской власти и отрыву ее от народа. Именно этот отрыв от народа и послужил в конечном счете ее падению в 1990-е гг.

В полной мере это относится и к правящей тогда партии. Бюрократизм и привилегии партгосноменклатуры не только оторвали КПСС от трудящихся масс, они сделали Советское государство невосприимчивым к развернувшейся в мире научно-технической революции, препятствовали демократическим процессам обновления, наметившегося в годы хрущевской «оттепели» и в начале перестройки. В итоге «реальный социализм» не смог одержать победу над капитализмом ни по производительности труда, ни по более высокому качеству жизни трудящихся, ни по политическим свободам.

Именно эти глубинные причины, а не некое «предательство вождей» объясняют, почему советский народ и рядовые коммунисты так легко восприняли уход КПСС с политической сцены. Но означает ли это тупиковость самого социалистического пути, как утверждают сегодня некоторые радикальные демократы? Конечно, нет. Более справедливого и возвышенного идеала, чем демократический и гуманный социализм, человечество не выработало. Нужно только не повторять тех ошибок, о которых предупреждал Ленин и о чем забыли его исторические преемники.

Сегодня снова возникает стратегическая задача соединения социалистического идеала с массовым движением трудящихся. От того, сумеют ли это осуществить современные левые силы, будет зависеть их политическое будущее.

И. К. Пантин

В. И. Ленин: философия политического действия*

Когда-то по прочтении Гегеля Ленин с грустью констатировал (см. его «Философские тетради»), что большинство марксистов не дали себе труда понять методологию «Капитала» Маркса. В еще большей степени это сетование можно отнести к творчеству самого Ленина: его тип мышления, а в определенном смысле и методология анализа действительности оказались в большинстве случаев непонятыми. Два обстоятельства сыграли здесь решающую роль. С одной стороны, установившаяся после победы революции традиция анализа ленинского политического наследия. Если рассматривать советскую исследовательскую литературу о Ленине, то выясняется, что у разнородных по происхождению и намерениям версий характера «ленинизма», противопоставляемого «классическому» марксизму XIX в., есть общая черта — представление о том, что новое и собственно ленинское относится по преимуществу, если не исключительно, к сфере *осуществления*, к сфере практического действия. Что же касается теории, а уж тем более политической философии марксизма, то, по мнению многих, ленинский вклад здесь исче-

* Текст публикуется впервые.

зающе мал, если вообще имеет место. Между тем со стороны мысли, как будет показано в этой статье, ленинское прочтение марксизма продолжает интеллектуальный прорыв, совершенный К. Марксом и Ф. Энгельсом в XIX в., продолжает, не повторяя, а обогащая их теорию исторического развития новыми эпистемами, моделями, приемами анализа. С другой стороны, стараниями демократических писателей и публицистов эпохи 80—90-х гг. прошлого века ленинское теоретическое наследие вошло в широкое общественное сознание и отчасти в научную мысль в том виде, который придал ему И. В. Сталин, человек использовавший идеи Ленина, главным образом дореволюционные, для обоснования кровавого тоталитарного режима. Сталину, особенно в борьбе с «уклонистами», было выгодно изображать себя «верным ленинцем», «продолжателем дела великого Ленина» и т. п. Идейная сумятица эпохи перестройки, а затем «строительства капитализма» окончательно закрепили подобного рода аберрацию: Сталин — теперь уже по совершенно другим причинам — был признан единственно верным истолкователем ленинского учения. В результате вождь Октябрьской революции, выдающийся политический мыслитель оказался приниженным до интеллектуального и человеческого уровня наследовавшего ему «кремлевского горца» (О. Мандельштам) и объявлен ответственным за все злодеяния сталинского режима. Сегодня, разумеется, нелепо говорить о случайности фигуры Сталина — «необязательный» в событиях 1917—1920 гг., он делает себя «необходимым» после смерти Ленина, когда ленинский курс (= советское государство как регулятор общественно-экономической жизни) под влиянием политических и экономических проблем в России был сначала поставлен под вопрос, а затем и вовсе оставлен. В партии победил сталинский курс на огосударствление всей экономической и общественно-культурной жизни страны. Другими словами, успех и победа Сталина были предопределены *поражением* идей и политики Ленина, поражением, которое его наследник превратил в свой единоличный и единодержавный «позитив».

Имея в виду сказанное, нам представляется важным восстановить подлинные смысл и значение ленинской политической философии. Во-первых, благодаря этому станет понятно, что Сталин как политик ни по своему интеллектуальному уровню, ни по своему пониманию исторической роли и задач социализма не мог претендовать на «продолжение дела великого Ле-

нина». Во-вторых, ленинская политическая философия, как будет показано, впервые разрушила систему догматических понятий, якобы придававших марксизму «научность», которая была жестко привязана к представлениям о «капитализме вообще» и игнорировала возможность разных форм (типов) капиталистического развития. Таким образом теория исторического предопределения смены капитализма социализмом, к чему был сведен марксизм в конце XIX в., была преобразована в концепцию и политическую практику социал-демократии, органически отвечавшим требованиям сложного исторического периода. В-третьих, многие положения ленинской политической философии актуальны для России и сегодня. Прежде всего это относится к отрицанию предзаданности данной формы нынешнего развития капитализма в России. В работе «О нашей революции» Ленин так определяет суть своих разногласий с меньшевиками, стоявшими тогда, как и современные буржуазные апологеты сегодня, за полное и безусловное превращение России «в Европу». «Они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот они не могут себе представить, что этот путь, может быть, считаем образцом mutatis mutandis (с соответствующими изменениями. – *И. П.*) не иначе как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода истории)». В свое время такой «поправкой» был Октябрь 1917 г., сегодня – ликвидация господства в экономике и в политике страны криминального капитализма. Не меняя основного направления социально-экономического развития страны, эта «поправка» поможет народу России успешнее догонять другие народы, ставшими передовыми на данном этапе всемирной истории*.

Начиная говорить о философской концепции Ленина, следует вспомнить об одном важном критерии исследования, который был сформулирован А. Грамши. «Политик нередко пишет труды по философии, – отмечал он, – но может оказаться, что его "подлинную" философию следует разыскивать как раз в его политических статьях»**. По отношению к творчеству Ленина это означает: его «подлинную» мировоззренческую позицию следует искать не в его собственно философских трудах, а в его

---

* Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 45. С. 579.

** Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. М., 1959. С. 95.

политических работах, он чувствует себя профессионалом и развивает марксистскую теорию со всей непосредственностью и оригинальностью в тесной связи с жизнью. Иначе говоря, Ленин прежде всего и главным образом политический мыслитель, философ политики, а уж затем философ ex professo. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы принизить сделанное Лениным в сфере «чистой» философии, скажем, в области материалистической теории познания, которую он развивал в «Материализме и эмпириокритицизме», а о том, чтобы констатировать факт: русский политический мыслитель выражал свою марксистскую позицию не в собственно философском жанре, где он не чувствовал себя специалистом, а прежде всего и главным образом в политическом. Именно здесь Ленин создает свою политическую философию, которая сделалась теорией и идеологией рабочего класса России, признававшегося, согласно марксизму, единственной до конца революционной силой тогдашнего общества.

При всей общности в главном — и Маркс, и Ленин были пролетарскими социалистами и придерживались материалистического понимания истории — между ними существует различие, которое не сводится только к отношению: общее — конкретное, теория — ее применение, открытый закон — его реализация. Их отношение как теоретиков марксизма — это скорее отношение основателя учения и продолжателя. Именно продолжателя — ученики и последователи редко поднимаются до этого уровня. А продолжает он, вернее, осмысливает и разрабатывает *деятельностную* сторону марксистской теории общественного развития — то, что было намечено, не более того, Марксом в его знаменитых «Тезисах о Фейербахе».

Будучи родоначальником теории «научного социализма» и материалистического истолкования истории, Маркс намечает основные вехи нового воззрения на социализм и буржуазное общество, определяет наиболее общие моменты, ориентирующие пролетарское движение в целом. Предвидение новой эпохи основано в его теории на выделении в движении буржуазного общества постоянных тенденций, неразрешимых на его почве противоречий, выведенных им из скрупулезного анализа логики развития капитала. В рамках его теории действия рабочего класса выступают как реализация исторической необходимости, заключенной в капиталистическом экономическом движении. Разумеется, Маркс не сбрасывал со счетов политическую составляющую, классовую борьбу, процессы, происходившие

в области политики, равно как и инициативу масс, способных «учить историю», прокладывать ей новые пути. Однако философия *политического* действия в силу ряда причин не могла быть развита им, хотя и предполагалась его учением. Разумеется, Маркс со своим энциклопедическим умом знал не только экономические, но и другие звенья исторического процесса, и их влияние на развитие общества. Пример тому «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и т. д. — работы, являвшие собой образец широкого и всестороннего анализа конкретных исторических ситуаций. Но проблема состояла в другом. Формируя материалистическое понимание истории, Маркс *формализует* главным образом, а иногда и исключительно, фактор материальных производственных отношений. И хотя точка зрения Маркса, в отличие от его последователей, — не «сведение» исторических явлений к движению экономики, а «выведение» из экономических отношений, это мало что меняет в основной экономоцентрической сущности его взглядов на историю. Поэтому-то в отличие от Гегеля Маркс, как отмечал Ленин, создал «логику “Капитала”», а не «Логику» (с большой буквы).

Любой способ мышления историчен, обременен вытекающими из него последствиями, ограничениями, превращенными формами и т. д. А это значит, как отмечает С. Жижек, «истина по определению является односторонней», зависящей от «*онтологического включения нашего сознания в реальность*»*. Данный пункт менее всего принимался во внимание советскими исследователями идейного творчества Ленина (за исключением, пожалуй, М. Я. Гефтера)**. Но именно в этом пункте коренилась главная трудность понимания марксовой теории для его последователей, которая позже обернулось кризисом определенной исторической формы марксизма («марксизма II Интернационала»). Как ученый-экономист Маркс, особенно в «Капитале», не рассматривает деятельность людей в модусе политических отношений. В заданной им мыслительной действительности он противопоставляет буржуазным иллюзиям объективную логику движения капитала, абстрагируясь от конкретных исторических и политических перипетий. Вот почему,

---

* Жижек Сл. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 31.

** Гефтер М. Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 13—44.

положив начало осознанию экономической реальности, которую не замечала социальная наука прошлого. Маркс не разработал — да и в его время это сделать было бы невозможно — материалистический анализ истории с учетом деятельности людей как «свободных агентов». Сегодня понятно, что результаты исследований Маркса внутренне связаны с определенной исторической ситуацией, с определенным состоянием классовой борьбы пролетариата, когда в лице социал-демократии он еще только-только обретал свое политическое бытие и не мог сколько-нибудь существенно влиять на ход общественного развития. В то время еще невозможно (= трудно) было понять, что *применение* марксизма к данным историческим условиям, к данным общественным обстоятельствам требует, если угодно, сотворчества Марксу — самостоятельного теоретического анализа, призванного выявить потенциальные возможности и формы классовой борьбы пролетариата в конкретных данных условиях данной страны и всемирного развития.

В этой связи вовсе не случайно в одном из предисловий к «Капиталу» Маркс приводит, посчитав его очень удачным, определение сути своего исторического мировоззрения, данное русским экономистом И. Кауфманом. «Маркс рассматривает, — писал тот, — общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерений человека, но и сами еще определяют волю, сознание и намерения»*. Маркса привлекло это определение Кауфмана потому, что оно точно передавало основную гносеологическую задачу их с Энгельсом материалистического понимания истории — преодолеть видимость самостоятельной истории форм государственного устройства, правовых систем и идеологических представлений во всех областях общественного знания; совлечь с истории те покровы, которые она в лице либо действующих лиц исторических событий, либо в лице народных масс, господствующих классов сама неизбежно набрасывает на себя. Все остальное — а это огромная сфера мыслительной работы — он предоставлял своим последователям.

Характерно, что и Энгельс в конце жизни почувствовал (не более того) ограниченность экономоцентрического взгляда на историю. «Экономическое положение — это базис, — разъ-

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 3-е. Т. 23. С. 2.

яснял он в письме Й. Блоху, — но на ход исторической борьбы оказывают влияние, а во многих случаях и определяют, преимущественно форму ее, различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...»* Как видим, в конце 80 — начале 90-х гг. XIX в. Энгельс уже не может не считаться с превращением европейской социал-демократии в политического субъекта и с появлением специфически политического типа мышления, отличного от абстрактно-социологического. Однако то, что Энгельс определяет как «случайность» (и это логично с точки зрения экономоцентрической картины истории) является на деле особой мысленной действительностью, требующей особых средств анализа. Для политической теории определение ее предмета как области «случайностей» по отношению к экономическому положению, базису является не только недостаточным, но и по существу неверным. В ней речь идет не о том, чтобы предсказать, как «действительно» будет совершаться ход дел — подобное «объективное» предсказание будущего лишено в ней смысла. Ее прогноз, коль скоро им занимаются, строго говоря, относится не к действительному, жестко детерминированному течению событий, а только к совокупности альтернатив, реалистичных в том смысле, что за каждой из них стоит борьба партий и классов за осуществление той или иной альтернативы.

Превращение марксизма в «руководство к действию» сопровождается, как показал Ленин, изменением подхода к анализу действительности. Переход теории на деятельностный уровень, связанный с невозможностью (= трудностью) четкого разграничения объекта и субъекта познания, ставит по-новому проблему объективного понимания исторического процесса, определяемого борьбой разных классовых сил. Конечно, существуют ситуации, когда размерность стихийного, «слепого» хода дел

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 37. С. 394–395.

настолько велика, что деятельностью людей как «свободных агентов» можно и нужно пренебречь. В этом смысле можно говорить о свойствах исторического процесса «самого по себе». В основном так представлял себе историческое исследование «ортодоксальный» марксизм. Однако в истории есть и другие эпохи, чреватые революцией, когда общественный процесс поляризуется, а политическая деятельность классов и масс становится главным фактором изменения действительности. Богатство явлений действительности в этом случае не вмещается в пределы общего социологического закона, здесь требуется существенное расширение границ познания общественного развития. Картина исторической реальности в ленинском анализе оказывается как минимум двухплановой. Прежде всего в нее входят объективные (экономические) характеристики исторического процесса, без учета характера которых нет марксистского анализа действительности. Однако эти характеристики образуют лишь общий план картины объекта. Вопрос о значимости других, более конкретных и подвижных характеристик движения общества выводится из познания и, главное, реального развития деятельности общественных сил. Таким образом, обобщенные характеристики исторического процесса гибко связываются с конкретными социально-политическими параметрами — так, что одним и тем же значениям первых соответствует обширный спектр значений вторых. Благодаря такой гибкой связи для марксистской теории становится возможным вскрыть, отобразить различную степень изменчивости, подвижности в соотношении отдельных «уровней» исторической действительности и обусловленную этим разницу тенденций развития. С этой точки зрения будущее общественного процесса предстает уже не просто звеном «естественного» ряда событий, берущего начало в прошлом и жестко обусловленное этим прошлым. В картину общественного развития включается деятельность людей, вступивших в борьбу за переделку действительности «естественно-историческая» (Маркс) природа движения истории сохраняется, но акцент анализа переносится на «историческое», обретающее новый, более высокий ранг.

Как марксист, сторонник исторического материализма Ленин строго различал то, как представители борющихся классов *осознавали* положение и задачи своего класса, и то, как представлялись это положение и эти задачи в свете объективного экономического анализа. Для него разграничение между сознанием и бытием, между субъективным и объективным являлось

необходимым условием исследования общественных явлений, исходным положением марксизма как социальной теории. Вместе с тем он умел не застревать на азах, а идти дальше, постигать историческую ситуацию во всем ее своеобразии и оригинальности. Для него являлось несомненным, что исторические и экономические условия в конечном счете определяют сознание масс, общее направление прогрессивной эволюции общества. Однако гносеологический урок, преподанный ленинской философией политического действия, заключается в том, что порознь эти факторы («материальное» и «идеальное», «объективное» и «субъективное», «условия» и «сознание») теряют в области политики научный смысл. Они существуют в действительности и, главное, могут быть рационально поняты только в нерасторжимом единстве и взаимодействии, фокусом которого в теории Ленина являлась политическая практика. Противоположность «мышления» и «бытия», «идеологии» и «практики» теряет в политике свой абсолютный характер, становится относительной, подвижной: каждому уровню «сознания» соответствует определенная фаза зрелости сил и тенденций общественного развития и, наоборот, на каждом уровне развития общественного процесса момент отождествления теории и практики, «мышления» и «бытия» имеет свой исторически определенный характер. В этом смысле понятие исторического события теряет статус первичного и независимого от сознания и воли людей объекта. Правильно понять его невозможно, оставаясь в рамках «объективного» (в узком смысле слова) подхода. В самом деле. В пределах общесоциологической теории сознательные действия индивидов, выпадающие из общего правила, закона, являются простой случайностью. Заранее предполагается, что индивидуальные отклонения в конце концов взаимно «гасят» друг друга и не влияют на общий итог движения, который детерминирован экономически. Но в движении, куда вовлечены массы, сознательные действия сотен тысяч и миллионов людей приобретают характер относительно самостоятельного фактора общественного развития. Действительность здесь обладает не просто более высоким рангом сложности, который можно учесть, прогнозировать, проводя через каждую «точку» большее количество социально-экономических «координат». Ее особенность заключается в другом: ряд «координат» вообще нельзя определить заранее, «объективно», на основании установленных социологических соотношений — конкретная логика исторического творчества, исторического развития оказывает-

ся гораздо богаче, «хитрее», как выражался Ленин, чем то, что можно было ожидать, руководствуясь общей теорией. Речь в данном случае идет не о произвольном ограничении принципа детерминизма в общественной науке. Просто-напросто внутренний механизм осуществления исторической необходимости включает в себя такие элементы политического действия, которые предварительно, до начала революционных преобразований, не даны исследователю (соответственно классу, партии), а появляются, становятся очевидными по мере продвижения революции вперед.

Слов нет, в определенном смысле политика является концентрированным выражением экономики, благодаря чему ее цель получает исторический масштаб и объективную значимость. В этом смысле признание специфического характера политической действительности и политического анализа отнюдь не означает произвольного отказа от общесоциологических закономерностей, открытых Марксом и Энгельсом. Специально научный, объективно-социологический взгляд необходим, чтобы, как говорил Ленин, «в зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму»*. Однако политическая позиция социал-демократии, по убеждению Ленина, не может вырабатываться только на основе понимания общих исторических задач пролетариата, вытекающих из данного направления общественно-экономической эволюции. Той или иной партии, если это живая, борющаяся партия, приходится считаться в своей деятельности с особенностями общественной ситуации в стране, с изменением, порой крутым, конкретной социально-политической обстановки и соответственно переосмысливать задачи, связанные с новыми условиями действия. Исторически особая действительность каждый раз требует и особой формы марксистского анализа, конкретизации старых и создания новых понятий, схватывающих своеобразие данной политической ситуации. Только на этом пути марксизм оказывается не просто общей идейной платформой, а становится основой тактики сознательного авангарда, ориентированного на политическое действие.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 47.

Как мыслитель, стоящий на позициях исторического материализма, Ленин в отличие от ортодоксов исходил из более глубокого понимания «необходимости» и «свободы». Для него «свобода» не исчерпывается только познанием «необходимости» и воплощением объективно заданной программы, а включает волю и действия всех классов общества, творящих историю сообразно своим интересам, и прежде всего гегемонию рабочего класса, его решающее влияние на непролетарские массы. Его точка зрения не ограничивается использованием в интересах пролетариата «реального хода событий», она значительно глубже, ибо охватывает не только данное, но и «должное», т. е. рассматривает историческое развитие общества в связи с потенциально возможным преобразованием практической деятельности революционных классов. Как последователь Маркса, Ленин открывает новую страницу в понимании исторического процесса. И все же не будем забывать, что общефилософский смысл деятельности в мыслительном и практическом освоении действительности раскрыл не кто иной, как Маркс, когда назвал историческую практику совпадением изменения обстоятельств и человеческой деятельности. Из этого тезиса Маркса вытекало не только то, что изменение обстоятельств невозможно вне деятельности — именно на этом остановилась теоретическая мысль К. Каутского, А. Бебеля, Г. Плеханова и т. д., но и то, что изменить обстоятельства невозможно без *изменения самой деятельности*. Вот почему сознательная деятельность передового класса не сводится, по Ленину, только к реализации вызревшего в действительности. Взятый в единстве с этой деятельностью исторический процесс чреват разными возможностями, а значит, и способен к альтернативному развитию. «Обусловленная и потому ограниченная объективными условиями (деятельность пролетариата. — *И. П.*), — разъясняет это положение М. Гефтер, — она вместе с тем больше того, что в этих условиях предварительно содержится»*.

Всякие попытки искать революционное решение задач на ином пути, чем развитие капитализма, исключались Лениным-марксистом, так сказать, по определению. Все разговоры русских народников о возможности построения новой России на принципах «истины», «справедливости», «трудовой уравнительности» и т. п. отвергались им с порога как добренькие

* Гефтер М. Я. Указ. соч. С. 30.

пожелания мелкобуржуазных революционеров. «Мои идеалы построения новой России будут нехимеричны, — подчеркивал Ленин, — лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на точку зрения *объективизма классовой борьбы,* я нисколько не оправдываю действительность, напротив, указываю *в самой* этой действительности самые глубокие, хотя и невидимые с первого взгляда источники и силы ее преобразования»*. Казалось бы, в данном случае Ленин формулирует общемарксистскую точку зрения на историческую роль рабочего класса как творца социалистического строя. Однако признавая, что Россия претерпевает капиталистическую эволюцию, он, в отличие от Плеханова, считает возможным и необходимым для пролетариата воздействовать на естественный процесс буржуазного развития, который, как доказывал марксизм, идет в нужном для рабочего класса направлении. То, что представлялось меньшевикам «химерическими планами», — возможность замены одного способа вытеснения старых полукрепостнических отношений новыми, буржуазными, «прусско-юнкерского» пути развития капитализма «американским», революционным, то для Ленина составляло суть проблемы гегемонии пролетариата в русской буржуазно-демократической революции. Для судеб социализма, считал Ленин, далеко небезразлично, кто и как построит новую Россию: пролетариат, ведущий за собою крестьянство, или помещики и буржуазия, направляемые либералами. Для него коренная идея марксизма — рабочий класс может освободить себя, лишь освободив все общество — превращалась в пустой звук, если ее, как это делали меньшевики, относили только к заключительному этапу освободительной борьбы пролетариата, к моменту полной победы социалистической революции. Согласно Ленину эта идея призвана направлять каждый шаг социал-демократии на каждом этапе освободительного движения.

Подход Ленина к анализу действительности с точки зрения политической практики рабочего класса изменяет само понятие объективного описания действительности: появляется новый мыслительный предмет, для которого существенным моментом выступает «индивидуальное» — соотношение классовых

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 101.

сил данного общества, политическая гегемония того или иного класса, его способность к историческому действию и т. п. Появляется новое свойство научного анализа, связанное не только с исследованием специфического характера общественных процессов в *данной* стране, *данном* регионе, но и с духовно-практической, политической деятельностью разных классов, преследующих свои интересы. Это свойство в определенном отношении ограничивает справедливость законов развития общества, открытых Марксом и Энгельсом, очень большими периодами общественного развития, когда можно не принимать во внимание исторические «случайности» — ускоренное или замедленное развитие процессов, ту или иную форму (тип) преобразований на базе капиталистического способа производства, наконец, политическую, идеологическую и культурную гегемонию определенного класса.

Иначе говоря, объективному объяснению становящегося буржуазного общества был придан смысл более глубокий, более конкретный, чем тот, который был применен Марксом при экономическом анализе европейского капитализма. Это новое объяснение базировалось, разумеется, на понимании противоречий капитализма, открытых Марксом, но одновременно учитывало несводимость явлений классовой борьбы только к экономическим причинам — идея двух путей буржуазного развития связана, конечно, с анализом экономических тенденций капитализма, но в своих посылках учитывала такой фактор, как настроения крестьянских масс в России, изменение политической стратегии рабочего класса. Отсюда у Ленина появляется упомянутое выше понятие «объективизма классовой борьбы» в противовес «объективизму буржуазного оправдания действительности». «Если же я скажу: новую Россию никто не строит, она строится в борьбе интересов (так утверждал меньшевик Н. Николин. — *И. П.*), то я накидываю сразу некоторое покрывало на ясную картину борьбы таких-то классов, я делаю уступку тем, кто видит лишь находящиеся на поверхности действия правящих классов, т. е. в особенности буржуазии. Я невольно скатываюсь к оправданию буржуазии, вместо объективизма классовой борьбы беру себе за критерий наиболее заметное или имеющее временный успех буржуазное направление»*. Быть может, с этим подходом к генезису капитализма в России

* Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 101.

согласился бы и основатель марксизма, но этот подход явно не вытекал из логики его учения, во всяком случае самостоятельное значение фактора политического действия в нем не вычленялось, просто потому что исследовательская задача Маркса была другой. Иными словами, логическое преобразование созерцаемых отношений капитализма и раскрытие внутренней связей и строения капитала — предмет теории Маркса сменяется, пусть не сразу, у Ленина новым мыслительным предметом — выявлением того, как в самой общественной практике происходит выработка нового политического отношения субъекта к действительности и анализом *исторически возможного* в зависимости от того или иного соотношения классовых сил в стране, от способности рабочего класса обрести гегемонию в революционном движении страны.

Гипотеза Ленина, подтвержденная русской революцией, о своеобразии (индивидуальности) исторического процесса в каждой данной стране привело его к отказу от уподобления развития капитализма в России процессам его генезиса в Западной Европе, к раскрытию ранее игнорируемых исторических предпосылок для однозначного применения понятий марксизма, теории, обобщившей исторический опыт развития западноевропейского региона. Ленин первый среди русских марксистов приходит к выводу, что индивидуальная политическая ситуация с ее возможностями и альтернативами является столь же важной характеристикой объективного исторического хода дел, как и экономическое развитие. С этой точки зрения ни одна форма (тип) капиталистической эволюции не в состоянии дать исчерпывающую информацию того, что и как может происходить в реальной истории, страны, группы стран, поскольку ход событий там каждый раз связан не только с экономическим вектором развития, но с определенной политической ситуацией, культурно-историческим прошлым и т. п.

Это был радикальный пересмотр «классического» марксистского подхода к проблеме общественного развития: в него включались ранее игнорируемые или остававшиеся в тени предпосылки анализа действительности. Речь шла не о том, чтобы отказываться от объективного (экономического) описания возникающих исторических ситуаций. Просто в марксистском анализе благодаря Ленину появляется новое, так сказать, «внутреннее» измерение — учет объективной позиции общественного субъекта, видение вещей которого определяется условиями жизни и политической деятельностью. Вместо един-

ственного абстрактного субъекта познания, стоящего в одинаковом отношении ко всей исторической реальности, появляется множество политически реализуемых позиций и связанных с нею точек зрения, различающихся системами отсчета. Понятие «истины» политического знания становится релятивным, не теряя, однако, своей объективной значимости. В этой связи меняется и понимание идеологии. Для Маркса, точнее, в пределах его познавательной задачи идеология выступала в одном-единственном ракурсе — как искаженное перевернутое сознание. И хотя он знал, что самые странные идеи, укорененные в массовом сознании, способны стать «материальной силой», его главной задачей было все-таки разоблачение идеологического сознания в противовес научному, материалистическому. С позиций философии политического действия картина меняется: на первый план выходит не состоятельность идеологии с точки зрения науки, а *историческое значение* той или иной идеологии. Как политик, человек действия Ленин исходит не из абстрактно-научного сравнения доктрин и теорий, на чем зацикливались Плеханов и меньшевики, а из анализа исторической деятельности классов и масс, которые мыслили себя солидарными с той или иной идеологией. Когда идеология превращается в элемент исторического творчества масс, тогда ее оценка с позиций противопоставления иллюзорного реальному становится недостаточной, теряет свой абсолютный резон, потому что сами объективные задачи, стоящие перед тем или иным классом, уже невозможно рассматривать отдельно от вопроса о том, кем и как они осознаются. Народнический социализм с точки зрения марксизма являлся, без сомнения, реакционной, мелкобуржуазной утопией. Но если Плеханов останавливается на этой позиции, то Ленин идет дальше, соотносит идейную оболочку народничества с интересами и поведением крестьянских масс в условиях русской революции. Тогда оказывается, что ограниченная, а по ряду и пунктов реакционная доктрина народников выражает на языке социалистической утопии устремления русского крестьянина, ограбленного «великой реформой» 1861 г.: его ненависть к помещику-латифундисту, к продажному чиновнику, его решимость по имя «справедливости» разделаться со всем полукрепостническим строем аграрных отношений в стране.

Попробуем обобщить сказанное в терминах политической философии. Благодаря Ленину в марксизме, как мы видели, формируется специфическое знание, которое носит не

абстрактно-социологический, а деятельно-субъективный характер. В определенном смысле оно расширяет наш подход к познанию общества, поскольку рассматривает историческую реальность не только как экономически определяемую данность, независимую от воли людей, но и как бытие, которое каждый раз обусловлено духовно-практической деятельностью наличных общественных сил. В политически мыслимой действительности линия разграничения «субъект-объект» перестает быть неизменной, жестко фиксированной, она зависит от степени развития политического субъекта, а также от того, как соотносится осознаваемая им особая задача, интерес, волевая деятельность с объективными потребностями своей эпохи. Любой политический субъект в пределах этого рассмотрения — индивид или социальная группа — не отделяет себя от реальной действительности и не оценивает себя «со стороны», а напротив, воспринимает себя самого как *часть*, причем самую существенную, раскрывающейся перед ним действительности, социального бытия. И это отнюдь не аберрация сознания. Назначение и роль политики в общественной жизни заключается в том, чтобы *выйти за границы* воспроизводства данных социальных условий, обнаруживая через духовно-практическую деятельность иную перспективу, иное протяжение человеческого бытия и истории. Соответственно мотивы политической деятельности определяются не извне, а изнутри — той практической, волевой, духовной задачей, которую тому или иному классу предстоит выполнить. В этом смысле политическая форма сознания существенно отлична от научно-теоретического (экономического, социологического и т. д.) воззрения на общественные процессы, поскольку объективные, независимые от человека детерминанты исторического движения трансформируются здесь в особые интересы, цели, в «должное», определяющее поведение политических акторов.

Политическая теория в понимании Ленина не ограничивается анализом «реального хода событий», реализацией уже выявившихся возможностей. Ее точка зрения шире, потому что охватывает не только данное, но и «должное», т. к. рассматривает развитие общества в связи с потенциально возможным изменением практической деятельности социальных сил. То, что в социологической науке существует порознь («материальное» и «идеальное», «объективное» и «субъективное», «бытие» и «сознание»), в области политического, включая политическое знание, теряет свою противоположность и строгую субордина-

цию («первично» — «вторично», «причина» — «следствие»). Эти понятия могут быть рационально поняты в политическом знании только в единстве и взаимодействии, фокусом которых является политическая практика. Разумеется, речь идет не о том, чтобы отказаться от объективной точки зрения на исторический процесс, на происходившее в начале XX в. в России — без понимания характера экономической эволюции страны и обусловленных ею классовых отношений анализ идеологии и действий политических сил, участвовавших в русской революции, вырождается в субъективизм мнений о ней и, что еще хуже, в морализирование по поводу ее средств и результатов, как это происходит сегодня. Дело политолога заключается в другом: в выработке такой теоретической онтологии, где политические субъекты (акторы) помещаются непосредственно внутрь комплекса общественных связей, рассматриваются как составная часть движения исторической действительности. В этой онтологической картине меняются одновременно и характер осознания реальности субъектами действия, и мыслимое ими общественное бытие. С одной стороны, политическое мышление, выражаясь словами А. Грамши, становится таким осознанием противоречий действительности, «при котором сам философ, понимаемый как индивидуум или цельная социальная группа, не только постигает противоречия, но и берет самого себя как элемент противоречия, поднимает этот элемент до принципа познания и, следовательно, действия»*. Каждый из акторов имеет свою систему координат — политико-философский анализ отрицает существование «абсолютной», единственно истинной системы отсчета, будь то, скажем, политический опыт стран Западной Европы, как в начале XX в., или США, как сегодня (заметим, для деятельности Ленина этот пункт оказался особенно важным и трудным, поскольку марксизм того времени был учением по преимуществу европоцентрическим, не способным охватить специфику отношений в России, где сходные с капиталистической Европой социальные силы существенно по-иному соотносились друг с другом). С другой стороны, историческая реальность в политической теории рассматривается как *пространство возможного*, как такое бытие, которое задано духовно-практической деятельностью определенных общественных сил. Объективно-экономические законы разви-

* Грамши А. Указ. соч. С. 95.

тия общества в этом случае не отрицаются, просто-напросто они трактуются не в положительном смысле, — как главные определители поведения людей, а в отрицательном — как запрет на изменения, противоречащие характеру экономической эволюции на данном этапе. Другое дело, что осознание подобного рода запрета в революционные эпохи приходит, как правило, с большим опозданием, через ряд болезненных изломов и коллизий.

Далее. В пространстве политической *ситуации* придается более высокий онтологический статус, чем в общей теории исторического процесса. Цена частного, индивидуального, неповторимого значительно возрастает. Оно трактуется уже не просто как проявление неких общих законов, но как завязь, начало новых исторических тенденций. Меняется и исследовательская задача. Она заключается уже не в том, чтобы ухватить действительность с помощью наперед заданной теории общественной эволюции — либеральной, марксистской, все равно. Здесь, отталкиваясь от конкретного контекстуального знания, приходится выявлять, каким образом и благодаря чему возникают те или иные ситуации и черты действительности. А это уже иной подход, при котором нужно определить не просто объективное направление эволюции данного общества, а проанализировать механизм его изменения в конкретных условиях, при данном соотношении политических сил. Экономические зависимости в политическом знании уже не могут рассматриваться в качестве причин, определяющих ход событий и действия людей. «Необходимость» выступает здесь не в прежнем, сциентистки-онтологическом смысле («так неизбежно будет») и уж тем более не в моралистическом («так *должно* быть»), а в конкретно-историческом, политическом смысле, ориентирующемся на ситуацию, волю определенной силы, на ее способность изменить в свою пользу соотношение сил в стране. Соответственно этому и сама задача политического (политико-философского) анализа формируется иначе: речь идет о том, чтобы «выяснить, учесть, свести воедино все, что исторически особая действительность вносит нового в действие "общесоциологических законов", включая в "особое" и деятельность людей, вступивших в борьбу за переделку этой действительности»*. Детерминистическая, как правило, экономическая, картина исторического процесса остается, но она те-

* Гефтер М. Я. Указ. соч. С. 35.

ряет статус первичного предмета, из которого может быть выведен ход исторических событий. Не закономерность плюс индивидуальные отклонения, вызванные предшествующей историей и деятельностью людей, а закономерность как конфликт и равнодействующая объективных тенденций действительности, заключающая в себе разные возможности политического действия, — вот что становится для Ленина предметом социально-теоретического рассмотрения.

В этом мыслительном пространстве появляется новое «измерение» исторического процесса — *проблема альтернативы* данному ходу дел, данному типу (форме) исторического и экономического развития. Альтернатива, по Ленину, — это не то, что существует «объективно», *до и независимо* от сознания и деятельности людей, что нужно только открыть, понять. Альтернатива возникает и навязывает себя как необходимость лишь тогда, когда размежевание внутри общества достигает степени субъективного, проявляющегося в идеологии и действиях, самоопределении классов и общественных групп. Только тогда, через духовно-практическую деятельность людей, т. е. через политику, становится решаемым конфликт идеального и материального, «выбор пути» наполняется политическим, а в итоге и историческим содержанием. Другими словами, не осуществление предуготованного историей пути, не однолинейный, экономический или как-то по-иному детерминированный процесс, а равнодействующая общественной борьбы, столкновения интересов и воль внутри страны и на международной арене, тенденций прогресса и регресса — вот что становится центром политического, политико-философского исследования. Повторения и регулярности, на которых базируется общественная наука, уже не могут рассматриваться как нечто абстрактно самодовлеющее, как существующее независимо от состояния общественных субъектов (партий, классов и их борьбы).

Завершая изложение, следует сказать о судьбе ленинского учения. Идея политической гегемонии рабочего класса, ставшая основным вкладом Ленина в теорию марксизма, позволила развернуть философско-историческую концепцию Маркса в русло более широкого, чем только локальное, западноевропейское, видения проблем развития мирового процесса. И когда через октябрьский перелом 1917 г. европейская революционность превратилась во всемирную, тогда стало окончательно ясным, что российская ситуация — сосуществование в рамках одной исторической эпохи различных способов производства и

форм жизнедеятельности — является скорее правилом, чем исключением, для неевропейского человечества в XX в. Именно взаимодействие разнотипных элементов эпохи обусловило существенные отклонения в развитии ряда стран от европейского «образца», а значит, и актуальность для этих стран ленинской политической теории, его доказательства правомерности «нетипичных» с точки зрения марксизма XIX в. путей общественного прогресса.

Что касается России, то здесь, у себя на родине, ленинское учение оказалось фактически отвергнутым, точнее, оно было превращено в «идеологию», оправдывавшую сталинский курс на построение тоталитарного режима в СССР. При внешнем пиетете перед именем вождя пролетарской революции дух и смысл его учения были извращены и утеряны. И партийные вожди, и советские философы просмотрели главное в ленинском политическом наследии — новое видение социальных процессов. В пределах этого видения передовой класс (согласно марксизму пролетариат) выступает в истории не в роли силы, воплощающей объективно заданную программу, а в качестве субъекта назревших общественных изменений без гарантии в отношении возможных последствий*. Во всяком случае, в мире ленинской политической философии не существует однозначной связи между воспроизводимой причиной, скажем, властью пролетариата и ожидаемым следствием, т. е. того, что постулировала социологическая теория XIX в., включая «классический» марксизм.

Именно на этом препятствии споткнулась русская революция в 1920-х гг., когда стало очевидным, что пролетарский переворот в России не вызвал к жизни цепную реакцию революционных перемен в капиталистическом мире. Первая пролетарская революция осталась наедине с собой, с проблемами отсталой России, имевшими мало общего с переходом к социализму, окруженная к тому же со всех сторон капиталистическими государствами. Революция, разрушившая прежний буржуазный строй, в ряде существенных отношений оказалась вынужденной по-своему, своими средствами *продолжить* историческую работу капитализма, остановленную, так сказать, на полдороге. Вся необычность политической ситуации в нашей стране как

---

* Панарин А. С. Философия политики: Учеб. пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М., 1994.

раз и заключалась в том, что благодаря победе пролетарской революции большевикам пришлось столкнуться с первейшим условием всякой гегемонии — необходимостью увязки «своих» непосредственных требований с общенациональными нуждами, т. е. с «чужими» (в случае с Россией — крестьянскими) интересами. В политике это означало необходимость преобразования революционно-якобинской модели перехода к социализму в еще не опробованную модель социалистического реформизма. Нэп, по мысли Ленина, должен был стать альтернативой Октябрьскому перевороту, открыть возможность перехода России к более эффективному развитию экономики и современного общества в крестьянской стране. Вопрос стоял так: либо коренное *обновление* начал Октябрьской революции, превращение пролетарской революционности в реалистический, соответствующий новой форме гегемонии пролетариата и конкретным условиям России путь построения современного общества, либо *следование* по колее пролетарского якобизма, означавшего возврат к методам «военного коммунизма» (теперь уже во имя ускоренного индустриального прогресса страны) и «диктатуру пролетариата», выродившуюся в итоге в диктатуру вождя партии и тоталитарный режим.

Смерть Ленина, единственного, пожалуй, из всего руководства партии, кто начинал представлять себе смысл преобразований, связанных с «самотермидоризацией» революции, обусловила, с одной стороны, победу пролетарски-якобинской тенденции в партии и государстве, с другой — что самое важное, — «внутренний провал» (Ленин) дела социализма в России. В этом не было ничего удивительного. В социальном и культурном развитии российский рабочий (недавний крестьянин) значительно отставал от своих собратьев по борьбе в странах Запада. Идеи социального освобождения отличались у него большой упрощенностью, а главное, не согласовывались с многоукладной экономикой, существовавшей в стране, и с вытекавшими отсюда историческими потребностями. Годы Гражданской войны и послевоенной разрухи еще более упростили социалистический идеал в сознании рабочих: в сущности, он свелся к идеалу социального равенства (а чаще всего и уравнительности), который должен быть осуществлен силой наперекор любым препятствиям, к установке на ликвидацию буржуазии и, шире, всех состоятельных слоев. Надо ли удивляться, что условия нэпа, в которых очутилась страна в 20-е гг., казались большинству рабочих досадным препятствием на пути к со-

циализму, которое предстояло как можно скорее устранить, — если понадобится, то и насилием — а не условиями, выражающими исторически необходимый этап общественного и экономического развития страны. Словом, социализм, выражаясь словами Маркса, был понят рабочими России вполне и в духе XIX в., — как «*состояние*, которое должно быть установлено», как «*идеал*, с которым должна сообразовываться действительность», а не как «*действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»*. За это страна поплатилась массовым террором власти против собственного народа, установлением жесточайшего тоталитарного режима. И все это закончилось компрометацией идеи социализма и возвратом России к «дикому», криминальному капитализму.

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 34.

В. Н. Шевченко

В. И. Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России*

Ленинский анализ особенностей развития капитализма в России по-прежнему сохраняет свою актуальность. Ситуация в нынешней России складывается очень похожая на ту, что была сто лет назад. Страна вновь стала на путь капиталистического строительства, предприняты огромные шаги для того, чтобы убедить россиян в том, что этот процесс идет успешно. Правда, капитализм еще не вполне «нормальный», но суть современного этапа модернизации состоит в том, чтобы в этот раз построить «нормальный» капитализм европейского типа.

Современные ученые, придерживающиеся либеральных взглядов, крайне негативно оценивают успех ленинской партии большевиков, которая пришла к власти в октябре 1917 г. Страна уверенно становилась капиталистической страной, полагают они, но большевики силой и обманом захватили власть, прервав естественный ход развития страны. «Волюнтаризм» большевиков и «стремление их к власти» в последние

---

* Впервые опубликована: Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине. М.: URSS, 2011. Текст переработан и дополнен автором специально для данного издания.

два десятилетия стали предметом безоговорочного осуждения со стороны либералов. Можно оставить без внимания эти обвинения большевиков и Ленина в стремлении к власти, ибо политика и есть сфера борьбы за власть различных партий и политических сил. Иначе зачем идти в политику, создавать партию, если политик не намерен бороться за власть.

Суть проблемы в другом. Действительно ли капитализм успешно развивался, при всех его, разумеется, противоречиях и сложностях, или Россия все более заходила в исторический тупик в своем стремлении стать настоящей капиталистической страной. И если это так, тогда поиск альтернативного пути для нее был единственным спасением. Увидеть этот путь и сделать все возможное и невозможное для того, чтобы вступить на него, — такой, на мой взгляд, была историческая задача, которая выпала на долю большевиков и с которой они справились. Речь, таким образом, должна идти вовсе не о «волюнтаризме», а о глубоком теоретическом понимании Лениным особенностей исторического пути развития России, которое и привело партию большевиков к власти.

Иначе говоря, основное содержание дискуссий, развернувшихся вокруг целей и исторического значения Октября, состоит в том, была ли Октябрьская революция исторической необходимостью, закономерным продуктом развития России по капиталистическому пути или же она представляла собой лишь насильственную акцию по захвату власти, прервавшую естественный процесс эволюции страны.

Есть серьезные опасения в том, что строительство капитализма в стране в XXI в. вновь приведет страну в исторический тупик. В ленинском теоретическом наследии содержится достаточно ясный и научно обоснованный ответ, почему не получился капитализм в России сто лет назад.

Теоретическое наследие Ленина в советское время читалось под определенным идеологическим углом зрения. «Тезисы ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» — это наиболее интересный в этом отношении документ. К началу XX в. Россия становится узловым пунктом противоречий мирового империализма, и соответственно в нее перемещается центр мирового революционного движения. «Ей были присущи все типичные противоречия тогдашнего мира: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и значительными феодально-крепостническим пережитками, между высокоразвитыми промышленными районами и отсталыми

окраинами. Особую остроту этим противоречиям придавала система политического, духовного и национального гнета царского самодержавия»*. В целом «Тезисы» содержали ленинские оценки тогдашней исторической эпохи, основывались на ленинских работах, однако вопросы специфики российского капитализма в «Тезисах» не затрагивались.

В конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века в исторической науке сложились и идейно оформились два направления в изучении капитализма в России. Одно из них было вскоре названо «новым направлением», другое — традиционным марксистским. В центре дискуссии — столкновение двух принципиально различных подходов к пониманию характера и уровня развития капитализма в дореволюционной России, каждый из которых основывался на определенной интерпретации ленинского творческого наследия**.

В конце 80-х гг. спор вспыхнул с новой силой (и вновь без участия философов). В ортодоксальном направлении среди историков заметно выделялся В. И. Бовыкин, согласно точке зрения которого капитализм в России уже в начале XX в. стал господствующим способом производства. Поскольку «капиталистический уклад является определяющим, то он объединяет и подчиняет себе остальные уклады, придавая целостность той совокупности производственных отношений, которая образует общественно-экономическую формацию»; поэтому, конечно, «ничего самобытного, своеобразного Россия в этом смысле (признание наличия многоукладности в рамках капиталистической формации. — *В. Ш.*) не дала. Разница только во времени, темпах развития, разница в формах, масштабах, в особенности

---

* КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972. Т. 10. С. 146.

** См.: Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития. М., 1987; Пантин И. К., Плимак Е. М., Хорос В. Г. Октябрь: разрешение дилемм революционной мысли в России // Политическое образование. 1987. № 8; Тарновский К. Н., Шевченко В. Н. Великий Октябрь и современность // Философские науки. 1987. № 9—10; Поликарпов В. В. «Новое направление» — в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3; Булдаков В. П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // Вопросы истории. 1989. № 10; Россия в 1917 г.: выбор исторического пути. М., 1989; Еще раз к вопросу о «новом направлении» // Вопросы истории. 1990. № 6; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991; Наше отечество (опыт политической истории). Ч. 1, 2. М., 1991.

в модификациях. Но основные, ведущие процессы переживались всеми странами одинаково»*.

Такая позиция предполагает и вполне определенный вывод относительно социально-экономических предпосылок Октябрьской революции: «глубочайший экономический и политический кризис, охвативший к 1917 г. Россию, порожден капитализмом. ...Нерешенность некоторых задач буржуазно-демократической революции лишь сопутствовала и способствовала назреванию революционного взрыва и расширению его масштабов»**.

П. В. Волобуев, главный оппонент В. И. Бовыкина, неоднократно подчеркивал, что суть расхождений между ними «состоит в разной оценке уровня и характера (типа) капиталистического развития России, т. е. степени ее готовности к социалистическим преобразованиям в 1917 г.»; «достаточно сказать, что корни Октябрьской революции он (В. И. Бовыкин. – *В. Ш.*) выводит из пресловутого конфликта между производительными силами и производственными отношениями, не улавливает альтернативности исторического развития России, не выясняет значение типа российской капиталистической эволюции, не учитывает роли отсталости страны как катализатора всех общественных противоречий и революционных потрясений»***.

Главное в позиции сторонников «нового направления» – это особое понимание ими явления многоукладности. «Бовыкин продолжает настаивать, – пишет П. В. Волобуев, – будто сторонники "нового направления" (К. Н. Тарновский, П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин и др.) рассматривали многоукладность как совокупность укладов, ни один из которых якобы не был господствующим. Это сущая неправда. Для всех нас положение о господстве капитализма, о ведущей роли капиталистического уклада в экономике страны было аксиомой»****. Но смысл был другой – растущая несвязность укладов многоукладной экономики.

Таковы позиции сторон. Если для одних историков капитализм в России уже стал общественно-экономической форма-

---

* Бовыкин В. И. Ответ критику // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 172, 179.

** Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М., 1990. С. 112.

*** Вопросы истории. 1990. № 10. С. 182, 184.

**** Там же. С. 183.

цией, то другие отвергали такой вывод как несостоятельный. Идея, которая подспудно лежала в основе спора, это вопрос о том, носило ли развитие российского капитализма тупиковый характер или нет.

В дальнейшем, в конце 90-х гг., дискуссия продолжалась уже в других форматах. К анализу собственно теоретического наследия В. И. Ленина обращаются мало. На смену борьбы различных интерпретаций взглядов Ленина внутри единой марксистской позиции приходит борьба между немногочисленными авторами-марксистами и теми, кто стал придерживаться других, нередко полярных воззрений. Непрекращающиеся политические споры относительно причин прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. в итоге вновь и вновь упираются в понимание особенностей российского капитализма конца XIX – начала XX в. В этом отношении теоретическое наследие Ленина представляет сегодня огромный интерес и практическую значимость. Вместе с тем стало постепенно прослеживаться в общественной мысли возвращение к творческой марксистской традиции, хотя этот процесс идет трудно и противоречиво. Можно назвать ряд работ, в которых предпринимается анализ теоретического наследия В. И. Ленина. Среди них работы Б. Н. Бессонова, Б. Ф. Славина, Г. Д. Чеснокова, венгерского ученого Т. Крауса, работы создателей и сторонников школы критического марксизма, сложившейся вокруг журнала «Альтернативы», – А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, М. И. Воейкова и др.*

Проблемы российской истории последних столетий в целом остаются весьма далекими от решения на уровне требований XXI в. Крайне важно понять глубокий смысл ленинского анализа развития капитализма в России. Ленинское теоретическое наследие сегодня, как никогда, актуально, поскольку страна стоит перед той же дилеммой, что и сто лет назад, – как возможен в стране капитализм? Каким же видел В. И. Ленин российский капитализм своего времени и как он решал проблему перспектив развития российского капитализма?

---

* Славин Б. Ф. Социализм и Россия. М., 2004; Бессонов Б. Н. Ленин. Омск. 2008; Чесноков Г. Д. Самый выдающийся марксист XX столетия. М., 2009; Краус Т. Ленин: социально-теоретическая реконструкция. М., 2011; Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине.

Методологическая позиция В. И. Ленина состояла в дальнейшей разработке марксовой идеи «наложения исторических эпох» применительно к ситуации, сложившейся в России на рубеже веков и в первые десятилетия XX в. Ситуация «наложения исторических эпох» возникла в Германии накануне революции 1848 г. К. Маркс отмечал в одной из работ тех лет, что «немецкая буржуазия вступила в антагонизм с пролетариатом прежде, чем она политически конституировалась как класс», «борьба между "подданными" вспыхнула прежде, чем монархи и дворянство были изгнаны из страны»*.

Революция 1848 г. в Германии окончилась поражением по причине слабости немецкого пролетариата. Несмотря на поражение революции, в стране начинается стремительный рост промышленности, торговли, в политической повестке дня появляется вопрос об объединении Германии, которое сделалось для страны императивной необходимостью. «Могильщики революции 1848 года стали ее душеприказчиками»**. Кардинальное решение задач внутреннего и внешнего характера стало делом канцлера Бисмарка, названного Ф. Энгельсом «королевски-прусским революционером»***. Окончательный выбор Германией национального пути развития произошел в начале 70-х гг. XIX в.

Аналогичная ситуация возникла во второй половине XX в. в России, хотя ее исход оказался совсем другим. Ни одну из задач назревавшей буржуазной революции, по существу, царская власть сверху так и не смогла решить.

Суть ситуации «наложения эпох» заключается в том, что объективные потребности развития более высокой стадии общества и связанные с ним противоречия начинают накладываться на еще непреодоленные потребности и противоречия более низкой стадии развития. Скажем пока в общем виде, что разрешение насущных потребностей возникающего капитализма наталкиваются на сохраняющиеся в стране мощные экономические и политические структуры самодержавно-крепостнического строя. В. И. Ленин указывал на существование двух различных и разнородных социальных войн. Одна из них шла «в недрах современного самодержавно-крепостнического

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 312–313.

** Там же. Т. 22. С. 537.

*** Там же. Т. 21. С. 453.

строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»*. В новых исторических условиях В. И. Ленин углубляет и развивает далее концепцию «наложения исторических эпох» К. Маркса, дает точный и многоплановый анализ особенностей сложившейся в стране в начале века ситуации и на этой основе вырабатывает стратегию и тактику партии, которая полностью оправдала себя на практике.

Российский тип капиталистической эволюции

Реформы 1861 г. положили начало движению России по капиталистическому пути. Россия вступила в период перехода от самодержавно-крепостнического строя к буржуазному строю. Взгляды Ленина претерпели по этому вопросу вполне понятные изменения.

В споре с либералами по поводу сущности третьеиюньского переворота 1907 г., совершенного самодержавием, он говорит о начале нового этапа в развитии страны. «Перед нами, значит, своеобразная ступень *всей* капиталистической эволюции страны», обусловленная принципиальными изменениями в аграрной политике самодержавия. «Либерал полагает, что путь экономического (капиталистического) развития уже дан, определен, закончен, что речь идет об очистке помех, противоречий с *этого* пути. Марксист полагает, что этот данный путь капиталистического развития не выводит до сих пор из тупика, *несмотря* на такие несомненные буржуазные прогрессы экономической эволюции, как 9-е ноября 1906 г. (или 14.VI.1910), как III Дума и пр., и что есть *иной* путь *тоже* капиталистического развития, путь, способный вывести на столбовую дорогу»**.

Это «американский» путь, за который выступают большевики. Рабочий класс сначала поможет построить новую буржуаз-

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 11. С. 283.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 188, 203.

ную Россию, ведя за собой все демократические силы, а затем примется решать задачи другого рода.

В письме И. И. Скворцову-Степанову Ленин вводит важное понятие национального пути капитализма. Существуют две «принципиально иные *эпохи* капитализма: эпоха *до* окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха *после* такого утверждения*». Эта эпоха «после» не наступила вплоть до начала Первой мировой войны, которая помешала разразиться назревшему в стране общему, системному кризису.

Однако сторонники традиционалистского направления, полагающие, что капитализм в России утвердился как общественно-экономическая формация, также находят у Ленина высказывания, подтверждающие их точку зрения. В частности, рассуждения Ленина о том, «что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел империализм, нас подвел капитализм в его первоначально товарно-хозяйственных формах»**. Возразить здесь напрямую трудно, особенно если не принимать во внимание того, о каком империализме идет речь, да и контекст текста говорит о многом (март 1919 г., VIII съезд РКП(б), доклад о партийной программе).

Цитатный метод для доказательства той или иной теоретической концепции, конечно, не эффективен. Он не убеждает. Но проблема остается, ибо с нею связана в значительной степени интерпретация революции и других драматических страниц в истории Советской страны.

Главным при решении вопроса об уровне и характере развития российского капитализма является не то, какими народнохозяйственными показателями обладал капитализм, а что происходило со страной по мере того, как она продвигалась вперед по капиталистическому пути.

Самодержавно-крепостническая Россия с большим отставанием по сравнению с Западной Европой вступила на путь буржуазного развития. Исходя из этой общей посылки некоторые ученые относят российский капитализм к догоняющему (форсированному) типу развития. В качестве подтверждения обычно ссылаются на известное высказывание Маркса о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее раз-

* Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 231–232.

** Там же. Т. 38. С. 156.

витой стране лишь картину ее собственного будущего»*. Однако действие этого вывода К. Маркс впоследствии ограничил пределами того региона Западной и Центральной Европы, в рамках которого сложилась к началу XX в. единая европейская капиталистическая цивилизация. Известно, что она складывалась как целостное общеевропейское явление в течение нескольких столетий. По отношению почти ко всем европейским странам можно, в общем, говорить, что одна страна промышленно более развитая, а именно Англия, показывает картину их собственного будущего другим, менее развитым странам, не только, например, Голландии, Дании, Франции, Бельгии, но и Германии, Австро-Венгрии, возможно, ряду других стран.

Ленин неоднократно приводил в качестве примера Англию, когда выступал за самое радикальное освобождение сельского хозяйства России от пережитков Средневековья. Поначалу Ленин не разбирает подробно вопрос о том, как возможно применение в России английского опыта. Его интересуют лишь конечные результаты английской аграрной революции, без осуществления которой вообще было невозможно становление капитализма. Ленин фактически проходит мимо тех страшных бедствий, которые обрушились на английских крестьян в эпоху «огораживания земель» и которые с такой силой описал Маркс в 24-й главе «Капитала». На это обстоятельство справедливо обращает внимание Ю. Бородай в своей статье «Почему православным не годится протестантский капитализм»**. Что касается Австрии, Пруссии, Германии, ряда других стран Центральной Европы, то в этих странах сложился принципиально иной тип развития капитализма — форсированный тип, который может быть назван альтернативным англосаксонскому капитализму. Основу этого типа составляет сильная экономическая политика монархической, абсолютистской государственной власти, направленная прежде всего на преодоление разрыва в уровнях экономического развития с более развитыми капиталистическими странами.

Россия еще позже, чем Германия, вступает на тот же самый путь после проигранной Крымской войны, показавшей большую технологическую отсталость самодержавной империи. Однако последствия развития России по форсированному пути

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 9.

** Бородай Ю. М. Наш современник. 1990. № 10.

оказались прямо противоположными по сравнению с теми, что имели место в Германии.

Германия успешно прошла путь форсированного развития, бросив исторический вызов англосаксонскому капитализму. В России сложились особые условия. Историческая эволюция российского капитализма не смогла вписаться в рамки форсированного типа развития. Препятствия, которые возникли в ходе капиталистической трансформации российского общества, оказались непреодолимыми. Они вызвали к жизни мощные социальные силы, которые впоследствии направили развитие страны в другом направлении. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В 1905 г. Ленин отмечал, что период русской истории начиная с 1861 г. «был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»*. К. Маркс, наблюдая со стороны, видел капитализм в России несколько другим: «Известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства, противостоит общине. Он заинтересован в том, чтобы ее раздавить»**.

В России, как и в других странах, развивавшихся по форсированному, ускоренному пути, влияние самодержавной власти на экономическую жизнь общества было определяющим. В 80-е гг. в стране в целом завершается промышленный переворот. Успехи в индустриальном развитии несомненны. Капиталистическая стихия внизу рождает простейшие формы капитализма — мануфактурную и кустарную промышленность, мелкое товарное производство, торговый обмен и т. д. Но не эта стихия определяла направление экономического и общественного развития страны.

Смысл реформ 1861 г. в сельском хозяйстве заключался в постепенном преобразовании помещичьих латифундий в капиталистическое предпринимательское хозяйство за счет ограбления крестьянской массы и использования ее в качестве дешевой рабочей силы в деревне. Крестьянство объективно ставилось в такие условия, когда оно не могло ни прокормить себя, ни уехать навсегда в город. Ленин рассматривал развитие экономики пореформенной России в неразрывной связи с политикой самодержавной власти, игравшей совершенно особую

* Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 38.

** Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 415.

роль в жизни российского общества. Для Ленина-теоретика самодержавие было больше, чем просто политическая надстройка, выражавшая интересы класса помещиков, бывших крепостников.

Историк М. Я. Гефтер однажды заметил, что «вместе с концепцией Покровского о самодержавии как торговом капитализме в шапке Мономаха, отброшенной в 30-е гг., наша историография "освободилась" и от проблемы целостности русского исторического процесса»*. Освободилась она и от необходимости глубокого изучения природы царского самодержавия, которая оказалась сведенной к нескольким *по необходимости крепким* выражениям пропагандистского, обличительного характера.

Ленинские суждения о природе самодержавной монархии весьма показательны. Один из его важных выводов заключался в том, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и бюрократии»**. В полемике с Розой Люксембург, которая назвала государственный строй России «азиатским деспотизмом», Ленин дал такому типу социального образования свою характеристику. «В экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации», а социальные связи передовой области с быстрым развитием капитализма с докапиталистическим государственным строем являются «азиатско-деспотическими»***. Для Ленина казалось очевидным восточное происхождение самодержавно-бюрократической монархии. Это означало, что монархия выступает главной системообразующей связью, определяющей существование российского общества. Она связывает в единое целое его экономически несвязанные между собой части — отдельные общины или целые уклады — при помощи бюрократического аппарата. Эти «азиатско-деспотические» связи не имеют экономического происхождения. Они — результат политики освоения огромного евроазиатского пространства. Отсюда огромная независимость монархической власти от

* Гефтер М. Я. Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 87.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 21. С. 32.

*** Там же. Т. 25. С. 266–267.

тех частей, которые она объединяет в единый организм, и ее удивительная способность приобретать различное социально-классовое содержание при сохранении жестких централизованных структур власти и «единого объединяющего начала».

Несмотря на внешнее сходство с западноевропейскими монархиями, самодержавно-крепостническая монархия отличается от них весьма существенным образом. Причиной этому служат принципиальные различия форм земельной собственности, лежащих в основе, с одной стороны, западноевропейских монархий, с другой стороны, монархий восточного происхождения. Конкретно имеется в виду германская и азиатская формы общинной собственности. И до тех пор, пока в сельской местности не победит частная форма собственности на землю, общины будут представлять собой естественную базу азиатско-деспотических порядков. В российской общине сохранялся и в пореформенную эпоху примат коллективного начала над частным. Проблема для Ленина и заключалась в том, чтобы определить, насколько социальный организм, системообразующей связью которого выступает самодержавно-бюрократическая монархия восточного типа, способен к перерождению в другой организм с принципиально новыми формами организации социальной жизни, особенно в условиях форсированного развития по капиталистическому пути.

Основное противоречие российской экономики в эпоху империализма

Последовательность становления капитализма оказалась существенно иной, если не прямо противоположной, по сравнению с западноевропейскими странами. В течение нескольких десятилетий в ряде отраслей народного хозяйства было создано крупное фабрично-заводское производство, возникла гигантская сеть железных дорог, связавшая воедино основные регионы Российской империи еще до завершения в 80-е гг. промышленного переворота в стране. На рубеже веков монополии начали играть заметную роль в хозяйственной жизни. Капитализм в России вступил в империалистический этап своего развития. Напротив, аграрный переворот в деревне сопровождался огромными трудностями, так и оставшись незавершенным вплоть до Октября 1917 г. С самого начала российскому капитализму были присущи совершенно особые черты, скрытые и явные противоречия.

Поэтому и столь противоречивы оценки Ленина в первых работах середины 90-х гг. XIX в. капиталистических преобразований в России.

С одной стороны, Ленин, несомненно, полон энтузиазма и оптимизма. Разгромив народников, пытавшихся доказать, что Россия может избежать всех ужасов капитализма, Ленин переводит суть вопроса в другую плоскость. Россия прочно идет по капиталистическому пути. В 1894 г. он пишет: «Россия — страна капиталистическая... в ней связь трудящегося с землей так слаба и призрачна»; старого строя «давным-давно нет уже в действительности, он давным-давно разрушен капитализмом», а народниками «полнейшее господство капитала в деревне игнорируется, замалчивается, изображается случайностью»*.

С другой стороны, в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», напечатанной годом позже, Ленин отмечает несколько иные моменты: «Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом именно вследствие его неразвитости»; «до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней»**. Важное значение имеет замечание Ленина о капитализме в промышленности. «В пореформенной России крупнейшим фактом выступило внешнее, если можно так выразиться, проявление капитализма, т. е. проявление его "вершин" (фабричного производства, железных дорог, банков и т. п.)»***.

Теоретический вывод, позволяющий объединить под одним знаменателем различные оттенки в оценках Ленина, заключается, видимо, в признании им «однородности *типа* наших крестьянских порядков с западными»****. Эта же мысль была отчетливо сформулирована Лениным и в предисловии к работе «Развитие капитализма в России», изданной в 1899 г. «Интересно отметить, до какой степени тождественны основные черты этого общего процесса (капиталистической эволюции земледе-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 214–215, 248, 397.

** Там же. С. 491,490.

*** Там же. С. 521.

**** Там же. С. 523.

лия. — *В. Ш.*) в Западной Европе и в России, несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении»*. Вплоть до революции 1905 г. тождественность капиталистических процессов развития в Европе и в России ставится Лениным выше специфических особенностей их процессов, неравномерности развития экономики России. Иными словами, общая идея Ленина такова: отставшая в своем развитии страна устремляется вдогонку за странами Западной Европы. Впоследствии Ленин меняет свою позицию.

В 1908 г. Ленин, разбирая аграрную программу социал-демократов в Первой русской революции, самокритично заявил: «Верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве... сложились и в крестьянском хозяйстве... Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, — капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением. Революция разоблачила эту ошибку... Широкое развитие капитализма требует новых отношений землевладения... зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву (эта деталь очень важна. — *В. Ш.*) широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства»**.

В ходе осмысления результатов революции 1905—1907 гг. Ленин приходит к существенно иным выводам. Революция обнажила основное социально-экономическое противоречие. Это «противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим и толкает, в силу объективных причин, к наибольшей глубине буржуазной революции»***. Лениным найдена ставшая впоследствии классической формулировка основного противоречия, которое действительно во многом объясняет объективные причины русской революции: «Самое отсталое

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 7.

** Там же. Т. 16. С. 268—270.

*** Там же. С. 301.

землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»*

Развитие капитализма в промышленности в силу разных причин оказывается неспособным взломать крепчайшие оковы азиатского крепостнического строя. Эту особенность Ленин отмечает особо, подвергая критике в 1913 г. вождя партии кадетов П. Н. Милюкова за его рассуждения о хрупкости и случайности крепостного права в России, которое «уступило без сопротивления первому почерку пера». Нет, «не хрупким» и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»**.

Возникшее противоречие может быть разрешено, по мысли Ленина, двояким путем. Дело в том, что «в революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только образовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий*...»*** И на их основе сформировались две различные тенденции дальнейшего развития России по капиталистическому пути. Имеется «возможность *двух* видов капиталистического аграрного развития и... историческая борьба *этих видов* еще не кончена»****. Капитализм может быть либерально-помещичьим или демократическим, может быть «американским» или «прусским».

Казалось, каждый шаг вперед по капиталистическому пути должен снимать хотя бы на время социальную напряженность в стране, при условии если капитализм в целом еще не исчерпал своих прогрессивных потенций. Однако в реальной действительности получалось иначе. Крупная промышленность, монополии, банковское дело, обширная торговля, рост урожайности — каждая из сфер экономической жизни имела свои несомненные достижения. Но в своем совокупном воздействии на социальный организм они приводят к чрезвычайно конфликтной ситуации. Иными словами, по мере продвижения

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 417.

** Там же. Т. 23. С. 17.

*** Там же. Т. 20. С. 176.

**** Там же. Т. 47. С. 228.

вперед рос дисбаланс между различными частями огромного социального организма. Шла борьба двух противоположных тенденций: одна из них действует в направлении позитивного качественного преобразования общества в иной тип, а другая своим действием порождает разрушительные силы. И, похоже, последняя тенденция с каждым шагом вперед становилась сильнее и сильнее. Ленин довольно точно фиксирует сложившуюся ситуацию как взрывоопасную.

В то время как царское самодержавие использует все возможности, чтобы развитие шло по самодержавно-помещичьему пути, революционные демократы во главе с большевиками твердо стоят за второй путь. Но второй путь, по мнению Ленина, явно не складывается. Самодержавно-крепостническая монархия не может разрешить основное противоречие, резко обострившееся в ходе развития и делающее буржуазную революцию по-прежнему объективно неизбежной. Не может она переродиться в буржуазную монархию. Нет в ней той гибкости, которая была характерна для западноевропейских абсолютистских монархий времен разложения феодализма и становления раннего капитализма. Реформистского пути для страны нет, неоднократно отмечает Ленин. В Германии он получился, а в России не получается.

Анализируя суть сложившейся ситуации, В. И. Ленин подчеркивал, что противоречие между отсталым землевладением и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом обострялось в России с каждым новым шагом капитализма вперед. Оно так и не было разрешено вплоть до революции 1917 г. До самого его свержения самодержавие, будучи орудием диктатуры всего помещичьего класса, имело, по существу, неограниченную политическую власть. По этой причине и возникает у российского капитализма устойчивая тенденция к срастанию с устаревшими экономическими структурами, с исторически отжившим крепостническим укладом, что и обусловило политическую несамостоятельность российской буржуазии после Февраля 1917 г.

Конечно, имело место медленное перерождение царизма в буржуазную монархию. В 1908 г. Ленин в полемике со Струве писал: «Если он (П. Струве) "голосом голосит", что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не* видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху»*. Однако темпы этой революции сверху не удовлетворяли потребностям ускоренного развития России.

* Там же. Т. 17. С. 33.

Аграрный вопрос, стоявший в центре Первой русской революции, приобретает еще большую остроту после ее поражения. В. И. Ленин в одном из своих писем подчеркивал, что «аграрный вопрос и есть *теперь* в России *национальный* вопрос буржуазного развития*. В стране, по словам В. И. Ленина, «*еще* идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей»**. Оба пути аграрно-капиталистической эволюции (буржуазно-консервативный, или прусский и фермерский, или «американский») объективно были возможны для России. Но ни один из них так и не победил вплоть до Октября.

В 1913 г. в период нового революционного подъема В. И. Ленин указывает на ряд объективных обстоятельств: состояние масс населения, ухудшение их положения в результате проведения новой аграрной политики, международные условия, характер общеполитического кризиса, касающегося основ государственного устройства, «которые делают положение России революционным вследствие невозможности решить задачи буржуазного переворота на данном пути и данными (правительству и эксплуататорским классам) средствами»***. И еще. «Эта контрреволюционная система исчерпала себя, исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна»****. Капитализм в промышленности продолжал развиваться в стране достаточно высокими темпами, но в целом Россия начинает все более отставать в экономическом отношении от ведущих стран Западной Европы. Нерешенность задач буржуазного развития в эпоху империализма вызывает как бы «досрочное» обострение противоречий, свойственных обществу в целом. «Отсталость России, — отмечает В. И. Ленин, — своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков»*****.

Еще одно противоречие достигло в России небывалого обострения в период капиталистической трансформации российского общества. Оно имело корни в борьбе многочисленных

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 229.

** Там же. С. 231.

*** Там же. Т. 23. С. 301.

**** Там же. Т. 23. С. 57.

***** Там же. Т. 38. С. 306.

народов России против национального угнетения со стороны самодержавной власти. Крупная промышленная буржуазия ради получения высоких прибылей (так называемой русской сверхприбыли) была заинтересована в сохранении на окраинах страны феодальных и дофеодальных черт. Там широко применялись наиболее грубые раннекапиталистические формы эксплуатации. Однако такая политика не приводила к «сбрасыванию» в колонии, как это происходило на Западе, растущих классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией в промышленных центрах. К тому же она не способствовала и ускорению развитию капитализма в целом. Как отмечал В. И. Ленин, «развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной территории задерживается вследствие колонизации окраин»*. Совпадение главных задач пролетарского движения в центре, крестьянского движения по всей стране и национально-освободительного движения на окраинах империи создавало условия для слияния их в одну революционную силу.

Многоукладность экономики России: проблема связи укладов

Несколько предварительных замечаний о методологической стороне вопроса. Ленин не называл экономику капиталистической России многоукладной. Понятие общественно-экономического уклада в его современном звучании появляется у Ленина в работах уже послеоктябрьского периода. Но если экономика Советской России была многоукладной и насчитывала, по Ленину, пять различных укладов, то почему же не может быть иной по характеру, но тоже многоукладной, экономика страны в дореволюционное время?

Известно, что формационный общественно-экономический уклад — это прежде всего система определенных производственных отношений, общественная форма, посредством которой только и возможно функционирование материального производства. Ленин в споре с Плехановым по поводу употребленного в проекте программы партии термина «капиталистические производственные отношения» особо подчеркнул важность до-

* Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 596. Примечание.

бавления к его определению слова «система», поскольку оно указывает здесь на наличие у этих отношений свойства законченного и цельного*. Однако наличие свойства системности у капиталистического уклада в России требует доказательства. Сложность проблемы заключается в том, что процесс форсированного развития страны по пути капитализма имел особые черты. Фазы становления капитализма оказались не просто сдвинутыми или частично совмещенными, они появлялись буквально в обратном порядке по сравнению с классическим путем становления капитализма: большие капиталистические предприятия, железные дороги, банковская система возникли тогда, когда в крепостной по духу *деревне* зарождались первые, самые примитивные формы капиталистической эксплуатации. Так что вопрос о характере складывающихся отношений между различными частями или элементами капиталистического уклада не может решаться по принципу аналогии с западноевропейским путем развития. Известно, что формационньй общественно-экономический уклад, носящий системный характер, включает в себя не только базисные структуры, но и соответствующие надстроечные институты.

Сложнее обстоит дело с неформационными укладами. Без них не существует ни одно конкретнее общество, тем более находящееся в процессе перехода от одной формации к другой. В таком обществе картина взаимодействия формационного и неформационных укладов оказывается чрезвычайно богатой и пестрой.

Проблема количества укладов, обоснование принципов их выделения в экономике дореволюционной России не получила сколько-нибудь тщательной методологической разработки в философско-исторической литературе. Но с точки зрения существа вопроса позиции сторонников «нового» и «традиционного» направлений расходятся самым радикальным образом.

В рамках «традиционного» направления проблема связи социально-экономических укладов в дореволюционной России имела строгое решение, которое выразил В. П. Данилов: «Механизм развития и взаимодействия социально-экономических укладов в России начала XX в. определялся капитализмом. Дореволюционная российская экономика отнюдь не представляла собой механическую сумму различных укладов, замкнутых

---

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 221–222.

в себе и противостоящих друг другу. Это была капиталистическая экономика, в которой даже самые отсталые уклады оказывались включенными в общую систему капитализма, обслуживали его, становились его продолжением»*. Разумеется, это включение «укладов» в систему происходило не так просто, но в принципиальном плане позиция была сформулирована предельно ясно. Но если эти разнородные уклады так или иначе оказались включенными в общую систему капитализма, то почему сколько-нибудь реальное продвижение вперед не снимало социальной напряженности, а напротив, доводило ее до предельной остроты? Можно отвергать теоретические выводы и тональность работ Ленина, но их революционный дух не носил отвлеченно доктринального характера, а порождался самой ситуацией и поисками выхода из нее. «Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным»**, — постоянно, из года в год делал примерно один и тот же вывод Ленин. Политический кризис общенационального масштаба в России, о котором Ленин писал в 1913 г., есть «кризис такой, который касается именно *основ* государственного устройства»***. «Вместо широкого свободного быстрого развития капитализма мы видим застой и гниение»****. Здесь может возникнуть сомнение, что Ленин сознательно перегибал палку в пропагандистских целях, то последующие революционные события показали, насколько он был прав.

Основным препятствием на пути капиталистической эволюции России являлась, согласно Ленину, самодержавно-крепостническая монархия. Здесь и надо искать ключ к решению проблемы. Но если в теоретическом плане Ленин в целом правильно оценивал природу самодержавия, то политическая установка на сокрушение его революционным путем не всегда учитывала общесоциальные последствия этого сокрушения. Самодержавие в пореформенной России имело две главные опоры — все еще сохраняющийся крепостнический уклад и государственно-капиталистические, иначе говоря, казенные

---

* Новая экономическая политика. Вопросы истории и теории. М., 1974. С. 59.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 307.

*** Там же. Т. 23. С. 300.

**** Там же. С. 35.

предприятия, которые в своей совокупности представляли собой лишь особую часть уклада (подуклад) в структуре капиталистического формационного уклада, безусловно, развивавшегося и набиравшего силу. Все остальные уклады функционировали в том экономическом пространстве, которое задавалось этими двумя главнейшими укладами.

Центральным для Ленина был вопрос о типе капиталистической эволюции, который возник в ходе революции 1905–1907 гг. Будет ли капитализм демократическим, «американским» или либерально-помещичьим, «прусским»? Тип эволюции оставался до Февральской революции 1917 г. неопределенным. Взаимодействие между укладами складывалось так, что переходные процессы в социальном организме заходили в тупик.

Самодержавно-бюрократическая монархия устояла после всех революционных потрясений 1905–1907 гг. Она была вынуждена сделать еще один шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Была разработана новая аграрная политика: разрушение общины, насаждение в деревне частной собственности, надельные участки земли с целью создания прочной опоры в лице кулака и крепкого середняка при дальнейшем обезземеливании основной массы крестьян. В политической сфере начинался период бонапартистского лавирования монархии между помещиками-крепостниками и верхами буржуазии. В новой, III Думе складывалось своеобразное двоецентрие, два большинства (правооктябристское и октябристско-кадетское), которые монархия и пытается использовать прежде всего в целях сохранения своего властного, политического господства.

В промышленности наблюдалось устойчивое усиление монополистических тенденций. Появлялся финансовый капитал в результате слияния промышленного и банковского капиталов. Несомненны успехи капитализма внизу – в торговле, в кустарной промышленности, в мелком товарном производстве, связанном, в частности, с продажей крестьянского хлеба.

Но Ленин постоянно отмечает самую характерную черту, как бы результирующую всех прогрессивных процессов. Путь мирного перерождения самодержавно-крепостнического строя в буржуазный не получался. В стране с каждым шагом вперед по капиталистическому пути все больше обострялись старые и возникали новые противоречия.

Конечно, и в изменившихся исторических условиях главным оставался вопрос буржуазно-демократической революции –

вопрос о земле, о формах землевладения. Анализ конкретного исторического материала показывает, что в одних областях сельское хозяйство развивалось преимущественно по фермерскому, «американскому» пути, в других (центральные районы России в первую очередь) — по «прусскому» пути. И оба эти «пути» боролись между собой.

Выбор пути развития сельского хозяйства, от которого по-прежнему зависит капиталистическая эволюция, обусловливается действием целого ряда факторов, лежащих за пределами аграрного сектора. Выше уже говорилось об основном экономическом противоречии России, вскрытом Лениным в ходе анализа революции 1905—1907 гг.: самое отсталое землевладение — самый передовой капитализм. Важно установить последствия этого противоречия на империалистической стадии развития, когда развитие становится, по замечанию Ленина, «катастрофически неравномерным». Можно выделить по меньшей мере два последствия. Монополистический капитализм начинает эксплуатировать отсталые экономические отношения в городе и особенно в деревне. Неэквивалентный обмен приводит к получению специфической русской «сверхприбыли», что ведет к консервации до- и раннекапиталистических хозяйственных форм, мелкого и среднего предпринимательства, препятствует развитию внутреннего рынка. Отмеченные факты заставляют усомниться в выводах тех историков, которые считают, что ими найдены «новые доказательства органичности процессов становления и роста промышленного производства в России, их тесной связи с развитием капитализма в сельском хозяйстве»*.

Происхождение империализма в России было совсем иным. Реформы 1861 г., которые проводило самодержавие в интересах своего сохранения, охватили самые широкие сферы общественной жизни — землевладение, суд, институты власти и т. д. Важнейшая цель экономической политики самодержавия заключалась в создании современных крупных промышленных предприятий, необходимых для обеспечения нужд военного ведомства и железнодорожного строительства. Возникали отрасли тяжелой и добывающей промышленности. Форсированное создание госкапиталистического сектора, однако, имело более глубокое социальное значение, поскольку наличие его становится в новых исторических условиях гарантом (разумеется,

---

* Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. С. 39.

не абсолютным) существования единого централизованного государства. Это обстоятельство и предопределило некоторые специфические черты царского госкапитализма, особенно в военной промышленности, знание которых очень важно для понимания не только проблемы связи укладов, но и будущих тенденций развития страны.

Известный исследователь истории капитализма в России К. Ф. Шацилло отмечал: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала, капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена на заводах — не знали, что такое прибыль — не знали, что такое собственность, амортизация и т. д. и т. п. — не знали. А что было? Был административно-командный метод»*.

Возможно, в этих суждениях историка есть элемент преувеличения, поскольку сознание российского общества на всех уровнях так или иначе было пронизано буржуазными идеями и мотивами. Но в главном автор прав, а его выводы носят доказательный характер, к сожалению, указанные им особенности российского госкапитализма до последнего времени оставались почти неисследованными. Дело, видимо, в том, что эти госкапиталистические предприятия действительно отличались высокой концентрацией пролетариата и централизацией производства (вкупе с универсализацией производства, ибо межотраслевые связи были тогда в зачаточным состоянии), что имело свои социально-классовые и политические аспекты. Именно на эти аспекты Ленин постоянно обращал свое внимание. Госкапиталистический сектор экономики существовал самостоятельно и не сливался с крупным частно-хозяйственным капитализмом, который имел иную генетическую природу, как капитализм, вырастающий снизу. Даже при возникновении целостной государственно-монополистической системы управления народным хозяйством страны в годы *Первой* мировой войны каждый из них продолжал сохранять свое обособленное существование. К примеру, частный капитал всячески старался, насколько это было возможно, уклониться от жесткой политики государственного регулирования вопросов, связанных

* Россия в 1917 г.: выбор исторического пути. С. 139.

с размещением военных заказов, снабжением сырьем и техникой и т. д.

Если говорить о капиталистическом будущем России, то исторически перспективные тенденции ее развития зависели прежде всего от суммарного эффекта сложения отношений между социально-экономическими укладами экономики России. Процесс становления новой органической целостности приобретал черты, совершенно отличные от тех черт, которые были свойственны процессу становления классического английского капитализма. Этот суммарный эффект именно в смысле возникновения доминирующей тенденции во взаимоотношениях укладов может быть назван эффектом симбиоза в отличие от классического эффекта синтеза. Это означает, что некоторые наиболее значительные социально-экономические уклады в переходный период не сближались, не интегрировались, а напротив, сохраняли свою обособленность. При этом более могущественные уклады вели в известном смысле паразитический образ жизни, эксплуатируя другие, более слабые, лишая их жизненных сил и способностей к развитию, обрекая на застой и прозябание.

Такой симбиоз становится доминирующей тенденцией в годы после поражения первой революции. В этих условиях самодержавно-бюрократическая монархия в лице своих государственных институтов власти выступает необходимым звеном, условием функционирования всех укладов в многоукладной экономике — и тех, на которые она опирается в своем существовании, и тех, которые она сформировала и держит под своим контролем, не давая возможности обрести им необходимую степень автономии и способности к саморазвитию.

Самодержавно-бюрократический строй предпринимает попытки противодействия тенденциям застоя и разложения. Но государственная конструкция оказывается слишком жесткой, чтобы можно было рассчитывать на быстрый прогресс. Необходимы благоприятные условия и запас времени. Ни того ни другого у страны не было.

Ленин отмечал, что капитализм в России был среднего уровня. Ленин в подготовительных «Тетрадях по империализму» среди шести крупнейших империалистических держав, бывших в начале XX в. наиболее развитыми и определявших по этой причине главнейшие тенденции развития мировой истории, выделял «три главные (вполне самостоятельные) страны» — Англию, Германию и Соединенные Штаты и три «второстепенные

(первоклассные, но не вполне самостоятельные)» страны — Францию, Россию, Японию*.

Капитализм в дореволюционной России действительно был не вполне самостоятельным. Причина его не вполне самостоятельного характера была связана с действием внешних факторов. Примерно с середины XVII в. российское государство оказывается на периферии капиталистической мировой экономики, что обуславливает, говоря современным языком, зависимый и потому отсталый характер ее экономики. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к такому международному разделению общественного труда, которое закрепляет и удерживает страну в качестве сырьевого придатка быстро растущего западноевропейского сначала мануфактурного, а затем индустриального капитализма. В течение всей второй половины XIX в. зависимость российской экономики от иностранного капитала возрастает, значительная часть передовых отраслей промышленности принадлежат французскому, немецкому, бельгийскому капиталу. К примеру, из 40 акционерных банков собственно русскими были только два**. Привлечение иностранного капитала в форме займов и инвестиций лежало в основе финансовой политики министра финансов Витте. Количество иностранных компаний росло в России невиданными темпами, несмотря на серьезную оппозицию его политике на всех уровнях, включая лиц царского двора. В конце XIX в. иностранный капитал превратился в мощное средство выкачивания внутренних накоплений. Накануне Первой мировой войны Россия имела государственный долг свыше 9 млрд рублей, из них половина — это внешний долг, который в два раза превышал все иностранные капиталовложения в экономику. Правящая элита во времена Николая II залезает в огромные долги, что приводит к невыгодной для страны смене союзников. Вместо Германии Россия вынуждена дружить с Францией и Англией, что считается выдающимся политическим успехом англо-французской дипломатии, которой вскоре удалось столкнуть в войне Россию и Германию, вывести их из числа своих опасных конкурентов.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 28. С. 178.

** См. подробнее. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX века). М., 2007. Гл. 3. Европейское влияние на российское экономическое развитие.

Если промышленный капитализм все же развивался темпами, сопоставимыми с темпами европейского капитализма, то российская деревня по мере его развития становилась все более бедной и разоренной.

Реформы Столыпина были многообещающими, но они не увенчались успехом. Для совершения аграрной революции в деревне требовалось значительное по историческим меркам время, которого у страны уже не было. К тому же аграрные реформы вызывали сильное противодействие со стороны многих влиятельных лиц царской семьи и правящей элиты. Доминирующей тенденцией в деревне выступала пауперизация крестьян в массовых масштабах. Капитализм делал из значительной части крестьян босяков. Босячество — это образ жизни миллионов людей в дореволюционной России, которые представляли собой огромную социальную силу, увы, разрушительную, анархическую, но мало созидательную, что наложило свой отпечаток на протекание революционных преобразований после 1917 г.

Вопреки распространенным взглядам, которые сегодня разделяются либералами, пореформенная Россия вовсе не двигалась быстро и успешно по капиталистическому пути. К 1917 г. в ней не сложился и не мог сложиться, в общем, сколько-нибудь целостный капиталистический способ производства, капитализм как общественно-экономическая формация. Страна являла собой пример крайне неорганичного, «разорванного» типа развития, когда по мере ее продвижения вперед росла несвязанность, обособленность, разрыв в уровнях развития различных социально-экономических укладов.

Как писал в свое время известный историк К. Н. Тарновский, «Россия конца XIX — начала XX века на рубеже веков есть живая модель тогдашнего разнородного мира»*. Ленин впервые разработал такое понимание России, говоря о ней как о слабом звене капиталистической мировой системы эпохи империализма. Сегодня есть все основания говорить и о зависимом типе развития нынешнего российского капитализма. В любом случае при зависимом типе развития капитализма действия центра капиталистической мировой системы объективно способствуют обострению всей суммы внутренних противоречий, присущих конкретному состоянию российского общества.

---

* Тарновский К. Н. 24 декабря 1900. М., 1977. С. 209.

Итоги развития российского капитализма по форсированному пути

Ленин постоянно сопоставляет судьбу России, идущей по форсированному капиталистическому пути, с Германией, которая раньше России пошла по нему и благополучно миновала переходный период. «Буржуазное преобразование страны было завершено "*без всякой революции*"»*. Ленин пишет об этом несомненно важном историческом событии без всякого энтузиазма, ибо за эту идею ухватились буржуазия и либералы, которые «учат, что революции не нужны и вредны рабочим» и «ссылаются *постоянно*, для отвлечения русских рабочих *от* социализма, на пример *именно* Австрии (а также Пруссии) 60-х годов»**.

Ленину приходится постоянно доказывать русским рабочим, что идея буржуазного преобразования России сверху, взятая на вооружение контрреволюционной либеральной буржуазией, не получается и не получится и что социальная революция неизбежна. Ленинский анализ проблемы революции сверху имеет самое непосредственное отношение к пониманию типа капиталистической эволюции России. Первый важный аспект проблемы состоит в следующем. «Бисмарку удались реформы, — пишет Ленин в 1913 г., — лишь потому, что он вышел из рамок реформизма: он совершил, как известно, ряд "революций сверху"***». В Германии в течение 1848—1871 гг. шла борьба двух путей объединения, иначе говоря, двух путей решения национальной проблемы буржуазного развития: революционного пути (через великогерманскую республику) и контрреволюционного пути (через прусскую монархию). Второй путь победил к 1871 г., и тогда отпал вопрос об общедемократической революции. По Ленину, контрреволюционное движение Бисмарка по капиталистическому пути — это революция сверху, которая осуществляется в рамках законных структур власти, претерпевавших по мере успеха реформ радикальные преобразования, впрочем, как и все общество. Впоследствии, осенью 1917 г., накануне революции, Ленин мимоходом отметит, что

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 311.

** Там же. С. 310.

*** Там же. Т. 22. С. 315.

«в истории, вообще говоря, бывали примеры мирных и легальных революций»*. Но более подробно к вопросу больше не возвращался. К этим идеям Ленин, видимо, не испытывал особых симпатий.

Второй аспект. Реформистский путь преобразования оказался успешным потому, писал Ленин, что «в Пруссии и в Германии вообще помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций, и он "воспитал" буржуазию по образу и подобию своему»**. Но «Бисмарк "дал" всеобщее избирательное право тогда, когда *уже были примирены* буржуазным развитием Германии интересы помещиков и всех зажиточных, даже части средних, крестьян»***. Как же это удалось сделать? «Он ограбил богатейшую страну мира на 5 миллиардов франков, он *мог* дать опьяненному рекой золота и невиданными военными успехами народу всеобщее избирательное право и настоящую законность»****. Вот где зарыта собака!

Оказывается, для ускоренного перерождения самодержавной монархии в буржуазную нужны деньги, и деньги немалые. Где же их взять? Самым богатым источником поступлений могут быть или иностранные займы, или, что тогда было более обычным делом, вооруженное ограбление соседей. Собственно, это обстоятельство и вызывает к жизни агрессивную внешнюю политику во всех странах, вступающих на путь форсированного развития капитализма, — в Германии, Японии, России.

Финансовый допинг требуется для многих дел. Разумеется, прежде всего для создания крупной государственно-капиталистической промышленности. Но не только. Необходимо обеспечить материальные условия (то, что давала целая эпоха первоначального накопления капитала) для крутого перевода помещичьего хозяйства на рельсы капиталистического предпринимательства. Аграрная реформа должна придать сложившемуся внутри общины имущественному расслоению крестьянства вполне определенный классовый характер. Кулак и середняк, с одной стороны, бедняк и сельскохозяйственный пролетарий — батрак — с другой. При этом важно отметить,

---

* Там же. Т. 34. С. 129.

** Там же. Т. 21. С. 84.

*** Там же. Т. 23. С. 15.

**** Там же. Т. 22. С. 315.

что аграрную реформу всегда подстерегает опасность, могущая привести ее к краху, когда процессы непролетарского обнищания крестьянского населения начинают приобретать значительные размеры. Так, собственно говоря, и произошло в России. Ленин пишет о пауперизации крестьян как массовом явлении. В 1908 г. он отмечает, что «русский крестьянин сведен отработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *пауперами*»*. Но паупер в переводе на русский язык есть босяк. Босячество — это образ жизни миллионов людей в дореволюционной России, которые представляли собой огромную социальную силу, увы, разрушительную, но не созидательную. Эту сторону вопроса Ленин осознал со всей остротой *лишь* после Октябрьской революции.

Разумеется, конкретные пути проведения аграрной реформы зависят от исторических традиций страны. Если «прусский» путь развития аграрного капитализма всегда был в центре внимания Ленина, то опыт Японии в этом плане он специально не изучал. Впрочем, иногда делал отдельные замечания, например «Япония усилилась после 1871 г. раз в 10 быстрее, чем Россия»**. Следует только добавить, что без денег, добытых с помощью откровенного грабежа, Япония вряд ли смогла бы тогда сделать столь стремительные успехи. Но, с другой стороны, помимо денег здесь важна и эффективная аграрная политика (в Японии вся земля стала собственностью крестьянских общин без всякого выкупа). Главное состояло в другом. Решительный поворот к товарному обмену, всемерному распространению рыночных отношений вызвал огромный рост в Германии мелкой и средней буржуазии в торговле, в ремесле, в сфере услуг, в жилищном строительстве, в издательском деле. Развивалось гражданское и имущественное законодательство по охране собственности, прав граждан, конституционных свобод.

Одним словом, так или иначе утверждалось правовое государство, однако сохранялась масса феодальных пережитков. И тем не менее национальный путь капитализма страна выбрала.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 115.

** Там же. Т. 26. С. 353.

Самодержавно-крепостническая монархия в России также рассчитывала на решение своих финансовых трудностей путем проведения агрессивной внешней политики. Но ничего из этого не получилось. Поражение в войне с Японией явилось непосредственной причиной возникновения революции 1905 г. Революционная ситуация в стране вновь возникла в 1912–1914 гг., выход из которой монархия попыталась найти на полях сражения Первой мировой войны. Итог ее нам известен. Займы также не помогли сделать решающий рывок вперед и привели лишь к усилению экономической и политической зависимости России от западноевропейских государств.

Царизм в предвоенные годы явно медлил с реформами. С одной стороны, существовала объективная необходимость в их проведении, особенно в сфере аграрного землевладения, ибо прогресс в сельском хозяйстве был незначительным. Общее отставание России от Запада увеличивалось. С другой стороны, нестабильность в стране усиливалась при любой попытке сколько-нибудь быстрого реформирования полукрепостнических отношений в деревне. При реформировании общества сверху главной составляющей успеха выступает наличие мощных социальных сил, заинтересованных в доведении реформ до логического конца. В России таких реформаторских сил не было. Анализируя накануне войны причины краха столыпинской политики, Ленин подчеркивал, что «ни "реформирования", ни "покоя" не получилось, а получилась голодовка 30 миллионов крестьян, невиданное (даже в многострадальной России невиданное) обострение нищеты и разорения и чрезвычайно сильное озлобление и брожение в крестьянстве»*. Ленин обращал внимание на факты скупки наделов богачами (крепостниками) в громадных размерах, на увеличение их доходов и собственности. «В Европе есть богатые и средние крестьяне, есть батраки, но нет миллионов разоренного дотла, обнищавшего и обезумевшего от вечной маяты и каторги крестьянства, бесправного, забитого, зависящего от "барина"»**. Примерно в таком же положении находился и пролетариат.

Можно сказать, что каждый шаг России по пути капиталистической эволюции вызывал обострение противоречий на всех уровнях: между сравнительно высокоразвитым капитализмом

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 264.

** Там же. С. 276.

и отсталой деревней (что ведет к их взаимному обособлению в рамках симбиозного существования). В отдельных очагах высокоразвитого монополистического капитализма — между пролетариатом и буржуазией и, наконец, между помещиками-крепостниками и крестьянством в связи с сохранением в деревне полукрепостнических отношений. В такой ситуации тип капиталистической эволюции остается в целом неопределенным. В стране сложилась трагически неразрешимая ситуация — и реформировать ее нельзя, и не реформировать тоже нельзя. Страна объективно стояла перед глубочайшими социальными потрясениями, когда решение задач буржуазно-демократической революции стало уделом не третьего, а четвертого сословия — малообразованного, бедного и неискушенного в политике. Вот почему в недрах переходного состояния общества начинается формироваться другой альтернативный путь развития, который со всей остротой встанет перед страной несколькими годами позже — в промежуток между Февралем и Октябрем 1917 г.

В работах Ленина по поводу этой другой альтернативы содержится немало чрезвычайно важных замечаний. Речь идет о расслоении общероссийского реформаторского лагеря, начавшемся незадолго до Первой мировой войны, и выделении «настоящей» буржуазии, прогрессистов или, по выражению Ленина, национал-либералов.

Ленин следующим образом характеризует их экономическую и политическую платформу: «Они добиваются... умеренной узкоцензовой конституции с двухпалатной системой, с антидемократическим избирательным правом. Они хотят "сильной власти", ведущей "патриотическую" политику завоевания огнем и мечом новых рынков для "отечественной промышленности". ...Национал-либералы режут напрямки: не надо бояться обвинений в "потворстве реакционным силам", надо прямо бороться против "призывов к захвату помещичьих земель" и "разжигания ненависти к имущим классам"; в вопросах "военной мощи" не должно быть ни правых, ни левых... Национал-либералы, несомненно, имеют известное "будущее" в России. Это будет партия "настоящей" капиталистической буржуазии, какую мы видим и в Германии»*.

Последняя фраза знаменательна. Ленин вновь обращается к тогдашнему опыту развития капитализма в Германии, к сути

* Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 244–245.

происходящих в ней качественных сдвигов. Известно, что экономический кризис Германии 1907 г. привел к резкому росту монополий: 300 ведущих монополий и около 100 международных картелей принимали самое активное участие в борьбе за внутренние и международные рынки. Германия тратит колоссальные деньги на вооружение, она готовится к войне за передел мира. Монополистический капитал держит в своих руках политическую власть; и до поры до времени парламент и всеобщее избирательное право не являются для него помехой. Социал-демократы все больше сползают на позиции оппортунизма и прямой поддержки государственной внешней политики. Прямая диктатура крупного монополистического капитала придет позднее — фашизм, который в 20—30-е гг. захватит власть во всех странах форсированного типа развития. Причины такого поворота событий — тема отдельного разговора.

В России крупная монополистическая буржуазия еще только начинает осознавать свою силу и потребность во власти, которую она может заполучить через установление своей диктатуры. Ленин в связи с характеристикой национал-либералов замечает, что «самоопределению капиталистической буржуазии рабочие должны противопоставить удесятеренную энергию в деле *своей* организации и *своего* классового самоопределения»*. В этом выводе содержится пока лишь абстрактно выраженный намек на появление новой альтернативы «самоопределению» капиталистической буржуазии. Конкретный характер эта альтернатива обретет вид в сентябре-октябре 1917 г.

Первая мировая война дала сильнейший толчок развитию государственно-монополистических тенденций. Объективная необходимость огосударствления капиталистического производства привела к ускоренному созреванию, по мысли Ленина, материальных предпосылок социализма. «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»**.

В 1917 г. Ленин вновь обращает свой взор на Германию. К этому времени здесь возникла целостная система государственно-

---

* Там же. С. 246.

** Там же. Т. 34. С. 193.

монополистического капитализма. Среди его особенностей Ленин выделяет прежде всего работу громадного большинства торгово-промышленных предприятий «не на “вольный рынок”, а *на казну*, на войну»*.

Другая важная особенность — трудовая всеобщая повинность. Она стала военной каторгой для немецких рабочих, но сама по себе, по мысли Ленина, она, несомненно, прогрессивна. Эта мера имеет непосредственное отношение, считает Ленин, к практике строительства социализма, поскольку она есть «шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом»**. Ленин положительно оценивает также и другие меры контроля и регулирования экономической жизни страны, которые предприняты воюющими державами, и прежде всего Германией, и которые являются более существенными чертами военного государственно-монополистического капитализма. Одновременно они выступают, как тогда представлялось, и материальными предпосылками социализма.

В этой позиции Ленина и коренятся истоки доктрины «военного коммунизма», того ошибочного пути строительства социализма, принесшего стране столько бед и разочарований. Нам представляется, что в тех военных условиях Ленин принял особый — военный — тип ГМК за универсальный тип, а его зрелость, завершенность — за зрелость материальных предпосылок социализма как таковых. Однако известно, что после окончания Первой мировой войны система военной государственно-монополистической организацией промышленного производства и экономики распалась. Возникает вопрос, остающийся до сих пор неисследованным, а именно: предпосылки какого типа социализма сформировались в недрах государственно-монополистического капитализма, характерного, в частности, для Германии и России времен Первой мировой войны? Однако в целом государственно-монополистический капитализм развивался в России в отличие от Германии в иных социально-исторических условиях. Поэтому его судьба оказалась другой.

В сентябре 1917 г. Ленин пишет о ситуации, сложившейся в стране, следующее: «Еще при царизме необходимость

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 173.

** Там же. С. 193.

регулирования экономической жизни признана и некоторые учреждения для этого были созданы. Но при царизме разруха росла и росла, достигая чудовищных размеров. Задачей республиканского, революционного правительства было признано сразу принятие серьезных, решительных мер для устранения разрухи»*. И что же? Прошло полгода революции, и ничего не сделано. Экономическая катастрофа и голод надвигались на страну, поставив ее на грань хаоса и гибели.

Ленин на первых порах главный акцент делает на то, что необходимость контроля промышленности и регулирования со стороны пришедшего к власти буржуазного правительства связана с его стремлением обеспечить неприкосновенность и святость капиталистической прибыли в рамках демократической республики. Но решить как-то обоюдоострую задачу российской буржуазии оказалось не под силу, тем более в таких экстремальных условиях. С каждым месяцем становилось все более очевидно, что единственный выход для страны в смысле ее дальнейшего развития по капиталистическому пути заключается в установлении диктатуры. Заговор Корнилова, организованный военными кругами и верхушкой крупной империалистической буржуазии, показал, что их целью было установление военно-террористической диктатуры. Как и в 1912 г., произошло расслоение тенденций капиталистического развития. Выявилась определяющая тенденция, у которой есть будущее, и тенденция демократического капитализма, у которого нет будущего. Ленин фиксирует сложившееся положение с предельной четкостью: «Выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата»**.

На первый план выходит многоукладность экономики России в эпоху империализма. После падения самодержавия буржуазия, оказавшись у власти, продемонстрировала полную свою неспособность решить задачи буржуазно-демократической революции. Ни одна из них так и не была решена. В экономическом плане это означало, что частно-хозяйственный капитализм, хотя он и достиг высокого уровня развития в отдельных отраслях народного хозяйства (Ленин приводит в качестве примера сахарный синдикат), к моменту падения самодержавия так и не сложился в целостный общественно-экономический уклад.

* Там же. Т. 34. С. 158.

** Там же. С. 406.

Война запрягла его в одну упряжку с казенными предприятиями царистского государства, тем самым затруднив, а не облегчив его созревание внизу. Военный госмонополистический капитализм заставил всех работать не «на вольный рынок», а на казну, нужды государства. Развивалось строго централизованное производство и распределение производимой продукции, хирели рынок, товарно-денежный обмен в кустарной и мануфактурной промышленности, в сфере услуг, мелкое и среднее предпринимательство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что падение самодержавия в феврале 1917 г. привело к реальной угрозе неконтролируемого распада государственных структур и хаоса, так как оно не высвободило и не могло высвободить буржуазное общество именно как гражданское общество в виде сколько-нибудь сформировавшейся устойчивой системы общественных отношений и институтов. Не мог внести свою лепту в его становление царистский госкапитализм, который обеспечивал функционирование материальной опоры самодержавия — военных ведомств, железных дорог, добычу и охрану сырьевых ресурсов, имеющих стратегический характер.

Средние городские слои, являющиеся по преимуществу создателями социальной инфраструктуры общества, составляли тогда ничтожный процент. Отсюда бессилие демократически ориентированной буржуазии в деле создания парламентской республики, утверждения себя как политически господствующего класса. Не было у нее массовой социальной базы, тем более в деревне, где земельная реформа так и не была осуществлена. Преодолеть отсталость, усугубленную разрухой, кризисом, возможно было по-прежнему лишь на пути сохранения Российского государства. Выбор одной из двух диктатур встал перед страной с предельной обнаженностью. Условия для установления диктатуры крупной монополистической, «настоящей», по выражению Ленина, буржуазии стали ускоренно складываться в стране особенно после поражения июньского наступления, предпринятого Временным правительством, и окончания двоевластия. Решение было определено конкретным ходом исторических событий в пользу «социалистического выбора».

О чем не следует спорить

На протяжении последних десятилетий в среде ученых то разгорался, то вновь затихал спор по поводу уровня развития капитализма в России накануне Октября 1917 г. Несмотря на раз-

нообразие подходов и точек зрения, предмет спора в конечном счете сводился к тому, как охарактеризовать капитализм — как средний или как среднеслабый. Дело, конечно, не в том, какой термин лучше. У Ленина можно найти на этот счет довольно разные определения. В «Тетрадях по империализму» он пишет о трех второстепенных (первоклассных, но не вполне самостоятельных) странах — Франции, России и Японии*. Принципы классификации, использованные Лениным в одной из ранних «Тетрадей по империализму», в дальнейшем им не использовались. Видимо, это была одна из предварительных классификаций.

Вскоре после революции Ленин на VII съезде РКП(б) говорит о том, что советская власть готовых капиталистических отношений не получила, «если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие»**. В этом суждении Ленину, видимо, точнее всего удалось выразить свою оценку развития российского капитализма, подтверждением чему может служить пометка Ленина на странице одной из книг Бухарина, где Ленин называет капитализм среднеслабым»***.

Но с другой стороны, в 1919 г. Ленин говорил о том, что к социалистической революции «нас подвел империализм... капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах****. В 1920 г. Ленин пишет о России как о стране со средним уровнем развития капитализма. В «Детской болезни "левизны" в коммунизме» он мимоходом отмечает, что после поражения революции 1905 г. «буржуазное развитие ее (страны. — *В. Ш.*) шагает вперед замечательно быстро»*****. Но выше мы приводили противоположные характеристики этого периода как периода застоя и гниения. Можно привести еще немало примеров, когда в зависимости от ситуации Ленин акцентирует внимание на разных сторонах процесса капиталистической эволюции России. Думается, примирительными для всех сторон могут быть слова Ленина о том, что возможность победы пролетариата в революции была

* Ленин В. И. ПСС. Т. 28, С. 178.

** Там же. Т. 36. С. 7.

*** См.: Ленинский сборник. Т. 10. М., 1985. С. 425.

**** Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 156.

***** Там же. Т. 41. С. 10.

дана, «разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития»*. Но эта «известная высота» обладает, оказывается, далеко не известным и не тривиальным содержанием.

Спор, наверное, еще будет продолжаться. Но важно понимание всей значимости того теоретического вывода, который сделал Ленин относительно перспектив развития российского капитализма в пореформенный период. При разработке современной научной многоплановой концепции исторического развития России как целостного социального организма особое внимание следует уделить изучению закономерностей трансформации одного типа социальной организации российского общества (самодержавно-крепостнического) в другой тип (капиталистический) с точки зрения взаимодействия всех факторов, влияющих на ход развития, — экономических, политических, идеологических и духовно-нравственных. В ходе решения такой комплексной задачи, несомненно, будут по-новому осмыслены многие аспекты развития страны по буржуазному пути в 1861—1917 гг. Появится возможность показать ограниченность, незавершенность, а возможно, ошибочность тех или иных суждений и выводов Ленина, ибо пестрый, многоукладный российский капитализм был полон тогда самых разнообразных тенденций и противоречий. Он был весьма и весьма далек от той завершенности, которая наступает на Западе после окончания переходного периода и решения основных задач буржуазно-демократической революции.

Главный вывод В. И. Ленина состоял в том, что российский капитализм не смог окончательно сформироваться как определенный исторический тип. Он вступил на путь форсированного капиталистического развития, но в результате победы аграрно-торгового капитализма над промышленно-финансовым капитализмом приобрел вид симбиоза различных, неравномерно развивающихся укладов российского хозяйства (вместо синтеза). Выбор национального пути развития капитализма в этих условиях так и не произошел. Материальные предпосылки социализма, как они понимались тогда в рамках западного марксизма, в целом еще не сформировались в стране к Октябрю 1917 г., хотя острота всех общественных противоречий достигла крайних пределов.

Попытка народов России разрешить накопившиеся противоречия на пути социалистического выбора, сделанного в Октябре 1917 г., требует отдельного рассмотрения.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 14.

С. Кувелакис

Ленинское прочтение Гегеля: гипотезы для изучения «Философских тетрадей»*

Первая мировая война стала не только взрывом насилия в массовом масштабе в центре империалистических государств. После векового относительного мира она одновременно стала причиной краха своего исторического оппонента — европейского рабочего движения, которое в особенности было организовано вокруг II Интернационала. В данном случае термин «бедствие» вполне уместен, хотя Ален Бадью применяет его в качестве окончательного опровержения освободительной политики, за которой последовал недавний коллапс так называемых коммунистических режимов в Восточной Европе**. Если мы будем считать, что второе бедствие нанесло удар по той политической истине, зародившейся как ответ на катастрофу Первой мировой войны под названием «Октябрь 1917», или «Ленин», то именно спираль «короткого

---

* Сокр. пер. с англ.: Kouvelakis S. Lenin as Read of Hegel: Hypotheses for a Reading of Lenin's Notebooks on Hegel's «The Science of Logic» // Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth. P. 164–204. Публ. в сокращ. и ред.

** Badiou A. D'un disaster obscure. La Tour d'Aigues de l'Aube, 1991.

двадцатого века» в итоге завершается повторением бедствия. Парадоксально, но следует вспомнить лето 1914 г., когда в потоках крови в Европе возникал этот век.

Бедствие

Сегодня представить ситуацию начала Первой мировой войны можно, прочитав брошюру Розы Люксембург «Кризис социал-демократии», в которой каждая страница подтверждает беспрецедентный характер разворачивающегося варварства*. Действительно, всем известно, что каждая война представляет собой «уникальную лабораторию» для «модернизации» социальных отношений, но тотальный и тоталитарный характер Первой мировой войны придал процессу ранее неизвестные масштабы. Сооружение концентрационных лагерей; политика депортации населения и чистка территорий (ранее зарезервированные под колонии, поскольку мировые конфликты позволяли внедрять в метрополии различные виды насилия, которые до этого были апробированы на империалистической периферии); формы планового и государственного контроля экономики, включая интеграцию профсоюзов в военную экономику (которая принимала вид полной капиталистической рационализации, теоретически обоснованной Ратенау); внедрение женского труда в промышленность (со всеми вытекающими последствиями, связанными с отсутствием мужчин, находившихся на фронте); формы манипулирования общественным мнением, практиковавшиеся в больших размерах посредством впечатляющих механизмов контроля за информацией и за развитием новых средств ее распространения (радио, кино); наконец, правительства «святых союзов», которые гарантировали участие рабочих партий на саммитах государств и выступали совместно с формами планирования и консенсуса на экономическом уровне — таков не полный список сфер коллективной и индивидуальной жизни, которые затронул этот поистине радикальный эксперимент.

Ничто не могло вернуться на круги своя, в том числе и рабочее движение. Крах II Интернационала, его бессилие перед ли-

* Luxemburg R. The crisis of social-democracy // The Rosa Luxemburg Reader. N. Y., 2004. P. 321–341.

цом империалистического конфликта в итоге выявили глубоко укорененные тенденции, которые существовали еще до начала Первой мировой войны, а именно склонность организаторов рабочего движения к компромиссам, поскольку они поддерживали общественный и политический порядок стран-метрополий, в особенности их империалистические требования. «Крах», по словам Ленина, относился ко всей политической практике рабочего и социального движения и привел в конечном счете к радикальным изменениям. «Мировая война изменила условия нашей борьбы и также радикально изменила нас самих», — писала Роза Люксембург, твердо призывая к «беспощадной самокритике», необходимой как «вода и воздух для пролетарского движения»*.

Одиночество Ленина

В момент «апокалипсиса» 1914 г. Ленин удаляется в тишину Бернской библиотеки, чтобы полностью окунуться в чтение Гегеля (как раз тот случай, когда назревает необходимость возвращения к старым методам, пока реальные изменения еще только назревают). В сущности, уединение Ленина, а на самом деле уединение меньшинства рабочего движения, которое противопоставило себя империалистической войне, представляется принципиальным. Чтобы понять происходящее, необходима была цезура (пауза), самокритика мысли, взаимодействующая с самокритикой самих вещей.

Повторяемость этих моментов уединения в жизни Ленина — жизни, полной долгих ссылок и постоянной борьбы, в этом смысле показательна. Моменты уединения повторяются в самые решающие периоды политической истории, — в нашем случае от начала Первой мировой войны до Октября 1917 г. Вспомним, например, почти целый год так называемого философского чтения, в основном посвященного Гегелю после августа 1914 г.; громадный материал по империализму (восемьсот страниц записей и известная брошюра) и огромная теоретическая работа о природе государства, которая завершилась написанием в 1917 г. в убежище недалеко от Финляндии *синей тетради*, записи которой легли в основу «Государства и революции».

* Ibid. P. 314, 316.

Самые компетентные биографы Ленина особенно подчеркивали этот факт. «Возможно, самым загадочным и необъяснимым периодом жизни Ленина с точки зрения тех... кто пытался бы нас уверить, что он был преимущественно интуитивно практическим политиком, является его деятельность в бурные месяцы после падения самодержавия в феврале 1917 г. Вместо того чтобы тратить свое время на политическое соглашательство для достижения сиюминутного тактического преимущества в пользу своей партии в России, он направил энергию на научное, обстоятельное изучение Маркса и Энгельса о сущности государства для того чтобы определить долгосрочные стратегические цели глобальной социалистической революции»*. Такова другая сторона его уединения, т. е. не созерцательное удаление от общества, даже не временная передышка, необходимая для концентрации сил перед новыми действиями, а отдаление от безотлагательных дел с целью (в корне) радикального переосмысления условий для действия. Иными словами, для того чтобы понять конъюнктуру и наметить перспективы, необходимо воспроизвести и реконструировать теоретические основы (марксизм не догма, а руководство к действию — любимый афоризм Ленина), а перед лицом катастрофы — возвратиться к самим основаниям, теоретическому переосмыслению марксизма.

Все это, несомненно, объясняет не только исключительную интенсивность теоретической работы Ленина в течение периода, связанного с началом Первой мировой войны, но и ее подлинное новаторское значение и, как мы увидим далее, ее самокритику. Иными словами, систематическое обращение к текстам Маркса и Энгельса одновременно включало огромные усилия по теоретическому обновлению и анализу новых социальных условий, возникших вследствие тотальной империалистической войны. Впечатляющий анализ эмпирических данных совмещался с пересмотром статуса ортодоксального марксизма. Не случаен тот факт, что никто из лидеров международного рабочего движения не возвращался в переломный момент к Гегелю, т. е. к философским и теоретическим аспектам марксизма.

---

* Цит. (Harding N.) по: Anderson K. Lenin, Hegel and Western Marxism. Chicago, 1995. P. 150–151.

Прорыв

Философы, которым Ленин посвятил свое одиночество, и, безусловно, Гегель стали объектом особого вида чтения, неотделимого от политических вопросов, поставленных философией. В своей «чрезвычайной» реакции (в тексте, опубликованном только посмертно) он писал, что «...социалисту всего тяжелее не ужасы войны — мы всегда за "santa guerra di tutti gli oppressi per la conquista delie loro patrie!"*, — а ужасы измены вожаков современного социализма, ужасы краха современного Интернационала»**.

Ленинский выбор работ Гегеля и, в частности, «Науки логики» был уникален. Мы выдвинем несколько гипотез, чтобы попытаться реконструировать мотивацию ленинского обращения к выбранным работам. Ответим на вопрос: было ли возвращение Ленина к Гегелю мотивировано простым желанием вернуться к истокам марксистской мысли либо он пришел к мысли, что методологической ахиллесовой пятой II Интернационала стало непонимание диалектики? Безусловно, ответ: и тем и другим. И эта двойственность, на наш взгляд, объясняет замысел и воплощение «Философских тетрадей».

I

Обращение Ленина к Гегелю было инстинктивной реакцией на недооценку или даже вытеснение Гегеля и диалектики лидерами II Интернационала в целом и, в частности, Плехановым, престиж которого был значительным на протяжении деятельности Интернационала (с небольшой оговоркой, которая будет развита далее). Заметим, что официальная доктрина политического бездействия, сформулированная лидерами II Интернационала (начиная с Меринга через Плеханова и до Каутского), подкреплялась аргументами эволюционизма и детерминизма с материалистическими претензиями и основывалась преимущественно на текстах Энгельса, уже самих по себе упрощенных. Эта доктрина была подвергнута критике со стороны правых

* Священную войну всех угнетенных за завоевание их отечеств!

** Ленин В. И. Европейская война и международный социализм // Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 8.

и левых «ревизионистов» — от Бернштейна, Сореля до Карла Либкнехта, стоявших на неокантианских позициях. Едва ли будет преувеличением сказать, что в русском марксизме материалистические черты были значительно усилены. Плеханов открыто описывал Маркса в свете материализма Гольбаха и Гельвеция, а также пытался найти в русской интеллектуальной традиции (в частности, в философии Чернышевского) черты фейербахианства.

Понимание узости материалистической базы марксизма в трактовке лидеров II Интернационала и привела Ленина в область философии. Здесь идет речь о «Материализме и эмпириокритицизме» как об ответе на поражение в революции 1905 г. на философском поле битвы. Шесть лет спустя именно к Гегелю, к черной ненависти любого «материализма», обращается Ленин. Более того, он обращается к его диалектике, к самой высшей точке гегельянского идеализма.

II

Моя вторая гипотеза о причинах возвращения Ленина к Гегелю в период кризисной ситуации состоит в следующем. Философское поле битвы может приобрести первостепенное значение, поскольку теоретические вопросы, поставленные на карту, напрямую оказывают влияние на состояние политической практики.

Ленин ясно понимал, что реальные вопросы, находящиеся в центре гегелевской системы, не могли быть найдены в текстах, напрямую связанных с политикой и историей, напротив, их нужно было искать в самых абстрактных, метафизических и идеалистических произведениях. Таким образом, он окончательно отбросил метод работы с философскими вопросами, унаследованный от позднего Энгельса, т. е. разделение философии на два воинствующих лагеря — материализма и идеализма, каждый из которых чужд другому и выражает интересы антагонистических классов.

Тем не менее, как мы увидим, Лениным поднимаются новые вопросы, мы даже можем сказать, что здесь может быть найдена болевая точка в «Конспектах “Науки логики” Гегеля». Если различие между материализмом и идеализмом схватывается вновь в диалектических терминах и таким образом в некотором смысле релятивизируется, то это не означает, что от него все отказываются, напротив, оно находит новые формулировки,

новые открытия или, точнее говоря, радикализируется в смысле нового материализма. Иными словами, оставляя течение ортодоксии, Ленин не изменяет своим философским убеждениям, он не становится идеалистом. Он создает свое собственное понимание материализма. Что он всегда категорически отвергал, так это без сомнения третий путь, срединный или соглашательский, между материализмом и идеализмом, либо путь, лежащий «по ту сторону» противоречий между этими течениями. Такая позиция стала еще более востребованной в связи с необходимостью полного опровержения подобного теоретического аппарата. Фактически Ленин предпринял попытку прочтения Гегеля материалистически, чтобы открыть путь к новому началу, истинному обновлению самого марксизма.

III

Ленинское обращение к Гегелю было обусловлено еще и желанием актуализировать Маркса. Его текст, написанный для редакции энциклопедического словаря «Гранат», является в этом смысле показательным. Ленин осознал необходимость возвращения к связке Фейербах — Гегель перед тем, как рассматривать вопросы марксизма в их сущности. Он радикально разрывает с традицией вульгарной ортодоксии, которую Маркс называл «точкой зрения старого материализма» (десятый тезис о Фейербахе). Не удивителен тот факт, что данная энциклопедическая статья готовилась в то время, когда Ленин уже приступил к чтению «Науки логики», что позволило ему внести изменения в некоторые ее части, в особенности по диалектике.

IV

Наконец, четвертая гипотеза. Уединенное чтение в Берне позволило Ленину вступить в *свободный* диалог при посредничестве Гегеля с великими предшественниками, и в особенности с основополагающей фигурой — Герценом.

Герцен был нитью, соединяющей русское революционное «наследство» с великими европейскими революциями 1848 г. Выросший на гегельянстве, а точнее говоря, на младогегельянстве (так называемый феномен вне фазы своего времени, характеризующий «отстающую» страну: когда творчество Гегеля

дошло до России, оно было одновременно и запоздавшим, и преждевременным), и прошедший через чтение революционной литературы, Герцен был, бесспорно, первым, кто поднял вопросы, которые позднее будут известны как «российская несовременность»*.

Философские достижения Герцена Ленин суммировал в известной статье «Памяти Герцена». Мы видим здесь Ленина еще до его переживания ужасов Первой мировой войны. В этой статье он восстанавливает герценовское «восприятие гегелевской диалектики», выраженное в формуле «алгебра революции», и тотчас же продолжает восхвалять издателя «Колокола» самым взыскательным ортодоксальным (по Плеханову) образом, «оставляя Гегеля, следуя за Фейербахом к материализму». Все это произошло, несмотря на тот факт, что незадолго до написания этого текста небольшие заметки Ленина о плехановской работе по Чернышевскому показывают, что он был знаком с глубоко созерцательным характером подобного материализма, уйдя так далеко, чтобы увидеть эти следы у самого Плеханова. Факт остается фактом: Гегель и его интеллектуальные последователи с самого начала были правы.

Ленинский путь к Гегелю связывает нас с тремя другими путями, каждый из которых отличается своей модальностью и внутренней необходимостью. Независимо друг от друга, но в широком смысле исходя из того же самого теоретического “ствола”, Герцену и Марксу приходилось решать одну и ту же политическую загадку, которая была не чем иным, как «несовременностью» предлагаемых ими социальных формаций; реверсивностью несвоевременности процесса движения вперед; инициативой, которая могла бы изменить саму суть терминов «слишком рано» и «слишком поздно», утвердив специфическую действительность революционного процесса в определяющий момент кризиса. Однако в этом Ленин разглядел бы не что иное, как диалектику.

Текстуры

Таким образом, мы подошли к основному тексту конспектов Ленина по «Науке логики» Гегеля. Мы должны начать с того,

* Выражение, упомянутое в письмах Маркса Вере Засулич.

что ленинских конспектов «Науки логики» Гегеля как таковых не существует! Они разделяют статус многочисленных мифических текстов в марксистской традиции, и одновременно они далеки от того, чтобы считаться лишь личными рукописями, вне зависимости от наличия или отсутствия намерений дальнейшей публикации их в таком виде, в котором мы сейчас с ними знакомы. В известных случаях факт их публикации *всегда* имеет теоретическое и даже политическое значение, в частности для марксистской традиции. Должны ли они быть включены в массив других записей и материалов различных периодов, как раннее советское издание и предусматривало, — и тем самым остаться растворенными? Должны ли они быть по-особому выделены, чтобы им придать заслуженное величие, как это было сделано новаторскими усилиями Лефевра и Гутермана?* Или мы должны принять промежуточное решение, предпринятое советскими изданиями (1955 г.) и, как следствие, международным коммунистическим движением?

Много вопросов к самой их форме: конспекты «Науки логики» Гегеля довольно необычны и даже уникальны в марксистской традиции. Как совокупность записей и отрывков из работ Гегеля они представляют собой *коллаж*, текст, в основе своей фрагментированный и гетерогенный, составленный из различных переплетенных заметок, которые можно рассматривать как группу относительно автономных текстов и подтекстов. Каждый фрагмент отсылает к другому, а также на подтекст, которого нет в «Науке логики». Незавершенный характер текста создает при его прочтении монтажный эффект в смысле синтетического кубизма или кинофильмов Вертова. Отрывки из Гегеля, в основном на немецком, но иногда переведенные на русский, смешиваются с аннотациями к данным отрывкам, преимущественно написанными на русском, но есть и бросающиеся в глаза фрагменты на французском и немецком, а также странные фразы на английском. Ленин легко смешивает квазинаучное краткое изложение с глубоко проработанными комментариями и виртуозным цитированием афоризмов. Мы видим Ленина, который не раздумывая прибегает к иронии и даже острословию.

---

* Lefebrve H., Guterman N. Lénine: Cahiers sur la dialectique de Hegel. Paris, 1967.

Я рискну предположить, что конструкция ленинских конспектов Гегеля, их структура необходимым образом относятся к статусу, который недвусмысленно был подтвержден их автором, а именно: к материалистическому прочтению канонического текста классика немецкой идеалистической философии. Иначе говоря, их форма, а скорее тотальное отсутствие у них заданной формы, их всецело экспериментальный характер позволяют ленинским конспектам по философии выразить парадокс превращения «идеализма» Гегеля в «материалистическую диалектику» (при этом, конечно, нужно видеть и лакуны, внутренние пробелы).

Что заинтересовало Ленина в «Науке логики» и на какие вопросы он натолкнулся в тексте Гегеля? Можно выделить по крайней мере три линии, все, безусловно, рассматриваемые с точки зрения диалектики как логики противоречий. Они говорят о разрыве как с ортодоксальностью, так и с его прежним философским мышлением.

1

Диалектика не как «метод», внешний по отношению к своему объекту или отделимый от гегелевской «системы» (согласно формулировке позднего Энгельса), но как движение мысли. Так как каждая вещь является самой собой и другой одновременно, ее единство разрушается, она разделяется, отражая саму себя в себе же, и становится посторонней, разрываясь с этого момента саморазличения, сводя его до некой формы посредством утверждения «абсолютного» тождества.

2

Самодвижение должно, в сущности, быть понято не в тривиальном смысле «течения», потока, а скорее как единство противоположностей. Отрицание устраняет любое эволюционистское видение «перехода» и, в частности, скачка как ускорения «эволюции» или «противоположностей» только в качестве дополнительных понятий в рамках тотальности.

3

Самодвижение представляет собой *изменяющуюся деятельность* и схватывание этой деятельности как революци-

онной практики. Данный третий момент наиболее деликатен. Он напрямую затрагивает вопросы материалистического прочтения, которому Ленин подчинил текст Гегеля. Если говорить довольно схематично, Ленин пытался найти поддержку в «деятельной/субъектной стороне» гегелевской концепции, которую он напрямую связывал с оценкой «деятельной/субъектной стороны» идеализма в целом в «Тезисах о Фейербахе». Но он категорически отвергал от имени материализма устранение объективности в самодвижении категорий, всесилие мысли, способной в своем развертывании превратить себя в высшую инстанцию постижения в себе реальности. Чтобы избежать какого-либо онтологического искушения в способе представления категорий, Ленин обратился к «теории отражения», которую он сформулировал в «Материализме и эмпириокритицизме».

Именно здесь мы должны представить еще одну гипотезу. Без сомнения, философские тетради (по своему типу записи) — это своего рода опыт открытия и отрицания Гегеля. В этом смысле нет ничего нелогичного в присутствии в них категории «отражение».

Суть вопроса была ясно сформулирована С. Жижеком: «Проблема ленинской “теории отражения” лежит в ее скрытом идеализме: <...> сознание само по себе неявно позиционируется за пределами реальности, которое оно “отражает” <...> Лишь сознание, наблюдающее за реальностью из внешнего мира, способно увидеть всю реальность, “какой она действительно является” <...> подобно тому, как зеркало может совершенно отражать объект, только если оно вне его. <...> Суть не в том, что существует независимая реальность вне меня; суть в том, что я сам “здесь”, часть этой реальности»*.

Следовательно, понятие «отражение» не было отброшено Лениным, но как мы увидим далее, было само «диалектизировано» в принципе двойного действия, т. е. в проявлении истинного содержания гегелевской логики, чтобы реконструировать гегелевско-марксовую взаимосвязь, подвергавшуюся забвению. В этом процессе «отражение» приобретает отличный от изначального смысл. Предвосхищая, можно сказать, что результат, к которому пришел Ленин, т. е. подлинное «материалистическое переворачивание» Гегеля, состоит не в утверждении

* Žižek S. Revolution at the gates. L., 2002. P. 179–180.

первичности бытия над мышлением, но, скорее, в понимании деятельности субъекта, выраженной в «логике понятия» как идеалистического и тем самым перевернутого «отражения» революционной практики.

<…>

Афоризмы

В итоге Ленин приходит к формулировке трех самых известных «афоризмов» (термин, им самим используемый), которые фигурируют в конспектах гегелевских работ. Первый из них уподобляет Плеханова – и через него косвенным образом метафизику II Интернационала в целом – «вульгарному материализму», так как его критика Канта и «агностицизма» остается внешней критикой, раскрытой Гегелем через (само)трансформацию категорий в его собственной критике Канта.

Второй афоризм напрямую фокусируется на «марксистах начала XX столетия», поскольку они критиковали «кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»[*]. Несомненно, именно здесь мы должны увидеть Ленина, преодолевающего на своем пути определенный рубеж.

Третий афоризм Ленина позволил ему исследовать ранее неизвестное направление, абсолютно немыслимое в интеллектуальном горизонте «ортодоксов», т. е. изучение гегелевской «Логики» как необходимый ключ к пониманию «Капитала» (и, в частности, «его первой главы»), приведший его к известному заключению: «Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!»[**]

Эти интуиции, фрагментарные и едва обрисованные (хотя они в полной мере были обсуждены в марксистской традиции), несомненно, спорные, и все же они не должны нас заставить забыть сущностный момент: что через эти комбинации цитат и записей, проделанных в Бернской библиотеке, начиналось то, что, возможно, определило весь XX в.

---

[*] Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 161.

[**] Там же. С. 162.

Практика

Позволим себе вернуться к сдвигу, произошедшему в категории «отражение». Ленин уже был готов определить ее как *процесс*, как развертывание реального движения: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = "логическая идея") и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»*. Здесь Ленину удается заново разработать более удовлетворительное понятие практики, позволяющее ему вернуться к отражению как к *процессу*.

Именно в данном контексте необходимо отыскивать «глубинные, чисто материалистические в своем содержании» суждения Гегеля. «Материалистическое переворачивание» состоит тем самым в утверждении *первичности практики*, которая создает, в сущности, аксиомы самой логики. Ленин формулирует эту идею в более четком виде в своих обширных конспектах по заключительному разделу «Логики» (Идея): «Для Гегеля действование, практика есть логическое "заключение", фигура логики. И это правда! Конечно, не в том смысле, что фигура логики инобытием своим имеет практику человека (= абсолютный идеализм), а vice versa: практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»**. В результате он отвергает любые онтологические претензии «Логики» не внешним, «вульгарным» способом, а начиная с ее отождествления с практикой и возвращая ее в себя, понимая ее на основе процессуального характера практики, в которой она представляет собой момент внешнего выражения.

Тем самым перед нами готовые условия для разрушительной критики «вульгарной» концепции отражения, понимаемой как постепенная адаптация сознания к непассивной объективной реальности. Ленин немедленно добавляет на полях: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его. <...> Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»***.

---

* Там же. С. 163–164.

** Там же. С. 198.

*** Там же. С. 194, 195.

Познание есть, следовательно, момент (и только один момент) практики, т. е. изменение мира согласно специфическим для него модальностям. Метафора отражения как «объективной картины мира» возвращается, но разворачивается в измерении практики: «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)»*. Более не существует «картины» в любом реальном смысле; она разлагается в таком виде, в каком она была перед нашими глазами и растворяется в материальной деятельности своего производства. Или, точнее, как живописная революция Мане заявила себя уже в практическом виде: сама картина становится средством познания и вмешательством во внешность и образность мира.

Заключение

Материалистическое переворачивание — это не переход (постепенный или внезапный) в противоположный лагерь, определяемый поверхностно, как переход из одной армии в другую, но результат внутренней трансформации, инициированный распадом антагонизма, по сути дела, в рамках философской «битвы» и в материальности написанной формы: как восстание силезских ткачей в Германии стало толчком для «Парижских рукописей» Маркса, так и Первая мировая война — для «Философских тетрадей» Ленина, и подъем фашизма — для «Тюремных тетрадей» Грамши. Не случайно, что в каждом из этих случаев мы сталкиваемся с текстами, которые имеют фрагментарную и незавершенную форму.

Диалектической логике Ленин не посвятил другую книгу или философский текст, сравнимый с «Материализмом и эмпириокритицизмом». Равносильно этому сказать, что новая позиция, которую Ленин приобрел с прочтением Гегеля, отыскивается не иначе как в его политической и теоретической деятельности в годы, которые следовали за Первой мировой войной. Не говоря о демонстрациях, о которых уже много написано, я огра-

---

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 199.

ничу себя тем, что кажется мне основным ядром. Оно лежит в двух тезисах, скрепляющих последствия 1914–1917 гг.

Первый тезис заключается в переходе империалистической войны в гражданскую, в ее двойном измерении, т. е. борьба угнетенных народов за национальное освобождение в колониях и революция в рамках метрополий.

Второй тезис состоит в трансформации «буржуазной демократической» революции в пролетарскую, как это было сформулировано в «Письмах издалека» и в «Апрельских тезисах». Трансформация демократической революции в пролетарскую ни в коей мере не была органическим развитием либо линейной радикализацией, т. е. неким переходом от «программы-минимум» к «программе-максимум». Это было жизненно важное решение, принимаемое в условиях нависшей катáстрофы. В свою очередь, насущные требования масс, демократические и не всегда социалистические (мир, земля, рабочий и народный контроль) обернулись против «буржуазно-демократического» правления, разрешившего ситуацию с двоевластием, а именно: захват политической власти социально-творческими массами, действующими под пролетарским руководством, уничтожение существующего государственного аппарата и его замена противоположным государством, для которого самоотрицание («отмирание») является его сущностью. Как подчеркивает Славой Жижек, переход от Февраля к Октябрю ни в коем случае не являлся переходом из одной стадии в другую, симптомом «максимализма» или волюнтаристским скачком поверх всех «незрелых» условий, а скорее радикальным осмыслением самого понятия «стадия», реверсивностью фундаментальных координат, которые определяют тот самый критерий «зрелости» ситуации*.

В событии, рождающем имя «Ленин», «Философские тетради», личные рукописи, опубликованные пять лет спустя после его смерти, — это лишь «исчезающие» посредники. Они растворяются в траектории, которая привела Ленина, по точному замечанию М. Леви, «от гегелевской “Логики” к Финляндскому вокзалу», от катастрофы 1914 г. до ее реверсивного результата — ставшего «великой инициативой» Октября, т. е. до порога первой победоносной революции нового столетия.

Перевод с английского Г. Ш. Аитовой

---

* См.: Žižek S. Revolution at the gates.

С.-М. Матсас

Ленин и путь диалектики*

I

«Il faut continuer, je ne peux pas continuer, je vais continuer» («Нужно продолжать, я не могу продолжать, я продолжу»). Это последние слова Сэмюэла Бекетта в книге «Безымянный»**. Это также и мои слова. Что продолжать? Как продолжать? Все пронизывающее филистерство правителей торжествующе объявляет, что освободительные тенденции отсутствуют, что сущее вечно будет продолжать свое унизительное существование. Итак, почему продолжать?

Конец XX в. вступает на сцену как символ полного краха каждого победного шага по пути освобождения, достигнутого после 1917 г. Крах постреволюционных бюрократизированных режимов, сделавших все возможное, чтобы исказить и предать принципы, на которых они были основаны, угрожает похоронить под их руинами и революционные надежды, коммунистическую перспективу — то, что было полной противо-

---

* Сокр. пер. с англ.: Matsas S.-M. Lenin and the path of dialectics // Lenin reloaded. Towards a Politics of Truth. L.: Duke University Press, 2007. P. 101–119. Публ. в сокращ.

** Beckett S. L'Innommable. Paris, 1953. P. 262.

положностью их тирании. Флаг сдачи поднят над руинами: эмансипируйтесь от эмансипации. Такова повестка дня.

Но нынешний мир отвратителен и невыносим как никогда прежде. И потому мы должны продолжать. Однако при сохранении прежних интенций мы не можем этого сделать. «Этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым»*. Эта ситуация — кошмар современного нигилизма — как это описал Ницше. Спустя столетие болезнь нигилизма не является исключительно европейской, она глобальна. Это демонстрируют разговоры о конце метафизики, всех систем, всех идеологий, «больших нарративов», революций, коммунизма, даже истории непосредственно.

Новая модная эсхатология представляет собой могилу всех эсхатологий, отражая их ошибки и отклоняя все освободительное внутри них. Крах всей уверенности категорически рассматривают как самую высокую уверенность. Самая вульгарная рыночная метафизика поднята на щит как доктрина конца всей метафизики.

Слева и справа стремятся дать уже известный ответ. Но остается главный вопрос: «Как поставить верные вопросы?» Поэтому, говоря о Ленине как о нашем символе, в первую очередь необходимо открыто, без предвзятых мнений и предубеждений, не будучи пойманным в ловушку предыдущими примерами, непосредственно сосредоточиваясь на предмете, войти в диалектическое царство вопросов; найти новые, наиболее мучительные, еще неизвестные вопросы, возникающие на всяком драматическом повороте истории и познания.

Здесь, в поворотных пунктах, в пустоте, созданной разрывом исторической непрерывности, слышен болезненный внутренний диалог: «Вы должны продолжать, я не могу продолжать, я продолжу».

2

Этот внутренний диалог как никогда прежде потряс Ленина в тяжелейшие дни 1914 г., которые так сильно походят на наши дни. Тогда тело Европы разрывалось антагонизмами и националистической лихорадкой, а серия империалистических захватов

* Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994.

ввергла Европу в «Большую войну». Именно тогда официальный «лагерь» социалистов, исторический противник империализма, мог самоликвидироваться.

Ленин был потрясен. Он не мог поверить в поддержку немецкими социал-демократами кайзеровского военного бюджета или в поддержку Плехановым военных планов царского правительства. Ленин никогда не был бесстрастной фигурой, выкованной из стали, как то изображают сталинисты. Пережитое им потрясение говорит о его человеческих, слишком человеческих качествах.

<...>

3

Противоречие не может быть разрешено автоматически, гладко. Его объективная природа всегда подразумевает реальную угрозу катастрофы и требует исследований, а также определенной логики, откуда потом вырабатываются стратегии его преодоления на практике. Очевидно, что ленинский подход имеет прямое отношение к сегодняшним проблемам. <...>

После объявления войны и краха II Интернационала, когда пожарище на полях битвы разрасталось, он погрузился в систематические философские исследования работы Гегеля «Наука логики» в Бернской библиотеке с сентября 1914 до мая 1915 г.

Только после того, как этот цикл глубокой философской работы был закончен, Ленин со второй половины мая до первой половины июня 1915 г. продолжает писать свою брошюру «Крах Второго Интернационала», в которой начинает разработку проблем империализма. Эти главные труды сопровождались другими чрезвычайно существенными теоретическими и практическими исследованиями, которые привели к изменению стратегии в «Апрельских тезисах» 1917 г., «Государстве и революции» и заключительному шагу — штурму Зимнего. Но исходная точка не должна быть забыта. Подготовка к «штурму неба» началась в тишине Бернской библиотеки, по книгам Гегеля.

Новая эпоха кризиса, в которую человечество и международное движение рабочих вступили в результате «Великой войны», потребовала анализа и реконструкции всех социальных отношений и функций как в материальном, так и в духовном

плане. Кризис не ограничивался экономикой; он охватывал все уровни действительности, он стал кризисом цивилизации. Кризис вовлек не только привилегированные классы и связанных с ним интеллектуалов, но и рабочий класс, его политическое руководство.

Окончательная капитуляция социал-демократии перед капитализмом, империалистическим государством и его военными целями была подготовлена заранее принятием теоретического горизонта, приспособленного непосредственно к пределам капиталистического мира и его фетишистским иллюзиям.

Только теоретический подход (или, точнее, фрагменты этого подхода), который бросил вызов пределам буржуазного общества, его мировоззрения, мог всецело преодолеть кризис. Только такой подход мог выйти за пределы неопределенного «кризисного сознания» (Andras Gedö)* и дать сознательное выражение интересам рабочего класса, придать смысл новой практике революционного преобразования. Отсюда поворот Ленина к вопросам диалектического метода и эпистемологии. Свидетельство чему — его «Философские тетради» 1914—1915 гг. И это первый решающий шаг всей его стратегии.

4

Крах социал-демократического Интернационала показал: есть что-то разрушительное в его теоретически-методологических основах, а не только в его политике. Потребовалась исчерпывающая фундаментальная повторная проверка марксизма в противопоставлении с официальной концепцией марксизма, в той мере, в какой ее институциализировали «папы римские» и «кардиналы» «марксистской ортодоксии» — такие, как Каутский и Плеханов. Необходимо было шагнуть на новую ступень. Возникла необходимость вновь искать философский ответ на вопрос о том, что же фактически представляют собой основы марксизма.

«Ортодоксальный марксизм» II Интернационала характеризовался прежде всего безразличием, скрытым отказом от философских основ марксизма. Учитывая, что истоки марксистской

---

* Gedö A. Crisis Consciousness in Contemporary Philosophy. Minneapolis, 1982.

диалектики лежат в диалектике Гегеля, даже самое понятие диалектики как таковой рассматривалось как гегельянское, следовательно, как непригодный, вредный пережиток, от которого надо отказаться. Это было не только положением ревизионизма Бернштейна или тех, кто открыто продвигал позитивизм и неокантианство; это было и доктриной «ортодоксального папы римского», Карла Каутского, который однозначно подчеркнул: «Я расцениваю марксизм не как философскую доктрину, а как эмпирическую науку и, специально, как познание общества»*. Плеханов же, в отличие от других теоретиков II Интернационала, действительно обращал внимание на философию. Однако, даже написав тысячи страниц по философии и диалектике, он не смог проникнуть в суть проблемы. Как заметил сам Ленин, в период проникновения в гегелевскую логику эта мысль (т. е. собственно диалектика как философская наука) не была воспринята вообще. Именно на этой теоретической почве зло догматического окаменения, бюрократического оппортунизма, апологетики текущей тактики, рабского следования факту, взятому из опыта, процветало в форме механического детерминизма и экономизма.

В отличие от Плеханова Ленин не ограничивал себя определением основ марксизма. Он поставил вновь вопрос о том, что представляют собой основание и основополагающее действие. Действительно ли основание статично, очевидно, принципиально, на чем стояли теоретики II Интернационала? Или же это результат диалектической трансценденции? Оно постоянно и статично или же динамически возобновимо? Является ли оно категорией, вмешивающейся в качестве среднего термина в познании, разделяя объект в целом и предмет изучения, вместо того чтобы соединить объект и предмет? Или же это отражение, самопроникновение бытия в само себя, к самому внутреннему пункту, которого можно достигнуть в любой особенный исторический момент, проходя и трансцендируя пределы, существовавшие до тех пор? Можно ли свести основание к окончательному абстрактному тождеству или же оно есть «единство тождества и различия <...> того, чем оказалось различие и тождество. <...> Сущность, положенная как тотальность»?** Я слы-

* См.: Der Kampf. No 10. P. 452.

** Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. Ч. I. § 121. С. 281.

шу, что вы возражаете. Но не это ли язык Гегеля, скандал всех скандалов!

Ленин возвратился к Гегелю в 1914 г. не для того, чтобы ограничиться его системой, но превзойти ее, материалистически перевернуть Гегеля. Материалистическое прочтение Гегеля, трансценденция его диалектики в материализм являются самопорождающим и основополагающим действием марксизма. Это не действие, совершенное раз и навсегда Марксом полтора столетия назад или Лениным в 1914 г. Это открытый, активный, постоянный процесс до полной реализации философии в радикально преобразованный мир. Основы всегда располагаются в глубинах настоящего.

5

Нужно возвратиться к Гегелю для того, чтобы продолжить его материалистическое прочтение. Но давайте согласимся со следующим. Это не имеет ничего общего с часто повторяемым «возвращением к корням», «возвращением к Марксу» или даже «назад к Ленину». Ленин в «Философских тетрадях» различает движение без повторения, без возвращения к исходному пункту, и диалектическое движение, «движение с возвратами к исходным пунктам»*. Возвращение выражено в «тождестве противоположностей», а не в простом уравнивании с начальной ситуацией, не в установлении абстрактного тождества без различия, не в восстановлении статус-кво. Возвращение к единству противоположностей — процесс, где при определенных условиях противоположности «бывают тождественны, превращаясь друг в друга»**. Ленин продолжает отмечать, что «...движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически»***, необходимо отступить, чтобы лучше прыгнуть вперед. «Линии сходящиеся и расходящиеся: круги, касающиеся один другого. Knotenpunkt**** = практика человека и человеческой истории»*****.

---

* Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 308.

** Там же. С. 98.

*** Там же. С. 252.

**** Узловой пункт (*нем.*).

***** Ленин В. И. Философские тетради. С. 252.

В этом смысле «практика = критерий совпадения одной из бесконечных сторон реального»*, критерий возвращения к точке отправления познания на более высоком уровне спирального движения. Данные возвращения — Knottenpunkte, центральные пункты, точки спирали, «представляют из себя единство противоречий, когда бытие и небытие, как исчезающие моменты, совпадают на момент, в данные моменты движения (= техники, истории etc.)»**. Ленинское возвращение к материалистическому прочтению Гегеля является не чем иным, как отправной точкой марксизма к познанию нового. Оно требует революционизирования всех исторически развитых форм марксизма и вместе с тем сохранения их истинного содержания. Этот акт самообоснования фактически можно обозначить как подлинный ренессанс.

6

Ренессанс не идентичен регрессу, но является его противоположностью. Гегельянская система составляет предел. Как указывал Гадамер, даже самые различные или диаметрально противоположные мыслители от Маркса и Кьеркегора до Хайдеггера согласны, что «традиция двух тысяч лет, которая сформировала западную философию, завершилась в системе Гегеля и в ее внезапном крахе в середине девятнадцатого века»***. Задача состоит не в том, чтобы восстановить разрушенное здание. Для Маркса и для Ленина вопросы, которые необходимо поставить в рамках этой задачи, должны выходить за ее пределы.

Гегель для марксизма — подобен Красному морю в массовом бегстве от земли рабства. Абсолютный идеализм должен быть разрушен изнутри средствами, предложенными самой диалектической логикой Гегеля, или, по крайней мере, очищен от мистики и повторно уточнен на основе материализма. Это, конечно, огромная задача, которая не была решена до конца. Ленин признает как ее значимость, так и ее незавершенность: «Логику Гегеля нельзя применять в данном ее виде; нельзя брать как

---

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 252.

** Там же.

*** Gadamer H.-G. Hegel's Dialectic. Yale University Press, 1976. P. 100.

данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от Ideenmystik*: это еще большая работа)»**.

7

Ленин приступил к своей «большой работе», и он никогда не останавливался вплоть до момента своей смерти.

Чтение Гегеля с позиций материалиста, так, как его выполнил Ленин, нельзя свести к простому обмену понятиями. Аннулирование гегелевской диалектики, возвращение к ее исходному пункту должны быть диалектическими, т. е. через слияние противоречий и их переосмысление они должны преобразоваться в новые противоречия. Диалектическое возвращение — это всегда Одиссея, как ясно показывают «Философские тетради» Ленина.

На «Тетради», даже когда они полностью не игнорируются как случайные примечания, не предназначенные к публикации, обычно смотрят как на нечто большее, чем антология несоизмеримых оценок диалектики, существующих в истории философии. «Философские тетради», написанные в 1914—1915 гг., должны рассматриваться как самостоятельные заметки. Только таким образом логика Ленина может быть исследована, развернута и отражена во взаимосвязи различных переходов его размышлений.

Материалистическое исследование «гегелевского потерянного континента» заставило Ленина ориентироваться во всей исторической широте философии, сосредоточиваясь на некоторых решающих центральных пунктах, таких как работы Гегеля, Лейбница, античных философов (в особенности Гераклита и Аристотеля). Без конспектов этих работ все ленинские усилия перевернуть Гегеля материалистически остались бы для нас непроясненными.

8

В сентябре 1914 г. Ленин начал исследование «Науки логики» Гегеля. Вопреки широко распространенному мнению Гегель был вдохновляющим спутником Ленина от его самых

---

* Мистики идеи (*нем.*).

** Ленин В. И. Философские тетради. С. 238.

первых шагов как революционного марксиста. Надежда Крупская пишет в своих мемуарах, что молодой Ленин, сосланный в Шушенское, уже изучал Гегеля, особенно «Феноменологию духа».

В 1914 г. его внимание было привлечено и сосредоточено на большой работе Гегеля «Наука логики». Это не случайно. Ленин, цитируя и комментируя Гегеля, отмечает в своих «Тетрадях», что «естественно-историческое описание явлений мышления»* является недостаточным. Необходимо «соответствие с истиной». И Ленин добавляет: «Не психология, не феноменология духа, а логика = вопрос об истине»**. На полях он продолжает писать: «В таком понимании логика совпадает с теорией познания. Это вообще очень важный вопрос»***, — здесь логика представляет собой «общие законы движения мира и мышления»****. Преодолевая метафизическое разделение онтологии, логики и теории познания, первым исследователем которого стал Гегель (но на идеалистической основе), Ленин пытается решить эту проблему на материалистической почве. Диалектика как логика и теория познания марксизма становится новым теоретическим горизонтом после заката метафизики. Логика перестает быть системой формальных правил и форм мысли. Для Гегеля и для Ленина «...логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития "всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»*****.

В последней главе «Науки логики» (и в последних параграфах «Энциклопедии философских наук») логика сама по себе переходит в то, на чем она основана: в универсальную взаимосвязь природы и разума.

Ленин полагает, что последняя страница великой «Логики» чрезвычайно близко подходит к (диалектическому) материализму. Он завершает: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть диалектический метод — это крайне замеча-

---

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 156.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

***** Там же. С. 84.

тельно. И еще одно: в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше материализма. "Противоречиво", но факт!»*

Для «марксистов», которые пришли после Маркса, эта фундаментальная книга оставалась «запечатанной». Но Ленин был непреклонен: «Нельзя вполне понять "Капитала" Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!!»**

Такое случается, хотя с некоторыми исключениями, даже 135 лет спустя. В этом смысле как мы можем говорить о «конце марксизма?» Какой «марксизм» закончился?

9

Ленин закончил методичное и критическое прочтение «Науки логики» (дополняя его изучением значимых частей из «Энциклопедии») через три месяца — к декабрю 1914 г. Примечательно, что между сентябрем и ноябрем 1914 г., когда Ленин достиг, так сказать, уже середины своего исследования — второй (ключевой) книги, «Учение о сущности», он также обратился к заметкам Фейербаха о Лейбнице. Основные пункты, на которых Ленин сконцентрировал внимание, важны для развития диалектической концепции исторического развития природы и общества, противопоставленной механической материалистической концепции II Интернационала.

Учитывая то, каким образом Маркс оценивал Лейбница, Ленин выделил тот факт, что вместе с философом «Монадологии» картезианский взгляд на материю как на мертвую массу, возникшую извне, преодолен: «у Лейбница к понятию субстанции прибавляется понятие силы, "и притом деятельной силы"...принцип "самодеятельности"»***. Ленин пишет: «Ergo****, Лейбниц через теологию подходил к принципу не-

---

* Там же. С. 215.

** Там же. С. 162.

*** Там же. С. 67.

**** Следовательно (*лат.*).

разрывной (и универсальной, абсолютной) связи материи и движения»*.

Идея Ленина заключалась в том, что существует вероятность более глубокого, качественного и динамичного представления о материи, которое противопоставляется механическому материализму и близко к открытиям современной неньютоновской физики. Качественный динамизм материи в движении, который Маркс нашел у Бэкона, и в особенности, у Я. Бёме**, точно такой же, который Ленин увидел у Лейбница. Как говорится в ленинском афоризме, «...умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»***.

10

В решающий момент, когда Ленин заканчивал изучение великой «Логики» в конце 1914 г. и приступил к чтению «Истории философии» Гегеля и затем «Философии истории», он был уже достаточно хорошо знаком с открытиями в естествознании и биологии. Чтение естественно-научной литературы в период изучения Гегеля, указывает на то, что Ленин никогда не отклонялся от линии своего исследования, которое началось с 1908 г. в «Материализме и эмпириокритицизме» и было связано с революцией естественных наук, крахом классической естественно-научной картины мира и ее философскими следствиями.

«Философские тетради» 1914—1915 гг., бесспорно, отражают качественный скачок в философских суждениях Ленина. Но здесь обнаруживается и определенная связь с его предыдущими работами, особенно с «Материализмом и эмпириокритицизмом». Поэтому я полагаю, что часто повторяемая фраза о каком-либо отделении «диалектического Ленина» 1914 г. и «механического материалиста Ленина» 1908 г. (выдвигаемая, например, Раей Дунаевской, Югославской школой Праксиса или Михаилом Леви) неуместна. Тот факт, что сталинизм свел «Материализм и эмпириокритицизм» к уровню вульгарной ба-

---

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 67.

** Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. Р. 142.

*** Ленин В. И. Философские тетради. С. 248.

нальности (пошлости) в его общепринятом варианте, не доказывает антидиалектичности данной работы. Великий советский философ-антисталинист Э. В. Ильенков впервые предложил новаторскую интерпретацию этой книги в посмертной работе «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» (первоначально опубликована в России в 1980 г., спустя два года вышел и английский вариант текста). Такой анализ и интерпретация, которые заставляют задуматься, заслуживают восстановления объективной оценки раннего труда Ленина.

II

В начале 1915 г. Ленин переходит от «Науки логики» к древнегреческой диалектике. В процессе изучения «Истории философии» Гегеля он акцентировал внимание преимущественно на той части, которая была посвящена древнегреческой философии. Ленин достаточно быстро оставил позади себя «Философию истории» Гегеля, поскольку, как он сам писал, «именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед»*. Затем Ленин изучал Гераклита благодаря книге Лассаля об ионийском основоположнике диалектики. Наконец, осознавая противоречия между идеями Гераклита и мыслями Аристотеля, Ленин тщательно изучал последнее, главное его произведение — «Метафизику». После завершения изучения метафизики Аристотеля Ленин подвел итоги своим философским исканиям в коротком, но очень содержательном эссе «К вопросу о диалектике».

Благодаря древним грекам Ленин снова нашел ту свежесть диалектики, которая была утрачена, исходная прочность ее концепции заключалась в простоте, полноте текущих изменений, перемещений. В наше время бедствий и нищеты, когда все вызывает трудности и проблемы, а не стимулирует к избытку, диалектика античности учит нас «наивному» (невычурному) вопрошанию, искусству удивляться при столкновении с мирозданием. Конечная цель его обращения к античной философии заключается в материалистической интерпретации Гегеля и обеспечении свежих движущих сил марксисткой идеологии.

---

* Там же. С. 289.

Такой же подход Ленин применил при изучении книги Лассаля о Гераклите. Он нашел там не только бесценный материал для защитника античной диалектики, но также типичный пример того, каким образом избежать схоластического перечитывания Гегеля.

В частности, значительные различия между Марксом и Лассалем по вопросам применения диалектики Гегеля к проблемам государства очень важны для Ленина, поскольку он видел в этом воспроизведение его конфронтации с Плехановым и II Интернационалом. С одной стороны, существует материалистическое преодоление спекулятивной диалектики и движение к социализму посредством отмирания государства. С другой стороны, существует пренебрежение диалектикой как логикой и теорией познания и подчинение государству от имени социализма.

<...>

14

Ленин никогда не превращал свои собственные открытия в новый вид абсолютной истины. В «Философских тетрадях» он описывает в общих чертах три исследовательские программы для дальнейшего развития диалектики.

Во-первых, «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»*. Во-вторых, существует необходимость дальнейшего развития логики «Капитала» Маркса**. В-третьих, «...история: философии отдельных наук, умственного развития ребенка, животных, языка NB: + психология, физиология органов чувств — вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»***.

15

Девяносто два года спустя эти программы исследований в основной своей части, на мой взгляд, оставались нереализованными. Ленин же не оставлял их до мая 1915 г. Диалектика про-

* Ленин В. И. Философские тетради. С. 131.

** Там же. С. 301.

*** Там же. С. 314.

никала во все его теоретические и практические работы вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и далее во время драматической борьбы против развивающейся бюрократии в изолированном и разоренном первом государстве рабочего класса и до самой смерти. Запаздывание социальных революций на Западе и измена социал-демократии оставили молодое Советское государство в тисках бюрократии, которая переросла в огромную злокачественную опухоль.

Упадок революции привнес упадок в науку о революции — диалектику. Социал-демократы давно отвергли диалектику, сталинизм продолжил развращать ее, трансформировав в хранительницу правил бюрократии под названием «Диамат» (диалектический материализм). Из старых большевиков лишь немногие находили мужество, чтобы бросить вызов этому курсу. Самым заметным исключением, конечно же, был Лев Троцкий, который из своей вынужденной ссылки решительно настаивал на необходимости нового поворота материалистического прочтения Гегеля. Трудно представить себе более постыдную иронию, нежели современное стремление выдать за подтверждение концепции постепенной мировой эволюции все те мощнейшие противоречия, которые взрываются в судорожно содрогающемся мире, сложившемся после холодной войны.

Диалектика «есть изучение противоречия в самой сущности предметов»* — необходимый путь к историческому сознанию. Она еще более значима как практическая и исследовательская деятельность, нацеленная на то, чтобы изменить мир. В период кризиса больше всего нам не хватает как раз теории перехода.

Одиссея должна начаться заново, и это не должна быть та Одиссея, какой она была у Бернштейна и его компании, где «движение» без зигзагов, опасностей, катастроф и фантастических открытий новых миров есть «все», а цель социализма, наша Итака, — «ничто».

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали»**. Но мы не должны никогда забывать про Иерусалим, Итаку или цель нашего реального существования и странствий — мировое бесклассовое общество, коммунизм.

Мы должны продолжать. Мы не можем продолжать так, как делали это раньше. Но мы будем продолжать.

---

* Там же. С. 227.

** Пс. 136:1.

Хроника основных событий жизни и творчества В. И. Ульянова (Ленина)

1870, 22 (10) апреля – в городе Симбирске у Ильи Николаевича Ульянова и его жены Марии Александровны (урожд. Бланк) родился сын Владимир.

1879–1887 – учеба в Симбирской гимназии.

1887 – окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Казанского университета. Был вовлечен в нелегальный студенческий кружок «Народная воля» во главе с Лазарем Богоразом. Через три месяца после поступления Ульянов был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках.

1888, осень – получил разрешение вернуться в Казань. Вступил в один из марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым, где изучались и обсуждались сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова.

1891, ноябрь – сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

1892–1893 – работал помощником самарского присяжного поверенного (адвоката) Н. А. Хардина, ведя в большинстве своем уголовные дела, проводил «казенные защиты».

1893 – приехал в Санкт-Петербург, где устроился помощником к присяжному поверенному (адвокату) М. Ф. Волькенштейну.

1895, май – поездка за границу, встреча с Плехановым – в Швейцарии, с В. Либкнехтом – в Германии,

с П. Лафаргом — во Франции и другими деятелями международного рабочего движения.

1895 — по возвращении в столицу вместе с Ю. О. Мартовым и другими молодыми революционерами объединяет разрозненные марксистские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

1895, декабрь — арест, содержание в тюрьме.

1897 — ссылка на 3 года в село Шушенское Енисейской губернии.

1898 — в Минске, в отсутствие лидеров Петербургского «Союза борьбы», состоялся I съезд РСДРП в количестве 9 человек, который учредил Российскую социал-демократическую рабочую партию.

1900, февраль — после окончания ссылки В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов объезжают российские города, устанавливая связи с местными организациями.

1900, апрель — участие Ленина в псковском организационном совещании по созданию общероссийской рабочей газеты «Искра», в котором приняли участие С. И. Радченко, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, А. М. Стопани.

1900, 29 июля — поездка в Швейцарию, переговоры с Плехановым об издании газеты и теоретического журнала.

1900, июль — редактор газеты «Искра».

1900—1905 — первая эмиграция: Мюнхен, Лондон, Женева.

1901, декабрь — одна из статей В. И. Ульянова, напечатанных в журнале «Заря», впервые была подписана псевдонимом Ленин (по другим сведениям, псевдоним Ленин впервые появился в январе 1901 г. в письме, адресованном Г. В. Плеханову).

1903 — состоялся II съезд РСДРП, на котором партия большевиков была создана практически, и Владимир Ленин, написавший Устав РСДРП и Программу партии с требованием установления диктатуры пролетариата для социалистического преобразования общества, возглавил левое («большевистское») крыло партии.

1904 — Ю. О. Мартов впервые употребил термин «ленинизм» («Борьба с “осадным положением” в Российской социал-демократической рабочей партии»).

1905, апрель — участие в III съезде РСДРП, проходившем в Лондоне.

1905, 21 (8) ноября – нелегальный приезд в Петербург. Руководство деятельностью ЦК и Петербургского комитета большевиков, большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь»; подготовка вооруженного восстания.

1906, август – переезд на дачу «Ваза» в поселок Куоккала (Финляндия).

1907 – выступление в качестве кандидата во II Государственную думу в Петербурге, поездки в Петербург, Москву, Выборг, Стокгольм, Лондон, Штутгарт.

1907, декабрь – эмиграция в Швейцарию, а в **конце 1908** – во Францию (Париж).

1908–1917 – вторая эмиграция.

1909 – публикация книги «Материализм и эмпириокритицизм».

1912 – решительный разрыв с меньшевиками, настаивавшими на легализации РСДРП.

1912, январь – руководство 6-й (Пражской) Всероссийской конференцией РСДРП.

1912 июнь – переезд в Краков, руководство деятельностью большевистской фракции IV Государственной думы и работой бюро ЦК РСДРП в России.

1905, октябрь – 1912 – представлял РСДРП в Международном социалистическом бюро II Интернационала, возглавляя делегацию большевиков.

1907– участие в работе Штутгартского международного социалистического конгресса.

1910 – участие в работе Копенгагенского международного социалистического конгресса.

1914, 8 августа (26 июля) – арестован австрийскими властями по подозрению в шпионаже в пользу России и заключен в тюрьму в городе Новый Тарг, но **19 (6) августа** благодаря содействию польских и австрийских социал-демократов был освобожден.

1914, 5 сентября (23 августа) – выехал в Берн (Швейцария).

1916, февраль – переехал в Цюрих, где жил до апреля 1917 г.

1917, 16 (3) апреля – возвращение из эмиграции в Петроград. На перроне Финляндского вокзала состоялась торжественная встреча, и ему был вручен партбилет № 600 большевистской организации Выборгской стороны.

1917, 20 (7) июля – Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина. В Петрограде ему пришлось сменить 17 конспиративных квартир, после чего до **21 (8) августа 1917** г. он скрывался недалеко от Петрограда.

1917, начало октября – нелегально возвратился из Выборга в Петроград.

1917, 23 (10) октября на заседании ЦК РСДРП(б) по предложению Ленина ЦК принял резолюцию о вооруженном восстании.

1917, 6 ноября (24 октября) – пишет письмо в ЦК с требованием немедленно перейти в наступление, арестовать Временное правительство и взять власть. Для непосредственного руководства вооруженным восстанием вечером он нелегально прибыл в Смольный.

1917, 7 ноября (25 октября) – на открывшемся II Всероссийском съезде Советов были приняты ленинские декреты о мире и о земле и образовано рабоче-крестьянское правительство – Совет народных комиссаров во главе с Лениным.

1918, июль – руководил подавлением вооруженного выступления левых эсеров.

1918, 30 августа – после окончания митинга на заводе Михельсона был тяжело ранен эсеркой Ф. Е. Каплан.

1919 – по инициативе Ленина был создан III Коммунистический интернационал.

1921 – на X съезде РКП(б) Ленин выдвинул задачу перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэпу).

1922, март – руководил работой XI съезда РКП(б) – последнего партийного съезда, на котором он выступал.

1922, май – тяжело заболел, но в начале октября вернулся к работе.

1922, 20 ноября – последнее публичное выступление на пленуме Моссовета.

1922, 16 декабря – состояние здоровья Ленина вновь резко ухудшилось.

1923, май – переезд в подмосковное имение Горки.

1923, 18–19 октября – последний приезд в Москву.

1924, январь – в состоянии его здоровья внезапно наступило резкое ухудшение.

1924, 21 января (18 час. 50 мин.) – Владимир Ильич Ульянов (Ленин) скончался.

1924, 23 января – гроб с телом Ленина был перевезен в Москву и установлен в Колонном зале Дома Союзов. Официальное прощание проходило в течение пяти дней и ночей.

1924, 27 января – гроб с забальзамированным телом Ленина был помещен в специально построенном на Красной площади Мавзолее (архитектор А. В. Щусев).

Составитель А. В. Бузгалин

Библиография В. И. Ульянова (Ленина)

Труды В. И. Ульянова-Ленина

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999.

Литература о В. И. Ульянове-Ленине

Аллилуев С. Как у меня скрывался Ленин // Огонек. 1927. № 27. 3 июля.

Анисимов Н. Л. Обвиняется Ульянов-Ленин // Военно-исторический журнал. 1990. № 11.

Антонов-Овсеенко А. В. Напрасный подвиг? М., 2003.

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1968.

В. И. Ленин. Биографическая хроника: в 12 т. М., 1971.

Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993.

Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии: дилемма Ленина. М., 2009.

Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет: в 2 кн. М., 1994.

Вольский Н. В. Малознакомый Ленин. Париж, 1974.

Воспоминания о В. И. Ленине: в 5 т. М., 1969.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. (вышло 8 т.). М., 1989–1991.

Дрейден С. Д. В зрительном зале — Владимир Ильич. Новые страницы. М., 1970.

Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003.

Жижек С. Ленин лучше некрофилов. Интервью с автором книги «13 опытов о Ленине» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politizdat.ru/interview/12/

Зиновьев Г. Н. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918.

Емельянов Н. А. Мои воспоминания о работе в партии и встречах с Ильичом // История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16).

Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971.

Ильенков Э. В., Розенталь М. М. В. И. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики. Л., 1969.

Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма (Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1980.

Каганова Р. Ленин во Франции. Декабрь 1908 — июнь 1912. М., 1977.

Крейбих К. Воспоминания о Ленине. Л., 1924.

Крупская Н. К. О Ленине. 4-е изд. М., 1979.

Ленин on-line: 13 профессоров о В. И. Ульнове-Ленине / под общей редакцией А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки и П. Линке. М., 2011.

Ленин как философ / под ред. М. Розенталя. М., 1969.

Лифшиц М. Ленин о культуре и искусстве. М., 1938.

Лифшиц М. Теория познания В. И. Ленина и вопросы художественной культуры // Художник. 1974. № 1. (совм. с Л. Я. Рейнгардт).

Лифшиц М. Ленинизм и проблема наследства // Проблема наследия в теории искусства. М., 1984.

Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М., 2010.

Логинов В. Т. Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2004.

Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей (авт. вступ. статей С. Н. Земляной). М., 1990.

Никитин Б. В. Роковые годы. Париж, 1937.

Никифоров А. Я. Философия науки: В. И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. М., 2010. № 1. С. 76—82.

Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990.

Протасенко З. М. Ленин как историк философии. Л., 1969.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957.

Рядом с Лениным. Воспоминания о Н. К. Крупской. М., 1969.

Сахаров В. А. Политическое завещание Ленина. Реальность истории и мифы политики. М., 2003.

Славин Б. Ф. Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М., 2010.

Солженицын А. И. Ленин в Цюрихе. М., 1975.

Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин. М., 2011.

Терне А. В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922.

Шуб Д. Политические деятели России (1850—1920-х гг.). Сб. статей. Нью-Йорк, 1969.

Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии // пер. с нем. М., 1985.

Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. М., 1967 (верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ. – Ф. 71. Оп. 51. Д. 94).

Althusser L. Lenin and philosophy, and other essays. N. Y., 1971.

Althusser L. For Marx. N. Y., 1970.

Carrère d'Encausse H. Lenin. Piper, München, 2000.

Christopher R. Lenin. New York/Abingdon, 2005.

Cliff T. Building the Party: Lenin, 1893—1914. 1986.

Die Revolution steht bevor. Dreizehn Versuche über Lenin. Suhrkamp; Frankfurt, 2002.

Dunaevskaya R. Philosophy and Revolution: From Hegel to Sartre and from Marx to Mao. N. Y., 1973.

Dunaevskaya R. Rosa Luxemburg, Women's Liberation, and Marx's Philosophy of Revolution. 1991.

Dunaevskaya R. The power of negativity: selected writings on the dialectic in Hegel and Marx. Ed. Hudis P., Kevin B. Anderson. Lanham, Md., 2002.

Dutschke R. Versuch, Lenin auf die Fusse zu Stellen. Berlin: Verlag Klaus WagenBach; Rabehl B. Marx und Lenin. Frankfurt, 1974.

Felshtinsky Y. Lenin and His Comrades: The Bolsheviks Take Over Russia 1917—1924, 2010.

Fetscher I. The Relationship of Marxism to Hegel / Fetscher I. Marx and Marxism. N. Y., 1971.

Fischer L. The Life of Lenin. Orion Publishing C°, 2001.

Fischer L. Das Leben Lenins. Aus dem Amerikanischen übersetzt von Irmgard Kutscher. Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln; Berlin, 1965.

Gellately R. Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe. Knopf, 2007.

Gooding J. Socialism In Russia: Lenin and His Legacy, 1890–1991, 2002.

Haas L. Carl Vital Moor. Ein Leben fur Marx und Lenin. Zurich, 1970.

Heinz B. Der Weltgeist, der nicht in Zentimetern zu fassen war. Über die Langlebigkeit des «Mythos Lenin». In: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26. April 2000. Nr. 97.

Hill Ch. Lenin and the Russia Revolution. Pelican Books Ltd., 1917.

James C. L. R. Notes on Dialectics: Hegel, Marx and Lenin. London; Westport, Conn., 1980.

Anderson K. Lenin, Hegel, and Western Marxism: a critical study. Urbana and Chicago, 1995,

Kollektiv: W. I. Lenin – Biographie. Dietz Verlag. Berlin, 1964.

Kolakowski L. Main Currents of Marxism. N. Y., 1978.

Lars T. Lenin Rediscovered: What is to be Done? in Context. Chicago: Haymarket Books, 2008.

Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police, 1987.

Lenin's Struggle for a Revolutionary International. Ed. J. Riddel. N. Y., 1984.

Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth. Durham & London, 2007.

Lénine. Cahiers sur la dialectique de Hegel. Ed. H. Lefebvre, N. Guterman. Paris, 1967.

Leonhard W. Die Dreispaltung des Marxismus. Ursprung und Entwicklung des Sowjetmarxismus, Maoismus & Reformkommunismus. Düsseldorf; Wien, 1979.

Fischer L. The Life of Lenin. Weidenfeld & Nicolson History. 2001.

W. I. Lenin – Biographie. Verlag Marxistische Blätter, Frankfurt am Main, 1976.

Hildermeier M. Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt, 1989.

Le Blanc P. Marx, Lenin and the revolutionary experience: studies of communism and radicalism in the age of globalization. N. Y., 2006.

Pannekoek A. Lenin als Philosoph. In: Anton Pannekoek, Paul Mattick u. a.: Marxistischer Antileninismus. Freiburg, 1991.

Pannekoek A., Byron L. Lenin as Philosopher. Marquette University Press, 2003.

Payne R. The Life And Death Of Lenin. Simon & Schuster, 1967.

Pipes R. The Unknown Lenin: From the Secret Archive. Yale University Press, 1997.

Rappaport. H. Conspirator: Lenin in Exile. Basic Books, 2001.

Read Ch. Lenin: A Revolutionary Life. Routledge, 2005.

Ruge W. Lenin: Vorgänger Stalins; eine politische Biografie. Hrsg. von Wladislaw Hedeler. 1. Aufl. Matthes & Seitz, Berlin, 2010.

Read Ch. Lenin. Abingdon, 2005.

Service R. Lenin: Eine Biographie. Beck, München, 2000.

Schreibert P. Lenin an der Macht — Das russische Volk in der Revolution 1918—1922. Weinheim, 1984.

Shub D. Lenin. USA 1948. Deutschland: Limes Verlag Wiesbaden, 1957.

Stoljarowa R. u. Schmalfuß P. (Hrsg.): Briefe Deutscher an Lenin: 1917—1923. Dietz Verlag, Berlin, 1990.

Service R. Lenin: A Biography. Belknap Press, 2002.

Shub D. Lenin: A Biography. Penguin Books, 1965.

Toynbee A. «A Centenary View of Lenin» // International Affairs. 1997. Blackwell Publishing. 46 (3). P. 490—500.

Trotsky L. On Lenin: Notes Towards a Biography. Harrap, 1971.

Tucker R. C. The Lenin Anthology. W. W. Norton & Company, 1975.

Volkogonov D. Lenin: A New Biography. Free Press, 2006.

Voslensky M. Sterbliche Götter. Die Lehrmeister der Nomenklatura. Straube, Erlangen; Bonn; Wien, 1989.

The Unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996.

Weber H. Lenin in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Rowohlt, Reinbek 1970.

White J.D. Lenin: the practice and theory of revolution. Basingstoke: Palgrave, 2001.

Wolkogonow D. Lenin. Utopie und Terror. Econ, Düsseldorf u. a., 1994.

Wolfgang L. Die Dreispaltung des Marxismus. Ursprung und Entwicklung des Sowjetmarxismus, Maoismus & Reformkommunismus. Düsseldorf; Wien, 1979.

Zetkin C. Erinnerungen an Lenin. Köln, 2000.

Žižek S. Revolution at the gates. L., 2002.

Составитель А. В. Бузгалин

Именной указатель

Сведения об авторах

Андерсон Б. Кевин – профессор социологии, политической теории и феминистских исследований Университета Калифорнии, Санта-Барбара (США)

Ань Цинянь – профессор Китайского народного университета, председатель Всекитайского общества изучения русской философии, Пекин (Китай)

Бажанов Валентин Александрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член Academie Internationale de Philosophie des Sciences, зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета (Ульяновск)

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Булавка Людмила Алексеевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии (Москва)

Бэрон Сэмюэл Хаскел – профессор истории Университета штата Северная Каролина, Чапел-Хилл (США)

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политической теории МГИМО, вице-президент Академии политической науки (Москва)

Гусаковский Михаил Антонович – кандидат философских наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Давыденко Марина Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул)

Емельянов Борис Владимирович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, директор НИИ русской культуры при Уральском государственном университете (Екатеринбург)

Жижек Славой – ведущий научный сотрудник Института социальных исследований, Любляна (Словения)

Кувелакис Статис – доктор философии, Королевский колледж, Лондон (Великобритания)

Матсас Савас-Михаил – профессор, доктор философии (Греция)

Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва)

Науменко Лев Константинович – доктор философских наук, профессор, фонд «Альтернативы» (Москва)

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва)

Пантин Игорь Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

Сакамото Хироси – преподаватель Института социальных исследований им. М. Оохара, Токио (Япония)

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва)

Славин Борис Федорович – доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета (Москва)

Стейла Даниэла – профессор Туринского Университета (Италия)

Тхакушинов Аслан Китович – доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии образования; глава Республики Адыгея

Тютюкин Станислав Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Филимонова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, зав. отделом «Дом Плеханова» Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Содержание

Научное издание

Философия России первой половины XX века

**Русский марксизм:
Георгий Валентинович Плеханов,
Владимир Ильич Ульянов (Ленин)**

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*
Редактор *Т. Б. Рябикова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*
Корректор *Н. П. Голубцова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.09.2013
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37.
Тираж 1000 экз. Заказ 6874

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)

**Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**